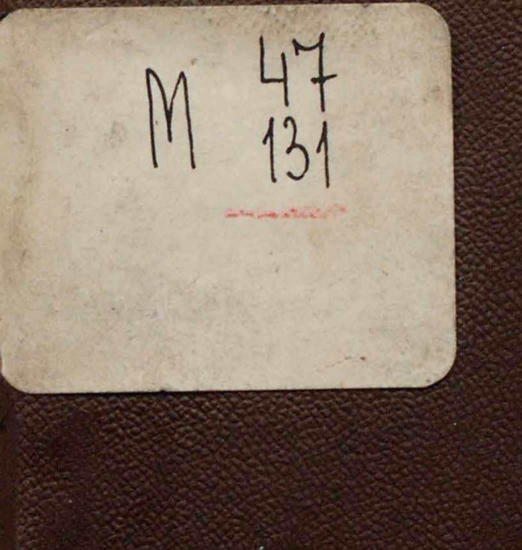


Борисъ Корженевскій

По Востоку

ПУТЕВЫЕ

очерки и картины

въ 3 частяхъ,

съ 117 иллюстраціями.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1897.

Борисъ Корженевскій.

ПО ВОСТОКУ.

ПУТЕВЫЕ
ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ

съ 117 иллюстраціями.

Часть I.—Царь-Градъ, Салоники. Пирей, Аѳины, Цикладскій Архипелагъ, Смирна, Бейрутъ, берега Палестины.

Часть II.—Святая Земля—Іудея: Яффа, Іерусалимъ и его окрестности, Виѳлеемъ, Хевронъ, Іорданъ и Мертвое море, Іерихонъ, мечеть Омара, Маръ-Саба.

Часть III.—Св. Земля—Самарія и Галилея: Джифна, Наблусъ- Сихемъ, Дженинъ, Назаретъ, Кана, Тиверіада, Генисаретское озеро, Ѳаворъ, Себастія, Гевалъ и Гаризимъ, Іерусалимъ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская улица, соб. домъ.

1897.

Дозволено цензурою. Москва, 20 ноября 1896 года.

Предисловіе.

Будучи командированъ въ 1891 году Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящимъ при Московскомъ Университетѣ, для научныхъ работъ на Востокъ—въ Турцію, Грецію, Сирію, Палестину и Египетъ, авторъ записывалъ свои путевыя впечатлѣнія въ формѣ послѣдовательныхъ очерковъ, начиная съ отъѣзда изъ Одессы и кончая Каиромъ — Александріей. Очерки эти, печатавшіеся въ теченіе пяти лѣтъ въ періодическихъ изданіяхъ, доведены въ настоящее время до Египта. Въ виду накопившагося матеріала (около 30 листовъ) и пріобрѣтенія оригинальныхъ иллюстрацій, зарисованныхъ въ большинствѣ на мѣстѣ членомъ Географическаго отдѣленія того же Общества Н. Г. Тарасовымъ, любезно предложившимъ ихъ издателю, путевыя письма Б. Корженевскаго собраны въ одинъ томъ, обработаны и дополнены во всѣхъ трехъ частяхъ, заключающихъ описанія Царь-Града, Аѳинъ, Архипелага, Сирійскаго побережья и всей Палестины.

Пользуясь случаемъ, авторъ приноситъ глубокую благодарность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, любезно снабдившимъ его въ этомъ путешествіи необходимыми документами, рекомендательными письмами, а равно указаніями и совѣтами какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Издатель надѣется, что выпускъ I-го тома очерковъ путешествія «по Востоку» г. Корженевскаго будетъ встрѣченъ, какъ и отдѣльныя статьи въ періодическихъ изданіяхъ, благосклоннымъ вниманіемъ читателей.

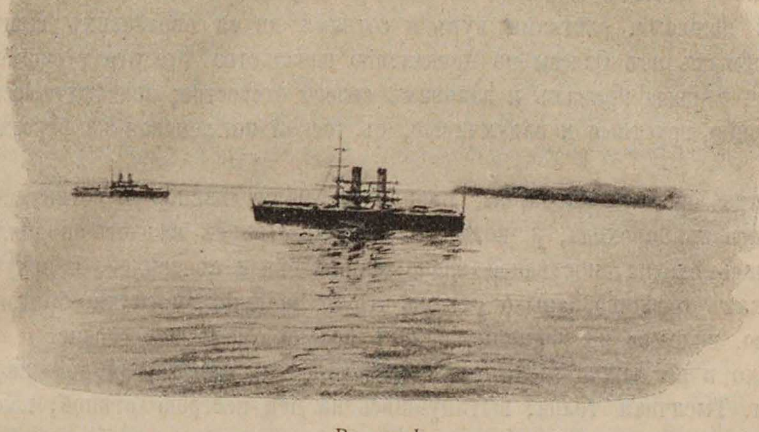
Издатель.

Москва, 24-го ноября 1896 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЦАРЬ-ГРАДЪ. САЛОНИКИ. ПИРЕЙ. АѲИНЫ.

СМИРНА. БЕЙРУТЪ.



Въ морѣ.

Глава I.

Отъ Одессы до Царь-града.

Прощаніе съ родиной. Одесскіе силуеты. Въ морѣ. Неизбѣжная болѣзнь. У вратъ Византіи. Берега Босфора: Румели-Анадоли-Гисаръ, Дольма-Бахче, Фундуклэ. Пристань Константинополя. Турецкая таможня. На Ильинскомъ подворьѣ.

29-го іюня пароходъ *Россія* русскаго общества пароходства и торговли, одинъ изъ лучшихъ, стоитъ подъ парами, готовый покинуть Одескую гавань. Шумною волной двигаются массы народа по пристани, заваленной тюками, ящиками, бочками и прочимъ товаромъ. И что за пестрая толпа! Что ни поворотъ головы, то типичныя лица, смуглыя и загорѣлыя, чужестраннаго типа, съ мимикой несвойственной русскому человѣку, поразительно быстрою и выразительною. Да, и это дѣйствительно чужестранцы: турки, евреи, греки, французы, италіанцы, нѣмцы и снова евреи, евреи безъ конца... И надо всею этою массой лицъ, надъ дымящимся пароходомъ, запыленною пристанью и даже далѣе, надъ темными синими волнами, звучатъ, замираютъ и вновь крѣпнутъ тысячи, сотни голосовъ непонятнаго говора иностранныхъ нарѣчій.

Странное впечатлѣніе производитъ Одесса на русскаго человѣка. Какъ будто пришли чужестранцы на русскую землю, выстроили свой городъ, и поставивъ для виду русскихъ городовыхъ, зажили въ немъ своею особою своеобразною жизнью, мало справляясь съ обиходомъ страны, которая ихъ пріютила.

Россія почти пуста, если не считать палубы третьяго класса, загроможденной ящиками, клѣтками куръ и сотнями двумя еврейскихъ семействъ выселяемыхъ изъ Одессы по приказанію начальства. Все это турецкіе подданные, вѣрные нравамъ и законамъ своего отечества; они ѣдутъ семьями въ Турцію, грустные и задумчивые, съ тоской поглядывая на берегъ и на море.

Когда бравые жандармы, провѣривъ наши паспорта, потянулись по мосткамъ съ парохода, и когда за ними быстро съ визгомъ поднялась и скатилась сходня, послѣднее звено нашей связи съ землей, я почувствовалъ какъ тоскливо заныло у меня что-то на душѣ, и смутно-болѣзненное чувство, похожее на волненіе, вдругъ больно сжало мое сердце.

Тихо и неслышно отдѣлялся бортъ парохода отъ деревянной настилки гавани. Тысячная толпа, вытянувшись на ней пестрою стѣной, казалось, слѣдила за нами десятками тысячъ глазъ, съ лихорадочнымъ безпокойствомъ и любопытствомъ. Завылъ свистокъ, протяжно отдался за каменными громадами домовъ, и въ отвѣтъ ему въ воздухѣ замелькали шляпы, платки и зонтики. Это родные, знакомые, близкіе провожали родныхъ и близкихъ...

И вотъ величественно покачиваясь на зеленовато-синихъ волнахъ недружелюбнаго Понта, красивая *Россія* обернулась носомъ къ морю, и пуская клубы чернаго дыма, пошла не спѣша къ маякамъ, окруженная десятками лодокъ, на которыхъ маленькіе люди, махая крошечными шляпами, долго пытались увидать дорогія имъ лица и крикнуть послѣднее «прости» тѣмъ кто не могъ уже ихъ разслышать.

«Полный ходъ»! и вотъ мы въ морѣ. Я оперся на парапетъ палубы. Пассажиры размѣстились группами; была суббота — евреи готовились къ молитвѣ. Всѣхъ видимо охватило новое и своеобразное настроеніе. Разговоры смолкли, замерли; лица задумались, и только одна пароходная прислуга, да матросы, давно ко всему приглядѣвшіеся, беззаботно дѣлали свое дѣло.

А вдали, на сѣверѣ горизонта, въ мягкихъ, теплыхъ лучахъ южнаго солнца тонули живописные берега... Одесса длинною вереницей своихъ домовъ казалось уплывала, зарисовывалась въ туманной перспективѣ, будто стягиваясь въ миніатюрную рамку какъ акварель, въ слабыхъ контурахъ которой вставали предо мной знакомые силуэты.

А кругомъ, плавно переливаясь, сверкая нѣжными отливами цвѣтовъ отъ бирюзы до bleu de prusse — уходила въ поразительную даль темная таинственная ширь Чернаго моря. Правильными валами бѣжали вдоль бортовъ парохода прозрачно-зеленыя волны, пропуская сквозь серебряную бѣлую пѣну бронзовые извилистые силуэты ныряющихъ дельфиновъ. А южное солнце, казалось, ласкало и грѣло золотистыми лучами — и синее

море, и ширь горизонта вдали, и обрывки бѣлыхъ перламутровыхъ облаковъ, тихо скользившихъ подъ сѣткой снастей и веревокъ. Красиво прорѣзая по временамъ черные клубы пароходнаго дыма, стройно стояли высокія мачты. Казалось, глядѣлъ бы не отрываясь на этотъ просторъ Божьяго міра, думая думу за думой, пытаясь взглядомъ проникнуть въ темно-синюю загадочную глубину, надъ которой поразительно легко и поразительно быстро ныряя продолжали скользить все тѣ же дельфины...

Звонокъ пригласилъ насъ къ обѣду, и мы спустились въ каютъ-компанію.

Россія идетъ въ открытомъ морѣ. Съ правой стороны горизонта, съ юга, бѣгутъ на насъ маленькіе барашки—предвѣстники вѣтра и морской качки. Свѣжестью дышитъ широкое море и странно мелодично звучатъ слабые тоны налетающаго вѣтра, перебираясь по верхушкамъ снастей и мачтъ, колыхая ихъ по временамъ какъ бы невидимою рукой.

Пароходъ идетъ быстро, покачиваясь плавно и незамѣтно сперва справа налѣво и затѣмъ снизу вверхъ съ удивительною послѣдовательностью. Но вотъ засвѣжѣло... Вамъ кажется, что волны стали вздыматься выше, что темнѣе стала лазурь моментомъ раскрывающейся бездны... Какъ будто выше стали подскакивать неизмѣнные спутники моря—дельфины, разрѣзая своею круглою головой серебристую пѣну красиво изогнутыхъ гребней. Какъ бы въ тактъ ихъ правильному періодическому ырянью, вы ощущаете, что *Россія* стала все чаще и чаще приникать кормой къ расходившимся волнамъ суроваго Понта.

Странное чувство охватываетъ васъ при этой правильной безпрерывной пароходной качкѣ. Будто убаюкивая тихимъ задумчивымъ говоромъ волнъ—шепчетъ море волшебную сагу... Шепчетъ, чаруетъ, манитъ, зоветъ, и тихая дремота, полузабытье начинаетъ подкрадываться къ вамъ незамѣтно и одолѣвать вдругъ отчего-то отяжелѣвшую голову.

— Не смотрите на море! говоритъ кто-то на палубѣ, — не смотрите!..

Но васъ тянетъ къ нему какою-то особенною силой. Изъ расходившейся стихіи будто встаютъ среди пѣны и плеса смутные, едва распознаваемые образы, образы безъ конца, поднимаясь изъ потемнѣвшей пучины передъ слабыми затуманенными глазами. Кто-то быстро сбѣгаетъ по лѣстницѣ внизъ—ему дурно. Васъ это удивляетъ; но едва вы успѣли перевести глаза на сосѣда, бѣгло взглянули на широкія черныя пароходныя трубы, на покойно движуюся фигуру капитана на рубкѣ, на сизый, клубами нависшій дымъ, и вновь обернулись къ морю, какъ вдругъ вамъ сдѣлалось жутко: вы только сейчасъ почувствовали, что васъ сильно качаетъ то

справо налѣво, то сверху внизъ, непріятно отдавая каждый толчокъ въ груди и затылкѣ. Васъ потянуло встать, и вслѣдъ за другими вы чувствуете потребность уйти съ палубы внизъ въ скромный уголокъ вашей каюты.

Странное явленіе морская болѣзнь! Я готовился къ ней давно, и вотъ теперь, лежа на койкѣ, съ кускомъ лимона во рту, чувствуя какъ подо мною движутся матрасъ и подушка, я старался понятъ ея странное ощущеніе. Мучительно тоскливыми показались мнѣ первыя минуты болѣзни. Невидимая рука какъ свинецъ давила горло, затрудняя дыханіе, но я отчетливо сознавалъ каждый моментъ переживаемаго страданія. И странно, я видѣлъ предъ собою уже не море, не знакомый абрисъ парохода и не лица меня окружавшія, нѣтъ, въ мысляхъ моихъ вставала земля, моя милая родина, далекій уголокъ родного жилища, силуэты дорогихъ мнѣ и близкихъ людей, покойная жизнь, давно знакомая обстановка...

А теперь? Что это? Зачѣмъ? Будто молотомъ бьютъ въ стѣны каюты холодныя расходившіяся волны. Надо мной торопливый, тяжелый топотъ матросскихъ ногъ, тонкій, дребезжащій свистъ лоцманской команды. А гдѣ-то тамъ, вдали, звонъ посуды и по временамъ тихій стонъ сосѣда по каютѣ и по несчастью...

Я пробую упереться ногой въ желѣзный болтъ моей койки чтобы ослабить непрерывное горизонтальное движеніе и незамѣтно впадая въ забытье—теряю наконецъ сознаніе.

Я проснулся отъ толчка и, съ удивленіемъ открывъ глаза, увидалъ на порогѣ нашей каюты знакомую фигуру лакея Адама.

— Вставайте, сейчасъ идемъ. Мы на Босфорѣ!

Я быстро поднимаюсь на палубу, гдѣ, поеживаясь отъ свѣжести утра, уже столпились любопытные пассажиры. Мы на Босфорѣ! Мы предъ Византіей! Что это, сонъ или дѣйствительность?

Плавно и неслышно мчится *Россія* среди чудныхъ живописныхъ береговъ по свѣтло-зеленымъ волнамъ широкаго *Босфора*. Бѣлыя чайки пластично взлетаютъ на своихъ бѣлыхъ изогнутыхъ крыльяхъ, виснутъ надъ водой и, прильнувъ къ ней, быстро съ крикомъ отлетаютъ въ сторону. Странныя лодки, ярко расписанныя всевозможными цвѣтами суда съ картинно надутыми бѣлыми парусами, огромные пароходы плывутъ намъ навстрѣчу. Клубы чернаго дыма, странныя причудливыя очертанія фантастическихъ башенъ, полуразрушенныхъ стѣнъ и бѣлыхъ стройныхъ колонадъ дворцовъ, все это внезапно вставшее изъ тьмы мучительной ночи, поражаетъ и чаруетъ прелестью, новизной и романтическимъ колоритомъ.

Случалось ли вамъ видѣть тѣ хорошо устроенныя панорамы гдѣ отъ одного вращенія руки плавно и быстро смѣняются въ маленькомъ стеклышкѣ поразительнаго размѣра картины? Въ дѣтствѣ изъ насъ каждый бывалъ въ такихъ панорамахъ, и вотъ теперь уже не въ стеклышко и безъ прищуриванія глазъ, во всю ширь далекаго горизонта, справа и слѣва, какъ будто въ сказочномъ царствѣ, бѣгутъ предъ нами поразительныя картины. Безконечное полотно этихъ видовъ какъ бы скатывается за далеко оставшимися позади насъ холмами и перо только въ силахъ написать имя, названіе, но не воплотить прелести и красоты, которыя оно обозначаетъ.

Босфоръ.

Вотъ справа, на Европейскомъ берегу, виснетъ надъ моремъ стѣнами и башнями старый *Румели-Гисаръ*, 400 лѣтъ тому назадъ построенный руками побѣжденныхъ Византійцевъ. А напротивъ него съ Азіатскаго берега пододвинулся *Анадоли-Гисаръ*, тоже пятибашенная крѣпость, возведенная Баязетомъ. Они сжали Босфоръ какъ могучіе устои, по которымъ можно было бы перебросить мостъ изъ Азіи въ Европу.

Мы въ *Буюкъ-Дере*, въ полосѣ дворцовъ, чудныхъ зданій, зелени парковъ, въ обширнѣйшемъ заливѣ Босфора, у Европейскаго берега. На живописныхъ скатахъ холмовъ, сплошь застроенныхъ роскошными домами все возможной архитектуры, среди изящныхъ группъ стройныхъ кипарисовъ,

пышной зелени чинаръ и маститыхъ платановъ высятся зданія различныхъ консульствъ, и въ томъ числѣ лѣтняя резиденція нашего русскаго посольства. Далѣе мелькаетъ вереница изящнѣйшихъ строеній, зданія германскаго, англійскаго и французскаго дипломатическаго корпуса, оригинальное зданіе американской школы — на вершинѣ холма «Robert College». Темно-желтый опустѣлый дворецъ бывшаго вице-короля Египетскаго смотритъ задумчиво и печально... Сотни причудливыхъ виллъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ по скату, почти подступаютъ къ темно-голубымъ волнамъ Босфора, какъ бы уходя въ него своими основаніями. Столько картинъ, столько разнообразія что нѣтъ силъ описать, а перечисленіе выйдетъ скучнымъ.

Съ каждымъ оборотомъ пароходнаго винта красивая *Россія*, впиваясь стальною грудью въ зеркальную гладь пролива, мчитъ насъ впередъ все ближе и ближе къ *Царъ-граду*. Вотъ уже показался ослѣпительно-бѣлый мраморный *Ильдизъ-Кіоскъ* султана, весь залитый яркими лучами утренняго солнца; онъ кажется выточеннымъ изъ слоновой кости и перламутра, весь окруженный причудливою цѣпью павильоновъ и мечетей, стройно ушедшихъ въ голубую прозрачную высь своими ажурными какъ розетка балкончиками. За нимъ медленно проплываетъ и какъ бы тонетъ огромное зданіе «Дольма-Бахче», офиціальнаго дворца султановъ, уходя своимъ бѣломраморнымъ фасадомъ съ золотыми рѣшетками въ голубую даль убѣгающаго назадъ Босфора. Еще четверть часа, и мы въ *Фундуклэ*—предмѣстьи Константинополя.

Чрезъ десять минутъ пароходъ уменьшилъ ходъ и, поразительно лавируя среди сотенъ лодокъ, баркасовъ, турецкихъ каикъ и картинно застывшихъ на рейдѣ судовъ и пароходовъ, величественно подошелъ къ своей «бочкѣ», далъ свистокъ и бросилъ якорь.

Увязавъ свои вещи, я возвращаюсь изъ каюты на палубу и совершенно не узнаю обстановки. Сотни головъ въ красныхъ фескахъ, типичныя лица, поразительная жестикуляція, крикъ, толкотня, непередаваемое оживленіе. Вы совершенно ошеломлены—въ фескахъ солдаты, въ фескахъ носильщики, лодочники, швейцары гостиницъ и вся вновь прибывшая публика. Васъ приглашаютъ, лепечутъ что-то гортаннымъ жаргономъ, удивительно коверкая слова на всѣхъ нарѣчіяхъ. Съ визгомъ ржавыхъ цѣпей, краны проносятъ надъ вашею головою ящики, чемоданы, огромныя клѣтки съ курами, обдавая васъ на лету пухомъ и пылью. Блоки работаютъ неустанно, цѣпи вытягиваютъ изъ трюма какъ бирюльки быковъ, коровъ и разную живность при громкомъ ревѣ ошеломленныхъ животныхъ. Вамъ на-

ступаютъ на ноги, толкаютъ, кричатъ «берегись», приглашаютъ въ гостиницу.

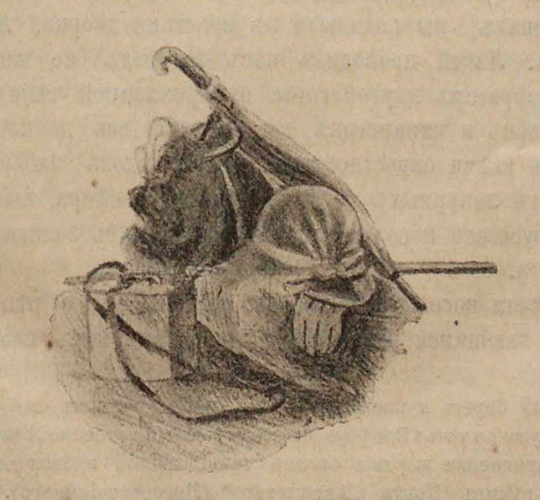
Къ счастью, появляется аѳонскій монахъ—конечная цѣль нашихъ ожиданій, и чрезъ нѣсколько минутъ, распростившись съ *Россіей*, мы спускаемся вслѣдъ за нашими вещами по привѣшанной на цѣпяхъ желѣзной лѣстницѣ въ красиво убранную коврами турецкую лодку. Мы отчалили и вотъ уже плывемъ, ежеминутно пересѣкая дорогу десяткамъ другихъ лодокъ, среди жизни, движенія, новизны обстановки.

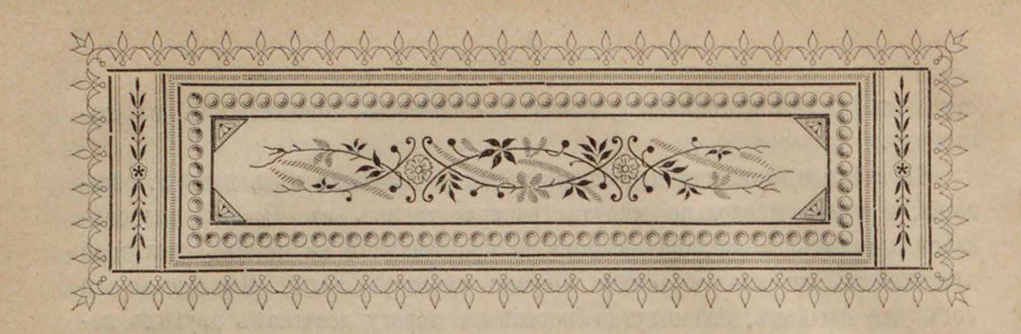
Среди царства фесокъ, добродушно веселыхъ лицъ, мы причаливаемъ къ пристани, чтобы совершенно неизвѣстно для чего показать свой паспортъ въ одномъ углу, и тотчасъ же уплыть въ другую сторону по направленію къ таможнѣ. Вотъ и она—гроза нашихъ чемодановъ, блюстительница турецкихъ интересовъ и поразительное учрежденіе безпечности и равнодушія.

— Здѣсь бакшишъ полагается! смущенно говоритъ намъ монахъ въ то время какъ мы достаемъ ключи изъ кармана.

— Каля! (согласенъ!), и затѣмъ поразительная метаморфоза: пощупавъ рукой крѣпки ли веревки и почтительно помахавъ въ воздухѣ пледомъ и сакомъ, даже не развязавъ чехловъ огромнаго сундука и корзины, таможенные чиновники объявили намъ, что осмотръ конченъ.

Чрезъ прохладную улицу-галлерею мы вступаемъ въ Галату, полуазіатскую часть Константинополя, чтобъ отдохнуть въ радушныхъ стѣнахъ русской гостиницы на Ильинскомъ подворьѣ.





Глава II.

Въ предмѣстьяхъ Константинополя.

Поѣздка въ Буюкъ-Дере.—Въ русскомъ посольствѣ.—На палубѣ парохода „Шаркетъ“.—Терапіэ.—Дачная жизнь турецкой столицы.—Ночлегъ въ греческой тавернѣ.—Византійскія стѣны.—„Золотыя ворота“.—Турецкія кладбища.—Источникъ Балуклы.

2-го іюля, въ 1 часу дня, пользуясь любезнымъ предложеніемъ агента русскаго общества пароходства и торговли г. Беглери, мы отправились на пароходѣ *Ростовъ* въ *Буюкъ-Дере*. Счастливая случайность давала намъ возможность посѣтить привѣтливыя палаты нашего русскаго посла въ Константинополѣ Александра Ивановича Нелидова.

На яликѣ съ блестящимъ мѣднымъ гребнемъ, пріятно покачиваясь на мягкихъ подушкахъ, мы подплыли къ пристани дворца, лѣтней резиденціи посольства. Лакей проводилъ насъ въ садъ по живописнымъ дорожкамъ. По террасамъ крутой горы, въ прохладной тѣни широко развѣсистыхъ платановъ и кипарисовъ, вы поднимаетесь на площадку, господствующую надъ всѣми окрестностями. Внизу вдоль набережной, отступя саженъ пять отъ лазурныхъ водъ величаваго Босфора, высится бѣломраморный домъ русскаго посольства, далеко въ глубь залива распространяя свои владѣнія *).

Высокія ворота посольскаго дворца, съ прелестною рѣшеткой, красиво задрапированы вьющимся плющемъ, а въ вазахъ надъ ними пышно раз-

*) Весь правый берегъ купленъ Русскимъ правительствомъ еще при Екатеринѣ II. Отсюда недалеко уже до устья Босфора, съ его страшными утесами „Кіанеи“, на которыхъ древніе пловцы приносили жертвы богамъ таинственной преисподней, во умилостивленіе бурныхъ пучинъ Понта „Аксинскаго“ (Негостепріимнаго), какъ называлось тогда Черное море, переименованное впослѣдствіи въ Понтъ „Эвксинскій“ (Гостепріимный), съ цѣлью задобрить этимъ его грозную силу.

рослись столѣтнія алоэ. Отъ воротъ до ступеней парадной лѣстницы дворъ вымощенъ маленькими, гладко обточенными моремъ, черными и бѣлыми валунами, красиво пригнанными въ узоръ грандіозныхъ фантастическихъ листьевъ. По широкимъ ступенямъ вверхъ, убраннымъ экзотическими растеніями, вы входите въ залу съ колоннами, а чрезъ двери направо въ кабинетъ А. И. Нелидова.

Радушіе, вниманіе и отеческая заботливость нашего посла давно извѣстна и за предѣлами Турціи. На чужбинѣ дорого каждое ласковое слово; мы же обязаны любезному вниманію и добротѣ Александра Ивановича всѣмъ тѣмъ, что удалось намъ видѣть въ стѣнахъ Царь-Града.

Въ Буюкъ-Дере Босфоръ образуетъ прекрасную гавань. Туристы осматриваютъ здѣсь семь сросшихся платановъ, подъ которыми 800 лѣтъ тому назадъ возсѣдали Крестоносцы *).

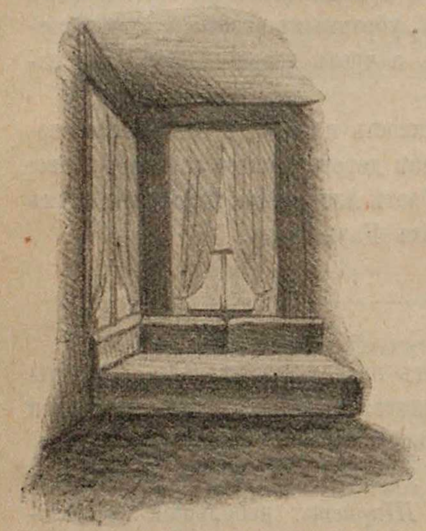
Вечеръ въ этотъ день мы провели въ *Терапіи.* Къ грубо-сколоченной пристани подвалилъ пароходъ общества *Шаркетъ*, небольшой и малоопрятный. Въ будкѣ за нѣсколько піастровъ выдаютъ билеты, предусмотрительно удерживая рьяныхъ пассажировъ за запертою рѣшеткой. Свистокъ— выдвигается мостикъ, и вотъ вы въ толпѣ тѣхъ же знакомыхъ фесокъ, оригинальныхъ, загорѣлыхъ лицъ и разнообразныхъ костюмовъ, среди которыхъ какъ-то особенно странно выдѣляется европейское платье. Двухъярусная палуба, безъ различія классовъ, съ лавками и соломенными стульями на одну треть отгорожена парусиной, тщательно скрывающею отъ любопытнаго чужеземнаго взора турецкихъ красавицъ... Оригинальное зрѣлище представляютъ изъ себя эти женскія фигуры въ широкихъ шароварахъ, съ таліей скрытою въ мѣшковидномъ чехлѣ, съ лицомъ задрапированнымъ женски-хитро придуманною вуалью.

Вы занимаете мѣсто среди спокойно возсѣдающихъ турокъ, видимо соединяющихъ важность съ малоподвижностью. Оглянитесь вокругъ—что за типы! Тутъ и торговцы въ европейскомъ костюмѣ, но съ традиціонною феской, и щеголи офицеры въ синихъ мундирчикахъ съ краснымъ кантомъ, съ старомодною какъ будто игрушечною саблей. Тутъ же и турецкій буржуа въ фантастически-пестромъ нарядѣ и какъ жукъ черный, страш-

---

*) Преданіе говоритъ, что воинство Готфрида Бульонскаго и Балдуина Фландрскаго, шедшее на освобожденіе Св. Гроба, долго любовалось отсюда панорамой Царь-Града. Мѣстность, гдѣ растутъ платаны, извѣстна была прежде подъ названіемъ „Ключа Понта". Турки же называютъ ее „Бабъ-эль-Московъ", то-есть ворота Русскихъ. Не здѣсь ли останавливались купеческія ладьи первыхъ торговыхъ каравановъ Руссовъ?

но уродливый негръ, въ костюмѣ европейскаго денди, напоминающаго карикатуру. Два-три европейца, а дальше опять фески и смуглыя лица, безъ конца...



Внутренность комнаты.

Пароходъ бѣжитъ отъ пристани къ пристани, стучатъ мостки, отливаетъ толпа и приливаетъ новая и опять, мѣрно разсѣкая голубоватую ширь Босфора, мчится далѣе.

Мы въ *Терапіи* *)—въ чудной живописной дачной мѣстности, еще въ древности прославленной здоровымъ воздухомъ. Пробѣжавъ мимо лѣтнихъ дворцовъ, англійскаго и французскаго посольствъ, такъ-называемыхъ «Керечъ-Бурну» (мысъ черешенъ), пароходъ останавливается у миніатюрно игрушечной платформы.

Г. П. Беглери ведетъ насъ мимо дачъ по берегу моря. Мы взбираемся по узкимъ извилистымъ подъемамъ въ гору, къ потонувшимъ въ зелени домикамъ, оплетеннымъ сѣткой винограда. Спущенныя жалузи, запертыя двери, всюду свѣжесть, прохлада и тишина въ этомъ чудномъ уголкѣ—«въ сторонѣ отъ шумнаго свѣта»...

Насъ приглашаютъ зайти въ домъ, чтобъ ознакомиться съ внутреннею обстановкой и комфортомъ новогреческой идиллической жизни. И дѣйствительно, впечатлѣніе получается поразительно-пріятное и оригинальное. Мягкіе ковры по стѣнамъ, на полу, на широкихъ диванахъ... Въ простѣнкахъ оконъ вѣеромъ, одна надъ другою повѣшены фотографіи въ соломенныхъ плетеныхъ корзинкахъ. Низенькіе турецкіе столики, масса цвѣтовъ, пестрота красокъ... Кисейныя занавѣси, картины, оригинально расположенныя зеркала, угольникъ, заваленный нотами—все ново, все своеобразно и привлекательно.

Въ то время, какъ васъ угощаютъ шербетомъ, кофе, замороженною во-

*) Мѣстность называвшаяся въ древности „фармакіонъ"—обозначавшая собою „врачеваніе", исцѣленіе (φαρμακεῖον—аптека), славилась цѣлительнымъ воздухомъ и медицинскими травами, благодаря которымъ исцѣлился патріархъ Аттикъ, преемникъ св. Іоанна Златоуста. Вся эта мѣстность была покрыта когда-то дворцами богатыхъ Византійцевъ, но отъ нихъ не осталось и слѣда. Все застроено теперь дачами, измѣнившими распланировку старины, все дышитъ новою жизнію, не оставляя мѣста отжившему.

дой, распахните жалузи и взгляните—какая картина! Четырехъаршинная улица отгорожена бѣлою каменною стѣной, которую сплошь оплела зеленою паутиной изящная темная зелень винограда... Она перебросилась и по другую сторону ея, по тонкимъ жердямъ и, соткавъ по нимъ живописный навѣсъ, картинно повисла изящными гроздями. А въ пролетъ, между тонкимъ стволомъ кипариса и красно-зеленою листвой магнолій, съ распустившимися бѣлыми цвѣтами, узкою лентой выглянуло море. Надъ линіей плоскихъ крышъ красной выпуклой черепицы пролегла голубая ширь прозрачнаго горизонта; застыли на ней тонкія струйки отлетѣвшаго дыма, обрывки матовыхъ облаковъ... Есть такіе уголки въ Божьемъ мірѣ, гдѣ отдыхая душой хотѣлъ бы вѣчно глядѣть и любоваться волшебною панорамой, глядѣть не отрываясь, до самозабвенія...

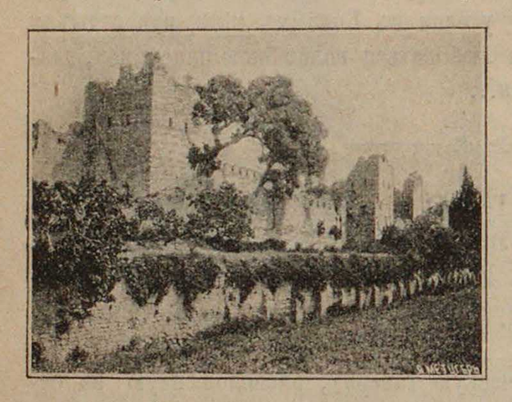
Въ Терапіи есть церковь Св. Георгія и двѣ агіазмы Киріака и Параскевы, возникшія на развалинахъ монастыря Св. Θеодора Тирона. Монастырь былъ основанъ Юстиніаномъ и сюда ежегодно приходили греческіе императоры въ первую субботу Великаго Поста—день, посвященный памяти этого мученика.

Мы вернулись ночевать въ греческую таверну, расположенную на берегу моря въ Буюкъ-Дере. Изъ стеклянной террасы второго этажа чрезъ открытыя окна картинно синѣло тихое море, тихія воды залива и освѣщенное мягкими розовыми полутонами заходящаго солнца, оно какъ будто дремало въ истомѣ... Тамъ, вдали, еще двигались запоздалыя лодки; кое-гдѣ на пристани слышался затихавшій говоръ, вспыхивали огни, но южная ночь давно уже спустилась, задернувъ темно-синимъ пологомъ небо...

Въ густой синевѣ неподвижно застылъ темный силуэтъ парохода, слабо мигая сторожвеыми фонарями. Полукругомъ изогнутое побережье Буюкъ-Дере глядитъ огнями своихъ живописныхъ домиковъ въ темный зеркальный заливъ, отражаясь въ немъ дрожащими очертаніями. Мы сидимъ неподвижно у открытаго окна, полною грудью вдыхая свѣжую влагу ночнаго воздуха, а нашъ милѣйшій Георгій Павловичъ Беглери хлопочетъ и распоряжается ужиномъ.

Ужинъ на берегу Босфора такъ же оригиналенъ, какъ и все, что его окружаетъ. Греческія и турецкія кушанья привели насъ въ восторгъ новизной вкуса и въ дружеской бесѣдѣ за чашкой кофе мы просидѣли далеко за полночь, любуясь дивною, молчаливо-торжественною панорамой спящаго Царь-Града.

Солнце близилось къ закату, когда наша коляска съ кавасомъ русскаго посольства на козлахъ, выѣхавъ изъ Царь-Града чрезъ полуразрушенныя ворота, покатилась по широкому шоссе, вдоль непрерывной ленты поразительно сохранившихся стѣнъ царственной Византіи. Они бѣгутъ, тянутся, то всползая на холмы, то спускаясь по уступамъ или упираются въ круглыя, четырехгранныя и осмиугольныя башни, почти нигдѣ не перерываясь. Сколько мощи въ этихъ забытыхъ нѣкогда грозныхъ твердыняхъ, облегавшихъ когда-то сплошнымъ кольцомъ Константинополь! Сколько видѣли и пережили эти источенные временемъ камни, сколько разъ объ ихъ неприступную толщу сокрушались копья и стрѣлы дикихъ полчищъ варваровъ! Персы и скиѳы, арабы и турки, генуэзцы--всѣ націи запада въ походахъ крестоносцевъ проходили чрезъ Царь-Градъ, чтобы перешагнуть изъ Азіи въ Европу и изъ Европы въ Азію. Византія Юстиніана и Цимихсція была безопасна за такими твердынями. Какое величественное впечатлѣніе производятъ до сихъ поръ эти грандіозныя сооруженія, несмотря на то, что время наложило на нихъ свою печать, продолжая губительную работу человѣческаго разрушенія.



Византійскія стѣны.

Странно смотрѣть на эти стѣны при вечернемъ закатѣ. Какъ зарево отдаленнаго пожара гаснутъ на уцѣлѣвшихъ зубцахъ, на разсѣлинахъ башенъ, въ полутемныхъ амбразурахъ багряные лучи, какъ бы кровью заливая могучія стѣны. Въ тихомъ воздухѣ—ни звука: все застыло, все замерло, какъ послѣ только-что оконченной сѣчи. Кажется, вотъ-вотъ дрогнетъ съ высоты неприступной бойницы протяжный звукъ мѣдной трубы и вновь высыпятъ на эти окровавленныя стѣны черною тучей ратники Византіи. Высыпятъ длинною нитью страстно-вдохновенныя фигуры, пробѣгутъ надъ стѣнами и опять загремитъ громъ оружія, застучатъ по щитамъ стальные мечи, засверкаютъ брони и латы. А внизу изъ-подъ каменныхъ уступовъ мѣстами осыпавшагося рва, что бѣжитъ вдоль стѣнъ поднимутся какъ въ былые дни и съ дикимъ воемъ бросятся на нихъ пестрыя стаи выходцевъ далекой Руси, омрачая воздухъ тысячами стрѣлъ, нагоняя ужасъ на изящнаго грека. А онъ грудью стоитъ, спасая отъ ихъ губительнаго погрома драгоцѣнныя сокровища цивилизаціи, неумирающаго искусства, геніальной мысли и всесторонняго знанія.

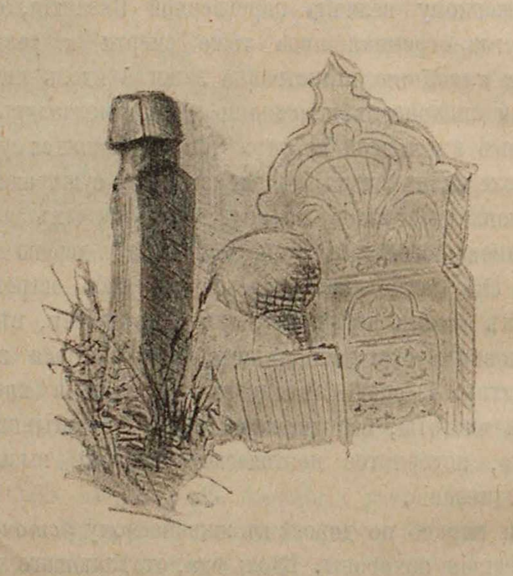
Стѣны доходятъ до самаго моря... Круглыя ворота какъ будто еще вчера затворялись, хотя болѣе сотни лѣтъ никто не слышалъ жесткаго лязга ихъ ржавыхъ петель. Взгляните,—не тамъ ли внизу, гдѣ бьются и лижутъ береговые утесы напоры морского прибоя, гдѣ пѣна и гравій блестятъ фантастически, избороздивъ берегъ, гдѣ синее море шумитъ неумолчно волнами—не тамъ ли стояли тысячу лѣтъ тому назадъ смѣлыя ладьи варяго-руссовъ? Не подъ этою ли зеленью платановъ и миртъ рѣяли «съ черными вранами стяги», не здѣсь ли Олегъ побѣдоносно прибивалъ свой щитъ надъ вратами смущеннаго Царь-Града?.. И теперь еще онѣ, кажется, живутъ эти стѣны и полны былого подавленнаго величія, поражая изумленный взоръ даже среди унылаго запустѣнія...

А коляска попрежнему катится по дорогѣ вдоль стѣнъ и какъ бы въ параллель поверженному величію царственной Византіи, слѣва какъ разъ напротивъ пролегла огромная нива тоже смерти и разрушенія. Безконечное *турецкое кладбище* таинственно залегло вдоль шоссе и, кутаясь въ темной зелени кипарисовъ, тысячами своихъ молчаливыхъ гробницъ тонетъ, стушевываясь въ мягкой полутьмѣ надвигающихся сумерекъ. Сколько трогательной прелести въ этихъ покрившихся,. суживающихся книзу вертикальныхъ колонкахъ бѣлаго мрамора, увѣнчанныхъ какъ бы чалмой, часто изукрашенною позолотой. Кипарисъ — это дерево смерти, вѣчный стражъ вѣчнаго сна, безмолвно вонзается въ небо остроконечною вершиной. Онъ, какъ свѣча нетлѣнная, вѣчно цвѣтущая, вѣчно прекрасная, стоитъ въ изголовьи мусульманина, какъ будто вознося за него къ Богу неустанную молитву. Тысячи памятниковъ и тысячи кипарисовъ; бѣлый камень—эмблема чистоты, неподвижный миртъ и застывшіе обелиски кипарисовъ—все это, подернутое поэтическою дымкой, вызываетъ невольное благоговѣйное удивленіе.

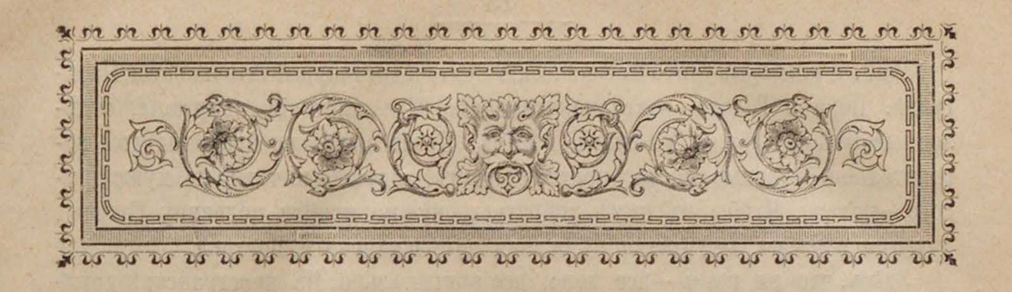
Мы свернули вправо по дорогѣ къ живоносному *источнику Балуклы*— и встрѣтили турецкія похороны. Вдоль рва, отдѣляющаго кладбище отъ ленты дороги, столпились десятка два женскихъ фигуръ въ своихъ бѣлыхъ чехлахъ-нарядахъ. Не обращая никакого вниманія на продолговатый ящикъ съ останками умершаго, поставленный на насыпи рва, онѣ смотрятъ на насъ съ любопытствомъ, торопливо по-женски повѣряя другъ другу свои впечатлѣнія. Кажется, что мулла читаетъ молитву надъ темнымъ квадратомъ вырытой ямы; дѣтишки тутъ же рѣзвятся; шагахъ въ двухъ важно курятъ кальянъ подъ навѣсомъ кофейни неподвижныя мусульманскія фигуры. А надъ всею этою картиной праздника жизни и послѣдняго разсчета съ нею, яркое солнце разливаетъ потоки золотистаго свѣта, кладя темныя коротко обрѣзанныя тѣни сзади неподвижныхъ стволовъ кипариса.

Чтобы видѣть источникъ Балуклы—надо добраться до греческаго монастыря, въ который упирается полотно бѣгущей дороги. Вы останавливаетесь у воротъ и, пройдя чрезъ небольшой дворикъ, гдѣ торговые греки-монахи продаютъ тонкія свѣчи—маканки, входите чрезъ стеклянную галлерею во внутренность церкви. Источникъ Балуклы скрытъ подъ небольшою мраморною часовней; къ нему ведутъ широкія ступени. Въ небольшомъ водометѣ, осѣненномъ иконой Богоматери, застыла кристальная гладь, на поверхности которой рѣзвятся крошечныя рыбки—о нихъ есть цѣлая легенда чисто мусульманскаго колорита *).

Мы идемъ на кладбище, чтобы взглянуть на мраморные саркофаги патріарха Іоакима и затѣмъ съ чистымъ сердцемъ добросовѣстнаго туриста возвращаемся въ Константинополь.



*) Въ V вѣкѣ христіанства Левъ Великій, впослѣдствіи императоръ, охотясь въ лѣсной чащѣ, встрѣтилъ слѣпца, изнемогавшаго отъ жажды. Тайный голосъ Божіей Матери помогъ его состраданію—онъ нашелъ источникъ, чудотворною силой вернувшій убогому нищему зрѣніе... И вотъ выростаетъ храмъ надъ живоносною струей, расширяемый впослѣдствіи исцѣленнымъ Константиномъ. Василій Македонянинъ строитъ близъ него свой роскошный дворецъ; а разрушеніе Византіи сопровождается здѣсь чудесами. Легенда говоритъ, что жившій у источника старецъ не хотѣлъ вѣрить въ паденіе Царь-Града... „Скорѣе оживутъ эти изжаренныя рыбки—мой скромный ужинъ—чѣмъ падетъ святой городъ!“ сказалъ онъ печальному вѣстнику. И вдругъ рыбки встрепенулись и, соскользнувъ въ воду, исчезли въ струяхъ живоносной Балуклы. Онѣ живутъ въ ней и донынѣ, не умирая и не увеличиваясь въ размѣрѣ и будутъ жить, пока не исчезнетъ вокругъ турецкое владычество.



Глава III.

По Царь-Граду.

Панорама Царь-Града.—Стамбулъ, его улицы и населеніе.—Мостъ султана Валидэ.—Айя Софія.—Внутренность Юстиніанова храма.—Грезы минувшаго.—Музей Янычаръ и Техинилэ—Кіоскъ. — Мечеть султана Баязета и ея священные голуби. — Джаміи Магомета II, Ахмета III и Сулеймана Великолѣпнаго.

3-го іюля, въ первомъ часу дня, въ четырехмѣстной коляскѣ, съ кавасомъ русскаго посольства на козлахъ, любезно предоставленнымъ въ наше распоряженіе внимательнымъ посломъ нашимъ, мы двинулись осматривать Константинополь.

Я не пишу здѣсь монографію его достопримѣчательностей. Все это описано, списано и переписано сотни, если не тысячи разъ. Въ каждомъ гидѣ вы найдете услужливыя страницы поразительныхъ мелочей и стереотипныхъ, банальныхъ достопримѣчательностей. Но не въ нихъ сила; не въ отдѣльныхъ камняхъ прелесть мозаичной картины. Только отступивъ на шагъ, другой видишь какѣ она гармонично сливается въ цѣломъ и грубыя черты полумертваго лица начинаютъ сквозить жизнію и художественною красотой. Отойдемъ же и мы въ сторону отъ сухихъ страницъ скучнаго перечня, и постараемся просто пережить хорошія минуты, насладиться красотой, искусствомъ, воспоминаніями прошлаго, оригинальною дѣйствительностью, и скромно подѣлиться ими съ читателемъ.

Всѣмъ крупнымъ историческимъ центрамъ міра почему-то привелось раскинуться по возвышенностямъ семи холмовъ, въ томъ числѣ и Константинополю. Живописнымъ лабиринтомъ узкихъ улицъ, застроенныхъ пятиэтажными домами, у подножія которыхъ пріютились лавки, полныя оригинальности Востока—вы проѣзжаете среди быстро движущейся толпы, среди повозокъ и экипажей, направляясь къ мосту, соединяющему Стамбулъ съ

Галатой. *Стамбулъ*—это историческій центръ достопримѣчательностей Царьграда. Пера и Галата — это полуевропейскій и азіятскій кварталы, отдѣленные отъ Стамбула Золотымъ Рогомъ. Чрезъ него переброшены два поразительно-скверные моста, причемъ одинъ, старый, ничѣмъ не хуже другого—новаго. Чтобы къ нимъ добраться, нужно пройти половину Галаты, другими словами, окунуться въ жизнь мусульманскаго Востока.

Здѣсь, что ни шагъ—все ново, все оригинально. На пространствѣ двухсаженной ширины по одной и той же улицѣ идетъ конка, катятся экипажи, кареты, коляски, ползутъ до верха нагруженныя *каруты*, запряженныя парами воловъ. Сзади васъ ѣдутъ верхомъ, бѣгутъ, встрѣчаются десятки, сотни людей, сталкиваясь, скрещиваясь вдоль всей ширины улицы и поразительно-узкихъ тротуаровъ. Всѣ одѣты въ разнообразные костюмы, иногда со всѣми аттрибутами своихъ профессій. Безпрерывно трубитъ рожекъ кучера конки, а передъ дышломъ въ двухъ шагахъ, весело улыбаясь, потный и запыленный, бѣжитъ проводникъ турокъ, разгоняя крикомъ толпу и помахивая краснымъ флагомъ. Иначе нельзя было бы двинуться вагону, не рискуя задавить ежеминутно занятыхъ своимъ дѣломъ прохожихъ. «*Хатлэ!* Берегись!» кричитъ онъ автоматически, какъ добрая лошадь, совершая чуть ли не въ третій разъ, въ продолженіи часа, прогулку рысью отъ моста Стамбула къ предмѣстью Галаты (разстояніе около 5 верстъ). Навстрѣчу ему идетъ караванъ осликовъ, сплошь завѣшанныхъ и заваленныхъ всевозможными тяжестями, начиная отъ корзинъ съ овощами, изъ-подъ которыхъ едва виднѣются миловидныя головы и коротенькіе хвосты, кончая накрестъ положенными длинными рельсами. Погонщикъ бредетъ сзади, предоставляя животному выбирать себѣ путь и направленіе.

А пестрая шумная толпа обгоняетъ полубѣгомъ экипажи, удивительно лавируя чтобы не столкнуться. Вотъ на васъ мчится цѣлая башня—гора какихъ-то ящиковъ и корзинокъ, и вы, съ ужасомъ сторонясь, только тогда замѣчаете, что она взгромоздилась на спинѣ одного человѣка. Поразительна мускулатура турецкихъ носильщиковъ! Они обнаруживаютъ просто чудеса силы, подымая, какъ перо, на свою спину десятокъ пудовъ, чудовищные чемоданы, ящики и даже бочку. Вчетверомъ же, на длинныхъ жердяхъ,—они свободно переволакиваютъ такія тяжести, какихъ у насъ на Руси не свезетъ и добрая, сытая помѣщичья тройка! Легкимъ шагомъ идетъ рядомъ съ вами продавецъ холодной воды, неся на ремняхъ за спиной два плоскобокіе боченка, полные воды, заткнутые мокрыми пробками. «*Хатлэ! Хатлэ!*» и вы едва успѣли присѣсть подъ широчайшую корзину, плоскую какъ тарелка, сплошь заваленную полуаршинными огурцами несущагося на васъ торговца зелени. «*Э! Параія!*»—то-есть всего двѣ паречки (4 коп.), напѣваетъ вамъ сзади продавецъ фруктовъ, и вдругъ двухаршинная кор-

зина, верхомъ набитая бѣлыми хлѣбами и какимъ-то чудомъ прилипшая къ спинѣ приземистаго турка, согнувшагося надвое подъ тяжестью ноши, проносится предъ вашимъ носомъ и исчезаетъ въ переулкѣ. Вотъ навстрѣчу идутъ по-двое, четверо турецкихъ солдатъ. Это полиція—блюстительница грязи и безпорядка. Солдаты одѣты въ синіе мундиры, въ традиціонныхъ фескахъ, и вооружены тесакомъ безъ ноженъ; у иныхъ есть и ружья. Почти на каждомъ углу улицы эти полисмены выкидываютъ уморительные ружейные пріемы предъ проходящими мимо нихъ офицерами, чтобы тотчасъ же вслѣдъ имъ скроить чисто-турецкую гримасу, бросить ружье и заняться собаками.

А собакъ здѣсь необычайное количество. Ни одна статистика не смогла бы точно установить ихъ цифры, такъ какъ онѣ живутъ, ѣдятъ и плодятся на всѣхъ улицахъ, подъ защитой и охраной мусульманской филантропіи. У нихъ какія-то лисьи морды, самый добродушный видъ и самое безразличное отношеніе къ прохожимъ. Но ударить щенка—все равно, что обидѣть турка; за него тотчасъ вступятся туземцы, и тогда «гяуру» не сдобровать... Надо всѣмъ этимъ моремъ головъ, красныхъ фесокъ, бѣлыхъ тюрбановъ и намотанныхъ комомъ зеленыхъ шалей стоитъ несмолкаемый говоръ толпы, веселый смѣхъ, отрывистыя привѣтствія. Люди бѣгутъ, встрѣчаются, прикладывая руки ко лбу и сердцу, мимикой дополняютъ жесты, жестами—слова, взглядами выраженія! Не успѣли вы выйти изъ экипажа и свернуть въ переулокъ, чтобы дать дорогу почти наѣхавшей на васъ добродушной лошади, сплошь обвѣшанной бараньими окороками и говяжьими тушами, какъ ужъ вашею ногой успѣли завладѣть чьи-то руки, и вы удивленный очутились во власти чистильщика сапогъ. Онъ укрѣпляетъ вашъ каблукъ на скамейкѣ-подставкѣ, изукрашенной зеркальцами, бляшками, напоминающей элегантный нессесеръ изъ будуара европейской красавицы. «Къ чему? Зачѣмъ?» протестуете вы,—но онъ обмахнулъ уже васъ вѣникомъ и съ поразительною быстротой, нагрѣвающею кожу, мусолитъ сапоги щеткой, наводя на нихъ глянецъ.

Жизнь Востока—на улицѣ. За спущенными рѣшетками жалузи продолговатыхъ оконъ—святилище мусульманина. Женское населеніе рѣдко и въ незначительномъ количествѣ попадается на улицахъ, скрытое въ душныхъ стѣнахъ таинственнаго гарема. Мужчина же живетъ цѣлый день на воздухѣ, работаетъ, продаетъ и покупаетъ, носитъ и возитъ, куритъ кальянъ и пьетъ кофе или безцеремонно развалившись счастливо наслаждается своимъ far niente—блаженнымъ кейфомъ безстрастнаго созерцанія.

Мы переѣхали черезъ новый мостъ, сунувъ нѣсколько піастровъ какому-то оборванцу, выдавшему намъ талонъ за это тряское удовольствіе, и постучавъ зубами саженъ пятнадцать, покатили наконецъ вверхъ по царственному Стамбулу прямо къ грандіозной мечети *Св. Софіи*. Темно-желтая, оригинальной архитектуры, съ пристройками и контръфорсами, подпирающими ея священныя стѣны, съ четырьмя стройными минаретами по угламъ она высится на холмѣ Сераля. Мы входимъ въ ограду, и пройдя неширокій дворъ, приближаемся къ порогу (заставѣ европейцевъ), чтобы надѣть традиціонныя туфли, скроенныя на крупную ногу.

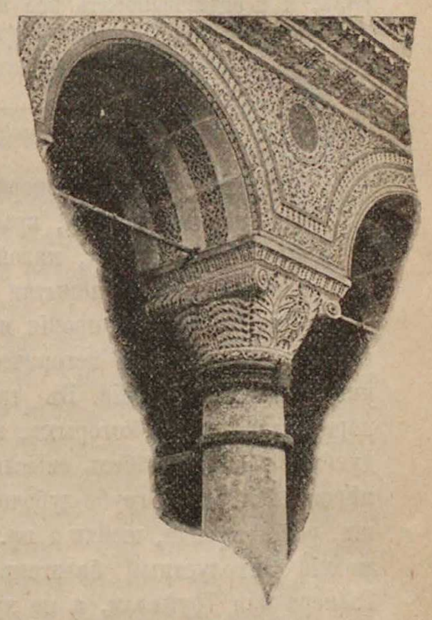
И вотъ вы въ сѣняхъ—предъ широкими, тройными вратами, предъ памятникомъ грандіознаго зодчества, несравнимаго ни съ классическими образцами древней Греціи и Рима, ни съ величественною архитектурой арабскихъ оригинальностей и готическаго стиля. Здѣсь на рубежѣ древняго и новаго міра, на мѣстѣ побѣжденнаго христіанствомъ язычества, возникла новая Святая Святыхъ, превзошедшая роскошью и великолѣпіемъ царственный храмъ великаго Соломона! Три сподвижника Юстиніана—Анѳимій, Игнатій и Исидоръ Траллесскій въ шесть лѣтъ осуществили геніальнѣйшую мысль императора: за три милліона двѣсти тысячъ рублей создали восьмое чудо свѣта—чудо искусства, воплощеніе грандіознѣйшей религіозной идеи! Войдемъ въ нее, чтобы воскресить образы минувшаго, изумиться геніальности человѣческаго творчества, благоговѣйно преклониться предъ завѣтною христіанскою святыней . . . .

. . . .

Боже! какое величіе! Стройными колоннадами встали въ два яруса изваянныя дивнымъ рѣзцомъ сто колоннъ Св. Софіи. Грандіозный куполъ въ тридцать два окна высится колоссальною опрокинутою чашей, чаруя поразительной гармоніей въ цѣломъ. Мягкій свѣтъ, ниспадая сверху, скользитъ по мраморнымъ стѣнамъ темнокраснымъ, зеленымъ, голубымъ, испещреннымъ бѣлыми, желтыми, сѣрыми жилами, падая на золотистыя циновки, устилающія полъ. Любимое дѣтище Юстиніана, памятникъ этотъ создался не такъ какъ другіе храмы, и дѣйствительно, изъ сорока колоннъ (всѣ онѣ разнаго стиля) древнѣйшія страны міра принесли ему въ даръ свои матеріалы. Египетскій порфиръ храма солнца въ Балбекѣ, ѳессалійскій мраморъ изъ капища Діаны въ Ефесѣ, Геліополисъ, Троя, Кизика, Аѳины—прислали ему сорокъ колоннъ, поддерживающихъ хоры верхняго храма.

Среди группы молящихся, среди чуждой, непривычной глазу обстановки, раззолоченныхъ рѣшетокъ султанскаго мѣста, высокой каѳедры съ от-

вѣсно-перпендикулярною лѣстницей, какихъ-то деревянныхъ балаганчиковъ, среди огромныхъ мраморныхъ круглыхъ кувшиновъ съ водой, въ поразительной тишинѣ мусульманскаго храма мою душу охватило вдругъ вдохновенное благоговѣніе. Образы дивные, тѣни минувшаго поднялись вдругъ предо мной во весь ростъ, изъ глубины полутемныхъ придѣловъ.


Колонна Айи и Софіи.

И вотъ мнѣ чудится въ золотистыхъ снопахъ яркаго солнца, что невидно льетъ сверху потоки свѣта, вьется фіолетовый дымъ, тонкими струями бѣгущій изъ кадилъ торжественнаго патріархшаго богослуженія. Яркими пятнами легло освѣщеніе на золотую парчу стихарей, на золотистыя стяги хоругвей, на позолоту иконостаса, на задумчивые лики полутемныхъ иконъ, на мраморный полъ съ фигурами молящихся. А изъ глубины величественной, опрокинутой чаши, вмѣстѣ со свѣтомъ, льются и ниспадаютъ торжественные звуки молитвы, полной силы, тихой любви... И звучитъ, ниспадая все ниже и ниже, торжественный ладъ византійскихъ напѣвовъ. И каноны незнакомаго, чуднаго богослуженія сжимаютъ сердце въ мужественной груди нашихъ предковъ—варяговъ. Они пришли изъ далекаго Кіева искать свѣта и знанія—вдохновенія и правды! И имъ ли было не умилиться, если мы тысячу лѣтъ спустя, пресыщенные цивилизаціей, избалованные чудесами XIX вѣка, не можемъ оторваться отъ обезображенныхъ стѣнъ, шокирующихъ глазъ непривычными изображеніями.

Боже, сколько впечатлѣній! Вотъ толпы венеціанцевъ грабятъ сокровища Св. Софіи—и это знаменитый IV Крестовый походъ—болѣе ужасный чѣмъ всѣ нашествія варваровъ. Земля и море не могли допустить такого святотатства, и корабли ихъ пошли на дно со всѣми сокровищами, какъ говоритъ преданіе. А вотъ въ неистовомъ натискѣ мусульманъ, среди ужаса охватившаго молящихся—рухнули чугунныя двери Св. Софіи! Съ ревомъ врываются турки, и среди потоковъ крови, полуостывшихъ труповъ, среди дикаго крика торжества и проклятій, по грудамъ тѣлъ, верхомъ на конѣ въѣзжаетъ въ храмъ Магометъ II—сокрушитель Византіи! Онъ прикасается окровавленною десницей къ мраморнымъ стѣнамъ, въ тупомъ величіи надрубаетъ колонну, и въ потокахъ крови входитъ на тронъ, чтобы воздать славу и благодарность всемогущему Аллаху!.. Сколько картинъ, сколько

впечатлѣній, даже теперь, среди этихъ одинокихъ фигуръ, поразительной тишины и странной намъ обстановки. Св. Софію можно осматривать сотни разъ, и всегда выносить все новыя и новыя впечатлѣнія! . . . .

. . . .

«Идемъ, эѳенди!» говоритъ кавасъ, и мы нехотя покидаемъ соборъ полный величія, красоты и историческихъ воспоминаній.

Добродушной Турціи, милой и оригинальной, не пристало одно — всякая ученость. Всѣ ея попытки въ этомъ родѣ, начиная отъ школъ, кончая музеями—жалкая иронія и убожество, не говоря уже о музеѣ Янычаръ, интересномъ по историческимъ воспоминаніямъ, какъ убогая гробница отжившей Турціи. Въ трехъ полутемныхъ, поразительно грязныхъ коридорчикахъ, въ которыхъ, кстати сказать, деревянный полъ ходитъ ходуномъ, размѣщено безъ смысла и подбора до двухсотъ фигуръ несоразмѣрной величины, грубо-лубочнаго издѣлія. Разные визири, капуданъ-паши, рейсъ-эфенди, шейхи и пр., полуодѣтые въ рвань, напоминаютъ скорѣе жалкій захолустный балаганъ провинціальнаго звѣринца какого-нибудь Гаспера или Труфелли, а не художественную галлерею типовъ историческаго переворота. Махмудъ II начерталъ кровавую страницу въ исторіи Турціи истребленіемъ Янычаръ на Ат-мейданѣ; но его послѣдователи не сумѣли воплотить историческаго прошлаго въ наглядной формѣ. Это пародія какая-то на могучій сонмъ былыхъ владыкъ Османскаго трона, сломить которыхъ во всякомъ случаѣ было труднѣе, чѣмъ вылѣпить жалкія рожи изъ папьемаше и размалевать ихъ краской. Во дворѣ васъ окружатъ ребятишки: здѣсь внизу подъ музеемъ помѣщается турецкая школа ремеслъ и первоначальнаго обученія. У мраморнаго фонтана—живописныя группы дерущихся дѣтишекъ, да сухощавая фигура турка-учителя, съ трудомъ провѣряющаго ариѳметическую задачу ученика, равнодушно слѣдящаго за этою операціей.

Отсюда кавасъ ведетъ насъ въ наполовину пустой *музей*, гдѣ кромѣ гробницы Александра Македонскаго, поразительнаго чуда искусства, мало интереснаго. Двѣ-три муміи съ далекой Нильской равнины, да нѣсколько статуй обезображенныхъ временемъ, произведенія рѣзца греческой скульптуры: мраморный Зевсъ, статуя Нерона, Юстиніана и пр. Мы остановимся только на саркофагахъ и скажемъ о нихъ два слова.

Они привезены всего три года. Ихъ подарила Турціи богатая древностью Сирія. Самая большая гробница саркофагъ Александра; пять другихъ мелкихъ найдены одновременно и приписываются его женамъ. Всѣ онѣ бѣлаго

мрамора и большинство изъ нихъ гладкія. На двухъ изъ нихъ—Александра и еще одной, чудный барельефъ по мраморному полю.

Представьте себѣ стройный, мраморный параллелограмъ на расширяющемся книзу постаментѣ. На верхнемъ выпукломъ карнизѣ скатомъ срѣзанной крыши спитъ, встаетъ и просыпается мраморный левъ въ четырехъ позахъ.

Изумительная работа! поразительное впечатлѣніе! На гробницѣ, съ четырехъ сторонъ, изображена послѣдовательная біографія Александра искусною рукой скульптора. Тутъ и война съ Персами, тутъ и охота, и эпизодъ спасенія его Клитомъ. Все это полно жизни, движенія: лица—экспрессіи; позы—пластики; на всемъ — геній рѣзца источившаго мраморъ—монументъ великаго завоевателя на удивленіе современному искусству измельчавшаго потомства. Американцы не даромъ давали за него милліонъ долларовъ, только чтобы свезти на показъ въ Америку и вернуть обратно.

Въ другой залѣ—на меньшей гробницѣ, приписываемой одной изъ женъ могучаго завоевателя полміра—мраморный барельефъ передаетъ изящный образъ молодой женщины въ двѣнадцати позахъ: отъ горя и радости—къ задумчивости и восторгу. Каждая складка каждаго лица ея—дышитъ неотразимою прелестью! Художникъ воплотилъ въ нихъ, сохранивъ поразительное сходство профиля и фаса, всѣ нѣжные оттѣнки миловидной красоты, задумчивой нѣги и увлаженныхъ слезами очей, улыбку радости, огонь чувства. Есть мраморъ, который живетъ; есть гипсъ, который дышитъ—и онъ здѣсь, предъ вами!.. Въ двухъ стоящихъ другъ противъ друга музеяхъ—это все надъ чѣмъ стоитъ остановиться.

Мы вновь катимъ по узкимъ коридорамъ стамбульскихъ улицъ, очарованные ихъ восточнымъ колоритомъ, не справляясь съ гидомъ, полагаясь на волю молодца каваса. Мелькаютъ ворота; турецкая гауптвахта со стоящими предъ ней на доскѣ четырьмя солдатами въ рядъ, съ миніатюрными ружьями, проплываетъ мимо. Вотъ мы чуть не задавили смуглую фигуру турка, вынырнувшаго изъ-подъ самой морды лошадей съ оригинальною ношей. Огромный баранъ, флегматически обхвативъ его шею передними ногами, тоскливо дремлетъ на спинѣ правовѣрнаго, безпрестанно стукаясь мордой въ красную феску.

Мы поспѣшно выходимъ изъ экипажа, чтобы вступить въ широкія ворота старинной *мечети Баязета*. Но подъ стрѣльчатой аркой мы невольно остановились. Предъ вами обширный дворъ, мраморная колоннада обступила его со всѣхъ сторонъ съ широкимъ навѣсомъ; по серединѣ золотомъ сверкаетъ фонтанъ и, ниспадая въ мраморную чашу, шепчетъ струями. Весь дворъ полонъ живописныхъ фигуръ, въ небрежныхъ позахъ, въ красивой группировкѣ... Здѣсь творятъ омовеніе запыленные пилигримы Востока, здѣсь

настоящій караванъ-сарай съ яркою типичностью турецкой жизни. Одни продаютъ, другіе покупаютъ, молятся и одѣваются, сидятъ и лежатъ, пьютъ и ѣдятъ сотни народа и никому нѣтъ дѣла до сосѣда! Вы не успѣли еще оглянуться, не успѣли придти въ себя, какъ чувствуете, что на васъ наведенъ фокусъ тысячи любопытныхъ глазъ, что отъ васъ ждутъ чего-то.

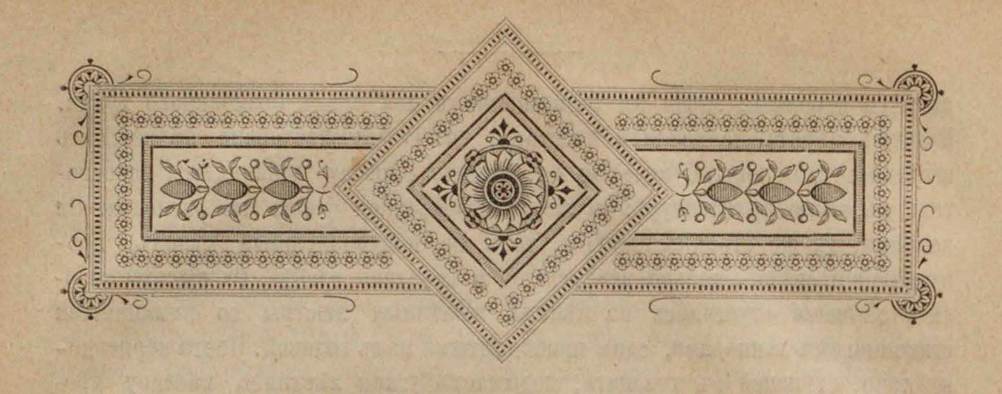
Нашъ кавасъ знаетъ это: онъ бросилъ монетку какому-то оборванцу, пластично застывшему надъ ящикомъ съ просомъ, и вдругъ вѣеромъ пало сѣмя на мраморныя плиты, а на насъ въ тотъ же мигъ, почти задѣвая крыльями поля шляпы, спустилась бѣло-сизая туча голубей—священныхъ голубей Баязета. Что̀ за прелесть! Они падаютъ, взлетаютъ, кружатся, клюютъ и, повиснувъ на распластанныхъ крыльяхъ, сверкаютъ ими въ золотистыхъ лучахъ южнаго солнца. Триста лѣтъ тому назадъ ихъ была, говорятъ, одна пара, которую великій основатель мечети подарилъ въ ея пользу, и съ тѣхъ поръ благочестивые мусульмане расплодили ихъ кормежкой до трехъ тысячъ.

Въ мечеть Баязета не пускаютъ; слѣдуетъ цѣнить поэтому ея подробное описаніе размечтавшихся предъ запертыми дверями туристовъ.

Мы осмотрѣли рядъ мечетей, перечислять которыя по именамъ безцѣльно для тѣхъ, кто ихъ не видѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ разобраться между Джаміей Магомета II, Ахмета III или Сулеймана Великолѣпнаго, если не давать о нихъ сухого перечня достопримѣчательностей, скучнаго даже на страницахъ гида и утомительнаго для читателей. Константинополь описанъ тысячу разъ на разные лады, съ повтореніемъ одного и того же. Но справедливо сказалъ кто-то, что онъ «не дописанъ». И едва ли когда это осуществится. До тѣхъ поръ пока будетъ существовать міръ, пока будетъ биться въ груди человѣческой сердце, на озаренную луной и солнцемъ красоту вѣчно прекрасной природы, незабвенныхъ памятниковъ искусства будутъ смотрѣть восхищенные глаза тысячи поколѣній: образы, образы безъ конца будитъ прекрасное, вызывая новизну ощущеній, непередаваемыхъ картинъ, красоты и неизсякаемаго вдохновенія.

И теперь, осмотрѣвъ рядъ мечетей, бѣломраморныхъ, изразцово-голубыхъ, полутемныхъ и залитыхъ потоками свѣта, перекроенныхъ изъ старинныхъ церквей Византіи и создавшихся вновь во славу Аллаха—можно уйти потрясеннымъ и взволнованнымъ... Можно лишь передать на бумагу перечувствованное, но трудно положить краски чернилами. Особый міръ, новый, плѣнительный открылся мнѣ въ этомъ царствѣ Ислама, подъ стройными куполами мечети. Золотистымъ ковромъ лежатъ на полу соломенныя циновки;

высятся огромныя свѣчи въ таинственномъ полумракѣ безмолвнаго храма. Кругомъ царятъ прохлада и просторъ. Св. Софія повторена въ каждомъ штрихѣ этихъ новыхъ мечетей; ея дивному образцу поклоняется завоеватель въ своей архитектурѣ: та же крестообразная форма въ расположеніи колоннъ, тѣ же стройныя стѣны, тотъ же полувоздушный куполъ, пропускающій свѣтъ—только все меньше и передано слабѣе. Съ высоты опрокинутой чаши спустились на цѣпяхъ желѣзныя люстры со стеклянными стаканчиками-лампадами, едва приподнятыми надъ головой. Почти перпендикулярно, ступеней въ тридцать, подымаетъ узкая лѣстница каѳедру проповѣдника. Мѣстами на стѣнахъ мелькаетъ стихъ изъ Корана, проглядываетъ сквозь грубо намалеванную штукатурку фресковая живопись исчезнувшей Византіи. Мраморные водометы въ углахъ, кое-гдѣ возвышенія, на которыхъ присѣли и даже разлеглись въ застывшихъ позахъ молящіеся. Въ Джаміи Сулеймана три муллы-проповѣдника, усадивъ въ квадратъ предъ собою слушателей, громко нараспѣвъ лепетали скороговоркой слова, приправляя ихъ однообразными жестами. И все же повсюду я выношу благоговѣйное чувство... Вездѣ я чувствую Единаго Бога, Творца, хотя исповѣдуемаго различно...



Глава IV.

Въ царствѣ фесокъ и полумѣсяца.

На турецкихъ базарахъ. Чарси и Безестанъ.—Общественная жизнь мусульманина.—Его развлеченія.—За столомъ кофейни.—Форумъ Константина.—Современный Эски-сарай и его прошлое.—Мечеть Великолѣпнаго Сулеймана.—Ночь на Золотомъ Рогѣ.

Кто путешествуетъ не отъ скуки, спасаясь отъ хандры и не зная куда дѣвать свою печальную фигуру, чей любознательный умъ жаждетъ извѣдать «міръ Божій широкій и прекрасный», пускай тотъ проѣдется по Востоку. Его глазъ, утомленный казарменною правильностью нашихъ многоэтажныхъ каменныхъ домовъ, что кажутъ съ высоты птичьяго полета правильно выкроенными ломтями сплошной монотонной массы, отдохнетъ на колоритныхъ картинахъ юга. Выдрессированный, запеленутый щеголеватымъ покроемъ моды, иногда курьезно-балаганной, весь пропитанный специфическимъ взглядомъ насиженнаго мѣста, онъ, конечно, будетъ ошеломленъ на первыхъ порахъ въ чужой ему обстановкѣ. Не встрѣчая привычныхъ формъ, облюбованныхъ глазомъ, незнакомые съ бытомъ страны, чуждые ея политической жизни, обычаевъ, нравовъ, мы обыкновенно подходимъ ко всему съ доморощеннымъ аршиномъ, не умѣя отрѣшится отъ нашихъ близорукихъ точекъ зрѣнія. Мы удивляемся—не понимая, восторгаемся сообразно рубрикамъ гида, порицаемъ все новое, незнакомое, негармонирующее съ давно сложившимся взглядомъ на вещи. Съ такимъ мѣриломъ еще можно, пожалуй, идти на Западъ, въ тѣ центры культуры, которые мы копируемъ такъ усердно. Но кто хочетъ проѣхаться по Востоку, кто хочетъ воплотить чудные образы сложившіеся о немъ ранѣе въ воображеніи, тотъ долженъ слиться съ жизнью обозрѣваемой страны, стать наблюдателемъ безпристрастнымъ. Тогда только въ сумятицѣ оргинальной жизни онъ сможетъ разобраться, понять и по достоинству оцѣнить ея національныя особенности.

Мусульманскій Востокъ, этотъ особый міръ, своевольно обнявшій почти двѣ трети Средиземнаго побережья, еще недавно сурово оберегалъ свои двери на скалистыхъ утесахъ Босфора отъ вторженія иностранцевъ. Его храмы, дворцы, историческія реликвіи, интересы общественной жизни — оставались недоступными «гяурамъ». Четверть вѣка тому назадъ европеецъ въ Константинополѣ не дерзалъ появляться во многихъ кварталахъ столицы. Ему посылались въ вслѣдъ проклятія, злобные взгляды встрѣчали иностранца всюду, гдѣ ему приходилось сталкиваться съ мѣстнымъ населеніемъ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и если Царьградъ поотсталъ въ любезности отъ Александріи и Каира—то все же теперешніе посѣтители имѣютъ возможность проникнуть въ такіе уголки, куда не рѣшились бы заглянуть прежде. Кто захочетъ сбросить съ себя европейскій сюртукъ, надѣть туземное платье и прикрыть голову феской, тотъ можетъ наблюдать типичную жизнь мусульманина не чрезъ окно гостиницы, а бокъ-о-бокъ съ толпой.

Жизнь Востока страстная, шумная, кипучая, вся проходитъ на улицѣ. Ей было бы слишкомъ тѣсно въ скученныхъ стѣнахъ подъ низкою кровлей; какъ все на югѣ, она рвется на волю, навстрѣчу радостнымъ лучамъ солнца, подъ широкій просторъ голубого неба. Когда вы идете по улицамъ Стамбула, Галаты, всѣ эти двухъэтажные домики, обступившіе лабиринтъ переулковъ, съ безконечнымъ навѣсомъ чередующихся деревянныхъ балконовъ, сплошь забранныхъ причудливыми рѣшеточками—кажутся опустѣлыми, покинутыми... Мусульманинъ дѣйствительно днемъ почти не бываетъ дома. Онъ живетъ на площадяхъ, въ кіоскахъ кофейни, подъ высокимъ куполомъ мечети; копошится въ муравейникѣ Золотого Рога, дремлетъ у порога лавочекъ, прилавковъ, и только поздно вечеромъ возвращается въ душныя стѣны своего жилища. Прелестнымъ женщинамъ всецѣло уступаетъ онъ свои домены, тщательно скрывъ за частою сѣткой *мухарабіэ* полныя жизни и огня многочисленныя очи женъ, дочерей и служанокъ.

Взгляните на константинопольскую толпу, хотя бы тамъ, гдѣ она бьется страстною волной, шумною и говорливою — у Галатскаго моста, и вы тотчасъ замѣтите скудный процентъ женскихъ покрывалъ въ этомъ морѣ тюрбановъ и красныхъ фесокъ. Только изрѣдка промелькнетъ предъ вами крошечная фигурка, какъ шелковичный червякъ въ сѣромъ коконѣ. Но за то на окраинѣ, подъ зеленою листвой платана, среди задумчивыхъ аллей кипариса, надъ бѣлыми могильными плитами—преобладаютъ группы женщинъ съ дѣтьми, какъ будто застывшія въ живописныхъ позахъ. Даже въ мечетяхъ ихъ встрѣтишь сравнительно очень немного. Онѣ придутъ на минуту, чтобы припасть головой къ холодному полу и, поспѣшно оправивъ чадру, снова исчезаютъ за священнымъ порогомъ. Въ Константинополѣ я видѣлъ

турчанку на гуляньи, у водомета, или на кладбищѣ; только переступивъ за грань шаловливой Греціи, я приглядѣлся къ ней ближе и получилъ возможность познакомиться съ ея интересною жизнью, полною романическихъ приключеній.

Самымъ густо населеннымъ кварталомъ Стамбула слѣдуетъ считать его крытые ряды, эти шумные рынки *Чарси и Безестанъ*, оригинальные каравансараи Востока. Все здѣсь своеобразно, типично, начиная отъ безконечныхъ закоулковъ, кончая самимъ населеніемъ этихъ закоулковъ. Предъ вами справа и слѣва, бокъ-о-бокъ чередуются неглубокія впадины, какъ огромные сундуки на низкомъ помостѣ, съ отнятою боковою стѣнкой. На саженномъ квадратѣ, въ грудѣ разнообразнаго товара, поражающаго контрастами, важно возсѣдаютъ турки-продавцы, покуривая наргилэ и не удостоивая взглядомъ прохожихъ. Быстро смѣняющимся потокомъ обтекаетъ говорливый людъ огромную площадь базара. Какихъ нарѣчій не наслушаешься здѣсь, въ Безестанѣ, какихъ типовъ не повстрѣчаешь въ Чарси! Оживленная мимика, выразительная жестикуляція, мѣстами какъ будто перебранка, ежеминутно грозящая перейти въ драку—неизмѣнные атрибуты восточной жизни. Среди безконечныхъ лавочекъ, чередующихъ всѣ отрасли производства, въ узкихъ проходахъ шныряютъ армяне, поютъ нищіе-слѣпцы, гнусавымъ голосомъ взывая къ Аллаху, полунагіе мальчишки дерутся у ногъ прохожихъ. Добродушные носильщики воды, сосредоточенная фигура турецкаго цирюльника, удивительно скоблющаго правовѣрныя головы, и тутъ же рядомъ застывшая въ сладостномъ созерцаніи группа стариковъ, потягивающихъ ароматическій кофе подъ тентомъ кофейни, — все это мелькаетъ предъ вашими глазами съ быстротой вертящагося калейдоскопа. Двигаясь въ толпѣ по этимъ безконечнымъ закоулкамъ, захватившимъ площадь около трехъ верстъ въ окружности, въ духотѣ, постоянно боясь наступить на безконечные собачьи выводки, присѣдая невольно предъ плывущею на васъ бараньею тушей, вы вдругъ совершенно неожиданно попадаете въ лавку продавца бусъ, стеклируса и прочей дряни, не имѣя никакой надобности въ его товарѣ: васъ просто сдавили и втиснули.

Около 8.000 лавокъ наполняютъ собой 30 отдѣленій, слабо освѣщенныхъ грязною стеклянною крышей. Нѣтъ ничего легче, какъ заблудиться въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ, гдѣ все такъ пестро, ярко и чрезвычайно похоже одно на другое. Вотъ на низенькомъ помостѣ, среди ярусомъ подымающихся полочекъ, на которыхъ блестятъ всевозможныя банки и стклянки съ порошками и жидкостями подозрительнаго свойства—важно возсѣдаетъ сѣдовласый потомокъ правовѣрнаго пророка. Предъ нимъ или вѣрнѣе съ нимъ,

въ этомъ же квадратѣ, виднѣется тщательно закутанная въ покрывало женская фигурка. Наперсница волшебной стороны «Забосфорья» *), черноокая гурія земного гарема, пріѣхала въ модной каретѣ вѣнскаго образца за неизбѣжными принадлежностями туалета. Хитрые глазки торговца смотрятъ на нее вскользь, какъ будто устремлены въ противоположную сторону; а между тѣмъ костлявыя руки завертываютъ что-то въ одинъ свертокъ съ румянами и сурмой—несомнѣнно драгоцѣнный опіумъ.

Удивительно сложилась жизнь мусульманки... Странная, малоразвитая, она проситъ плѣнительныхъ ласкъ, распаленная жгучими лучами солнца. Сливая жизнь съ сладостію лобзаній, она бредитъ любовью, живетъ для любви и въ неустанной погонѣ за утѣхами грубо понятаго счастья больше вынуждена жить иллюзіями, чѣмъ дѣйствительностію. Судьба посмѣялась какъ будто надъ дочерью юга...Ей, жаждущей страстныхъ объятій,она дала въ спутники молчаливый манекенъ, вялый, подъчасъ суровый и въ большинствѣ случаевъ меланхолически сосредоточенный на своей персонѣ. Запертая въ гаремѣ, скучая отъ бездѣлья, одна ли, въ обществѣ ли подобныхъ ей затворницъ, въ промежуткахъ между ссорой и перебранкой, въ безконечные часы безконечнаго досуга, ея пышную грудь, малоразвитый мозгъ вѣчно дразнятъ прихотливыя грезы... Грезы о счастіи наслажденій со страннымъ желаніемъ *забыться*. Втихомолку отъ повелителя-мужа красавицы курятъ опіумъ, покупая его тайкомъ отъ глазъ евнуха — неумолимаго стража гарема. Съ каждымъ годомъ возрастаетъ число курильщицъ, несмотря на мѣры правительства, внушенія софтъ и домашнія расправы со строптивыми.

Подхваченный попутнымъ теченіемъ, ошеломленный туристъ наконецъ попадаетъ къ выходу изъ этого шумно кипящаго котла, въ которомъ бурлятъ самые разнородные элементы и страсти. Какъ пріятно, вдохнуть въ себя полною грудью струю свѣжаго воздуха, выбравшись изъ безконечныхъ навѣсовъ Чарси и Безестана. Вы берете ослика, и въ то время какъ лѣнивый погонщикъ вяло бредетъ сзади васъ, не желая рысью отбивать пятки о каменную мостовую, не спѣша выѣзжаете изъ людской толчеи, чтобъ отдохнуть на соломенномъ стулѣ кофейни. Кажется, лучше всего себя чувствуетъ турокъ именно здѣсь, гдѣ онъ можетъ предаться сладостному, излюбленному кейфу. Важно посасывая янтарный мундштукъ наргилэ, сосредоточенно устремивъ взглядъ въ туманную недосягаемую даль своего

---

*) Такъ называютъ аристократическій турецкій кварталъ, облегающій Долма Бахче, роскошный дворецъ султана.

восточнаго воображенія, онъ комфортабельно размѣстился среди груды подушекъ на низенькомъ диванѣ *). Едва сдавивъ мелкими желтоватыми зубами наконечникъ длиннаго чубука, онъ величаво застылъ, поднялся уже выше надъ этою жалкою землей, забылъ ея радости и неудачи. Какъ и его собратъ, созерцатель-браминъ, онъ носится теперь въ облакахъ табачнаго дыма, предвкушая сладости нирваны. Иными красками только расписанъ ея чертогъ, пропитанъ особою поэзіей жизни, согрѣтъ ласками неземныхъ гурій въ тиши прохладныхъ садовъ, освѣженныхъ холодною влагой студенаго фонтана.

Впрочемъ, турокъ не живетъ однѣми грезами: онъ стремится осуществить ихъ здѣсь, на землѣ, хотя бы на половину, преимущественно останавливаясь на гуріяхъ. Скромный, малотребовательный, онъ мирится съ печальною необходимостью довольствоваться женщинами земли, покупая, какъ это ни странно для иностранца, рабынь всѣхъ національностей. Правда, лѣтъ тридцать тому назадъ, смущенная настойчивыми требованіями европейскихъ дворовъ, Высокая Порта вынуждена была закрыть лавочку свободной торговли рабами; но это мало измѣнило сущность дѣла. Съ открытыхъ рынковъ прелестный полъ былъ перемѣщенъ въ тайные притоны-кофейни, гдѣ хорошій домохозяинъ всегда найдетъ хорошій «товаръ» по своему турецкому вкусу. Мнѣ предлагали четырнадцатилѣтнюю дѣвочку съ чудными глазами и великолѣпною шевелюрой за 1.000 франковъ, но это только потому, что ей было четырнадцать; чрезъ два года она будетъ стоитъ втрое. Милый спутникъ, помощникъ капитана на одномъ изъ египетскихъ пароходовъ, серьезно увѣрялъ меня, что такія покупки далеко не рѣдкость среди европейцевъ. «У кого есть средства», откровенничалъ онъ,—«можно пожалуй обзавестись и парой... Ахъ, наша цивилизація! Мы вѣдь такъ только притворно удивляемся мусульманскому многоженству, а сами, по совѣсти говоря, такъ мало отъ нихъ отстали!» Я пытался попасть въ такую кофейню, но, увы, не имѣя знакомыхъ въ Константинополѣ, мнѣ не удалось побывать въ этомъ тайномъ притонѣ работорговли.

Телеграфный столбъ.

Пока вы курите наргилэ, а добродушный хозяинъ кофейни мѣняетъ вамъ чашку за чашкой, посмотрите на уличную толпу, снующую предъ вами. Сколько жизни, движенія, типичности въ беззаботныхъ дѣтяхъ Востока и сколько констраста въ этихъ быстро мѣняющихся

*) „Софа" неизбѣжная принадлежность комфорта всѣхъ турецкихъ домовъ, общественныхъ кіосковъ-кофеенъ и т. п. Вы найдете ее и въ женской половинѣ его дома—въ гаремѣ, и въ селамликѣ (мужское отдѣленіе), даже въ залахъ дворца и въ совѣтѣ министровъ.

картинахъ. Мимо васъ почти бѣгомъ проходитъ огромный рослый турокъ-носильщикъ, полусогнувъ широкую спину подъ чудовищною громадой какого-то сундука съ привязанною къ нему периной. Тамъ, напротивъ каведжи, нанизавъ куски баранины на вертелъ, отравляютъ воздухъ ароматною струей горячаго шашлыка, зазывая прохожихъ. „Варда, варда»! кричитъ погонщикъословъ, и вереница граціозныхъ животныхъ, обвѣшанныхъ по бокамъ мокрыми боченками, легкою поступью быстро скользитъ предъ вами. Черезъ лавку рядомъ, на улицу, прямо въ толпу летитъ шелуха орѣховъ съ пахучими очистками банана, къ которымъ вялою медленною поступью приближается стражъ стамбульскихъ улицъ. Вы думаете быть-можетъ, что я имѣю въ виду полицейскаго блюстителя чистоты и порядка? Нѣтъ, это просто собака и притомъ мѣстная *). «Онъ парая»! **) кричитъ торговецъ разной мелочи, расположившійся подлѣ васъ на тротуарѣ, если только можно назвать тротуаромъ узкій бортикъ настилки, окаймляющій улицу. Издали, громыхая колесами, визгливо катится оригинальный вагонъ трамвая, кажется единственный даръ новомодной цивилизаціи, облюбованный и принятый правовѣрнымъ. Но и въ немъ онъ размѣстился по своему, разгородивъ деревянныя скамьи на мужскую и женскую половину. Въ разнородной толпѣ вамъ бросается въ глаза статная фигура анатолійца. Въ бѣлой юпочкѣ, въ яркомъ камзолѣ безъ рукавовъ, сплошь затканномъ золотымъ позументомъ, весь обвѣшанный оружіемъ внушительныхъ размѣровъ, въ круглой шапочкѣ, сдвинутой на энергичныя складки лба, онъ горделивою поступью идетъ по самой серединѣ улицы. Даже щеголеватый *чибукчи*, ***) наперсникъ турецкихъ вельможъ, пронырливый и надменный, покорно даетъ ему дорогу. Страстный привѣтливый взглядъ шлютъ ему черноокія дѣвы Ислама изъ-подъ розовыхъ складокъ *фередже* ****) и полураздѣтый нищій, въ ожиданіи подачки, начинаетъ громко гнусить при его приближеніи.

А надъ всею этою многотысячною толпой, надъ моремъ головъ, бѣлыхъ, красныхъ, зеленыхъ фесокъ, тюрбановъ, выше надъ причудливо изогнутою линіей плоскихъ каменныхъ кровель, какъ будто сливаясь съ прозрачнымъ куполомъ голубого горизонта, льются потокомъ золотистые лучи яркаго солнца. Жизнь и радость, движеніе, нѣгу, знойную страсть разливаютъ они надъ этимъ волшебнымъ уголкомъ, удѣленнымъ судьбой беззаботнымъ

*) Въ Константинополѣ каждый кварталъ охраняютъ свои собаки; сердобольные турки-торговцы держатъ ихъ цѣлыми стаями и горе тому чужеземцу, который обойдется съ ними непривѣтливо.

**) „По копейкѣ“, по одной копейкѣ.

***) „Чибукчи“ — слуга, завѣдующій курительными принадлежностями богатыхъ турокъ.

****) „Фередже“—родъ плаща, накидка.

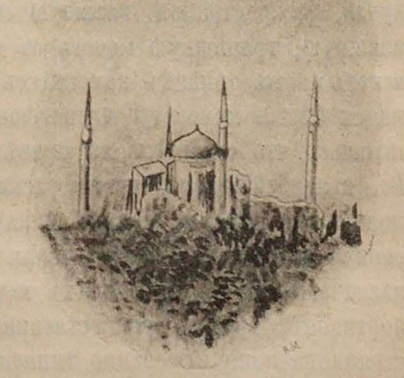
дѣтямъ народа-ребенка. Что имъ политика, что имъ національная борьба, весь этотъ гамъ и чадъ сѣверной жизни, имъ, живущимъ въ вѣчномъ общеніи съ природой, избалованнымъ ея дарами!

Если свернуть съ большой улицы, переѣзавъ линію трамвая вправо, направляясь къ сѣверо-западу, вы ступаете въ такъ называемый «Тоукъ-базаръ», древній *форумъ Константина,* расположенный на второмъ холмѣ Стамбула. Изъ достопримѣчательностей его сохранился только каменный столбъ оригинальной формы, издали напоминающій башню. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ *обгорѣвшей колонны* и представляетъ собой восьмиярусный столбъ на огромномъ базисѣ. Постаментъ его, похожій на фундаментъ многочисленныхъ башенъ замыкающихъ византійскія стѣны, окруженъ теперь зданіями, составляющими линію не широкой улицы. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ одинокій гигантъ, темною массой встающій передъ вами на фонѣ голубого неба, среди густыхъ купъ зелени, перегоняя въ перспективѣ высоко поднятый куполъ виднѣющейся за нимъ мечети. Жалкимъ, убогимъ, кажетъ ея минаретъ передъ этою стройною колонной великаго Константина, перенесенный сюда съ далекихъ береговъ Тибра. Восемь кусковъ порфира, опоясанные мѣдными кольцами-обручами, поднимали когда-то изящную статую великаго основателя Царь-града.

Оригинальная легенда приросла къ вѣковымъ камнямъ византійской руины, и какъ зеленый влажный мохъ, оплетающій ея подножіе, она соткала причудливый рисунокъ по историческому фону. Бронзовое изваяніе измѣнившаго богамъ древности императора, на высокомъ пьедесталѣ обновленнаго могущества, привлекло, говорятъ, грозные перуны разгнѣваннаго Зевса. Ударъ грома, отбивъ капитель колонны, низвергнулъ ее на землю. Еммануэлъ Комненъ, неустанно воевавшій то съ турками, то съ королями Сициліи, то съ сербами и венграми въ 1148 году реставрировалъ мраморъ кирпичами, на что указываетъ и донынѣ сохранившаяся надпись. Когда Магометъ II ворвался въ Константинополь, уцѣлѣвшая горсть его защитниковъ собралась вокругъ сожженной колонны, чтобы грудью встрѣтить послѣдній ударъ, уничтожавшій Византію. И вдругъ среди этой толпы смѣльчаковъ появился неизвѣстный инокъ...

— «Дерзайте!» воскликнулъ онъ, — никогда святой основатель не пуститъ изувѣровъ дальше подножія этой колонны! Мы падемъ изнемогая, но въ роковую минуту съ ея вершины спустится Ангелъ и пламеннымъ мечемъ поразитъ невѣрныхъ!...

Отъ этого историческаго памятника, минуя мечеть Баязета съ ея священными голубями, поѣзжайте посмотрѣть *Эски-сарай*, то-есть «древнія палаты», выросшія на мѣстѣ форума Өеодосія. Магометъ выстроилъ здѣсь, въ самомъ центрѣ Стамбула, роскошный дворецъ, воспользовавшись матеріаломъ древняго Капитолія. Пятиугольный громадный дворъ его обнесенъ высокими стѣнами съ четырьмя воротами, изъ которыхъ двое открыты для публики. Изящная композиція этихъ тріумфальныхъ дверей, ведущихъ къ зданію военнаго министерства—«Сераскера», заслуживаетъ упоминанія. Высокій фасадъ ихъ, прорѣзанный посрединѣ типичною мавританскою аркой съ двумя боковыми пролетами, замкнутыми бронзовыми рѣшетками, нѣсколько тяжелъ для легкихъ мраморныхъ колоннъ, на которыя онъ налегаетъ своимъ массивомъ. Пестрая фрагментовка изящными квадратами оттѣняетъ детали рисунка, а по бокамъ, какъ два колоссальныхъ мавританскихъ столика (знакомый атрибутъ турецкой обстановки), высятся зубчатыя восьмиугольныя башни. Онѣ кажутся какъ будто пристроенными позднѣе и слишкомъ грамоздкими въ низенькой цѣпи ограды, сквозною сѣткой примыкающей къ нимъ справа и слѣва. У воротъ стоятъ будки для часовыхъ, мало гармонирующія съ общею картиной. На низенькомъ дворѣ пріютились казармы и военный госпиталь, а на срединѣ площадки высится бѣлая гигантская каланча оригинальной архитектуры. Расширяющійся верхъ ея унизанъ четырьмя ярусами балкончиковъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, и оттуда, съ высоты 80 ступеней, предъ вами открывается чудная панорама всего Константинополя. Синѣетъ Босфоръ, извивается Золотой Рогъ, кажутся крошечными домики Стамбула, элегантно блеститъ на солнцѣ европейскими зданіями аристократическая Пера, а сзади васъ убѣгаетъ въ туманную даль безконечная ширь Пропонтиды.



Мечеть Сулейманіэ.

Эски-сарай граничитъ съ мечетью *Сулейманіэ*, построенный султаномъ Сулейманомъ I въ 1566 году, какъ памятникъ завоеванія Багдада. Характерный эпизодъ приводитъ гидъ изъ лѣтописей ея постройки. Завоеватель Родоса, скупая площадь необходимую для возведенія мечети, никакъ не могъ пріобрѣсти участка одного еврея. Раздраженный упорствомъ соб-

ственника, не желавшаго разставаться со своимъ имуществомъ, султанъ передалъ дѣло на судъ муфтія.

— Дозволяется ли невѣрному іудею, спросилъ онъ грозно, капризнымъ упорствомъ мѣшать благому дѣлу построенія мечети? Какое наказаніе назначишь ты ему, кади?

— Никакого! отвѣтилъ улэмъ. Собственность по закону священна безъ различія лицъ и релегій. Разрушая, не созидаютъ храма! Займи мѣсто, но обязуйся постоянною уплатой за него владѣльцу.

Сулейманъ согласился съ приговоромъ, и наемная плата аккуратно уплачивалась съ тѣхъ поръ потомкамъ строптиваго еврея.

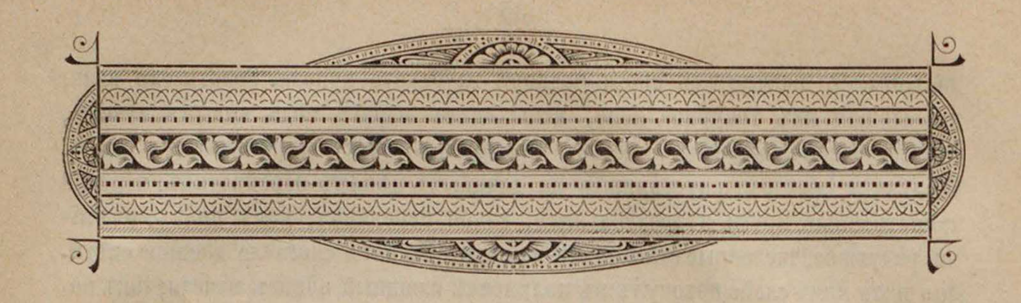
Мечеть поражаетъ своимъ великолѣпіемъ. Богатство ея матеріала, собраннаго со всѣхъ концовъ Турецкой имперіи, изъ древнихъ зданій Царь-Града, Греціи и Александріи, выдержанность восточной архитектуры, колоссальныя гранитныя колоны изъ храма Діаны Ефесской, масса зеленаго мрамора, которымъ облицованы даже наружныя стѣны,—просто изумительны. Огромный куполъ опирается на колоннаду изъ египетскаго гранита; по рединѣ ея изящный водоемъ брыжжетъ струями въ полосѣ солнечныхъ лучей, распространяя влажную свѣжесть. Когда глядишь вблизи на эту изящную, граціозную мечеть съ ея стрѣльчатыми галлереями, у подножія которыхъ въ тонкихъ каменныхъ жолобкахъ сверкаютъ холодныя струйки, на ея бѣлыя минареты, отшлифованные многочисленными гранями, соглашаешься, что строитель въ правѣ былъ получить титулъ «Великолѣпнаго». Въ квадратѣ двора, густо раскинувъ широкія вѣтви, разросся платанъ, подъ которымъ запыленный пилигримъ Востока спокойно располагается со своими пожитками—удивительная черта, характеризующая филантропическое назначеніе храма. Во дворахъ мечети, подъ сѣнью безконечныхъ навѣсовъ портиковъ, турокъ-путешественникъ отдыхаетъ, творитъ молитву, спитъ, стряпаетъ пищу. Особенно типична въ этомъ отношеніи мечеть Баязета съ ея крытыми дворами, дающими пріютъ нерѣдко тысячной толпѣ пилигримовъ.

Былъ уже вечеръ, когда я покидалъ грандіозный храмъ мусульманства — «Сулейманіэ. Сквозь громадныя окна, въ причудливый переплетъ цвѣтныхъ стеколъ сквозили синіе, желтые, рубиновые лучи, прихотливымъ узоромъ пестрившіе стѣны. Огненно-краснымъ отливомъ рдѣли колонны, слабые контуры тѣней ложились на тонкій бордюръ мраморныхъ карнизовъ. Изъ купола-чаши мягко струились золотистыя пылинки, прорѣзанныя угасавшимъ лучемъ, а густѣющій сумракъ заволакивалъ филигранъ «мираба», ютился среди точеныхъ пилястръ въ священныхъ нишахъ. Въ мечети царила поразительная тишина... Запоздалая группа молящихся, неподвижныя, безмолвныя фигуры имамовъ застыли какъ изваянія, усугубляя колоритъ впечатлѣній. Съ какимъ-то суровымъ величіемъ смотрѣли на насъ черные ме-

дальоны съ изогнутыхъ арокъ-подпоръ глубокаго купола. Золотистая вязь, покрывшая ихъ траурное поле, вспыхивала вдругъ подъ косымъ лучемъ, скользнувшимъ нежданно черезъ мраморную сѣтку стрѣльчатыхъ оконъ. Желѣзныя люстры, спустившись на длинныхъ цѣпяхъ-перехватахъ, чертили таинственные круги и треугольники, слабо переливая, какъ опалъ, цвѣтами радуги безчисленные стаканчики-лампады. Но вотъ «погасло дневное свѣтило» и съ нимъ слабо потонулъ въ полумракѣ изящный абрисъ мечети; такъ поэтическій миражъ тускнѣетъ внезапно на желтомъ фонѣ песчаной пустыни.

Въ какомъ-то странномъ настроеніи возвращался я домой на Аѳонское подворье—въ Галату послѣ пережитыхъ впечатлѣній. Шумная жизнь Стамбула билась теперь уже слабымъ пульсомъ изможденнаго старца. Почти не встрѣчалось экипажей, только огромныя дроги, запряженныя парой воловъ, разъ пересѣкли дорогу. Турокъ-погонщикъ, а можетъ быть грекъ (всѣхъ равняетъ традиціонная феска), сквозь зубы тянулъ заунывную пѣсню... Кое-гдѣ мелькали рѣдкіе огоньки фонарей; торговцы спѣшили домой изъ затихавшаго Безестана, и только тамъ, гдѣ-то вдали, гарнизонный рожокъ слабо пародировалъ европейскую зорю. Стая собакъ въ глухихъ переулкахъ подозрительнымъ воемъ провожала прохожихъ. Мнѣ попались навстрѣчу два, три пѣшехода съ зажженными фонарями; остроумный обычай, характеризующій константинопольскіе нравы. Говорятъ, что слѣдуетъ непремѣнно запасаться огнемъ, если не хочешь попасть въ кутузку или быть искусаннымъ ночью собаками, этими истинными хозяевами пустыннаго Стамбула.

Темная, быстро наступившая ночь спустилась на стихшую землю; ночь полная нѣги—волшебная ночь Востока! Я стоялъ у Галатскаго моста, и пока рваный сборщикъ обиралъ у меня традиціонныя «дани», пытался разглядѣть что дѣлалось на безчисленныхъ лодкахъ-каикахъ, запружавшихъ Золотой Рогъ съ утра до поздней ночи. Оттуда доносился еще смутный гулъ, выдѣлялись по временамъ отдѣльные голоса, но не надолго. Жизнь уже замирала, уступая мѣсто покою ночи...



Глава V.

Историческія реликвіи Византіи.

Географическое положеніе турецкой столицы.—Въ садахъ Сераля.—Св. Ирена.—Херкаи Шерифъ-Одаси.—Памятники исчезнувшей Византіи на Ат-Мейданѣ.—Джамія Ахмета I.—Цистерна Филоксена.—Султанскія усыпальницы.—Тюрбэ Сулеймана, Ахмета, Махмуда II и христіанки Роксоланы.

Когда глядишь на Константинополь съ Босфора, онъ представляется живописнымъ сборищемъ дворцовъ, мечетей, прихотливыхъ купъ зелени, перемѣшанныхъ съ группами столпившихся отовсюду домовъ, кіосковъ, бѣломраморныхъ колонадъ восточной архитектуры, бокъ-о-бокъ съ европейскими зданіями различныхъ посольствъ и консульствъ. Трудно вообразить себѣ болѣе оригинальное смѣшеніе, иногда поражающее своимъ неожиданнымъ контрастомъ. Въ огромномъ амфитеатрѣ столицы, облегающемъ васъ съ сѣвера, запада и юга, съ перваго взгляда кажется невозможнымъ разобраться безъ предварительнаго ознакомленія съ картой. Такъ все выглядитъ скученнымъ, нагроможденнымъ какъ будто одно на другое, безо всякой системы и плана. А между тѣмъ это только первое впечатлѣніе.

Константинополь, какъ большинство «великихъ» столицъ, въ дѣйствительности занимаетъ *семь* традиціонныхъ холмовъ, группируя на каждомъ изъ нихъ рядъ историческихъ памятниковъ прошлаго или интересныя достопримѣчательности настоящаго. Поэтому, и осмотръ Царь-Града всего удобнѣе дѣлать по «холмамъ». Сперва посмотрѣть все въ Стамбулѣ и уже затѣмъ ознакомиться съ европейскимъ кварталомъ Перы и азіятскимъ Скутари. Нанявъ коляску *), которую всего удобнѣе брать по часамъ (таксы

*) Въ Константинополѣ большинство извозчиковъ парные. Хотя въ городѣ нѣтъ биржи въ европейскомъ смыслѣ, но экипажи можно нанять въ извѣстныхъ пунктахъ, напримѣръ въ Перѣ—у туннеля, въ Галатѣ—близъ трамвая, въ Стамбулѣ—на площадяхъ у стараго и у новаго мостовъ Махмуда и Валиде.

не существуетъ; приблизительная цѣна 15—20 піастровъ по даннымъ гида), вы въ сопровожденіи каваса (другихъ чичероне брать не совѣтую) направляетесь въ Стамбулъ, переѣхавъ Золотой Рогъ по «новому» мосту султана Валиде, повергающему васъ въ недоумѣніе: каковъ же долженъ быть «старый» Махмуда, если этотъ стучитъ подъ колесами вашей коляски какъ расшатанные клавиши старомоднаго фортепіано. Курьезнѣе всего, что турецкое правительство беретъ за проѣздъ по немъ «дани» $^1/_2$ піастра съ пѣшехода, 2 піастра съ экипажей и $2^1/_2$ съ верхового, деньги, на половину, если не болѣе исчезающіе въ карманахъ безконтрольныхъ сборщиковъ.

О Константинополѣ почему-то существуетъ мнѣніе, что онъ также восхитителенъ издали, какъ безобразенъ вблизи: узкія улицы, скученность домовъ, невылазная грязь, ужасный воздухъ и милліонъ собакъ повсюду— вотъ обычная картинка, какою представляютъ эту мусульманскую столицу досужіе путешественники. Очень можетъ быть, что лѣтъ пятнадцать тому назадъ, все это было правдоподобно, но теперь нельзя не замѣтить крайности такихъ описаній. Когда вы вступаете въ Стамбулъ, васъ конечно поражаютъ его улицы, носящія на себѣ типичный колоритъ Востока. Но поѣзжайте по *Диванъ Гъогли* (то-есть Большая улица), среди чудныхъ зданій, къ грандіозному монументу Св. Софіи, что сквозитъ своими желтыми контрафорсами въ пышной зелени темныхъ, задумчивыхъ кипарисовъ и гигантскихъ чинаръ, осмотрите армянскіе кварталы на *Кумъ-Капу* и *Геніи-Капу*, чтобъ убѣдиться насколько Царь-Градъ успѣлъ уже догнать своихъ европейскихъ собратьевъ. Не говоря уже о Буюкдере, Фундукли, Топхане, объ этой чудной набережной Босфора, почти сплошь занятой роскошными дворцами, восхитительными фонтанами, кіосками, какъ будто сотканными изъ мраморныхъ кружевъ въ легкой изящной оправѣ, о Долма-Бахче, этомъ сказочномъ дворцѣ Абдулъ-Гамида, Константинополь почти удивляетъ относительною чистотой, если принять во вниманіе безцеремонность толпы, проводящей всю жизнь на улицахъ.

На *первомъ* восточномъ холмѣ Стамбула находятся четыре достопримѣчательности Царь-Града. Во-первыхъ, *Св. Софія*, неувядаемый памятникъ грандіозной красоты, печальный стражъ исчезнувшей Византіи. Новый мусульманскій міръ, разросшійся на развалинахъ города Великаго Константина, постарался сдавить этотъ грандіозный монументъ христіанства уродливыми пристройками, контрафорсами, кучей зданій, облегающихъ его отовсюду. Не останавливаясь здѣсь *), на этомъ умершемъ августеонѣ Константина, перейдемъ неширокую площадь Серай-Мейдана, лежащую предъ

*) Св. Софія была описана ранѣе.

храмомъ Айя-Софіи, чтобы вступить черезъ ворота Бабъ-и-Хумай-юнъ въ поэтическій уголокъ *Сераля.* Этотъ дворецъ прежнихъ владыкъ, построенный, какъ все въ Константинополѣ, на византійскихъ руинахъ, теперь почти заброшенъ. Здѣсь возвышался огромный Акрополь, стояли «великія палаты» христіанскихъ потомковъ Византа. Мѣстоположеніе Сераля восхитительно. Приподнятый вершиной холма высоко надъ уровнемъ моря, онъ тонетъ въ пышныхъ садахъ, обступившихъ безконечный лабиринтъ его зданій таинственными полутемными аллеями. Пустынный и молчаливый, онъ какъ покинутая вдова груститъ какъ будто въ своемъ одиночествѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Махмутъ II, этотъ реформаторъ Турціи, увѣковѣчившій свое имя кровавою расправой съ янычарами, покинулъ любимое жилище предковъ и перебрался въ Долма-Бахче на берега Босфора, опустѣлый Сераль притихъ въ темной зелени своихъ садовъ, среди молчаливыхъ фонтановъ. За повелителемъ послѣдовалъ многочисленный гаремъ и шумныя толпы придворныхъ. Когда глядишь на эти опустѣлыя палаты, съ потускнѣвшими окнами, то какъ-то грустно становится на душѣ...

Упраздненный Сераль, позабытый мусульманскими владыками, кажется огромнымъ мавзолеемъ могучихъ предковъ Абдулъ-Гамида. Бродя по пустыннымъ аллеямъ, среди темной зелени чинаръ, стройныхъ кипарисовъ, вы тамъ и сямъ наталкиваетесь на ряды каменныхъ плитъ, испещренныхъ прихотливою вязью. Безмолвные слѣды минувшаго, они какъ будто говорятъ вамъ о тщетѣ всего земного, а ихъ царственный собратъ—о капризахъ измѣнчивой судьбы, дающей слѣпо то блескъ, то забвеніе.

Черезъ низенькія, когда-то «кровавыя ворота» *), вы входите пѣшкомъ (экипажей сюда не пускаютъ) въ первый дворъ Сераля, гдѣ слѣва передъ вами встаетъ печальная громада *Св. Ирены*, а справа—неприглядное зданіе монетнаго двора. Обитель Ирены, построенная еще Константиномъ на мѣстѣ древняго эллинскаго храма «богини мира», знаменита какъ мѣсто второго Вселенскаго собора. Ѳеодосій Великій созвалъ его, чтобы положить конецъ ереси Македонія. Оттоманскіе турки обратили церковь въ арсеналъ, историческія реликвіи котораго не лишены интереса. Къ сожалѣнію, входъ въ него недоступенъ иностранцамъ. Здѣсь хранятся древности Августеона **); колонна Евдокіи, порфировый саркофагъ Аркадіи, третьей дочери императора Аркадія. Онъ интересенъ для археолога оригинальнымъ высѣченнымъ на немъ крестомъ, верхняя часть котораго замѣнена буквою Ω, съ буквами Р. Х. внутри. Здѣсь же у подножія его свалена груда ги-

*) На нихъ выставлялись головы казненныхъ сановниковъ для вящаго внушенія строптивымъ.

**) Въ Августеонѣ, этомъ уголкѣ роскоши, обыкновенно короновались Августы—жены правившихъ императоровъ.

гантскихъ желѣзныхъ цѣпей, запиравшихъ когда-то величавую ширь Золотаго Рога отъ непріятельскаго флота. Даже Магометъ II, сокрушитель Византіи, не смогъ порвать ихъ, и говорятъ, принужденъ былъ перетащить свои корабли по доскамъ намазаннымъ саломъ.

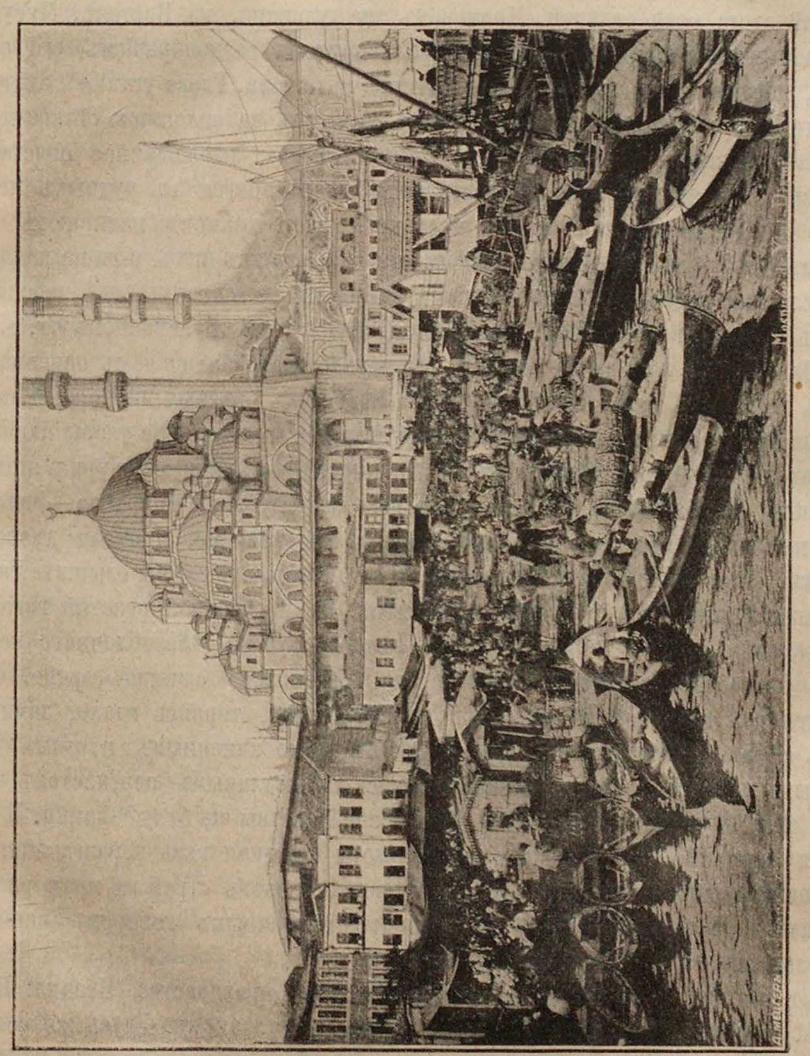
Съ этого перваго двора, черезъ ворота «Орта-Капу», вы вступаете во второй Серальскій дворъ, гдѣ стояли роскошныя зданія блестящаго двора потомковъ калифа. Здѣсь, между прочимъ, въ такъ-называемомъ «Херваи-Шерифъ-Одаси» хранятся святыни мусульманскаго Востока: знаменитый камлотовый плащъ пророка Магомета «хирка», завернутый въ сорокъ шелковыхъ чехловъ и запертый въ серебряномъ ларцѣ, отпираемый разъ въ году въ день Рамазана, въ присутствіи великаго властителя Порты. Здѣсь же висятъ его лукъ и мечъ въ коллекціи палицъ Абубекра, чалма Омара и священное знамя пророка *), полуистлѣвшее на золотомъ древкѣ. Оно закатано въ сорокъ тканей и не развертывалось вотъ уже 60 лѣтъ со дня знаменитаго янычарскаго погрома. Говорятъ, что эту святыню возятъ на священномъ верблюдѣ, и стоитъ показаться на свѣтъ Божій ея зеленымъ складкамъ, чтобы тотчасъ же всколыхнуть отъ края и до края грозныя волны мусульманскаго міра.

А пока передъ нами вдали другія волны, чарующія глазъ разнообразными переливами голубыхъ тоновъ. Тамъ, внизу, мощная ширь царственнаго Босфора, шумный рейдъ загроможденный судами, быстро мелькающія точки-пароходы, живописная панорама Перы, съ шумящею у ногъ ея пристанью Галаты. Оттуда доносится къ намъ гомонъ кипучей жизни, учащенные свистки пароходовъ, отдаленные залпы салютаціонныхъ пушекъ. Прямо на васъ смотритъ съ азіатскаго берега Скутари, зарисованный смутными очертаніями столпившихся домиковъ на пологихъ скатахъ. Едва бѣлѣетъ какъ будто видвинутая изъ глубины зеркальныхъ водъ поэтическая башня Леандра, у подножія которой Босфоръ слился съ царственною ширью Пропонтиды. Справа, тонкою лентою пролегла золотистая синева Мраморнаго моря, съ туманною далью ярко освященнаго горизонта. Какъ крылья колоссальной чайки, распластаны изогнутые паруса едва замѣтныхъ каикъ, тихо перебѣгающихъ отъ одного берега къ другому. А по крутой извилинѣ мыса «Серай Бурну» чернѣетъ лента желѣзной дороги; еще лѣвѣе сквозятъ минареты съ высоко подтянутыми на нихъ изящными розетками балконовъ. Въ безконечной перспективѣ тонутъ живописные холмы цвѣтущихъ пред-

*) Это зеленая шерстяная пелена въ 12 футовъ длины называется *Санджакъ-Исъ-Шерифъ*. Преданіе говоритъ, что одинъ изъ приверженцевъ Пророка, Бурейди-Сехми, въ разгарѣ битвы сорвалъ со своей головы повязку и торжественно наткнувъ ее на пику—создалъ эту священную хоругвь, бережно хранимую потомствомъ.

мѣстій, и силъ нѣтъ оторваться отъ этой волшебной панорамы, какъ и нѣтъ силъ передать ее на бумагу. . . . .
. . . .

Пора, эфенди!—говоритъ кавасъ, видимо не раздѣляющій нашихъ восторговъ. «Сегодня надо успѣть побывать на «Гипподромѣ», да еще «Ѳилоксенова цистерна», припоминаетъ онъ, «потомъ султанскія усыпальницы», и, какъ будто спохватившись, быстро выводитъ насъ къ воротамъ Сераля, гдѣ стоитъ наша коляска. Добродушный кучеръ съ физіономіей бронзоваго цвѣта, поразительная помѣсь турка съ негромъ, мирно дремлетъ на козлахъ фаэтона. «Хатъ кароса!» кричитъ ему кавасъ, и черезъ минуту мы уже катимъ вновь по шумнымъ дорогамъ живописнаго Стамбула. Два, три поворота, и вотъ мы на пустынной площади, въ концѣ которой вынырнула повсюду преслѣдующая насъ желтоватая громада Айя-Софіи. Мимо великолѣпнаго фонтана султана Ахмета III, изящнаго мраморнаго кіоска подъ китайскимъ навѣсомъ съ пятью куполами, гдѣ у бронзовыхъ рѣшетокъ столпились живописныя группы продавцевъ воды, а у мраморныхъ раковинъ застыли бѣлыя фигуры турчанокъ, мы вступаемъ на *Атмейданъ*, въ знаменитую арену борьбы «голубыхъ» и «зеленыхъ». Теперь эта опустѣлая площадь болѣе привлекаетъ глазъ великолѣпною *мечетью султана Ахмета*, чѣмъ остатками византійскихъ древностей. Бѣломраморный квадратъ Джаміи-Ахмета, окруженный шестью минаретами съ балкончиками въ три яруса, легко и свободно сведенъ подъ навѣсъ пяти куполовъ, поднятыхъ мраморною колоннадой. Невысокая каменная ограда, безконечный рядъ колонокъ, сплошь затканныхъ сѣткой рѣшотокъ, отдѣляетъ и отъ древняго Гипподрома. Ахметъ султанъ, строитель, не пожалѣлъ никакихъ сокровищъ для постройки этой великолѣпной мечети и говорятъ самъ помогалъ мастерамъ, приходя еженедѣльно для раздачи собственноручно громадныхъ суммъ жалованья. Великолѣпіе ея какъ внутри, такъ и снаружи ничѣмъ не уступаетъ даже храму Св. Софіи. Не имѣя силъ повторить грандіозныхъ размѣровъ послѣдней, онъ украсилъ мраморныя стѣны своей Джаміи двумя стами золотыхъ таблицъ, начертавъ на нихъ драгоцѣнными камнями имена пророковъ Ислама, наряду съ витіеватыми изреченіями изъ Аль-Корана. Цѣлый лѣсъ минаретовъ окружалъ ея стѣны и едва не послужилъ, говорятъ, поводомъ къ религіозной войнѣ съ оскорбленнымъ Шерифомъ Мекки. Сама Кааба—эта святая святыхъ мусульманства—не имѣла въ то время болѣе шести минаретовъ, и вдругъ Ахмедъ I въ 1612 году дерзнулъ сравнять съ нею свое дѣтище. Только прибавкой седьмаго минарета къ храму



Мечеть Іенія-Джемія.

Мекки султанъ-вольнодумецъ спасъ себя отъ отлученія. Когда переступишь порогъ этой мечети, возгласъ удивленія невольно срывается съ губъ. Вы стоите передъ волшебною картинкой сказочнаго великолѣпія Шехаразады. Яркіе голубые изразцы одѣли четырехъугольныя стѣны, поражая васъ новизной этого рода отдѣлки. Мраморомъ не удивишь на Востокѣ. Мусульманскія мечети щеголяютъ другъ передъ другомъ разнообразіемъ его сортовъ, поражая колоссальностью богатствъ матеріала. Глаза устаютъ слѣдить за этою вереницей колоннъ, изящныхъ пилястръ за сплошною сѣткой мраморнаго кружева. Позолота просто слѣпитъ глаза; неожиданное сочетаніе поразительно яркихъ красокъ достигаетъ своего апогея въ чудныхъ мечетяхъ Каира. Въ быстрой смѣнѣ мусульманскихъ храмовъ начинаютъ наконецъ ускользаѣ типичныя особенности каждаго изъ нихъ, и ваша память, подавленная роскошью и богатствомъ, едва ли не перепутаетъ наконецъ этихъ безконечныхъ Джамій-Махмедовъ, Махмудовъ, Сулеймановъ и т. д. Но голубая мечеть Ахмеда III, веселая, жизнерадостная, сіяющая, съ оригинальнымъ изразцемъ затканнымъ паутиной арабесокъ, рѣзныя мраморныя окна, султанскій кіоскъ, перламутровыя инкрустаціи ставень, тонкіе узоры карниза и, наконецъ, черный камень Каабы въ оправѣ изъ ляписъ-лазури и яшмы, точеный «мимбаръ» и обращенное къ востоку углубленіе «мираба»—сплошной мозаичный коверъ—надолго закрѣпитъ воображеніе. Проходя дворомъ мечети, этой сплошною колоннадой мавританскихъ арокъ, вы слышите тихій протяжный призывъ муэдзина къ молитвѣ. Въ прозрачной розеткѣ гигантскихъ свѣчей-минаретовъ, на фонѣ вѣчно голубого, безоблачнаго неба, какъ будто скользятъ эти странные звуки, невольно сжимая сердце. Они льются изъ глубокой, опрокинутой на васъ чаши, теряясь вдали, замирая подъ сѣнью столѣтнихъ платановъ. Вы идете по каменнымъ плитамъ, нагрѣтымъ лучами жгучаго солнца, любуясь прихотливымъ переплетомъ тѣней, сѣткой упавшихъ отъ темной, сквозной листвы на бѣлые камни. И чудится вамъ въ этомъ таинственномъ узорѣ изящная вязь неразгаданныхъ сказаній, полныхъ поэзіи Востока. А звонкій лепетъ струй въ мраморныхъ чашахъ и фонтанахъ какъ будто вторитъ немолчнымъ говоромъ вашимъ невольнымъ фантастическимъ грезамъ.

Въ голубой мечети происходятъ главнѣйшія празднества Ислама: Байрамъ, Мевлудъ, съ торжественными выходами султановъ. Здѣсь же совершена въ послѣдній разъ и церемонія священнаго знамени пророка въ день страшнаго истребленія янычаръ 28 іюня 1826 года.

Изъ-подъ сводовъ мавританскаго портика мы снова выходимъ на *Атъ-Мейданъ*, чтобъ осмотрѣть уцѣлѣвшіе памятники Византіи. Гипподромъ, видѣвшій въ былые дни на своемъ ристалищѣ императоровъ, на половину ограбленный крестоносцами, изуродованъ турками. Онъ хранитъ теперь только *три* памятника старины, предъ которыми почтительно останавливаетъ кавасъ вашу коляску. „*Обелискъ Ѳеодосія*",—говоритъ онъ, указывая рукой на каменную иглу въ саженъ восемь высотой изъ цѣльнаго гранита. Онъ возстановленъ на своемъ пьедесталѣ по преданію Ѳеодосіемъ Великимъ послѣ бывшаго при немъ землетрясенія и попалъ сюда изъ храма Солнца въ Геліополисѣ. Египетскій обелискъ высится предъ нами въ полосѣ солнечныхъ лучей, прихотливо сверкая своими квадратными гранями, и весь испещренъ іероглифами. Пьедесталъ его покрытъ барельефомъ, изображающимъ Ѳеодосія съ женой и дѣтьми на тронѣ, но разросшіяся кругомъ сорныя травы, грязь и пыль мѣшаютъ разглядѣть художественность работы. Памятникъ окруженъ рѣшеткой и кажется тоскливо одинокимъ, забытымъ среди площади мусульманской столицы.

Мы подъѣзжаемъ къ круглой воронкообразной ямѣ, со дна которой изъ мусора торчитъ двухсаженный обломокъ. Только вглядѣвшись, вы замѣтите свитую въ жгутъ бронзовую колонку, поразительно маленькую въ сравненіи со своими сосѣдями. Это и есть знаменитая *Змѣиная Колонна*, предметъ баснословныхъ сказаній, волшебныхъ легендъ, окутанныхъ флеромъ таинственности. Колонка представляла трехъ сплетающихся змѣй, головы которыхъ поддерживали треножникъ Дельфійскаго оракула. Народныя сказанія приписываютъ Махмету II разрушеніе этого памятника ударомъ тяжелой палицы. Но вѣрнѣе, что «Змѣиная Колонна» подверглась ломкѣ много лѣтъ спустя, когда его преемники, вѣря ходившимъ слухамъ о скрытыхъ внутри драгоцѣнностяхъ, рѣшили сломать ее на половину.

Наконецъ, мы переходимъ къ послѣдней достопримѣчательности гипподрома—*къ каменному столбу Константина Багрянороднаго*. Онъ поражаетъ своимъ жалкимъ видомъ; полуразрушенные карнизы каждую минуту грозятъ обвалиться. Эта кирпичная колонна когда-то была окована мѣдью, но ее ободрали, принявъ за золото, благочестивые крестоносцы. Пятисаженный пирамидальный колоссъ служилъ мѣриломъ ристалища, откуда начинался бѣгъ колесницъ во времена императоровъ. Да, все это было когда-то, иная жизнь шумѣла у его подножія, а теперь тяжело становится на душѣ, когда глядишь на эти жалкія руины погребенной Византіи, надъ прахомъ которой выше на нѣсколько саженъ успѣлъ вырости современный Стамбулъ.

На Царь-Градскихъ улицахъ мудрено остановиться, чтобы не привлечь толпы созерцателей. Какъ ни запружаютъ Константинополь иностранцы, турки до сихъ поръ не могутъ привыкнуть къ ихъ фигурамъ. Меня пора-

жало совершенно обратное явленіе въ Египтѣ, гдѣ цивилизованные англичанами туземцы почти не замѣчаютъ туристовъ, а бархатные глазки красавицъ Востока даже не прочь подарить привѣтливымъ взглядомъ «гяура». Мы успѣли собрать вокругъ насъ цѣлую группу прохожихъ и не безъ труда добрались до коляски. Описавъ кривую къ сѣверо-западу, проѣхавъ по знакомой уже «большой улицѣ», кучеръ сворачиваетъ въ глухой переулокъ и неожиданно останавливается передъ деревянною лачугой съ тщательно притворенною дверью. Бравый кавасъ бойко спрыгиваетъ съ козелъ, побрякивая саблей—очевидно, мы предъ достопримѣчательностью. Какой-то оборванный турокъ—старикъ, блѣдный, худой и костлявый, какъ высохшая мумія, вступаетъ съ нимъ въ переговоры. Длинная клочковатая борода трясется, глаза сверкаютъ, гортанно-учащенный разговоръ, очевидно, грозитъ столкновеніемъ. Однако послѣ обмѣна взаимныхъ любезностей и традиціоннаго «бакшиша», старикъ важно отворяетъ намъ дверь, съ таинственно-глубокомысленнымъ видомъ.

— *Филоксенова Цистерна*, объявляетъ кавасъ, и мы спускаемся вслѣдъ за нимъ по узкой деревянной лѣстницѣ, почти отвѣсно прямой, самой подозрительной конструкціи. Нужна особая ловкость чтобы не скатиться по ней внизъ на неширокую площадку, откуда, нащупавъ земляной полъ, вы вступаете въ громадное подземелье, съ трудомъ вглядываясь въ его фантастическія очертанія. Гдѣ-то вдали слабо борется съ темнотой тонкая струйка дневнаго свѣта. Глаза ваши постепенно начинаютъ различать ряды темныхъ колоннъ, анфиладу теряющихся залъ подъ темными сводами арокъ. Сыростью вѣетъ отъ этихъ стѣнъ, отъ гранитныхъ столбовъ, поддерживающихъ своды подземелья. Вы бродите среди суставчатыхъ колоннъ, изъ которыхъ только верхнее колѣно, саженъ въ десять вышиной, пока отрыто изъ-подъ земли и мусора.

— Неужели здѣсь *1.001 колонна?* любопытствуютъ мои спутники.

— Нѣтъ, говоритъ кавасъ, это все выдумки турокъ: ихъ не больше 260, да и то кто ихъ пересчитывалъ?

— Но для чего могло служить это подземелье?

— Объясняютъ различно; отгадать трудно; должно быть здѣсь сохраняли воду во время осады. И до сихъ поръ въ рытвинахъ и впадинахъ болѣе отдаленныхъ уголковъ этого лабиринта встрѣчаются огромныя лужи. Вѣроятно, цистерна имѣла родниковые ключи, просачивающіеся мѣстами изъ-подъ груды мусора, щебня, на поверхность влажнаго земляного пола. Восточная фантазія, впрочемъ, не забыла надѣлить циклопическія залы таинственной Византіи поэтическими легендами разнообразнаго содержанія *).

*) Турки называютъ ее «Бикъ-Диръ-Дерекъ», увѣряя, что въ эту цистерну бросала своихъ возлюбленныхъ какая то стамбульская Тамара. Какъ и ея кавказская сестра въ ущельяхъ Дарьяла, она топила жизнь въ шумныхъ оргіяхъ страстной любви, окруженная толпой поклонниковъ. Дорогою цѣной покупались желанныя

Исторически эту цистерну приписываютъ строителю ея Филоксену, переселенному Константиномъ въ числѣ прочихъ вельможъ въ стѣны новаго Рима. Другіе производятъ ея названіе изъ греческаго ξένος—гость, указывая тѣмъ, что здѣсь жили пріѣзжавшіе купцы-иностранцы. Несомнѣнно только одно, что въ ней не было, какъ сейчасъ, убогой фабрики для размотки шелка, нити котораго какъ паутина оплели мѣстами сѣрыя колонны. Въ нихъ едва не попалъ мой жаждущій археологіи коллега, къ немалому ужасу каваса и доморощенныхъ производителей.

День уже клонился къ вечеру... Тамъ, за далью Мраморнаго моря, ярко-багряная завѣса драпировала край горизонта. Освѣщеніе шло снизу; длинныя тѣни ложились отъ тонкихъ стволовъ кипариса, темнѣла листва шапковидныхъ каштановъ. Съ востока, въ блѣдной лазури едва скользили скорлупки перламутровыхъ облаковъ, опаловою струйкой отлеталъ дымъ отъ темной сѣтки пароходной трубы, рубиномъ сквозилъ парусъ. Даже шумная жизнь стамбульскихъ улицъ какъ будто стихала и таинственныя сумерки готовы были окутать и шумный Босфоръ, и кривую извилину Золотаго Рога, и безконечный лабиринтъ кипучей Галаты. Мы поспѣшили свернуть съ главной улицы и, обогнавъ конку, предъ которой въ двухъ шагахъ бѣжалъ оборванный турокъ, трубя и помахивая флагомъ, остановились предъ усыпальницей султана Сулеймана. Она находится при его мечети и поражаетъ васъ таинственною прелестью внутренней отдѣлки.

Сквозь причудливый переплетъ рѣшетчатыхъ оконъ пробивались тонкіе лучи заката, слабо озаряя темно-малиновый куполъ, играя на голубой лентѣ карниза, на разноцвѣтныхъ мраморныхъ стѣнахъ. Пять огромныхъ гробницъ обнесены деревянною рѣшеткой и тонутъ въ складкахъ дорогихъ шалей, пестрыхъ ковровъ, съ гигантскими подсвѣчниками въ изголовьяхъ. Тюрбэ пріютила прахъ «Сулеймана», его сыновей Ахмета и Ибрагима и саркофагъ любимой жены, христіанки Роксоланы съ ея маленькимъ сыномъ. Предъ гробницами горятъ неугасаемыя свѣчи, съ потолка спускаются огромныя чаши-лампады.

Здѣсь же вблизи находится *тюрбэ Махмута II*. Въ сопровожденіи муллы, поразительно сытаго и довольнаго, съ настроеніемъ діаметрально противоположнымъ его печальной обязанности, мы вступаемъ въ круглый мавзолей *) съ мраморными стѣнами. Передъ нами рядъ гроб-

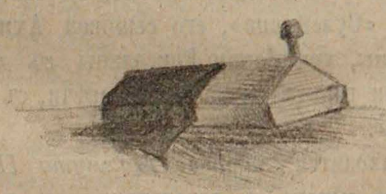
---

ласки; печальный финалъ ожидалъ опьяненныхъ героевъ, пока наконецъ сердобольное турецкое правительство не засыпало яму погибели и соблазна.

*) Оригинальная легенда сопровождаетъ основаніе мавзолея Махмута II, именно здѣсь, а не при мечети, какъ у большинства другихъ усыпальницъ. Говорятъ, од-

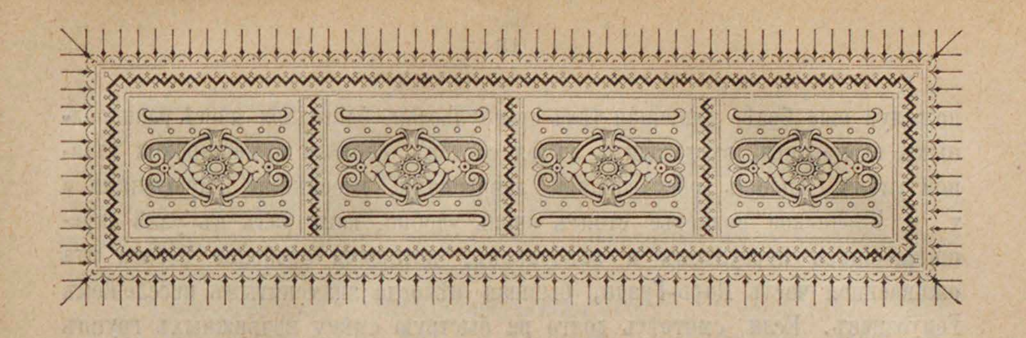
ницъ оригинальной формы, лѣстницей уменьшающихся къ краямъ отъ огромнаго саркофага по срединѣ, который хранитъ въ себѣ прахъ знаменитаго реформатора Турціи. Подлѣ сынъ его Абдулъ-Меджидъ и его близкіе. Мраморныя стѣны поддерживаютъ куполъ надъ круглою залой въ два свѣта. Въ изголовьи огромнаго гроба высятся бѣлыя митры съ султаномъ изъ яркихъ перьевъ. Черные бархатные покровы, затканные жемчугомъ и серебромъ, ниспадаютъ на полъ, устланный циновками. Огромная люстра изъ хрусталя спускается въ центрѣ таинственнаго мавзолея. На красныхъ фескахъ султановъ горятъ брильянтовыя звѣзды. Роскошь и великолѣпіе притупляютъ глазъ. Услужливый мулла, предвкушающій сладость бакшиша, показываетъ намъ рядъ оригинальныхъ ящичковъ—аналоевъ, хранящихъ старинные списки Корана.—Перламутровая инкрустація поразительно гармонируетъ съ удивительнымъ переплетомъ серебряной чеканки. Тутъ же деревянная модель Каабы въ Меккѣ, къ которой ведетъ лентообразный путь утыканный гвоздями—странный способъ олицетворенія мусульманскихъ пилигримовъ. Передъ главнымъ саркофагомъ три ковра, закрытые покрываломъ. Говорятъ, что на нихъ постоянно молился Махмутъ II и они послѣдовали за нимъ въ его тихое жилище.

Остановитесь на мигъ передъ тѣмъ какъ выйти изъ этого царства смерти на шумныя улицы Стамбула. Какая тишина, какая оригинальная обстановка! Въ полусвѣтѣ задрапированныхъ занавѣсками оконъ, какъ будто застыли безмолвные саркофаги, навѣвая странное религіозно-фантастичное настроеніе. Сколько ненужнаго пространства отведено для горсти праха, неспособнаго даже сохранить свое имя, если этого не сдѣлаютъ для него живые... Здѣсь въ уединенномъ уголкѣ такъ отдыхаетъ глазъ отъ пестрыхъ впечатлѣній, отъ яркихъ цвѣтовъ, отъ суетливой жизни, отъ вереницы картинъ, и кажется тщетно борются съ таинственными полутѣнями послѣдніе багряные лучи заката, какъ будто стараясь заглянуть сквозь узкія окна въ чуждый имъ міръ отжившихъ тѣней и забытаго прошлаго...



Гробница.

нажды онъ проѣзжалъ верхомъ по пожарищу и вѣтеръ сорвалъ съ него чалму, упавшую на землю. „Должно быть я буду здѣсь похороненъ“, сказалъ смутившійся султанъ, и сынъ его Абдулъ-Меджидъ безпрекословно выполнилъ волю отца, соорудивъ этотъ великолѣпный мавзолей, гдѣ онъ теперь и самъ похороненъ.



Глава VI.

Галата и Пера.—Стамбулъ.

Аѳонскія „подворья“ и ихъ значеніе для туриста.—Надъ Царь-Градомъ. — Панорама Галаты и Скутари.—Туннель и улица Перы.—Развлеченія турокъ.— Толпа и иностранцы. — Водопроводъ Валента. — Храмъ Св. Апостоловъ.—Джамія Магомета II; ея пріюты и школы.—Термы Ѳеодосія.—Курбамъ-Байрамъ.—Отъѣздъ изъ Константинополя.

Большинство русскихъ, посѣщающихъ Константинополь, останавливается на такъ называемыхъ «подворьяхъ», находящихся въ Галатѣ. Нельзя ничего представить себѣ болѣе симпатичнаго какъ эти аѳонскіе пріюты, радушно открывающіе свои двери русскому паломнику и туристу на чужбинѣ. Такихъ подворій въ Константинополѣ три—Пантелеимоновское, Андреевское и Ильинское; всѣ они помѣщаются въ Галатѣ и отстоятъ очень близко другъ отъ друга. Добродушный инокъ Ильинскаго пріюта, отецъ Паисій, встрѣтившій насъ еще на пароходѣ, былъ въ большинствѣ случаевъ моимъ спутникомъ при обзорѣ достопримѣчательностей Царь-Града. Услужливость его и готовность комфортабельнѣе устроить пріѣзжихъ изъ Россіи шли рука объ руку съ такою же заботливостью и всей остальной братіи. Намъ старались сдѣлать столъ «позанятнѣе», какъ выражался радушный инокъ, то-есть разнообразить несложныя блюда; отвели комнату съ балкономъ на улицу, откуда предъ изумленнымъ глазомъ какъ въ рамѣ вставала картина типичной турецкой жизни съ быстро смѣняющимися массами народа. Каждый вечеръ, вернувшись усталыми послѣ осмотра, мы проводили на этомъ балконѣ, наблюдая непривычныя намъ особенности Востока съ добродушнымъ комментаторомъ ихъ отцомъ Паисіемъ.

Солнце близилось къ закату. Золотистый дискъ уже скрылся за темными садами Стамбула, бросая розовый полусвѣтъ на пологіе холмы изящной Перы. Шумная торговая Галата волновалась подъ нами. Пестрая толпа,

пожалуй еще болѣе типичная чѣмъ стамбульская, благодаря массѣ разнородныхъ элементовъ, входившихъ въ ея составъ, сновала по неширокой главной улицѣ, сплошь обставленной лавченками, кофейнями, цирюльнями и т. п. Ильинское подворье стоитъ очень удобно, какъ разъ въ узлѣ скрещивающихся переулковъ и закоулковъ, которыми особенно богата эта оживленная часть Царь-Града, бывшая нѣкогда знаменитымъ поселеніемъ Генуэзцевъ. Если смотрѣть долго на быструю смѣну подвижныхъ группъ людей и животныхъ, мужчинъ и женщинъ, турокъ, армянъ, грековъ и Персіянъ, солдатъ, рабочихъ, носильщиковъ, щеголеватыхъ офицеровъ и рваныхъ продавцовъ всевозможнаго товара, начиная отъ замороженной воды, фруктовъ и овощей, кончая пачками папиросной бумаги, сладостями, кувшинами и табакомъ,—то въ глазахъ зарябитъ и потемнѣетъ. Въ то время какъ мой коллега-археологъ пытаетъ отца Пансія относительно древности той или другой Джаміи или Агіазмы, дамы требуютъ у него объясненій иного рода.

Турецкая кофейня.

— Что это за колоссальные огурцы? щебечутъ онѣ, наблюдая съ балкона быстро плывущіе лотки надъ моремъ тюрбановъ и фесокъ, среди которыхъ рѣдко мелькаетъ черная камилавка монаха.

— Это не огурцы-съ, конфузливо замѣчаетъ отецъ Паисій, — это «кабачки»-съ!.. Мы ихъ завтра сваримъ вамъ къ обѣду.

— А можно достать морскихъ раковъ, креветокъ?

— Возможно-съ! соглашается отецъ Паисій. И за все время нашего пребыванія въ стѣнахъ Ильинскаго подворья эта предупредительность, граничащая съ баловствомъ, не прекращалась ни на минуту. Огромный столъ буквально загромождался всевозможными фруктами; прохладительные напитки *) ежечасно «добывались» по оригинальному выраженію манаховъ. Насъ не мало удивляло, когда на вопросъ «можно ли достать шашлыкъ, жареную баранину, лимонадъ, фрукты и прочее», братія обыкновенно говорила: «надо раздобыться». Затѣмъ двое или трое монаховъ выходили изъ дверей, смѣшиваясь съ толпой и осторожно пробираясь въ этомъ мо-

*) Лимонадъ и ягодныя воды продаются въ Константинополѣ въ оригинальныхъ бутылочкахъ, самозакупоривающихся давленіемъ содержащагося въ нихъ газа.

рѣ народа, исчезали наконецъ гдѣ-то въ переулкахъ. Четверть часа спустя, вновь появлялась знакомая фигура въ темномъ подрясникѣ, какъ будто вынырнувъ изъ шумной галатской пучины. Отецъ Паисій объяснилъ намъ, что монахи въ Константинополѣ чувствуютъ себя далеко небезопасно. Мѣстное населеніе не пропуститъ случая поглумиться надъ инокомъ, даже отпуская ему товаръ дороже прочихъ.

— А вечеромъ мы и совсѣмъ остерегаемся выходить, особенно гдѣ пустынно.

Эта приниженность русскаго и аѳонскаго «сподвижника», какъ смѣло можно назвать одинокую горсточку монаховъ, чувствовалась повсюду во время обзора достопримѣчательностей Царь-Града. Помню какъ, поднявшись однажды на высокую кровлю подворья, откуда открывался чудный видъ на Стабмулъ, Золотой Рогъ и Перу, я вздумалъ было сдѣлать нѣсколько фотографическихъ снимковъ самаго безобиднаго характера. Бывшій со мною монахъ страшно перепугался.

— Что вы, что вы? замахалъ онъ руками,—нѣтъ, ради Бога!

— А что, развѣ нельзя?

— Насъ могутъ увидѣть.

— Да откуда, помилуйте, на этой-то высотѣ?

— А вонъ съ каланчи. Тамъ всегда есть досужіе турки!

И несмотря на то, что въ Константинополѣ англійскіе и французскіе туристы свободно снимаютъ виды, что въ любой книжной лавкѣ можно достать массу всевозможныхъ фотографій, я долженъ былъ уступить, чтобы не навлечь подозрѣній и непріятностей на радушныхъ хозяевъ.

Такъ беззащитно одиноко чувствуютъ себя здѣсь православные монахи, единственные друзья нашего русскаго паломника. Можно смѣло сказать, что не будь въ Константинополѣ ихъ гостепріимныхъ подворій-пріютовъ, гдѣ бѣдняку сравнительно за гроши дается помѣщеніе, самоваръ и свѣжій незатѣйливый столъ, — остановка въ мусульманской столицѣ была бы немыслима для всей этой массы сѣраго, темнаго люда, дѣтски-наивнаго и всегда эксплуатируемаго на чужбинѣ. Миссія этихъ страннопріимницъ крайне симпатична, а скромное дѣло затерянныхъ далеко отъ родины піонеровъ-монаховъ заслуживаетъ глубокаго уваженія и всяческой помощи, поддержки нравственной и матеріальной.

Въ Галатѣ осматривать почти нечего; одинокая башня Буюкъ-куле, жалкій остатокъ Генуэзской твердыни, бывшей здѣсь еще въ 1348 г., не представляетъ собою большого интереса. Для обзора этой части Константинополя всего лучше подняться на одну изъ высокихъ, плоскихъ ка-

менныхъ кровель и оттуда, съ хорошимъ биноклемъ въ рукахъ, бросить взглядъ на живописную панораму. Прямо предъ вами встанутъ морскія казармы, огромное безвкусное зданіе; затѣмъ Галата-Сарай и англиканская церковь; ближе, лѣвѣе, красуется Генуэзская башня, а вправо монастырь Св. Бенедетта. Выше надъ этою ступенчатой лѣстницей крышъ, этихъ балконовъ-террасъ Востока проглядываетъ уже Пера изящными контурами своихъ строеній. Вы различите на тонкихъ древкахъ флаги русскаго, нѣмецкаго, итальянскаго и французскаго консульствъ, а въ право посольскіе дома Австріи и Россіи, съ лежащимъ вблизи нихъ монастыремъ вертящихся дервишей. Обернитесь назадъ, и тамъ предъ вами въ далекой глубинѣ сверкнетъ голубая синь Босфора, туманный абрисъ далекаго Скутари, а вправо живописный Стамбулъ со своими царственными мечетями. Всѣ онѣ какъ на ладони поднимаются среди купъ зелени. Вотъ Св. Софія золотится въ яркихъ лучахъ, усиливая впечатлѣніе желтою окраской своихъ контрфорсовъ; за нею встаетъ мечеть султанши Валиде, высятся гигантскія свѣчи минарета Сулейманіэ, а справа извивается Золотой Рогъ съ шумнымъ рейдомъ, усѣяннымъ кораблями.

Въ сопровожденіи отца Паисія мы рѣшили осмотрѣть Перу. Пройдя нѣсколько шаговъ отъ подворья по главной улицѣ, гдѣ проходитъ конка, нашъ проводникъ свернулъ въ крытую галлерею и подвелъ насъ къ рѣшетчатому окну съ надписью: «Caisse». Это и есть вокзалъ подземной желѣзной дороги, соединяющій Перу съ Галатой. Каменная платформа облегаетъ неширокій квадратъ,примыкающій къ полукруглой аркѣ глубокаго туннеля. На рельсовыхъ путяхъ ходятъ два поѣзда. Вы берете билетъ въ кіоскѣ за одинъ или полтора піастра, смотря по занимаемому классу, и черезъ пять минутъ быстраго движенія въ полутьмѣ появляетесь снова на свѣтъ Божій, но уже въ Перѣ. Европейская часть Царь-Града не представляетъ особеннаго интереса для иностранца; тотъ же характеръ зданій, знакомый типъ построекъ, прекрасные магазины, вывѣски на всѣхъ языкахъ, преобладаніе самаго характернаго населенія надъ турецкимъ производитъ диссонансъ съ общимъ колоритомъ мусульманской столицы. Пера—это что то безличное, смѣшанное, лишенное оригинальной окраски, присущей всему Востоку. Послѣ Стамбула, послѣ изящной набережной Босфора—даже Терапіэ и Фундукли, эти греческія гнѣзда интереснѣе безличной полуевропейской Перы. Намъ оставались еще три стамбуловскіе холма, типичное Скутари и окрестности Царьграда. Имъ-то мы рѣшили посвятить послѣдніе два дня нашего пребыванія въ Константинополѣ.

Кто хочетъ составить себѣ цѣлостное впечатлѣніе о турецкой жизни, тотъ долженъ, осмотрѣвъ достопримѣчательности Царьграда, пожить день другой на его улицахъ. Онъ долженъ потолкаться на шумныхъ гуляніяхъ, заглянуть въ бани и школы, прокатиться на пароходахъ общества Шаркетъ по голубой шири Босфора, перебраться на азіатскій берегъ, посѣтить историческое побережье Марморы.

Несмотря на свою несомнѣнную апатичность и вялость, турки и особенно турчанки питаютъ сильное пристрастіе ко всевозможнаго рода развлеченіямъ. Обуреваемыя скукой въ стѣнахъ гарема, за оградой домашнихъ садовъ—дочери юга рвутся на улицу, вслѣдъ за мужьями, пользуясь всякимъ подходящимъ къ тому случаемъ.

Каждый вечеръ на улицахъ Константинополя вы встрѣтите массу катающихся. Экипажи биткомъ набиты голубыми, розовыми, синими, бѣлыми «яшмаками», окутывающими полновѣсныя фигуры красавицъ Востока. Особенно типичны такія гулянья по пятницамъ («джума» недѣльный праздникъ мусульманъ). Вереницы колясокъ, каретъ тянутся къ загороднымъ увеселительнымъ мѣстамъ (какъ напримѣръ «Сладкія воды»), биткомъ набиты женщинами и дѣтьми высшаго класса. Жены и дочери пашей, верховныхъ сановниковъ и особенно великаго визиря щеголяютъ при этомъ богатствомъ туалета. Страсть наряжаться—отличительная черта мусульманки. Едва ли на всемъ материкѣ Европы найдется другая страна, гдѣ бы женщины были такими ярыми поклонницами моды какъ въ Турціи. Пристрастіе къ европейскимъ костюмамъ особенно увеличилось за послѣдніе года, но сдавленная veto'омъ Корана, мусульманка не смѣетъ, одѣвшись въ любимые заграничные наряды, показаться публично, сбросивъ освященное обычаемъ покрывало. Затворницы гарема утѣшаютъ себя тѣмъ, что одѣваются дома безъ свидѣтелей въ европейскія «matinées», шаржируя крайности французской моды до nec plus ultra. Мнѣ говорили, что многія богатыя турчанки выписываютъ себѣ платья изъ Парижа, несмотря на шумный протестъ своихъ благовѣрныхъ и громкія насмѣшки сатирическихъ листковъ, нападающихъ на эту слабую сторону земныхъ гурій. Но на гуляньяхъ традиціонный яшмакъ, чехолъ-фереджэ и пестрыя туфли донынѣ сковываютъ любительницъ модъ, принуждая ихъ строго слѣдовать неумолимому завѣту Пророка.

Странный констрастъ представляетъ собою жизнь мусульманина и мусульманки. Въ то время какъ послѣдній склоненъ къ созерцательному кейфу, апатично возсѣдая за кальяномъ или блаженствуя въ плѣнительномъ полуснѣ теріака—тамъ, въ глухихъ уголкахъ кофейни Сулейманіэ, *) тур-

*) Близъ мечети Сулейманіэ находится главный пріютъ потребителей опіума, излюбленная кофейня теріаковъ.

чанка вся дышитъ нѣгой и страстью, трепещетъ и рвется къ жизни. Гдѣ бы вы ни столкнулись съ ней на шумныхъ ли гуляньяхъ, въ тѣни ли кипарисовой рощи — кладбищъ, на голубыхъ ли волнахъ подъ ковровымъ шатромъ каика—ея чудный взглядъ, ея черныя очи полныя огня и жизни подтвердятъ первое впечатлѣніе. Все привлекаетъ ея вниманіе; все ее интересуетъ... Если правда, что Турція уже близка къ смерти, почти умираетъ, то это болѣе всего примѣнимо къ «сынамъ пророка»; что касается «дочерей», то онѣ еще будутъ жить, и вѣроятно долго! Катанье турчанокъ — единственный способъ знакомиться съ жизнью, наблюдать себѣ подобныхъ. Вырвавшись изъ душныхъ спертыхъ стѣнъ гарема, забравъ съ собой въ большинствѣ случаевъ дѣтей и служанокъ — стамбульскія дамы, нагулявшись, располагаются гдѣ-нибудь въ тѣни на пестрыхъ коврахъ среди массы подушекъ, тюфяковъ и прочихъ принадлежностей азіатскаго комфорта. Въ то время какъ евнухъ—неумолимый стражъ и неизмѣнный спутникъ—ублажаетъ ввѣренный ему инвентарь своего повелителя орѣхами, сластями, шарбетомъ, дѣти располагаются отдѣльно группами. Мальчики въ курточкахъ вышитыхъ золотымъ позументомъ съ блестящими пуговицами, въ крошечныхъ фескахъ ужасно напоминаютъ карикатурныя копіи своихъ отцовъ и смѣло можно сказать прадѣдовъ, такъ мало мѣняется типъ правовѣрныхъ. Дѣвочки молча сидятъ вблизи матерей и напоминаютъ разряженныхъ куколъ, любопытными глазами газели наблюдая шумную толпу, пестрые лотки торговцевъ и въ особенности выслѣживая иностранцевъ. Милыя дѣтишки поглощаютъ изумительное количество мороженаго, фруктовъ, всевозможныхъ сластей, которыя они жуютъ не переставая. Бросьте нескромный взглядъ въ овальное окно вѣнской кареты, шагомъ ѣдущей за вереницей другихъ, и вы увидите нѣжный румянецъ сквозь прозрачную чадру, плохо скрывающую юное личико отъ взоровъ «гяура». Если въ среднемъ турецкая женщина не интересна, зато пришлый чужеземный элементъ гарема даетъ удивительные образцы красоты и преимущественно изъ горскихъ племенъ Кавказа. Что можетъ быть изящнѣе нѣжнаго абриса, матовой бѣлизны, глубокихъ черныхъ или карихъ глазъ, опушенныхъ густою бахромкой рѣсницы, этихъ пышныхъ тяжелыхъ косъ, которыми такъ любятъ щеголять игривыя дочери Юга?..

Потолкавшись среди пестрой толпы удивительнаго смѣшенія племенъ и нарѣчій, среди палатокъ-балагановъ, каруселей, среди походныхъ лавочекъ армянъ и грековъ, причемъ продавцы-персы хватаютъ васъ чуть-чуть не за полы сюртука, ежеминутно рискуя столкнуться съ бѣгущимъ

прямо на васъ *хамаломъ* (носильщикъ)—вы лавируете до изнеможенія, пока наконецъ постоянные крики «дестуръ» (сторонись!) не заставятъ васъ нанять ослика или верховую лошадь. Подъ жгучими лучами солнца, въ шумной толпѣ невыносимо душно. Вы спѣшите къ Босфору и, пересѣвъ въ яликъ, съ удовольствіемъ растягиваетесь прямо на его днѣ на мягкихъ подушкахъ. Красивый «каикчи», этотъ своеобразный гондольеръ Босфора, мощнымъ размахомъ длинныхъ веселъ быстро мчитъ васъ по широкому простору залива, направляясь къ азіатскому берегу. Вотъ дохнулъ свѣжій вѣтерокъ, какъ будто пронесся отъ далекаго устья «русскаго моря» и сладостно закачалъ лодку на голубыхъ прозрачныхъ волнахъ шумно взрѣзанныхъ тонкими крыльями веселъ. Изнѣженный гребецъ тотчасъ втыкаетъ древко, ставитъ, крѣпитъ парусъ, не желая упустить такой благодати. Вотъ онъ бросилъ весла и подсаживается къ вамъ съ лукавою улыбкой.

— Видѣлъ, эффенди, бани, спрашиваетъ онъ,—«якши»? и тотчасъ же продолжаетъ:

— Былъ въ Теккэди? тамъ, видѣлъ?.. Це... бунъ, корошъ! и голова его киваетъ въ сторону Скутари.

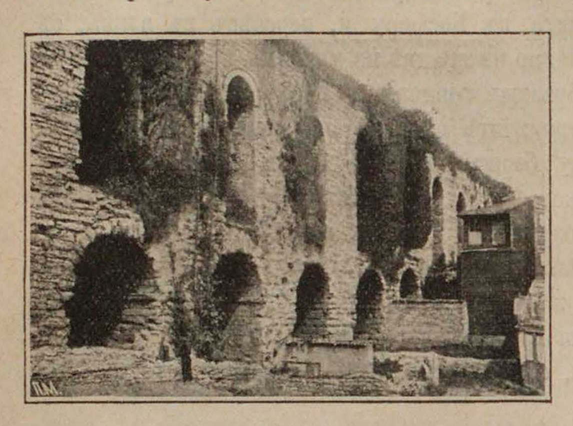
— Какія теккэди? Не знаю... не былъ!..

— Не былъ? Каикчи прищелкиваетъ языкомъ съ видимымъ сожалѣніемъ. «Дервишъ тамъ! корошъ дервишъ»! поясняетъ онъ, и не плѣнивъ меня тѣмъ, что «всѣ знатные» иностранцы удѣляютъ имъ дань своего вниманія—онъ рекомендуетъ мнѣ посмотрѣть торжество Курбамъ-Байрама. Какъ-то особенно сюсюкая и жестами стараясь дать мнѣ понять всю прелесть предстоящей церемоніи, онъ дѣйствительно достигъ своей цѣли. Мнѣ захотѣлось самому побывать на томъ праздникѣ, о которомъ я раньше читалъ и такъ много слышалъ

Мы пристали къ новому деревянному мосту султана Валидэ—этой запрудѣ Золотаго Рога, поразительно загрязненной всевозможными отбросами. Пароходы общества Шаркетъ пристаютъ здѣсь же, безчисленные ялики цѣлою стаей облегаютъ его подозрительные устои. Трудно описать шумъ и галдѣніе, которые стоятъ на этомъ мосту съ утра и до ночи. Я пробрался съ трудомъ по досчатому помосту въ этой «всенародной» толпѣ какъ справедливо именуетъ гидъ Галатское населеніе, и, нанявъ ослика, отправился осмотрѣть *водопроводъ Валента*.

Пятой, шестой и седьмой холмы Стамбула заняты второстепенными достопримѣчательностями, изъ которыхъ слѣдуетъ, однако, упомянуть огромный акведукъ древней Византіи. Императоръ Валентъ въ 366 году возвелъ его изъ камня разрушеннаго города Халкедона. Двадцать арокъ въ 2 яруса соединяютъ между собою третій и четвертый холмы Стамбула. Возоб-

новленный не разъ Өеодосіемъ, Василіемъ Македоняниномъ и Константиномъ Багрянороднымъ, онъ былъ почти цѣликомъ реставрированъ въ послѣдній разъ султаномъ Сулейманомъ. И до нынѣ въ своемъ печальномъ разрушеніи этотъ колоссальный монументъ римскаго зодчества поражаетъ туриста. По сѣрымъ растрескавшимся камнямъ его, особенно съ тѣневой сѣверной стороны, яркою зеленою бахрамой спустились ползучія травы. Рыхлый, влажный мохъ одѣлъ вѣковыя аркады, фантастически оттѣнивъ ихъ сѣрый массивъ сквозною сѣткой дикаго плюща. А тамъ, почти на семисаженной высотѣ, по среднему протоку, до нынѣ бѣжитъ холодная струя отдаленнаго источника—живая артерія разлагающагося исполина. Кое-гдѣ прижились занесенныя вѣтромъ зерна растеній; пустилъ молодые побѣги яворъ. Когда глядишь на этотъ водопроводъ Валента, вспоминаешь забытыя стѣны исчезнувшей Византіи, золотыя вороты, окруженныя поэтическимъ ореоломъ сказаній древности—грустное, тоскливое чувство прокрадывается въ душу. Несокрушимый потокъ времени, проносясь надъ землей, не щадитъ ничего въ своемъ разрушительномъ бѣгѣ; а если что и уцѣлѣетъ, то новые люди, пришедшіе на смѣну старымъ, отжившимъ зодчимъ, постараются довершить неоконченную работу разрушенія.



Акведукъ-Валента.

На четвертомъ холмѣ Стамбула высится интересная *мечеть Махмеда* или правильнѣе Магомета Второго, завоевателя Царь-Града. Эта Джамія построена на мѣстѣ бывшаго *храма Св. Апостоловъ*, вся почти цѣликомъ изъ его матеріала, греческимъ архитекторомъ Христодуломъ. Историческое прошлое этого храма, сокрушеннаго послѣ паденія Византіи, представляетъ собою интересный отрывокъ лѣтописи. Императоръ Константинъ, воздвигая храмъ во имя св. Троицы, задумалъ создать въ немъ усыпальницу царей и патріарховъ. И дѣйствительно, ближайшіе потомки основателя Царь-Града, начиная съ него самого и матери его Елены, были погребены на этомъ царскомъ кладбищѣ. Храмъ сталъ называться храмомъ св. Апостоловъ со времени перенесенія въ него мощей Тимоѳея, Луки и Андрея *). Магометъ

*) Здѣсь же были погребены св. Іоаннъ Златоустъ и св. Григорій Богословъ. Говорятъ, что 50 драгоцѣнныхъ гробницъ съ останками царей, царицъ и патріарховъ

второй уступилъ его въ патріархію Геннадію Схоларію, но тотъ оставался всего два года въ упомянутомъ храмѣ. Въ 1455 году, вынужденный притѣсненіями, онъ перенесъ патріархію въ обитель «Всеблаженнѣйшей» нынѣ Фитихіэ-Джамія.

Завоеватель Византіи, срывъ до основанія храмъ св. Апостоловъ, задумалъ построить на его мѣстѣ грандіозную мечеть, которая должна была затмить христіанскій храмъ Константина. Его Джамія съ мраморною коллонадой поддерживающей 20 куполовъ, облицованныхъ цинкомъ, мало разнится отъ видѣнныхъ уже нами мечетей, повторяя ихъ стереотипный квадратъ, водоемы, фонтаны, купы деревьевъ, но она интересна какъ центръ, сосредоточивающій въ себѣ типичныя учрежденія мусульманской образованности и филантропіи. Трудно повѣрить, что въ обширной оградѣ, окружающей ея дворъ, пріютилось восемь гимназій (медресэ), огромная богадѣльня (имаретъ), госпиталь (даръ-усъ-сифа), палата для душевно-больныхъ (памаръ-ханэ) и, наконецъ, спеціальная школа для толкованія Корана (суннэ), не говоря уже о библіотекѣ, хранящей около 1625 рукописей, тэрмъ Өеодосія и мавзолея Магомета второго. Обыкновенно турки отдаютъ своихъ дѣтей въ начальныя школы, откуда дѣти поступаютъ въ заведенія высшаго разряда, такъ-называемыя *рушдійэ*, достигнувъ 12-ти лѣтняго возраста. Оттуда прямо переходъ въ *медресэ*, въ упомянутыя школы мечетей. Софты этихъ заведеній изучаютъ арабскій и персидскій языки и, кромѣ того, философію, богословію и исторію. Говорятъ, что въ послѣдніе годы въ Константинополѣ открылся турецкій университетъ «Дарульфуку», то-есть *домъ науки*, жалкая пародія европейскаго образца, громкая только по названію.

Что касается библіотекъ, то онѣ возникаютъ здѣсь очень оригинально, являясь однимъ изъ видовъ благотворительности. Различные паши и эфенди умирая завѣщаютъ бывшія у нихъ рукописи въ даръ тому или другому учрежденію, опять-таки ютящемуся въ стѣнахъ мечети. Обстановка этихъ библіотекъ, школъ, пріютовъ и богадѣленъ до примитивности проста и только намекаетъ, такъ-сказать, на свое назначеніе. Характеризующее ихъ отсутствіе комфорта, а иногда даже самой необходимой мебели, удивляетъ по сравненію съ богатствомъ отдѣлки хотя бы турецкихъ бань, этого удивительнаго пріюта мусульманскаго кейфа. И тэрмы Өеодосія, во дворѣ Джаміи-Махмеда, ярко иллюстрируютъ эту оригинальную особенность мусульманской жизни. Даже страсть русскаго къ банѣ сравнительно ничто передъ любовью и привязанностью къ ней турокъ.

были ограблены Алексѣемъ Комненомъ, нуждавшемся въ деньгахъ, такъ что ревностные крестоносцы не нашли уже ничего въ мраморныхъ саркофагахъ.

Роскошь турецкихъ тэрмъ—этихъ пріютовъ восточной нѣги поражаетъ новичка особенно въ Константинополѣ. Не говоря уже объ обиліи ихъ (до 200), константинопольскія бани—учрежденіе настолько характерное, что о нихъ стоитъ сказать два слова. Турецкія бани общія: до 3 час. пополудни онѣ посѣщаются мужчинами, а вечеромъ—прекраснымъ поломъ мусульманской столицы. Подраздѣленій не существуетъ, и вечерняя баня для мусульманокъ это своего рода partie de plaisir, гдѣ онѣ одна передъ другой щеголяютъ нарядами, сплетничаютъ и, между прочимъ, моются. Вы переходите три залы, постепенно мѣняя ощущенія нѣги. Съ галлереи, гдѣ васъ разоблачаетъ опытный баньщикъ, вы спускаетесь въ круглую мраморную залу съ такимъ же поломъ; посрединѣ пріятно журчитъ фонтанъ въ колоссальной мраморной чашѣ. Мягкими потоками льется свѣтъ въ круглыя окошечки граціознаго купола, смягченный матовыми стеклами. Тамъ и сямъ въ мраморныхъ нишахъ застыли какъ изваянія бѣлыя фигуры турокъ. Разнообразіе цвѣтовъ, преимущественно розъ, красивыми купами облегающихъ базисъ фонтана, удивляетъ глазъ какъ новый аттрибутъ восточнаго кейфа. Вы ударяете въ ладоши и къ вамъ тотчасъ подбѣгаетъ «теллакъ», изумительный артистъ своего дѣла. Онъ всовываетъ ваши ноги подъ ремень высокихъ деревянныхъ сандалій, напоминающихъ японскіе башмаки на вертикальныхъ подставкахъ, и, окутавъ безконечною пеленою полотенецъ вашъ корпусъ, кладетъ васъ на мраморное ложе. Покуда вы нѣжитесь, болѣе удивляясь, чѣмъ наслаждаясь, банщикъ уже приготовляетъ тазъ съ искусно взбитымъ мыломъ и рядъ блюдъ странной формы, налитыхъ до краевъ водою. Послѣ первой станціи восточнаго кейфа васъ влекутъ во второй, въ смежную залу, гдѣ собственно и происходитъ обрядъ омовенія. Турокъ кладетъ васъ, поливаетъ водой, натираетъ мыломъ, мнетъ бока, словомъ продѣлываетъ удивительные фокусы массажа съ такимъ искусствомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ фортели его европейскаго собрата. Битый часъ васъ приглашаютъ наслаждаться покуда вы не устанете наконецъ и не потребуете возврата на галлерею. За меджидъ въ баняхъ Терапіэ, Топхане и въ особенности Скутари любой туристъ можетъ испытать на своей спинѣ всѣ перипитіи восточнаго кейфа. Надо, впрочемъ, сознаться, что турецкій массажъ дѣйствительно какъ будто обновляетъ усталое тѣло, вы выходите освѣженнымъ и бодрымъ, хотя слегка... помятымъ.

Какъ разъ наканунѣ моего отъѣзда, приходился праздникъ *Курбамъ Байрамъ*, столь чтимый мусульманами. Еще за три дня и безъ того полный жизни Константинополь, казалось засуетился, сталъ прихорашиваться въ попыхахъ, то-есть увеличивать сутолоку и движенье. Этотъ годичный праздникъ соединенъ съ воспоминаніемъ о жертвоприношеніи Авраа-

момъ Исаака, замѣненнаго «овномъ». Праздникъ длится четыре дня, въ продолженіе которыхъ пять разъ въ сутки муэзины призываютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ и омовенію. И каждый возгласъ муллы съ высоты минарета сопровождается 101 пушечнымъ выстрѣломъ на укрѣпленіяхъ. Турки въ этотъ день колютъ барановъ и мясомъ ихъ дѣлятся съ друзьями и бѣдными; этотъ обычай настолько укоренился, что даже самъ султанъ собственноручно закалываетъ жертвенное животное въ торжественной церемоніи. Баранъ, какъ и все вокругъ падишаха, блеститъ золотомъ, увитъ цвѣтами, но это едва ли услаждаетъ его послѣднія минуты. Мусульманская столица празднуетъ священный день особенно шумною церемоніей и блестящею иллюминаціей. Въ день Курбамъ-Байрама происходитъ торжественный выѣздъ султана въ мечеть близъ дворца, оригинальный парадъ войскамъ, привлекающій тысячныя толпы народа и массу иностранцевъ. Мнѣ удалось получить пригласительный билетъ отъ русскаго посольства и набросать въ путевой альбомъ страницу впечатлѣній, которыми я и хочу подѣлиться съ читателями.

Въ 11 часовъ утра, съ кавасомъ нашего консульства на козлахъ, мы помчались въ *Ильдизъ-Кіоскъ*—дворецъ султана, среди грома повсюду играющей музыки, учащенныхъ пушечныхъ залповъ, лавируя среди разодѣтой толпы, валившей вслѣдъ за войсками. Народъ идетъ массами, англійскіе кэбы длинною змѣей извиваются вдоль узкихъ улицъ, проносясь на перерѣзъ вагонамъ конки, положительно обвѣшанныхъ народомъ. На узкихъ тротуарахъ цѣпью растянулись войска въ парадныхъ мундирахъ всевозможнаго оружія. Осѣдланныя лошади, связанныя поводами, звѣздообразно расположились въ слабой тѣни близъ навѣсовъ и стѣнъ мраморныхъ корытъ водопоя.

Все вверхъ, въ гору, подымаемся мы надъ живописною панорамой Константинополя. Еще $1/4$ часа изумительнаго лавированія вдоль живыхъ стѣнъ народа, и бравый русскій кавасъ лихо подкатываетъ нашу коляску къ каменному дому, какъ разъ напротивъ мечети, предупредительно отведенному для знатныхъ иностранцевъ. Мы подымаемся по лѣстницѣ, предъявляя билетъ турецкому офицеру, плохо говорящему по-французски, и онъ, съ чисто-азіатскою любезностію беретъ меня за руку, подводитъ къ растворенному окну и предлагаетъ стулья. Какой видъ, какая восхитительная панорама! Прямо, внизу, передъ нами, во ста шагахъ чудная мечеть Гамида. Тройныя ворота ведутъ въ ея дворъ, обнесенный рѣшеткой; вся какъ выточенная изящная бездѣлушка, она бѣлѣетъ своими мраморными стѣнами, на которыя пластично налегъ легкій куполъ. А вправо, въ пролетъ разступившихся домовъ, убѣгающихъ внизъ черепичными плоскими крышами, пролегла голубая полоса, полоса моря, смутно зарисованная легкою пеленой тумана. За ней золо-

тится даль съ застывшими силуэтами пароходовъ. Какое освѣщеніе, какія краски!

Оторвитесь на мигъ отъ изящно стройной колонны вонзившагося въ небо бѣломраморнаго минарета, отъ полукруглаго, какъ бы изъ перламутра выточеннаго крыльца придворной мечети, отъ мраморнаго кружева стрѣльчатыхъ оконъ и взгляните на первый планъ. Здѣсь море головъ, красныхъ фесокъ, мундировъ, расшитыхъ золотомъ... Звякаютъ сабли, быстро двигаются стройныя колонны войскъ, то и дѣло отъѣзжаютъ кареты. Какое движеніе! Вотъ величественно выступаетъ мулла въ сопровожденіи араба-прислужника, который, почтительно согнувшись, несетъ чемоданъ парадныхъ одеждъ и регалій. Полный турецкій паша, перехваченный поперекъ груди зеленою лентой, отгородившею на двѣ стороны массу звѣздъ и бриллянтовыхъ знаковъ, спѣшитъ къ дверямъ мечети, а его адъютантъ не успѣваетъ прикладывать руку ко лбу и сердцу. Вотъ бѣгутъ скороходы, торопливо раздвигая толпы сверкающихъ золотомъ мундировъ; за ними цугомъ во дворъ мечети въѣзжаютъ наглухо закрытыя кареты. Это жены султана и его престарѣлая мать, пріѣхали посмотрѣть на церемонію. Лошадей выпрягаютъ, уводятъ. Кареты ставятъ въ полукругъ, черные рослые негры располагаются у дверокъ.

Вдали гремитъ музыка; живописными группами проходятъ войска, располагаясь шпалерами далеко вверхъ и вправо, вдоль рѣшотки султанскаго дворца. Оркестръ гремитъ за оркестромъ. Получается удивительная дисгармонія звуковъ. Стройнымъ маршемъ входитъ часть національной гвардіи, въ ярко-красныхъ раззолоченыхъ мундирахъ, въ красивыхъ оригинальныхъ шапкахъ европейскаго образца. Вотъ быстро усыпали улицу пескомъ турецкіе рабочіе, еще быстрѣе полили ее серебристой сѣткой воды изъ пожарныхъ рукавовъ, быстро навинченныхъ на скрытые краны. Музыка смолкла. Войска стоятъ въ три ряда отъ воротъ дворца вплоть до мечети. Конные эшалоны сдерживаютъ толпу живописно одѣтаго населенія—загорѣлыя лица, бѣлыя покрывала женщинъ, фески, тюрбаны, чалмы и кое-гдѣ европейская шляпа.

Теперь надъ этой картиной, полной жизни, движенія, красокъ, надъ безмолвно-застывшими группами войскъ, надъ красиво расположившимися золотыми мундирами, надъ дворцомъ и бѣло-мраморною мечетью, съ высоты минарета, съ его точеной розетки балкона дрогнула вдругъ мелодично-протяжная нота. Дрогнула, прозвучала, замерла на мгновеніе и какъ будто ушла внизъ, въ пролетъ убѣгающей улицы и снова отозвалась въ

тепломъ воздухѣ, разлитомъ надъ моремъ. Едва успѣвъ замереть, опять повторяются звуки, и вдругъ молитва-призывъ муэзина покрылась торжественно дружнымъ крикомъ толпы: «Падишахумъ чокъ яша!» *) Звякнули ружья, войска отдали честь и снова въ поразительной тишинѣ яркаго лѣтняго дня съ высоты минарета звучитъ знакомая заунывная нота. Страненъ ея звукъ, поразительно впечатлѣніе: чудное что-то есть въ этомъ страстномъ призывѣ! И опять богатырскою грудью откликнулось войско, опять поднялись тысячи рукъ ко лбу и сердцу, опять звякнули ружья и сверкнули сабли... Еще

Мечеть Ахмета III и праздникъ Курбамъ-Бейрамъ.

моментъ—и вотъ появился наконецъ впереди блестящей свиты церемоній-мейстеръ, а за нимъ, окруженный толпой раззолоченной гвардіи, въ открытой коляскѣ, на парѣ караковыхъ лошадей, въ скромномъ нарядѣ, предсталъ предъ восторженною толпой султанъ Абдулъ-Гамидъ, царственный повелитель Высокой Порты.

Мертвый моментъ... Кони, играя, сворачиваютъ въ ворота мечети, предъ блестящими рядами взятыхъ на-караулъ ружей и, плавно остановленные красавцемъ кучеромъ въ красной ливреѣ у нижней ступени мраморной лѣстницы, отъѣзжаютъ, спустивъ на нее царственнаго владыку. Все скло-

*) Многія лѣта султану!

нилось предъ его простою спокойною фигурой. Руки придворныхъ коснулись земли. замеръ радостный крикъ въ потрясенномъ воздухѣ надъ толпой, надъ мечетью... Моментъ, и султанъ исчезъ въ бѣломраморныхъ сѣняхъ мечети Гамида.

Какъ въ балетѣ быстро и фантастично мѣняется обстановка, такъ и теперь измѣнилась картина: обернулись шпалеры войскъ, опустились знамена, пали значки, замолкли трубы, и стройная толпа въ красивыхъ позахъ задвигалась, зашумѣла. Генералитетъ, толкаясь и обгоняя другъ друга, боковыми воротами поспѣшилъ въ мечеть вслѣдъ за султаномъ. Дворъ наполовину опустѣлъ; негры-евнухи почтительно задернули занавѣсы у каретъ. Гвардія пестрою толпой скрылась въ тѣневой квадратъ подъ навѣсъ Джаміи Гамида, войска перемѣнили диспозицію. А въ открытыя окна мечети неслись теперь стройно-мелодичные звуки восточныхъ напѣвовъ, какъ чарующая мелодія знакомыхъ оперныхъ увертюръ *Лакме* или *Маккавеевъ*.

Опять быстро насыпанъ золотистый песокъ; снова въ яркихъ лучахъ южнаго солнца блестятъ капли сѣткой падающихъ струй пожарнаго насоса, опять граблями собраны камушки морского гравія. Движеніе вновь—и вотъ застыли картинно и люди, и шумный городъ, и голубое море и только въ синей шири горизонта медленно таютъ послѣднія матовыя нити разорванныхъ облаковъ порохового дыма. Помнится, въ дѣтствѣ перечитывая волшебныя сказки Шехеразады, создавались образы, одна за другой выростали картины. Я видѣлъ теперь воплощенными въ дѣйствительности сказочныя грезы волшебной фантазіи...

Часъ спустя началось изъ мечети обратное движеніе. Сановники столпились близъ выхода; евнухи торопливо перебѣгаютъ къ каретамъ, шейхи, улэмы, хатибы, имамы въ своихъ оригинальныхъ одѣяніяхъ располагаются у подножія ковра, змѣей протянувшагося по бѣло-мраморнымъ ступенямъ парадной лѣстницы. Раздвинулись блестящіе ряды гвардіи, и вотъ два камеръ-лакея вывели подъ уздцы бѣлаго коня съ сѣдломъ, покрытымъ темно-синею попоною. Паши, музыканты, солдаты, дервиши, жандармы, лошади—все замерло въ живописнѣйшихъ позахъ. Въ воздухѣ льются все тѣ же протяжные гимны Ислама, звучатъ въ поразительной тишинѣ удивительной стройностью тона. Впереди появляются молодые принцы *), почти еще дѣти, въ европейскихъ костюмахъ: двое постарше и младшій ребенокъ, аршинъ съ вершкомъ роста. Всѣхъ ихъ почтительно сажаютъ на лошадей, предусмотрительно придерживая сзади... Еще моментъ—въ воздухѣ оборвался и застылъ послѣдній

*) „Князья, счастья вселенной"—какъ величаетъ ихъ титулъ.

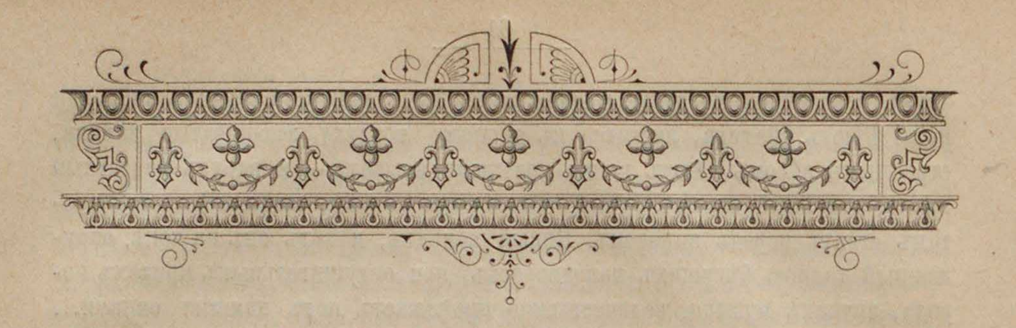
звукъ мелодичной молитвы, и вновь на вершинѣ минарета звучитъ знакомая нота! Рѣютъ знамена, ластятся къ теплому воздуху зеленоватые значки, стройнымъ лѣсомъ вѣютъ копья красными языками — и вдругъ радостный крикъ, стройный салютъ ружей, склоненные головы, жадные взоры—султанъ стоитъ передъ народомъ. Новый моментъ, и вотъ онъ на конѣ, окруженный толпою бѣгущихъ царедворцевъ, при оглушительныхъ крикахъ народа, звукахъ музыки, величественно проѣзжаетъ подъ нашими окнами... «Падишахумъ чокъ яша!» Все бросилось за нимъ слѣдомъ къ воротамъ дворца. Золотые мундиры, красныя фески, зеленыя и бѣлыя чалмы — всѣ, чтобы проводить хотя взглядомъ. И въ этомъ морѣ людскихъ головъ, страстью дышащаго оживленья, султанъ исчезаетъ въ воротахъ Ильдызъ-Кіоска, а войска съ музыкой церемоніальнымъ маршемъ пестрою лентой растягиваются по узкимъ улицамъ, возвращаясь въ казармы.

Среди шпалеръ пѣхоты, бѣлыхъ женскихъ покрывалъ, изъ-подъ которыхъ сверкаютъ очаровательныя очи красавицъ Востока, среди крикливыхъ разносчиковъ, продающихъ шербетъ и мороженое, среди войскъ, грома музыки, вереницы идущихъ конокъ за колясками и каретами, то и дѣло заѣзжая колесами на тротуаръ, при учащенныхъ крикахъ «хальтъ-лэ, варда!» *) мы направляемся обратно въ Перу, чтобъ отдохнуть въ радушныхъ стѣнахъ нашего посольскаго дома.

Остатокъ дня мы посвятили прощальнымъ визитамъ, такъ какъ съ вечера намъ предстояло переѣхать на пароходъ «Лазаревъ», отходившій раннимъ утромъ въ Средиземное море. Не безъ сожалѣнія покидали мы старый Царь-Градъ—нашу первую стоянку въ предстоящемъ путешествіи, прощаясь съ прямодушными друзьями-монахами, напутствуемые ихъ словеніями. Неизмѣнный спутникъ о. Паисій проводилъ насъ на пароходъ и, распростившись на трапѣ, просилъ передать привѣтъ своимъ собратьямъ на Аѳонѣ. Разставшись съ нимъ, мы до глубокихъ сумерекъ просидѣли на рубкѣ «Лазарева», любуясь багрянцемъ заката, окутавшаго флеромъ стихавшій Стамбулъ, его бѣлыя мечети и минареты. Раннимъ утромъ насъ разбудилъ пронзительный свистокъ: «Лазаревъ» снялся и шелъ къ Дарданеламъ.

3-й щитъ Айя-Софіи.

*) „Хальтъ-лэ“ и „варда“—берегись.



Глава VII.

Предъ Элладой.

Ѳракійское море. Забытое прошлое. У подножья Аѳона. Македонія. На родинѣ просвѣтителей Слявянства.—Современныя Салоники.—Отъѣздъ въ Аѳины.—Вдоль береговъ Греціи. — Развѣнчанные боги классической Эллады.

На обширной картѣ Европейскаго континента едва ли найдется страна имѣющая за собой такое разнообразіе картинъ исторической жизни, какую даетъ намъ въ постепенномъ развитіи Греція. Даже скептику нашихъ дней не удается пройти мимо ея классическихъ развалинъ не воскресивъ изящныхъ воспоминаній великаго прошлаго. Въ суетѣ современной жизни безмолвные памятники старины, эти камни Эллады, какъ будто сильнѣе говорятъ нашему уму и сердцу о вѣчной смѣнѣ прекраснаго жалкимъ, убогимъ; періодовъ пышнаго расцвѣта — эпохами упадка и запустѣнія. Повинуясь таинственнымъ неразгаданнымъ законамъ вѣчнаго движенія, новая жизнь врывается въ стѣны отжившихъ храмовъ, дерзко сметая прахъ навѣянной вѣками съ опустѣлыхъ алтарей, измѣняя языкъ, религію, нравы, но не касаясь основъ, данныхъ народу самою природой. Такъ среди запущенныхъ куртинъ стараго сада, среди полевыхъ травъ и цвѣтовъ, занесенныхъ вѣтромъ, долго пробиваются тамъ и сямъ прежніе дички георгинъ, розъ и махровой сирени...

Кто вздумаетъ проѣхаться *по Востоку*, тотъ не пройдетъ мимо цвѣтущихъ береговъ миловидной Греціи. Нѣтъ, какъ и пловецъ древности, онъ сойдетъ на ея землю полный удивленія и быть можетъ восторга. На далекомъ пути по водамъ Средиземнаго бассейна — это первая ступень грандіозной лѣстницы въ глубь вѣковъ по которой шло развитіе человѣчества. Исторія Востока—это поэтическое сказаніе, это очаровательная книга, гдѣ все встаетъ предъ вами въ яркихъ образахъ и картинахъ, въ живомъ

рельефѣ, въ пластичныхъ формахъ. Спускаясь по широкимъ ступенямъ среди классическихъ памятниковъ искусства, окруженный тѣнями героевъ-полубоговъ, цѣлымъ сонмомъ поэтическихъ образовъ исчезнувшаго міра, путешественникъ невольно склоненъ забывать дѣйствительность... И это естественно въ странѣ согрѣтой лучами солнца, разливающаго повсюду свой лучезарный блескъ, въ странѣ не знающей никогда тумановъ, напоенной ароматомъ удивительнаго воздуха, съ извилистымъ береговымъ контуромъ, омытымъ волнами вѣчно голубого моря. «Здѣсь, по словамъ Тэна, переполненныя чувства и воображеніе какъ будто оказываются занесенными куда-то въ самое торжество славы». *)

Греція! Греція! Съ первыхъ шаговъ ты завладѣваешь умомъ и сердцемъ сына далекаго Сѣвера, его блѣдною фантазіей и слабымъ вдохновеніемъ. Ты шепчешь ему дивные миѳы, каждымъ камнемъ повторяешь великія имена, безчисленными развалинами—страницы міровой исторіи и литературы!.....

И вотъ, переваливъ сѣрые форты *Седулъ-Бахра* и азіатскаго *Кумъ-Кале*, вы на волнахъ поглотившихъ Геллу, вы въ странѣ яркаго голубаго неба, жгучаго солнца, страстной любви и картинъ созданныхъ прихотливою фантазіей, кистью могучей руки, пластичныхъ формъ, воплощенныхъ изящнымъ рѣзцомъ перваго въ мірѣиск усства. Мы вступаемъ во Фракійское море, въ тѣ воды гдѣ странствовалъ старецъ-пѣвецъ *Иліады* и *Одиссеи*. Еще Аѳонъ предъ нами, еще надо зайти въ Салоники, а въ умѣ вашемъ уже царятъ своевольно мощные образы поэтической Греціи. Мы идемъ къ сѣверо-западу. Шаловливое море покачиваетъ насъ на зеленоватыхъ волнахъ, изъ пучины ныряютъ дельфины, неизбѣжные спутники, стаями сопровождающіе каждый пароходъ вплоть до Смирны. Южнѣе они попадаются рѣдко. Влѣво вдоль борта, все болѣе и болѣе убѣгая въ туманную даль, лентой вьется азіатскій берегъ. Мы минуемъ пологіе скаты, то мѣсто гдѣ, по предположенію Шлимана, находилась знаменитая Троя. Такъ вотъ оно, царство Пріама—зеленоватый квадратъ, слабо оттѣненный нѣсколькими холмами. Гидъ называетъ ихъ пожалуй «холмомъ Ахилла, могильнымъ курганомъ Патрокла». Здѣсь, у этихъ синихъ волнъ, стояли когда-то карабли Аѳинянъ. Хитроумный Одиссей «измышлялъ» деревяннаго коня, борцы-герои состязались за оскорбленную честь красавицы Елены. А теперь голый пустырь, какіе-то убогіе бугры, и только тамъ, къ югу, на третьемъ планѣ красивыя очертанія Иды, неизмѣнно прекрасной, съ вершиной ярко залитою лучами солнца. Вы садитесь въ качалку на палубѣ, подъ тентомъ, и, какъ будто убаюкиваемые плавнымъ покачиваніемъ, невольно возвращаетесь къ прежнимъ думамъ.

---

*) И. Тэнъ. *Философія искусства въ Греціи.*

По тѣмъ же волнамъ тысячелѣтіями двигались ладьи человѣка. Онѣ изборороздили эти сине-зеленыя воды во всѣхъ направленіяхъ, не зная иного простора. Горизонтъ тогдашняго міра облегалъ широкою оправой страну Финикіи, библейскую Палестину, таинственный дальній Египетъ, воинственный Римъ, шаловливую Грецію. Десятки вѣковъ сложили грандіозныя ступени, отъ первобытной стадіи человѣческаго существованія до позднѣйшей культуры безконечной вереницы племенъ и народовъ. Какая смѣна великихъ религій, политическихъ формъ правленія, философскихъ школъ и разнообразнѣйшихъ принциповъ и идеаловъ. И все это прожито. Пройденъ далекій путь, и неужели безслѣдно? Когда вы окинете взглядомъ безконечную морскую ширь, охватившую васъ отовсюду, возбужденной фантазіи кажутся доступными всѣ отдаленные уголки этого поэтическаго царства. Вотъ вправо, за синею чертой небосклона, сокрыты отъ глазъ очертанія высокой пустынной горы, мы идемъ къ ней, къ Аѳону... А влѣво, далеко въ глубинѣ, за тысячу верстъ, колыбель народовъ, библейская родина человѣчества... Первый шагъ перваго дикаря запечатлѣлъ дѣвственную почву Азіи, переступилъ въ Африку, достигъ Европы, и пройдя путь многихъ вѣковъ, окрѣпъ на огромномъ пространствѣ. Мать земля сдалась не безъ боя первымъ піонерамъ культуры. Сколько стадій прошелъ онъ пока нашелъ письмена, создалъ исторію, далъ зачатки искусствъ, развился во всѣхъ направленіяхъ. А намъ, дѣтямъ отжившаго, одряхлѣвшаго вѣка, даже не подъ силу обнять грандіозную программу выполненной задачи. Насъ разъѣдаютъ тоска, апатія и сомнѣнія...

Пароходъ держитъ курсъ по направленію къ *Аѳону*. На голубомъ просторѣ то справа, то слѣва всплываютъ цвѣтущіе острова, какъ прихотливыя корзины цвѣтовъ. Они кажутся плавающими на этихъ волнахъ, отражающихъ и яркую зелень, и красноватыя скалы и караваны опаловыхъ облаковъ, едва скользящихъ въ прозрачной пеленѣ неба. Справа на горизонтѣ встаетъ гористый Имбросъ, за нимъ вамъ укажутъ фіолетовый абрисъ Самотраки, а прямо вдали поднимается изъ пѣнистыхъ водъ мраморная чаша Лемноса. Тамъ нѣкогда ковалъ золотые доспѣхи Вулканъ вѣнценосцамъ Олимпа. Сзади насъ слабо зарисовываются остроконечные пики Тенедоса, отдѣленные тонкою водною чертой Безикской бухты *). Морскіе змѣи-гиганты приплыли отсюда въ дни *Иліады*, чтобы задушить Лаокоона и его сыновей. Съ каждымъ оборотомъ винта вы уходите все далѣе въ глубь поэтическихъ легендъ и сказаній Эллады. И старый древній міръ незамѣтно встаетъ предъ вами съ веселою, вѣчно юною улыбкой, съ дѣтски-наивною космогоніей, со стройнымъ, изящнымъ пониманіемъ искусства и вдохновеннымъ философскимъ воображеніемъ.

*) Мѣсто стоянки англійскаго флота.

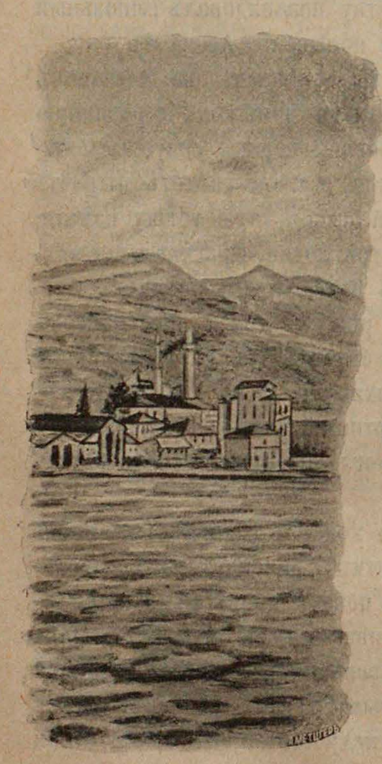
Далеко уже за полдень... Надъ узорчатою каймой горизонта всплываютъ въ туманныхъ очертаніяхъ крутые скаты кремнистыхъ горныхъ громадъ одинокаго полуострова. Мы стремимся къ этимъ скалистымъ берегамъ, но они долго, неподвижно и гордо, нисколько не приближаясь, какъ будто застыли предъ нами. И лишь часъ спустя начинаютъ мелькать крошечные домики среди разсѣлинъ обрывистыхъ скалъ желтовато-бураго песчаника. На неприступной высотѣ оголеннаго ската, уступами кверху, сложила рука человѣка убогія кельи общежительныхъ монастырей, воздвигла Божьи храмы. Со времени Богоматери ни одна нога женщины не ступала на эту каменистую, аскетическую почву и стихла, замерла жизнь «міра сего» подъ сѣнью одинокихъ келлій .. Суровстію дышитъ сама природа Аѳона. Мощно-спокойнымъ взглядомъ отшельника смотритъ она въ туманную даль, гдѣ укрылась беззаботно веселая Греція. Дикіе камни, кое-гдѣ по вершинамъ зеленыя пятна скудной растительности, одиноко застывшія деревья и скалы, скалы кругомъ... А внизу шаловливое море источило базальтъ и песчаникъ неустанно бьющими въ берегъ волнами. Красноватые гребни утесовъ нависли и смотрятъ внизъ на подошвы уступовъ, одѣтыхъ пѣной прибоя. Не видно жизни, не замѣтно движенія! И все же этому грустному одиночеству позавидовалъ геніальный поэтъ, увѣковѣчивъ въ чудныхъ стихахъ свое посѣщеніе Аѳона *).

Только завернувъ въ небольшую бухту мы замѣчаемъ на песчаномъ прибрежьѣ съ десятка два небольшихъ каменныхъ домиковъ, деревянную пристань съ дюжиной лодокъ, опрокинутый ботъ и черные силуэты монаховъ. *Лазаревъ* уменьшаетъ ходъ, лязгаютъ цѣпи, и якорь-гигантъ ныряетъ въ морскую пучину, быстро всасывая за собой безконечную толщу каната. Къ намъ несутся отъ пустыннаго берега двѣ-три лодки. Оригинальное зрѣлище: утлый челнъ, ныряя по волнамъ, везетъ пассажировъ-монаховъ; черныя рясы, черныя камилавки, блѣдныя лица рѣжутъ глаза диссонансомъ съ только что пережитымъ настроеніемъ... Мы выгружаемъ на подвалившій баркасъ не товары, не бочки съ виномъ и сахаромъ и не ящики консервовъ—обычный грузъ всѣхъ Средиземныхъ портовъ а пять-шесть корзинъ—все это хлѣбъ насущный, безъ котораго не смогла бы существовать горсть смѣльчаковъ на одинокомъ забытомъ утесѣ.

Еще въ Константинополѣ начались толки о холерѣ: говорятъ что опять прекращенъ доступъ въ Палестину даже первымъ транспортамъ богомольцевъ. И вотъ незначительная горсть русскихъ поклонниковъ рѣшила высадиться на Аѳонѣ. Смущенные они переговариваются съ монахами. Пока ихъ скудные пожитки летятъ скрученные веревками въ раскачивающійся внизу баркасъ, на мускулистыя руки коренастыхъ турокъ-гребцовъ, они съ грустью смотрятъ на пароходъ, на бодрыя лица матросовъ и видимо съ тоской

*) См. Байрона *Чайльдъ-Гарольдъ*.

разстаются съ насиженнымъ мѣстомъ--удивительная черта русскаго человѣка привязываться ко всему родному. Вотъ баркасъ откачнулся и какъ легкая скорлупа, отлѣпившаяся отъ борта парохода, закачался на синихъ прозрачныхъ волнахъ, какъ будто запрыгалъ съ гребня на гребень. Атлеты-гребцы дружно налегли на длинныя весла; тѣ взрѣзали воду кипящею пѣной и люди и лодка помчались отъ насъ по направленію къ берегу. Переcталъ стонать воротъ, смолкли цѣпи и замеръ докучный лязгъ работавшей надъ трюмомъ машины. Четверть часа спустя мы покидаемъ суровыя скалы Аѳона и долго еще потомъ стоятъ предъ нами эти кремнистые хребеты священной горы, съ слабо нарисованными позади парохода сѣро-фіолетовыми очертаніями. Мы огибаемъ заливъ Кассандры, круто сворачиваемъ вправо, чтобъ идти подъ угломъ на сѣверъ. Все время берегъ вьется въ виду и только упавшія на землю сумерки скрываютъ отъ насъ его причудливый изломъ. Въ рубиновомъ багрянцѣ тонетъ почти моментально золотистый дискъ солнца. Но не успѣлъ еще потемнѣть горизонтъ, какъ уже слабый свѣтъ полной луны протянулъ трепетныя тѣни отъ мачтъ, набросалъ прихотливый переплетъ снастей и веревокъ на бѣломъ досчатомъ помостѣ, перегнулъ длинный силуэтъ вахтеннаго офицера черезъ перила высокой рубки. Тронутая серебристыми иглами зарябила тихая гладь Солоникскаго залива. Какъ будто скрытые огни замерцали вдругъ въ глубинѣ, подъ тонкимъ изломомъ хрустальной, прозрачной воды, заискрились, разбѣжались снопами огнистыхъ лучей, то вспыхивая, то потухая... Какая ночь! Стоишь очарованный перегнувшись черезъ бортъ и чувствуешь что не въ силахъ оторваться отъ удивительной картины... А шаловливыя грезы уже навѣваютъ поэтическій рой волшебныхъ видѣній.



Солоники.

Раннимъ утромъ насъ будитъ топотъ матросскихъ ногъ, удивительно попирающихъ палубу. Это какой-то особый, имъ однимъ свойственный способъ ходьбы, совершенно чуждый обыкновенному «сухопутному» человѣку. Мнѣ объяснили что «морскія ноги» ставятъ ступню иначе, какъ говорится, плашмя, подъ давленіемъ корпуса, и обладаютъ удивительною устойчивостью. Я наблюдалъ не разъ въ сильную

качку, когда люди буквально валились какъ мухи, наши матросы съ тою же невозмутимою миной продолжали дѣлать свое дѣло. Знакомый топотъ всегда предвѣщаетъ на пароходѣ нарушеніе обычнаго строя жизни, тихаго, мирнаго, слегка однообразнаго, но удивительно успокаивающаго нервы. Мой сосѣдъ по койкѣ торопливо высовываетъ голову изъ-подъ одѣяла и, прислушавшись съ минуту, весело вскакиваетъ, спѣша одѣваться.

— Стоимъ! восклицаетъ онъ торжественно, и я понимаю его радость.

Тѣмъ кому не приходилось обѣдать отъ Одессы до Константинополя и отъ Константинополя до Пирея, страдая морскою болѣзнью и пробавляясь потому однимъ чаемъ, всякая остановка сулитъ аппетитъ, возможность выйти на палубу, быть сытымъ и наслаждаться картинами. Мы, поспѣшно одѣвшись, выбѣгаемъ изъ душной каюты. Подъ тентомъ столпилась вся «второклассная» публика. «Первоклассники» еще нѣжатся въ койкахъ, дремлютъ и выползаютъ позднѣе прочихъ пассажировъ. Я оборачиваюсь къ морю. Какой видъ!

Предъ нами полукругомъ лежащая гавань Салоникъ.

Рядъ судовъ вдоль песчанаго берега, амфитеатромъ расположенные дома по отлогому скату надъ чашей Термейскаго залива. Кипарисы столпились мѣстами, оттѣняя темножелтую почву древней Ѳессалоники, но не видать еще мирта, нѣтъ еще живописныхъ рощъ, изящныхъ купъ зелени, характеризующихъ благодатный климатъ Эллады. Лишь за 40°, по указанію Курціуса *), начинается развитіе флоры: можно встрѣтить вѣчно-зеленые лѣса въ Ѳессаліи, въ Аттикѣ и Эвбеѣ, гдѣ уже растутъ пальмы, а въ Арголидѣ цѣлыя рощи лимонныхъ деревъ и померанца. Въ свѣжести утра чуется близость жаркаго полдня. Въ воздухѣ виснутъ, застывъ въ причудливой формѣ, облака, какъ огромныя птицы съ распластанными крыльями. Лодки скользятъ надъ синеватою гладью, говоръ людской доносится съ берега, съ пароходовъ и судовъ стоящихъ на рейдѣ.

Мы на родинѣ просвѣтителей Славянъ, братьевъ Кирилла и Меѳодія. Но любознательный туристъ напрасно сталъ бы искать здѣсь достопримѣчательностей, связанныхъ съ этими именами. Родина ничѣмъ не увѣковѣчила славныхъ именъ скромныхъ сподвижниковъ. Я не знаю найдется ли здѣсь храмъ посвященный ихъ памяти. А между тѣмъ Салоникамъ не чужды историческія воспоминанія и реликвіи. Памятники древности здѣсь за-

*) Curtius: *Griechische Geschichte*. T. I.

нимаютъ едва ли не первое мѣсто послѣ священныхъ развалинъ Аѳинъ. Ѳессалоники помнятъ блестящій тріумфъ въ честь Марка-Антонія и Октавія, устроенный жителями, и древняя арка Вардаръ (ведущая къ рѣкѣ того же имени) сохранилась донынѣ, по свидѣтельству гида. Цѣлы и прекрасныя ворота императора Константина, обнаженныя впрочемъ отъ своей мраморной одежды-облицовки, расхищенной вѣроятно для позднѣйшихъ построекъ. Обыденный пріемъ повторяющійся вѣками: славный Багдадъ такъ выросъ изъ развалинъ Вавилона, а древняя Спарта исчезла, когда ея камни пошли на постройки новой Мизитры.

Въ Салоникахъ укажутъ еще на Ротонду—зданіе выстроенное по модели Римскаго Пантеона, и на остатки колоннады, относящейся къ эпохѣ Нерона. Нынѣшній городокъ съ узкими грязными улицами, съ пылью и вонью, ничѣмъ не отличается отъ заурядныхъ турецкихъ мѣстечекъ, разсѣянныхъ по всему побережью морей Мраморнаго и Эгейскаго. Но въ немъ считается до 35 тысячъ жителей, ведущихъ обширную торговлю. Мы осмотрѣли типичный базаръ, съ узкими проходами, заваленными массой восточной дряни. Вы съ трудомъ пробираетесь среди бараньихъ тушъ, висящихъ и справа и слѣва, въ оригинальномъ сосѣдствѣ пестрыхъ матерій, стеклянныхъ бусъ и предметовъ восточнаго туалета. Берегитесь наступать на собакъ, шмыгающихъ у васъ подъ ногами. Турецкая филантропія не проститъ оскорбленій, нанесенныхъ «гяуромъ» національнымъ животнымъ.

Жарко и душно. Громыхаетъ машина, работаетъ воротъ, и съ огромныхъ баркасовъ справа къ намъ, слѣва отъ насъ взлетаютъ и виснутъ въ воздухѣ бочки, тюки, ящики... Душно, тоскливо недаромъ. Въ морѣ можетъ-быть насъ встрѣтитъ волненіе, приступы дальней грозы и всѣ прелести разбушевавшейся стихіи. Свистокъ... пріемъ груза оконченъ. Скорѣе бы на волю, на синія волны, на югъ страстію и жизнію дышащей Греціи. Снова свистокъ—поднимаемъ якорь. На палубѣ суетятся торговцы, боясь опоздать и не попасть въ лодку. Греки-монахи, ѣдущіе въ Аѳины, торопливо прощаются съ салоникскими дамами, пожимая имъ руки и видимо съ трудомъ отрываясь отъ прелестныхъ глазъ, лучше которыхъ, говорятъ, нельзя встрѣтить на всемъ здѣшнемъ побережьѣ... Увы, я склоненъ не вѣрить.

Мы выходимъ изъ порта. Пароходъ плавно бѣжитъ почти вдоль береговъ въ саженяхъ полутораста, и волнистая ширь безпредѣльнаго Эгейскаго моря чаруетъ, ласкаетъ глазъ неожиданными переливами. Зеленовато синія волны брыжжутъ пѣной вдоль борта. Тамъ вдали бирюзой пролегла полоса, здѣсь стальными кажутъ валы и отовсюду рокотъ и плескъ, мелодичные тоны скользящаго вѣтра, а кругомъ слабой дымкою подернутыя очертанія береговъ, горныхъ скалъ и уступовъ.

— Смотрите!—говоритъ кто-то, вотъ откуда начинается красота гре-

ческаго полуострова. Видите этотъ живописный хребетъ—вѣдь это отроги Пинда!

Дѣйствительно, предъ нами справа вырѣзываются на фонѣ голубого неба величественныя вершины. Онѣ подернуты бѣловатою дымкой не то тумана, не то облаковъ, что застыли какъ будто грядой надъ горнымъ ущельемъ. Это царственный Олимпъ «развѣнчанныхъ боговъ» классической Эллады. Здѣсь обитали они «блаженные, никогда не умирающіе», взирая на родъ людской, принимая участіе въ ихъ жизни, борьбѣ и интересахъ. «Вкушая амброзію и сладостный нектаръ, они сидятъ на золотыхъ престолахъ, слушая гимны музъ, наслаждаясь ослѣпительными потоками свѣта». Вѣчный пиръ при полномъ освѣщеніи, говоритъ Тэнъ, вотъ небо грека. И вся природа, олицетворенная образами могучихъ владыкъ, такъ гармонирутъ здѣсь съ миѳологическимъ представленіемъ о ней эллина.

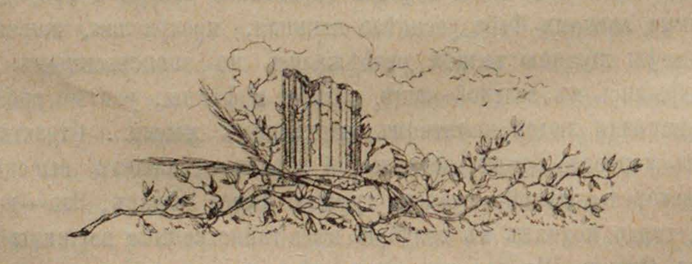
Виснутъ надъ моремъ сѣрыя громады: это Посейдонъ всколыхнулъ глубину и тронутая мощнымъ трезубцемъ она встала стѣной побѣлѣвшихъ гребней предъ желѣзной броней парохода. Волны ревутъ и бездушное эхо повторяетъ съ живописныхъ береговъ странные отзвуки дивной мелодіи. Это нимфа красавица плѣняетъ слухъ, притаившись полунагая и страстная за камнями прибрежныхъ утесовъ. Камни ли столпились на горномъ уступѣ, лавры ли стоятъ тѣнистою рощей, мчится ли горный потокъ черезъ скалы, стадо ли пасется на выжженномъ скатѣ—все полно жизни, пластической красоты въ каждой быстро убѣгающей картинѣ. Можно ли здѣсь не видѣть образовъ прошлаго, расчленять безтрепетною рукой грезы и дѣйствительность, въ странѣ, гдѣ миѳъ смѣло вторгся на страницы исторіи, тѣсно сплетая волшебную фантазію съ блестящею поразительною дѣйствительностью. Здѣсь изъ пѣны морской зародилась Венера и природа, согрѣтая жгучими ласками Феба, расцвѣла пышная, прекрасная, живая... Красавицы нимфы шумною толпой разбѣжались по таинственнымъ гротамъ. Дріады укрылись въ зеленой чащѣ, сатиры и фавны, увитые гроздями винограда, напоили людей напиткомъ, чарующимъ мысли... Страстное море лобзаніемъ изрѣзало землю; зеркальный заливъ отражаетъ высокія горы, подъ фіолетовою дымкой—вуалью тумана. Осса, Эфрасъ, Эта—разлеглись величаво, гордо поднявъ въ голубую высь таинственныя вершины подножія престоловъ Олимпа. На все положилъ здѣсь творческую печать народъ-художникъ, народъ-пѣвецъ, воплотившій мертвыя формы въ дивныхъ образахъ фантазіи и вдохновенныхъ звукахъ лиры...

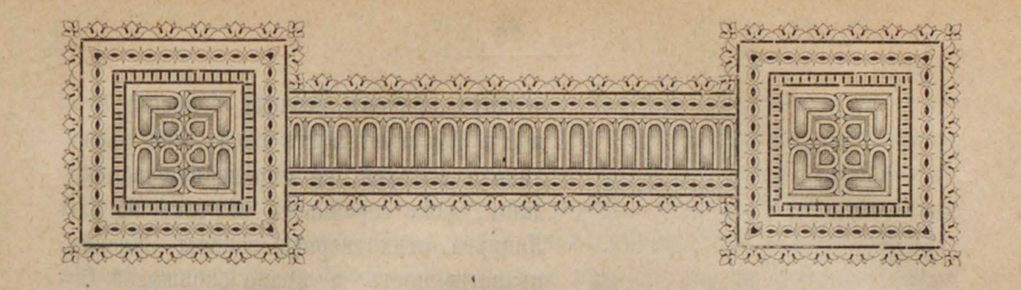
Вы слѣдите глазами какъ быстро бѣгутъ предъ бортомъ парохода зеленые берега, извилистою каймой выступаютъ лѣса, скалы, бухты... Лавры, магноліи, мирты, олеандры, задумчивый кипарисъ какъ будто застыли, какъ будто рѣзецъ источилъ ихъ на фонѣ сѣрыхъ уступовъ и узкихъ долинъ,

прорѣзавшихъ горы. Художественно задрапированный парусъ тонетъ вдали; сладострастно волнуются складки флага, прильнувшаго къ вѣтру... Матросы, гребцы—дѣти юга, полураздѣтыя, загорѣлыя сильныя фигуры. Въ каждомъ жестѣ и взглядѣ скрытая страсть, жажда нѣги... Вотъ рыбакъ на лодочкѣ скорлупѣ, плавно скользя, дремлетъ какъ будто на этихъ эгейскихъ волнахъ, носившихъ ладью пѣвца Иліады. Здѣсь корзиной цвѣтовъ кажетъ островъ, за нимъ угасаетъ теперь «розоперстая Эосъ» и море ушедшее краемъ за пурпуровую завѣсу небосклона плещетъ, качаетъ, убаюкиваетъ... Уже тѣни ложатся надъ далью холмовъ и вѣтеръ вечерней зари ласкаясь, играя скользитъ надъ моремъ, перебираетъ тентъ парохода надъ вашею головой, а образы богинь и боговъ классической Эллады властно встаютъ передъ вами въ густѣющемъ сумракѣ. Да, Тургеневъ былъ правъ, когда писалъ въ своихъ *Пергамскихъ раскопкахъ:*

«Какое счастіе для народа обладать такими поэтическими, исполненными глубокаго смысла религіозными легендами, какими обладали греки, эти аристократы человѣческой породы!»

Послѣднимъ заревомъ вспыхнулъ догорающій закатъ и погасъ... Трепетно искрятся на темномъ пологѣ неба кое-гдѣ звѣзды... Въ синей мглѣ тонутъ море и берегъ, пароходныя мачты и снасти... Ночь надъ моремъ надъ землею голубая ночь...





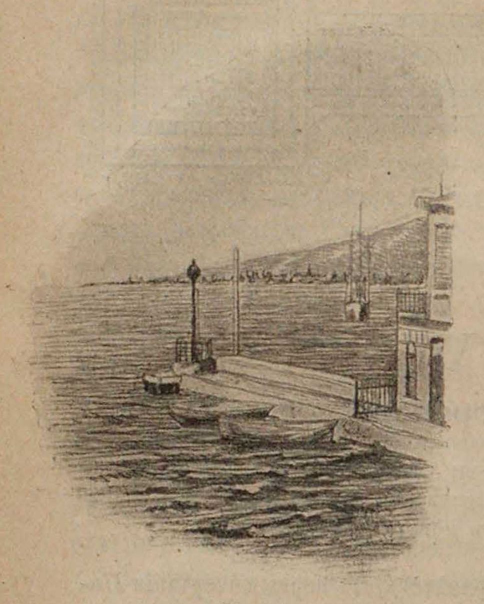
Глава VIII.

Въ гавани грековъ.

Пирей.—Отзвуки минувшаго и современныя картинки.—Физіономія Аѳинскаго порта. — Желѣзная дорога въ Аѳины. — Фалеръ.—Впечатлѣнія въ новогреческой столицѣ.

Рѣзкій свистокъ нашего парохода привѣтствуетъ первыя очертанія *Пирея.* На яркой синевѣ небосклона извилистою каймой пролегли темные силуеты Гиметскихъ горъ, съ вершинами слабо окутанными лазурью тумана. Раннее утро... Золотистые лучи солнца тронули яркимъ блескомъ живописныя скалы Эгины и Саламина. Надъ полоской амфитеатромъ столпившихся бѣлыхъ домиковъ, черезъ лѣсъ мачтъ, расцвѣченныхъ флагами, поднимается холмъ Акрополя съ фантастическою колоннадой Парѳенона, со священными развалинами Аттики... Великая родина великихъ именъ, славныхъ дѣлъ и блестящей исторіи—вотъ она предъ нами, готова принять въ свою классическую гавань. Не ты ль посылала отсюда свои ладьи, Эллада, къ народамъ древняго востока, то какъ гордая побѣдительница, требуя дани, то какъ носитель культуры, широко распространяя свое вліяніе, свои идеи, свое искусство?.. Къ тебѣ стекались корабли отъ далекихъ отроговъ Леванта, отъ царственной Трои, отъ цвѣтущихъ республикъ Архипелага, отъ Малоазійскихъ колоній, отъ солнцемъ спаленной Африканской пустыни... «Прекрасная страна отверженныхъ боговъ», гдѣ великія воспоминанія подавляютъ, гдѣ человѣку конца XIX вѣка кажутся сказкой страницы исторіи, увѣковѣчившей имена Перикла и Демосѳена, Аристотеля и Сократа... Здѣсь самый прахъ навѣянный вѣками говоритъ намъ о безсмертіи сыновъ человѣчества, сумѣвшихъ подняться выше надъ міромъ и его суетой, надъ мыслью и сердцемъ... Гомеръ и Пиндаръ, Еврипидъ и Софоклъ, ваятель Фидій, философъ Анаксагоръ и художникъ Апеллесъ—каждый камень, каждая руина шепчетъ ихъ имена, полна ими... А намъ наканунѣ вѣка, отуманеннымъ и растеряннымъ предъ массой вопросовъ, въ сумятицѣ полити-

ческихъ краховъ, стачекъ, волненій, бурныхъ парламентскихъ сценъ, на развалинахъ алтарей, не оправдавшихъ ожиданій, даже страннымъ звучатъ идеалы Ликурга, стихотворные законы Залевка, нравственность и право скрижалей Солона... Такъ мы шагнули впередъ, такъ давно обогнали все это оставшееся далеко позади... Но кто знаетъ? Мы роемся въ мусорѣ тысячелѣтнихъ развалинъ, съ удивленіемъ пробѣгая строки, начертанныя на камняхъ, на порогахъ позабытыхъ храмовъ, давно «потерянныхъ боговъ» и можетъ-быть не въ силахъ повторить даже того, что отвергнуто нами..



Пирей.

Мы вступаемъ въ бухту Пирея.... Каменный валъ, поднимаясь надъ прозрачною водой, какъ будто отмежевываетъ у моря оригинальный квадратъ, вдавленный въ сушу. Между двумя большими маяками, бѣлыми каменными домиками, мы входимъ на рейдъ, загроможденный судами всѣхъ націй... Лѣсъ мачтъ и снастей застилаетъ перспективу. Спокойная какъ озеро бухта отражаетъ въ зеркальной поверхности и небо, и берегъ, и линію судовъ, и тихо скользящія лодки... Мы бросаемъ якорь... Пассажиры толпятся вдоль борта, любуясь живописною панорамой—всюду шумъ, оживленные жесты... Желтый флагъ скользитъ надъ тентомъ и, поднявшись надъ реями, начинаетъ тамъ страстно дрожать въ мягкихъ объятіяхъ вѣтра. Желтый флагъ означаетъ *обсервацію* судна. Мы должны взять пропускъ, и пока юный помощникъ дежурнаго офицера отплываетъ на лодкѣ для исполненія санитарныхъ формальностей, мы стоимъ саженяхъ въ десяти отъ каменной набережной, наблюдая оригинальную картину.

Сегодня Пирей празднуетъ выборы стараго мера. Новая Греція, независимая, едва оправившаяся отъ турецкаго ига, долго боровшаяся за конституцію съ королемъ изъ Баварцевъ *) и наконецъ теперь уравновѣшанная законодательною властью палатъ, какъ это все странно звучитъ на почвѣ классической Эллады. Свобода печати, министры, тайная подача голосовъ, избирательная борьба съ демонстративнымъ апоѳеозомъ, который мы сейчасъ наблюдаемъ, все это особенно поражаетъ послѣ ряда противо-

*) Принцъ Фридрихъ-Отонъ, сынъ Баварскаго короля Лудвига, правилъ до 1862 г.

положныхъ картинъ азіатскихъ государствъ Востока. Партія Трикуписа торжественною процессіей съ нескончаемою вереницей шагомъ ѣдущихъ экипажей, переполненныхъ публикой, вьется лентой вдоль каменной набережной. Мужчины и женщины, дѣти и подростки держатъ въ рукахъ развѣвающіяся знамена. Тысячная толпа идетъ сзади нихъ, привѣтствуя радостными кликами живописную процессію. Носильщики въ блузахъ, европейскіе сюртуки и національные кафтаны, красныя фески съ синими кистями, шляпы и цилиндры—все перемѣшалось, все слилось, движется, живетъ, хотя и новою жизнью девятнадцатаго столѣтія. Не успѣли мы получить пропускъ и подтянуться къ пристани, какъ докучная толпа назойливыхъ факторовъ, проводниковъ, швейцаровъ гостиницъ облѣпила пароходъ, воинственною ратью подступая къ пассажирамъ. Мой коллега, тщетно раскрывъ зонтикъ, пробуетъ укрыться за нимъ какъ за щитомъ Аѳины-Паллады, отъ услугъ греческаго чичероне. Чрезъ оригинальную препону тотъ предлагаетъ намъ капитуляцію на всѣхъ языкахъ, начиная съ французскаго, кончая новогреческимъ и арабскимъ. Въ суматохѣ кто-то взываетъ къ своему чемодану. Растерянныя дамы протискиваются къ каютамъ; громыхаютъ цѣпи. Носильщики просятъ сторониться. А съ живописнаго берега гремитъ музыка, доносятся радостные клики и трудно распознаваемая мелодія виснетъ, звучитъ надъ домами, надъ набережной, надъ шумнымъ рейдомъ, какъ будто скользя чрезъ сѣтку снастей, замирая на пологихъ скатахъ.

Мы обѣдаемъ на пароходѣ. Навязчивый грекъ чичероне преслѣдуетъ насъ какъ печальная тѣнь подземнаго Аида, то умоляя, то соблазняя съѣхать на берегъ.

— Сегодня у насъ большое торжество, твердитъ онъ, идя по пятамъ,— темнѣетъ, скоро зажгутъ фейерверкъ, надо видѣть городъ въ это время. Какая картина! пристаетъ онъ къ мужчинамъ.—Побѣдилъ нашъ любимый меръ! объясняетъ онъ дамамъ,—и потому grand-parade... Мы увидимъ цвѣтъ общества: какіе костюмы! Такое собраніе рѣдко!

Дамы сдаются, и пока мы совѣщаемся, намѣчая планъ поѣздки на берегъ, неотвязный грекъ повѣствуетъ намъ всю біографію мера:

— У него масса фабрикъ,—онъ даетъ бѣднякамъ заработокъ. Еслибъ онъ палъ, тысячамъ грозила бы погибель; многимъ, въ особенности дѣвушкамъ, пришлось бы остаться безъ куска хлѣба.

— «Да, да!» говоритъ онъ, замѣтивъ на нашихъ лицахъ сомнѣніе: «теперь же они спасены. О, о! мы умѣемъ постоять за себя, да! И вотъ, мадамъ, посмотрите какое торжество!»

Радостный крикъ на берегу служитъ отголоскомъ толкователя грека. День давно уже меркнетъ. Въ сумеркахъ угасающаго дня, на потемнѣвшемъ, задумчивомъ небѣ, тамъ, гдѣ сквозятъ пустынныя арки Тезеева храма

ма, взлетаетъ ракета. Яркимъ снопомъ зеленыхъ, голубыхъ и красныхъ звѣздъ разсыпается за ней слѣдомъ другая. Огнистыя искры, разбѣгаясь по небу, трещатъ, разрываются то справа, то слѣва. Надъ портовыми укрѣпленіями спиралью взвилась какъ змѣя тонкою огненною струйкой вѣстовая «ласточка» *). Еще часъ, и тихая, южная ночь, спускаясь на землю, уже льнетъ къ темной извилинѣ горъ, затушевывая тѣнями окрестность. Вспыхнули яркимъ огнемъ сторожевые маяки. Зеленые фонари поднялись надъ верхушками мачтъ и задремалъ примолкнувшій рейдъ, съ темными силуэтами судовъ, съ бѣлою лентой домиковъ оживленной гавани, съ потонувшими въ сумракѣ высями горъ, скрывающими отъ насъ царственныя Аѳины.

Сладостный воздухъ прохладой обвѣваетъ воспаленную голову. Мы спускаемся въ лодку, что покачивается, нѣжась на глади залива. Дамы давно размѣстились, съ любопытствомъ наблюдая живописныя позы лодочниковъ-гребцовъ, театрально задрапированныхъ плащами. Вотъ плавно ударили весла и ладья наша отдѣлилась отъ борта, тихо скользя по направленію къ таможнѣ. Мой коллега, горячій поклонникъ Байрона, уже декламируетъ отрывки поэмъ изгнанника далекой страны, набросавшаго здѣсь, у этихъ береговъ, дивныя строфы, полныя огня и поэтическаго вдохновенія:

Прелестный край—гдѣ цѣлый годъ
Весна роскошная цвѣтетъ;
Гдѣ группа свѣтлыхъ острововъ
Видна съ далекихъ береговъ;
Тамъ океана свѣтлый взоръ
Играетъ тѣнью синихъ горъ...
Страна безсмертная побѣдъ!
Земля гдѣ слава древнихъ лѣтъ
Погребена; гдѣ отъ равнинъ
До горныхъ гротовъ и вершинъ
Свобода нѣкогда жила,
Гдѣ мысль могучая цвѣла,
Гдѣ жизнь и свѣтлая краса—
Да, то Эллады небеса! **)

. . . .

Туристу, путешествующему по Востоку, часто приходится наблюдать оригинальныя сцены въ разнообразныхъ портахъ Средиземнаго побережья. Въ Тріестѣ и въ Александріи, въ Бейрутѣ и Салоникахъ, въ Смирнѣ и Портъ-Саидѣ каждая высадка—своего рода вавилонское столпо-

*) Вечерняя сигнальная ракета.
**) „Гяуръ“ Байрона.

твореніе. Съ утра уже на палубѣ стонъ стоитъ: гамъ, сутолока, бѣготня, крики. Непривычному человѣку начинаетъ казаться, что пароходъ берутъ на абордажъ разъяренные «корсары». Любой чичироне-грекъ въ пестромъ пиджакѣ и малиновой фескѣ, смотритъ настоящимъ «клефтомъ», не признающимъ ничьихъ правъ кромѣ своихъ собственныхъ. Надрываясь отъ руготни, атлеты-лодочники *варкарисы* просто рвутъ васъ на части, а вы, худосочный сынъ печальнаго Сѣвера, безпомощно отбиваясь, перелетаете какъ мячъ въ дюжихъ рукахъ, съ горькимъ сознаніемъ своей беззащитности и безсилія. Когда же, утомясь въ безплодной борьбѣ за свою независимость и пожитки; вы очутитесь въ легкой фелукѣ съ чужимъ чемоданомъ и съ надломленною палкой вмѣсто новаго зонтика — перспектива ощутить подъ собой «твердую почву», покажется необычайно привлекательною. Настроеніе духа сразу станетъ оптимистическимъ, и вы невольно устремитесь «къ землѣ», чтобы поскорѣе отдохнуть отъ «мытарствъ» этого поистинѣ «великаго переселенія» съ моря на сушу.

Первое, что бросается въ Пиреѣ въ глаза—это стройное зданіе меріи. Прямо предъ вами пріютилась таможня. Мы подошли къ ней не безъ предубѣжденія. Солдатъ торопливо разстегнулъ чемоданъ моего коллеги, но не найдя въ немъ никакихъ запретныхъ плодовъ, тоскливо посмотрѣлъ на дежурнаго офицера.

— Эйхаристо! Эйхаристо!—любезно проговорилъ тотъ, дѣлая жестъ разрѣшавшій намъ таможенный пропускъ, и мы тотчасъ же протиснулись въ крестообразную рогатку, выпускавшую поодиночкѣ грѣшниковъ на свободу. Ступивъ на набережную, облегающую синія воды залива широкимъ каменнымъ парапетомъ, вы поднимаетесь по улицѣ влѣво, среди низенькихъ домиковъ почти сплошь занятыхъ всевозможными «кафе» и магазинами. Французскія вывѣски перемѣшаны съ греческими, смуглыя лица туземцевъ сливаются съ чужеземными профилями. Европейская шляпа идетъ бокъ-о-бокъ съ турецкою феской, а модную французскую накидку ведетъ подъ руку національная фустанелла *). Оживленный говоръ толпы представляетъ удивительное смѣшеніе языковъ. Глядя на эту пеструю массу головъ, прислушиваясь къ гортанному жаргону, вамъ вдругъ начинаетъ казаться, что вы попали въ маскарадъ подъ открытымъ небомъ—такъ все здѣсь пестро, шумно и оживленно.

По каменнымъ плитамъ, изрядно нагрѣтымъ жгучимъ дыханіемъ лучезарнаго Феба, мы вступаемъ на широкую площадь передъ вокзаломъ желѣзной дороги, соединяющей теперь Пирей съ Аѳинами. Пройдя памятникъ

*) Бѣлая короткая юбка съ безчисленными складками, носимая греками, анатолійцами, особенно поражаетъ европейца, не привыкшаго видѣть мужчину съ окладистою бородой въ костюмѣ балетной танцовщицы.

Аполлона и еще какой-то обелискъ, о назначеніи котораго мнѣ не удалось узнать отъ говорливаго чичероне, мы вдругъ очутились среди корзинъ, заваленныхъ всевозможными фруктами, начиная отъ золотистыхъ кистей винограда, кончая нѣжнымъ плодомъ банана. Типичные торговцы холодной воды и здѣсь, какъ въ Константинополѣ, такъ и шныряютъ въ толпѣ, назойливо побрякивая металлическими чашками. Подъ тентомъ кофейни, за круглыми столиками, расфранченные «грекосы» тянутъ кофе, перебирая безконечныя зерна четокъ—*комболойо*, покуриваютъ длинныя трубки. Удивительная привычка—обычай, не имѣющій ничего общаго съ молитвеннымъ настроеніемъ.

Аѳины.

На площади, предъ одноэтажнымъ зданіемъ вокзала, стоятъ элегантныя ландо парой, такъ-называемыя *охимы*. Круглыя окошечки этихъ оригинальныхъ каретъ задернуты бѣлыми занавѣсками отъ палящихъ лучей солнца. Кучеръ въ фустанеллѣ и въ аломъ фесѣ съ длинною голубою кистью лѣниво дремлетъ на высокихъ козлахъ. Караваны милѣйшихъ осликовъ расположились тутъ же живописными группами. Изъ-подъ груды корзинъ, заваленныхъ зелеными оливками, или свѣжими фигами, едва видна сѣрая мордочка съ удивительно симпатичными глазами, да тонкій куцый хвостъ — постоянная мишень для палочныхъ ударовъ лѣнтяя-погонщика. Надо удивляться трудолюбію этого маленькаго работника Востока, переносящаго безропотно и стойко удивительныя тяжести, едва помѣщающіяся

на его узкой спинѣ, начиная отъ тюковъ и ящиковъ и кончая корзинами и бочками. На лоткахъ продаютъ персики, всевозможную зелень, орѣхи въ сахарѣ, эластичныя плитки рахатъ-лукума, любимаго лакомства Грековъ и гречанокъ. И подъ этою шумною, пестрою картиной южное небо драпируетъ свой темно-голубой пологъ красивыми складками перламутровыхъ облаковъ, тронутыхъ брызгами солнечнаго свѣта. Фіолетовые отроги Гимета встаютъ зубчатою грядой на дальнемъ склонѣ горизонта. Бѣлѣютъ колоннады Акрополиса и глубокая бухта Ѳалернскаго залива шумно движетъ безчисленныя группы судовъ, фелукъ и пароходовъ.

Мы входимъ подъ сѣнь вокзала, и пока нашъ юркій толмачъ беретъ билеты—наблюдаемъ толпу и сами служимъ предметомъ очевиднаго любопытства... Въ Пиреѣ европейскій костюмъ почти вытѣсняетъ туземный; зато турецкая феска, слегка удлиненная, съ огромной кистью, достигающею спины, прижилась здѣсь совершенно, и греки въ большинствѣ случаевъ носятъ ее вмѣсто шляпы. На стѣнахъ дебаркадера пестрѣютъ яркія агитаціонныя афиши г. Трикуписа и К°, приглашающія населеніе къ выбору новаго мера изъ его партіи. Раздается звонокъ, толпа устремляется къ вагонамъ. Чрезъ боковыя дверцы мы входимъ вслѣдъ за другими и помѣщаемся у окошка. Вагонъ полонъ. Гречанки въ свѣтлыхъ лѣтнихъ костюмахъ, съ зонтиками и баулами, такъ и щебечутъ между собою. Крошечныя фигурки греческаго воинства чинно размѣстились среди франтоватыхъ сюртуковъ юркихъ негоціантовъ въ изящныхъ котелкахъ и цилиндрахъ. Насъ съ любопытствомъ оглядываютъ съ ногъ до головы, громко повѣряя сосѣду свои впечатлѣнія.

— Австрійцы! — отрывисто говоритъ по-французки негоціантъ своей пожилой супругѣ, очевидно щеголяя знаніемъ иностраннаго діалекта.

— Non, non, ce sont des Russes,—догадывается дама.

— Что это у него на затылкѣ, моя дорогая?

— Капюшонъ, вѣроятно...—поясняетъ очаровательная брюнетка, приглядываясь къ моей бѣлой фуражкѣ, военнаго покроя, съ широкимъ квадратомъ сзади.

Внучки прабабушки Евы получили повсюду въ наслѣдіе терзающее ихъ любопытство. Щебетанье усиливается, нашъ чичероне жалѣетъ, что мы не понимаемъ «прекраснаго новогреческаго языка», но я противнаго мнѣнія. Оживленный говоръ дамъ, ихъ жестикуляція и выразительная мимика очевидно не въ мою пользу.

Дверцы заперты. Раздается свистокъ—вагонъ вздрагиваетъ. Мы тронулись, проскочили небольшой туннель, и вотъ-вотъ поѣздъ уже мчится среди блѣдно-желтыхъ равнинъ по направленію къ сѣверу. Девятиверстный путь желѣзной дороги перерѣзаетъ спаленное зноемъ поле, примыкающее къ Ѳалернской бухтѣ. Пусто, голо смотритъ эта историческая дорога, по которой катились когда-то блестящіе колесницы Перикла. Среди камней, жалкихъ остатковъ древнихъ стѣнъ, соединявшихъ Пирей двойною цѣпью съ Аѳинами, кое-гдѣ мелькаютъ купы молочно-зеленыхъ маслинъ, темный квадратъ огорода, пышныя кроны олеандръ, усыпанныя пунцовыми и бѣлыми цвѣтами. Лентой вьется вдали шоссе, перебѣгая мѣстами линію рельсъ, чтобы снова исчезнуть въ густыхъ, пышно разросшихся по его бокамъ кустахъ алоэ. Оригинальное впечатлѣніе производитъ этотъ цвѣтокъ на непривычный глазъ туриста. Какъ будто къ камнямъ приросли его огромные, широкіе листья, выбрасывая изъ середины длинный стебель аршина въ четыре съ пушистыми желтыми кистями.

Предъ вами вправо, едва охватываемая глазомъ, величественно встаетъ стройная громада Акрополиса, синѣютъ причудливыя вершины Гиметскихъ горъ, убѣгаетъ вдаль полоса голубого Эгейскаго моря. Горныя козы бродятъ по выжженнымъ скатамъ, мелькнетъ кое-гдѣ виноградникъ, оливковая роща, миѳическій даръ покровительницы Аѳины. Глазъ нельзя оторвать отъ чудной перспективы далекаго моря, извилистыхъ бухтъ, фіолетовыхъ горныхъ уступовъ, слабо тронутыхъ дымкой... А благодушные пассажиры «грекосы» уткнулись въ газету, болтаютъ съ дамами, толкуютъ о выборахъ и политикѣ.

Станція *Фалеръ!* объявляетъ кондукторъ, и мы, почти не замедляя хода, вдругъ останавливаемся. Изящная лѣстница бѣлаго мрамора поднимаетъ сквозной элегантный курзалъ на фонѣ голубаго неба. Вы находитесь среди дачъ аристократическихъ морскихъ купаній. Публика толпится на длинной платформѣ. Модные туалеты дамъ и кавалеровъ невольно переносятъ воображеніе на сѣверъ, въ западно-европейскіе центры, въ родѣ Вѣны, Баденъ-Бадена, или Карлсбада. Снова свистокъ—платформа какъ будто уплываетъ, предъ нами проносится бѣлое зданіе «Hotel de l'Europe», своего рода убѣжище «Mon repos», сорящихъ по свѣту денежки богатыхъ иностранцевъ. Поѣздъ мчится, круто сворачиваетъ влѣво — еще нѣсколько минутъ, и вы въ Аѳинахъ.

Мы отправились обозрѣвать городъ въ коляскѣ все съ тѣмъ же неотвязнымъ грекомъ-проводникомъ на козлахъ. Новая столица Эллинскаго королевства разрослась на нѣсколько саженъ ниже древняго «великаго» города. Мѣстоположеніе ея мало привлекательно и едва ли туристъ заглянулъ бы сюда, не будь Аѳины подъ охраной священныхъ реликвій Акрополиса, окруженнаго поэтическою дымкой историческихъ воспоминаній. Прямыя улицы, пересѣкающіяся подъ угломъ, европейскіе магазины, вывѣски полу-французскія, полу-греческія, стереотипная архитектура столичныхъ зданій. Только названія въ родѣ: проспектъ Эола, Гермеса, Богини Вѣтровъ, фонаря Демосѳена, да обиліе гербовъ на домахъ съ аллегорическими фигурами изъ миѳологіи, напоминаютъ вамъ, что вы попираете почву священной Аттики. Современная намъ цивилизація удивительно вытравляетъ все типичное и національное, щедро кладя въ замѣнъ свои хмурыя краски однообразія, безвкусія и монотонности. Многоэтажные дома, роскошные отели, какъ и модные сюртуки и цилиндры просто рѣжутъ глаза въ благословенныхъ странахъ Востока. Они кажутся чуждыми общему тону картины, занесенными какъ будто случайно съ холоднаго Сѣвера. На почтѣ, сдавая письма на далекую родину, мы натолкнулись на группу типичныхъ фигуръ въ оригинальномъ нарядѣ. Красавцы-анатолійцы читали воззваніе новаго мера, картинно застывъ въ своихъ живописныхъ костюмахъ. Бѣлая юбка, круглая шелковая шапочка, золотомъ расшитая куртка съ отброшенными за спину рукавами и шальвары ослѣпительной бѣлизны — все это «отъ головы до пятокъ», говоря словами Грибоѣдова, кладетъ на нихъ особый отпечатокъ.

Юркій чичероне вывозитъ насъ на квадратный плацъ и важно велитъ кучеру остановиться.

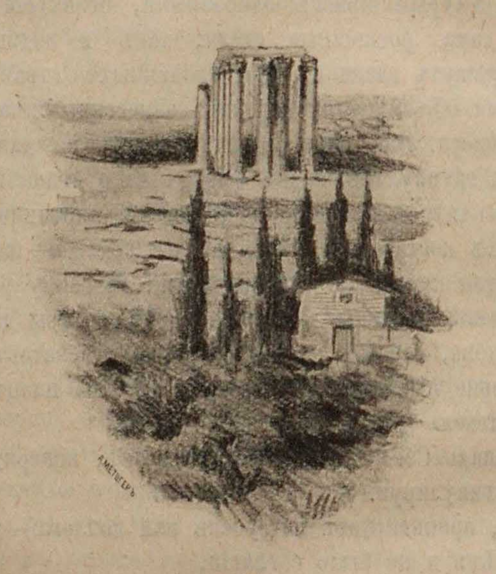
— Это площадь Согласія! — повѣствуетъ онъ, повернувшись съ козелъ и отчаянно жестикулируя.

— Согласія, иронизируетъ по-русски мой коллега: — у грековъ ни въ чемъ никогда нѣтъ и не было согласія.

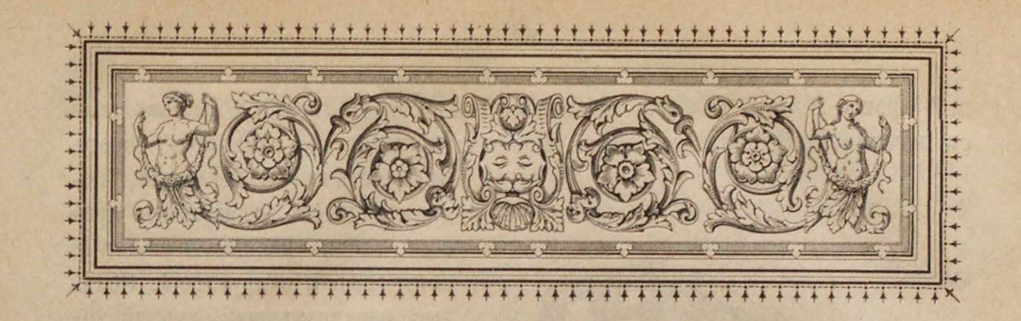
— А это бульваръ Филлэлиновъ—друзей Греціи.

Тощая аллея едва ли стоитъ такого громкаго титула. Только при проѣздѣ базаромъ на насъ снова пахнуло знакомымъ яркимъ колоритомъ юга, восточнаго оживленія, оригинальною простотой и непринужденностью. Мы отказалась осматривать женскій институтъ, университетъ и площадь Конституціи, предпочитая забраться поскорѣй къ цѣли завѣтныхъ стремленій— Аѳинскому Акрополису. Несмотря на то, что былъ уже пятый часъ дня, жара стояла невыносимая. Если бы не вѣтерокъ съ моря, казалось, нечѣмъ было бы дышать, а между тѣмъ улицы кипѣли народомъ. Элегантныя ландо катились намъ навстрѣчу, пересѣкали дорогу... Арнауты гарцовали на

прекрасныхъ лошадяхъ, щеголяя вооруженіемъ и богатствомъ живописнаго наряда; ослики поднимали цѣлыя облака пыли. Сквозь тонкія рѣшетки оконъ виднѣлись голубые, палевые корсажи женщинъ; доносился задорный смѣхъ, временами акорды рояля. Предъ французскими магазинами, подъ навѣсами широкихъ маркизъ, медленно двигалась нарядная толпа, запружая тротуары и громко болтая. Мы свернули на улицу Эола и понеслись по направленію къ грандіозно встающей скалѣ Акрополиса, гордо поднявшаго свой неприступный холмъ футовъ на полтораста надъ уровнемъ моря.



Храмъ Тезея.



Глава IX.

Городъ Перикла.

Развалины Акрополя. — Встрѣча съ Демосѳеномъ.—Парѳенонъ и Пропилеи.—Эрехтеонъ. — На скамьяхъ Ареопага. — Тюрьма Сократа.—Вечернія грезы.

Дорога идетъ уступами, мѣстами изгибаясь спиралью, далеко уже оставивъ за собой новыя Аѳины. Мы замѣтно поднялись надъ линіей крышъ, ушедшихъ какъ будто вглубь, сливающихся у нашихъ ногъ въ одну монотонную массу. По выжженному зноемъ скату дороги лошади едва тянутъ четырехмѣстную коляску. Нашъ «Грекосъ» спрыгиваетъ съ козелъ «для облегченія», а кучеръ то и дѣло щелкаетъ бичемъ, но здѣшніе «кони» давно привыкли не обращать на него не малѣйшаго вниманія. Мелкій щебень хруститъ подъ колесами экипажа. Изъ-подъ копытъ клубами летитъ пыль, щедро надѣляя сѣроватою пудрой наши пальто и шляпы. И вотъ издали встали, какъ будто приближаясь къ намъ, стройныя очертанія классическихъ памятниковъ Эллады. Казалось, сѣрая скала разступилась, раздвинула свою каменную толщу и подняла вдругъ на поверхность неприступной твердыни изящные храмы сказочной красоты и величія. Въ эту минуту коляска подъѣзжаетъ къ нимъ почти вплоть и мы выскакиваемъ, восхищенные и взволнованные предъ истертыми ступенями грандіозной бѣломраморной лѣстницы, надъ которою пронеслось 20 вѣковъ разрушенія, грабежей и жалкихъ реставрацій. Это и есть знаменитые *Пропилеи*.

Въ первую минуту едва ли кто въ силахъ отдать себѣ отчетъ о томъ странномъ впечатлѣніи, которое производятъ руины Акрополиса на нервнаго туриста... Я чувствовалъ только, что у меня сжималось сердце, томительная дрожь пробѣжала по моей спинѣ и шеѣ. Передать нельзя открывавшейся предъ нами картины. Прямо вдали вставала громада іонійскихъ и дорическихъ колоннъ, изящные портики *Парѳенона,* лѣвѣе полуразрушен-

ный храмъ *Аѳины Побѣды Безкрылой,* а за нимъ галлерея *Пинакотеки* съ легкими аркадами *Эрехтеона.* Все это примыкаетъ, сливается, тонетъ въ пластической симметріи, подавляя мысль сознаніемъ красоты, глаза—изяществомъ линій, контуровъ и закругленій. Облитые вертикальными лучами золотистаго солнца, затушеванные коричневыми полосами тѣней, бѣлѣютъ грандіозные храмы-дворцы исчезнувшаго народа. Портикъ, изсѣченный классическимъ рѣзцомъ, колоннада, ушедшая стройными рядами, полуобвалившійся карнизъ и поверженные на землю разбитые пилястры, все дышитъ изяществомъ рисунка, непередаваемою легкостію формъ, стройностію композиціи.

Акрополь.

Когда вы поднимаетесь по широкимъ ступенямъ къ этому дивному портику на площадку, ваша мысль не хочетъ мириться съ сознаніемъ, что слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ онѣ были сложены мощными руками давно исчезнувшаго художника-народа. Здѣсь, среди золотистыхъ стѣнъ, пожелтѣвшаго отъ времени мрамора, среди надтреснутыхъ фронтоновъ и фризовъ, подъ сѣнью молчаливыхъ портиковъ — звучала когда-то вдохновенная рѣчь благороднаго гражданина. Она будила творческую мысль согражданъ. На всемъ здѣсь—на обломкахъ колонны, на граняхъ іоническаго перистеля, на капители, потерявшей свои мраморные завитки, невольно читаешь великое имя созидателя Аѳинъ, геніальнаго Перикла. Смѣлый сынъ золотого вѣка классической Греціи, онъ сумѣлъ увѣковѣчить потомству изящные образцы неумирающаго искусства... Онъ начерталъ здѣсь имена Мнезикла и Кимона, Фидія и Каликрата въ стройныхъ зданіяхъ Эрехтеона, Пинакотеки, храма Тезея и Парѳенона.

Пропилеи служили прежде главнымъ входомъ въ Аѳинскій акрополь. Шесть іоническихъ колоннъ поддерживали изящный порталъ, а за нимъ на широкой площадкѣ высилась бронзовая колоссальная статуя Паллады съ золотымъ копьемъ въ рукѣ и въ шлемѣ бога войны Ареса. Къ бокамъ колоннады примыкали крытые портики дорическаго

стиля *). Теперь колоннъ уцѣлѣло только двѣ, не попорченныхъ взрывомъ, случившимся въ 1656 году, когда молнія ударила въ пороховой складъ, устроенный турками надъ ихъ архитравомъ. Мы спустились съ каменныхъ плитъ, щедро нагрѣтыхъ лучами солнца. Предъ нами вставали стройные вестибюли Пароенона и Эрехтеона.

— Какая мощь въ этихъ громадахъ!— произнесъ кто-то сзади меня по-французски.

Я обернулся. Мужчина лѣтъ подъ сорокъ, съ лицомъ раскраснѣвшимъ и загорѣлымъ, съ увлеченіемъ разглядывалъ оголенные фронтоны мраморнаго зданія Пароенона.

— Вотъ гдѣ паритъ мощный духъ великой Эллады!.. Здѣсь, а не тамъ, и незнакомецъ пренебрежительнымъ жестомъ указалъ внизъ, гдѣ сѣрымъ пятномъ темнѣли зданія новой столицы. Я досталъ портсигаръ, мы закурили и тотчасъ же представились другъ другу.

— Demosthenos Kaimanaki, docteur en droit.

Я назвалъ себя, и докторъ правъ присоединился къ нашему обществу. Завязалась бесѣда. Monsieur Kaimanaki оживился, и я долженъ отдать справедливость—онъ говорилъ страстно и увлекательно.

— Вы давно въ Аѳинахъ? — любопытствовалъ докторъ, пуская синія кольца дыма.

— Только-что пріѣхали, но едва ли скоро выберемся отсюда... Я указалъ на памятники Акрополиса.

— А я бываю здѣсь почти ежедневно, вотъ уже пять лѣтъ, и все не въ силахъ оторваться отъ этихъ камней священной Аттики. Взгляните, ну, можно ли не восторгаться хотя бы этою могучею пластикой формъ тысячелѣтняго *Пароенона?* Даже въ своемъ запустѣніи онъ прекрасенъ!

Дѣйствительно, полуразрушенный паралеллограммъ чуднаго храма Аѳины Дѣвственницы очаровываетъ глазъ туриста. Стройнымъ рядомъ опоясала его пожелтѣлая, отдающая въ золотистый отливъ, дорическая колоннада. Знаменитый Кимонъ заложилъ его стѣны, но безконечныя войны со Спартой и Беотіей не дали ему довести до конца начатую постройку. Ее докончилъ Периклъ по плану и указаніямъ Фидія, подъ руководствомъ Иктинія и Калликрата. Фронтонъ его поднималъ барельефъ, изображавшій появленіе дѣвы Аѳины изъ головы Зевса. Колоссальный фризъ во сто шестьдесятъ метровъ длиной окаймлялъ храмъ и былъ сплошною картиной празднества Панаѳи-

*) Нашествіе иноплеменныхъ и реставрація много разъ коверкали дивныя зданія греческаго зодчества, безцеремонно перестраивая и приспособляя ихъ къ грубымъ цѣлямъ и вкусамъ побѣдителя. Французы, турки и англичане хозяйничали не хуже гунновъ въ историческихъ стѣнахъ, а разные лорды Эльджины, Моровини и Шуазель-Гуффье превзошли даже Аларихов и безумныхъ Геростратовъ.

ней, воплощеннаго рѣзцомъ геніальнаго скульптора. Олимпійскіе боги тысячу лѣтъ ревниво оберегали Парѳенонъ; но нагрянули варвары — храмъ обратился въ мечеть, и съ высоты минарета, пристроеннаго къ классической колоннадѣ, раздался монотонный призывъ муэзина. Въ XVII-мъ вѣкѣ венеціанецъ Франческо Морозини превзошелъ азіатскихъ выходцевъ. Мѣткимъ выстрѣломъ ему удалось разметать изящные пилястры дорическаго стиля, пробить порталъ и крышу, изуродовать бомбами любимое дѣтище Аѳинянъ. Фронтонъ былъ ободранъ имъ же, барельефы разбиты, а что уцѣлѣло, то ограбилъ позднѣе лордъ Эльджинъ въ началѣ текущаго столѣтія. Въ Британскомъ музеѣ красуются Фидіевы статуи и каріатиды, а здѣсь, на мѣстѣ, Ново-Эллинъ, угрюмый сторожъ-инвалидъ зорко слѣдитъ, чтобы путешественники не расхитили какъ-нибудь уцѣлѣвшій классическій мусоръ. Vanitas vanitatis!

Не менѣе превратна и судьба *Эрехтеона*. Граціозный храмъ Минервы-Паллады съ его желобчатыми коринѳскими колоннами, хранилъ, говорятъ, оливковую статую богини, давалъ пріютъ ея священной змѣѣ, покровительницѣ Акрополиса. Каріатиды Фидія украшали изящный архитравъ іоническаго портика, примыкавшаго къ главному храму, гдѣ лежала оливковая вѣтвь воительницы Аѳины—символъ побѣды надъ богомъ морей, спорившимъ съ нею за гегемонію въ Аттикѣ; онъ былъ главнѣйшею святыней Эрехтеона. Нептуну-Эрехтею посвященъ былъ особый алтарь и вѣроятно въ честь его было названо и само зданіе. Со введеніемъ христіанства—портикъ превращается въ церковь. Съ нашествіемъ турокъ его постигаетъ новая метаморфоза. Чертогъ дѣвственной Аѳины превращается въ пріютъ мусульманскихъ грацій, служитъ гаремомъ аѳинскаго аги, не сумѣвшаго для нихъ найти болѣе подходящаго помѣщенія. Впрочемъ, бомбардировка Морозини скоро выселила этихъ земные гурій, но обезчещенный храмъ былъ еще болѣе оскверненъ грабежомъ англійскаго лорда. Тотъ увезъ, какъ извѣстно, чудную статую античной Паллады въ Лондонъ, презентовавъ Аѳинамъ жалкую гипсовую копію взамѣнъ подлинника. Легенда о плачѣ-прощаніи ея съ мраморными сестрами вдохновила другаго лорда, соотечественника Эльджина, и геніальный поэтъ посвятилъ ей чудныя строфы *). Въ сороковыхъ годахъ Эрехтеонъ реставрировали Французы и съ тѣхъ поръ онъ чаруетъ глазъ тонкою работой греческаго рѣзца, какъ дивный памятникъ скульптуры, произведеніе вѣчно-юнаго, неумирающаго искусства...

---

*) См. „Проклятіе Минервы“ Байрона.

Почтенный Демосѳенъ убѣдилъ насъ осмотрѣть знаменитый *Ареопагъ* и *тюрьму Сократа.* Мы спустились по каменному скату историческаго холма и добрались до темно-бураго уступа, лежавшаго саженъ на десять ниже обширной террасы города Перикла. Предъ нами открылся огромный амфитеатръ; грубо высѣченныя скамьи-сидѣнья захватывали пространство саж. до 200 въ окружности. Каменныя кресла, расположенныя подковообразными рядами одно надъ другимъ, мѣстами поломаны, борта ихъ посбиты, но большинство все-таки сохранилось въ удивительной цѣлости. Мы посидѣли на скамьямъ, предъ которыми возвышалась нѣкогда высокая трибуна греческихъ ораторовъ. На неширокой внутренней аренѣ Ареопага находился въ древности алтарь неумолимыхъ Эвменидъ, предъ которымъ равно трепетали красота и молодость, богатство и геніальность. Великіе архонты примѣняли здѣсь законы Солона. Темная ночь звѣзднымъ шатромъ спускалась надъ этимъ храмомъ Ѳемиды, и предъ грозными очами судей, при яркомъ трепетномъ пламени факеловъ, дрожали Аспазіи, поникалъ головой Сократъ, безмолвствовалъ сынъ Эллады, приговоренный къ изгнанію...

А теперь на опустѣлой площадкѣ пріютился деревянный шалашъ-палацо сторожа. Осколки разбитыхъ статуй, колоннъ, барельефовъ и фризовъ собраны въ *Тезеонѣ.* Тридцать четыре дорическія колонны новаго музея сохранились едва ли не лучше всѣхъ прочихъ памятниковъ Акрополиса, хотя христіане и турки не стѣснялись и съ этимъ дѣтищемъ скульптуры. Позднѣйшія раскопки Аѳинскаго Археологическаго Общества и въ особенности услуги и опытность Шамполіона пополнили его богатства. Немало потрудились въ Греціи и германскій институтъ археологіи, равно и члены французской аѳинской школы. Такова обаятельная сила греческаго искусства, властвующая даже надъ бэзстрастными сынами XIX вѣка. Тѣмъ не менѣе сокровища Тезеона, по сравненію съ величавымъ сборищемъ руинъ Акрополиса, кажутся убогими. Какъ оторванные камни съ вершины царственнаго утеса, они производятъ грустное впечатлѣніе микроскопической крупинки, насильно отторгнутой отъ гармоническаго цѣлаго.

— Посмотрите,—волновался нашъ спутникъ Демосѳенъ,—вѣдь вотъ гдѣ настоящій музеумъ исчезнувшей Эллады! Онъ встаетъ предъ нами на историческомъ холмѣ съ цѣлостнымъ впечатлѣніемъ и будитъ картину полную граціи и величавыхъ образовъ...

— Вы правы; докторъ.

Monsieur Kaїmanakі успѣлъ уже овладѣть нами всецѣло.

— Да развѣ есть на землѣ зданіе, — страстно декламировалъ тотъ, — способное вмѣстить подъ своею кровлей столько историческихъ реликвій, какъ нашъ умершій городъ Перикла. Умершій, а между тѣмъ здѣсь-то и царитъ въ его безмолвныхъ храмахъ свободный духъ геніальнаго Фидія,

видна созидательная сила Праксителя. Взгляните на воздушныя пластическія формы этихъ зданій, на изгибъ хотя бы вотъ того нависшаго карниза. Что за изящный контуръ фронтона! Я только здѣсь и познаю красоту, я ее переживаю и чувствую. Какъ не завидовать народу, сумѣвшему воспринять ее умомъ и сердцемъ, воплотить кистью, рѣзцомъ, увѣковѣчить себя такими развалинами!

Мы взобрались на вершину холма, гдѣ, говорятъ, сохранилась тюрьма аѳинскаго мудреца,—а рядомъ съ ней показываютъ мѣсто заточенія Мараѳонскаго героя. Это грубо высѣченная въ скалѣ пещера; вокругъ пусто, голо, внутри — темнота. Докторъ правъ смѣло полѣзъ въ ея закоптѣлое отверстіе, но, пошаривъ съ минуту, вылѣзъ оттуда выпачканный и разочарованный.

— Смотрѣть не стоило!—проговорилъ онъ съ досадой.— Вѣдь умудряются же люди такъ загадить священный утолокъ, что къ нему подойти совѣстно... А все пастухи со своими козами. При ихъ чистоплотности вы можете судить, во что обратилась теперь тюрьма Сократа.

Удушливый запахъ краснорѣчиво подтверждалъ доводы Демосѳена. Мы пошли назадъ навстрѣчу манившему насъ зданію Пинакотеки. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Акрополису, прежнее вдохновеніе вернулось къ нашему спутнику. Онъ уныло поникъ головой и заговорилъ, не обращаясь ни кому исключительно.

— Страна Гомера и Гезіода, родина Софокла и Еврипида, великая мать безсмертныхъ дѣтей — та ли ты ты теперь, наша милая Греція? Нѣтъ, я вижу въ тебѣ только слабое отраженіе минувшаго. Намъ осталось въ удѣлъ стеречь твои холодня руины. Да и того мы не сумѣли выполнить какъ слѣдуетъ...

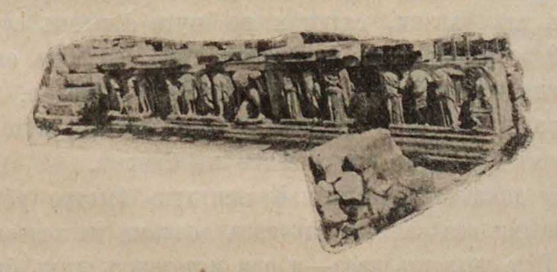
Онъ остановился на минуту, вздохнулъ, сердито погрозивъ кому-то рукой.

А солнце сидилось уже за далекими скалами Эгина и Саламина. Багряные лучи его, какъ будто прощаясь съ неблагодарною землей, слабо догорали на одинокомъ фронтонѣ Тезеева храма. Подъ аркадами Пропилей сгущался полумракъ и бѣломраморная громада Парѳенона тонула въ мягкомъ сумракѣ надвигавшейся ночи. Со стороны невидимаго Парнаса, на потемнѣвшей лазури, тихо всплылъ ярко сверкающій бриллъянтъ Венеры, нѣсколько вправо за ней загорѣлся Юпитеръ... Величавя тишина охватила Акрополь. Мы усѣлись на фундаментъ Вакхова храма и долго не въ силахъ были оторвать глазъ отъ величавой картины.

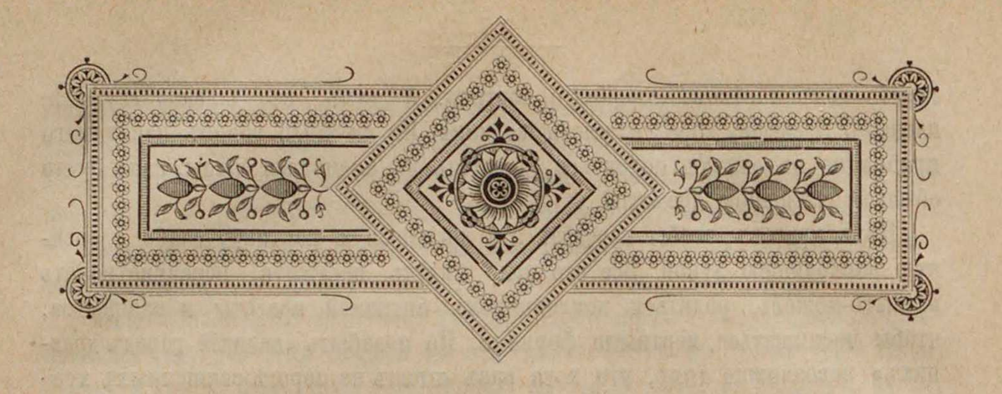
Да, быть здѣсь и не чувствовать великой Эллады нельзя, невозможно... Здѣсь самъ воздухъ напоенъ жгучими образами минувшаго, все будитъ знакомыя классическія тѣни. Даже камни шепчутъ какъ будто преданья сѣдой старины и, кажется, эллинская рѣчь только-что смолкла, едва успѣла за-

мереть подъ навѣсомъ стройнаго портика. А тамъ, въ далекой глубинѣ, плещетъ Эгейское море солеными волнами. Но смутный говоръ невидимаго прибоя не въ силахъ подняться, долетѣть къ подножью скалы, какъ будто объятой сказочною дремотой...

Нѣтъ красокъ, чтобы передать эту грандіозную картину, слабо озаренную восходящею луной. Все это надо видѣть, пережить, перечувствовать и, быть-можетъ, родиться поклонникомъ античной красоты и изящества, чтобы восхищаться мертвыми формами. Но позабыть «великій городъ древнихъ» невозможно тому, кто хотя разъ стоялъ на порогѣ священныхъ храмовъ Эллады и чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, устремленный изъ дали тысячелѣтій...



Горельефъ-фундаментъ храма Вакха.



Глава X.

Цикладскій архипелагъ.

Къ малоазійскимъ берегамъ. — Мителене - Лесбосъ. — Сонъ на островѣ Сафо.

Адмиралъ Лазаревъ, на которомъ намъ приходится продолжать путь отъ Пирея къ Малоазійскимъ берегамъ, плавно выходитъ на полупарахъ изъ гавани, салютуя по пути флагомъ судамъ греческой и французской эскадръ. Намъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Онъ описываетъ кривую среди расцвѣченныхъ пестрыми значками кораблей и, выбѣжавъ изъ рейда на широкій просторъ Эгейскаго моря, даетъ свистокъ къ полному ходу. Мы беремъ курсъ по направленію къ Смирнѣ.

Крошечные домики греческаго Кронштадта быстро убѣгаютъ вдаль, становятся бѣлыми квадратами, наконецъ точками на желтомъ фонѣ скалистаго берега. Еще четверть часа—и они исчезаютъ, какъ будто тонутъ въ волнахъ отовсюду охватившаго насъ моря. *Лазаревъ* врѣзывается въ самую гущу Цикладъ и, лавируя среди безчисленныхъ острововъ Ахипелага, начинаетъ замѣтно подниматься къ сѣверо-востоку. Пароходы прямаго александійскаго рейса пересѣкаютъ Средиземное море, держась Сиры. Круговая же линія захватываетъ все Малоазійское побережье, начиная отъ мыса *Баба*, огибаетъ древнюю Финикію и Палестину, направляясь черезъ Портъ-Саидъ къ гаванямъ Египта.

Намъ предстоитъ теперь пройти вдоль извилистыхъ береговъ золотоносной Лидіи, родины Мидаса и Креза, взглянуть на тотъ легендарный уголокъ, гдѣ титанъ-Геркулесъ, обольщенный коварствомъ Омфалы, покорно сидѣлъ за ея прялкой. Примѣръ назидательный для многихъ нашихъ современниковъ, слишкомъ смѣло полагающихся на перевѣсъ своихъ силъ надъ «слабыми» женщинами.

Съ нами ѣдетъ изъ Пирея въ Бейрутъ важный турецкій паша съ полдюжиной женъ и дочекъ. Самъ онъ комфортабельно размѣстился въ каютѣ II класса, а прелестнымъ спутницамъ своимъ по морю житейскому предоставилъ удобства III класной палубы. Младшая жена его лѣтъ шестнадцати въ полномъ значеній слова красавица «съ глазами газели», насколько можно судить о женской красотѣ, ревниво задрапированной покрываломъ. Женщины усѣлись въ кружокъ на старомъ коврѣ почти у самой гросъ-мачты, подъ присмотромъ безобразнаго евнуха-негра съ отвислыми губами и звѣрскою физіономіей. Самая старшая изъ нихъ держитъ себя относительно свободно; другія же, особенно дочери, замѣтно робѣютъ. Публика безцеремонно глазѣетъ на нихъ, повѣряя въ слухъ свои впечатлѣнія.

Элементъ «третьеклассниковъ» самый разнообразный. Нѣсколько человѣкъ грековъ-рабочихъ ѣдутъ въ Смирну на заработки. Весь ихъ скарбь свободно помѣщается въ рваной холстиной наволочкѣ. Двѣ старухи армянки, группа палестинскихъ арабовъ, возвращающихся съ праздника курбамъ-байрама, да русскій «странникъ», напоминающій дьякона-растригу, помѣстились на кормѣ парохода, разложивъ свои пожитки «на самомъ ходу», какъ ворчатъ на нихъ матросы. Десятокъ еврейскихъ семействъ-эмигрантовъ отравляетъ воздухъ своимъ скуднымъ питаньемъ. Въ I классѣ задорно винтятъ, а второклассные пассажиры бродятъ по палубѣ подъ тентомъ. Большинство изъ нихъ скучаетъ съ биноклемъ въ рукахъ, индифферентно относясь къ картинамъ и видамъ, еще менѣе интересуясь какими бы то ни было историческими воспоминаніями.

Турчанки.

А между тѣмъ именно этотъ путь и заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны путешественника.

Берега Малой Азіи, Сиріи и въ особенности Палестины едва ли не самый историческій центръ на всемъ земномъ шарѣ. Подъ легендарнымъ пологомъ доисторической эпохи здѣсь качалась когда-то таинственная колыбель человѣка - ребенка, слагалось и зрѣло зерно его духовнаго и политическаго сознанія. Отсюда онъ слабыми дѣтскими шагами робко выступилъ на широкій просторъ міровой арены, и первые проблески зародившейся жизни, его чистый наивный лепетъ до-

неслись къ намъ отсюда поэтическимъ отзвукомъ миѳовъ и библейскихъ сказаній. Здѣсь каждый клочекъ земли, каждый камень—безмолвный свидѣтель постепеннаго роста людей и народовъ.

Въ грандіозную чашу Средиземнаго бассейна слилось столько глубокихъ потоковъ человѣческой мысли, таинственныхъ знаній, на половину разгаданныхъ событій, что каждая отдѣльная волна этой міровой пучины способна поглотить годы, десятки лѣтъ самыхъ поверхностныхъ изученій. Тридцать вѣковъ человѣчество тщетно искало здѣсь своего бога, начиная съ песчаныхъ пустынь Африки, кончая туманными высями Олимпа и задумчивой Иды.

Постепенно смѣняя первобытный фетишизмъ религіозными ученіями Ассиріи, Финикіи и страны Кеми *), древній міръ завершаетъ свой религіозный культъ сонмами боговъ въ изящной миѳологіи Греціи и Рима. Человѣческій умъ жаждетъ познать божество, но тщетно ваятель воплощаетъ ему того же человѣка въ болѣе совершенныхъ формахъ, а поэты Эллады слагаютъ о нихъ баснословные эпосы. Мысль созрѣла настолько, что уже въ силахъ постичь высшій идеалъ вѣчнаго, единаго Бога. Въ жизни людей наступаетъ періодъ сознательнаго раздумья. Философія готовитъ протестъ отжившимъ теоріямъ языческихъ фантазій, какъ бы предчувствуя новую эру близкаго возрожденія міра. Одряхлѣвшій Востокъ уже скоро услышитъ мощную проповѣдь аскетизма и высокой христіанской морали, смѣлый «гласъ вопіющаго въ пустынѣ» далекой Галилеи.

На безчисленныхъ островахъ Архипелага, на Малоазійскомъ берегу, за семь вѣковъ до Р. Х. появляются десятки и сотни школъ, чтобы разрѣшить вѣчный вопросъ о судьбѣ человѣка, началѣ вещей, о значеніи разума. Смирна, Милетъ, Ефесъ и Лампсакъ, Самосъ, Элея, Аѳины служатъ родиной проповѣдниковъ самыхъ разнообразныхъ философскихъ міровоззрѣній. Поэзія и искусства идутъ рука объ руку въ этомъ страстномъ исканіи идеала. Имена Эмпедокла и Пиѳагора, Праксителя и Фидія, Аристотеля, Платона и Гомера, Эврипида и Софокла сплетаются въ одинъ безсмертный вѣнокъ на мавзолеѣ древней Эллады. Рядомъ со стройнымъ ученіемъ Сократа и Эпикура звучатъ гимны Пиндара и мощныя рѣчи Демосѳена.

Здѣсь среди цвѣтущихъ острововъ Эгейскаго моря въ самомъ центрѣ іонійскихъ колоній васъ давятъ своею массой самыя разнообразныя историческія воспоминанія. Встаютъ гордыя тѣни смѣлыхъ сыновъ Аттики и Пелопонеса, и мощные образцы Геркулеса и Язона, Тезея, Ахилла и Одиссея будятъ цѣлый рой таинственныхъ сказаній и преданій вѣчно-юной, смѣющейся Греціи. Каждый островъ, каждая темная полоса береговъ,

*) Такъ называли свою землю Египтяне.

скалъ, уступовъ — служили здѣсь мѣстомъ чудесныхъ подвиговъ. Въ безконечной вереницѣ именъ рядомъ съ великимъ Александромъ встрѣчается изящный задумчивый силуэтъ дѣвы-поэта Сафо. Носитель культуры, проводникъ греческой образованности и могущества, сынъ Филиппа обходитъ всю эту ширь Средиземнаго побережья, проникая до гигантскихъ столбовъ Персидской монархіи и далекаго таинственнаго Египта. Онъ вноситъ новую жизнь, бросая животворное сѣмя греческой мысли въ варварскія окраины широко раскинувшагося государственнаго организма Эллады. А дѣва-поэтъ на струнахъ рыдающей лиры выливаетъ въ пластическихъ мощныхъ аккордахъ — вѣчную страсть неумирающей любви, задумчивыхъ грезъ и благороднаго вдохновенія...

Мы теперь вблизи ея родины... Гаснетъ день; бѣлыя чайки съ жалобнымъ крикомъ несутся, плывутъ надъ снастями... Методически постукиваетъ винтъ, взрѣзая бирюзовую синеву моря... Пѣнистый слѣдъ завитками ложится сзади кормы широкою бѣловатою грядой... Дельфины скользятъ и играютъ, ныряя, всплывая надъ обрамленными пѣной валами. Намъ навстрѣчу изъ безчисленныхъ проходовъ, справа и слѣва— выплываютъ темные силуеты судовъ, бороздящіе во всѣхъ направленіяхъ безконечную ширь Средиземнаго моря. Огромныя баржи-баркасы, унизанные рядами вздутыхъ парусовъ, медленно ползутъ, огибая береговые изрѣзы...

Тихій вечеръ алымъ багрянцемъ ужъ тронулъ верхи встающаго на горизонтѣ Лемноса. Какъ тонкій хрусталь отливаетъ вода фіолетово-золотистыми тонами близкаго заката. Одинокія рыбацкія лодки, подхваченныя круто-бѣгущею волной отъ нашего парохода—трепетно бьются какъ подстрѣленный альбиносъ, своими бѣлыми крыльями — парусами. Вотъ солнце коснулось расправленнымъ дискомъ холодной морской пучины — на одинъ мигъ озаривъ далекій горизонтъ прощальными лучами—и скрылось, вдругъ потонуло, надвинувъ надъ моремъ и землей густѣющій сумракъ... Голубые туманы поднялись на прибрежныя скалы, поднялись, закурились; причудливыя опаловыя облака слились съ темною ширью, какъ будто ниже опустившагося неба... Съ юга брильянтомъ сверкнулъ Юпитеръ и царственная Венера затеплилась справа надъ нимъ... Ночь надъ моремъ...

Задумчивый ликъ блѣдной Діаны тихо всплываетъ съ востока... Серебристымъ сіяніемъ обвивъ пароходныя трубы, мачты и снасти, онъ успѣлъ уже бросить отъ нихъ по скрипучимъ доскамъ, вдоль бортовъ гигантскія тѣни... Шумная публика почти вся разбрелась по каютамъ. Съ палубы III класса доносится богатырскій храпъ, фыркаетъ лошадь, въ просонкахъ

перекликаются куры. Старшій помощникъ капитана спокойными шагами мѣряетъ вахтенный мостикъ, зорко вглядываясь въ туманную даль, затушеванную дымкой...

Мы идемъ *Мусслимскимъ* проливомъ. Въ полночь предъ нами какъ будто выростаетъ, приподнятый изъ глубины, темный силуэтъ скалистаго острова. Это и есть *Митилене-Лесбосъ*—родина Сафо. Какъ исполинская глыба, выдвинутая на поверхность мощнымъ трезубцемъ Нептуна, она надвигается на насъ своими шатровыми верхами... На перепутьѣ кораблей изъ Александріи въ Константинополь этотъ островъ, пригрѣтый лучами Феба, сталъ шумнымъ рынкомъ для морскихъ купеческихъ каравановъ. Вино, масло и роскошные плоды онъ обмѣниваетъ на клинки Дамаска, на кофе Аравіи, на пряности далекой Индіи, не брезгуя, говорятъ, и другою мѣной: золотыхъ турецкихъ лиръ *) на живой товаръ—рабовъ и женщинъ. Недаромъ здѣсь воздвигались когда-то многочисленныя капища Афродитѣ—покровительницѣ шаловливыхъ сдѣлокъ...

Фосфорическій блескъ луннаго свѣта искритъ брызгами темную глубину извилистыхъ протоковъ Цикладскаго Архипелага. Серебристыя нити скользятъ подъ кормой; млечнымъ путемъ кажетъ пѣнистый слѣдъ винта на темной убѣгающей зыби. Тонкіе контуры горъ надвигаются ближе и ближе. На вершинахъ столпились грядой облака, будто дремлютъ, чтобы розовымъ утромъ вспорхнуть, разбрестись и растаять въ теплыхъ лучахъ Геліоса.

Странныя грезы напѣваютъ мнѣ эти, окутанные серебристымъ туманомъ, утесы... Темныя волны глухо бѣгутъ къ ихъ подножью. Высокіе гребни закругленные пѣной мчатся на берегъ, облитый сіяніемъ... Роща магнолій и лѣсъ кипарисовъ—недвижны, безмолвны — ужъ спитъ побережье... Мы идемъ подъ скалами, что встали стѣною надъ моремъ—и вдругъ—предо мною мелькнуло видѣніе... На вершинѣ скалы, отвѣсомъ ушедшей въ пучину, я вижу какъ будто фигуру изящной плѣнительной дѣвы. На камнѣ-уступѣ съ вѣнкомъ въ шелковистыхъ кудряхъ сидитъ она молча нагая и въ жгучей тоскѣ на песокъ уронила пѣвучую лиру... Вперяя въ туманную даль взоръ исполненный страсти — прекрасныя очи встрѣчаютъ корабль нашъ какъ будто мольбою... И вьются, спадая на плечи, на тонкія руки, пряди темныхъ распущенныхъ косъ, прикрывая изящныя формы...

То Сафо!.. Это она, поэтесса классической древности—та десятая муза, что за 610 лѣтъ до Р. Х. чудною лирой своей породила волшебные звуки. Звуки пѣсенъ любви, заставляющихъ плакать—сожалѣть, что большую часть ея звучныхъ стиховъ затеряла суровая Лета... Жертва страстной любви къ молодому Фаону, сыну царственной Афродиты, она тщетно ждала его ласкъ,

---

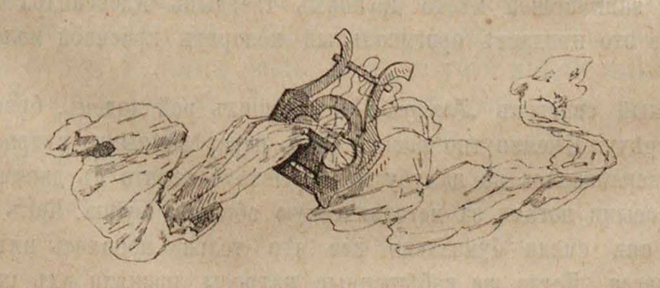
*) Турецкая монета=8 р. 50 к.

призывала въ объятія... Но холодный красавецъ не внялъ ея гимнамъ-мольбѣ, не сумѣлъ оцѣнить вдохновенья... Сынъ Венеры малодушно бѣжалъ отъ любви, бросилъ родину, скрылся въ Сицилію... Оскорбленная дѣва въ жгучей пѣсни отчаянія излила свои горькія муки.

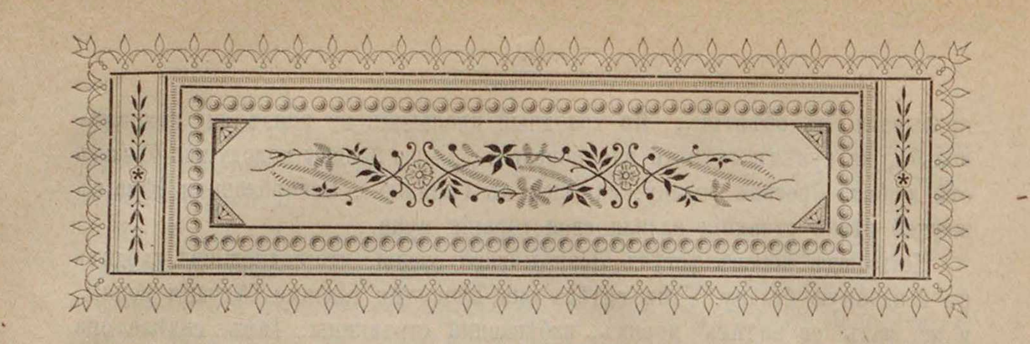
Есть надъ моремъ уступъ Левкадійской скалы, что подножіемъ уходитъ въ бездонную бездну. Тамъ сидѣла она, провожая глазами бѣгущія волны, и не разъ ее видѣлъ морякъ, избѣгавшій стремнины. Тамъ сидѣла она какъ вдохновенная фея-фантаста—поэта, и сама какъ поэтъ создавала волшебные звуки. Звуки дивныхъ стиховъ, строфы гордой любви къ одному, что царилъ въ ея сердцѣ. Виновата ль она, что живя и страдая, научилась любить въ этой жгучей странѣ такъ, какъ въ силахъ любить только Сафо! Здѣсь въ палящихъ лучахъ вся природа вокругъ дышитъ нѣгою страстной! Здѣсь изъ пѣны морской зародилась Венера, шаловливый Амуръ мѣткою дѣтскою рукой на камняхъ отточилъ свои стрѣлы... Нѣтъ, иль жить и любить, замирая въ восторгахъ любви, иль погибнуть!..

И задумалась Сафо о томъ, что давно ея грудь волновало...

„Для кого эта жизнь, для кого эти строфы, если нѣтъ имъ отвѣта, созвучья въ груди, если въ сердцѣ мужскомъ нѣтъ привѣта?.. Если только страданія ждутъ впереди, если чувства и мысли поэта—все поглотитъ холодная Лета?“ И она оглянулась на темную ширь, что у ногъ ея грозно лежала, что бурливымъ прибоемъ точила скалу и песокъ на нее намывала... Оглянулася Сафо на міръ, что застылъ предъ ней въ серебристомъ сіяньи, чуждый горю людей, чуждый ропоту лиръ, равнодушный, безмолвный къ страданью... И порвала она оскорбленной рукой своей арфы рыдающей струны и рванулась впередъ, внизъ съ обрыва скалы въ бездну моря, гдѣ мчались валуны... Тамъ холодной волной окатилъ Поссейдонъ ея нѣжно-прекрасное тѣло, и съ тѣхъ поръ смолкъ утесъ... Съ Левкадійской скалы никогда ничего не бѣлѣло *)...



*) Греческіе моряки донынѣ, проѣзжая мимо острова, бросаютъ въ море монеты за упокоеніе ея души, оригинально варьируя впрочемъ мотивы старой легенды.



Глава XI.

Вдоль Сирiйскаго Побережья.

Смирна. Достопримѣчательности Малоазiйской столицы. Самосъ и Родосъ. Басни древности. Александретта; ея прошлое. Въ царствѣ культа Астарты.—Городъ Бейрутъ и его окрестности.—Къ берегамъ Палестины.—Предъ Яффой.—Камни моря.—Пристань Св. земли.

Солнце встаетъ въ яркихъ блестящихъ лучахъ, прорывая какъ будто темную гряду небосклона. Въ томъ мѣстѣ гдѣ всплылъ его дискъ — насъ привѣтствуетъ теперь материкъ Азiи. Европа осталась далеко позади, мы простились надолго съ ея берегами. Пароходъ стойко лавируетъ среди гористыхъ извилинъ Смирнскаго залива, едва приближаясь къ Малоазiйскому побережью.

Оригинальное впечатлѣнiе производить на путешественника *Смирна*. Желтокрасные тоны холмовъ, по которымъ она сползла какъ будто навстрѣчу къ морю, группы въ кучу столпившихся зданiй, исчезающихъ на голой вершинѣ историческаго Пагуса, темная груда развалинъ крѣпости Генуэзцевъ, занимавшей мѣсто древнихъ твердынь Александра Македонскаго — все это придаетъ оригинальный колоритъ красивой малоазiйской столицѣ.

Протяжный свистокъ *Лазарева* всполошилъ рой лодокъ, бросившихся намъ навстрѣчу. Ежеминутно рискуя быть перерѣзанными, смирнскiе гондольеры вскарабкались на палубу по обрывкамъ каната съ дикимъ воемъ, цѣпляясь босыми ногами за металлическую обшивку судна. Какъ полчища варваровъ они смяли буквально все что только попалось имъ на палубѣ III класса. Когда же взбѣшенные матросы приняли ихъ швабрами, весь этотъ полунагой людъ бросился вонъ, прыгая въ лодки съ высоты двухъ-трехъ саженъ. Вотъ гдѣ показалась настоящая Азiя.

Мы вошли въ портъ черезъ узкiй пролетъ каменныхъ дамбъ между

двумя маяками. Въ широкой оградѣ сложенной изъ гранитныхъ глыбъ, отмежевавшихъ квадратъ у синяго моря,—цѣлый лѣсъ мачтъ, сплетенныхъ сѣткой снастей съ пестрыми заплатами всевозможныхъ флаговъ. Тѣсно прильнули другъ къ другу разнокалиберныя суда всѣхъ націй. Рядомъ съ австрійскимъ пароходомъ огромный неуклюжій фрегатъ Заатландиты, пластично изогнутая паровая греческая шкуна и азіатскій «корабликъ»—ходокъ на однихъ парусахъ, цвѣтисто расписанный полосами радуги. Всѣ они вплоть кормою придвинулись къ каменной набережной, тридцать лѣтъ тому назадъ отвоеванной маленькими людьми у великаго моря *).

Мы тоже становимся въ отведенное намъ мѣсто у пристани и, пока совершаются обычныя карантинныя формальности, усаживаемся на палубѣ, наблюдая кипучую жизнь шумной Смирнской набережной. Особенно оригинальный видъ представляетъ она съ высоты пароходной рубки. Послѣ качки, послѣ долго скользившихъ предъ вами тѣнистыхъ волнъ, гористыхъ береговъ, слабо очерченныхъ селеній, послѣ обычныхъ стоянокъ въ полуверстѣ отъ портоваго города, къ которому ближе не подойдешь по мелководью, вы теперь вдругъ очутились какъ будто на сушѣ. Пароходъ вбѣжалъ, врѣзался съ розмаха въ землю стальною броней и застылъ неподвижный и какъ будто удивленный.

Въ какихъ-нибудь десяти шагахъ предъ вами внизу, какъ на сценѣ открывается вся типичная жизнь Востока съ оригинальною перемѣной яркихъ декорацій. Кофейни выдвинули подъ парусинный навѣсъ свои бѣлые столики; въ широко открытыя двери ресторановъ видна какъ на ладони вся ихъ незатѣйливая обстановка. Желающій можетъ наблюдать даже перипетіи мучительной операціи — бритья правовѣрной головы въ пролетъ ничѣмъ не занавѣшенныхъ оконъ цирюльни. А влѣво сквозь амбразуры старинной еврейской синагоги изумленнымъ глазамъ открывается странная фаланга качающихся фигуръ въ бѣлыхъ рубашкахъ хитонахъ.

Длинная улица—непрерывный рядъ стройныхъ зданій полуазіатской полу-еврейской архитектуры. Нижніе этажи сплошная терасса кофейнъ, ресторановъ, отелей. У самаго борта, вдоль голубой каймы залива бѣжитъ одноконный вагонъ трамвая. Легкій, сквозной, удивительно приспособленный къ климату—онъ производитъ оригинальное впечатлѣніе въ чуждой ему обстановкѣ. Бѣлые минареты чередуясь съ темными конусами кипарисовъ—отошли на задній планъ какъ будто оттертые новыми зданіями коммерческаго города. По квадратнымъ плитамъ мостовой, по широкимъ тро-

*) Сооруженіе это напоминаетъ отчасти Голландцевъ. Французъ Дюссо во времена Митхадъ-паши получивъ концессію на устройство порта и конно-желѣзной дороги насыпалъ 10 саженную полосу земли, одѣвъ ее тесанными плитами, настроилъ домовъ, обративъ набережную въ эспланаду аристократическихъ гуляній Смирнцевъ.

туарамъ шумной толпой движется расфранченная публика, образуя пестрый коверъ цвѣтовъ, костюмовъ, самаго причудливаго рисунка. Французская рѣчь перебиваетъ греческую, армянскій діалектъ споритъ съ турецкимъ, арабъ и левантіецъ немилосердно коверкаютъ слова всѣхъ нарѣчій своимъ специфическимъ жаргономъ. Въ воздухѣ стонъ стоитъ и вдругъ въ этомъ гамѣ четко доносится до насъ русская молвь разсерженнаго соотечественника:

— Разбойники! Канальи! Вѣдь этотъ табакъ турецкій, вашъ собственный! Какъ смѣешь брать за него пошлину?

— Якши, бонъ, бонъ... Корошъ! отзывается голосъ таможеннаго стража очевидно не ожидавшаго такой обороны.

Мы предъявляемъ нашъ паспортъ и переселяемся на берегъ. На чужбинѣ обыкновенно первый визитъ — въ консульство, чтобы получить проводника-каваса для осмотра мѣстныхъ достопримѣчательностей. Направляемся по набережной къ юго-востоку. Сплошною стѣной бѣломраморныхъ зданій Смирна полукругомъ обняла взморье. Высокія окна повсюду закрыты спущенными жалузи, наглухо заперты двери, ушедшія въ впадину глубокой ниши. Изящныя бронзовыя рѣшетки отдѣляютъ ее отъ мраморныхъ преддверій—мѣстами сплошь затканныхъ причудливымъ орнаментомъ. Молоточекъ привязанный къ мѣдной доскѣ замѣняетъ европейскій звонокъ у парадныхъ дверей квартиры. Вы ударяете имъ нѣсколько разъ, дверь едва отпахнулась, въ щель выглядываетъ арабскій носъ, глазъ и подбородокъ. Слуга впускаетъ васъ торопливо, боясь чтобы жгучая струя раскаленнаго воздуха не проскользнула вслѣдъ за вами въ прохладную полутьму дома.

На набережной Смирны расположено большинство консульствъ. Круглый щитъ съ государственнымъ гербомъ Россіи привѣтливо осѣняетъ двери нашего дипломатическаго атташе Н. А. Илларіонова. Ласковый и крайне радушный пріемъ милаго соотечественника оставилъ въ насъ самыя сердечныя воспоминанія.

Въ Смирнѣ осмотръ не займетъ болѣе двухъ-трехъ часовъ, если ограничится предѣлами города, не заглядывая въ глубь полуострова. Самое интересное проѣхаться въ Анатолію по желѣзной дорогѣ. Но это намъ не удалось вслѣдствіе кратковременной стоянки.

Населеніе Малоазійской столицы больше греческое, чѣмъ турецкое; христіанъ въ немъ считается около 100 тысячъ; мусульманъ 40 тысячъ и 20 тысячъ Евреевъ. Не удивительно что въ ней развилась промышленность. Обширные базары торгуютъ фруктами, сладкимъ виноградомъ, снабжая Европу черносливомъ, коринкой, винными ягодами, въ особенности прекрасными коврами, которыхъ здѣсь на мѣстѣ не купишь иначе какъ за безумныя деньги. На неширокихъ улицахъ, плохо вымощенныхъ и малоопрятныхъ, вы не встрѣтите экипажей. Подъемы и спуски дѣлаютъ ѣзду въ нихъ

невозможною эквилибристикой, и потому каждый зажиточный туземецъ держитъ верховыхъ лошадей или осликовъ. Характерный признакъ Азіи—караваны верблюдовъ, головъ въ 50 и до 100, самое обычное явленіе въ Смирнѣ. Осматривая храмъ Фотиньи *), мы были прижаты къ стѣнѣ безчисленною вереницей этихъ громадныхъ животныхъ и не могли выбраться на свободу. Одинъ изъ верблюдовъ легъ и загромоздилъ дорогу. Пока его подымали полупридавленнаго тяжестью бочекъ и ящиковъ — мы потеряли болѣе получаса. Турки-погоньщики не обратили на насъ ни малѣйшаго вниманія, несмотря на грозныя ругательства русскаго каваса.

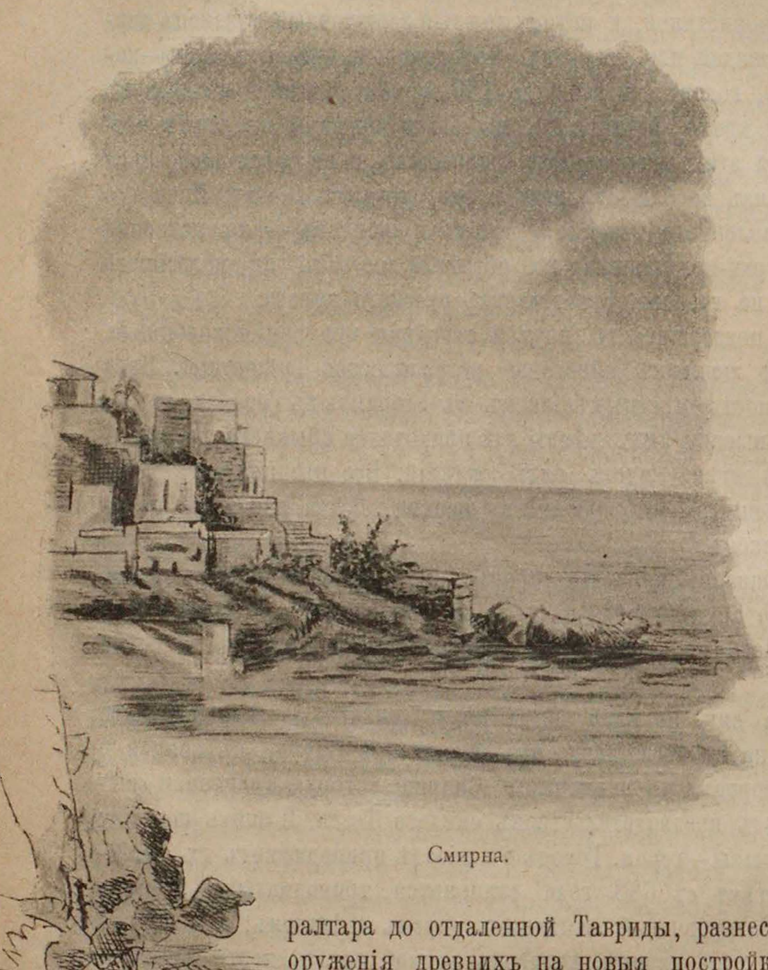
Храмъ Фотиньи поддерживаетъ внутри стройная мраморная колоннада. На верху хоры для женщинъ обнесены металлическою рѣшеткой. Насъ поразила оригинальность мѣстныхъ иконъ въ старинныхъ ризахъ страннаго чекана—безъ выемки тѣхъ мѣстъ гдѣ приходится обыкновенно письмо рукъ и лика. Вдоль стѣнъ идетъ рядъ сидѣній. Все это придаетъ своеобразный колоритъ внутреннему убранству церкви, почти лишенной паникадилъ и подсвѣчниковъ.

Пока мы осматривали Смирнскій соборъ и митрополичье подворье (мало интересные какъ по архитектурѣ, такъ и по внутренной отдѣлкѣ), мнѣ невольно припомнилось то историческое прошлое которое имѣетъ за собой городъ.

Судьба удѣлила ему не мало метаморфозъ самаго противоположнаго свойства. Какъ-то не вѣрится даже что теперешняя Смирна съ конкой и бѣломраморными дворцами та знаменитая Смирна которую основали выходцы изъ Кимы, подъ предводительствомъ смѣлаго Тезея. И опять повсюду Эллада—вездѣ ея сыны—герои. Городъ въ началѣ принадлежитъ къ эолійскому союзу, а затѣмъ съ 688 года становится тринадцатымъ звеномъ іонійскаго союза. Разрушенный лидійскимъ царемъ Ахіаттомъ, онъ четыре столѣтія лежитъ въ развалинахъ. Антигонъ, вскорѣ послѣ смерти Александра Македонскаго, переноситъ его стѣны на 20 стадій къ юго-западу отъ прежняго мѣста, Лизимахъ украшаетъ роскошными зданіями, и возрожденный, призванный къ жизни, онъ процвѣтаетъ во весь періодъ римскаго владычества. Являясь крупнѣйшимъ центромъ Сиріи, Леванта и Арменіи, Смирна сосредоточиваетъ въ себѣ и главную артерію тогдашней юридической жизни—conventus juridicus **). Сто восемьдесятъ лѣтъ спустя по Р. Хр. изуродованная землетрясеніемъ, она отстраивается вновь при Авреліи Антонинѣ и въ числѣ прочихъ честолюбивыхъ городовъ Эллады считаетъ себя родиной великаго Гомера. Ему воздвигается колоссальная статуя въ велико-

*) Единственный во всей православной Греціи въ память Самарянки бесѣдовавшей съ Христомъ у колодца. (Честв. 20 мая).

**) Высшая судебная инстанція даннаго округа.


Смирна.

лѣпномъ Гомеріонѣ, отъ котораго теперь не осталось и слѣдовъ на уступахъ Пагуса. Жалкія развалины древней крѣпости принимаются многими за развалины римскаго цирка, въ которомъ нѣкогда лилась кровь первыхъ мучениковъ христіанства въ угоду дикой толпѣ жаждавшей «хлѣба и зрѣлищъ». Но позднѣйшіе властители Смирны — Генуэзцы, утвердившіеся почти во всѣхъ стратегическихъ пунктахъ южной Европы, начиная отъ Гибралтара до отдаленной Тавриды, разнесли по камнямъ сооруженія древнихъ на новыя постройки крѣпостей и обсерваціонныхъ башенъ. Пагусъ далъ успокоеніе праху блаженнаго Поликарпа, того великаго епископа Смирны, который поплатился жизнью за вѣрность высокимъ идеямъ христіанства. Достойный ученикъ Іоанна Богослова, замученный и поруганный, онъ покоится на обрывистомъ склонѣ горы, подъ сѣнью одинокаго кипариса. Могилу его изъ бѣлаго камня вамъ укажутъ даже турки, приходящіе сюда на поклоненіе вмѣстѣ съ христіанами.

Мы осмотрѣли часть города, изъѣздивъ длинный лабиринтъ улицъ и переулковъ турецкаго квартала, и тихимъ вечеромъ усталые, но довольные, вернулись домой, т.-е. въ каюты *Лазарева*.

Снова море и синія волны, снова ширь и просторъ... Разбрасывая соленыя брызги упругою стальною грудью, «старичекъ адмиралъ», какъ въ шутку зовутъ нашъ пароходъ добродушные моряки, мчится, пуская длинные клубы дыма, прямо на югъ, ежеминутно рискуя наткнуться на подводныя скалы и рифы. Ими усѣяно большинство протоковъ тѣхъ безчисленныхъ рукавовъ, на которые дробится здѣсь море, расчлененное живописными островами.

Вдоль береговъ Киликіи мы подходимъ къ *Хіосу*. Почти полночь. Островъ мигаетъ красными огоньками безчисленныхъ бѣлыхъ домиковъ. Фантастическія развалины одинокаго храма, въ слабомъ трепетномъ свѣтѣ луны, задернутой облаками, выступаютъ вдругъ, почти надъ обрывомъ, едва просвѣчивая пролетами колоннады и уцѣлѣвшаго архитрава.—«Храмъ Афродиты»! говоритъ кто-то. Ему больше двухъ тысячъ лѣтъ! Здѣсь видите-ли по преданію, она появилась изъ моря».—«Шутники — эти Греки»! иронизировалъ мой коллега-историкъ; есть изъ-за чего строить храмы»! — «Il m'embête ce monsieur»!... доносится женскій голосъ изъ глубины креслакачалки.

А *Лазаревъ* уже тихимъ ходомъ подваливаетъ къ гавани Хіоса. Гидъ рекомендуетъ здѣсь вниманію туристовъ мраморъ, вино, варенье и мастику. Перваго незамѣтно, втораго мы сами выгрузили 10 бочекъ, на третьемъ попались наши дамы, купивъ подозрительный варъ подъ видомъ миндальнаго варенья *). Самое интересное—бѣлая мастика, приготовляемая туземцами для жеванья и чистки зубовъ, такъ же здѣсь дорога какъ и ковры въ Смирнѣ. Прозрачная и эластичная, она приводитъ въ восторгъ знатоковъ, а непривычному склеиваетъ ротъ и десны.

Черезъ часъ мы ушли къ берегамъ Финикіи. На разсвѣтѣ миновали родину Пиѳагора *Самосъ*, повернутый къ намъ обнаженными гористыми скатами—историческій уголокъ ожесточенной борьбы Грековъ за свою независимость. Memorandum Самоса довольно типиченъ: туземцы гончарники въ 500 году до Р. Х. подпали подъ власть столь знакомаго намъ по Шиллеровской балладѣ Поликрата и возстали противъ него **). Въ 441 году Самосцы бунтуютъ противъ гегемоніи Аѳинъ, но послѣ 9-ти мѣсячной осады философъ Мезисъ сдается Периклу. Мятежный духъ оставляетъ ихъ, впрочемъ, не надолго. Вспыхиваетъ война съ Митридатомъ, самосцы дерутся опять и, окончательно разоривъ себя въ этой борьбѣ, обезсиленные и разбитые, по обыкновенію, они затихаютъ въ исторіи. Но въ наши дни этотъ духъ от-

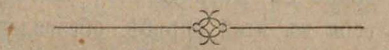
*) Хіосцы варятъ его съ примѣсью пахучей смолы какого-то мѣстнаго кустарника.

**) При дворѣ Поликрата жили поэты Херизъ, Анакреонъ и основатели школы литейщиковъ Ѳеодоръ и Райнъ изъ Милета.

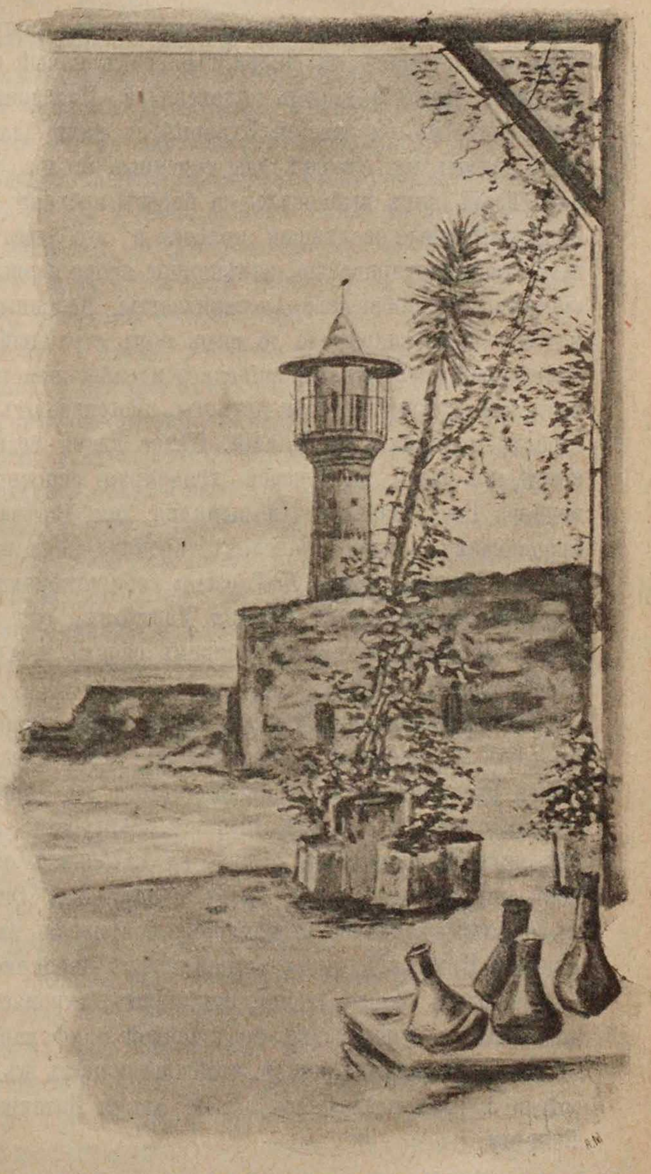
даленныхъ предковъ не умеръ въ потомствѣ. Островъ отстоялъ свою независимость, управляется греческимъ княземъ Кара-Теодоріи, находясь лишь подъ протекторамъ Турціи.

Раннимъ утромъ мы были уже въ виду *Родоса.* Вѣчно ясное небо съ улыбкой глядитъ здѣсь на землю. Чудный смолистый воздухъ обдалъ насъ пахучею прохладой, едва мы поравнялись съ живописными изрѣзами береговъ, задрапированныхъ зеленью кипарисовъ. Не даромъ еще въ древности Родосъ славился здоровымъ климатомъ и, какъ дѣтище лучезарнаго Геліоса, былъ посвященъ Аполлону. Главный городъ того же имени расположенъ на сѣверномъ мысѣ, глубоко вдавшемся въ море и существуетъ двадцать три столѣтія. Основанный греками въ самый блестящій періодъ ихъ процвѣтанія, онъ полонъ историческихъ развалинъ, руинъ, начиная отъ древнихъ стѣнъ, храмовъ, кончая грудой камней, служившихъ подножьемъ легендарному колоссу. Знаменитый гигантъ пропускалъ подъ собой въ 25 саженный пролетъ суда и корабли, поднимаясь въ высоту на 70 локтей и, по свидѣтельству Плинія, стоялъ предъ входомъ въ Родосскую гавань. Колоссъ этотъ, какъ извѣстно, считали седьмымъ чудомъ свѣта. Онъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ. Въ 672 г. по Р. Х. калифъ Моавія продалъ его обломки какому-то Еврею и тотъ нагрузилъ одною его мѣдной обшивкой до 900 верблюдовъ *).

Любознательные туристы съѣзжаютъ на берегъ, чтобы посмотрѣть здѣсь *Улицу Рыцарей.* Но *Лазаревъ* не принималъ никакого груза и потому стоялъ недолго. Отъ 200 лѣтняго пребыванія ордена Іоаннитовъ на островѣ сохранились старинныя укрѣпленія. Рядъ гранитныхъ домовъ съ готическимъ орнаментомъ, съ геральдическими гербами населяютъ теперь оборванцы греки, разный турецкій сбродъ, а на старинныхъ мраморныхъ тротуарахъ и мозаичной мостовой обильно налипъ слой современной грязи. Отъ дворца гроссмейстера и знаменитаго собора Іоанна, обращеннаго въ мечеть, сохранилась воронкообразная яма—слѣды страшнаго взрыва 1856 года. Турки устроили въ этихъ зданіяхъ пороховой складъ, а молнія подняла его на воздухъ, прихвативъ съ собой и набожныхъ муллъ, молившихся въ эту минуту въ мечети. Въ 16 стол. городъ былъ еданъ Сулейману Велик. послѣ упорной осады, рыцари были изгнаны а дворцы ихъ заняли испанскіе евреи. Этимъ и заканчиваются лѣтописи Родоса.



*) Творцомъ этой статуи считается Харетъ изъ Линда ученикъ Лизаппа. Живя въ эпоху гигантскихъ предпріятій Вел. Александра—онъ основалъ цѣлую школу послѣдователей стремившихся къ колосальнымъ сооруженіямъ. Агесандръ, Полидоръ и Аѳенодоръ, изваявшіе знаменитую группу „Лаокаона„—были его же учениками.


Минаретъ Бейрута.

На границѣ Сиріи и Малой Азіи въ глубокой впадинѣ залива Искандерума пріютился почти у подошвы высокихъ закругленныхъ холмовъ— небольшой городокъ *Александретта*. Дѣтище Македонскаго героя, младшая сестра Африканской Александріи, она затерялась въ исторіи, и не будь подлѣ нея знаменитыхъ рѣкъ Кидна и Исса, географъ пожалуй не занесъ бы ее на карту. На обрывистыхъ берегахъ *Исса* Великій Александръ разбилъ дикія полчища Персовъ и, обративъ въ позорное бѣгство Дарія Гистаспа, сынъ Филиппа тсюда намѣтилъ свой побѣдоносный путь къ далекимъ странамъ Евфрата. Въ волнахъ *Кидна* герой, какъ извѣстно, выкупался и, схвативъ мучительную лихорадку, едва не сошелъ въ могилу.

Окруженная горами Амануса, Александретта притаилась въ болотистой низинѣ, куда стекаютъ окрестныя рѣчки и ручьи, до сихъ поръ плодящіе ужасную восточную лихорадку—подругу неизбѣжной чахотки *). Городъ служитъ теперь гаванью для промышленнаго

*) *Вольней* увѣряетъ, что достаточно переночевать на берегу въ дождливые мѣсяцы, чтобы схватить эту страшную неизлѣчимую заразу.

Алеппо, бывшаго главнымъ посредникомъ торговли Европы съ Индіей, пока не открылся на Дальній Востокъ новый путь чрезъ мысъ Доброй Надежды. Древній городъ Александра Македонскаго стоялъ на склонахъ горы, отдѣльно отъ гавани. Ѣхавшій съ нами благочестивый инокъ показывалъ дамамъ на взморьѣ два каменные столба, увѣряя, что именно здѣсь библейскій китъ выбросилъ на берегъ пророка Іону. На столбахъ сохранились огромныя желѣзныя кольца, и это даетъ возможность предполагать въ нихъ «причалы», замѣнявшіе якоря первымъ мореплавателямъ Финикійцамъ. Все побережье Александретты, Мерсины, Аданы заселенное теперь магометанами сохранило до сихъ поръ странный религіозный культъ, несомнѣнный остатокъ финикійскаго идолопоклонства. Туземцы Латакіи и Гамата, ярые приверженцы Астарты, непризнаютъ брака, отдаваясь оргіямъ страсти и дикихъ вакханалій. Цѣлое племя незнаетъ ни братьевъ, ни сестеръ, ни женъ, ни дочерей игнорируя основные законы нравственнаго подбора. Разлагаясь и почти вымирая, оно допѣваетъ свои гимны грѣху при мерцающемъ пламени факеловъ, проводя ночи на празднествахъ въ честь богини Венеры. Секта *Кадмузіевъ*, обоготворявшая женскую плодовитость, донынѣ встрѣчается въ селеніи Мартуанъ, гдѣ туземцы, какъ увѣрютъ, охотно отдаютъ путешественникамъ своихъ женъ и красавицъ дочерей въ угоду чтимой богини.

Здѣшнія женщины дѣйствительно очень хороши собою. Недаромъ еще въ глубокой древности, согрѣтая жгучими лучами дочь здѣшняго побережья расцвѣла какъ пышный цвѣтокъ въ природной теплицѣ. Страстной богинѣ отдалась она вся, пышная, цвѣтущая... Увитая гроздями, окутанная яркими тканями съ огнемъ въ глубокихъ очахъ подернутыхъ поволокой—она жаждетъ нѣги, ласкъ и объятій... Она изгибаетъ упругое тѣло въ смѣлый, вакхическій контуръ, полунагая замираетъ въ пластической пляскѣ. И нѣжась въ страстной истомѣ опьяняющаго любовнаго наркоза—она служитъ только любви, поцѣлуямъ, стремясь къ постоянной смѣнѣ наслажденій съ упорствомъ болѣзненной нимфоманіи...

Боясь зайти въ Триполи, чтобы не попасть въ девятидневный карантинъ, мы не беремъ здѣсь пропуска и, минуя Латакію, направляемся прямо къ Бейруту.

Тамъ, гдѣ море взмыло пѣну на каменистыя ступени горныхъ отроговъ, амфитеатромъ встаетъ предъ нами широко раскинувшійся городъ. На круто изогнутомъ побережьѣ столпились прекрасныя зданія *Бейрута*, обрамленныя роскошною растительностью богатаго юга. Про-

легли вдаль красноватыя черепицы крышъ, поднялись, сверкая бѣлизной, плоскія этажи-террасы домовъ, и блестящіе купола мечетей, осѣненные колоннадой тонкихъ, какъ свѣча, минаретовъ проглянули сквозь зеленую чащу сплошного города-сада. Средне-вѣковая башня Венеціанцевъ, одинокій забытый стражъ крестовыхъ походовъ, спустилась къ морю съ зубчатою грядой полуразрушенныхъ стѣнъ цитадели. Живописнымъ кольцомъ обступили отовсюду деревья бѣлыя двухъэтажныя виллы и дачи, а надъ ними въ голубой дали горизонта величаво привсталъ и какъ будто глядитъ внизъ сѣдой старецъ Ливанъ съ діадемой снѣговъ на царственныхъ вершинахъ. Пиніи и кедры одѣли подножье гигантскихъ хребтовъ и, какъ передовая рать лѣсныхъ полчищъ, они спустились и будто идутъ, подвигаясь къ поморью. Зонты пальмъ, яркая зелень банановъ, кипарисовыхъ рощъ — не кладутъ почти тѣни въ отвѣсныхъ лучахъ ослѣпительно яркаго солнца... Жарко, душно... только море, вздымая высоко зеленую грудь, тяжко дышитъ и брызжетъ прохладой... Въ слабомъ дыханіи вѣтра стелются, льнутъ пестрыя флаги судовъ и значки многочисленныхъ консульствъ. Надъ таможней рѣетъ малиновый флагъ съ золотымъ полумѣсяцемъ; гулко звучитъ съ береговъ людской гомонъ. Мы съѣзжаемъ на шлюпкѣ въ шесть веселъ, пользуясь остановкой на пять часовъ, чтобы познакомиться съ древнимъ *Беритомъ* Финикіи.

Миновавъ гряду живописно набросанныхъ камней строющагося мола, чрезъ которую весело и задорно бѣгутъ пока изумрудныя волны,—арабы-гребцы подаютъ насъ на пристань. Мы выскочили на нее шумною толпой, и предъявивъ визитныя карточки взамѣнъ паспорта, тотчасъ же окунулись въ море людскихъ головъ, фесокъ, европейскихъ шляпъ, темнобронзовыхъ лицъ и оригинальныхъ костюмовъ. Коллега-археологъ требуетъ коляску. Откуда-то появляется пронырливый чичероне-Бейрутецъ. Мой товарищъ шепчется съ нимъ, осторожно показывая то два, то три пальца правой руки, и красивый арабъ вдругъ исчезаетъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ появляется уже *надъ* толпой на козлахъ нанятаго экипажа. Безцеремонно протискиваясь къ намъ дышломъ и парой прекрасныхъ лошадей, онъ усаживаетъ дамъ въ ландо и, пощелкивая длиннымъ бичомъ, везетъ насъ показывать городъ. По Дамасской улицѣ, отъ такъ-называемой Пушечной площади—вы проѣзжаете по превосходному шоссе, среди чудной растительности, къ загороднымъ вилламъ бейрутскихъ «денди». Подымаясь все выше и выше—панорама становится все восхитительнѣе, такъ что глазъ не знаетъ на что болѣе любоваться. Такой пышной и богатой растительности не встрѣчаешь нигдѣ за 14 дней пути до Яффы. Гиганты кактусы обрамляютъ дорогу непроницаемою стѣной колючекъ. Желтые плоды ихъ еще не созрѣли, но ими уже лакомятся арабскіе мальчуганы. Неопытные путешественники, схватившись рукой за огромные листья кактуса, тотчасъ же накалываютъ

кожу почти невидимыми тонкими иглами. Эти волосики производятъ боль, опухоль и красноту, но вытащить ихъ ногтями нѣтъ ни малѣйшей возможности. Намъ пришлось видѣть при этомъ любопытную операцію. Кучеръ арабъ поймалъ «шпанскую» муху и, взявъ ее осторожно сзади, сталъ водить надъ занозами передними лапками. Насѣкомое, цѣпляясь за кожу, стаскивало невидимые, но ощущаемые волосики и извлекало ихъ наконецъ удивительно ловко.

Мы проѣзжаемъ красивый каменный мостъ Абдулъ Гамида, останавливаемся предъ садомъ Рустемъ-паши и входимъ чрезъ фантастическую бесѣдку въ сквозную ограду. Какая роскошь! Прихотливой архитектуры кіоски какъ бы притаились подъ сѣнью красныхъ цвѣтовъ пеларгоній, среди широколистыхъ блѣдно-зеленыхъ банановъ. Олеандры и бѣлыя акаціи, пышные грозди воздушнаго жасмина, масса цвѣтовъ кустами, группами, обиліе незнакомыхъ растеній—заполнили огромныя клумбы, блестя подъ сѣткой серебристыхъ струй, неустанно бьющихъ фонтановъ. Пальмы ушли стройными зонтами въ голубую небесную высь и раскинулись тамъ, разметали свои перистые листья. А вдали цѣлая роща неподвижной, оригинальной зелени *пиній*, напоминающихъ сосны, а за ними на первыхъ отрогахъ—любимыя дѣти старца Ливана—его вѣковые кедры. Что за виды, какая прозрачность воздуха... Смоковницы столпились вдоль извивающагося лентой шоссе, а тамъ далѣе цѣлыя купы померанцевъ, гранатика и шелковицы. Пестрые караваны верблюдовъ, обвѣшанныхъ по бокамъ тюками хлопка или ящиками съ мыломъ, идутъ намъ навстрѣчу, плавно покачиваясь и позвякивая бубенцами; впереди неизмѣнный осликъ съ вожакомъ арабомъ, а за нимъ идутъ вереницей привязанные другъ къ другу верблюды. Подъ тѣнью винограднаго трельяжа, опутавшаго переплетъ изящной веранды-кофейни, неподвижно застывъ съ чубукомъ, кейфствуютъ Бейрутцы, избалованныя дѣти востока. Намъ навстрѣчу попадаются красиво одѣтые въ туземный нарядъ всадники на рослыхъ коняхъ, ѣдутъ женщины, дѣти на осликахъ. Звонко и мелодично трещатъ въ кукурузномъ полѣ огромные кузнечики, надъ нимъ порхаютъ зеленыя стрекозы и голубые мотыльки; за то птицъ совсѣмъ не слышно. Яркими гирляндами махровый жасминъ и тропическій плющъ оплели откосы оросительныхъ канавъ, стройные стволы пальмъ и придорожной ограды. Справа зелень, слѣва голубое море, а прямо вдали бѣлоснѣжная высь старца Ливана, въ яркой оправѣ синяго неба, сплошь залитаго золотистыми лучами солнца...

Накупивъ фотографій, кувшиновъ, подушекъ и прочихъ «даровъ Дамаска», мы вернулись на пароходъ, сожалѣя, что надвигающаяся холера не позволяла намъ остаться въ Бейрутѣ, чтобы проѣхать вглубь страны и посѣтить чудныя развалины Бальбека. Мы рисковали остаться безъ паро-

хода или попасть въ карантинъ, что еще хуже. Осмотрѣвъ по дорогѣ базары, мы побродили въ ихъ темныхъ проходахъ, гдѣ рядомъ съ грудой фруктовъ продаютъ матеріи и оружіе, а съ другой стороны висятъ туши баранины.

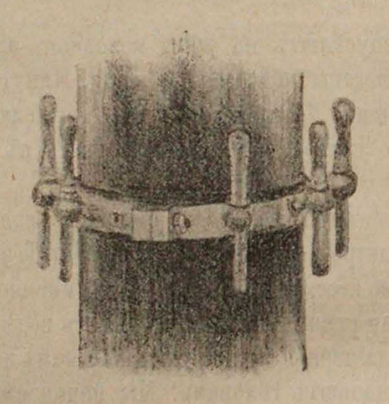
Часъ спустя мы уже были снова въ морѣ. Снова небо и волны. Скоро началась сильная килевая качка, предвѣстница Яффы. Палуба опустѣла, такъ какъ пассажиры находились уже «въ горизонталкѣ», по мѣткому замѣчанію пароходной прислуги—даже самые выносливые страдали морской болѣзнью.

На разсвѣтѣ мы уже были предъ знаменитыми «вратами Палестины». *Яффа* встаетъ вдали предъ нами съ неизмѣнными бѣлыми домиками, столпившимися какъ будто въ кучу. Знакомыя плоскія крыши, узкіе пролеты улицъ, всползающихъ по горѣ, но всего явственнѣе само Яффское взморье. Въ саженяхъ полтораста отъ берега застыли зловѣще черные, истощенные моремъ, камни-гиганты. Какъ пасть исполинскаго чудовища разверзлось предъ ними море и бѣшено мчитъ здѣсь пѣнистыя волны, съ ревомъ и грохотомъ перебрасывая ихъ черезъ предательскія шхеры. Съ глубочайшей древности до послѣднихъ дней яффскіе камни моря поглотили тысячи жертвъ.

Насъ осторожно спускаютъ на руки молодцовъ-арабовъ въ огромный баркасъ, куда уже снесены чемоданы и вещи. Минутъ пять спустя мы прощаемся съ симпатичнымъ *Лазаревымъ* и его дружелюбною командой. Намъ желаютъ «счастливаго пути», и не даромъ. Сѣсть въ лодку близъ Яффы еще не значитъ ступить на берегъ.

Арабы дружно налегаютъ на весла: огромные валы то подбрасываютъ насъ на гребень, то быстро опускаютъ въ разверзтую пучину, тоскливо щемя сердце. Мы стремительно несемся къ берегу, къ той именно грядѣ сѣдыхъ валовъ, что съ грохотомъ встали стѣной надъ скрытыми въ водѣ подводными камнями. Арабы зорко глядятъ на черные зубья, указывая намъ на узкій проходъ между ними, и таинственно качаютъ головами. Мы начинаемъ понимать въ чемъ дѣло. Надо проскочить въ этотъ узкій пролетъ именно въ тотъ моментъ, когда подхватитъ ладью попутною волной. Но одно малѣйшее уклоненіе руля, случайная дрожь веселъ—и баркасъ разлетится въ щепки, ударившись въ гранитныя глыбы и не попавъ въ середину прохода. Минута будетъ потеряна и обратно идущая волна на вѣки покроетъ не первую жертву. И съ берега и съ парохода за нами слѣдятъ, наблюдая каждый взмахъ веселъ. Удивительная минута! Вотъ ясно слышенъ уже ревъ прибоя; мы предъ камнями, мы уже близко. Все стихло; арабы привстали и напряженно держатъ наготовѣ весла. Всѣ теперь въ рукахъ рулевого, мускулистаго старика—и мы инстинктивно перекрестились. Въ ту же минуту арабы греб-

цы запѣли молитву стройными мощными голосами, и вдругъ разомъ налегли на весла. Баркасъ дрогнулъ—приподнялся какъ будто, осѣлъ кормой... Насъ быстро подхватила огромная волна и какъ на колесѣ перевалила черезъ камни по ту сторону грозной ограды. Гребцы радостно вскрикнули, вскочили съ мѣстъ и обнажили головы. Они поздравляли насъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Мы тоже вздохнули свободнѣе и десять минутъ спустя подвалили къ деревянному помосту таможни. Прости море... Здѣсь былъ конченъ дальній, шестнадцатидневный путь странствій, и новыя чувства благоговѣйной радости и священныхъ воспоминаній наполняли мою душу. Мы вступили теперь *во Святую Землю*, на историческую священную почву Палестины, находясь всего въ шестидесяти верстахъ отъ Іерусалима...



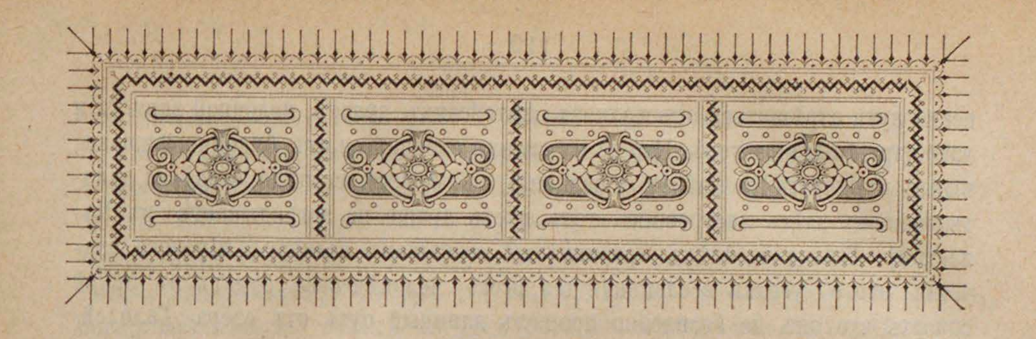
Мачта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ.

I. Іудея.

Яффа.—Іерусалимъ.—Виѳлеемъ.—Іорданъ и Мертвое море.—Сорокодневная гора.—Маръ-Саба.



Глава I.

Пристань Св. Земли.

Въ древней Іоппіи. — Яффскія достопримѣчательности: Георгіевскій монастырь, русскій пріютъ о. Антонина, новая православная церковь. — На восточномъ базарѣ.—Путь къ Іерусалиму: Латрона, Рамле и Колоніэ. — У вратъ св. града. — Храмъ Воскресенія и Гробъ Господень.

Мы—въ *Яффѣ*. Едва ветхій баркасъ коснулся бортами каменной набережной и послѣ далекихъ странствованій по морю нога ощутила подъ собою почву—почву Палестины, освященную дорогими воспоминаніями, какъ у всѣхъ у насъ явилось новое, неиспытанное ранѣе настроеніе. Сознаніе что мы въ странѣ, которую нѣкогда озарила собой земная жизнь Божественнаго Учителя, что мы приближаемся къ центру гдѣ зародились величайшія идеи міра,—мгновенно охватываетъ васъ, волнуя и потрясая. Отнынѣ иныя думы, другіе образы невольно будутъ царить въ умѣ, сопровождая каждый вашъ шагъ страницами Библіи и Евангелія. И теперь, слѣдуя въ толпѣ по шумной набережной, среди знакомой обстановки Востока, среди движенія и неустаннаго говора, въ головѣ невольно возникаетъ какъ будто сомнѣніе что находишься дѣйствительно въ Палестинѣ. Неужели мнѣ придется увидѣть все то что съ дѣтскихъ лѣтъ, со школьной скамьи знакомое и повторенное десятки разъ, казалось затеряннымъ гдѣ то въ дали недоступной, недосягаемой? Недаромъ паломники—дѣти народа, безъ различія вѣроисповѣданій и національности, умиленные и растроганные, падаютъ ницъ и цѣлуютъ эту священную землю! Шатобріанъ былъ правъ, когда писалъ что «путешественникъ посѣщающій чужеземныя страны долженъ слѣдовать ихъ обычаямъ; а потому христіане должны проѣзжать Св. Землю съ Евангеліемъ въ рукахъ»... Прибавлю: христіане должны проѣзжать Св. Землю съ сердцемъ полнымъ любви и примиренія, пытаясь на

всемъ пути отрѣшиться отъ жалкихъ житейскихъ дрязгъ, мелочной зависти и узко партiйныхъ счетовъ. Кто не въ силахъ оторваться отъ будничной жизни, выйти изъ круга ея заботъ и волненiй, не можетъ всецѣло отдаться охватывающему здѣсь настроенiю—тотъ пусть лучше не заглядываетъ въ Палестину. Только человѣкъ проникнутый сознанiемъ великаго мiрового значенiя этого уголка вселенной для всего человѣчества будетъ въ правѣ сказать, что онъ не безплодно прошелъ длинный путь отъ озера Галилейскаго до Мертваго Моря Iудеи. Только тотъ найдетъ здѣсь обновленiе для усталой больной души и въ груди радостнѣе и спокойнѣе станетъ биться ожившее сердце. . . . .

. . . .

Яффа съ моря—зеленый садъ на каменистомъ отлогомъ холмѣ, средне-вѣковой городъ, сбѣгающiй къ морю рядами извилистыхъ улицъ, бѣлыхъ домиковъ, куполообразныхъ крышъ съ изрѣдка встающею надъ ними вышкой минарета. Зонты пальмъ уже оттѣняютъ мѣстами сплошную темную листву померанцевыхъ и апельсинныхъ рощъ, обступившихъ съ юга-востока неприступною стѣной пристань Св. Земли.

По узкой набережной, заваленной тюками, запруженной народомъ, мы приближаемся къ дому занимаемому русскимъ вице-консуломъ В. И. Тимоѳеевымъ. Крѣпыши Арабы удивительно легко, почти не сгибаясь, тащатъ за нами сундуки, пледы и сакъ-вояжи. Верблюды легли, загородивъ дорогу, и погонщики, разгружающiе привезенный на нихъ камень, безцеремонно валятъ его на ноги прохожихъ, обдавая васъ съ ногъ до головы мѣловою пылью.

Массивный каменный барьеръ дѣлаетъ улицу узкимъ корридоромъ: справа встали непрерывною вереницей дома, слѣва плещетъ, шумитъ синее море, ударяя въ широкiй парапетъ распыленными брызгами. За нимъ вдали безоблачная ширь неба, горизонтъ съ безконечнымъ просторомъ. Гдѣ мѣстами порвалась цѣпь домовъ, пропуская узкiй переулокъ, тамъ каменными ступенями подымается вверхъ ломанная линiя лѣстницы. Узкая и крутая мѣстами, она всползаетъ, скрещивается съ другими, то пролегаетъ почти надъ уровнемъ крышъ, то, опускаясь, подходитъ къ самому взморью. Это и есть яффская улица, господствующiй типъ въ Палестинѣ. Въ косой пролетъ къ верху, вторя ея изломамъ, виднѣются нагроможденные другъ на друга дома, образуя плоскими кровлями тѣ же ступени въ огромномъ масштабѣ. А внизу, между рядами домовъ, къ вамъ на встрѣчу спускаются цѣлые караваны осликовъ-водовозовъ, побрякивая мокрыми боченками; по

отлогимъ уступамъ улицы легко и плавно поднимаются группы женщинъ, ѣдутъ верхомъ Арабы, красиво драпируясь широкими складками бурнусовъ. Двойной жгутъ *кефіи* *) темнымъ кольцомъ, какъ змѣя, обвивается вокругъ головы, придерживая покрывало замѣняющее шапку. Это «дѣти пустыни» — за-іорданскіе Бедуины. Сирійцы, рослые и стройные, съ природною бронзой загара, напоминающею фигуры-статуетки дорогаго чекана, обгоняютъ насъ, переговариваясь на своемъ мягкомъ нарѣчіи. Дѣвушки-Фелашки, граціозно подбоченясь правою рукой, идутъ къ колодцу съ удивительною пластикой, ступая босыми ногами. Типичный Еврей въ длинномъ полосатомъ халатѣ-подрясникѣ, напоминающемъ нашихъ деревенскихъ дьячковъ, быстро проходитъ мимо, спѣша скрыться въ какую то лачугу. Турецкій солдатъ въ фескѣ и безъ погонъ, рваный и грязный, въ темно-синемъ камзолѣ, съ тесакомъ безъ ноженъ, равнодушно слѣдитъ «за порядкомъ». Добродушный стражъ Турціи беретъ подъ козырекъ при нашемъ появленіи—единственный знакъ вниманія, не требующій «бакшиша» со стороны туриста.

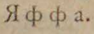
Исполнивъ необходимыя формальности, мы вернулись въ таможню. Сѣдовласый кавасъ, въ оригинальномъ кафтанѣ, съ россійскимъ гербомъ на груди, повелъ насъ куда то вверхъ, карабкаясь по закоулкамъ, вдоль непрерывныхъ стѣнъ, какъ будто бойницъ укрѣпленнаго форта. Въ узкія амбразуры оконъ вставлены желѣзныя рѣшетки. Двухъ-этажные фасады домовъ напоминаютъ неприступную средне-вѣковую крѣпость старинныхъ гравюръ—тотъ же сѣрый колоритъ, грубость формъ, неуютность.

Наконецъ то мы добрались до греческаго монастыря Св. Георгія, исколесивъ добрую половину Яффы. Настоятель отецъ Никодимъ любезно отвелъ намъ свою просторную пріемную.

Пока накрывали столъ для сытной, но незатѣйливой трапезы, я подошелъ къ растворенному окну и сѣлъ предъ нимъ, невольно залюбовавшись чудною панорамой. Внизу подо мной жизнью кипѣла Яффская набережная. Вправо виднѣлось сѣрое зданіе таможни и предъ ней на каменномъ помостѣ бѣгали, суетились люди. Десятки лодокъ какъ скорлупа облѣпляли каменный барьеръ, а за нимъ синѣла недвижная гладь природнаго порта. На взморьѣ черною грядой вставали исполинскіе камни и чрезъ нихъ съ пѣной бѣжали валы, высоко вздымаясь сѣдыми гребнями. Казалось, морскія чудовища пытались взобраться на источенные вѣками подводные рифы. А вдали полосой уходили синіе тоны Средиземнаго моря, все гуще окрашиваясь въ перспективѣ фіолетовыми тѣнями; изумрудною зеленью глубокой воды здѣсь просто нѣтъ силъ налюбоваться. Такъ разнообразенъ

*) Кефія—головной уборъ Бедуина, приготовляется изъ шерстяной обмотки волоконъ мѣстнаго растенія.

ея колоритъ, такъ изумительны свѣтовые эффекты. На третьемъ планѣ, ставъ треугольникомъ, какъ будто дремлютъ три парохода. Бѣлый дымъ слабою мутью оттѣнилъ небосклонъ надъ верхушками черныхъ трубъ—но онъ быстро таетъ, какъ будто сливаясь съ общею синевой воздуха и воды, едва отлетѣвъ отъ закопченой сѣтки. Огромный баркасъ, съ едва примѣтными на немъ людскими фигурами, медленно ползетъ къ «роковому» входу. Въ далекой чертѣ горизонта, гдѣ синее море и небо сомкнулись въ неразрывномъ объятіи, какъ крылья чайки скользятъ косые паруса лодокъ. И все это залито потоками свѣта, снопами золотистыхъ лучей разбѣгающихся съ высоты по гигантскому радіусу, накаляя воздухъ, землю и камни, согрѣвая холодныя волны...


Яффа.

Яффа—потомокъ библейской Іоппіи—существуетъ не болѣе лѣтъ полтораста. Какъ все на Востокѣ, она носитъ своеобразный колоритъ, будитъ воспоминанія, но не богата достопримѣчательностями. Если не считать францисканскаго монастыря, возникшаго на томъ мѣстѣ гдѣ былъ, по увѣренію католиковъ, домъ Симона Кожевника, дававшій пріютъ апостолу Петру, то въ самомъ городѣ обозрѣвать нечего. Несомнѣнный интересъ представляетъ Русскій пріютъ отца Антонина *). Но онъ расположенъ въ

* Личность отца Антонина, архимандрита русской православной миссіи въ Іерусалимѣ, несомнѣнно знакома въ Россіи читающей публикѣ. Маститый стражъ русскихъ интересовъ и неустанный дѣятель болѣе четверти вѣка трудится въ Св. Землѣ производитъ археологическія раскопки, строитъ, воздвигаетъ, зорко слѣдя, чтобы происки католическаго и протестантскаго духовенства не подрывали симпатій населенія ко всему русскому.

предмѣстьѣ, и чтобы добраться до него, надо свернуть съ дороги, ведущей къ Іерусалиму. По узкому переулку, среди непрерывныхъ стѣнъ, ограждающихъ безконечные сады, вы подъѣзжаете къ большому дому за каменною оградой. Двухъэтажное зданіе пріюта предназначено для русскихъ паломниковъ и дѣлится на чистую и общую половину. Комнаты обставлены уютно, вездѣ постели съ москитерами, столики, шкафы—обстановка проста, но удобна. Въ нижнемъ этажѣ есть уголокъ принадлежащій лично отцу Антонину; въ скромной комнаткѣ, съ шкафами въ стѣнахъ хранятся археологическія сокровища найденныя при раскопкахъ. Пріютъ посѣтили великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи въ бытность свою въ Палестинѣ, о чемъ говоритъ большая мраморная доска въ пріемномъ залѣ*). Къ дому принадлежитъ огромный садъ сплошнымъ кольцомъ охватывающій его на нѣсколько десятинъ. Здѣсь въ первый разъ намъ пришлось увидѣть огромный колодезь сооруженный по образцу египетскаго „сакіэ". Въ темную глубину каменнаго жерла уходитъ безконечная цѣпь съ прикрѣпленными къ ней глиняными кувшинами. Всѣ они числомъ до восьмидесяти широкимъ горломъ обращены въ одну сторону. Опускаясь по деревянному ободу огромнаго колеса, они цѣпляются за деревянныя шестерни, поднимаясь постепенно снизу полные холодной чистой какъ хрусталь воды, выливая ее въ широкій желобъ. Колесо приводится въ движеніе муломъ, который ходитъ въ запряжкѣ съ завязанными глазами. Мальчикъ-Арабъ слегка подгоняетъ животное хворостиной, и деревянный приводъ мѣрно постукиваетъ, какъ бы вторя журчащей струѣ, сбѣгающей въ мраморный бассейнъ-цистерну. Бассейнъ настолько великъ что въ немъ можно сразу выкупаться цѣлому десятку любителей.

Кругомъ водоема столпились широколистные бананы; стройная финиковая пальма зеленымъ зонтомъ заслонила жгучіе солнечные лучи, разметавъ по синему фону неба гигантскія перья. Кусты алоэ, исполины-кактусы, купы цвѣтущихъ олеандръ и магнолій слились съ темною листвой гранатниковъ. Намъ предложили вѣтви отягченныя огромными румяными плодами, и не набалованный глазъ сѣверянина долго не могъ налюбовать-

*) Долгіе годы по какимъ то страннымъ причинамъ объ этомъ прекрасномъ, благоустроенномъ русскомъ пріютѣ упорно замалчивалось именно тѣми, кому вѣдать надлежитъ нужды и удобства русскихъ паломниковъ. Подозрительное нерасположеніе ко всему антониновскому было обычнымъ печальнымъ явленіемъ въ Палестинѣ, хотя и безцѣльнымъ, потому что хорошаго не замнешь и неутаишь... А между тѣмъ бѣдные сѣрые поклонники, благодаря распрѣ чуждыхъ имъ сферъ, платились карманомъ и нерѣдко здоровьемъ, незная гдѣ преклонить голову, такъ какъ мѣстный консулъ никогда неуказывалъ имъ на антониновскій пріютъ, какъ будто бы его и не существовало, что очень печалило маститаго основателя-архимандрита.

ся дарами добродушной арабской семьи, наблюдающей здѣсь за отдаленнымъ хозяйствомъ отца Антонина.

Перейдите на ту сторону бассейна, гдѣ онъ, какъ будто нѣжась, застылъ зеркальною гладью въ широкой мраморной оправѣ подъ сѣнью магнолій. Подымитесь по ступенямъ къ бесѣдкѣ, сплошь затканной сквознымъ зеленымъ узоромъ, и сквозь арку, оплетенную лозами винограда, среди крупныхъ яхонтовыхъ гроздей—взгляните на Яффу, взгляните па море... Они тамъ въ глубинѣ, обрамленныя пышною зеленью апельсинныхъ рощъ, куповидныхъ латаній и померанца, какъ полотно грандіознаго размѣра, оживленное сочными красками, свѣтовыми эффектами и глубиною воздуха...

Въ концѣ сада, недалеко отъ колючей ограды кактусовъ вамъ укажутъ входъ въ древнюю низкую пещеру, гдѣ. по преданію, апостолъ Петръ воскресилъ Тавиѳу. Она густо заросла; широколистныя лопасти заслонили отверстіе въ голыхъ камняхъ, ползучія травы заткали песчанникъ, спустились по его бурымъ скатамъ. Невдалекѣ отъ этого мѣста воздвигается теперь храмъ во имя Петра и Павла. Заложенный въ присутствіи Великихъ Князей Сергѣя и Павла Александровичей и Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, онъ быстро растетъ и уже близокъ къ окончанію—сложены стѣны, выведены окна и двери, осталась почти одна внутренняя работа. Православный русскій храмъ въ Яффѣ—отрадное явленіе, живой свидѣтель быстраго распространенія русскаго вліянія въ Палестинѣ *).

Пройдясь по базару, гдѣ виноградъ наваленъ грудами—мы купили цѣлую корзину фруктовъ, заплативъ за два ока (то-есть 6 фунтовъ) всего 1 франкъ 35 к. на наши деньги. Бравый кавасъ нанялъ намъ четырехмѣстную коляску; мы распростились съ Яффой и тронулись въ путь къ Іерусалиму **).

Тройка тощихъ, далеко не «быстрыхъ коней» дружно тянетъ нашу коляску по песчаному щебню шоссе, подымая за собой облака пыли. Мои спутники, пріютивъ у своихъ ногъ огромную корзину съ виноградомъ, изъ которой почти не выходятъ ихъ руки, съ трудомъ

*) Въ данную минуту храмъ совершенно отдѣланъ: полученъ дорогой иконостасъ—даръ Православнаго Палестинскаго Общества, настилаются мраморные полы и вѣроятно скоро послѣдуетъ освящевіе.

**) Отъ Яффы до Іерусалима 60 верстъ, 12 часовъ пути. Сообщеніе—въ фургонахъ (такъ называемой 2 классъ) по 2 руб. съ человѣка. Но они всегда переполнены биткомъ, приходится сидѣть на узкихъ деревянныхъ скамейкахъ иногда въ неособенно пріятномъ сосѣдствѣ.

обмѣниваются своими впечатлѣніями. «Совершенно родной пейзажъ!» восклицаетъ кто-то, тщательно пережовывая эту фразу вмѣстѣ съ сочными зелеными ягодами. И какъ бы въ подтвержденіе сказанному, въ тотъ же мигъ выплываютъ по сторонамъ дороги исполинскія изгороди кактусовъ. Апельсинныя рощи безконечною бахромой оплели этотъ путь на десятокъ верстъ подъ Яффой. *)

Три четверти часа мы все ѣдемъ садами, среди шпалеръ мелкой, глянцевитой зелени, покрытой бѣлымъ известковымъ налетомъ. Темно-зеленые плоды померанцевъ проглянули сквозь тонкіе сучья, какъ ядрами пробивъ шапковидную крону. Густою, непроницаемою массой столпились деревья и подъ жгучими лучами тамъ и сямъ загорѣлись на нихъ золотыя яблоки Гесперидовъ! Рядомъ съ гигантскими лопастями кактусовъ, оплетающихъ непроницаемою двухаршинною броней эти волшебные сады Армиды, зеленыя полчища апельсинныхъ деревъ кажутся таинственнымъ, недоступнымъ, очарованнымъ лѣсомъ, недвижною ратью, обступившею отовсюду библейскій городъ.

По голымъ желто-бурымъ скатамъ полей бродятъ стада овецъ; качаясь, звеня бубенцами, нескончаемою вереницей идутъ караваны верблюдовъ изъ Газы въ Наблузъ, изъ Назарета въ Яффу. Громоздкій фургонъ, переполненный евреями, вяло плетется намъ навстрѣчу. Арабы на осликахъ въ полосатыхъ плащахъ, бедуины верхами, съ длинными кремневыми ружьями, торопливо даютъ намъ дорогу. На дальней чертѣ небосклона, въ вечернихъ лучахъ фіолетовымъ абрисомъ поднимаются кремнистыя горы Іудеи. И весь колоритъ этой чудной картины невольно напоминаетъ вамъ библейскія страницы, младенческій возрастъ людей, незатѣйливый бытъ пастушескаго народа...

Тамъ, гдѣ шоссе всползаетъ бѣлѣющею лентой на крутыя выпуклости безпредѣльной Саронской равнины, виднѣются темные силуэты одинокихъ башенъ. Арабъ-возница ломанымъ «языкомъ Москова» поясняетъ намъ ихъ назначеніе. Это сторожевые посты, откуда турецкіе солдаты наблюдаютъ за безопасностью проѣзжающихъ. Конные патрули постоянно разъѣзжаютъ

*) Прежняя дорога отъ Яффы до Іерусалима была, говорятъ, убійственной и далеко не безопасной. Личная жалоба султану покойной Велик. Княг. Александры Іосифовны, измученной этимъ переѣздомъ въ 1859 г. при посѣщеніи Св. Земли — вынудила оттаманское правительство шоссировать путь на протяженіи 60 вер. Тогда же были возведены каменныя сторожки съ постоянными конными патрулями, для прекращенія обычныхъ грабежей путешественниковъ ко Св. Гробу. Хотя большинство изъ нихъ теперь и пустуетъ, но только благодаря постою солдатъ въ Рамле; переѣздъ въ Іерусалимъ сдѣлался безопаснымъ.

на всемъ протяженіи отъ Яффы до Іерусалима — нововведеніе послѣднихъ 3—5 лѣтъ, едва прекратившее постоянные разбои. *)

А солнце все ближе клонится къ западу и холмистая даль и песчаная пустыня Газы постепенно начинаютъ окрашиваться фіолетовыми тѣнями. Мы поимъ лошадей въ *Рамле,* въ той древней Аримаѳеи, что слыветъ родиной Іосифа, тайнаго ученика Іисуса, уступившаго Ему свою пещеру для погребенія. Рамле — это «городъ песковъ», основанный одиннадцать вѣковъ тому назадъ, по преданію турокъ, халифомъ Солиманомъ. Каменная стѣна окружаетъ крошечный городъ и къ ней отовсюду всползаютъ желтыя нивы, тянутся полосы черной какъ уголь земли, взодранной примитивнымъ плугомъ. Какъ-то странно видѣть на этой пашнѣ мѣстами тонкіе стволы пальмъ, прихотливыя изгороди неизмѣнныхъ колючекъ кактуса, стройный абрисъ задумчивыхъ кипарисовъ. Бѣлые минареты, глашатаи Ислама, одиноко встаютъ надъ плоскими крышами, мѣстами какъ будто прикрытыми крошечными каменными куполами. За ними едва примѣтны верхи двухъ, трехъ монастырскихъ храмовъ. Прямо на югъ высится четырехгранная *башня царицы Елены,* извѣстная пилигримамъ подъ названіемъ «башни сорока мучениковъ». Мусульмане зовутъ ее гробницей 40 спутниковъ Магомета, но вѣроятнѣе, что это остатки древней колокольни бывшаго здѣсь, но давно разрушеннаго, монастыря Тампліеровъ. **) Она окружена старинными развалинами, нелишенными интереса для археолога.

Невдалекѣ отъ Рамле, на широкой равнинѣ, воспѣтой еще Соломономъ, что желто-зеленою каймой облегла сѣрые скаты Самарійскихъ предгорій, спустилась и подошла къ морю—бѣлѣютъ квадраты арабскихъ деревушекъ. Гигантскою картой кажется вамъ земля Палестины съ восьмисаженной высоты одинокой башни. Притихшая, какъ будто въ сторонѣ отъ шума и мірской суеты — она привольно раскинулась среди каменистыхъ холмовъ Іудеи, протянулась золотистыми полями Самаріи, поднимается вершинами Галилейскихъ горъ, смутно оттѣняя бассейны Мертваго моря и озера Генисаретскаго.

Въ полверстѣ, на днѣ живописной долины тонетъ теперь въ багряныхъ вечернихъ лучахъ селеніе *Лидда,* въ числѣ прочихъ надѣловъ принадле-

---

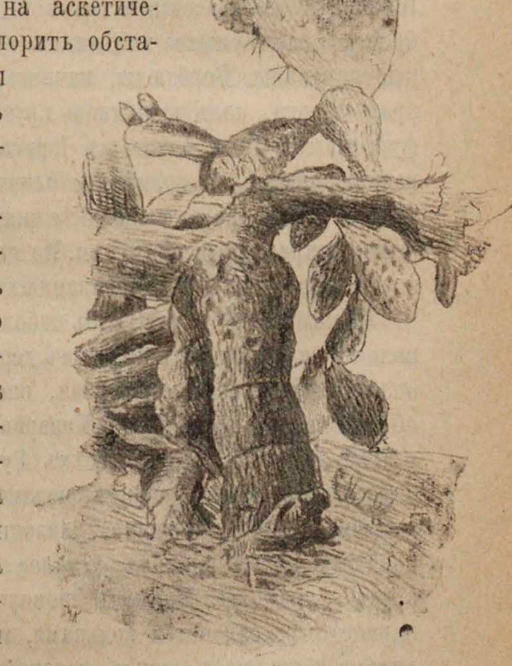
*) Путь этотъ пройденъ нами въ послѣдній разъ. 15 августа 1892 года открыта желѣзная дорога отъ Яффы къ Іерусалиму, по которой, вѣроятно, отнынѣ и будетъ совершаться переѣздъ ко Св. Граду. Грустно подумать объ этомъ. Желѣзнодорожный паровозъ совсѣмъ не мирится съ этою обстановкой, освященной Евангельскими воспоминаніями.

**) Надпись, найденная лѣтъ 20 тому назадъ, относитъ постройки къ 1310 г. по Р.Х., упоминая имя египетскаго султана Махомеда, сына Калауна. Она перестраивалась въ 1318 году. Турки называютъ ее джамія Эль-Абьядъ.

жавшее Веніамину. Здѣсь исцѣлялъ немощныхъ апостолъ Петръ, а народная легенда пріурочиваетъ къ ней мѣсто битвы съ дракономъ христіанскаго героя *Георгія Побѣдоносца.* На томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, онъ родился, сохранились развалины древняго храма, разрушеннаго въ XII вѣкѣ Саладиномъ.

Незамѣтно спустилась южная ночь, неслышно окутали тѣни окрестность. Пока кучеръ поилъ лошадей, мы долго бродили среди вереницы повозокъ, обыкновенно останавливающихся здѣсь на пути въ Яффу и обратно.

Черезъ пятнадцать верстъ паломника ждетъ слѣдующій отдыхъ въ *Латрумѣ.* Дорога къ нему идетъ замѣтно повышаясь и по мѣрѣ того, какъ таютъ ночныя тѣни, а розовый сумракъ постепенно смѣняется блѣдно-золотистымъ разсвѣтомъ, вы вдругъ замѣчаете, что поднялись уже на значительную высоту. Каменистыя ребра іудейскихъ холмовъ загородили отъ васъ яффское побережье. Пейзажъ становится суровъ и пустыненъ: сѣрые камни, желтый сухой верескъ, полное отсутствіе зелени и деревьевъ. Только кое-гдѣ прижился на аскетическомъ грунтѣ чахлый кустарникъ. Колоритъ обстановки напоминаетъ Дантовскія картины «Ада», воплощенныя художественнымъ перомъ Густава Доре въ изящномъ изданіи Divina Commedia.



Кактусы.

Мы минуемъ полуразрушенныя аркады массивнаго водопровода, приписываемаго Константину; многіе ищутъ здѣсь же развалинъ Никополиса. Латрумъ (по другой версіи Латрона), арабская деревушка, вся тонетъ въ зеленой розеткѣ кактусовъ—ихъ здѣсь столько, что поражаешься. У каменныхъ водоемовъ—круглыхъ жерлъ, едва выступающихъ на поверхность земли — столпились группы женщинъ въ полутьмѣ пришедшихъ за водой. Рослыя, статныя, сплошь закутанныя въ бѣлыя покрывала, онѣ кажутся фантастическими тѣнями, особенно гармонирующими съ обстановкой. Нагія дѣтишки одного роста съ огромными кувшинами, тихо щебечутъ, оглядывая проѣзжающихъ съ любопытствомъ, и вдругъ бросаются бѣжать за коляской, протягивая руки съ требованіемъ «бакшиша». Кучеръ погрозилъ имъ кнутомъ и они отстали, громко выругавъ насъ по-арабски.

Яркое утро привѣтствуетъ путниковъ въ *Колонiэ*. Влѣво осталась крохотная деревушка—Евангельскiй *Эммаусъ,* *) гдѣ встрѣтили ученики своего Божественнаго Учителя по Воскресенiи и не узнали Его до преломленiя хлѣба. Вправо, на спускѣ горы, едва бѣлѣютъ вдали группы домиковъ *Горняго Града* Iудова, гдѣ Божiя Матерь привѣтствовала Елизавету. Здѣсь, что ни шагъ—рядъ священныхъ воспоминанiй, безконечная нить событiй Евангельской исторiи, дорогiя картины земной жизни Спасителя.

Миновавъ арабскiй Абу-Гошъ съ развалинами церкви Св. Iеремiи, дорога начинаетъ круто, почти спиралью, подниматься на Iерусалимское плато, господствующее надъ всею окрестностью. Голыя, сѣрыя скалы становятся все обрывистѣе по бокамъ шоссе, что гигантскою змѣей бѣлѣетъ внизу и надъ нами. Онѣ сжимаютъ его то тѣсными ущельями, извилистыми проходами, то вдругъ, разступившись, даютъ нежданно далекую перспективу: голубою полоской выступаетъ, синѣя, Средиземное море, и на его берегу какъ будто пунктиромъ намѣченъ сѣрый квадратъ домиковъ Яффы. По тощей, полузасохшей травѣ шуршатъ пестрыя ящерицы. Козы и овцы бродятъ въ горныхъ впадинахъ и уступахъ, намъ навстрѣчу идутъ шумные караваны. Верблюды, качаясь, мѣрною поступью проходитъ по самому краю дороги, надъ страшною крутизной обрыва, уступая дорогу коляскѣ и фургонамъ. Чѣмъ ближе къ Iерусалиму, тѣмъ чаще попадаются одинокiя, разбѣжавшiяся по долинамъ, оливковыя деревья. Столѣтнiя маслины—здѣсь рѣдкость. Мнѣ пришлось позднѣе видѣть экземпляры въ Геѳсиманскомъ саду, бережно сохраняемые монахами. Но по дорогѣ низкорослыя оливы встрѣчаются почти всюду, на пути караванныхъ тропъ Самарiи и Галилеи.

Поднятое на уступы горъ небольшое селенiе Колонiэ встрѣчаетъ туриста-паломника скромнымъ прiютомъ деревенской гостиницы. На террасѣ-верандѣ, оплетенной зеленью винограда, насъ встрѣтили дорогiе друзья радостными объятiями. Докторъ Х. В. Мазараки—ветеранъ Iерусалима, знатокъ Палестины, искреннiй другъ всѣхъ Русскихъ. За чашкой кофе, въ пылу разспросовъ о далекой родинѣ, незамѣтно пролетѣло время. Мы быстро тронулись въ путь. Сознанiе близости Св. Града радостнымъ трепетомъ наполняетъ душу, ободряя усталое тѣло. Коляска съ трудомъ одолѣваетъ крутые подъемы. Минуемъ поворотъ на «Горнюю». Шоссе, огражденное парапетомъ, свивается кольцами, то исчезая подъ нами, то вдругъ появляется вновь надъ нашею головой. **)

---

*) Эммаусъ, по преданiю, занялъ то мѣсто, гдѣ въ библейскiя времена происходилъ бой Давида съ Голiаѳомъ.

**) Этотъ участокъ выстроенъ французскимъ инженеромъ Франгiя и дѣйствительно поражаетъ трудностiю преодолѣнныхъ препятствiй. Знаменитая „Военно-Грузинская дорога“ у насъ на Кавказѣ имѣетъ съ нею много общаго по постройкѣ.

Брызги солнечныхъ лучей тронули пятнами ребра утесовъ, а за ними смутно сквозитъ уже священный Елеонъ, привѣтствуя насъ своею башней-колокольней. Крутой поворотъ— и вдругъ предъ нами мгновенно предсталъ на песчаныхъ холмахъ Св. Городъ.

Средневѣковыя стѣны съ четыреугольными башнями каменною гранью очертили огромный квадратъ, и среди плоскихъ, безчисленныхъ крышъ, поднялась осѣненная широкимъ куполомъ мечеть Омара. Но не къ ней стремятся взоры, не ея жаждетъ душа, а той міровой святыни, что скромно пріютилась на камняхъ Голгоѳы.

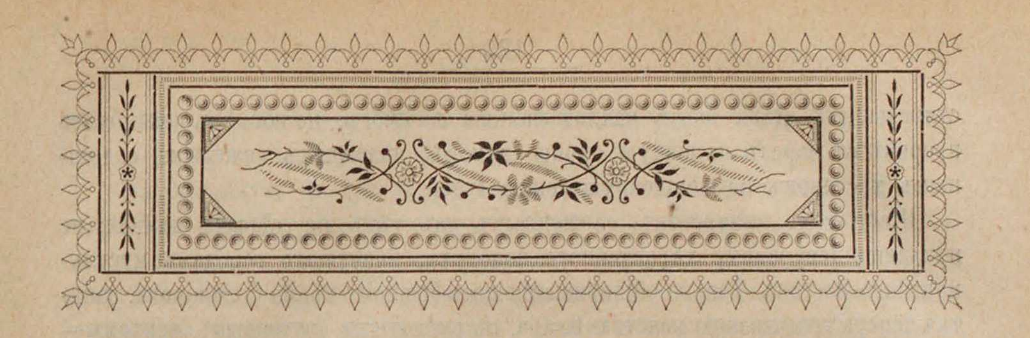
Мы въѣзжаемъ въ предмѣстье, минуемъ рядъ каменныхъ домовъ, полускрытыхъ въ зелени сада и останавливаемся наконецъ предъ каменною башней съ воротами. Отсюда начинается Іерусалимъ съ его святынями...

Среди шумной толпы, мимо турецкихъ часовыхъ, отбывающихъ караулъ подъ *башней Давида,* черезъ ворота этой сѣрой зубчатой громады источенной вѣками—вы вступаете на широкую улицу съ вереницей домовъ, занятыхъ магазинами. Печать цивилизаціи оттиснулась здѣсь своеобразно, оригинально, переодѣвъ дѣтей пустыни въ европейскія одежды. Она же сказалась въ постройкѣ кривого зданія, въ родѣ нашихъ пассажей, пролетомъ выходящаго къ улицѣ Св. Гроба. Вотъ вы свернули налѣво вдоль лавокъ, увѣшанныхъ крестиками, образами, четками, иконами аѳонскаго письма, шагая среди ящиковъ, заваленныхъ раковинами, обломками коралла, свѣчей и дешеваго ладана (знакомая картинка нашихъ монастырей и лавръ) — и вдругъ очутились снова въ квадратѣ сѣрыхъ стѣнъ, на широкой площадкѣ, устланной каменными плитами. Въ глубинѣ прямо предъ вами—храмъ Воскресенія и въ двухъ аркахъ-нишахъ ведущія въ него деревянныя массивныя двери. Однѣ изъ нихъ заложены камнемъ, предъ другими мирно спитъ стражъ-хранитель ключей святыни.

Кто не видалъ преддверія Св. Гроба? Кому незнакомо оно по рисункамъ, начиная отъ дорогихъ изданій до лубочныхъ картинокъ? Но передать то чувство, что охватываетъ душу предъ этими полуоткрытыми вратами, за которыми царитъ мягкій сумракъ, гдѣ подъ сводами храма въ таинственной тишинѣ мерцаютъ, теплятся безчисленныя лампады — это выше того, что заносится на бумагу. Въ тайникѣ души человѣческой есть струны, до которыхъ нельзя касаться. Онѣ звучатъ сами, когда предъ духовными очами встаютъ не повседневныя картины будничной суеты, отраженіе житейскихъ треволненій... Озаренное свѣтомъ сердце начинаетъ биться радостнымъ трепетомъ и вы потрясены, вы возрождаетесь. Въ насъ самихъ источникъ священнаго восторга, экстаза и вдохновенія; и если пройдя дальній путь многихъ тысячъ верстъ, чтобы здѣсь преклониться,—вы не переживете лучшихъ часовъ въ жизни, — значитъ васъ отвратила отъ нихъ жизненная

суета и шумъ пошлаго людскаго гомона заглушилъ лучшіе звуки сердца. Здѣсь предъ *Камнемъ Помазанія,* гдѣ надъ мраморною плитою спустились лампады, всѣхъ вѣроисповѣданій христіанства, какъ и въ *Пещерѣ Св. Гроба,* осѣненнаго бѣлою мраморною часовней, въ *Придѣлѣ Ангела,* на *Голгоѳѣ* нѣтъ мѣста словамъ, наблюденію, выраженіямъ и описаніямъ. Тамъ, гдѣ совершилось великое Таинство обновленія міра—что-то высокое, всесильное, незримое наполняетъ душу; люди плачутъ, кто можетъ, или молчатъ подавленные, потрясенные...

Подъ куполомъ храма въ полукруглыя окна льются мягко, неслышно золотистые потоки свѣта. Сверху нисходитъ онъ въ полутьму безмолвной круглой ротонды, наполняя лучами, тепломъ, жизнерадостностью. Свыше проникаетъ Божественный свѣтъ въ душу человѣка. Только онъ разгоняетъ въ ней тьму накопившейся жизненной грязи, злобы, суеты, призывая насъ къ обновленію словомъ тихой молитвы...



Глава II.

Іерусалимъ.

Топографія города.—Въ чертѣ стѣнъ и за стѣнами.—Акра, Везеѳа, Сіонъ—исторія ихъ возникновенія и достопримѣчательности. Патріархія, Никольскій монастырь, развалины на германскомъ мѣстѣ.—Раскопки о. Антонина.—„Судныя врата“.—Русскій храмъ близъ Св. Гроба.—На „русскихъ“ постройкахъ.—Музей и обсерваторія о. Антонина.

Первое ознакомленіе съ Іерусалимомъ, благодаря массѣ его религіозныхъ, историческихъ и археологическихъ реликвій — дѣло далеко не изъ легкихъ.

Странное чувство испытывалъ я, глядя на его неправильный сѣрый квадратъ, опоясанный массивною толщей зубчатыхъ стѣнъ, сомкнутыхъ, какъ звенья въ стройную цѣпь четыреугольными вѣковыми башнями. Сѣрый, изжелта-бурый колоритъ этого пояса, прихотливою грядой оцѣпившаго тысячелѣтніе уступы Сіона и Морія, наложилъ на святой городъ печать какой-то несокрушимой мощи и спокойнаго величія. Его бастіоны, выступы и многочисленные четырехгранные домики-башни, почти безъ оконъ, съ выпуклыми крышами-куполами, придаютъ ему видъ величаваго библейскаго патріарха по сравненію со вновь воздвигаемыми зданіями позднѣйшей архитектуры. Не даромъ, свидѣтель сѣдой старины, онъ былъ уже старцемъ во дни младенчества Аѳинъ, когда едва зарождались стѣны могущественнаго Рима.

Темныя амбразуры оконъ, какъ гнѣзда стрижей въ бурыхъ скалахъ песчаника, густою окраскою тѣней пестрятъ верхніе этажи іерусалимскихъ домовъ, поразительно однообразныхъ по своей монотонной, прямолинейной архитектурѣ. Нигдѣ не проглянетъ ни деревца, ни зелени, если не считать десятка кипарисовъ, уцѣлѣвшихъ на каменной площади бывшаго храма Соломонова. Іерусалимъ поражаетъ отсутствіемъ какой бы то ни было ра-

стительности. Даже зонтъ чахлой пальмы не смогъ, не посмѣлъ какъ-будто прорваться черезъ каменную броню домовъ, налегшихъ тяжелымъ сплошнымъ массивомъ на священную землю Іудеи.

Шесть-семь минаретовъ, сложенныхъ изъ тѣхъ же сѣрыхъ камней, не придаютъ Іерусалиму характернаго колорита, присущаго городамъ мусульманскаго Востока. Только обширная площадь бывшаго храма Соломонова, занятая теперь грандіозною мечетью Омара, съ рубчатымъ шатровымъ верхомъ— напоминаетъ вамъ здѣсь о владычествѣ Турокъ. Нѣтъ, это вполнѣ *библейскій* городъ, несмотря на всѣ превратности его исторіи, измѣнчивость судебъ и удивительную смѣну владыкъ этого «наслѣдія міра». Даже христіанскаго въ немъ очень мало... Великая святыня Голгоѳы, скрытая подъ чернымъ шатромъ купола храма Воскресенія Господня, теряется и почти не видна въ сплошной грудѣ нагроможденныхъ другъ на друга зданій, плоскихъ террасъ или высокихъ какъ башни строеній, прикрытыхъ опрокинутою каменною чашей. Вамъ не сверкнетъ на ней въ яркихъ огненныхъ лучахъ золотой крестъ — эмблема великаго искупленія, онъ такъ малъ, что невооруженный глазъ даже и не замѣтитъ этого священнаго глашатая христіанства на темно-голубой каймѣ знойнаго горизонта. Онъ смѣло осѣнилъ только пятиглавый соборъ нашихъ русскихъ построекъ, но соборъ этотъ за городомъ, уже внѣ стѣнъ Іерусалима.

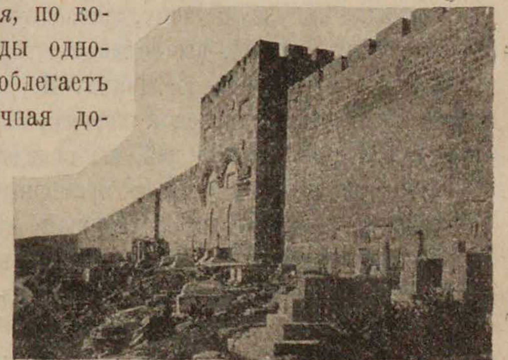
И странно, несмотря на свой чуждый намъ характеръ, на сумрачный колоритъ окрестнаго пейзажа, этотъ городъ все же манитъ, влечетъ къ себѣ неудержимо какою-то таинственною силой...

Камни, камни и камни. Несокрушимою броней оцѣпили они отовсюду великій библейскій городъ. Сдвинувъ въ плотную массу безконечные уступы зданій, они тысячами, десятками тысячъ прорвались на поверхность, переступили за грань крѣпостныхъ бойницъ, обсыпали желтые скаты каменистыхъ холмовъ и какъ будто сползли въ окрестныя долины... И все это камни «мертваго» города, мавзолеи тысячелѣтнихъ кладбищъ. Іерусалимъ тонетъ въ нихъ—такъ облегла его безконечнымъ кольцомъ эта «Божья нива»... Не даромъ народы Палестины со дней Авраама вѣками сносили сюда въ провалы Геннома, къ подножію священныхъ высотъ Сіона, дорогой прахъ сотенъ и тысячъ поколѣній. Библейскій Израиль легъ здѣсь костьми въ долинѣ отцовъ Іакова, Іоасафата, и трудно понять, какъ эти груды не заполнили узкихъ ложбинъ «Юдоли Эннонской», каменистаго ложа Кедрона. Безконечными пластами налегъ здѣсь прахъ человѣка, и нѣтъ мѣста, нѣтъ пяди земли, гдѣ бы онъ не былъ покрытъ могильнымъ камнемъ.... Бокъ-о-бокъ съ Израилемъ, вдоль рвовъ и бойницъ—остроконечныя плиты умершихъ сыновъ ислама. Мусульмане и евреи заполонили это обширное «поле смерти», и, глядя на него, понятенъ становится поэтическій плачъ

Іезекіиля, восклицавшаго: «Господи, кости сіи — это весь домъ Израилевъ».

Если взглянуть на Іерусалимъ съ уступовъ горы Масличной, странное впечатлѣніе произведетъ на васъ его сѣрая монотонная масса. Безжизненная голая пустыня легла вокругъ высотъ Моріа, за отрогами Элеона, въ ширь и въ даль едва охватываемую глазомъ. Кто признаетъ «прекрасный горделивый Сіонъ» въ этихъ жалкихъ современныхъ развалинахъ, городъ «Великаго Царя», цвѣтущей страны излюбленнаго Богомъ народа? И отъ пышныхъ дворцовъ и чертоговъ, отъ богатѣйшихъ храмовъ «не осталось камня на камнѣ», какъ предвѣщалъ это Божественный Учитель родному городу. Современный Іерусалимъ—это дѣйствительно «городъ мертвыхъ»...

Приподнятый отрогами горъ Іудейскихъ, современный Іерусалимъ какъ будто кольцомъ окруженъ равнинами и возвышенностями. Долина *Кедронская,* по которой когда-то струилъ свои воды одноименный потокъ, давно изсякшій, облегаетъ его съ юго-востока. Сѣверо-восточная долина, проходя у подножія горы *Елеонской*, любимаго пріюта Спасителя, носитъ теперь названіе долины Іосафата. Съ сѣвера ее замыкаетъ гора *Скопусъ*, а съ юга, гдѣ она впадаетъ въ глубокій *Генномскій* оврагъ—возвышается гора *Беззаконнаго Совѣта*.



Золотыя ворота.

Пологіе скаты горы Масличной пріодѣты зеленью мелкорослыхъ оливъ и рѣдкими купами темнѣющихъ тамъ и сямъ кипарисовъ. Между ними лентой выползаютъ бѣлыя каменистыя дороги на вершину Евангельскаго Елеона, что заслонилъ съ востока какъ будто ушедшую далеко въ глубь черту небосклона. Постепенно поднимая свои отроги къ югу, Масличная гора, пропустивъ узкую лощину потока Кедронскаго, почти примыкаетъ къ возвышенностямъ горы «Соблазна». Между ней, холмистыми уступами Сіона и обрывистымъ скатомъ „Беззаконнаго Совѣта“ пролегла долина „Тиропеонская“ (или Сырныхъ торговцевъ), круто подъ угломъ сворачивающая къ юго-западу. Въ устьѣ сліянія этихъ двухъ низменностей, обводящихъ какъ бы гигантскимъ рвомъ святой городъ, находится источникъ Іова.

Слѣдуя къ западу, передъ вами встаетъ историческій Сіонъ, «веселіе всей земли», говоря языкомъ псалмопѣвца Давида *). Вы огибаете, по-

*) Псаломъ 48, ст. 3.

стройки Монтефіоре *) и минуя обширную цистерну Биркетъ-эсъ-Султанъ— безводный прудъ Соломоновъ, подъѣзжаете къ Яффскимъ воротамъ уже съ запада.

Сѣверная окраина Іерусалима занята русскими постройками, которыя составляютъ какъ бы отдѣльный самостоятельный кварталъ — центръ отправленія нашихъ экскурсій.

Первые дни пребыванія во Святомъ градѣ были посвящены офиціальнымъ визитамъ. Тотчасъ послѣ обѣдни мы отправились въ патріархію. Резиденція его блаженства находится въ греческомъ монастырѣ Св. Георгія, почти примыкающемъ къ храму Гроба Господня. Свернувъ съ его площадки въ узкую улицу, сдавленную въ корридоръ высокими стѣнами іерусалимскихъ зданій, вы подходите къ массивнымъ дверямъ, мало отличающимся снаружи отъ сосѣднихъ. Но за порогомъ сѣней патріархіи предъ вами открывается прекрасная широкая лѣстница, ведущая въ верхніе аппартаменты. Поднявшись по ней, вы попадаете въ большую свѣтлую комнату.

Площадка наверху устлана мраморными плитами. Вдоль стѣнъ изящная мебель, парадная дверь, ведущая въ пріемную патріарха, задернута тяжелою драпировкой. Тучный кавасъ, весь расшитый золотомъ и шелками съ блестящею серебряною булавой—эгидой его величія и власти, встрѣчаетъ васъ поклономъ, соотвѣтствующимъ вашему рангу и состоянію. Въ этой прихожей, составляющей какъ бы *фондарикъ* **) патріархіи—вы встрѣтите и изящную даму, въ туалетѣ послѣдней модной парижской картинки, и священника изъ Соловокъ, рядомъ съ щеголеватымъ греческимъ монахомъ подлѣ старушки-поклонницы, не въ первый разъ гостящей въ Палестинѣ, и скучающаго фланера-путешественника. На нижнихъ ступеняхъ лѣстницы, соотвѣтствуя градаціямъ іерархіи и ранга, группируются мелкіе просители—странники далекихъ окраинъ и повѣренные дѣльцы Святогробскаго Братства.

Дверь отворилась... Красивый служка въ черномъ изящномъ подряснике съ кушакомъ и въ бархатной камилавкѣ пригласилъ насъ въ пріемную. Большая высокая зала обставлена комфортабельно и довольно бо-

*) Страннопріимный домъ для бѣдныхъ евреевъ построенъ филантропомъ Монтефіоре.

**) *Фондарикомъ* называются двѣ маленькія комнаты, находящіяся въ храмѣ Воскресенія, не далеко отъ главнаго входа и предназначенныя для дѣловыхъ объясненій съ монахами Святогробскаго Братства. Обыкновенно здѣсь греки предлагаютъ вамъ записать имена дорогихъ усопшихъ на вѣчное поминовеніе.

гато. Въ простѣнкахъ между окнами и по стѣнамъ въ гармоничной симметріи развѣшены большіе портреты Государя, Государыни, Наслѣдника Цесаревича, Греческаго царствующаго дома и овальный портретъ султана. Въ лѣвомъ углу подлѣ оконъ, па небольшомъ возвышеніи, стоитъ оригинальное кресло, напоминающее старинный тронъ первосвященниковъ. Высокая спинка его покрыта геральдическимъ орнаментомъ — это мѣсто его блаженства, съ котораго онъ принимаетъ посѣтителей въ торжественныхъ аудіенціяхъ или въ дни двунадесятыхъ праздниковъ. Справа и слѣва къ патріаршему трону примыкаютъ диваны и кресла обитые, дорогою шелковою матеріей. Чередуясь съ небольшими столиками, мебель тянется вдоль стѣнъ и своимъ оригинальнымъ расположеніемъ придаетъ какой-то странный колоритъ этой полувосточной и полуевропейской гостиной. Круглая козетка съ высокою спинкой стоитъ посрединѣ. На верхней доскѣ ея красуются въ богатыхъ рамахъ портреты Ихъ Императорскихъ высочествъ Сергѣя и Павла Александровичей и Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, посѣтившихъ Палестину еще при блаженнѣйшемъ Никодимѣ.

Его блаженство встрѣтилъ насъ ласково и любезно. Нынѣшній патріархъ Іерусалимскій, всеблаженнѣйшій Герасимъ — высокій мужчина лѣтъ сорока пяти, съ умнымъ, красивымъ лицомъ, обрамленнымъ пышною черною бородой. Большіе каріе глаза его глядятъ изъ-подъ широкихъ бровей, легкая улыбка трогаетъ тонкія губы. Съ необычайнымъ тактомъ онъ умѣлъ поддержать бесѣду многихъ лицъ, бывшихъ одновременно на этомъ пріемѣ. Служка разнесъ на подносѣ гостямъ обыкновенное угощеніе Востока—холодную воду *глико-неро* съ сладкимъ вареньемъ—шербетомъ. Не успѣли мы осушить отпотѣвшіе въ жаркой температурѣ бокалы, какъ другой служка съ церемоннымъ поклономъ подалъ намъ крохотныя чашечки ароматнаго арабскаго кофе. Мы провели въ бесѣдѣ около часу и, получивъ благословеніе, откланялись его блаженству.

Возвращаясь по улицѣ къ храму Воскресенія Христова, вы опять вступите на площадку съ минаретомъ Калифа-Омара, пристроеннымъ почти къ дверямъ по фасаду. Зданіе, примыкающее къ нему справа, есть греческій Никольскій монастырь, излюбленное мѣсто многихъ русскихъ поклонницъ—часто загащивающихся подолгу въ Іерусалимѣ. По извилистымъ каменнымъ лѣстницамъ, содержимымъ довольно грязно, вы попадаете въ полутемный коридоръ, въ который выходятъ двери комнатокъ-келій; убранство ихъ незатѣйливо просто. Пройдя коридоръ, вы выходите на плоскую крышу-террасу, довольно высоко приподнятую надъ пролегающею внизу улицей.

Съ широкой площадки ея открывается дивный видъ на верхи Іерусалимскихъ зданій. Обернитесь назадъ, предъ вами оригинальное сочетаніе крышъ, лѣстницей приподнятыхъ одна на другую. Неправильный изломъ

ихъ подступаетъ къ базису массивнаго купола, осѣнившаго храмъ Гроба Господня. Желѣзныя рѣшетки, чередуясь съ каменнымъ парапетомъ, предохраняютъ васъ отъ паденія съ значительной высоты, а рядъ отверстій въ массивныхъ плитахъ указываетъ на назначеніе этихъ крышъ-балконовъ Востока. Въ періодъ дождей пологій скатъ каменной террасы сводитъ къ люку всю дождевую воду, спуская ее по трубамъ въ нижнія подземныя цистерны.

Внѣшній видъ гроба Господня.

Юноша-послушникъ вынесъ намъ плетеныя стулья, и мы усѣлись «на высотѣ», любуясь отсюда оригинальною картиной. Какъ разъ передъ нами внизу вставали груды живописныхъ развалинъ. Длинная улица далеко уходила въ перспективу, улица расчищенная среди камней съ чисто нѣмецкой аккуратностію. У входа подъ навѣсомъ изъ дикаго плюща германскій стражъ гордо возсѣдалъ на лавочкѣ, слѣдя за порядкомъ.

Драгоцѣнность этихъ грандіозныхъ развалинъ, занимающихъ обширную площадь невдалекѣ отъ Гроба Господня, неоцѣнима. Султанъ подарилъ ихъ покойному императору Вильгельму I, и хотя протестанты до сихъ поръ мало занимались даромъ восточнаго владыки, въ смыслѣ изученія и изысканій, однако зорко и заботливо оберегаютъ его отъ малѣйшихъ попытокъ постороннихъ изслѣдованій.

Почти бокъ-о-бокъ съ упомянутымъ мѣстомъ находятся драгоцѣнныя открытія отца Антонина. Я имѣю въ виду *Новый Порогъ* «Судныхъ Вратъ» древней городской стѣны, чрезъ который лежалъ путь Спасителя на Голгоѳу. Нельзя не порадоваться, что трудами Православнаго Палестинскаго Общества на этомъ завѣтномъ русскомъ мѣстѣ возведена нынѣ церковь подлѣ наружной стѣны храма Вознесенія.

Новыя «Судныя Врата», возбудившія безконечные споры палестиноло-

говъ, обнаружены отцомъ Антониномъ на глубинѣ около 30 аршинъ. Разработавъ площадь въ 200 квадратныхъ саженъ и очистивъ ее отъ мусора, онъ получилъ возможность воздвигнуть на этомъ мѣстѣ небольшой храмъ оригинальной архитектуры. Нижній этажъ его въ фундаментѣ стѣнъ сохраняетъ откопанные камни древнееврейской стѣны и соединенъ широкою лѣстницей съ верхнимъ этажемъ. Высокій парапетъ ограждаетъ верхніе хоры и, перегнувшись черезъ него, вы видите внутреннюю обстановку церкви. Недавно она освящена и составляетъ предметъ понятной зависти со стороны представителей иностранныхъ вѣроисповѣданій *). Былъ вечеръ, когда мы, съ коллегой и нашею соотечественницей Е. А. Мазараки, отправились на «Русскія постройки». Обширная колонія, уголокъ родной Руси на далекой чужбинѣ, пріютилась очень удачно на плато сѣверо-западнаго конца Іерусалима. Свернувъ въ сторону отъ Яффскаго шоссе, вы попадаете въ предмѣстье, наполовину застроенное крошечными домиками гнѣздомъ армянской и еврейской торговли. Русскіе воздвигли здѣсь грандіозное подворье, обнесли его массивными стѣнами съ воротами, и нельзя не согласиться, что это цѣлая крѣпость, какъ ропщутъ католики **). Историческій центръ Гигонтской возвышенности занятъ цѣлымъ рядомъ корпусовъ въ итальянскомъ стилѣ. Среди нихъ, на вымощенной площади, красуется пятиглавый соборъ византійскаго стиля. Знакомые родные купола съ крестами осѣняють его черными шатрами. Рядъ корпусовъ занятъ пріютомъ для паломниковъ, обширною больницей, аптекой, помѣщеніемъ для докторовъ и другихъ служащихъ ***). Двухъэтажныя зданія изъ тесанаго камня отличаются массивностью стѣнъ. Плоскія крыши облицованы зубчатымъ выступомъ—каймой. Блѣдно-золотистый оттѣнокъ стѣнъ, рѣшетчатыя зеленыя жалузи оконъ, изящныя арки дверей придаютъ русскимъ постройкамъ оригинальный характеръ, не лишенный гармоніи и вкуса. Выстроенныя по послѣднему слову науки со всевозможными приспособленіями, съ обширными палатами, цистернами, снабжающими водой въ лѣтніе мѣсяцы, съ русскими банями, сушильнями для бѣлья и т. п., наши постройки являются несомнѣнно однимъ изъ выдающихся сооруженій въ Іерусалимѣ.

Минуя огромный пріютъ-стель, мы подошли къ желѣзнымъ воротамъ русской колоніи. Арабъ привратникъ привѣствовалъ насъ знакомымъ жестомъ приложенія рукъ ко лбу и къ сердцу. Мы вступили въ ограду ши-

---

*) Храмъ этотъ посвященъ памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.

**) „Русскіе не теряютъ надежды взять Іерусалимъ", ехидно увѣрялъ меня одинъ патеръ, „и вотъ заранѣе приготовили себѣ казармы".

***) Строителемъ ихъ былъ архитекторъ Эппингеръ, заложившій 30 августа 1860 года фундаменты главныхъ зданій. Новѣйшія же постройки производились отъ Комитета инженеромъ Франгіа.

рокаго двора, кое-гдѣ засаженнаго кустами зелени и, оставивъ въ сторонѣ корпусъ, занимаемый нашимъ генеральнымъ консульствомъ, направились къ зданію русской духовной миссіи.

Четыреугольный квадратъ его, соединенный крестообразными корридорами—это цѣлый кварталъ по обширности и населенію. Миссія имѣетъ свою домовую церковь, замѣчательную по изяществу отдѣлки, богатую библіотеку и комнаты для пріѣзда высокопоставленныхъ лицъ: въ нижнемъ этажѣ помѣщается пріютъ для лицъ духовнаго сана. Мы спросили у служащаго, можно ли видѣть отца Антонина.

— Ступайте на верхъ, онъ должно быть дома.

Но разыскать квартиру архимандрита не такъ-то легко въ этомъ лабиринтѣ корридоровъ и лѣстницъ. Мы пробродили довольно долго по галлереямъ, любуясь темною зеленью деревъ, которыми засажены внутренніе дворики и наконецъ разыскали келью отца Антонина.

Я позвонилъ, дверь отворилась. Смуглый человѣчекъ ввелъ насъ въ обширную пріемную. Какъ оказалось впослѣдствіи, это былъ драгоманъ отца Антонина, неразлучный спутникъ его поѣздокъ и довѣренный исполнитель всѣхъ его порученій. Навстрѣчу намъ изъ глубины комнатъ показался невысокій старикъ въ темномъ подрясникѣ и синей скуфейкѣ. Онъ шелъ наклонившись, лѣвою рукой перебирая длинную сѣдую бороду, потупивъ глаза и какъ будто насъ не замѣчая. Мы отрекомендовались странниками далекой «Русской земли», и радушный хозяинъ проговорилъ своему драгоману:—хлопочи самоварчикъ!

Узнавъ о цѣли нашего пріѣзда въ Св. Землю, отецъ Антонинъ оживился, завязалась продолжительная бесѣда... Съ жаромъ молодости заговорили мы о священныхъ мѣстахъ Палестины. Старецъ слушалъ съ тихою улыбкой, и мнѣ показалось, что тѣнь грусти скользнула по строгимъ чертамъ его умнаго лица. Чѣмъ-то роднымъ и близкимъ повѣяло мнѣ вдругъ отъ этого смиреннаго инока, съ юныхъ лѣтъ посвятившаго себя скромному служенію и работѣ.

Архимандритъ показалъ намъ свой маленькій *музей*—любимое дѣтище, скрытое подъ семью замками. Долгіе годы раскопокъ въ различныхъ мѣстностяхъ Іудеи накопили богатый археологическій матеріалъ. Масса глиняныхъ кувшинчиковъ, свѣтильниковъ до-христіанской эпохи и позднѣйшихъ вѣковъ, богатыя коллекціи окаменѣлостей размѣщены на деревянныхъ полкахъ вдоль стѣнъ, а каменные гробики, плиты покрытыя надписями и рисунками сложены прямо на полу.

— Все это ждетъ еще разработки, говорилъ намъ архимандритъ,— многое и меня самого ставитъ втупикъ въ смыслѣ нахожденія этихъ вещей именно въ Палестинѣ.

Особенно богатый археологическій матеріалъ дали работы по сооруженію православныхъ русскихъ храмовъ на Элеонѣ. Музей не лишенъ и египетскихъ древностей: статуэтокъ божковъ, расписанныхъ кувшинчиковъ и т. п. Часа два провели мы въ музеѣ, съ наслажденіемъ слушая разсказы уважаемаго пастыря.

— Пойдемте,—проговорилъ вдругъ отецъ Антонинъ, вставая,—тамъ у меня есть уголокъ—къ Богу повыше, отъ людей подальше!

Онъ взялъ связку ключей и, надѣвъ ватный подрясникъ, приказалъ драгоману зажечь фонарь—и мы вышли.

Опять тотъ же лабиринтъ лѣстницъ спуталъ меня совершенно. Мы поднялись на площадку, пересѣкли другую, еще смѣрили съ десятокъ ступеней и вдругъ очутились на плоской каменной кровлѣ-террасѣ, обнесенной массивнымъ парапетомъ. Небольшая квадратная башенка, безъ оконъ, съ остроконечною крышей поднималась въ ея центрѣ, а сверху грандіознымъ куполомъ осѣнялъ насъ темный шатеръ неба, сверкая искрами первыхъ звѣздъ, едва проступающихъ въ густѣющей синевѣ.

Я оглянулся... Тамъ внизу, въ глубинѣ предо мною лежалъ Св. Городъ. Сквозь груды домовъ едва сквозили приподнятый зонтъ минарета, остроконечный шпиль башни Антонія, зубчатые фестоны крѣпостныхъ стѣнъ и бойницъ, темный куполъ Омаровой мечети. Темною массой глядѣлъ на насъ стихнувшій городъ съ каменистыхъ Іудейскихъ предгорій. Одинокія красноватыя точки огней трогали уже мѣстами сѣрые абрисы ближайшихъ зданій.

Я присѣлъ на каменную балюстраду. Отецъ Антонинъ отперъ тяжелую дверь башни обсерваторіи и, съ фонаремъ въ рукахъ, переступилъ черезъ порогъ этого укромнаго уголка, гдѣ давно ужъ—быть-можетъ годы, десятки лѣтъ, онъ трудился «вдали отъ міра—суеты»...

При яркомъ мерцаніи лампы проглянула озаренная желтоватымъ свѣтомъ скромная обстановка маститаго труженика. Низкій мягкій диванъ, табуретки, по стѣнамъ карты безпредѣльнаго небеснаго моря; инструменты для вычисленій, столъ заваленный книгами и наконецъ гигантскій телескопъ на колесахъ. Мы выкатили его дружными усиліями на площадку, подъ шатеръ звѣздной ночи—и стали молча слѣдить за работой архимандрита.

— Вотъ, посмотрите—Юпитеръ,—проговорилъ отецъ Антонинъ, приглашая насъ къ телескопу.

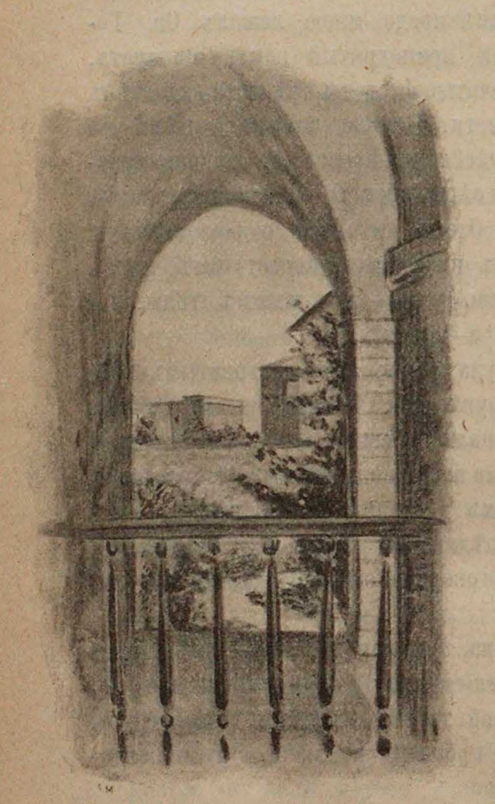
Мы увлеклись бесѣдой съ досточтимымъ архимандритомъ,—какъ вдругъ тихая, пѣвучая мелодія страннымъ сочетаніемъ звуковъ поразила мое ухо. Казалось она принеслась съ мягкою волной теплаго вѣтра и какъ струны Эоловой арфы прозвучала тихою пѣснью прощенія и любви. Звуки повторились, и я оглянулся невольно.

— А что, хорошо?—спросилъ отецъ Антонинъ,—вѣдь это музыка далекой Японіи.

Я понялъ въ чемъ дѣло: на каменномъ парапетѣ, подъ толстымъ желѣзнымъ стержнемъ, какъ это бываетъ въ католическихъ деревенскихъ костелахъ, висѣли съ десятокъ стеклянныхъ колоколовъ оригинальной формы, постепенно уменьшаясь въ размѣрѣ. Крошечные молоточки, подвязанные на тонкой бечевѣ, свободно спускались снизу и вся эта Эолова колокольня приподнятая на высоту, доступную малѣйшему колебанію воздуха, звучала гармоничнымъ аккордомъ, навѣвая тихія думы...

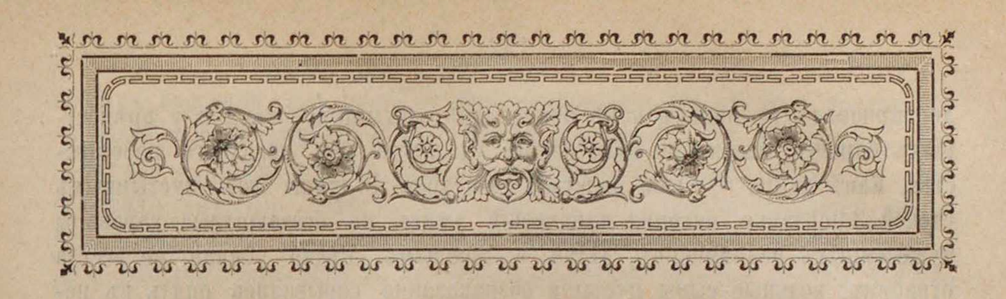
Поразительно величавая тишина охватывала въ это мгновеніе стихавшую землю. Съ далекихъ высотъ горы Элеонской природа слабымъ дуновеніемъ вѣтерка какъ-будто посылала прощальный привѣтъ отходившимъ ко сну людямъ. Внизу у ногъ мирно дремало предмѣстье; сѣрымъ пятномъ вспользали въ темнѣющей дали мутныя испаренія Мертваго моря. А здѣсь, на высотѣ, ненасытный умъ пигмея-человѣка пытался прорваться за таинственную земную грань—ближе къ великому храму вселенной.

Отецъ Антонинъ привычною рукой наводилъ телескопъ на мерцавшія звѣзды. Въ скуфейкѣ, съ падающими на спину старческими кудрями, сѣдой, съ оживленнымъ взоромъ, скромный труженикъ невольно напоминалъ мнѣ тотъ глубоко симпатичный образъ, которому великій Гёте посвятилъ лучшія страницы своего генія... Образъ неумирающій, вѣчно живой, неустанно съ любовію стремящійся въ тайники мірозданія, въ потѣ лица добывающій свой хлѣбъ въ грандіозной лабораторіи міра. Что ему шумъ суета земная, что для него эти жалкіе споры и ссоры людей изъ-за горсти праха въ эти минуты приближенія къ Божеству, къ познанію Его мощи и творческаго величія?...


Арка и парапетъ на русскихъ постройкахъ.

Внизу у ногъ лежалъ Святой Городъ—великій городъ, родникъ тысячи священныхъ воспоминаній. Безмолвная пустыня обнимала его отовсюду. Фіолетовыя тѣни окутывали его жалкія руины, но онъ вставалъ предо мною мощный и прекрасный въ красѣ лучшихъ дней, наканунѣ великой эры.

Въ глубокой небесной чашѣ ярко мерцала невѣдомая комета... А пытливый умъ человѣка пытался какъ и теперь разгадать ея таинственное появленіе...



Глава III.

У вратъ обители святой.

Царство гробницъ и развалинъ. Подземелье Гарама. „Царскія пещеры“, гротъ Іереміи. У потока Кедронскаго.—Памятники Іосафатовой долины. Силоамъ и его купели. Мавзолей дочери Фараона.—Историческія реликвіи и легенды Сіона.—Долина Гинномская и „Пѣснь Пѣсней“.

Раннимъ утромъ меня разбудилъ стукъ въ дверь моей комнаты, и пока я соображалъ кому могъ принадлежать такой неожиданный визитъ—дверь распахнулась и на порогѣ ея появился высокій мужчина лѣтъ сорока пяти, въ оригинальномъ костюмѣ. Коротенькая юбочка-фустанелла, ниспадавшая изъ-подъ широкаго малиноваго кушака, прикрытая коричневою курткой, съ разрѣзными рукавами, и крошечная валдайка на головѣ, вся унизанная золотыми блестками и позументомъ, придавали вошедшему типичный характеръ. Орлиный носъ, плутовато-умные глаза, сѣдые усы съ длинными концами, обличали въ немъ европейское происхожденіе, а цѣлый арсеналъ оружія, которымъ онъ былъ увѣшанъ съ головы до ногъ, указывалъ на его должность.

— Черногорецъ, кавасъ Марко! отрекомендовался онъ мнѣ, обнажая голову съ обильно напомаженными волосами.—Я съ русскихъ построекъ отъ Комитета.

Пока я одѣвался, словоохотливый Черногорецъ принялся излагать мнѣ причины своего ранняго визита.

Путешественнику на Востокѣ трудно и не всегда безопасно производить обзоръ мѣстныхъ достопримѣчательностей. Полудикая толпа, зараженная фанатизмомъ, сравнительно недавно пріучена смотрѣть на иностранца какъ на неизбѣжное зло, съ которымъ велитъ ей мириться фирманъ султана. Не такъ далеко еще то время, когда здѣсь въ Палестинѣ даже мѣстные жители христіане не смѣли позднѣе опредѣленнаго часа выходить за черту города. Лѣтъ двадцать тому назадъ бедуинскій наѣздникъ смѣ-

ло гарцовалъ на лихомъ конѣ предъ стрѣльчатыми воротами и у крѣпостныхъ башенъ, далеко не ради одного удальства или празднаго любопытства. Какъ вихрь пустыни налетали нежданно Бедуины изъ пустынныхъ степей Заiорданья, нагоняя паническiй ужасъ на беззащитные караваны чужеземныхъ паломниковъ, дѣтей и женщинъ. Рѣдко убивая, но всегда ограбивъ, вольные сыны пустыни безнаказанно скрывались опять въ недоступныя дебри Галаадскихъ ущелiй, порождая безплодную дипломатическую переписку. Само турецкое правительство ничего не могло съ ними сдѣлать. До сихъ поръ этотъ вопросъ остается открытымъ, выработавъ только сносный modus vivendi далеко не лестный для европейскаго влiянiя на Востокѣ. И теперь еще ворота Iерусалима запираются на ночь; то же самое дѣлается и на русскихъ постройкахъ.

Но не одинъ наѣздъ Бедуиновъ угрожаетъ туристу. Мусульманская толпа, вообще мало культурная, здѣсь, на далекихъ окраинахъ Турцiи, особенно дерзка и своевольна. По дорогѣ въ Хевронъ, къ дубу Мамврiйскому, группы мальчишекъ нерѣдко встрѣчаютъ градомъ камней любознательныхъ иностранцевъ, а болѣе отдаленныя поѣздки, какъ, напримѣръ, въ Iерихонъ или на Мертвое Море, требуютъ цѣлаго ряда предохранительныхъ мѣръ со стороны консула. Вооруженный съ головы до ногъ кавасъ —это неизмѣнный аттрибутъ восточныхъ экскурсiй, охранитель туриста, его драгоманъ и переводчикъ.

Нельзя не отмѣтить удивительнаго влiянiя его на населенiе. Своею величавою представительною наружностью (въ кавасы берутся бравые молодцы), богатствомъ костюма и обилiемъ оружiя они производятъ неотразимое обаянiе на падкую до зрѣлищъ толпу, моментально стихающую при ихъ приближенiи. Въ дни большихъ праздниковъ, на парадныхъ выходахъ, церемонiяхъ и т. п., вездѣ гдѣ только есть скопленiе народа, вы уже слышите металлическiй стукъ его булавы, звонко ударяющей о мостовыя плиты. Онъ идетъ впереди патрiарха, консула, члена миссiи, важнаго сановника Турцiи, впереди мужчинъ и женщинъ во всеоружiи своей силы и красоты, властно очищая предъ ними дорогу. Онъ сидитъ на козлахъ фаэтона и какъ «billet de recommandation» является въ домъ, чтобы предувѣдомить о визитѣ своего господина, того или другого сановника. Спутникъ дамскихъ визитовъ, онъ же исполняетъ и всѣ ихъ порученiя. Даже двери храма открыты ему и онъ входитъ въ нихъ не снимая оружiя. Словомъ, кавасъ на Востокѣ—это человѣкъ, которому хорошо живется, но безъ котораго живется плохо.

Черногорецъ Марко произвелъ на меня самое прiятное впечатлѣнiе. Соплеменникъ и другъ Россiи, онъ былъ любезно предоставленъ въ наше распоряженiе Комитетомъ. Не безъ гордости указывая на грудь, увѣ-

шанную орденами, онъ просилъ меня довѣриться его вкусу и познаніямъ по части выбора лошадей и организаціи предстоявшихъ экскурсій... Узнавъ, что съ нами поѣдутъ дамы, Марко какъ-то особенно оживился. Онъ объявилъ мнѣ, что осмотръ ближайшихъ достопримѣчательностей можно будетъ совершать на осликахъ, а для поѣздокъ на Іорданъ, Мертвое Море и Виѳлеемъ онъ заранѣе приготовитъ лошадей, которыя будутъ намъ по вкусу *). Заглянувъ въ мой дорожный дневникъ, Марко вѣжливо намекнулъ на свои обширныя познанія въ палестинской археологіи. Мы условились въ тотъ же день приступить къ осмотру, какъ только стихнетъ жара, и бравый кавасъ откланялся мнѣ, объявивъ, что пойдетъ готовить все необходимое.

Въ четвертомъ часу дня наше маленькое общество, состоявшее изъ двухъ дамъ, коллеги археолога и молодого врача, давно живущаго въ Палестинѣ, было въ полномъ сборѣ. Дамы въ дорожныхъ амазонкахъ, докторъ въ чечунчевой парѣ и желтой панамской шляпѣ, съ палкой въ рукахъ, съ которою онъ никакъ не хотѣлъ разстаться, нетерпѣливо ждали каваса у воротъ нашего дома. Мой спутникъ въ далекомъ пути, съ мужествомъ достойнымъ лучшаго примѣненія, натягивалъ большіе охотничьи сапоги, ссохшіеся отъ жары, не желая дѣлать уступокъ русской привычкѣ предъ туземными обычаями. Съ биноклемъ и фотографическимъ аппаратомъ черезъ плечо, въ англійской каскѣ на головѣ, съ развѣвающеюся бѣлою вуалью, неутомимый археологъ просто изнывалъ отъ нетерпѣнія.

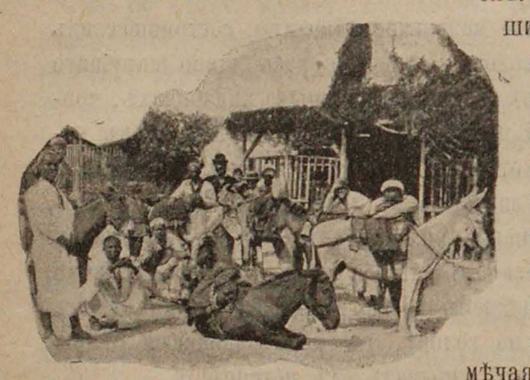
Солнце еще палило немилосердно. Вдоль желтой каймы оградъ, обступившихъ длинную улицу, ложилась коричневою полосой густая окраска тѣни. Въ голубой, ярко освѣщенной выси неба золотистыми клубами носилась пыль, безжалостно опадая густымъ налетомъ на каменныя террасы, чахлую зелень полуспаленныхъ кустарниковъ, на платье и лица пѣшеходовъ, на утрамбованную какъ асфальтъ примитивную мостовую. Мы чувствовали томительную истому: хотѣлось укрыться отъ знойныхъ лучей, прилечь въ прохладѣ, сдаваясь на приступы лѣни.

Наконецъ-то вдали послышался звонъ бубенчиковъ и черезъ минуту къ нашимъ воротамъ подскакалъ Марко верхомъ на прекрасномъ конѣ и звякая оружіемъ спрыгнулъ на землю; почти вслѣдъ за нимъ появилась

*) Впослѣдствіи я дѣйствительно убѣдился какъ трудно достать хорошихъ лошадей въ Палестинѣ. Незначительный процентъ путешествующихъ на далекія разстоянія почти не развилъ здѣсь этого промысла: экипажи и лошади очень плохи. Толпа же паломниковъ, рѣдко посѣщая Самарію и Галилею, обходитъ обыкновенно святыни Іудеи пѣшкомъ.

группа сѣрыхъ осликовъ, которыхъ гналъ юноша-Арабъ, безцеремонно подгоняя ихъ палкой. Бравый кавасъ подвелъ дамамъ осѣдланныхъ животныхъ, видимо щеголяя пестрымъ убранствомъ широкихъ какъ кресло сѣделъ, уздечекъ и чепрака, красиво изукрашенныхъ цвѣтными лоскуточками. Мѣдные бубенцы, нанизанные на яркій ошейникъ, охватывали тонкую шею животныхъ, уморительно помахивавшихъ куцыми хвостиками. Марко, какъ ловкій берейторъ, придержалъ стремя и, усадивъ представительницъ прекраснаго пола,—самодовольно скомандовалъ намъ садиться. Пока мы размѣщались, онъ перекинулъ черезъ сѣдло *саквы*, забралъ бутылки съ водой и виномъ, и разбранивъ молодого погонщика Араба Константина, тронулся въ путь во главѣ авангарда.

При этомъ юноша-Арабъ невольно поразилъ меня своимъ добродушіемъ. Постоянный спутникъ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ экскурсій, Константинъ выказывалъ такой индифферентизмъ ко всему окружающему, начиная отъ древностей, кончая лучами солнца, что я незамѣтно заинтересовался этимъ палестинскимъ стоикомъ. Казалось, что онъ былъ весь сосредоточенъ на своихъ осликахъ, жилъ ими, наблюдалъ ихъ, прикрикивалъ, какъ будто не замѣчая возсѣдавшихъ на нихъ путешественниковъ.



Іерусалимскіе извощики.

Мы выѣхали шумною группой, пропуская впередъ дамъ; погонщикъ Константинъ замыкалъ шествіе. Лѣтняя жара даетъ себя знать, палитъ плечи и спину, покрываетъ потомъ животныхъ. Молодцоватый Черногорецъ одинъ сохраняетъ величавый видъ, покровительственно поглядывая съ высоты своего сѣдла на нашу кавалькаду. Неутомимый Константинъ, все время прищелкивавшій языкомъ, заскакиваетъ то справа, то слѣва на своемъ лошакѣ, показывая хлыстъ нашимъ животнымъ. При одномъ появленіи его длинной фигуры, закутанной въ бѣлый балахонъ, изъ-подъ котораго болтаются босыя ноги, наши ослики дѣлаютъ судорожный скачекъ впередъ, начиная дробить мелкою рысью. Мы сворачиваемъ съ Яффской дороги, и, выѣхавъ изъ предмѣстья на каменистый пустырь, беремъ направленіе къ сѣверо-востоку.

Весь этотъ край Іерусалима—сплошныя груды камней, разбросанныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ. Разобраться въ нихъ, прослѣдить наполовину распавшіяся руины, нѣтъ никакой возможности. Съ перваго взгляда золотистая даль, упирающаяся въ крутые гребни Гигона, какъ будто слегка оттѣнена серебристою зеленью оливъ, столпившихся надъ обширными развалинами древняго Іерусалима. Но это только первое впечатлѣніе Тщедушныя кроны маслинъ едва пріодѣли сѣрые холмистые скаты; но этотъ слабый проблескъ жизни не смогъ побороть подавляющаго колорита смерти и разрушенія. Вся сѣверная площадь окрестностей Іерусалима, примыкающихъ къ городской стѣнѣ, близь *воротъ Дамаска и Иродовыхъ*—покрыта массой полуразрушенныхъ пещеръ древнѣйшаго происхожденія. Однотонность ихъ внѣшняго характера, сходство внутренней обстановки и смутно выясненное прошлое дѣлаютъ ихъ мало интересными для описаній.

Однако нельзя не упомянуть о двухъ-трехъ подземельяхъ загадочнаго происхожденія и легендарной таинственности.

Мы вступаемъ въ царство гробницъ, безконечныхъ руинъ и могильныхъ склеповъ, изъ которыхъ однѣ такъ предательски малы, что нужно большое вниманіе, чтобы не свалиться въ нихъ и не сломать себѣ ногъ, а другія—грандіозныя цистерны-каменоломни, вѣками снабжавшія строительнымъ матеріаломъ древнѣйшій Іерусалимъ еще во времена Іосифа Флавія. Тамъ, гдѣ порвалась зубчатая грань крѣпостной стѣны, пропуская массивныя бойницы, почти на обрывистомъ скатѣ глубокаго рва, по которому сползли въ хаотическомъ безпорядкѣ источенные вѣками камни, кавасъ Марко ловко осадилъ своего скакуна и, спрыгнувъ на землю, пригласилъ насъ слѣдовать его примѣру. Грандіозныя плиты, плотно сдвинутыя, какъ будто слитыя, составляютъ здѣсь базисъ городской стѣны, на которомъ она, какъ хилый побѣгъ, поднялась на пятисаженную высоту отъ мощныхъ твердынь древняго фундамента временъ крестоносцевъ.

Мы спустились на дно неширокаго рва у подножья известковой скалы и очутились предъ темнымъ отверстіемъ, впадиной уходившимъ подъ землю. Трудно передать настроеніе, охватывающее васъ подъ сводами этихъ циклопическихъ пещеръ-подземелій, врѣзавшихся далеко въ глубь подъ базальтовыми пластами каменныхъ массъ *Везеѳы*. Какъ будто сказочный исполинъ могучимъ ударомъ десницы прошибъ эту брешь въ плотныхъ вѣковыхъ глыбахъ... Мы вступили со свѣчами въ рукахъ въ глубь таинственнаго подземелья и, вдругъ... влажный сплошной полумракъ охватилъ насъ отовсюду. Холодною, пронизывающею сыростью дохнула на насъ эта пасть развершейся земли, фантастическимъ лабиринтомъ ушедшая въ ширь далеко неизвѣданную изысканіями ученыхъ. Еще тамъ, по-

зади, слабымъ пятномъ догорали знойные дневные лучи, какъ будто боряcь съ темнотой. Осторожно ступая ногами по скользкому увлажненному полу, мы спускались одинъ за другимъ въ царство тѣней, въ безмолвное царство смерти; гулко звучали наши шаги подъ сводами невидимыхъ арокъ.

Я вспомнилъ грандіозную картину Дантовской фантазіи, воплощенную мощнымъ перомъ иллюстратора-художника. Казалось, я уже слышалъ за собой голосъ, читавшій безжалостную надпись на вратахъ Плутонова царства: «оставь надежду навсегда». Сбивчивыми извилистыми зигзагами двигались красноватыя точки нашихъ огней въ темныхъ подземельяхъ Іерусалима. Казалось, вотъ-вотъ, вспыхнувъ въ послѣдній разъ, погаснетъ вдругъ этотъ свѣточъ-путеводитель, и мы останемся погребенными здѣсь на вѣки.

Наконецъ Марко остановился.

Озаренные трепетнымъ пламенемъ свѣчей, проглянули изъ мрака сталактитовые своды каменныхъ массъ, нависшихъ надъ нашею головой. Блестящія холодныя капли просачивались съ бѣлыхъ известковыхъ наслоеній, гулко падая на шероховатый полъ, тамъ и сямъ отсвѣчивавшій лужами.

— Вы стойте, а я пойду впередъ, проговорилъ кавасъ, и вотъ красноватый язычокъ пламени, отбросивъ гигантскую тѣнь, медленно неслышно поплылъ въ этомъ морѣ тьмы, мигая огненною точкой.

Оставшись безъ проводника, мы инстинктивно прижались другъ къ другу и долго молча слѣдили за отдаленнымъ огонькомъ, не рѣшаясь какъ будто повѣрять вслухъ мрачныхъ впечатлѣній. Описавъ гигантскій кругъ, Марко подошелъ къ намъ съ противоположной стороны, весь забрызганный грязью и замѣтно усталый.

— Ему и конца нѣтъ—этому подземелью, ворчалъ онъ, оправляя огарокъ;—еще царь Соломонъ, говорятъ, бралъ отсюда камень, а позднѣе Солейманъ изъ него же выстроилъ теперешнія стѣны.

— А какъ далеко въ глубину тянутся коридоры? полюбопытствовалъ нашъ археологъ.

— Да почти до самыхъ подземелій Гарама; они съ той стороны, подъ дворомъ мечети Омара.

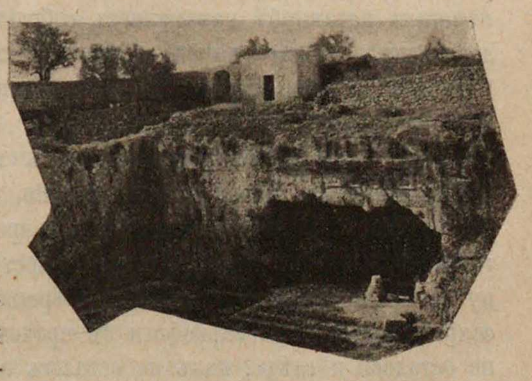
Мы направились обратно къ едва замѣтной точкѣ дневного свѣта, слабо озарявшаго устье этого таинственнаго царства гномовъ.

Кто создалъ эти подземные чертоги? Циклопическая ли сила раздвинула ихъ каменныя громады, сплотивъ надъ головой подножья библейскаго города; неустанный ли трудъ человѣка десятками, сотнями поколѣній источилъ природную толщу камней въ лабиринтъ пещеръ и корридоровъ—остается до нынѣ загадкой. Никто изъ насъ не пытался разрѣшить ея

тайны. Я чувствовалъ только, что меня тянуло неустанно вонъ изъ этой преисподней навстрѣчу къ яркимъ лучамъ жизнерадостнаго солнца, хотѣлось тепла и свѣта... И отъ мрачныхъ картинъ, отъ томящей тишины «земная жизнь къ себѣ насъ вновь звала», говоря словами Алигіери *).

Мы пересѣкли дорогу и, свернувъ въ сторону отъ Иродовыхъ Воротъ по голому сжатому полю, добрались до обнесеннаго каменнымъ заборомъ двора, гдѣ Марко тотчасъ же постучался въ калитку. Узкая деревянная дверь распахнулась и мы вступили на широкій дворъ, оставивъ осликовъ Константину. Группа арабскихъ дѣтишекъ встрѣтила насъ радостнымъ крикомъ и, какъ шумная стая пернатыхъ, зачирикала на своемъ звучномъ жаргонѣ. Марко сурово пригрозилъ имъ пальцемъ, и дѣтишки, отступивъ на минуту, составили живописный аріергардъ, по пятамъ шедшій за нами.

«*Гробницы царей Іудейскихъ*!» важно объявилъ намъ кавасъ, сердито косясь на мальчугановъ.



Гробницы царей Іудейскихъ.

По пологому скату двора мы подходимъ къ мраморной лѣстницѣ, широкими ступенями сводящей подъ навѣсъ обширной пещеры-цистерны. Прозрачною хрустальною пеленой, дробясь и сверкая, льется вода въ ея темную нишу, бѣжитъ по ступенямъ, просачивается каплями, стекаетъ по каменнымъ желобамъ, искусно высѣченнымъ въ стѣнахъ, подъ навѣсъ скалы густо зарисованной коричневатыми тѣнями. Тихимъ таинственнымъ плескомъ журчитъ она какъ бы сагу давно минувшихъ дней, будитъ картины исчезнувшей жизни. Кто собралъ и провелъ въ этотъ тысячелѣтній бассейнъ кристальныя струи драгоцѣнной влаги, рѣдкой именно въ тѣ времена года, когда вся природа вокругъ изнываетъ отъ палящихъ лучей, а раскаленная земля трескается, раздается отъ жара?

Неустрашимый археологъ въ своихъ «непромокаемыхъ» сапогахъ торжественно сходитъ по лѣстницѣ, разбрасывая подошвами серебристые брызги. Онъ пробуетъ камни, илъ и воду, молча качаетъ головой и, промочивъ ноги, сконфуженно возвращается къ дамамъ.

Мы переходимъ на сосѣдній дворъ, отдѣленный узкимъ проходомъ, и

*) *Божественная комедія* Данта. Адъ, пѣснь XXXIV, переводъ Д. Минаева.

останавливаемся изумленные предъ колоссальною пещерой, правильно высѣченною въ природной скалѣ футовъ на двадцать ниже уровня теперешней почвы. Бурозеленый мохъ сползъ, повисъ, картинно задрапировалъ поры бѣлаго известковаго камня, какъ будто пытаясь прикрыть жалкое рубище царственныхъ усыпальницъ. Подъ отбитымъ карнизомъ сохранился еще роскошный фризъ, безжалостно изуродованный людьми и временемъ. Виноградная кисть, символъ Земли Обѣтованной, окружена пальмовымъ вѣнкомъ, окаймленнымъ барельефною гирляндой. Мы вступаемъ подъ сѣнь полутемной каменной ниши, и здѣсь влѣво, предъ нами открывается узкая щель.

По каменнымъ ступенямъ, вслѣдъ за кавасомъ, немилосердно дымившимъ слипнувшимися отъ жары свѣчами, почти ползкомъ добрались мы до небольшой комнаты, правильно высѣченной въ скалѣ, нѣкогда замаскированной камнемъ-плитой, двигавшейся на стержнѣ. Устройство этихъ древнѣйшихъ катакомбъ напоминаетъ собою во многомъ погребальныя комнаты давно исчезнувшаго народа. Сокрытыя подъ налетомъ золотыхъ песковъ Нильской долины, египетскія усыпальницы видимо послужили образцомъ ихъ библейскому собрату.

Узкій корридоръ вводитъ васъ въ главную комнату; рядомъ съ ней расположены съ запада и юга меньшія, боковыя. Вы съ трудомъ проникаете теперь въ затхлыя подземелья чрезъ каменное окно, нѣкогда тщательно скрытое въ массивѣ стѣнъ и доступное только тому, кто зналъ тайну запиравшаго окно механизма. Вѣроятно въ этихъ ящикахъ-могилахъ сохранились прежде саркофаги съ прахомъ усопшихъ. Но теперь отъ нихъ не осталось и слѣда, какъ не осталось и намека отъ именъ не дошедшихъ до насъ изъ глубины вѣковъ сѣдой древности. Марко, однако, подробно пустился излагать происхожденіе этихъ древнихъ усыпальницъ. Мы осмотрѣли рядъ продолговатыхъ нишъ, примыкающихъ къ этой комнатѣ справа и слѣва. Сохранившіеся вдоль стѣнъ плоскіе выступы, въ родѣ нашихъ лежанокъ, указываютъ на то, что именно здѣсь полагались тѣла умершихъ.

По каменнымъ полуистертымъ ступенямъ, съ трудомъ нащупывая въ полутьмѣ дорогу, Марко свелъ насъ въ нижній ярусъ пещеры. Такія же ложа таинственно проглянули изъ темной глубины, озаренной трепетнымъ пламенемъ. Огромная тѣнь поднялась вдругъ отъ моихъ ногъ, встала и перегнулась по низкому своду, какъ будто пытаясь схватить насъ въ объятія. Я вздрогнулъ невольно; мнѣ припомнилась та поэтическая легенда, что́ сжилась съ вѣковыми руинами «Царскихъ гробницъ», вопреки строгимъ даннымъ науки *). Мнѣ почудилось вдругъ, что изъ темныхъ гроб-

*) Іудейскіе цари, какъ извѣстно, погребались на Сіонѣ, но Шатобріанъ допускаетъ, что здѣсь могли лежать позднѣйшіе правители Іудеи со времени Ирода. Во-

ницъ поднялись потревоженныя тѣни царя далекой Адіаведы, юнаго Изата и матери его Елены.

Смѣлый юноша сынъ Монобаза, посланный ко двору союзнаго царя, язычникъ Изатъ съ дѣтскихъ лѣтъ ревнуетъ о Богѣ и становится Іудеемъ. Въ долгой борьбѣ, среди гоненій и казней, поклонникъ Единаго Бога пробиваетъ свой путь къ отцовскому престолу. Восторженно встрѣчаетъ онъ мать-царицу и та, потрясенная смѣлою проповѣдью сына, обращается къ Іеговѣ. Оба они, покинувъ родину, бредутъ въ Іерусалимъ, чтобы тамъ посвятить жизнь свою дѣламъ милосердія, заботамъ о страждущихъ и угнетенныхъ. Въ дни правленія Александра Тиверія, среди ужасовъ голода, они раздаютъ народу закупленный въ Египтѣ хлѣбъ, и народная память долго хранитъ ихъ имена, передаваемыя устами многихъ поколѣній.

Въ концѣ I вѣка, любимая усыпальница «милосердной Елены» и ея сына точно обозначалась на С/В. сторонѣ Іерусалима. Роскошные саркофаги были прикрыты когда-то тремя колоссальными пирамидами, составлявшими чудо искусства. Но промчались вѣка, и несокрушимый мавзолей, свидѣтель былого величія и славы, исчезъ, почти сравнялся съ землей, сокрытъ подъ пластами позднѣйшихъ наслоеній. Неутомимый любитель старины тщетно ищетъ на полуистертыхъ камняхъ забытыя имена великихъ правителей народа... Время развѣяло царственный прахъ, источило барельефъ погребальной эпитафіи, и потомки не знаютъ, кто нашелъ послѣдній пріютъ въ этихъ безмолвныхъ каменныхъ руинахъ.

Жизнь не хочетъ знать лѣтописей смерти... Съ карниза пещеры царей Іудейскихъ, среди груды стараго щебня и мусора, она весело глядитъ на насъ теперь любопытными глазенками полунагихъ арабскихъ дѣтишекъ, упорно ожидающихъ своего «бакшиша» отъ любознательнаго туриста.

Мы подходимъ къ невысокой сторожкѣ, грубо сложенной изъ камней, отнятыхъ тою же жизнью у царства смерти. На порогѣ у единственной двери ея, на каменныхъ ступеняхъ смуглая мать-Арабка кормитъ грудью ребенка. Быстроглазый мальчуганъ, въ башлыкѣ съ отцовскаго плеча, взгромоздился на каменный уступъ и слѣдитъ за нами, подперевъ ручонками головку. Рослая смуглая дѣвушка, съ кувшиномъ у ногъ, съ любопытствомъ оглядываетъ нашихъ заморскихъ дамъ, пытающихся укрыться подъ бѣлыми зонтиками отъ палящихъ лучей палестинскаго солнца. Сѣ-

---

обще говоря, достовѣрность тѣхъ или иныхъ палестинскихъ памятниковъ, даже при документальной провѣркѣ источниковъ, часто вызываетъ недоумѣніе у позднѣйшихъ изслѣдователей. Веніаминъ Тудельскій, Сольси, Шатобріанъ, Робинзонъ, Георгъ Эберсъ, Бонаръ и Сентинъ, не говоря уже о второстепенныхъ изслѣдователяхъ, нерѣдко расходятся между собою во взглядахъ на извѣстный памятникъ старины, смутно опредѣленный еще изысканіями.

рая коза мирно пасется на скудномъ полувыжженномъ пастбищѣ дворика; въ сухомъ верескѣ звонко трещатъ стрекозы. Пестрыя ящерицы, едва слышно скользя по камнямъ, однѣ оживляютъ монотонную обстановку картины. Я попробовалъ навести фотографическій аппаратъ на группу дѣтишекъ, полную жизни и движенья, но она тотчасъ же заволновалась и даже окрикъ браваго Марко не подѣйствовалъ на нее успокоительно. Только удвоивъ размѣръ бакшиша, мнѣ удалось снять маленькихъ буяновъ съ зарумянившеюся красавицей.

Пока мы осматривали *царскія пещеры*, погонщикъ Константинъ безмятежно спалъ, укрывшись отъ жары подъ оригинальнымъ навѣсомъ плотно сдвинутыхъ другъ къ другу осликовъ. Босымъ пяткамъ его, торчавшимъ наружу изъ-подъ брюха животныхъ, пришлось получить неожиданный пинокъ Маркова сапога, быстро выведшаго его изъ пріятной дремоты. Мы усѣлись верхомъ и двинулись опять въ дорогу, чтобъ осмотрѣть такъ называемый *гротъ Іереміи*.

Оставивъ далеко влѣво историческій *Скопусъ*, на которомъ великій Македонскій герой остановился пораженный торжественною процессіей Евреевъ *), мы направились по песчанымъ буграмъ къ замуравленнымъ *воротамъ Ирода*. Суровая аскетическая пустыня какъ-то особенно гармонируетъ съ дикимъ холмомъ библейскаго пророка, ископавшаго въ немъ свою одинокую пещеру. Подъ навѣсомъ природной скалы, въ узкой впадинѣ ея стѣнъ, царитъ томительная тишина, навѣвающая невеселыя думы. Изъ дали вѣковъ этотъ каменный гротъ вѣетъ на васъ легендарными библейскими сказаніями, напоминаетъ поэтическій плачъ вдохновеннаго пророка, горько скорбѣвшаго о гибельныхъ дняхъ Іерусалима... Израиль донынѣ съ любовью хранитъ преданія отцовъ о томъ, что пѣвецъ его скорби сокрылъ въ этей юдоли плача его драгоцѣннѣйшія святыни. Настанетъ день, когда вновь Іегова обратитъ лицо свое къ любимому, но отверженному народу, и изъ темныхъ нѣдръ таинственной скалы-пещеры Іереміи потомки достанутъ священный ковчегъ завѣта, небесную манну, скрижали Моисеевы и жезлъ Аарона... Но пока надъ темницей вдохновеннаго пѣвца повсюду только печать запустѣнія, безмолвія и смерти. Старикъ турокъ, оберегающій гротъ Іереміи, потребовалъ съ насъ за осмотръ 2 піастра и получивъ вдвое все таки выклянчилъ «бакшишъ» въ придачу.

---

*) Преданіе говоритъ, что, взявъ Тиръ, Александръ Великій потребовалъ дани отъ Іерусалимскихъ жителей, но первосвященникъ Іодай отвергъ требованіе грознаго завоевателя. Войска подошли уже къ Іерусалиму, когда навстрѣчу имъ показался первосвященникъ въ сопровожденіи толпы левитовъ. Зрѣлище это такъ умилило Александра, что онъ принесъ жертву Іеговѣ и даровалъ городу многія льготы.

Осмотрѣвъ Сѣверо-Восточный край Іерусалима, мы двинулись вокругъ стѣнъ, чтобы посѣтить древніе памятники, пріютившіеся у «Семи Вратъ» великаго города. Восточный фасадъ крѣпостной стѣны занятъ двумя воротами, изъ которыхъ однѣ *Золотыя*, ближайшія къ храму Соломонову (нынѣ мечети Омара), заложены мусульманами, а другія ворота *Св. Стефана* (или Бабъ-Сити-Маріамъ) ведутъ къ гробницѣ Богоматери. Почти отъ самой угловой башни начинается узкая ложбина Іосафатовой долины. Обступившіе ее пологіе скаты горы Масличной тамъ и сямъ покрыты мелкорослою растительностью. Вдоль холмистыхъ предгорій тянутся воздѣланныя поля, зеленѣютъ кипарисы, темнымъ квадратомъ сквозитъ виноградникъ. Камни и зелень—зелень и камни, какъ двѣ эмблемы жизни и смерти, въ вѣчной борьбѣ... Сухое каменистое ложе изсякшаго потока Кедронскаго вьется у нашихъ ногъ. Бѣлыя ленты дорогъ разбѣжались, сплелись, часть къ вершинамъ Масличной горы, часть вдоль стѣнъ Іерусалимскихъ.

Надъ каменнымъ обрывомъ перекинулся мостъ безъ перилъ, безъ парапета и перебѣжавшая по немъ бѣлая известковая полоса легла въ раму каменныхъ сѣрыхъ оградъ, размежевавшихъ оригинальными квадратами священную землю Елеона. Католики и греки, русскіе, мусульмане, евреи, каждый ревниво бережетъ свой клочекъ, обводя всякую пядь земли каменнымъ парапетомъ. Любимый уголокъ Христа Елеонъ сталъ вѣчнымъ «полемъ брани» для всѣхъ національностей и всѣхъ вѣроисповѣданій. Какъ-то странно видѣть здѣсь неожиданную смѣсь владѣній, въ которыхъ каждый хозяинъ держится своего обычая, проводитъ свои порядки...

А кругомъ въ этой борьбѣ живыхъ между собою примѣшивается отовсюду все возрастающая борьба... мертвыхъ. Трудно повѣрить что мертвецы могутъ бороться съ живыми; но здѣсь въ долинѣ Іакова и Іосафата они ведутъ между собою вѣчный споръ за перевѣсъ и преобладаніе, съ каждымъ годомъ захватывая все болѣе и болѣе пространства подъ грандіозныя кладбища. Десятками, сотнями тысячъ поднялись, какъ будто привстали, могильныя плиты и идутъ бѣлою ратью отъ изсохшаго русла Кедрона по скатамъ горы на обрывъ подъ стѣнами. Въ нихъ тонутъ и тѣ три историческіе монумента, къ которымъ ведетъ насъ теперь кавасъ Марко, то спускаясь въ ложбину, то взбираясь по кручѣ.

— *Гробница Авессалома,* сына Давидова, говоритъ онъ, указывая рукой на оригинальный памятникъ библейскаго зодчества.

Изъ каменистаго кряжа, испещреннаго впадинами и буграми, какъ гигантскими наростами, стройно поднимается каменный куполъ оригинальной формы. Вогнутая розетка его покоится на кругломъ, сѣроватомъ базисѣ, что легко оперся на четырехгранный постаментъ, рельефно выступившій изъ сѣдыхъ растрескавшихся глыбъ базальта. Чей прахъ осѣнилъ онъ

погребальнымъ шатромъ—неизвѣстно. Источники приводятъ имена Іезекіи, Іосафата, относя его постройку то къ царствованію Ирода, то къ эпохѣ Адріана.

Мы спѣшились; неутомимый археологъ тотчасъ полѣзъ по уклону горы отыскивать входъ, и хотя мавзолей Авессалома имѣетъ нѣсколько отверстій, но проникнуть въ него не такъ-то легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Тупая людская ненависть, заклеймивъ проклятіемъ несчастнаго царскаго сына, забросала камнями тысячелѣтнюю гробницу. До сихъ поръ евреи и арабы, проходя мимо, считаютъ своимъ долгомъ швырнуть хотя какимъ-нибудь осколкомъ въ этотъ печальный мавзолей, сильно изуродованный отъ такой бомбардировки.

Мы прошли пѣшкомъ по дорогѣ, ведя осликовъ въ поводу, ко второму памятнику Іосафатовой долины. Въ томъ же каменномъ, плоско срѣзанномъ ломтѣ чернаго кряжа, пробуравленномъ темными впадинами, выступаетъ ярко озаренная лучами солнца странная гробница. Высоко поднятый пилонъ ея поддерживаютъ четыре стройныя дорическія колонны, а массивный базисъ, на который онѣ оперлись, такъ высокъ, что до него невозможно добраться. Сѣрая известковая толща отроговъ Горы Соблазна сползла на ея правильный архитравъ, сдавила массивомъ скалы боковыя стѣны. Памятникъ уцѣлѣвшимъ фронтономъ глядитъ въ долину, на городъ и опоясывающія его стѣны. Нашъ ученый черногорецъ торжественно повѣствуетъ новую легенду.

— *Это гробница Захаріи,* говоритъ онъ,—а царь Іосафатъ погребенъ съ предками на Сіонѣ. Евреи очень чтутъ эту могелу и нарочно завалили въ нее входъ, чтобы христіане не нашли сокрытыхъ въ ней драгоцѣнностей *)

Почти рядомъ съ упомянутымъ памятникомъ, высокій горный уступъ какъ будто вырѣзанъ въ квадратную выемку; такъ правильно отшлифованы его отвѣсные бока. Огромный четырехгранный монолитъ прикрытъ пирамидальною вершиной; стройныя колонны, высѣченныя въ цѣльномъ сплошномъ камнѣ, украшаютъ глухія стѣны. Выпуклый карнизъ обводитъ его массивною каймой, а базисъ гробницы тонетъ въ могильныхъ камняхъ, налегшихъ тысячами одинъ надъ другимъ вокругъ этого *саркофага Іакова.*

Мы обошли его со всѣхъ сторонъ, спустились внутрь по каменнымъ ступенямъ въ глубокую впадину подъ скалой. Въ узкую щель, надъ дверью яркимъ снопомъ врываются золотистые лучи солнца. Они пятнами ложатся

---

*) Въ сороковыхъ годахъ католики разыскали въ этой усыпальницѣ, приписываемой то Іосифу, то пророку Исаіи, драгоцѣнный списокъ Пятикнижія, не имѣющаго себѣ равнаго по древности.

на каменный полъ, прихотливымъ узоромъ пестрятъ отсырѣвшія стѣны, внося жизнерадостную струю въ эту безмолвную библейскую капеллу. Въ боковыхъ нишахъ сгустился полумракъ; подъ каменнымъ потолкомъ вѣетъ прохладой...

Та же сбивчивость данныхъ, такія же догадки и предположенія окружили эту усыпальницу легендарною таинственностью. Говорятъ, что здѣсь въ дни казни Спасителя укрывался Іаковъ, братъ Господень, и что здѣсь явился ему Христосъ по своемъ Воскресеніи. Турки называютъ этотъ оригинальный мавзолей Іосафатовой долины *диваномъ Фараона.* Путешественники же древности приписываютъ его то Исаіи, то Осіи *); трудно рѣшить на чьей сторонѣ правда.

Іоасафатова долина.—Памятники Авессалома, Іакова и Захаріи.

Жарко и душно... Въ безконечной выси голубого неба ни облачка, ни тучки... Раскаленнымъ огненнымъ дискомъ клонится солнце къ каменистымъ гребнямъ Іудейскихъ предгорій. Подъ тонкими стволами одинокихъ деревьевъ незначительныя пятна тѣней, не дающихъ прохлады. Каменистые склоны горъ, могильныя плиты, бѣлыя стѣны стариннаго акведука, сѣрый массивъ балюстрадъ, все отражаетъ и блескъ и тепло огнистаго свѣтила.

По уступамъ дороги вяло бредутъ, закутавшись въ башлыки, вѣчные скитальцы арабы. Въ постоянномъ движиніи, то верхомъ на конѣ, то съ вереницей осликовъ, неутомимыя дѣти пустыни какъ будто вѣчно куда-то спѣшатъ, шумно перекликаясь другъ съ другомъ.

Вотъ намъ навстрѣчу спускается караванъ усталыхъ верблюдовъ, отрывисто звякая мѣдными бубенцами. Передовой вожакъ уже чуетъ близкую воду, ускоряя размашистый шагъ.

Турчанки въ бѣлыхъ чадрахъ, съ ногъ до головы закутанныя въ покрывала, молчаливыми группами бредутъ на кладбище вдоль стѣнъ къ

*) По мнѣнію Веніамина Тудельскаго, посѣтившаго Палестину въ 1160 г.

«Золотымъ Воротамъ». Съ розетки далекаго минарета слабо доносится тонкій фальцетъ муэдзина; но онъ тотчасъ же замираетъ, едва долетитъ до могильныхъ камней библейской «Долины Смерти».

Давно миновало то время, когда гулкое эхо лѣсовъ вторило здѣсь голосу человѣка. Столѣтнія рощи величавыхъ кедровъ скрывали когда-то обильный источникъ влаги и плодородія. Мудрый правитель Іудеи, царь Соломонъ, засадилъ строевымъ лѣсомъ пустынныя окрестныя долины. Во дни Спасителя еще струилъ свои воды потокъ, но теперь каменистое ложе наполняется влагой только въ періодъ дождей, быстро снося мутныя воды въ Терапеонское ущелье. Мы въѣзжаемъ въ деревушку *Кефръ-Силуамъ,* разсыпавшуюся своими оригинальными бѣлыми домиками по крутымъ обрывистымъ скатамъ «горы Соблазна». Одинъ надъ другимъ каменными квадратами взгромоздились многочисленныя башенки, съ крохотною щелью вмѣсто оконъ подъ плоско-срѣзанною кровлей. Извиваясь по кручамъ, какъ будто съ трудомъ всползли къ ихъ подножью тропинки. Бокъ-о-бокъ съ живыми,—древнѣйшія пещеры умершихъ. Онѣ такъ пересыпаны здѣсь съ жильемъ, что трудно даже вообразить себѣ роскошныя картины былой красоты, жизни и оживленія страницъ *Пѣсни Пѣсней...*

Жалкіе огороды, испещренные канавками, заполняютъ *долину Гиннома,* но они только убогій остатокъ тѣнистыхъ садовъ, нѣкогда окружавшихъ роскошныя виллы правителей Іудеи. На склонахъ горы Соблазна возвышался когда-то великолѣпный дворецъ Соломона, толпились зеленыя рощи, журчали фонтаны. Престарѣлый правитель здѣсь же воздвигалъ капища языческимъ богамъ, принимавшимъ кровавыя жертвы. На склонахъ той же горы погребена и одна изъ любимѣйшихъ его женъ, дочь великаго фараона Озохора. Мѣстные жители называютъ ея каменную часовню «египетскою молельней».

Мы спустились къ подошвѣ холма Офель, и Марко подвелъ насъ къ небольшой скалѣ—уступу горыМоріа.

— *Источникъ Богоматери,* проговорилъ онъ.

Темнымъ сводомъ въ глубину передъ нами уходила пещера; безконечными ступенями спускался корридоръ прохладнаго грота по пологому уклону почвы. На его влажномъ днѣ, покрытомъ пескомъ и обточенными камешками, виднѣлись оттиски босыхъ ногъ дѣтей и взрослыхъ. Вправо и влѣво узкая щель проступала изъ темныхъ массивовъ скалы, нежданно принося обильныя воды, раза два въ день зимой, и рѣже лѣтомъ.

Нашъ усталый археологъ тоскливо присѣлъ у массивныхъ колоннъ, украшающихъ входъ *купели Силоама.* Не прошло десяти минутъ, какъ вокругъ него постепенно сгруппировалась огромная толпа женщинъ, мужчинъ и подростковъ.

«Купель Силоамская» Евангельскихъ дней, это шумный оазисъ пустынныхъ окрестностей Іерусалима. Не одни слѣпые и разслабленные спѣшатъ теперь къ его таинственному источнику. Врачуя недугъ, онъ утоляетъ жажду пилигрима далекой Аравіи, бредущаго изъ священной Мекки въ родную Себастію, онъ поитъ холодною струей пастуховъ и стада, караваны верблюдовъ на распутьи дорогъ изъ Веѳиля къ Мертвому морю, изъ Назарета въ Іерихонъ, бедуинскихъ коней и вереницы осликовъ.

Едва приближается часъ таинственнаго прилива, какъ со всѣхъ сторонъ подъ своды пещеры начинаютъ сбираться шумныя группы. Красивыя дочери юга, съ полуоткрытымъ лицомъ, съ кувшинами на плечахъ, пластично стекаются по каменистымъ тропинкамъ. Мимоидущій караванъ тотчасъ сворачиваетъ съ дороги, и верблюды одинъ за другимъ ложатся, поджавъ мозолистыя колѣнки. Полунагія дѣтишки рѣзвою гурьбой скатываются внизъ по ступенямъ, гдѣ вдоль стѣнъ подъ сводомъ уже выстроились рядами водоносицы, смуглыя красавицы Востока. Бедуины въ полосатыхъ плащахъ, босые францисканскіе монахи въ грубой власяницѣ, съ головой прикрытою капюшономъ, присѣли на теплыхъ камняхъ подлѣ кавалькады туристовъ, щеголяющихъ европейскимъ костюмомъ. Худой Англичанинъ, съ гидомъ въ рукахъ, педантически перелистываетъ страницы; протестанскій кавасъ, которому давно надоѣло въ сотый разъ показывать одно и то же, флегматично дремлетъ на сѣдлѣ, возбуждая насмѣшки.

А кругомъ все замерло, всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ, когда хлынетъ вода.

И вотъ издали, изъ темной впадины грота, со дна, донеслось къ намъ вдругъ гулкое журчаніе. Все зашумѣло, засуетилось. Бѣлыя женскія фигуры поднялись и вереницей потянулись вонъ съ полными влажными кувшинами, уступая мѣсто тѣмъ кто спѣшитъ окунуться въ холодныхъ водахъ потока. Юноши, старики и дѣти,—все это гурьбой сошло внизъ, радостно освѣжая изнуренное тѣло. Но вотъ вода стала убывать, купанье окончилось, погонщики поспѣшно стали поить животныхъ.

Мы долго любовались оживленною картиной, пока Марко не напомнилъ намъ, что уже скоро стемнѣетъ.

Караванъ нашъ спустился въ долину, миновавъ старую дуплистую шелковицу, гдѣ, по преданію, жестокій Манассія распилилъ деревянною пилой пророка Исаію. Ореоломъ легендъ окруженъ скорбный ликъ мученика-пророка. Привязанный къ дереву, томясь отъ жары, онъ со слезами воззвалъ къ Іеговѣ. И вотъ изъ холодныхъ камней просочилась вода, брызнулъ, пробился источникъ. Легендарный потокъ въ тяжелые дни осады Іерусалима Титомъ поилъ, говорятъ, однихъ римлянъ, не утоляя жажды евреевъ.

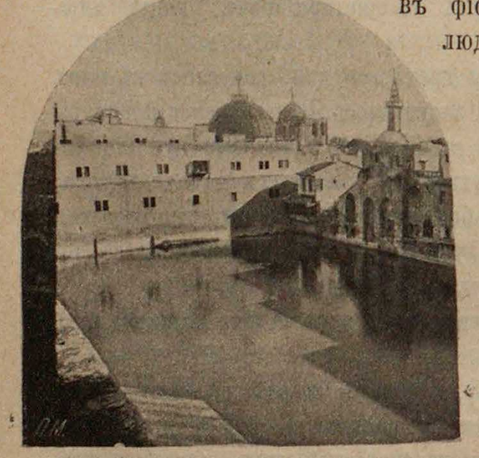
Ключъ Силоама питалъ и долину Гиннома, покрывая зеленымъ ковромъ

историческое подножіе Сіона, а теперь суровый колоритъ этой окраины Іерусалима будитъ рядъ другихъ воспоминаній.

Мы вступаемъ въ устье такъ-называемой «Геенны», гдѣ во времена языческихъ царей совершались поклоненія Ваалу, Молоху и Астартѣ. Мѣстомъ ужаса, мѣстомъ проклятія до сихъ поръ считаютъ евреи эту землю, напоенную кровью. Дикія скалы Эннома и въ глазахъ христіанъ облечены сумрачнымъ колоритомъ печальныхъ событій.

Марко указываетъ намъ «село Скудельничье», гдѣ повѣсился Іуда, предавъ Божественнаго Учителя; ниже видна «Акелдама», то-есть земля крови, купленная на тѣ тридцать сребрянииковъ, которыхъ не захотѣли принять обратно въ сокровищницу члены Синедріона. *) Темныя впадины каменныхъ гробовъ просверлили во всѣхъ направленіяхъ слой кремнистой земли, сѣрыхъ скалъ плитняка и песчаника. Шатровою вершиной склонилась надъ ними гора «Беззаконнаго Совѣта» или «Злаго Совѣщанія», какъ называетъ ее Марко. Здѣсь, по преданію, находился домъ Каіафы, гдѣ на тайномъ совѣщаніи ожесточенные евреи положили убить Спасителя.

Мы огибаемъ Сіонъ, направляясь къ Яффскимъ воротамъ. Пурпурный дискъ солнца ужъ исчезалъ за холмами. На далекой чертѣ небосклона алѣла багрянцемъ широкая полоса, быстро блѣднѣвшая сверху. Темнымъ пологомъ южная ночь надвигала синій шатеръ, едва мерцавшій звѣздами. Холмистая даль Елеона уже исчезала, топула въ фіолетовыхъ тѣняхъ. Стихалъ замирая людской гомонъ въ сѣромъ квадратѣ Іерусалимскихъ зданій; ярче обозначалась гряда бѣлыхъ стѣнъ, бойницъ и башенъ.



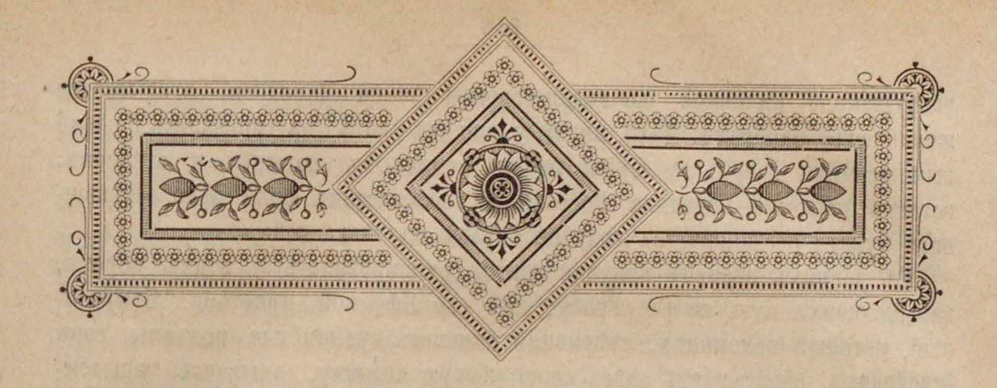
Прудъ Іезекіи

У Яффскихъ воротъ насъ встрѣтили уже огни, мерцавшіе въ узкихъ пролетахъ оконъ. Турецкій патруль окликалъ прохожихъ; на опустѣлыхъ улицахъ звонко отдавался стукъ подковъ, лошади оступались на скользкихъ плитахъ.

Мы свернули въ предмѣстье и четверть часа спустя были дома.

---

*) Говорятъ, что земля Акелдамы въ продолженіе сутокъ совершенно разлагаетъ тѣла умершихъ. Въ XIII вѣкѣ ее увозили въ Европу, въ томъ числѣ и на извѣстное кладбище въ Пизѣ „Campo-Santo“.



Глава IV.

Акра.—Везеѳа.—Сіонъ.

Замокъ Давида.—Іерусалимскія улицы.—Кварталъ Сіона.—Горница Тайной вечери.—Гробъ Давида.—Кладбище и „камни“ сошествія Св. Духа.—Армянскіе монастыри.

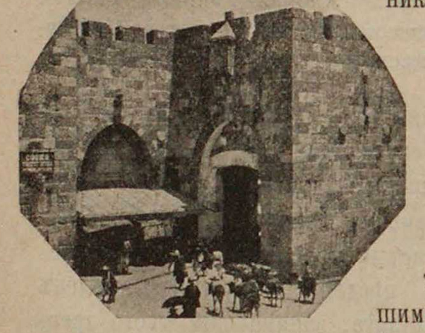
Виѳлеемскія ворота (нынѣ Яффскія—Бабъ-Кхалилъ) одинъ изъ самыхъ оживленныхъ пунктовъ Іерусалима. Изъ семи его историческихъ вратъ—половина закрыта Турками, заложившими средневѣковыя готическія аркады пролетовъ массивнымъ камнемъ. Восточныя же *Св. Стефана* и южныя *Сіонскія* выходятъ на утесистый пустырь, гдѣ мало движенія и жизни. Совершенно иной колоритъ представляетъ собою уголокъ пріютившійся у стройныхъ твердынь Эль-Каляга, занимающій мѣсто древнѣйшаго форта Евуссеевъ. Четырехгранная зубчатая башня пробитая ломанымъ входомъ воротъ носитъ названіе «замка Давида».

Въ каменной оградѣ, сплошнымъ кольцомъ опоясавшей Іерусалимъ, башня Царя-псалмопѣвца выдѣляется обширностью своихъ укрѣпленій и прочностью контрафорсовъ. Остатки древнѣйшей эпохи, массивы его камней, невольно поражаютъ туриста. Турки устроили здѣсь цитадель, гауптвахту и всевозможные склады, приспособивъ древнѣйшую крѣпость Израильскаго царя къ новѣйшимъ военнымъ цѣлямъ. Въ темной нишѣ воротъ постоянно дежурятъ турецкіе часовые. Довольно значительный гарнизонъ, подчиненный Іерусалимскому пашѣ, занимаетъ эти вѣковыя башни, надъ которыми вѣтеръ развѣваетъ на тонкомъ древкѣ красный флагъ съ золотымъ полумѣсяцемъ *. Съ высоты сѣрыхъ, источенныхъ временемъ, стѣнъ съ полу-

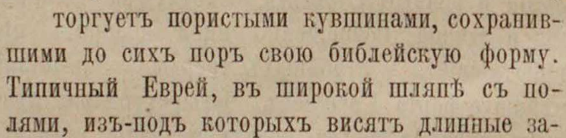
* Въ XVI вѣкѣ замокъ Давида былъ извѣстенъ подъ именемъ башни Пизанцевъ, участвовавшихъ въ осадѣ Птолемаиды и получившихъ за это отъ Балдуина исключительное право владѣнія и сбора пошлинъ съ поклонниковъ Св. Гроба. Многіе ученые

разрушенной каменной площадки-террасы замка Давидова, открывается живописная панорама. Тамъ внизу у вашихъ ногъ на широкомъ, плохо вымощенномъ дворѣ, за линіей рвовъ, земляныхъ насыпей и откосовъ, встаетъ знакомая картинка Востока, на золотистомъ фонѣ ярко освѣщеннаго бураго песчаника, въ голубой оправѣ знойнаго неба.

Съ давнихъ временъ кипучая жизнь группировалась у этихъ воротъ, замыкающихъ путь ко Св. Гробу, отъ его Яффской пристани. Измученный, усталый паломникъ, смѣрившій пѣшкомъ кремнистые подъемы горъ Іудейскихъ, сбрасываетъ здѣсь свою убогую котомку, омываетъ запыленныя ноги. Торговцы Дамаска, вожаки каравановъ, погонщики осликовъ, шумными группами наполняютъ этотъ оригинальный базаръ Іерусалима. Разгружая верблюдовъ, безцеремонно наваливая груды тюковъ и ящиковъ, шумно бранятся Арабы. Мусульманскій цирюльникъ, здѣсь же, на открытомъ воздухѣ, брѣетъ правовѣрную голову, а Турокъ-кафеджи готовитъ незатѣйливый обѣдъ проголодавшемуся рабочему люду. Женскія фигуры въ бѣлыхъ, темносинихъ и черныхъ мѣшкахъ-фереджи группируются подъ навѣсомъ палатки, гдѣ горшечникъ Арабъ, запеленатый въ бѣлый хитонъ, торгуетъ пористыми кувшинами, сохранившими до сихъ поръ свою библейскую форму. Типичный Еврей, въ широкой шляпѣ съ полями, изъ-подъ которыхъ висятъ длинные завитки его пейсовъ, бойко, почти бѣгомъ, проходитъ мимо этого шумнаго торжища, шлепая задками туфель, надѣтыхъ на босую ногу. Торговцы-Армяне настойчиво предлагаютъ прохожимъ свои товары. Безобразный Негръ, гайдукъ мѣстныхъ «денди», проѣзжаетъ въ кэбѣ застоявшагося рысака; „bourriquiers“ мирно дремлютъ у ногъ своихъ осликовъ въ ожиданіи найма.



Яффскія ворота.



Кармелиты-монахи, босые и въ грубой власяницѣ, долго торгуются съ продавцемъ фруктовъ и всевозможной зелени. Здѣсь же, почти у самыхъ воротъ, пугливо жмутся другъ къ другу пригнанныя на продажу стада овецъ, съ шерстью окрашенною въ оранжевый и пунцовый цвѣта—оригинальный обычай Востока. Въ воздухѣ слился гомонъ разнообразныхъ нарѣчій; людская толпа, разношерстная, суетливая, волнуется, жестикули-

---

видятъ въ ней „Башню Гиппика“, которую Иродъ возвелъ, какъ мавзолей, въ память своего друга, погибшаго въ битвѣ.

руетъ, стараясь перекричать другъ друга,—и все это живетъ своеобразною жизнью шестнадцатаго столѣтія, если еще не болѣе ранней эпохи.

Обернитесь на минуту—тамъ, сзади васъ другая картина. Среди безконечныхъ переулковъ и закоулковъ Св. Города, ярко освѣщеннаго потоками солнечныхъ лучей, на васъ глядятъ, въ хаотическомъ лабиринтѣ нагроможденныхъ, плотно сдвинутыхъ домовъ, стройныя зданія Германскаго госпиталя, Англійской больницы, Ротшильдова пріюта. Темный куполъ Голгоѳы встаетъ предъ вами съ востока, оттѣняя слѣва бѣлыя стѣны стариннаго монастыря, съ его готическими стрѣльчатыми окнами. Печальныя развалины гордаго замка храмовниковъ, сѣрый массивъ армянскаго монастыря, обрамляютъ пологіе склоны Сіона, а вдали на голубой полосѣ неба слабо сквозятъ закругленныя колонны одинокихъ минаретовъ. Темная впадина пруда Іезекіи, частью заслоненнаго стѣнами Коптскаго монастыря, зіяетъ зеленоватымъ пятномъ недвижной воды, уцѣлѣвшей еще въ этой обширной купели. Прямо предъ вами на историческихъ высотахъ Моріа сквозятъ арки Гарамъ-Эль-Шерифа, стройныя колоннады Эль-Аксы—побѣги исчезнувшихъ стѣнъ Соломонова храма. Далѣе горизонтъ уже запертъ холмистою цѣпью Масличной горы, съ яркими пятнами бѣлѣющихъ церквей, а вправо, сквозь узкій пролетъ Моавитскихъ предгорій, какъ будто въ свинцовой чашѣ, недвижно застывъ—синѣетъ Мертвое Море съ слабо колыхающимися надъ нимъ волокнами тумана... За кремнистою грядой уже дышитъ зноемъ раскаленныхъ песковъ необъятная ширь Аравійской пустыни... Суровый, безстрастный колоритъ. Мысль не хочетъ мириться съ библейскими воспоминаніями, а глазъ тщетно ищетъ вдохновенныхъ картинъ воспѣтыхъ царемъ псалмопѣвцемъ, дивныхъ отзвуковъ израильской поэзіи. Отсюда съ высокой террасы своего замка Давидъ любовался когда то волшебною панорамой великаго города, слагая подъ звуки своей лиры вдохновенныя строфы.

Мы сошли по каменнымъ ступенямъ съ помоста-кровли вѣковой бойницы, чтобъ осмотрѣть юго-западную окраину Іерусалима—*Сіонъ*, полный стольких историческихъ воспоминаній. Длинною вереницей на осликахъ мы въѣзжаемъ въ узкій лабиринтъ Іерусалимскихъ улицъ. Красно-сѣрый камень сверху до низу, справа и слѣва сжимаетъ длинный пролетъ-корридоръ, среди вереницы домовъ примкнувшихъ одинъ къ другому плоскими крышами. Эти крыши - воздушныя галлереи слились въ одинъ безконечный ступенчатый рядъ, даже перебросились и повисли на стрѣльчатыхъ аркахъ надъ вашею головой. Изрѣдка пропуская голубой пролетъ неба, онѣ какъ будто сковали надъ городомъ одинъ сплошной каменный навѣсъ, раскаленный почти вертикальными лучами солнца. Душно, мрачно подъ нимъ. Въ узенькихъ переулочкахъ, скрещивающихся, извилистыхъ и

кривыхъ, царитъ полусвѣтъ, выступами стѣнъ заслоняется перспектива. Только мѣстами, гдѣ порвался каменный массивъ, какъ въ узкій колодезь льются съ высоты золотистые потоки невидимаго солнца.

Безпрестанные подъемы и спуски дѣлаютъ Іерусалимскія улицы немыслимыми для экипажа. Наши ослики, постукивая копытами, съ удивительною ловкостью взбираются по ступенямъ, осторожно переступаютъ по крутому скату. Мы жмемся къ дверямъ, съ трудомъ уступая дорогу встрѣчному каравану верблюдовъ, мягко выступающихъ на своихъ копытахъ-подушкахъ. Изъ ниши оконъ, огражденныхъ желѣзными рѣшетками, по временамъ высовываются головы любопытныхъ, порой летитъ на васъ корка арбуза, шелуха апельсина и всевозможныхъ объѣдковъ—даровой прикормъ безчисленнымъ собакамъ.

Ночью улицы освѣщаются одинокими фонарями, висящими на желѣзныхъ стержняхъ средневѣковаго образца и давности. Но едва ли ихъ наберется сотня на весь городъ, въ которомъ каждый обыватель предусмотрительно запасается своимъ собственнымъ ручнымъ фонаремъ чтобы не быть искусаннымъ собаками и не прослыть за вора—знакомый обычай Царьграда и Смирны. Водосточныя трубы или, вѣрнѣе, канавы, засоренныя и неопрятныя, проходятъ вдоль стѣнъ, неизвѣстно куда снося мутную жидкость и всевозможные отбросы „Дахаракъ! Берегись!“ то и дѣло кричитъ погонщикъ Константинъ пестрой толпѣ Арабокъ, и мы выѣзжаемъ наконецъ изъ безконечнаго лабиринта улицъ и переулковъ, занявшихъ районъ исторической Акры, на просторъ къ западной оградѣ стѣнъ подъ голубую небесную высь, поражающую васъ безчисленною смѣной тоновъ и красокъ.

Приступая къ осмотру Іерусалима, я чувствовалъ тревожное волненіе... Въ историческихъ стѣнахъ Сулеймана пріютились тѣ изъ драгоцѣнныхъ реликвій Іудеи, которыя особенно сильно волнуютъ душу. Изъ евангельскихъ страницъ на долю св. града пришлись тѣ высоко драматическіе моменты жизни Божественнаго Учителя, которые запечатлѣны сплошнымъ страданіемъ, скорбію и уничиженіемъ... Тихіе благостные дни земной жизни Спасителя, полные кротости и смиренія, протекли вдали отъ этого шумнаго столичнаго города. Тамъ, среди мирныхъ полей убогой Галилеи, Его встрѣчало съ любовью «разсѣянное стадо», искавшее своего Пастыря, а здѣсь—негодующая толпа въ дикомъ ослѣпленіи фарисейскаго ханжества, бралась за камни, чтобы побить Того, Кто имѣлъ «глаголы вѣчной жизни», Кто вносилъ въ міръ всепрощеніе и любовь, призывая огрубѣлыя сердца къ возрожденію. А именно здѣсь Онъ стоялъ во всеоружіи непоколебимыхъ доводовъ, обращаясь съ сердцу и совѣсти человѣка. Мало радости вынесъ Христосъ изъ этой столицы Еврейскаго народа. Ни великолѣпіе ея зданій,

ни роскошь храмовъ и дворцовъ, ни богатство алтарей посвященныхъ Іеговѣ не прельщало Его высокой души, возлюбившей убогую хижину рыбарей болѣе чертоговъ вельможи, а тихій пріютъ Геѳсиманскаго сада болѣе великолѣпныхъ притворовъ Соломонова храма. И не даромъ... Іерусалимъ сулилъ Ему только страданія, ожесточенное гоненіе, проклятія и мученическую кончину. Горькою скорбью наболѣвшей души и грознымъ укоромъ звучитъ здѣсь Его рѣчь: «Іерусалимъ. Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья— и вы не захотѣли».

Что предстояло осмотрѣть мнѣ? Тѣ мѣста, гдѣ провелъ послѣдніе дни Божественный Страдалецъ, пройти по тѣмъ стогнамъ, гдѣ каждый шагъ запечатлѣнъ кровавымъ потомъ; гдѣ по тернистому пути шелъ онъ съ изможденною душой испить до дна Свою чашу тамъ, на позорной Голгоѳѣ! Мнѣ предстояло теперь увидѣть горницу Тайной Вечери, мѣсто суда Пилата и наконецъ Крестный путь, къ которому привели Его упорствующіе умы вождей Израильскаго народа, коснѣвшаго въ невѣжествѣ и злобѣ...

Мы выѣхали на каменную высь *Сіона*. Грязный, сплоченный убогими домиками кварталъ, наполовину населенный турками и евреями, неужели это тотъ «великій Сіонъ«, любимое дѣтище царей и правителей, щедро расточавшихъ на его украшеніе драгоцѣнный мраморъ, золото и слоновую кость, составлявшій когда-то гордость библейскихъ зодчихъ? Позабытый, заброшенный пустырь, съ грудами камней и мусора, вдругъ очутился за чертой стѣны Сулеймана, одинаково заброшенный евреями и христіанами. Этотъ центръ, съ которымъ связана вся исторія Іудеевъ, которымъ жилъ и гордился Израиль, какъ будто вычеркнутъ теперь изъ священныхъ реликвій Давидова города. Неприступный оплотъ Іерусалима былъ нѣкогда сосредоточіемъ дворцовъ, красоты и величія, а противоположный ему *Гаребъ* находился за линіей оградъ и бойницъ, служилъ мѣстомъ для позорной казни. Только садъ Аримаѳейскаго Іосифа скрашивалъ этотъ ненужный и забытый уголокъ Іерусалима.

Но промчались вѣка, и Гаребъ и Сіонъ помѣнялись ролями. Надъ убогою пещерой разросся огромный храмъ. Вокругъ него столпились многочисленные монастыри и незамѣтно кварталъ Франковъ сдѣлался сосредоточіемъ величайшихъ святынь христіанства. Каменный поясъ отступилъ отъ Сіона *); его дворцы исчезли, библейскіе памятники погребены подъ грудой камней, а золотой полумѣсяцъ Ислама вѣнчаетъ Гробы Давида и Соломона.

*) Говорятъ, что Сулейманъ казнилъ архитектора, возводившаго крѣпостныя стѣны и по какой-то случайности обошедшаго оградой ветхозавѣтную святыню Израиля.

А именно здѣсь-то земля, прахъ тысячелѣтнихъ гробницъ, самый воздухъ какъ будто навѣваетъ намъ призраки минувшаго, будитъ картины, событія первыхъ дней жизни народившейся христіанской общины.

Съ грустью остановились мы предъ голымъ пустыремъ, сплошь покрытымъ могильными плитами. Марко — кавасъ обнажаетъ голову. Мы вступаемъ въ обширное поле могилъ, заросшихъ бурьяномъ, заваленныхъ мусоромъ. Бѣлыя плиты съ остроконечными крестами, съ полуистертою вязью надгробныхъ эпитафій давно глубоко ушли въ землю, треснули, раскололись мѣстами.

— *Православное кладбище,*—говоритъ Марко.

Полнѣйшее запустѣніе, грязь, неприглядность могилъ, даже архіерейскихъ, поражаетъ посѣтителя. Только двѣ, три могилы, въ томъ числѣ похороненнаго здѣсь нашего французскаго консула Кожевникова и его жены представляютъ собой отрадное впечатлѣніе. Онѣ обнесены рѣшеткой и надгробныя плиты украшены памятниками. Православное кладбище, не обнесенное даже оградой, открываетъ свободный доступъ животнымъ, позволяя осквернять могилы и попирать мѣста особенно дорогія по связаннымъ съ ними воспоминаніямъ *).

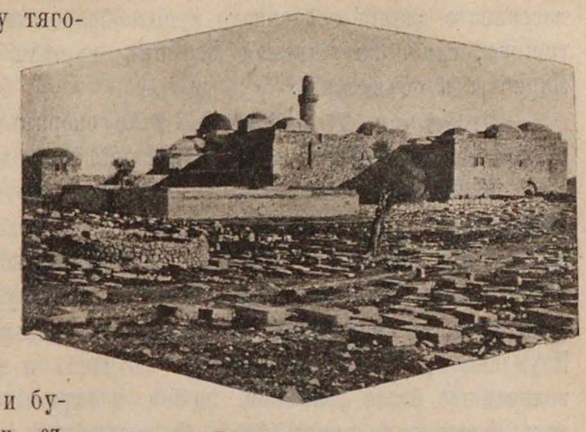
Марко ведетъ насъ къ грудѣ камней, пріютившихся у полуразрушеннаго базиса давно исчезнувшей «Горницы», гдѣ, по преданію, въ день Пятидесятницы снизошла на апостоловъ благодать свыше.

— Камни Сошествія Св. Духа,—говоритъ Марко.

Обнаживъ голову, стоимъ мы подавленные, потрясенные воспоминаніями. Сколько дорогихъ моментовъ связано съ Сіономъ для христіанина! На синей завѣсѣ ярко освѣщеннаго неба встаетъ сѣрый массивъ турецкой мечети, каменными куполами осѣнившей гробы Давида и Соломона, библейскихъ отцовъ Израиля. И тамъ, гдѣ вонзился въ прозрачную синеву закругленною вершиной ослѣпительно бѣлый минаретъ, глазъ ищетъ священную горницу Тайной Вечери, въ которой Божественный Учитель провелъ послѣднія минуты Свои въ роковую ночь взятія Его подъ стражу. Здѣсь явился Онъ--по Своемъ Воскресеніи радостнымъ ученикамъ пройдя сквозь запертыя двери и призывая Ѳому осязать Его раны.

Христіанскія преданія первыхъ вѣковъ пріурочиваютъ къ Сіону и *мѣсто Успенія Пресвятой Дѣвы,* въ домѣ апостола Іоанна, любимаго ученика Господня. Неужели это именно тѣ мѣста, при одномъ воспоминаніи о которыхъ невольно ускореннѣе начинаетъ биться сердце? Не голосъ невѣрія

*) Только въ послѣдніе дни стараніями Іерусалимскаго патріарха Герасима православное Сіонское кладбище приведено въ подобающій видъ и подобно другимъ мѣстамъ погребенія обнесено оградой, выстроена сторожка, гдѣ постоянно находится привратникъ.



Замокъ Давида и „камни“ сошествія Св. Духа.

задавалъ мнѣ въ эту минуту тягостные вопросы; какъ Ѳомѣ, мнѣ хотѣлось только реальнѣе осязать то, что возставало предъ духовнымъ взоромъ. Душа, потрясенная глубокимъ чувствомъ, жаждала увѣриться въ каждомъ, камнѣ, каждомъ осколкѣ тѣхъ святынь, ради которыхъ пришелъ я сюда—шли, идутъ и будутъ идти издалека люди съ разныхъ концовъ Божьяго міра.

Да, это тѣ мѣста, несомнѣнно, хотя въ своемъ мощномъ полетѣ время безжалостно развѣяло въ прахъ созданія рукъ человѣка. Пусть онѣ распались—эти стѣны Сіонской горницы, пусть изсякли былые потоки и новый побѣгъ поднялся отъ геѳсиманскихъ маслинъ, безмолвныхъ свидѣтелей скорбной молитвы; но *именно здѣсь*, подъ *этимъ* небомъ, по *этой* землѣ проходилъ Онъ со словами любви и утѣшенія, съ мощною проповѣдью обновленія. Ничто не въ силахъ подавить этого высшаго сознанія.

Я стоялъ на *Сіонѣ* и странное чувство охватывало меня въ эту минуту. Тысячелѣтія прошли съ той далекой поры, когда старый одряхлѣвшій міръ былъ вновь призванъ къ жизни и возрожденію. Великія минуты міровой исторіи, ея христіянскій колоритъ, вся типичная особенность обстановки—точно извѣстны намъ въ передачѣ Евангелія. И странно, ничто и донынѣ въ природѣ не производитъ здѣсь диссонанса! Только Востокъ неподвижный и типичный умѣетъ сохранять во всей неприкосновенности давно исчезнувшее въ другихъ странахъ, какъ будто застывъ въ разъ отлитыхъ формахъ. Мнѣ чудилось въ этомъ—таинственная поэзія великаго... Сѣдою древностью пахнуло на меня подъ сводчатымъ потолкомъ мечети «Неби-Дауда». Здѣсь сила и крѣпость преданій властно подавляетъ холодный анализъ ума. Я стоялъ на мѣстѣ древнѣйшей церкви христіанства—*храма Апостоловъ*, гдѣ въ первые вѣка указывали столбъ бичеванія Спасителя, комнату великой христіанской трапезы, указанія встрѣчающіяся вплоть до X вѣка *). Подъ готическими сводами залы, занимающей верхній этажъ

*) Въ XVI столѣтіи турки изгнали отсюда францисканцевъ, руководствуясь показаніями одного еврея, что именно здѣсь сокрыты отъ нечестивыхъ могилы Давида и Соломона.

массивнаго зданія осѣненнаго куполообразными шатрами царитъ величавая тишина, слабо нарушаемая звукомъ нашихъ шаговъ да полушопотомъ Марковыхъ объясненій.

— Это *горница Тайной вечери*! тихо говоритъ онъ, молча указывая рукой на мраморныя колонны, случайно уцѣлѣвшія по преданія отъ дней царицы Елены.

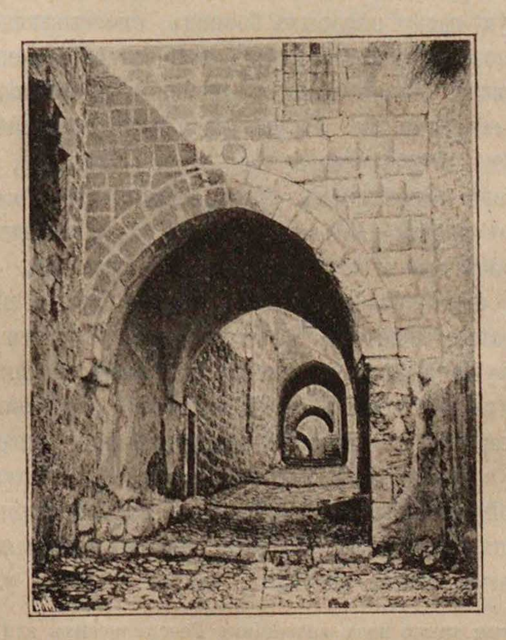
Три боковыя окна южной стѣны освѣщаютъ неглубокую нишу, замѣняющую для христіанъ алтарь при богослуженіяхъ. На пилястрахъ сквозь грубую штукатурку сквозитъ еще полуистертый абрисъ пасхальнаго агнца. Жгучая боль невольно закралась мнѣ въ душу, когда я вспомнилъ какой великій завѣтъ преподалъ здѣсь людямъ-братьямъ Божественный Учитель. Изумленному міру, коснѣвшему въ злобѣ и ненависти, заповѣдалъ Онъ величайшее благо взаимной любви и христіанскаго всепрощенія. «Заповѣдь новую даю вамъ: какъ Я возлюбилъ васъ—такъ и вы да любите другъ друга!» Почти двѣ тысячи лѣтъ отдѣляли меня отъ этой великой минуты—и я смутился въ сознаніи какъ мало этой любви къ ближнему осталось на скорбной землѣ среди тѣхъ кто считаетъ себя Его учениками...

Нижній этажъ мечети образуетъ сводчатый покой, собственно *гробъ Давида*, недоступный для обозрѣнія христіанъ. Турки утвердившись въ Іерусалимѣ съ особымъ уваженіемъ отнеслись къ библейской святынѣ, окруживъ усыпальницу Давида и Соломона таинственною недосягаемостью Не такъ сравнительно давно попасть въ это святилище было положительно невозможно. И теперь колоссальный саркофагъ показываютъ посѣтителю не иначе какъ чрезъ запертую желѣзную рѣшетку.

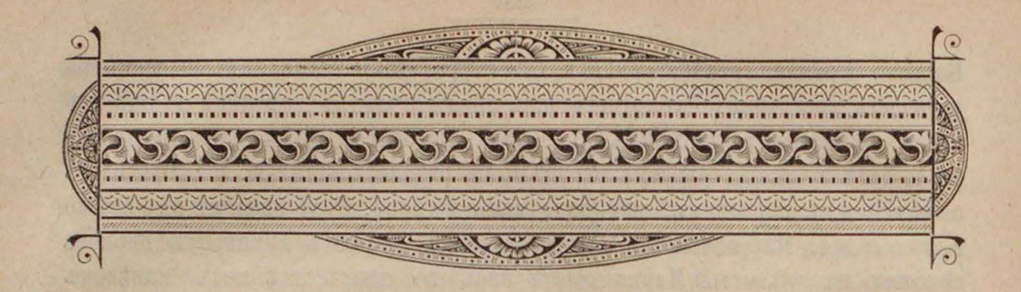
Въ сопровожденіи сѣдовласаго муллы презрительно глядѣвшаго на христіанъ-пилигримовъ, мы подошли къ таинственной двери. Зеленый шелковый чехолъ одѣваетъ, круто подъ острымъ угломъ, срѣзанную вершину гробницы; каменный полъ устланъ коврами. Легенды далекаго прошлаго соткали таинственный пологъ надъ усыпальницей библейскаго царя-поэта. Преданіе говоритъ что Соломонъ сокрылъ здѣсь несмѣтныя богатства и что дерзкія попытки позднѣйшихъ правителей Іудеи, стремившихся проникнуть въ каменный склепъ усыпальницъ, всякій разъ вызывали проявленіе Божьяго гнѣва. Пламя, вырвавшись изъ земли, спалило, говорятъ, рабочихъ, посланныхъ Иродомъ Великимъ для вскрытія саркофага.

По грязной мостовой, удивительной мозаикѣ гранита и песчаника, вдоль покривившихся заборовъ, минуя пустыри, тѣмъ же лабиринтомъ узкихъ переулковъ добрались мы до *Армянскаго монастыря*, возникшаго на томъ мѣстѣ гдѣ, по преданію, стоялъ домъ первосвященника

Каіафы. Мрачная средневѣковая архитектура зданія наглядно указываетъ на древность постройки. Крохотныя окна проглянули въ каменной толщѣ его стѣнъ, на половину ушедшихъ въ землю. Съ лязгомъ отворилась и пропустила насъ желѣзная дверь, заскрипѣвъ на ржавыхъ петляхъ. Мы спустились по каменнымъ ступенямъ, миновали какія то арки. Подъ сводомъ ихъ свѣжо и прохладно. Массивные засовы въ дверяхъ дѣлаютъ армянскую церковь похожею на крѣпость. Марко ведетъ насъ во дворъ, гдѣ подъ навѣсомъ виднѣется рядъ бѣлыхъ гробницъ замѣчательно тонкой работы. Усыпальницы армянскихъ патріарховъ пріютились на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, судья-первосвященникъ заключилъ Христа въ темницу. Въ церкви, изукрашенной драгоцѣннымъ иконостасомъ мозаичной работы, есть старинная икона изображающая отреченіе Петра. Здѣсь же, подъ престоломъ сохраняется осколокъ камня, который Ангелъ отвалилъ отъ гроба Господня въ день Воскресенія. Армяне вообще утвердились на Сіонѣ, имъ же принадлежитъ и домъ первосвященника Анны, обращенный въ женскій монастырь. Въ глухомъ переулкѣ, въ стѣнѣ Сирійскаго монастыря, воздвигнутаго на мѣстѣ дома апостола Марка, вамъ укажутъ стрѣльчатую арку наглухо заложенной двери. Въ нее, по преданію, постучался Петръ выведенный ангеломъ изъ темницы.



Іерусалимская улица.



Глава V.

Памятники «Крестнаго пути».

Крестный путь.—Ворота Св. Стефана.—Виѳезда—купель овчая.—Домъ Іоакима и Анны.—Преторія Пилата.—Арка „Се человѣкъ".—Католическіе храмы „via dolorosa" и нѣсколько словъ по ихъ поводу.

Выѣхавъ изъ Сіонскихъ воротъ, мы круто свернули къ востоку и вдоль стѣнъ іерусалимскихъ поднялись на холмистый скатъ горы Офель, обогнули зубчатую гряду вѣковыхъ бойницъ, опоясывающихъ дворъ исчезнувшаго Соломонова храма. Почти отъ самой угловой башни вьется узкая каменистая тропинка. Мусульманскія гробницы провожаютъ насъ своими бѣлыми могильными камнями. Мы взбираемся по крутизнѣ къ *Золотымъ воротамъ*, минуемъ мечеть Омара и въ виду Геѳсиманіи, въ виду храма Успенія Богоматери подъѣзжаемъ къ *воротамъ Св. Стефана* *). Намъ предстоитъ теперь пройти *Крестный путь*, путь страданія и униженія Спасителя, обозрѣть его великія святыни... Отсюда Онъ подъ бременемъ тяжелаго креста шелъ къ подножію Голгоѳы. Грустно видѣть что этотъ путь, улитый кровью и пóтомъ Богочеловѣка, попирается ногами животныхъ и что сокрушенный, подавленный тяжелыми воспоминаніями паломникъ видитъ на каждомъ шагу сцены невольно возмущающія душу. Турецкіе часовые торчатъ въ воротахъ. Въ темной нишѣ массивнаго аркада—есть уединенная комната. Здѣсь, по преданію, былъ заключенъ апостолъ Петръ и изъ этой темницы ангелъ вывелъ его невредимымъ, освободивъ отъ цѣпей. Крестный путь давитъ васъ своимъ диссонансомъ... Грязный Арабъ съ гиканьемъ, махая нагайкой, мчится по узкой улицѣ, ругаясь съ

*) Они извѣстны также подъ названіемъ Геѳсиманскихъ или воротъ Св. Маріи (Бабъ-Ситти-Маріамъ), чрезъ которыя она, по преданію, ходила за водой къ ручью Кедронскому.

шумною толпой, гонитъ своихъ овецъ, ведетъ караванъ верблюдовъ... Всевозможные отбросы покрываютъ эту дорогую для христіанина дорогу. Праздный гомонъ, крики, перебранка то и дѣло оглашаютъ воздухъ. Торговцы всевозможнаго товара, погонщики, водовозы, продавцы кожъ расположились такъ же какъ на другихъ улицахъ Іерусалима и нигдѣ это житейское торжище не возмущаетъ такъ, какъ именно здѣсь, на мѣстѣ величайшаго пути скорби. Мы шли смутно прислушиваясь къ толкованіямъ Марко—отпустивъ домой погонщика съ осликами.

Вотъ сейчасъ же, у самыхъ воротъ, темный провалъ цистерны-писцины той *Овчей купели*, гдѣ мыли овецъ обреченныхъ на жертву Іеговѣ. Глубокій бассейнъ Евангельской *Виѳезды* почти высохъ, чернѣетъ у ногъ подъ гигантскою стѣной „Гарамъ-Эль-Шерифа". Мусоръ и камни, сухой верескъ засыпали его темныя арки и полуразрушенный водопроводъ давно ужъ не питаетъ живительною струей знаменитой купели, исцѣлившей разслабленнаго. Кактусъ и плющъ зеленою сѣткой опуталъ, обвилъ одряхлѣвшіе своды. На каменномъ днѣ проросли бурыми пятнами кустарникъ и травы. Колоссальное сооруженіе древности, артерія живой постоянной влаги, смотритъ теперь заброшеннымъ археологическимъ памятникомъ, чуждымъ жизни, потерявшимъ значеніе. Онъ все больше и больше уходитъ въ нѣдра земли и, быть-можетъ, совершенно исчезнетъ съ годами, какъ исчезъ его современникъ, храмъ Соломоновъ, грандіозное сооруженіе еврейскаго зодчества. Мы минуемъ *башню Антонія*, гдѣ находилась римская преторія, куда былъ приведенъ Спаситель отъ Каіафы. Резиденція Пилата примыкаетъ къ сѣверной сторонѣ Гарама. Желтый и красный мраморъ стѣны, бѣлый карнизъ и реставрированная простымъ камнемъ арка указываютъ входъ въ это роковое судилище. Католики учредили здѣсь женскій монастырь и владѣютъ такъ называемою *Scala Santa* *). Круглый порогъ ея широкою плитой выступаетъ на улицу. Группы молящихся поднимаются по ней на колѣняхъ, ударяя себя въ грудь руками, что производитъ удручающее впечатлѣніе. Католикамъ же принадлежитъ и домъ *Іоакима* и *Анны*. Развалины его прекрасно возстановлены и умѣло введены въ общую связь новыхъ стѣнъ—трудъ потребовавшій значительныхъ затратъ, археологическаго изслѣдованія и умѣнія. Въ крошечной пещерѣ патеры указываютъ мѣсто рожденія Богоматери. Вообще католики захватили цѣликомъ въ свои руки всѣ достопримѣчательныя мѣста на всемъ протяженіи «Крестнаго пути»; понастроили здѣсь богатые монастыри и капеллы.

---

*) Крестоносцы перевезли въ Римъ мраморъ двадцати восьми ступеней Scala Santa, помѣстивъ ихъ въ особую базилику, недалеко отъ собора Іоанна Латеранскаго.

Мы минуемъ латинскіе монастыри *Бичеванія Христа*, женскій монастырь *Ecce Homo*, съ пансіономъ при немъ «Soeurs de Sion» *). Золотыя и черныя надписи «Via dolorosa»—*Крестный путь*—тамъ и сямъ пестрятъ стѣны. Каменныя колонны справа и слѣва указываютъ на различныя мѣста паденія Божественнаго Страдальца, обремененнаго непосильною ношей. Узкій корридоръ улицы—сплошной амфилады аркадъ, спускается внизъ по крутому уклону. Широкими ступенями сворачиваетъ ея изломъ, и вотъ вы предъ аркой, съ которой предсталъ предъ ожесточенною толпой Богочеловѣкъ въ окровавленномъ вѣнцѣ и багряницѣ. Каменная галлерейка нависла надъ древнимъ аркадомъ. Двумя окнами, забранными желѣзною рѣшеткой, глядитъ она на васъ съ высоты, ярко залитая потоками свѣта. Отсюда Пилатъ показалъ народу Христа, и она донынѣ извѣстна подъ именемъ *арки „Се Человѣкъ*!“ Католики и здѣсь не обошлись безъ рекламы. Чѣмъ то жалкимъ, убогимъ вѣетъ отъ этихъ намалеванныхъ вывѣсокъ, отъ пошлыхъ попытокъ иллюстрировать величайшую міровую драму. Тяжелыя думы гнетутъ душу на всемъ протяженіи этого великаго «пути скорби»... Благочестивыя легенды младенчества первыхъ вѣковъ будитъ въ умѣ вашемъ память и властно встаютъ предъ вами забытыя тѣни... Каждый шагъ здѣсь отмѣченъ, каждая пядь освящена и запечатлѣна на вѣки. Вотъ Онъ палъ здѣсь снова; здѣсь встрѣтила Страдальца разбитая горемъ мать. Тамъ Симонъ Киринейскій принялъ на себя Его крестъ, а сострадательная Вероника подъ импульсомъ скорбнаго женскаго сердца отерла полотенцемъ Божественный ликъ, изможденный страданіемъ и онъ отпечатлѣлся нерукотворенный каплями пота и крови. Здѣсь плакали жены и дочери Іерусалима, и Онъ ободрялъ ихъ, Смиренный... Вы минуете домъ, гдѣ преданіе Евангельскихъ дней склонно видѣть чертогъ того богача, у котораго крохами питался страждущій Лазарь. Апокрифическая сага уже нашептываетъ вамъ, почти рисуетъ драматическій силуэтъ *Агасфера*, того «вѣчнаго жида» осужденнаго скитаться по свѣту за то что отказалъ въ своей помощи изнуренному Іисусу... Древне-еврейская стѣна проступаетъ въ ряду позднѣйшихъ построекъ. Сѣрая мраморная колонна указываетъ мѣсто второго изнеможенія Христа. Сворачивая къ западу, Крестный путь проходитъ непрерывную цѣпь перегнувшихся черезъ улицу арокъ. Подъ темными сводами чередующихся пролетовъ царитъ сгустившійся сумракъ. Послѣдній изломъ корридора съ Дамасской улицы выводитъ паломника къ

---

*) Отсутствіе въ Іерусалимѣ пансіона для православныхъ *изъ высшаго* общества вызывало не разъ печальные случаи отдачи сюда православныхъ дѣвицъ, которыхъ католики воспитывали въ духѣ совершенно чуждомъ родному вѣроисповѣданію.

„Суднымъ воротамъ“, преддверью Голгоѳы. Отсюда узкимъ переулкомъ вправо вы дойдете къ храму Гроба Господня...

Я не пишу здѣсь исторію великаго города, великой библейско-христіанской святыни. Точное описаніе его памятниковъ, созданныхъ руками человѣческими на мѣстахъ освященныхъ дорогими воспоминаніями минувшаго, много разъ и слишкомъ подробно передано многочисленными авторами. Но чувства переживаемыя здѣсь, именно чувства, разнообразіе настроеній взволнованнаго сердца, властно будитъ въ насъ святой городъ—и они врѣзываются неизгладимыми штрихами и запечатлѣваются въ памяти на всю жизнь, не повторяясь и не тускнѣя.

И теперь я стоялъ предъ храмомъ Гроба Господня подавленный воспоминаніями... Въ полукруглую раму отворенныхъ дверей сквозили, мерцали вдали предо мною лампады надъ камнемъ Помазанія. Густѣющій сумракъ заволакивалъ стѣны храма, зарисовывая детали знакомой обстановки. Земля приближалась къ моменту сна, темнота опадала окрестъ, дремалъ городъ... Величавая тишина усугубляла колоритъ пережитыхъ впечатлѣній, навѣвая грустныя думы.

Арка „Ecce Homo“.

Я невольно припомнилъ все пережитое за эту недѣлю моего пребыванія въ Іерусалимѣ. Переступивъ порогъ каменнаго массива воротъ Виѳлеемскихъ, очутившись въ лабиринтѣ узенькихъ переулковъ, васъ вдругъ охватитъ странное настроеніе. Задумайтесь только гдѣ вы, что окружаетъ васъ въ эту минуту, и образы полные неизъяснимой прелести, картины подавляющія фантазію властно развернутъ предъ вами свою безконечную панораму. Пройти «по стогнамъ» Св. Града, значитъ пережить страницы древнѣйшей монографіи, запечатлѣвшей величайшій моментъ не повторяемый въ жизни человѣчества. Горько видѣть эти святыни, на которыя люди сумѣли наложить печать своей пошлой житейской эксплуатаціи. Благочестивое недомысліе сумѣло подчеркнуть именно то что глубокоскорбное и потрясающее не терпитъ будничнаго языка, рутинныхъ пріемовъ привлеченія вниманія. Всѣ эти католическія надписи золотомъ, всѣ эти помазкомъ выведенныя *Via Dolorosa*, *Ecce Homo*, *Scala Santa* и проч.—католическая реклама, гидовые ярлыки, возмущающіе душу оскорбленную въ своемъ высшемъ религіозномъ чувствѣ! Къ чему они? Кому незнакомъ этотъ высокій путь скорби и внушенія. Ступившему на Святую

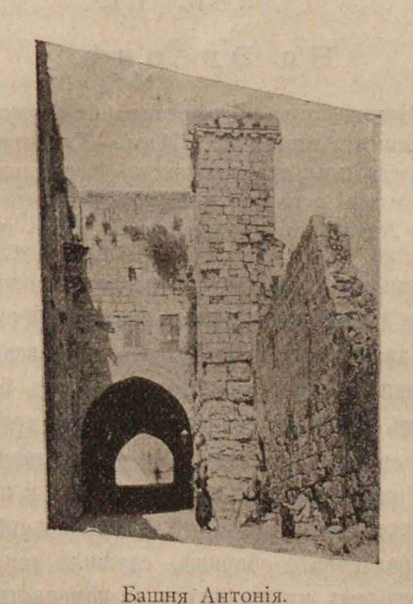
Землю, даже бѣдному, темному паломнику нашихъ далекихъ азіатскихъ окраинъ, даже тому предварительно знакомъ краткій перечень величайшихъ святынь Іерусалима. А еслибъ онъ и не зналъ ихъ, что скажутъ ему эти лаконическія указанія и не только ему, но любому европейскому пилигриму? Проводникъ-монахъ всегда даже съ чрезмѣрною апокрифическою полнотой тотчасъ пополнитъ эти пробѣлы *). Но католицизмъ не можетъ жить безъ аффектаціи и грубо чувственныхъ формъ.

Всѣ эти фигуры изображающія страданія Христа въ саду Геѳсиманскомъ, изваянія костеловъ и капеллъ изъ мрамора и дерева, одѣтыхъ въ парчевыя одежды, залитыя драгоцѣнностями, всѣ эти новыя базилики-мавзолеи Великому Пророку вносятъ, по моему убѣжденію, непримиримый разладъ въ душу истиннаго христіанина. Особенно когда видишь съ какимъ тщеславіемъ указываютъ вамъ на роскошь храмовъ-костеловъ, какъ стараются перещеголять Грековъ и Русскихъ богатствомъ и роскошью монастырей пышностью не нужною и даже излишнею въ «домѣ молитвы». Нашъ Божественный Учитель, смиренный Пастырь, проповѣдывалъ простоту и вся земная жизнь Его протекла въ скромной, убогой обстановкѣ. Онъ избѣгалъ пышности всюду, гдѣ только могъ всегда сторонился ея проявленія. Іерусалимъ имѣлъ тогда храмъ не уступавшій, а далеко превосходившій теперешніе храмы Палестины, но сокровища и богатства Соломонова алтаря не трогали Его сердца. Не въ немъ совершились и пережиты величайшія минуты земной жизни Искупителя. Нѣтъ, а тамъ, въ тиши маслинъ Геѳсиманскаго сада, на каменистомъ ложѣ горы Елеонской, въ убогой Виѳаніи, у крохотнаго моря Галлилеи звучала призывомъ Его вдохновенная рѣчь, возносилась къ Небесному Отцу молитва за человѣчество!.. Въ великомъ храмѣ природы, ея безконечномъ просторѣ, среди аскетической обстановки лились за міръ страдальческія слезы и кровавый потъ каплями падалъ не на мраморъ роскошныхъ храмовъ, а на каменную грудь матери земли, служившей Ему и ложемъ и алтаремъ высокаго служенія.

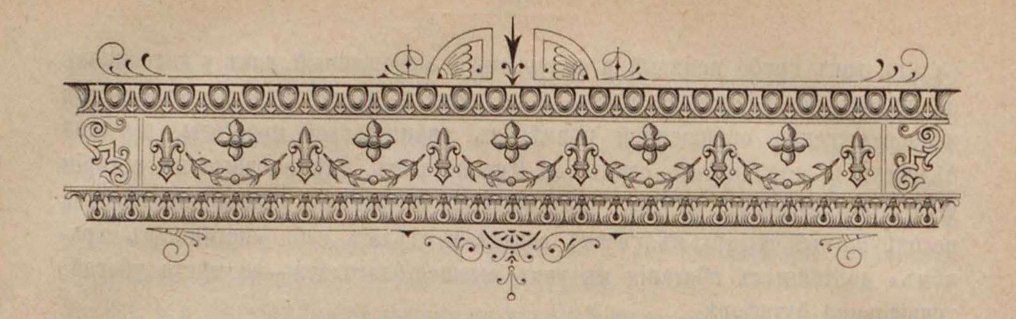
Онъ не имѣлъ гдѣ приклонить голову; въ пустынѣ скрывался отъ злобы людской, и окруженный толпой простыхъ рыбарей, поучалъ ихъ подъ голубымъ звѣзднымъ шатромъ тверди небесной завѣтамъ великой любви, нищетѣ и смиренію. Иныя сокровища должны мы стремиться собирать здѣсь на землѣ, тѣ которыхъ «ни ржа, ни моль не истребляютъ»... Нигдѣ

*) Что касается интеллигентной толпы, приходящей сюда поклониться святынѣ, то для нея эта номенклатура совершенно безцѣльна, профанируя чувства. Для празднаго же любителя обозрѣвать историческія реликвіи, есть гиды на всѣхъ языкахъ, къ которымъ онъ исключительно обращается и довѣряетъ.

культъ такъ грубо понятый и матеріально выраженный, какъ у католиковъ не рѣжетъ оскорбительно глазъ и не щемитъ душу какъ на этой почвѣ непосредственно освященной примѣромъ евангельской простоты, высокой бѣдности и безропотнаго страданія. Именно тамъ, гдѣ впервые въ исторіи міра и человѣчества «Сынъ Человѣческій» призывалъ насъ воздвигнуть несокрушимый алтарь въ своемъ сердцѣ и сдѣлать себя «истиннымъ храмомъ» достойнымъ обитанія въ немъ высшей благодати—не мѣсто убогой, тривіальной бутафорѣ...



Башня Антонія.



Глава VI.

На Элеонѣ.

Праздникъ Успенія Богоматери.—Торжественное служеніе Патріарха.—Усыпальницы Іосифа, Іоакима, Анны и Св. Дѣвы.— Геѳсиманія.— Русскій храмъ Маріи Магдалины, его живопись.—Кармелитскій монастырь—галлерея молитвы Господней.—Мечеть Вознесенія и Русскія постройки отца Антонина.—Вознесенскій храмъ и маякъ-колокольня.

Съ самаго ранняго утра Іерусалимъ полонъ оживленія. Едва первые золотистые лучи солнца прорѣзали влажный туманъ—предвѣстникъ разсвѣта и озарили каменистую вѣсь Іудеи,—какъ вся эта лежащая «у ногъ Іерусалима безглагольная, недвижная страна» какъ будто вдругъ ожила, засуетилась, шумнымъ гомономъ заявляя о своемъ пробужденіи. Іерусалимъ готовился къ торжественному чествованію *дня Успенія Богоматери*. Еще наканунѣ съ ближайшихъ окрестностей поднялись и пришли сюда пестрыя полчища людей всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій. Но центромъ всего этого разнохарактернаго сборища служилъ теперь уже не самъ св. городъ, а тотъ его уголокъ, что пріютилъ на каменистыхъ скатахъ Масличной горы священно-историческія реликвіи такъ-.называемой «Малой Галилеи». *) Намъ предстояло увидѣть интересную картину, своеобразную по колориту и рельефную по композиціи. Въ восьмомъ часу утра, въ коляскѣ-ландо мы выѣхали къ Дамасскимъ воротамъ, чтобы попасть въ общую цѣпь экипажей уже тянувшихся по направленію къ Элеону. Оригинальное зрѣлище открывалось предъ нами съ Гигонтской возвышенности.

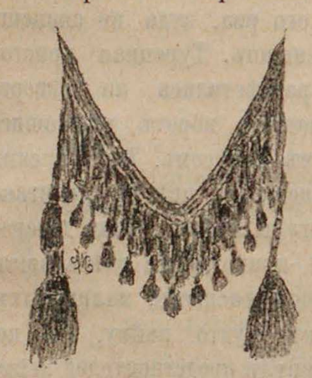
---

*) Гора Элеонская, какъ извѣстно, съ давнишнихъ поръ служила мѣстомъ, гдѣ останавливались бѣдные паломники изъ далекой Галилеи. Здѣсь, среди ея деревушекъ, они находили обычный пріютъ, приходя въ Іерусалимъ на праздники Пасхи, Кущей, Рошъ-Гошана (Новаго Года) и тому подобное, что пріурочило къ Элеону названіе „Малой Галилеи“.

Исполинскимъ холмомъ привсталъ и какъ будто глядитъ Элеонъ, заслоняя голубую ширь горизонта крутымъ гребнемъ вершины. По его желтымъ уступамъ, среди купы зеленыхъ оливъ, между бурыхъ камней песчаника, тамъ и сямъ бѣлѣютъ шатры и палатки. У ногъ, извиваясь бѣлою лентой, пролегаетъ дорога, и по ней, насколько можетъ охватить глазъ, пестрыми группами движутся массы народа. Шумною вереницей, качаясь, плавно выступаютъ караваны верблюдовъ, ѣдутъ на осликахъ расфранченные европейцы. Взводъ турецкихъ солдатъ въ синихъ мундирахъ, при холодномъ оружіи, торопливо выходитъ изъ воротъ Св. Стефана, направляясь къ бѣлому каменному поясу, отмежевавшему парапетомъ зеленый квадратъ Геѳсиманскаго Сада. Поднимая облака пыли, на лихихъ скакунахъ гарцуютъ красавцы-арабы. Вдоль сѣрыхъ массивовъ стѣны, по пологому скату вдоль бойницъ на обрывистой насыпи городского рва, куда не окинешь глазомъ — сотни, тысячи мужчинъ, дѣтей и женщинъ. Турецкая аристократія въ вычурныхъ мѣстныхъ экипажахъ размѣстились по сѣверо-восточной стѣнѣ на всемъ протяженіи до Золотыхъ воротъ, укрывшись отъ теплыхъ лучей солнца подъ оригинальнымъ навѣсомъ. Тамъ и сямъ на высокихъ древкахъ нависли, склонились пестрые, цвѣтные зонтики аршиннаго радіуса, прикрывая неподвижныя фигуры любопытныхъ дочерей юга. На изжелта-сѣромъ фонѣ оголенной земли прихотливая смѣсь азіатскихъ костюмовъ всевозможныхъ цвѣтовъ — ярко-красныхъ, малиновыхъ, синихъ, пестрымъ сочетаніемъ образуетъ какъ будто кайму, въ которую смѣлою рукой невѣдомый художникъ вдвинулъ представителей всѣхъ племенъ и нарѣчій. Какъ схватить, набросать твою шумную, кипучую жизнь, мусульманскій востокъ, гдѣ все живетъ, чувствуетъ и мыслитъ, какъ давно разучилась жить, мыслить и чувствовать наша старая, одряхлѣвшая Европа! Попробуйте наложить эти краски на широкое полотно, скомбинировать живописныя группы, схватить экспрессію каждаго лица, уловить быстро смѣняющуюся жестикуляцію. Пусть этотъ бурный водоворотъ колоритнаго юга ляжетъ у васъ въ золотистую оправу горъ Іудеи, съ ея уступами, каменистыми долинами, и вы сумѣете раскинуть надъ ней темносиній шатеръ небосклона, вамъ едва ли удастся запечатлѣть самобытную прелесть палестинскаго пейзажа. Какъ полуистертая, прихотливая вязь изящныхъ хитро-сплетенныхъ арабесковъ хранитъ въ себѣ неуловимое изящество линій, изгибовъ тонкаго, чуждаго намъ искусства, какъ музыкальную вибрацію невѣдомыхъ мелодій далекаго, чужеземнаго народа едва схватываетъ ухо, такъ и картину востока не въ силахъ отразить полотно безъ ущерба для яркаго оригинала.

Взгляните на эту восточную толпу, на красавицъ женщинъ, на дѣтей, избалованныхъ природой, выросшихъ подъ знойнымъ лучемъ вѣчнаго

солнца. Вотъ идетъ, гордо выступая, полонъ величія сосредоточенный турокъ-старикъ. На темномъ шелковомъ халатѣ какъ будто ярче выступаетъ серебристая сѣдина его бороды; морщинистый лобъ красиво задрапированъ складками зеленой чалмы — привилегія побывавшихъ въ Меккѣ. Безстрастнымъ взоромъ обводитъ онъ шумящую вокругъ него молодежь—подвижную, кипучую, порывистую. Это старый мулла наканунѣ девятаго десятка своей многоопытной жизни. А подлѣ него замеръ факиръ, изступленный дервишъ, ненавистнымъ взглядомъ фанатика слѣдя за толпой христіанъ-богомольцевъ. Живописною группой застыли на мигъ, на одинъ только мигъ, полупригнувшись къ высокой лукѣ сыны вольныхъ степей, красавцы - бедуины, въ своихъ полосатыхъ, сине-коричневыхъ бурнусахъ, съ головой охваченною широкимъ покрываломъ, подъ темнымъ жгутомъ «кефіи». Бѣлый арабскій жеребецъ, вздрагивая, косясь налитыми кровью глазами, сердито поводитъ глазами, свиваетъ кольцомъ бѣлоснѣжную шею. Широкое сѣдло лихого наѣздника все въ серебрѣ, въ перламутрѣ; яркою бахрамой спускается спереди оригинальный уборъ: сплошная сѣтка въ родѣ попоны, ниспадающая ниже колѣнъ чистокровнаго скакуна и онъ весь — конь и всадникъ — отъ уздечки до чепрака, отъ разноцвѣтныхъ кистей до серебряной рукоятки кинжала одно гармоничное цѣлое, какъ бронзовое изваяніе, застывшее предъ вами на обрывистомъ откосѣ.


Лошадиный уборъ.

А внизу живописною гурьбой, въ пестрыхъ одеждахъ, расположились представители азіатскихъ племенъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ: сарды и негры, феллахи и турки, арабы, таджики, продавцы-персы, армяне. Женщины-виѳлеемки, драпируясь въ складки неизбѣжныхъ покрывалъ, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ вышитые золотомъ корсажи, цвѣтные рукава, серебряные монисты, столпились на каменистыхъ тропинкахъ, жгучимъ взглядомъ провожая иностранцевъ. Люди, повозки, лошади, ослики чередуются безконечною вереницей. Многочисленныя становища заняли почти все пространство отъ воротъ Св. Стефана вверхъ по пологому скату горы Масличной, разбились среди кущъ ея маслинъ, подступили почти къ самому - храму - вертепу Успенія Богоматери. А надъ нимъ, надъ его сѣрымъ квадратомъ нѣсколько влѣво раскинулась огромная палатка-шатеръ греческаго патріарха, пестро изукрашенная флагами и гирляндами. Оркестръ военной музыки, диссонируя, настраивается предъ пюпитрами. Турки-музыканты наигрываютъ веселый мотивъ, совершенно не подходящій къ торже-

ственной обстановкѣ, и на надо всею этою картиной полной жизни, полной движенія, въ голубой небесной синевѣ мягко стелются золотистые тоны яркаго освѣщенія. Солнце потокомъ жизнерадостныхъ лучей заливаетъ Элеонскую гору и тамъ, вдали на ней, выступаетъ, сквозитъ бѣлая колонка минарета, сѣрыя очертанія храмовъ и монастырей, остроконечный шпиль трехъярусной гигантской колокольни.

Миновавъ каменистую площадку близъ стѣнъ Іерусалимскихъ, гдѣ груда камней обозначаетъ мѣсто убіенія первомученика Стефана, мы подъѣзжаемъ къ тому историческому памятнику, гдѣ сосредоточилось сегодня христіанское празднество. У подножія горы Элеонской, немного выше Кедронскаго потока, переступивъ каменный мостъ—влѣво предъ вами встаетъ одинокая, полураспавшаяся руина. Каменный бортъ ограды, окаймляющій бѣлую известковую дорогу, прорвался здѣсь, пропустивъ грубо сложенную арку воротъ съ желѣзною рѣшеткой. За ней въ небольшомъ квадратѣ двора — сплошное море обнаженныхъ головъ. Это православные паломники сгруппировались у входа въ церковь *Гробницы Божіей Матери* *).

Марко-кавасъ, разодѣтый лучше обыкновеннаго по случаю предстоящаго торжества, замѣтивъ нашу коляску, быстро направляется къ ней, звеня своею массивною булавой. Мы протискиваемся черезъ толпу ко входу въ пещеру. Сѣрый массивъ скалы какъ будто вырѣзанъ изъ каменной толщи земли и подпертъ по бокамъ широкими контрафорсами. Въ фасадѣ ея, обращенномъ на югъ, зіяетъ темная впадина подъ стрѣльчатою аркой. Бѣломраморныя колонны широко раздвинули входную дверь — и отсюда отъ порога спускаются внизъ, въ поразительную глубину по откосу, пятьдесятъ ступеней, низводящихъ васъ подъ темные своды древнѣйшей христіанской церкви **). Но теперь спуститься въ нее нѣтъ никакихъ силъ, ни малѣйшей возможности. Море людей, прихлынувшее къ устью этого храма — пещеры — широкимъ потокомъ влилось въ ея глубину и застыло въ далекой перспективѣ, причудливо озаренной безчисленными огнями лампадъ и свѣчей. Оттуда изъ невидимой глубины льется, доносится къ намъ священное пѣснопѣніе. Обѣдню служитъ самъ патріархъ у погребальнаго ложа-гробницы Богоматери. Хоръ греческихъ пѣвчихъ, чередуясь, поетъ

---

*) У древнихъ Евреевъ только цари погребались въ городахъ, всѣ же прочіе жители обыкновенно за городомъ. (Лука VII, 12; Іоан. XI, II, 30). Извѣстенъ завѣтъ Богоматери о погребенія Ея вмѣстѣ съ родителями въ такъ-называемой вѣси Гефсиманской.

**) Іоаннъ Дамаскинъ уже упоминаетъ о ней въ V вѣкѣ. Послѣ нашествія Хакима въ 1099 году она была возстановлена Готфридомъ Бульонскимъ. Въ XII столѣтіи находившійся при ней монастырь былъ разрушенъ Саладиномъ, но Турки, почитающіе Матерь Великаго Пророка, не тронули самой церкви, посвященной ея имени.

съ русскимъ хоромъ нашей духовной миссіи. Отрывистыя слова молитвы, возгласы діакона и священниковъ по временамъ долетаютъ изъ-подъ земли, и тогда вдругъ многотысячная толпа, со свѣчами въ рукахъ, начинаетъ усиленно креститься, что-то усиленно шептать на непонятномъ жаргонѣ своей далекой родины. Копты и христіане-арабы вторятъ мощнымъ звукамъ захватывающей душу торжественной молитвы. Густою пеленой стелется дымъ кадильный, ползетъ изъ глубины подъ сводчатымъ закоптѣлымъ потолкомъ коридора-галлереи вверхъ ко входу въ пещеру, сливается съ дыханіемъ людей, удушливымъ жаромъ обдавая стоящихъ въ самомъ устьѣ вертепа.

Въ оградѣ двора обособленными кучками ярко выдѣляются представители далекой Руси и трогательно видѣть какимъ умиленіемъ отразилось на нихъ торжественность обстановки. Сѣдой странникъ съ книжкой въ рукахъ громко нараспѣвъ читаетъ толпѣ по-славянски каноны. Странницы въ черныхъ платкахъ, съ котомкой за плечами, съ жестяными кружками у пояса, жмутся вокругъ него слезливо моргая. Костромичъ, волжанинъ, ярославецъ, владиміrецъ, бѣлоруссъ и скиталецъ далекой Сибири — всѣ они здѣсь какъ братья, старые и молодые, слились въ одну нераздѣльную семью на чужбинѣ. Обернитесь!... направо смуглыя лица дѣтей знойнаго Египта — это копты-христіане. Подлѣ нихъ живописная группа виѳлеемскихъ женщинъ, а тамъ, у порога, на первыхъ ступеняхъ невидимой лѣстницы, застыли въ бѣлыхъ «фереджи» турчанки, да, и онѣ пришли сюда многочисленною гурьбой, чтобы почтить память «Ситта-Маріамъ» блаженной Матери Великаго Пророка *). Въ глубинѣ храма идетъ теперь панихида. Предъ каменнымъ погребальнымъ ложемъ въ углубленіи обширной пещеры покоится на оригинальныхъ носилкахъ образъ Успенія Пресвятой Дѣвы, аѳонскаго письма, выпиленный изъ дерева **). Онъ весь сплошь утопаетъ въ цвѣтахъ, залитъ огнями, задрапированъ дорогою парчей. Патріархъ съ архіереями, съ архимандритомъ русской миссіи отцомъ Антониномъ, при полномъ клирѣ, заканчиваетъ службу. Еще нѣсколько минутъ, и предъ вашими глазами начинается удивительная церемонія. При громкомъ пѣніи греческаго хора патріархъ произнесъ молитву. Многотысячная толпа дрогнула, заколыхалась... Звонко застучали о каменныя плиты булавы кавасовъ, замелькали огни; часть народа, подавленная невидимымъ напоромъ снизу, хлынула наружу, вылилась шумнымъ потокомъ на площадку, за порогъ входныхъ дверей.

*) У мусульманокъ существуетъ глубокое убѣжденіе, что вата и масло, взятыя отъ гроба Св. Дѣвы, излѣчиваютъ всѣ дѣтскія болѣзни. Сюда же онѣ приходятъ молиться о дарованіи имъ потомства.

**) Изъ цѣльной доски иконы вырѣзанъ точно очертанный силуэтъ Богоматери.

И вотъ, изъ глубины темной пещеры стали подниматься вверхъ по ступенямъ священники, пѣвчіе въ торжественной процессіи. Это несли образъ Св. Дѣвы на ложѣ изъ цвѣтовъ изъ ея усыпальницы—вверхъ, къ народу! Вокругъ меня вдругъ заголосили турчанки. Ударяя себя въ грудь, онѣ начали какъ будто причитать на своемъ мягкомъ, пѣвучемъ жаргонѣ, многія изъ нихъ плакали. Въ эту минуту, почти посрединѣ ярко озареннаго свѣчами коридора, показались носилки съ иконой. Громкое пѣніе греческаго хора разлилось широкою волной, вырвалось, хлынуло наружу. Какое-то страстное вдохновеніе вмигъ охватило тысячную толпу разнородныхъ племенъ и она, не стройнымъ, но торжественнымъ ладомъ запѣла, каждый на своемъ языкѣ, молитву Единому Богу! Изъ группы женщинъ полетѣли зажженныя свѣчи—это турчанки бросали тонкія маканки въ моментъ прохожденія мимо нихъ священной процессіи. Въ воздухѣ замелькали цвѣты. Гулкій крикъ тысячи человѣческихъ грудей потрясъ воздухъ. Еще моментъ—шествіе ступило во дворъ и толпа снизу неудержимо хлынула за нимъ. Мы поспѣшили спуститься въ церковь, чтобъ осмотрѣть историческую *гробницу Св. Дѣвы.*

Подземный храмъ надъ усыпальницей Богоматери создался усердіемъ все той же царицы Елены, матери Великаго Константина, которой Палестина обязана возстановленіемъ своихъ священныхъ развалинъ. Нѣтъ почти уголка въ Іудеѣ гдѣ бы жена Констанція Хлора заботливою рукой не разыскала древнихъ храмовъ, разрушенныхъ и оскверненныхъ иновѣрными завоевателями. Широкая мраморная лѣстница ведетъ подъ высокіе своды обширнаго храма, гдѣ справа и слѣва виднѣются алтари различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій; греки, копты, сирійцы, католики одинаково оспариваютъ свои права на обладаніе усыпальницей Богородицы. Даже турки имѣютъ свой мирабъ, пріютившійся у южной стѣны гроба, ревниво оберегаемый и чтимый. Рядъ неугасаемыхъ лампадъ теплится надъ могильною пещерой. На стѣнахъ иконы стариннаго письма, а на лѣстницѣ справа и слѣва почти въ половинѣ ея вамъ укажутъ неболшія часовни—*усыпальницы Св. Іосифа,* перенесеннаго сюда изъ Назарета, и *гробницы Свв. Іоакима и Анны,* родителей Пресвятой Дѣвы. Католики умудрились обособиться и здѣсь. Недалеко отъ пещеры узкимъ проходомъ вы входите въ капеллу, изукрашенную картинами молящагося Христа, спящихъ апостоловъ и бѣгства ихъ изъ Геѳсиманіи. Патеръ увѣрялъ насъ, что именно здѣсь Спаситель провелъ послѣдніе часы предъ взятіемъ Его подъ стражу.

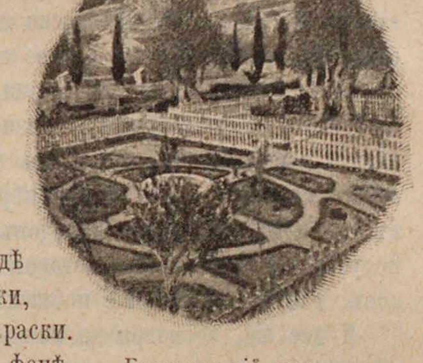
По окончаніи богослуженія мы въ числѣ почетныхъ гостей были приглашены въ палатку-шатеръ патріарха. Поднявшись по горному уступу надъ храмомъ Успенія Божіей Матери, среди шумной, оживленной толпы, мимо шпалеры залитыхъ золотомъ кавасовъ, мы вступаемъ подъ навѣсъ

изъ бѣлой парусинной ткани, оригинально укрѣпленной на растянутыхъ канатахъ, отъ центральнаго шеста къ боковымъ кольямъ, вколоченнымъ по уклону. Обширный шатеръ раздѣленъ занавѣсью на двѣ половины. Въ задней сокрытой отъ глазъ посѣтителей помѣщается кухня; оттуда доносится звонъ посуды, сдержаный голосъ прислуги. А здѣсь аристократическій салонъ европейскихъ представителей, щеголяющихъ знатостію происхожденія, обширностію полномочій и богатствомъ туалета. Широкій турецкій диванъ, устроенный по походному изъ мягкихъ восточныхъ подушекъ, предоставленъ духовенству и дипломатіи. Русскій и греческій консулы, отецъ архимандритъ духовной миссіи, почтенный старожилъ Іерусалима докторъ Х. В. Мазараки съ женой, секретари консульствъ, дамы высшаго общества, почетные гости-туристы и многочисленная толпа любопытныхъ— все это сгруппировалось и ждетъ теперь появленія патріарха Герасима. Музыка вдали заиграла торжественный маршъ, встрѣтивъ его блаженство веселымъ мотивомъ изъ какой-то оперетки. Патріархъ занялъ мѣсто въ центрѣ софы, приглашая насъ садиться. Мальчики-прислужники тотчасъ же разнесли гостямъ на подносахъ кумъ-кумъ, шарбетъ съ ледяною водой и чашечки ароматическаго кофе. Завязалась оживленная бесѣда. Мы откланялись его блаженству, пользуясь любезнымъ предложеніемъ отца Антонина вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть Элейнъ, которому мы рѣшили посвятить сегодняшній день для обстоятельнаго ознакомленія.

Масличная гора съ ея нѣкогда тѣнистыми садами—это единственный уголокъ въ Іудеѣ, излюбленный Божественнымъ Учителемъ. Сюда уходилъ Онъ молиться, здѣсь искалъ утѣшенія, скорбя объ отвергшемъ его народѣ. Отсюда съ горечью звучалъ Его голосъ укоромъ и предостереженіемъ надменному Іерусалиму. И донынѣ Элеонъ навѣваетъ тихую грусть, будитъ въ васъ воспоминанія о тѣхъ бесѣдахъ Христа съ учениками, которыя Онъ велъ здѣсь, въ сторонѣ отъ шумнаго празднаго торжища... Высокая каменная ограда окружаетъ теперь *садъ Геѳсиманскій* *). Темные силуэты кипарисовъ еще издали намѣчаютъ вамъ то мѣсто, куда, по преданію, Спаситель удалялся не разъ изъ города съ закатомъ солнца и гдѣ предалъ его воинамъ Іуда. Дикій заброшенный уголокъ прежней масличной рощи

*) Теперешній уголокъ, принадлежащій католикамъ, вѣроятно только уцѣлѣвшій остатокъ бывшаго обширнаго сада. Во время осады Іерусалима Титомъ, священный садъ Геѳсиманскій былъ вырубленъ римскими регіонами и пошелъ на костры, у которыхъ грѣлись солдаты, коченѣвшія отъ зимней стужи. Отъ этого погрома уцѣлѣли только три маслины.

Евангельскихъ дней ревниво оберегается теперь итальянцами-маронитами. Католическій монахъ въ темно-коричневомъ балахонѣ, подпоясанномъ чернымъ кушакомъ, въ круглой шапочкѣ-ермолкѣ на гладко-остриженной головѣ, впустилъ насъ въ желѣзную рѣшетку, и мы невольно остановились удивленные неожиданнымъ зрѣлищемъ.


Геѳсиманскій садъ.

Яркое, жгучее солнце дышитъ удушливымъ зноемъ... Вся окрестность вокругъ—каменистая, почти оголенная пустыня. Кое-гдѣ только купы одинокихъ оливъ оттѣнили зелеными пятнами гористый подъемъ Элеона. Неустаннымъ палящимъ дыханьемъ солнце выжгло траву и кустарникъ. Далеко окрестъ въ природѣ какъ-будто изсякли производительные соки, исчезла растительность, поблекли яркія краски. И вдругъ, на этомъ сплошномъ желтомъ фонѣ, подъ тѣми же лучами того же губительнаго солнца заботливая рука человѣка сумѣла сберечь всевозможныя растенія, покрывъ, сплошнымъ ковромъ травъ и цвѣтовъ раскаленную грудь матери-земли. Католическіе монахи обратили въ сплошной цвѣтникъ историческій уголокъ любимаго пріюта Спасителя... Среди пестрыхъ, пышно разросшихся куртинъ розъ, георгинъ, желтофіолей и жасмина, мощно поднялись восемь гиганскихъ маслинъ, несомнѣнно глубокой древности *). Странное впечатлѣніе производятъ на васъ эти исполинскія маслины. Колоссальный базисъ ихъ сѣропепельнаге цвѣта, какъ массивная толща скалы, весь покрытъ наростами и гигантскій стволъ развѣтляется вдругъ, поднявъ къ небу темную шапковидную крону. Въ саду сохранились только восемь библейскихъ великановъ и, полные величавой задумчивости, они стоятъ какъ-будто окаменѣлые, пощаженные двадцатью промчавшимися надъ міромъ вѣками! Время, въ своей неустанной, всесокрушающей работѣ, источило сердцевину маститыхъ старцевъ Геѳсиманіи, и дуплистые исполины только съ виду кажутся мощными и несокрушимыми. Часть могучихъ корней давно уже изсохла; почти выгнила и та живоносная струя, по которой поднимались когда-то живительные соки, питавшіе зеленую вершину; новые молодые

*) На древность ихъ указываетъ любопытная историческая справка. При Шатобріанѣ турки, взимавшіе подати со всѣхъ палестинскихъ маслинъ пропорціонально ихъ доходности, обложили геѳсиманскихъ великановъ только по медину отъ корня. Эта привилегія распространилась лишь на тѣ деревья, которыя давали уже плоды во время перваго завоеванія Іерусалима халифомъ Омаромъ.

побѣги только мѣстами едва пробились отъ историческихъ корней, но прозрачная листва ихъ не въ силахъ еще отбросить и тѣни на землю!

Едва ощутимымъ лобзаніемъ невидимый вѣтерокъ слабо пробѣгалъ въ ихъ зеленомъ навѣсѣ, какъ будто нашептывая тихую, грустную мелодію, полную меланхолической прелести. За двѣ тысячи лѣтъ христіанство успѣло одряхлѣть, какъ и тѣ старыя геѳсиманскія деревья, предъ которыми стоялъ я теперь, полный тоски со жгучею болью въ сердцѣ. Живительные соки, питавшіе когда-то *единое цѣлостное христіанское древо*, почти изсякаютъ... Духъ братской любви, всепрощенія, великіе завѣты, завѣщанные намъ Богочеловѣкомъ—жизненная сердцевина могучей религіи поистерлась и вывѣтрилась въ грубомъ будничномъ примѣненіи. Къ началу двадцатаго столѣтія отъ истинной вѣры, отъ стимуловъ величайшей религіи міра въ средѣ европейскихъ народовъ осталась лишь одряхлѣвшая форма—полусгнившій стволъ, на которомъ, лишенные внутреннихъ жизненныхъ соковъ, глохнутъ одинокіе побѣги...

И все же, несмотря на изящество обстановки, всѣ эти аккуратно посыпанныя песочкомъ дорожки, цвѣтущія пестрыя куртины, металлическія рѣшетки, предусмотрительный оплотъ отъ слишкомъ рьяныхъ поклонниковъ —аксессуары цивилизаціи, производятъ грустное впечатлѣніе. Католики и здѣсь, какъ на Крестномъ пути, стремятся подчеркнуть все то, что́ должно восприниматься не глазами, а сердцемъ, душой... Вдоль ограды, идя по дорожкамъ, предъ вами, въ маленькихъ шкапчикахъ за стекломъ, проходитъ одна за другою въ рельефныхъ фигурахъ изображающихъ Спасителя, бѣгущихъ учениковъ, римскую стражу и ожесточенныхъ евреевъ—скорбныя страницы Евангелія, связанныя съ Геѳсиманіей. Знакомыя надписи и здѣсь стараются привлечь вниманіе пилигрима. Наши добродушные мужички и бабы, великоруссы и малороссы, умиленно кладутъ предъ ними поклоны, пытаясь порою прикладываться. Францисканскій монахъ, наблюдающій за порядкомъ, конечно, не даетъ себѣ труда объяснить этимъ дѣтямъ, полнымъ сердечной вѣры, ихъ невольнаго заблужденія. Только бѣлое, мраморное изваяніе Спасителя, произведеніе талантливаго рѣзца, передающее моментъ *моленія о чашѣ*, наполняетъ душу радостнымъ чувствомъ. Окруженная зеленью, подъ навѣсомъ раскидистыхъ вѣтвей, прекрасная статуя вполнѣ гармонируетъ съ окружающею обстановкой. Только такъ понятый культъ можетъ примирять съ неизбѣжнымъ олицетвореніемъ того, что выше условныхъ земныхъ формъ и шаблоннаго человѣческаго пониманія.

Неизмѣнный спутникъ нашихъ осмотровъ, Марко-кавасъ, указываетъ намъ пещеру, гдѣ молился Спаситель, и гдѣ кровавый потъ каплями падалъ на холодную землю. Онѣ прожгли даже толщу камня и пронизали

его насквозь. Почти у самой калитки груда камней обозначаетъ мѣсто, гдѣ по преданію уснули три апостола, не имѣвшіе силъ «и часу пободрствовать» съ Тѣмъ, Кто, страдая за міръ, готовился принести Себя какъ искупленную жертву.

По извилистой бѣлой дорожкѣ, вдоль каменныхъ оградъ, мы сворачиваемъ вправо и, поднимаясь все вверхъ по пологому скату Элеона, приближаемся къ обширному *русскому храму*, недавно выстроенному здѣсь во имя *Маріи Магдалины*. Бѣлый квадратъ его возвышается на полугорѣ, какъ будто глядитъ съ каменистаго уступа на Св. городъ. Церковь выстроена въ характерномъ византійскомъ стилѣ въ два свѣта и увѣнчана пятью главами надъ оригинальною сводчатою крышей. Архитектура зданія напоминаетъ немногіе, мѣстами уцѣлѣвшіе у насъ на Руси, храмы древне-русскаго зодчества. Средства на постройку его жертвованы Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами, пожелавшими увѣковѣчить здѣсь память покойной родительницы своей Императрицы Маріи Александровны. Вы вступаете на широкую каменнную лѣстницу, которая двумя поворотами съ боковъ ведетъ васъ подъ прохладный навѣсъ галлереи. Внутренность храма отличается изяществомъ отдѣлки и превосходно исполненною живописью образовъ и картинъ, принадлежащихъ лучшимъ русскимъ художникамъ *). Иконостасъ его выложенъ мраморомъ въ дорогой бронзовой оправѣ; вся обстановка храма дышитъ симпатичною простотой, строгостью формъ и правильностью линій. Изящно закругленные прелеты съ массивными рѣшетками ведутъ въ нижній этажъ подъ террасу. Все это помѣщеніе, поддерживаемое колоннами, предназначено для временнаго жилья священнослужителей, а частью для различныхъ кладовыхъ, необходимыхъ по хозяйственнымъ соображеніямъ. Осмотрѣвъ съ большимъ интересомъ еще мало знакомую русскимъ паломникамъ церковь, мы вернулись на высоко приподнятую надъ уровнемъ земли паперть-галлерею. Поклоннику палестинскихъ святынь особенно дорога древность уцѣлѣвшихъ религіозныхъ памятниковъ и связанныя съ ними многовѣковыя преданія. На этой почвѣ каждый камень—свидѣтель минувшей борьбы, незабвенныхъ историческихъ моментовъ. У молодого русскаго храма, только-что выросшаго на горѣ Масличной, съ камнями создавшими его стѣны, тоже успѣла сложиться зна-

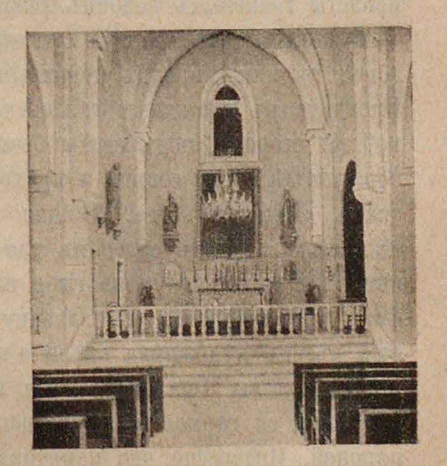
*) Большая картина надъ иконостасомъ изображаетъ императора Тиверія, сидящаго на тронѣ, и Марію Магдалину предъ нимъ съ краснымъ пасхальнымъ яйцомъ въ рукѣ. Особенно хороша икона въ алтарѣ—женъ мироносицъ предъ сидящимъ на камнѣ ангеломъ у входа въ гробницу Спасителя. Иконы же двунадесятыхъ праздниковъ—интересныя копіи съ образовъ Исаакіевскаго собора. Лучшія иконы принадлежатъ кисти Верещагина.

менательная легенда. Тамъ, внизу, у его подножья, на «вверженіи камня» безмолвно застылъ темный садъ Геѳсиманскій. За нимъ пролегла каменистая ширь Іосафатовой долины, таинственнаго мѣста грядущаго суда Божія. Она подступила вплотную къ зубчатой стѣнѣ, опоясавшей св. городъ, а изъ-за ея каменной твердыни поднялся изящный, причудливый, фантастичный, какъ восточная сказка, абрисъ мечети Омара. Чуждый пришлецъ чуждаго владычества, турецкій полумѣсяцъ, царитъ теперь на обширномъ дворѣ Соломонова храма, къ которому вьется отсюда бѣлѣющая тропинка. Она упирается въ *Золотыя Ворота*, подъ двустрѣльчатою аркой которыхъ проѣзжалъ нѣкогда Христосъ, сидя на ослѣ, окруженный толпами народа, радостно привѣтствовавшаго кликами *Осанна!* Всѣ завоеватели Іерусалима, по странному совпаденію, чрезъ эти же ворота вступали въ послѣдствіи во святой городъ. Чрезъ нихъ же вторглись крестоносцы, и съ тѣхъ поръ неизмѣнно легенда вѣками намѣчаетъ здѣсь путь грядущему христіанскому завоевателю. Предусмотрительные турки остроумно догадались заложить камнемъ опасные для ихъ владычества пролеты воротъ, но зорко оберегая прилегающую къ нимъ мѣстность, мусульмане по странной случайности просмотрѣли новый русскій храмъ Маріи Магдалины и онъ вдругъ выросъ предъ ними какъ грозный стражъ, нежданный призракъ таинственнаго сказанія...

Каменистая круча горы Масличной прорѣзана бѣлою сѣткой тропинокъ, опутавшихъ ее отъ подножія до самой вершины. Широкою извилистою полосой всползаетъ известковое шоссе, развѣтвляясь у каменной ограды Геѳсиманскаго сада. Отсюда вправо, дробясь на два рукава, оно идетъ къ другому историческому центру Элеона, на которомъ, по преданію, находится мѣсто Вознесенія Спасителя. Влѣво бѣлою каймой вьется дорога къ русскому Элеону, увѣнчанному православнымъ храмомъ съ колоссальною, трехъярусною колокольней. Мы пересѣли изъ экипажа на осликовъ и, слѣдуя за кавасомъ Марко, стали подниматься все выше надъ окрестностью Іерусалима. Пятый часъ дня томительнаго, изводящаго зноемъ. Въ голубой синевѣ неба ни облачка; нѣтъ даже волнистой мути, предвѣстницы прохладнаго вечера. Удивительными тонами синевы отливаетъ ярко освѣщенное небо. Придорожныя оливы стоятъ бѣлыя отъ известковой пыли; овода и мухи безжалостно кусаютъ животныхъ. Отъ спаленной земли вѣетъ томительною истомой. Даже нашъ флегматикъ Константинъ какъ-то особенно ступаетъ босыми ногами по сильно нагрѣтымъ каменнымъ плитамъ. Меня начинаетъ угнетать невыносимая жажда. На лицахъ моихъ

спутниковъ утомленіе и вялость. Ослики бредутъ цугомъ, помахивая куцыми хвостами. Разговоръ смолкъ, порвался. Мы подъѣзжаемъ къ воротамъ *монастыря Кармелитокъ*—удивительному пріюту *вѣчнаго молчанія*.

Какимъ-то тягостнымъ контрастомъ вдругъ пахнуло на меня въ его стѣнахъ. Едва звякнула и отворилась тяжелая калитка, едва я переступилъ черезъ ея порогъ, какъ меня охватила тишина, нигдѣ ранѣе не выступавшая такъ рельефно. Я стоялъ въ преддверіи храма странной обители, странныхъ аскетокъ, посвятившихъ себя во имя Христа вѣчному молчанію и молитвѣ. Подъ готическими сводами бѣло-мраморной капеллы сердце невольно сжимается и въ васъ проникаетъ глубокое религіозное настроеніе. Пять ступеней во всю ширину церкви ведутъ къ открытому алтарю, надъ которымъ изящныя полуколонны сомкнулись стройными рядами стрѣльчатыхъ арокъ. Бѣлыя мраморныя изваянія обрамляютъ стѣны; хрустальная люстра спускается надъ балюстрадой. Вдоль панели рядами стоятъ скамьи и справа чернѣетъ высокій пролетъ полукруглаго свода, забраннаго непроницаемою желѣзною рѣшеткой. Такая же рѣшетка въ окнѣ на верху, надъ алтаремъ кладетъ на церковную обстановку отпечатокъ неумолимаго аскетическаго устава. Мы вошли на цыпочкахъ и замерли, подавленные тишиной, усугубленною полнѣйшимъ отсутствіемъ посѣтителей. Сквозь высокія окна въ разноцвѣтныя стекла мягко льется свѣтъ, но его жизнерадостный оттѣнокъ кажется чуждымъ этой обители смерти. Сознанье, что въ нишѣ за темною рѣшеткой въ эту минуту безмолвно застыли въ молитвенномъ вдохновеньи группы молящихся, невидимыхъ и не видящихъ никого никогда, почти отвыкшихъ отъ человѣческаго голоса, производитъ неотразимое впечатлѣніе.



Монастырь Кармелитокъ.

Мы вздохнули свободнѣе, очутившись во дворѣ этого удивительнаго учрежденія. Страшная жажда, не перестававшая мучить меня все время, слипала губы. Вдругъ вижу, на встрѣчу ко мнѣ, по каменнымъ ступенямъ лѣстницы, идетъ молодая монахиня. Блѣдно-восковой абрисъ ея лица рѣзко выдѣляется подъ чернымъ платкомъ, копюшономъ; ослѣпительно бѣлымъ фартукомъ стянута грудь и на немъ голубой крестъ—символъ любви и милосердія. Въ благородныхъ чертахъ, въ ея грустно-задумчивомъ взорѣ, мнѣ почудилось вдругъ что-то неизъяснимо симпатичное. На насъ всѣхъ

неотразимо подѣйствовалъ взглядъ ея черныхъ глазъ глубокихъ, задумчиво-прекрасныхъ. Я нарушилъ суровый уставъ—и по-французски попросилъ напиться. Никогда не забуду той грустной, прелестной улыбки, которая скользнула по ея тонкимъ губамъ, и тихаго подавленнаго вздоха. Не промолвивъ ни слова, она вновь поднялась по ступенямъ и исчезла за дверью. Минуту спустя легкій шелестъ платья заставилъ меня обернуться. Я вздрогнулъ—передо мной стояла сестра-кармелитка съ кружкою холодной воды, въ которой плавали лепестки только-что сорваннаго померанца... Покидая молчаливую обитель Элеона, я уносилъ съ собой изъ ея стѣнъ прелестный, задумчиво-грустный образъ сестры Ангелики.

Отсюда мы прошли въ такъ-называемую *Галлерею Молитвы Господней*. Католики захватили въ свои руки то мѣсто, гдѣ, по преданію, Спаситель научилъ апостоловъ какъ надо молиться. На бѣлыхъ стѣнахъ ея правильнаго квадрата, обращеннаго сторонами къ сѣверу, востоку, югу и западу, подъ высокими арками на 33 языкахъ *) благочестивая рука набросала слова *Отче Нашъ* для пилигримовъ всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій. Золотыя буквы молитвы Господней покрываютъ и славянскою вязью одинъ изъ мозаичныхъ квадратовъ обширной галлереи, но странная небрежность исказила ея смыслъ грубыми орѳографическими ошибками **). Безконечная цѣпь готическихъ сводовъ, скрещивающихся надъ вашею головой коническими изгибами, образуетъ стройную сквозную анфиладу. Въ пролеты граненыхъ колоннъ ложится мягкій полусвѣтъ; у базиса парапета —трепетныя тѣни. Мягкій сумракъ сгустился въ пилястрахъ, подъ карнизомъ, въ нишахъ, надъ правильными рядами простѣнковъ—это съ сѣвера. Пройдите въ восточную галлерею, тамъ болѣе яркое освѣщеніе; а въ южной ея сторонѣ, подъ своды безмолвной капеллы, уже смѣло прорвался золотистый лучъ солнца и прихотливо скользитъ по многочисленнымъ доскамъ «Pater Noster». Темная ниша съ желѣзною сѣтчатою дверью предназначена служить склепомъ для принцессы *Туръ д'Оверна*, основательницы католическаго монастыря на горѣ Элеонской. Оригинальный саркофагъ украшаетъ ея усыпальницу. На бѣломраморной гробкицѣ талантливый рѣзецъ художника смѣло и красиво источилъ во весь ростъ прелестное изваяніе дѣвы. Она полулежитъ задернутая по поясъ мраморною тканью а у ногъ ея гармонично сплелись Бурбонскія лиліи съ изящною герцогскою короной. Интересно, что памятникъ этотъ—мавзолей герцогини Бульонской, проведшей долгіе годы въ Палестинѣ, подаренъ ей еще при жизни Наполеономъ III.

---

*) Въ память тридцати трехъ лѣтъ жизни Спасителя.

**) Такъ вмѣсто словъ „хлѣбъ нашъ насущный", написано „хлѣвъ".

Бѣлая полоса дороги отсюда ведетъ на самый гребень горы Элеонской. Почти въ центрѣ ея, на изломѣ, небольшая арабская *деревушка Зейтунъ* пріютила одинокую мечеть, утопающую въ зелени низкихъ приземистыхъ оливъ. Неизбѣжный минаретъ съ закругленною коническою крышей нѣкогда гордо озиралъ окрестность, но теперь онъ уже никнетъ главой предъ колоссальною русскою колокольней отца Антонина. Лабиринтомъ узкихъ переулочковъ мы подъѣзжаемъ къ небольшому двору, обнесенному каменною оградой. На голомъ пустырѣ стоитъ восьмигранное зданіе оригинальной архитектуры. Тройныя колонны поддерживаютъ полукруглыя аркады наглухо заложенныя камнами. Только въ одной изъ нихъ узкая дверь пропускаетъ васъ во внутрь этой *мечети Вознесенія*. На толстыхъ стѣнахъ ея какъ-будто надстроенъ широкій круглый перистель съ небольшими впадинами чернѣющихъ оконъ, и все зданіе сведено подъ шарообразный выпуклый куполъ гладко отшлифованнаго бѣлаго камня. Въ яркихъ лучахъ палестинскаго солнца онъ залитъ теперь потоками золотистаго свѣта и весь бѣлый ослѣпительно рѣжетъ глаза, сверкая гладко отполированною поверхностью *). Бравый Марко вступаетъ въ переговоры съ какимъ-то турецкимъ муллой, флегматично возсѣдающимъ на камнѣ у двери. Его неподвижная фигура въ синемъ широкомъ халатѣ небрежно подпоясанномъ пестрымъ кушакомъ, широкое окладистое лицо съ бѣлою бородой, сочный носъ и полузакрытыя вѣки подъ нависшими щетинистыми бровями, на которыя вплотную надвинута грязноватая чалма, дышитъ довольствомъ и самонадѣянностью. Мы подступаемъ къ нему съ шумомъ и оторопѣвшій старикъ спѣшитъ отворить намъ дверь охраняемой имъ мечети-святыни.

Пусто и неуютно подъ ея каменнымъ сводомъ. Вдоль голыхъ стѣнъ, грубо выбѣленныхъ известью, прислонены обломки камней. На плитахъ пола—грязь и мусоръ; посрединѣ, въ темномъ квадратѣ каменной рамы, непосредственно на почвѣ Элеона, Марко указываетъ намъ какъ бы оттискъ ноги на поверхности камня. Преданія многихъ вѣковъ упорно видятъ въ немъ слѣдъ Божественной пяты вознесшагося отсюда Спасителя. Ничто однако не напоминаетъ вамъ о христіанской святынѣ. Не только нѣтъ образовъ, но даже и намека на какую бы то ни было живопись. Грубо сложенный мирабъ—алтарь масульманскаго пророка одинъ неизмѣнно твердитъ о вѣчномъ *Единомъ* Богѣ, донынѣ еще непонятомъ людьми, разъединенными узкостью взглядовъ и фанатизмомъ пониманія.

---

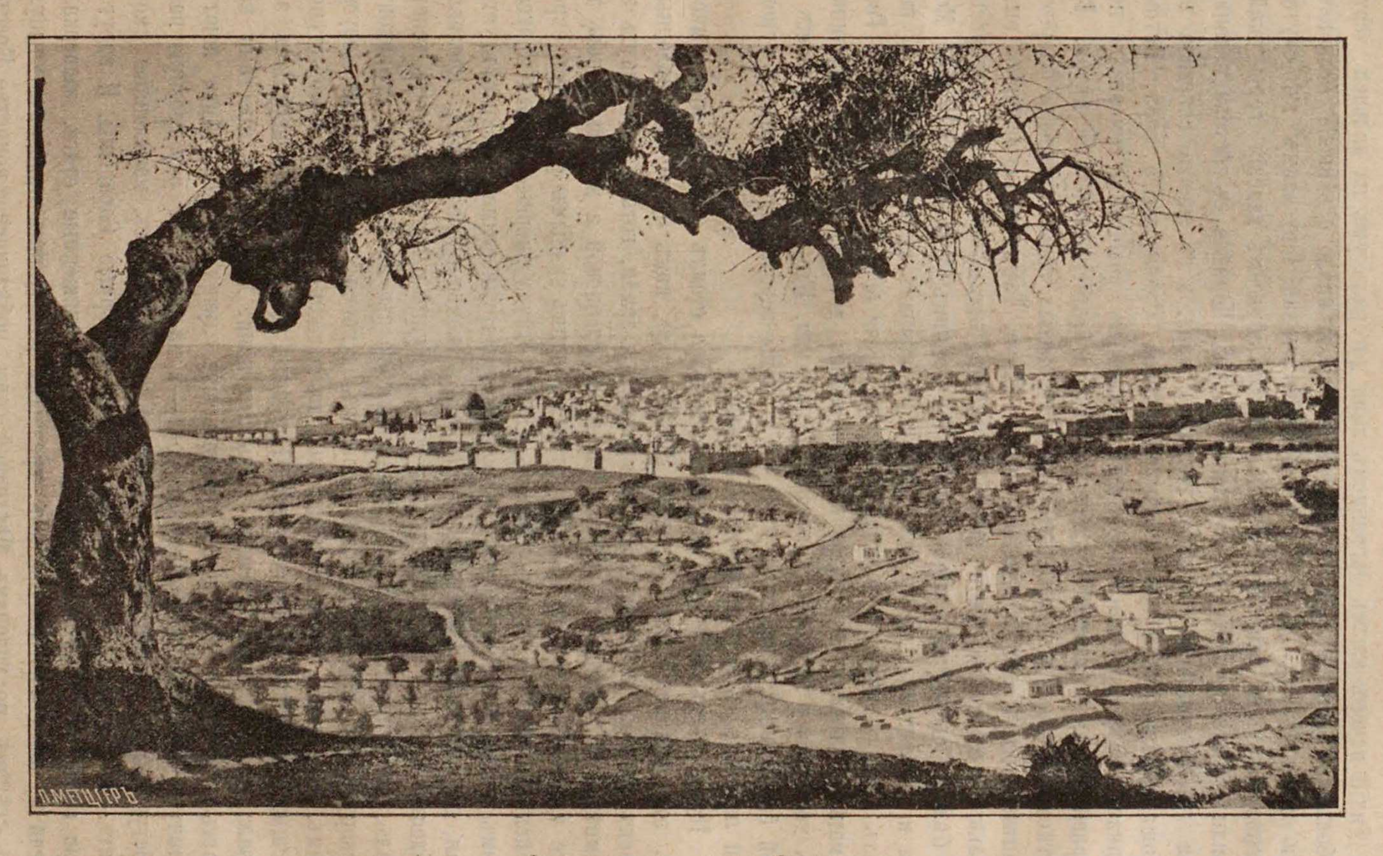
*) Царица Елена на мѣстѣ Вознесенія Спасителя воздвигла богатый храмъ, неоднократно подвергавшійся разрушенію варварами-завоевателями. Крестоносцы возстановили первоначальную церковь въ XI вѣкѣ, но въ 1187 году она была снесена мусульманами, которые на ея мѣстѣ построили существующую до нынѣ мечеть, позволяя христіанамъ совершать службу въ день Вознесенія.

Былъ уже почти вечеръ, когда мы покинули мечеть Вознесенія, направляясь къ *русскимъ постройкамъ* на горѣ Масличной. Досточтимый архимандритъ духовной миссіи ожидалъ насъ во вновь возникшей обители. Неутомимыми трудами отца Антонина на гребнѣ Галилейскаго холма незамѣтно выросъ русскій храмъ на мѣстѣ бывшей здѣсь когда-то армянской церкви. Радостное чувство охватываетъ паломника, когда онъ вступаетъ подъ гостепріимный кровъ родного дома. Истомленные жаромъ, усталые отъ массы пережитыхъ впечатлѣній дня, мы съ удовольствіемъ приняли радушное приглашеніе откушать чаю. Пока накрывали столъ на чистомъ воздухѣ, въ зеленомъ виноградникѣ, что сползъ по отлогому скату на югъ среди аллей кипариса, батюшка пригласилъ насъ осмотрѣть обширный *Храмъ Вознесенія*. Отецъ архимандритъ показалъ и свои археологическія сокровища. Въ нижнемъ этажѣ русскаго дома при работахъ обнаруженъ замѣчательный мозаиковый полъ видимо древняго дворца, судя по характеру прекрасно сохранившихся изображеній *). Двухъэтажное сѣрое зданіе оригинальной прямолинейной архитектуры, съ башенкой, выводящею васъ на крышу-террасу, пріютилось у ногъ четырехъярусной колокольни. Отецъ Антонинъ, предпринимая эту колоссальную постройку, одна лѣстница которой въ 219 ступеней, стремился создать гигантскій маякъ, который могъ бы издалека привѣтствовать паломниковъ и яркимъ огнемъ своимъ былъ бы виденъ съ моря отъ Яффы. Сильный источникъ свѣта (какъ, напримѣръ, электрическаго), помѣщенный подъ металлическою крышей колокольни, долженъ былъ бы зажигать фонарь на верхушкѣ шпица. Трогательно было слышать ту грусть, съ которою отецъ Антонинъ говорилъ намъ, что его упорные труды не увѣнчались успѣхомъ: горные уступы дѣлаютъ колокольню все-таки невидимою съ моря **). Въ пролеты ея, указъ высокихъ оконъ открывается живописная панорама окрестностей. По винтовой лѣстницѣ вверхъ мы поднялись на страшную высоту подъ самую остроконечную крышу, обнесенную желѣзною балюстрадой. Въ узкую дверку можно выйти на выступъ карниза и оттуда съ высоты предъ вами въ захватывающей духъ глубинѣ открывается удивительная картина.

---

*) Мозаичный коверъ пола пестрятъ изображенія рыбъ, странныхъ птицъ и какихъ-то аллегорическихъ животныхъ. Обширная каменная площадка, занятая нынѣ нашими постройками, въ свою очередь служитъ массивнымъ сводомъ для обширныхъ пещеръ-гробницъ. Отсюда-то извлечены тѣ разнообразныя сокровища, каменные гробики, плиты покрытыя надписями и проч., о которыхъ я упоминалъ при описаніи музея отца Антонина.

**) Усердіемъ русскихъ мужичковъ привезенъ сюда изъ Яффы по шестидесятиверстному шоссе колоколъ въ 300 пудовъ, который толпа влекла на себѣ безъ помощи верблюдовъ.



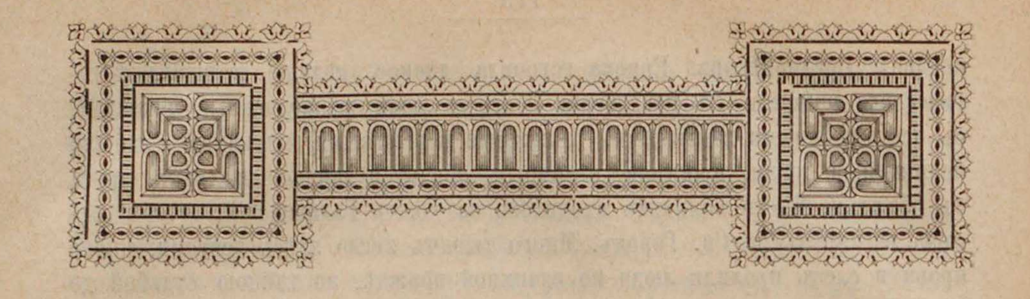
Іерусалимъ съ высоты Элеона.

Тихій вечеръ алымъ багрянцемъ зари догоралъ ужь на дальней чертѣ небосклона. Мягкими розовыми тонами заволакивало освѣщеніе безконечную ширь Іудеи. Тамъ у ногъ дремалъ стихая Іерусалимъ въ смутно распознаваемыхъ очертаніяхъ. Фіолетовымъ абрисомъ далекія горы окаймляли съ юга безконечную пустыню Іордана. Чернѣла съ востока недвижная гладь туманомъ одѣтаго Мертваго моря, а съ запада сквозила въ прощальныхъ лучахъ голубою чертой синева Средиземнаго моря. Истомленная зноемъ природа, какъ будто нѣжась въ розовыхъ сумеркахъ вечерней зари, шептала мнѣ тихія рѣчи лобзаніемъ свѣжаго вѣтра. Въ мягкомъ сумракѣ утопалъ ужъ Сіонъ, розоватыя тѣни окутывали флеромъ фантастическія аркады изящной мечети Омара. Тамъ, темно-зеленою спиралью вонзаясь на яркой каймѣ горизонта, вставали круглясь кипарисы. У бѣлыхъ сдвинутыхъ стройною каймой бойницъ, у подножья стѣны Моріа и Везефы чернѣли провалы Гигона, и сумракъ тѣней сгущался и падалъ надъ каменистою долиной Іосафата. Ярче обозначался квадратъ Геѳсиманіи, бѣлѣла русская церковъ, сплетались дороги, всползали тропинки къ холмистому гребню, къ ногамъ колокольни. Вдругъ военный рожокъ и бой барабановъ донесся къ намъ со стороны города. Это смѣнялся турецкій патруль; въ казармахъ играли зорю.

Пурпурнымъ заревомъ величаваго пожара стоялъ облитый предо мною въ это мгновеніе Св. Городъ. Раскаленный, какъ будто расплавленный дискъ золотого свѣтила уже краями касался земли, готовясь исчезнуть за темнѣющею гранью предгорій. Съ горы Элеонской я видѣлъ теперь то что много вѣковъ тому назадъ потрясло своимъ чуднымъ видѣньемъ европейскіе народы! Я стоялъ на томъ мѣстѣ, откуда впервые узрѣли Іерусалимъ полчища Крестоносцевъ. Изможденная трудностями переходовъ, усталая, обезсиленная Божья рать пала здѣсь колѣнопреклоненная, проливая радостныя слезы! И чудилось мнѣ что не сгущенныя тѣни ползутъ теперь надъ стихавшею землей: то безконечныя толпы пилигримовъ, стариковъ, безоружныхъ женщинъ, дѣтей, монаховъ, духовенства глядятъ на Іерусалимъ, а за ними, сверкая доспѣхами, въ латахъ, встало грозною стѣной мощное воинство Средневѣковой Европы. Рѣютъ знамена, сверкаютъ забрала, звенитъ оружіе, бьютъ копытами кони! Хоругви съ крестами качаясь золотятся, горятъ въ прощальныхъ лучахъ солнца. Дѣти поютъ, плачутъ женщины радостнымъ хоромъ—и на нихъ, на эту грозную рать обступившую, облегшую отовсюду городъ, съ ужасомъ, изумленные смотрятъ—съ башенъ, съ зубчатыхъ стѣнъ суевѣрные Сарацыны. И вдругъ, при громкомъ пѣніи псалмовъ, закачались священные стяги, засверкали мечи и, какъ море въ приливъ, грознымъ рокочущимъ прибоемъ, хлынуло къ стѣнамъ, по уклонамъ Масличной горы, побѣдоносное воинство Кресто-

носцевъ!! Средневѣковая Европа готовила дивное зрѣлище великаго историческаго момента. Въ преддверіи Голгоѳы люди разрозненные враждой, съ честолюбивыми замыслами, движимые корыстными планами — забыли непріязнь и козни, простили взаимныя обиды и заключили другъ друга въ объятья. Много воинствъ сходилось на холмъ Галилейскій, чтобъ отсюда взглянуть на Св. Городъ. Много тысячъ легло здѣсь костями, много крови и слезъ пролили люди во взаимной враждѣ, но тайною судьбой до нынѣ Іерусалимъ, «это наслѣдіе міра», остается въ рукахъ чуждыхъ иновѣрныхъ завоевателей! Промчались вѣка, и ослѣпленное человѣчество до нынѣ еще не восприняло завѣщанный міру завѣтъ, въ которомъ нѣтъ мѣста насилію и порабощенію, во имя какихъ бы цѣлей оно ни предпринималось! Высокая мощь христіанскаго ученія и безъ удара мечей сольетъ въ свое время «во единое стадо» разноплеменныхъ дѣтей земли, просвѣтленныхъ идеями любви и всепрощенія!..

Колокольня и Русскій пріютъ о. Антонина на горѣ Элеонской.



Глава VII.

Страна Авраама и Лота.

Путь на Хевронъ. — Рафаимская долина и ея прошлое.—Колодезь волхвовъ; Маръ-Еліасъ.—Поле Руѳи.—Гробница Рахили.— Хевронскія достопримѣчательности.—Дубъ Маврійскій.

Трехнедѣльное пребываніе въ Іерусалимѣ, посвященное обозрѣнію его историческихъ и религіозныхъ памятниковъ, всецѣло поглощаетъ и приковываетъ ваше вниманіе на этомъ центрѣ Іудеи. Но это предварительное ознакомленіе съ Іерусалимомъ, ранѣе его окрестностей, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Св. Землю, вноситъ нѣкоторую сбивчивость въ цѣлостность впечатлѣній, нарушаетъ гармонію тѣхъ евангельскихъ картинъ, которыя невольно будятъ умъ паломника-туриста. Мѣстныя условія сложились именно такъ, что весь интересъ сразу сосредоточивается на бывшей столицѣ Израильскаго народа и, такимъ образомъ, предъ вами встаютъ *сперва* картины трагическаго эпилога Божественной драмы, оставляя въ сторонѣ идиллическіе уголки рождества, дѣтства и отрочества Спасителя и связанныя съ ними воспоминанія. Впечатлѣнія, вынесенныя отъ первыхъ недѣль пребыванія въ Палестинѣ, давили меня своею безотрадностью. Теперь мнѣ предстояло осмотрѣть тотъ недалекій уголокъ, пріютившійся среди холмовъ Гедора, Гибеи и Маръ-Эліаса, на которомъ лежитъ отпечатокъ идиллической простоты незатѣйливаго пастушескаго быта.

Виѳлеемъ отстоитъ отъ Іерусалима въ полутора часахъ ѣзды, что составитъ приблизительно верстъ двѣнадцать. Наше маленькое общество, успѣвшее дружески сплотиться въ долгомъ странствіи по чужимъ странамъ, съ нетерпѣніемъ ожидало дня, предназначеннаго для осмотра Давидова города. Марко заранѣе подрядилъ четырехмѣстную коляску для дамъ и утомленнаго постоянными осмотрами археолога, а мнѣ съ докторомъ—верховыхъ лошадей. Мы тронулись въ путь, когда жаръ уже началъ спадать. Въ воздухѣ рѣяли тамъ и сямъ стаи бѣлыхъ голубей—предвѣстники прохлады и

наступавшаго вечера. Постоянная прекрасная погода, которою отличается палестинское лѣто, не знающее дождей, пасмурнаго ненастья, тучами задернутаго неба, начинало дѣйствовать на наши нервы нѣсколько утомительно-однообразно. Мы отвыкли цѣнить «хорошую погоду». Дневное пекло, даже подъ этимъ вѣчно улыбающимся небомъ, изнуряетъ, наконецъ, своимъ упорнымъ постоянствомъ. Только раннее утро и поздній вечеръ, когда еще тянетъ легкій вѣтерокъ, проливающій свѣжесть надъ землей, почти не успѣвающею остынуть, являются единственнымъ временемъ, удобнымъ для поѣздокъ. Коляска наша, запряженная парой рослыхъ лошадей съ кавасомъ Марко на козлахъ и кучеромъ-арабомъ, выѣхала на шоссе, къ Яффскимъ воротамъ. Вдоль южной стѣны, мимо замка Давида, минуя Сіонъ, мы спускаемся въ пологую ложбину, переѣзжаемъ мостъ, каменными арками переступившій грандіозную безводную цистерну Биркетъ-эсъ-султанъ и, оставивъ влѣво гору Беззаконнаго Совѣта, направляемся къ юго-западу.

Не знаю, сознаніе ли, что мы приближаемся къ мирной колыбели Христа, вокругъ которой все, начивая отъ пейзажа, кончая евангельскими силуэтами, какъ будто обвѣяно дымкой задушевной поэзіи, или этотъ тихій уже надвигавшійся надъ землей вечеръ вызывалъ въ насъ какое-то умильно радостное настроеніе. Подъ голубымъ пологомъ безпредѣльнаго небеснаго свода, какъ розовая тафта, уже крались вечерніе лучи... Тянулись къ востоку широкими лентами алые снопы свѣта. День догоралъ. Въ сѣро-пепельномъ контурѣ горъ мѣстами искрился багрянецъ, а по пологимъ холмамъ, въ ихъ впадинахъ, фіолетовою полосой, скользя, пролегали, сгущались тѣни. Сзади насъ стихалъ городской гомонъ, а по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, по землѣ разливалась спокойная тишина, наступалъ переломъ отъ суеты къ отдохновенію., Прекрасная шоссейная дорога соединяетъ теперь Іерусалимъ съ Давидовымъ городомъ *). Она искусно проведена по пологимъ горнымъ уступамъ, минуя обрывистые уклоны. Мягкій щебень хруститъ подъ колесами вашего экипажа, напоминая ѣзду далекой родины. Мы спускаемся въ такъ называемую *Рафаимскую долину* извѣстную подъ именемъ «равнины исполиновъ», къ которой библейскія сказанія пріурочиваютъ мѣсто боя Давида съ Филистимлянами. Но поле битвы дней былыхъ не сохранило донынѣ своего браннаго колорита. Напротивъ, прекрасно воздѣланныя поля маиса и ячменя провожаютъ васъ своими сплошными колыхающимися коврами почти на всемъ протяженіи. Глазъ отдыхаетъ на этомъ цвѣтущемъ уголкѣ, на этой житницѣ края, из-

*) Это образцовое шоссе выстроено губернаторомъ Реуфъ-пашой, къ которому мѣстное населеніе донынѣ питаетъ глубокое уваженіе, дорога тянется вплоть до Хеврона и содержится въ прекрасномъ состояніи, благодаря тщательному за ней уходу, являясь единственнымъ колеснымъ путемъ во всей Палестинѣ.

вѣстной своимъ плодородіемъ. Еще вправо встаютъ передъ вами мѣстами сѣрые абрисы зданій, какъ одинокіе отпрыски оставшагося позади города. Но едва успѣетъ исчезнуть ихъ темнѣющій абрисъ, какъ настоящая деревня съ ея картинами сельской простоты охватитъ васъ отовсюду. Мы только что миновали *Колодезь Волхвовъ*, у котораго запыленные арабы поятъ верблюдовъ *). Влѣво показался *Ильинскій монастырь*, снабжающій Гробъ Господень масломъ отъ своихъ маслинъ, а съ пологаго холма глядитъ уже издали обширное европейское зданіе *Австрійской больницы*. Вся окрестность «Маръ-Эліаса» полна библейскихъ воспоминаній. На придорожномъ камнѣ осенніе дожди и время впадиной источили нѣкогда гладкую поверхность, но донынѣ преданіе видитъ въ этой массивной плитѣ «ложе пророка Иліи», на которомъ онъ спалъ одинокій и безпріютный, скрываясь отъ нечестивыхъ царей Іудеи. Но камень безстрастной природы оказался мягче сердецъ человѣческихъ. Онъ обратился въ упругое ложе и на немъ навѣки остался отпечатокъ, какъ бы вдавленный силуэтъ отдыхавшаго святого. Марко-кавасъ указываетъ вдали группу домиковъ мужского католическаго монастыря и, обернувшись къ намъ съ козелъ, говоритъ многозначительнымъ полушопотомъ:

— А это таинственный монастырь! Онъ населенъ, говорятъ, мертвецами!

— Какъ мертвецами?

— Да должно быть всѣ монахи перемерли! Сколько лѣтъ существуетъ обитель, а никто никогда не видалъ, чтобы въ немъ отворялись ворота или выходи люди.

— Неужели?

— Даже поклонники ихніе не могли въ него проникнуть и никто не знаетъ, есть ли въ монастырѣ братія, сколько ихъ и чѣмъ они занимаются.

Впослѣдствіи въ Іерусалимѣ мнѣ пришлось слышать повтореніе тѣхъ же странныхъ разсказовъ. Таинственный католическій монастырь—давнишняя загадка даже для мѣстныхъ жителей; и, дѣйствительно, нельзя не удивляться этой странной замкнутости иноковъ, многіе годы не подающихъ уже никакихъ признаковъ жизни.

А между тѣмъ этотъ суровый «замокъ смерти» совсѣмъ не гармонируетъ съ окрестнымъ пейзажемъ. Жизнерадостью, уютностью и разнообразіемъ видовъ полна окрестъ широко раздвинутая голубая даль Іудеи. Тамъ, въ отлогой низинѣ, уже сквозятъ тонкимъ абрисомъ очертанія Виѳлеема. Онъ какъ будто прижался своими бѣлыми домиками, башнями,

*) Онъ извѣстенъ также подъ названіемъ колодца „Звѣзды" или „Трехъ Царей". Здѣсь, по преданію, отдыхали на пути въ Виѳлеемъ халдейскіе мудрецы, шедшіе на поклоненіе Спасителю. Отсюда евангельская звѣзда вела ихъ, послѣ свиданія съ Иродомъ (Матѳ. II, 10), вплоть до яслей, надъ которыми и остановилась.

пока смутно распознаваемые глазомъ, къ цвѣтущей зеленой впадинѣ чашѣ Уади-эль-Каррубэ, а кругомъ его обступили золотистыя нивы, темная зелень садовъ и виноградниковъ. Холмъ древней *Евраѳы*, этой библейской «долины плодородія», заслоненъ отовсюду фіолетовыми гребнями горъ, за которыми пролегла волнистая ширь Саронской долины, прильнувшая къ бухтамъ Яфо и Аскалона. Съ востока струитъ свои воды въ пустынныхъ берегахъ Іорданъ, и одинокія вершины Неби—Самуель и Рая съ юга и сѣвера заслоняютъ перспективу. Зеленѣющимъ амфитеатромъ облегли виноградники, оливы, фиговыя и миндальныя деревья бѣлые каменные домики Давидова города. И по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ нему все ближе, глазъ все больше отдыхаетъ на этомъ мирномъ пейзажѣ, чуждомъ суровой дикости и безжизненности большинства окрестностей Іерусалима. Да и воспоминанія этихъ мѣстъ хранятъ на себѣ отпечатокъ симпатичной простоты идиллическихъ временъ, давно минувшихъ событій... Вотъ влѣво отъ щебенчатой дорожной ленты залегли былыя поля богатаго библейскаго шейха Вооза, куда Руѳь, въ эпоху царей, приходила на жнивье подбирать оставшіеся колосья. Дочь страны Моавитинской плѣнила смиреніемъ и красотой родственника Вооза и онъ по обычаю Израиля взялъ ее себѣ въ жены *). По извилистому пути, гдѣ теперь катится наша коляска, въ сѣдой древности давно отжитыхъ дней, можетъ быть такимъ же теплымъ и тихимъ вечеромъ проходилъ и Іаковъ съ Рахилью и Ліей... Шумный караванъ направлялся изъ Веѳиля къ Хеврону. Племянникъ Лавана, годами служившій за право обладанія любимою женой, шелъ теперь навѣстить отца своего Исаака. Виѳлеемскія пашни провожаютъ насъ, пестрятъ издали своимъ темно-краснымъ суглинкомъ. На общемъ фонѣ спаленной іудейской пустыни *Беитъ-Леамъ*, городъ Давида, дѣйствительно «домъ хлѣба», обильный дарами природы. Чѣмъ выше гористые скаты, тѣмъ ниже охватъ далекаго горизонта... Мнѣ кажется, что сказанія глубокой старины нигдѣ не сжились такъ съ природой, не слились въ гармоническое цѣлое, какъ въ окрестностяхъ Виѳлеема. Поэтической дымкой вѣетъ на васъ отъ этихъ сѣрыхъ скалистыхъ ущелій, за которыми въ густѣющемъ суммракѣ застыло неподвижно въ базальтовыхъ берегахъ Мертвое море. Даже одинокій конусъ *Иродіума*, пріютившій прахъ великаго Ирода **), привсталъ и какъ будто

---

*) Законъ Моисея даетъ право вдовѣ требовать, чтобы ближайшій родственникъ мужа принялъ ее въ домъ и взялъ себѣ въ жены.

**) Точно неизвѣстно, который Иродъ лежитъ подъ этою могильною насыпью. Великій ли Иродъ царь Іудейскій, въ правленіе котораго родился Спаситель, Иродъ ли Антипа, женившійся на Иродіадѣ и обезглавившій Іоанна Крестителя, или Иродъ Филиппъ? Иродіумъ, говорятъ, сохранилъ еще полураспавшійся монументъ, но фризы его настолько испорчены временемъ, что на нихъ не уцѣлѣло слѣдовъ никакой надписи.

меланхолически глядитъ на насъ съ юга, а за нимъ уже гаснетъ въ последнихъ багряныхъ лучахъ исчезающій дискъ солнца, догораетъ заря, теплится вечеръ... И трудно повѣрить, что скоро исполнится уже сорокъ вѣковъ съ той поры, къ которой пріурочены достопримѣчательности Евраѳы.

В ъ долинѣ, недалеко отъ Маръ-Еліаса, утомленная долгимъ переходомъ, нежданно скончалась Рахиль, жена патріарха Іакова, произведя на свѣтъ Веніамина—Бенони, «сына скорби», какъ назвала она новорожденное дитя. Іаковъ, похоронивъ ее, воздвигъ памятникъ надъ могилой, и вотъ онъ уже встаетъ предъ нами почти въ виду Виѳлеема.

Дорога, оставивъ вправо селеніе «Бейтжалу», развѣтвляется здѣсь какъ бы на два рукава; одинъ идетъ вправо, въ Хевронъ, къ Маврійскому дубу, а влѣво стелется путь Виѳлеемскій... На изломѣ, почти въ самомъ устьѣ дорогъ, высится бѣлая четырехугольная башенка-часовня. Круглый каменный куполъ ея сарацинскимъ шатромъ пріодѣлъ усыпальницу любимой жены Іакова. *Гробница Рахили*, одинъ изъ священнѣйшихъ памятниковъ Палестины, не только для іудеевъ, но даже для магометанъ, пощадившихъ ее въ вихрѣ своего грознаго погрома и разрушенія. Своевольный наѣздникъ, полудикій бедуинъ, донынѣ суевѣрно глядитъ на ея куполъ, надтреснутый, поросшій травой, и хоронитъ своихъ мертвецовъ у ея подножія.

Мы подъѣзжаемъ къ ней вплотную, и коляска останавливается. Собственно усыпальница недоступна для осмотра. Ключъ отъ нея откупленъ однимъ Евреемъ въ Іерусалимѣ, и ежегодно мѣстные раввины приходятъ сюда съ торжественою процессіей, чтобы плакать, надъ дорогимъ прахомъ, о горькой судьбѣ своего народа. Древность гробницы Рахили едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Точныя указанія Библіи подтверждаются позднѣйшими ссылками на нее различныхъ ученыхъ *). Низкій куполъ придаетъ этой ветхозавѣтной постройкѣ видъ маленькой мечети; къ ней пристроенъ каменный навѣсъ—преддверіе гробницы, несомнѣнно позднѣйшей архитектуры. Марко увѣрялъ насъ, что въ запертой усыпальницѣ жены Іакова сохраняется столбъ, сложенный изъ камня, плотно скрѣпленнаго цементомъ.

---

*) Книга Бытія говоритъ: „Рахиль погребена на дорогѣ въ Евраѳу, Іаковъ поставилъ надъ гробомъ ея памятникъ", существовавшій въ дни Моисея. 700 лѣтъ спустя Саулъ ищетъ пропавшихъ ослицъ на границѣ Веніаминова колѣна, у той же гробницы. О ней упоминаетъ и Св. Іеронимъ, а самый мавзолей описанъ въ VIII вѣкѣ Аркульфомъ. Въ XII столѣтіи ученый арабъ Эдризи видѣлъ еще 12 камней поставленныхъ здѣсь по числу колѣнъ Израилевыхъ. Теперешнее зданіе относятъ къ 1769 году и, вѣроятно, оно не разъ реставрировалось.

Могила Рахили и Виѳлеемъ.

Онъ имѣетъ видъ жертвенника и, по преданію, уцѣлѣлъ отъ дней патріарховъ. Евреи, стекаясь сюда массами, вырѣзываютъ на немъ свои имена, но доступъ къ этой святынѣ запрещенъ христіанамъ. Сѣдою древностію дышитъ на васъ усыпальница Рахили... Этотъ мавзолей — безмолвная скрижаль іудейской исторіи. Когда вспомнишь, что къ ней пріурочивались позднѣйшія событія, успѣвшія сами перейти въ область древнѣйшихъ сказаній, какъ-то даже жутко становится на душѣ. У гробницы жены Іакова пророкъ Самуилъ избралъ Саула на царство. Здѣсь же, въ ущельяхъ Энгеди, пасъ стада свои будущій царь-псалмопѣвецъ и, научившись любить мать-природу, познавать тайны ея красотъ, онъ, въ безмолвіи ночи, слагалъ здѣсь на лютнѣ первыя строфы, нашептанныя благороднымъ вдохновеніемъ... Да, поэзія Давида отразила въ себѣ именно то, что съ дѣтскихъ лѣтъ его окружало. На тѣхъ же поляхъ, среди тѣхъ же горныхъ уступовъ, онъ, вновь избранный царь, скрывался отъ гнѣва Саула, отъ злобы, которой не могли смягчить даже струны рыдающей лиры. Въ Рамѣ, въ Адулламитской пещерѣ, среди суровыхъ скалъ и утесовъ безмолвнаго мертваго побережья, новый помазанникъ Самуила короталъ одинокіе дни вплоть до кончины Саула. И ставъ царемъ израильскаго народа, онъ не порвалъ связи съ любимою родиной. Виѳлеемъ и донынѣ извѣстенъ какъ «городъ Давида», изъ котораго долженъ былъ возсіять міру свѣтъ возрожденія. Позднѣе плачъ *Рамы* *) оглашаетъ эти долины Авраама и Лота, тѣхъ

*) Жестокость Ирода подтвердилъ пророческій голосъ Іереміи: „Гласъ въ Рамѣ слышенъ, рыданіе и вопль великій: то плачетъ Рахиль о дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ". (Іеремія XXXI, 15). Рама вѣроятно теперешняя Пужула.

библейскихъ патріарховъ, самое имя которыхъ для насъ синонимъ многовѣковой древности. Здѣсь что ни шагъ—вереницей встаютъ воспоминанія, тѣснится рой поэтическихъ легендъ и священныхъ преданій. Подъ каменнымъ навѣсомъ гробницы Рахили мы застали группу паломницъ-арабокъ. Увлеченныя бесѣдой, онѣ, вѣроятно, не слыхали стука подъѣхавшаго экипажа. Нельзя было смотрѣть безъ смѣха на тотъ испугъ, который охватилъ ихъ при нашемъ внезапномъ появленіи. Коллега-археологъ, весь въ бѣломъ, въ англійской каскѣ, съ развѣвающимся шарфомъ и неизмѣннымъ фотографическимъ аппаратомъ въ рукахъ, какъ привидѣніе, предсталъ предъ ними вмѣстѣ съ кавасомъ Марко—палестинскимъ стражемъ, одинъ видъ котораго уже внушаетъ арабу почтительный трепетъ.

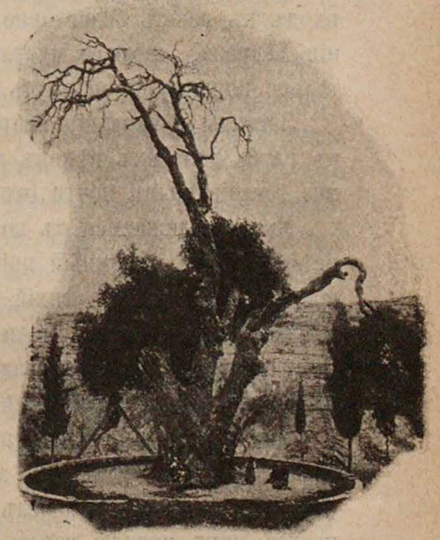
Если свернуть въ сторону отъ гробницы Рахили, то отдѣлившаяся лента шоссе побѣжитъ вдоль гористыхъ уступовъ, выравненныхъ рукой человѣка, и минуя подъемы, приведетъ насъ къ тому уголку, гдѣ нѣкогда жили Авраамъ и Сарра, гдѣ маститый Лотъ мирно кочевалъ со своими стадами. Впрочемъ, теперешняя мѣстность *Хеврона* далеко уже не напоминаетъ той цвѣтущей плодородной страны, которая считалась нѣкогда «землей Обѣтованною». Сѣрые камни, скалистые уступы, безконечная цѣпь дикихъ пустынныхъ холмовъ, печальная, спаленная солнцемъ, равнина является яркимъ контрастомъ рафаимскимъ полей и пастбищъ. Вдоль извилинъ дороги, влѣво отъ ея бѣлой черты, монотонно убѣгающей въ сѣрую даль, виднѣется рядъ глубокихъ, правильныхъ впадинъ - цистернъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Прудовъ Соломона*. Въ своей каменной рамѣ, изсѣченные въ твердыхъ пластахъ плитняка и базальта, эти три грандіозные бассейна прекрасно сохранились до нашихъ дней, какъ будто заботливая рука старалась поддержать удивительное сооруженіе древнихъ *).

Расположенные по уклону уступовъ одинъ за другимъ, окруженные, какъ бы замкнутые по бокамъ холмистыми горными кряжами, эти обширныя цистерны должны были снабжать Іерусалимъ водой. Скопляясь, наполняя до краевъ зіяющія предо мной темныя продолговатыя впадины, дождевая вода изливалась внизъ и шла по трубамъ къ площади Соломонова храма, въ обширное водохранилище Моріа, находящееся близъ мечети Омара. Осенью и зимой вода еще держится въ нихъ и донынѣ; но работаетъ ли сокрытый водопроводъ, этого не могъ сказать даже всезнающій кавасъ Марко. На пути къ Хеврону уцѣлѣлъ только одинъ «ключъ воды живой», такъ-называемый *Клятвенный колодезъ,*—онъ поитъ людей и животныхъ. Изворот-

*) Источникъ питавшій эти пруды извѣстенъ въ „Пѣсни Пѣсней“ подъ названіемъ „запечатлѣннаго колодца“ и, переливаясь изъ пруда въ прудъ, вода стекала отсюда въ царскіе сады, окружавшіе нѣкогда знаменитый „Этанъ“ — загородный дворецъ Соломона.

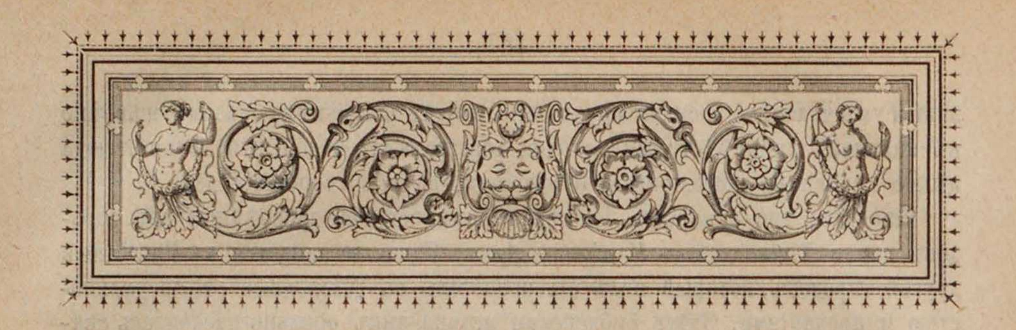
ливый умъ человѣка эксплуатируетъ его самымъ широкимъ образомъ: живущіе въ каменной хибарѣ стражи колодца торгуютъ его водой, отправляя отсюда цѣлые караваны, обвѣшанные бурдюками, во всѣ стороны Іудеи.

Еще два, три поворота — и предъ вами встаетъ древнѣйшій изъ городовъ земли Хананской — *Киріаѳъ - Арва*. Едва ли найдется въ Палестинѣ другой городокъ, который могъ бы поспорить съ *Хевраномъ* своею древностью и преданіями. Здѣсь библейская истина такъ обильно наслоилась сказаніями позднѣйшихъ вѣковъ, что почти нѣтъ возможности разобрать перифразъ одного и того же событія въ устахъ арабовъ и турокъ, христіанъ и евреевъ, одинаково признающихъ ихъ достовѣрность. Красноватая глина Хеврона (или какъ ее называютъ арабы, Габруна) послужила матеріаломъ, изъ котораго созданъ былъ первый человѣкъ, даже названный ея именемъ. Ангелъ смерти, мусульманскій Израилъ, собралъ частицы этой земли съ четырехъ концовъ свѣта. Такъ создались впослѣдствіи главнѣйшія расы. Адамъ и Ева скрывались здѣсь же, въ зеленыхъ садахъ Эль-Халиля, потерявъ право оставаться въ Эдемѣ. Праотецъ Ной культивировалъ на этой почвѣ первую виноградвую лозу и она славилась вкусомъ, сочностію и необыкновеннымъ размѣромъ гроздій. Соглядатаи Іисуса Навина съ трудомъ донесли одну только кисть на огромной жерди, послужившую эмблемой, священнымъ символомъ земли обѣщанной Израилю. Давидъ и Авессаломъ, Авраамъ, Исаакъ и Ревекка, Іаковъ и Лія, вотъ имена неразрывно связанныя съ Хеврономъ. Но центромъ всѣхъ этихъ воспоминаній является патріархъ Авраамъ и Сарра. Библейская святыня поклонниковъ, такъ-называемый *дубъ Маврійскій*, подъ которымъ принималъ онъ трехъ странниковъ, уцѣлѣлъ донынѣ. Маститый патріархъ палестинской флоры тысячелѣтній дубъ, или вѣрнѣе теребинтъ, едва борется съ вѣками. Его поддерживаютъ подпорки и ветхій стволъ обведенъ широкою насыпью *).



Дубъ Маврійскій.

*) Стволъ его въ окружности имѣетъ около 12 аршинъ; многія вѣтви почти уже выгнили внутри и тщательно замазаны глиной. Добродушные наши паломники обвязываютъ его тесьмой на память. Несмотря на тщательную поддержку тысячелѣтняго великана, онъ несомнѣнно погибаетъ. Стараніями отца Антонина прилегающая къ дубу мѣстность засажена теперь молодыми дубками — разумная попытка сохранить для будущаго точное указаніе исчезнувшей дубравы Маврійской.



Глава VIII.

Давидовъ городъ.

Виөлеемъ.—Ефрата.—Базилика Елены и вертепъ Рождества.—Католики и православные.—Ясли Христовы.—Окрестности города.—Млечная пещера, Бейтъ- Сауръ, долины пастырей и Богоматери.—Евангельскіе силуэты.

Въ XII вѣкѣ крестоносцы учредили въ Хевронѣ епархію, воздвигли храмъ, обращенный теперь турками въ такъ называемую Авраамову мечеть. Она служитъ будто бы усыпальницей самому патріарху и женѣ его Саррѣ, сохраняя саркофаги Исаака, Ревекки, Іакова и Ліи, но входъ въ мечеть безусловно запрещенъ христіанамъ. Фанатическое населеніе Хеврона, евреи и мусульмане, способны убить «нечестивца» за одну только попытку проникнуть въ это святилище.

Легенды и сказанія непрерывною нитью сопровождаютъ весь этотъ путь въ глубь далекихъ вѣковъ и вполнѣ гармонируютъ съ укромными долинами, заслоненными почти отовсюду гористыми холмами.

Мы приближаемся къ колыбели Христа, и вотъ уже предъ нами почти встаетъ этотъ скромный пріютъ, безвѣстный и малый, откуда долженъ былъ возсіять міру свѣтъ «тихій, святыя славы», озарившій землю радостными лучами. Пока бѣлые домики изъ смутно-зарисованной дали всплываютъ на фонѣ голубого, уже начинающаго темнѣть неба, а навстрѣчу намъ бѣгутъ уже каменные заборы зеленыхъ садовъ.

Марко-кавасъ, обернувшись съ козелъ, указываетъ на оголенный пустырь, гдѣ, какъ одинокій, забытый стражъ, накренилась сѣдая маслина. Онъ спрыгиваетъ съ козелъ и пока мы ѣдемъ шагомъ, набираетъ и подноситъ намъ полную горсть мелкихъ гладкообточенныхъ камешковъ, напоминающихъ по формѣ и съ виду зерна сухого гороха.—«Это поле Богома-

тери», говоритъ онъ, «здѣсь шла Она однажды и, увидавъ сѣятеля, бросавшаго зерна въ разрыхленную землю, спросила его, что онъ сѣетъ?—«Камни», насмѣшливо отвѣчалъ непочтительный сынъ Еврафы.—«Да будетъ же тебѣ по твоему слову», отвѣчала огорченная Св. Дѣва. И съ тѣхъ поръ обращенныя въ камень зерна покрыли эту ниву Божіей матери и донынѣ ихъ не можетъ выпахать плугъ—такъ много и такъ глубоко наполнено ими безплодное поле.

Странное чувство охватило насъ, когда мы въѣзжали въ *городъ Давидовъ*. Тихій вечеръ почти догоралъ. За холмами, въ прорѣзахъ ущелій, вдоль зубчатой гряды надъ изломомъ темнѣвшихъ горныхъ отроговъ, проступала волнами багряная муть вечерней зари, разгоравшейся яркимъ пожаромъ. Въ прохладной долинѣ, въ Уади-эль-Карубэ, вдоль зеленѣющихъ уступовъ, темными полутонами сгущались тѣни. Умирающій день гасъ послѣднимъ отсвѣтомъ и небо кое-гдѣ зажигало мѣстами лампады съ востока. А внизу, у бѣлѣющихъ каменныхъ сѣрыхъ квадратовъ, шумно лился людской гомонъ, слышалась пѣсня. Населеніе Виѳлеема спѣшило надышаться прохладой.

Не успѣли мы въѣхать, сравниться съ чертой первыхъ городскихъ зданій, какъ насъ обступила шумная толпа въ живописныхъ костюмахъ. Водоносы, типичные турки въ бѣлыхъ ермолкахъ или въ пестрыхъ чалмахъ, въ халатахъ, разстегнутыхъ на груди, съ мокрыми боченками за спиной, останавливаются, съ любопытствомъ оглядывая нашу коляску. Стройные юноши, арабы-виѳлеемцы, гордою, пластичною походкой обгоняютъ насъ, не удостоивая взглядомъ, драпируясь въ свои широкіе бурнусы, какъ истые правнуки надменныхъ халифовъ.

Вотъ изъ переулка неожиданно появляется цѣлая группа женщинъ. Красавицы дѣвушки видимо щеголяютъ оригинальнымъ нарядомъ. Цвѣтныя рубашки стянуты въ таліи кушаками; высокую грудь пестрятъ мониста и кожаные амулеты. Бѣлое или синее покрывало ниспадаетъ со странной шапочки-клобука, красиво драпируя плечо, и спускается на спину. Этотъ уборъ уцѣлѣлъ, говорятъ, отъ дней Богоматери. Женщины, попадающіяся намъ навстрѣчу, всѣ рослыя, стройныя. Онѣ идутъ или съ кувшинами, или несутъ дѣтей, напѣвая порой какую-то протяжно-монотонную мелодію. Такія же монисты и бисерные амулеты украшаютъ ихъ пышную грудь. Круглыя шапочки, обрамленныя блестками надъ изящнымъ контуромъ лба, прикрываютъ темныя косы. Эти дѣвы и жены Давидова города—поразительный подборъ дѣйствительно рѣдкой красоты самаго разнообразнаго характера и оттѣнка.

Съ плоскихъ кровель, изъ оконъ, съ массивныхъ камней стѣны, ус-

тремлены на насъ взгляды любопытныхъ. Ребятишки, дѣти всѣхъ возрастовъ, обступаютъ нашу коляску.

— «Бакшишъ, бакшишъ!» раздается со всѣхъ сторонъ, и веселая стая заливается радостнымъ смѣхомъ.

— «Букра, букра!» *), ворчитъ Марко, ималь чуганы тотчасъ же хоромъ дружно его передразниваютъ.

Окруженные шумною толпой, мы подъѣзжаемъ по узенькой улицѣ къ воротамъ греческаго монастыря. Пока совершается переселеніе изъ коляски въ фондарикъ, насъ обступаютъ торговцы всевозможныхъ издѣлій. Одни суютъ четки, кресты, перламутровые образки; другіе—ножики, брошки, браслеты—разнообразные дары мѣстнаго производства. Но цѣна ихъ настолько дорога, а соревнованіе предлагающихъ такъ настойчиво грубо, что мы спѣшимъ ускользнуть поскорѣе отъ этой жадной ватаги и съ удовольствіемъ идемъ отдохнуть въ любезно отведенную намъ комнату при монастырѣ Виѳлеемскаго храма.

Весь осмотръ Давидова города сосредоточенъ собственно говоря на этомъ обширномъ *храмѣ Рождества Христова.* Грандіозная базилика царицы Елены *), воздвигнутая ею надъ пещерой, послужившею пріютомъ св. Семейству, уцѣлѣла до сихъ поръ, наглядно свидѣтельствуя о былой роскоши храма. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ она на васъ, когда вы, переступивъ порогъ крохотной двери, вдругъ очутитесь предъ четырьмя рядами колоннъ, поддерживающихъ ея древнія стѣны.

Изъ полукруглыхъ оконъ сверху пробиваются косые лучи утренняго солнца, разгоняя прохладный сумракъ. Византійскій портикъ базилики выведенъ въ формѣ креста; западная его часть отдѣлена теперь каменною стѣной, скрывающею отъ васъ греческій алтарь надъ вертепомъ Рождества Христова. Сорокъ четыре колонны коринѳскаго стиля поддерживаютъ каменную толщу стѣнъ, на которую оперлись массивныя стропила изъ кедроваго дерева весьма древней, оригинальной работы. Надъ ними остроконечнымъ навѣсомъ налегла крыша безъ потолка и изъ ея темной глубины спустились и повисла на металлическихъ цѣпяхъ-подвѣсахъ многочисленныя лампады-паникадила. Такія же лампады размѣщены и въ пролетахъ величественной колоннады. Полъ устланъ плитами, на стѣнахъ

---

*) „Завтра, подожди!"

**) Собственно зданіе только начато Еленой, но постройка его совершена Константиномъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Церковь эта была извѣстна подъ именемъ Ecclesia-Speluncae-Salvatoris"—„Базилики пещеры Спасителя" и реставрировалась въ VI столѣтіи императоромъ Юстиніаномъ, расширившимъ самый вертепъ Рождества. Вождь крестоносцевъ Балдуинъ вѣнчался здѣсь въ Іерусалимскіе короли короной Готфрида.

мѣстами уцѣлѣла еще мозаичная живопись, покрывавшая когда-то всю внутренность церкви изображеніями святыхъ и рядомъ надписей *).

Церковь раздѣлена на владѣнія грековъ, католиковъ и армянъ, причемъ главный алтарь принадлежитъ грекамъ и къ нему, какъ центру, примыкаютъ пристроенные монастыри латинскій и армянскій.

Подлинность Виѳлеемской пещеры-хана, послужившей пріютомъ Іосифу и Маріи, долго была предметомъ споровъ и сомнѣній. Высказывались предположенія, что убогій вертепъ пастырей легко могъ быть смѣшанъ съ другими подобными же пещерами, служившими для загона скота. Но поздвѣйшіе изслѣдователи пролили яркій свѣтъ на неосновательность подобныхъ предположеній. Нигдѣ историческія условія мѣстности не были такъ благопріятны для сохраненія древнѣйшихъ памятниковъ какъ въ Палестинѣ. Караванъ-сараи Востока, сирійскіе ханы, являясь донынѣ оазисами каменистыхъ безплодныхъ равнинъ, существуютъ съ глубочайшей древности на томъ же мѣстѣ, гдѣ положенъ былъ первый камень ихъ основателя. Всесокрушительный полетъ времени только обновлялъ ихъ матеріалъ. Даже дикія полчища завоевателей тщательно обходили ихъ своимъ погромомъ. Зданіе хана—«крова гостепріимства»—было освящено религіей, и мѣсто, разъ занятое имъ, дѣлалось извѣстнымъ постоянно кочующимъ здѣсь караванамъ, передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе **). Топографическія условія Палестины, можно съ увѣренностью сказать, закрѣпили за Іудеей надолго направленіе путей и дорогъ, по которымъ шли древнѣйшія ветхозавѣтныя племена и донынѣ бредутъ туземцы-арабы. Домъ Хамаамовъ находился при скрещеніи дорогъ Іерихона, Іерусалима и Энгеди, въ концѣ селенія, какъ это и принято донынѣ.

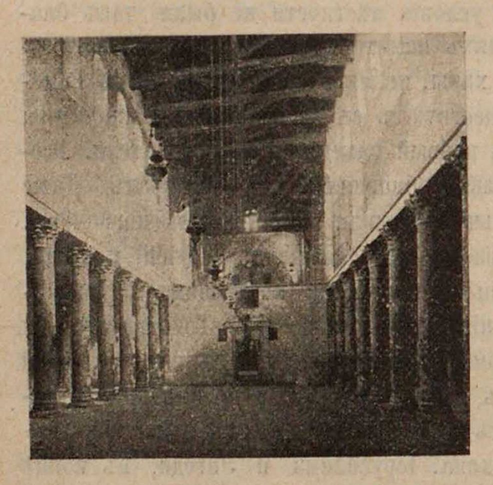
На томъ самомъ холмѣ, гдѣ отдыхалъ Іеремія, царица Елена воздвигла свою базилику Рождества Христова. Іустинъ-Философъ, Оригенъ были очевидцами этой пещеры Спасителя еще во второмъ вѣкѣ, когда она оставалась кругомъ открытою и находилась за чертой небольшого селенія. Сто лѣтъ спустя, мать Константина включила драгоцѣнную для христіанъ пещеру въ черту возводимаго ею зданія и тѣмъ навсегда запечатлѣна ея подлинность для поздѣйшихъ поколѣній. Природное устье вертепа донынѣ

*) Теперь грубая штукатурка покрыла древнія иконы и списки сдѣланные византійскимъ императоромъ Мануиломъ Компеномъ. Большая часть богатой мозаики выломана и испорчена варварствомъ позднѣйшихъ завоевателей, ограбившихъ даже мраморные полы для зданій Каира и Омаровой мечети въ Іерусалимѣ.

**) Виѳлеемская гостиница съ близъ лежавшею пещерой Рождества Христова къ тому же была наиболѣе важнымъ и извѣстнымъ ханомъ, являясь первою станціей на далекомъ пути въ Египетъ и первымъ же ночлегомъ за Сіономъ; здѣсь же назначался сборный пунктъ для дальнихъ путешествій, какъ пилигримовъ такъ и купцовъ, уходившихъ на югъ со своими караванами.

глядитъ на поле Руѳи, въ долину пастырей, если бы только его можно было выдѣлить изъ-подъ массива позднѣйшихъ построекъ.

Не успѣли мы переступить порогъ священной базилики Елены, какъ горькое чувство невольно закралось въ душу. На первомъ планѣ у входа въ анфиладу колоннъ и далѣе въ церкви надъ вертепомъ стоятъ, небрежно опершись на ружье, турецкіе солдаты. Этотъ синій мундиръ съ мѣдными пуговицами, эта красная феска и оружіе—эмблема вражды и насилія, нигдѣ такъ не щемитъ сердце, какъ у яслей Христовыхъ. Но горечь перваго впечатлѣнія еще сильнѣе отравляется сознаніемъ, что не дикая воля завоевателя вторглась и захватила этотъ великій храмъ христіанства, нѣтъ, сами христіане призвали сюда мусульманскаго стража, безсильные примирить свои взаимные раздоры. Трудно понять до какого фанатическаго озлобленія способны доходить иногда люди...



Виѳлеемскій храмъ.—Базилика Елены.

Я вступалъ въ базилику Елены послѣ памятныхъ дней извѣстнаго побоища, учиненнаго католиками, когда обезумѣвшіе патеры стрѣляли въ православныхъ священнослужителей. Въ храмѣ Рождества Христова я наглядно уяснилъ себѣ картину столкновенія. Подъ греческимъ алтаремъ въ подземный вертепъ ведутъ двѣ узкія круглыя лѣстницы. Правая принадлежитъ православнымъ, лѣвою завладѣли католики *).

*) Вопросъ о проходѣ въ сѣверныя, южныя двери (изъ которыхъ послѣднія принадлежатъ исключительно православнымъ) и въ третьи западныя породилъ цѣлую литературу своеобразныхъ правъ пользованія вертепомъ. Это товарищеское право начинается у латинянъ съ 1170 года турецкой эры, когда имъ данъ былъ ключъ отъ сѣверной двери. Армяне получили такой въ 1228 году той же эры. Право же православныхъ проистекаетъ отъ эпохи „Омеръ-Хатанъ“. Подлинный фирманъ султана опредѣляется слѣдующимъ statu quo: „Великій Виѳлеемскій храмъ находится во владѣніи православныхъ, латинамъ же и армянамъ дано лишь право прохода; привратникомъ названнаго храма состоитъ православный священникъ, который имѣетъ право препятствовать проходу указанныхъ двухъ націй“. Важность проистекающихъ отсюда послѣдствій вынудила патріарха ходатайствовать въ январѣ 1308 года мусульманской эры предъ султаномъ объ изданіи спеціальнаго на этотъ случай императорскаго ираде.

Въ ту минуту когда я стоялъ, взволнованный и потрясенный воспоминаніями, готовясь спуститься въ пещеру яслей Христовыхъ, до меня вдругъ донеслось громкое пѣніе. Слѣва изъ католическаго монастыря, чрезъ узкій проходъ-коридорчикъ, показалась процессія. Впереди шли мальчики въ бѣлыхъ рубашкахъ, неся большія зажженныя свѣчи. За ними попарно выступали босые францисканскіе монахи, въ черныхъ хитонахъ, съ обнаженными головами, держа въ рукахъ молитвенники. Далѣе шествовало католическое духовенство, скрестивъ на груди руки, а за нимъ толпой уже шли пилигримы, женщины и мужчины. Хоръ пѣлъ протяжно и заунывно. Процессія направилась по лѣвой лѣстницѣ внизъ, постепенно исчезая подъ сводомъ вертепа. Громкое пѣніе, стихая, звучало все глуше, теряясь въ нѣдрахъ пещеры. На всѣхъ насъ это зрѣлище произвело какое-то грустное впечатлѣніе.

Я вздумалъ было послѣдовать за католиками внизъ, но меня не пустили. Оказалось что во время службы латинянъ у яслей не разрѣшается присутствовать православнымъ. То же принято греками и по отношенію къ католикамъ. Мы вынуждены были ожидать пока кончится внизу служба, и только когда процессія удалилась, православнымъ поклонникамъ предоставлено было идти по своей лѣстницѣ къ яслямъ Спасителя.

Съ зажженными свѣчами, въ сопровожденіи греческаго духовенства, мы молча спускались по ступенямъ; Марко - кавасъ замыкалъ шествіе. Подъ темнымъ пористымъ сводомъ низкой пещеры царитъ полумракъ... Жизненные лучи небеснаго свѣтила никогда не проникаютъ въ эту тѣсную утробу скалы, источенной шероховатыми впадинами, закоптѣлой, зарисованной тѣнями. Даже сотни лампадъ, мигавшихъ цвѣтными огнями надъ моею головой, не давали мнѣ силъ сразу приглядѣться къ окружавшей обстановкѣ. Молящихся было немного. Фигуры монаховъ исчезали и вновь появлялись откуда-то вдругъ изъ безконечныхъ коридоровъ-проходовъ.

Я обернулся и невольно вздрогнулъ. Влѣво въ глубинѣ пещеры на полу какъ будто изъ сѣрой шероховатый стѣны выступалъ престолъ, осѣняя таинственную нишу. Золотыя лампады, сіяя огнями, бросали, струили мягкій свѣтъ на каменное ложе Богородицы. Hic de Virgine Maria Iesus Christus natus est. Серебряная звѣзда подъ навѣсомъ алтарнаго выступа алмазными лучами обозначаетъ на мраморной плитѣ мѣсто рожденія Божественнаго Младенца. Внутри нея проступаетъ наружу темный камень природной скалы-пещеры пастырей. Такія же лампады всевозможныхъ размѣровъ и формъ трепетнымъ свѣтомъ заливаютъ этотъ крошечный уголокъ полутемной пещерной утробы. Въ ихъ мягкомъ мерцаньѣ, въ удивительной простотѣ обстановки чудится что-то неизъяснимо высокое и вмѣстѣ съ тѣмъ умилительно-дорогое.

Колыбель Христова, гдѣ по преданію поклонились Ему мудрецы далекой Халдеи, принадлежитъ католикамъ. Они поставили мраморныя ясли на томъ мѣстѣ, гдѣ Божія Матерь спеленавъ положила Своего Первенца *). Турецкій часовой, равнодушный и безучастный, застылъ и здѣсь, съ оружіемъ въ рукахъ, у колыбели Примирителя всѣхъ людей и народовъ. Тяжело было видѣть что девятнадцать вѣковъ Евангельской проповѣди не могли еще слить насъ христіанъ во единое племя, хотя бы на почвѣ религіи, не примирили взаимной вражды носителей высокаго ученія любви и всепрощенія...

Виѳлеемская пещера Рождества Христова, небольшой убогій пріютъ пастуховъ, широко разрослась къ концу нашего вѣка. Къ ней отовсюду примкнули другія позднѣйшія зданія, соединенныя узкими полутемными проходами. Теперь Евангельскій вертепъ представляетъ собой обширное подземелье, тщательно размежеванное между представителями христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Съ зажженными свѣчами мы двинулись по темнымъ коридорамъ. Греческій монахъ указываетъ намъ мѣсто гдѣ блаженный Іеронимъ въ постѣ и молитвѣ занимался переводомъ Библіи на латинскій языкъ. Далѣе нѣсколько алтарей, эффектно освѣщенныхъ лампадами, посвящены памяти двадцати тысячъ младенцевъ, избитыхъ Иродомъ, Евсевію Кремонскому, ученику борца съ ересью Іеронима. Котолическія пещеры пріурочены ко всевозможнымъ воспоминаніямъ. Вамъ укажутъ пещеры Іосифа-обручника, мѣсто его сна, когда явился ангелъ, повелѣвая идти въ Египетъ. Здѣсь же спасались обращенныя Евсевіемъ римскія матроны Павла и Евстахія, представительницы нѣкогда блестящихъ фамилій Гракховъ и Сципіона.

Пока мы осматривали предѣлы вертепа, въ главной пещерѣ началась греческая служба. Православные паломники, русскіе земляки, успѣли уже собраться подъ низкіе своды. Мы съ трудомъ нашли себѣ мѣсто въ устьѣ коридора. Унылый напѣвъ грековъ-монаховъ, рѣжущій ухо диссонансами, производилъ на меня непріятное впечатлѣніе. Я не въ силахъ былъ молиться... Неотвязныя думы роились въ головѣ, невольно сплетались картины на фонѣ канвы монотонной мелодіи... Мнѣ чудилось, мнѣ казалось порой что черная пасть земли, разверзшись не случайно, пріютила подъ своимъ массивнымъ шатромъ дѣтей разнородныхъ племенъ, людей — собратій единой могущей общины. Разнородная толпа шептала вокругъ меня слова молитвы роднымъ языкомъ, разнообразными нарѣчіями. Примѣняясь

*) По поводу подлинныхъ яслей существуетъ любопытная разноголосица убѣжденій одни говорятъ что ясли Спасителя перевезены въ Римъ, а другіе, говорятъ что они находятся въ рукахъ Турокъ, въ Іерусалимской мечети Омара.

къ молящимся, сама служба чередовалась на языкахъ русскомъ и коптскомъ, греческомъ и арабскомъ. Да, таковъ и долженъ быть истинный храмъ христіанскій. Умиленные поклонники въ простотѣ чистаго сердца, вдохновенные искреннею вѣрой, собравшею ихъ сюда съ далекихъ окраинъ земли, «слагали хвалу», Спасителю міра на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ двадцать вѣковъ назадъ незамѣтно совершился великій переломъ въ жизни народовъ. Возбужденному уму рисовались невольно картины былого.

Темная ночь декабря непроглядным шатромъ осѣняла мирно дремавшую землю. Городъ Давидовъ, надѣлъ Іудинъ, уснувшій во впадинѣ горъ, переживалъ, какъ и вся Палестина, общій нравственный кризисъ, наравнѣ съ государствами одряхлѣвшаго Востока. Съ далекихъ окраинъ классическаго міра доносились отзвуки разочарованій, вопль духовно-обнищавшаго человѣка. Царственный Римъ и Эллада одинаково жаждали возрожденія, безпокойно прислушивались къ грядущему, пытаясь воспринять и постичь Мессіанскія идеи Евреевъ. Философы и поэты, астрологи и жрецы, казалось, чувствовали приближеніе великаго... Человѣческая грудь, зараженная воздухомъ разложенія отжившаго организма языческихъ государствъ, жаждала, свѣжей струи, притока обновленія... Съ каменистыхъ отроговъ Персіи, изъ далекой Халдейской страны, съ береговъ Тибра и моря Эгейскаго, съ Аравійскихъ равнинъ устремлены были взоры съ надеждой и вѣрой на лучшее будущее. И вотъ вдругъ, въ одну изъ ночей еврейскаго мѣсяца тебета; на темномъ пологѣ неба блеснула звѣзда—метеоръ *), приковавшая взоры волхвовъ—ученыхъ. Мудрецы—толкователи звѣздныхъ чудесъ обратились къ преданіямъ. Сказанія сѣдой старины хранили завѣты пришествія Искупителя міра въ убогой странѣ порабощеннаго Израиля. Представители человѣчества, озаренные свыше Виѳлеемскою звѣздой, несли къ колыбели Младенца знаменательные дары свои: золото, ладанъ и смирну. Они пролагали тропу народамъ земли къ той убогой пещерѣ, гдѣ народился безсмертный Царь-Первосвященникъ. Они поклонились Ему, и съ тѣхъ поръ человѣкъ неустанно склоняется предъ Его мощью, предъ нравственною силой неземной чистоты и величія. Новый жизнерадостный восходъ озарялъ уже землю безсмертнымъ разсвѣтомъ, открывая изумленному взору человѣка перспективы поразительной нравственной глубины и высокаго призванія. И новые гимны слагало уже небо землѣ предъ изу-

---

*) Дѣйствительное появленіе Виѳлеемской звѣзды, вѣщавшей міру о рожденіи великаго Пророка—фактъ не подлежащій сомнѣнію. Астрономія подтвердила это замѣчательное явленіе еще со времени знаменитаго Кеплера, доказавъ научнымъ путемъ точность свидѣтельства Евангелиста Матѳея.

мленными очами убогихъ виѳлеемскихъ пастырей. Но кругомъ горизонтъ облегали еще тучи; потоками крови заливалъ изступленный человѣкъ невинную колыбель Младенца—кровью дѣтей, о которыхъ «плачетъ Рахиль и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ». Кровопролитья жестокаго Ирода—таинственный символъ судьбы грядущихъ послѣдователей Іисуса. Борьба и страданіе, безвинная гибель сопровождаютъ Его учениковъ, ихъ ждутъ гоненія, позорныя казни. Та же кровь, заливавшая поля Рамы, заливаетъ въ послѣдствіи арены римскаго цирка, багритъ катакомбы, кресты Нерона, костры инквизиціи. Сколько жестокости, ужаса переполняетъ страницы исторіи человѣчества! Но еще ужаснѣе сознаніе что звѣрство людей прикрывалось не разъ стимулами высокой христіанской добродѣтели, ревностью къ Богу и Его завѣтамъ...

И хотѣлось вѣрить что все же, сколько ни нависло бы тьмы надъ землей, какъ широко ни разрослось бы ея царство въ средѣ народовъ, но настанетъ, наконецъ, день «прозрѣнія» тихій, радостный, свѣтлый...

И грезамъ моимъ вторилъ вокругъ мощный, стройный напѣвъ умиленной толпы молящяхся:

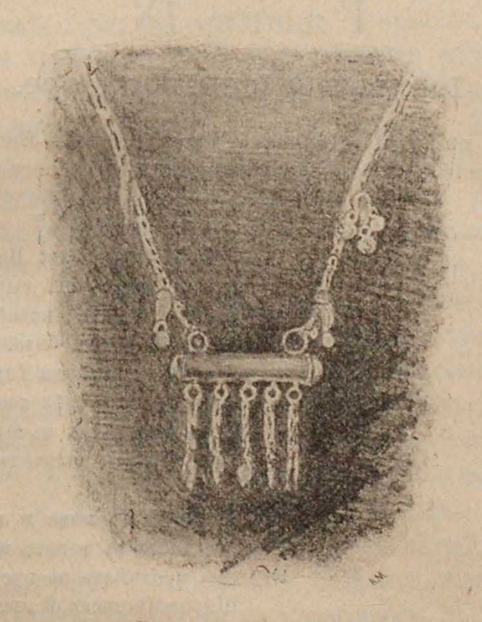
Рождество твое, Христе Боже нашъ,
Возсія мірови свѣтъ разума...

Окрестность Давидова города—это цвѣтущій садъ, въ которомъ тонутъ уединенныя бѣлыя башенки виноградниковъ. Кругомъ столпились холмы Гибеи, Годара, и сѣрый изломъ ихъ задернутъ синѣющимъ флеромъ вѣчно прозрачнаго безоблачнаго неба. Пастушеская страна Бенъ-ла-Хема сохранила донынѣ свой характерный колоритъ дней Библіи, какъ будто не двѣ тысячи лѣтъ промчалось съ тѣхъ поръ, когда пастыри Виѳлеема шли поклониться Спасителю міра. *Пастушеская долина Бенъ-Сахуръ* существуетъ донынѣ; также на ней пасутся стада, такія же зеленѣютъ маслины и смоквы. Даже руины башни Гадеръ уцѣлѣли, и Марко-кавасъ предлагалъ осмотрѣть эту библейскую реликвію.

Деревушка Бастуръ евангельскихъ пастырей населена теперь арабами-христіанами. Среди оливковой рощи стоитъ одинокая каменная часовня. Подъ ней есть пещера церковь, куда стекается мѣстный людъ на праздникъ. И это все, что уцѣлѣло здѣсь отъ богатыхъ монастырей, отъ роскошныхъ базиликъ вѣка Елены и отъ позднѣйшихъ построекъ крестоносцевъ. А между тѣмъ Виѳлеемская епархія густо заселена христіанами-арабами, которыхъ считается до пяти тысячъ. Въ числѣ достопримѣчательностей Давидова Города вамъ укажутъ такъ-называемую «*млечную пещеру*». Высѣченная въ пластахъ известника, ея почва поражаетъ бѣлизной. Апо-

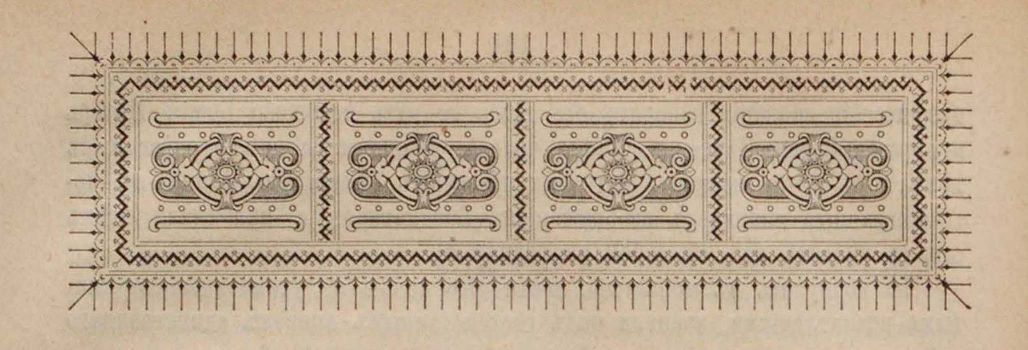
крифическія сказанія говорятъ, что здѣсь не разъ отдыхала Божія Матерь и кормила Своего Первенца. Капля молока, упавшая на землю, окрасила съ тѣхъ поръ почву пещеры. Католики прессуютъ бѣловатую глину въ четырехгранныя плитки съ изображеніемъ Богоматери, а паломники всѣхъ странъ уносятъ ихъ съ собой на родину *).

Мы вернулись въ монастырь почти уже ночью и, утомленные пережитыми впечатлѣніями, заснули подъ гостепріимнымъ кровомъ единственнаго пріюта для православныхъ въ Виѳлеемѣ—въ греческой обители.



Виѳлеемскій амулетъ.

*) Простой народъ, въ особенности женщины, приписываютъ этой бѣловатой глинѣ, разведенной въ водѣ, цѣлебное свойство—увеличивать молоко при кормленіи грудью.



Глава IX.

Іорданъ и Мертвое море.

Приготовленія къ поѣздкѣ.—Дорога за Іерусалимомъ.—Виѳанія.—Монастырь Лазаря и погребальная пещера.—Ночь въ греческой обители.

***

„Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
. . . .
И пальма та жива ль понынѣ?
Все также ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?“

М. Лермонтовъ.

Поѣздка на Мертвое море меня давно интересовала. Воспользовавшись продолжительнымъ пребываніемъ въ Іерусалимѣ, я рѣшилъ ознакомиться съ тѣми уголками исторической Іорданской пустыни, въ которыхъ выразилась особенно ярко вся прелесть аскетическаго палестинскаго пейзажа, величественно-суровой природы Сиріи. Спутники моего дальняго странствованія по востоку, коллега археологъ и докторъ французъ, избалованные европейскимъ комфортомъ, раздѣляли однако мое желаніе проѣхаться вмѣстѣ къ берегамъ Мертваго моря, посѣтить Іерихонъ, проникнуть въ дикія ущелья Сарандаря, горы Сорокадневной. Въ программѣ моей научной команди-

ровки экскурсія эта являлась одной изъ наиболѣе интересныхъ по впечатлѣніямъ и трудныхъ по выполненію. Можно съ увѣренностью сказать, что во всей Палестинѣ едва ли найдется другой, болѣе своеобразный уголокъ, чѣмъ окрестности Бахръ-Лута. Посѣтить эту обширную іудейскую пустыню, знойную, каменистую, аскетическую, своего рода подвигъ. Готовясь къ поѣздкѣ на Іорданъ, и Мертвое море, въ среднихъ числахъ іюля, въ самый разгаръ палестинскаго зноя, мы слышали со всѣхъ сторонъ предостереженія. Трудность пути, непривычная жара, утомительные переходы верхомъ, на лошадяхъ, отсутствіе не только удобствъ, но часто предметовъ первой необходимости— все это дѣлаетъ экскурсію въ Іерихонскій округъ весьма опасною для жизни и здоровья. Четыре или пять дней изнурительнаго пути, среди всевозможныхъ лишеній, полнаго отсутствія провіанта по дорогѣ, вынуждаетъ формировать караванъ, брать съ собой людей и припасы. Я былъ не мало удивленъ, когда помимо каваса Марко и турецкаго жандарма, назначеннаго для охраны нашей экспедиціи, мнѣ предложили, въ видѣ конвоя, еще шейха-араба изъ племени, кочующаго вблизи Іерихона. Не имѣя надобности въ его услугахъ, я пробовалъ протестовать, и только тогда выяснился крайне характерный, оригинальный обычай, едва ли возможный гдѣ-либо, кромѣ такихъ благословенныхъ уголковъ, какъ далекая Палестина. Туристъ и поклонникъ, посѣщающій при-Іорданскую страну, почти тотчасъ же за стѣнами Іерусалима лишается охраны турецкихъ властей и законовъ. Онъ становится «собственностью» дерзко отважныхъ арабскихъ племенъ, фиктивно замиренныхъ, еще болѣе фиктивно миролюбивыхъ. Бедуины, эти вольныя дѣти пустыни, безцеремонно останавливаютъ одинокихъ странниковъ и хотя рѣдко убиваютъ, но всегда грабятъ. Даже снаряженіе большихъ каравановъ и принимаемыя администраціей мѣры для охраны путешественниковъ, въ лицѣ разныхъ турецкихъ солдатъ, жандармовъ и консульскихъ кавасовъ, оказываются на практикѣ далеко неудовлетворительными. И вотъ, турецкое правительство, сознавая всю трудность борьбы съ кочевыми наѣздниками, быстро скрывающимися въ неприступныя горы, volens-nolens рѣшило пойти съ ними на компромиссъ. Чтобы гарантировать свободу и безопасность туристовъ-паломниковъ, оно взимаетъ опредѣленныя «пени» съ каждаго изъ нихъ въ пользу арабскихъ вольнодумцевъ Абу-Кельта, Іерихона и Энгадди. Разбойники пустыни выбираютъ посредникомъ замиреннаго шейха ближайшей арабской деревушки, который и собираетъ съ европейцевъ обычаемъ установленныя «дани». А чтобъ «оплаченная» голова по какому-нибудь недоразумѣнію не попала подъ шальныя бедуинскія пули, шейхъ даетъ вамъ одного изъ своихъ сыновей въ число лицъ конвоя.

Одно присутствіе такого рослаго молодца въ караванѣ считается для

арабовъ признакомъ обоюдно выполненныхъ обязательствъ *). Опасность дороги на Іорданъ и Мертвое море существовала, какъ видно изъ евангельской притчи, съ глубочайшей древности. Не даромъ Спаситель пріурочиваетъ къ ней свой образно-трогательный разсказъ о милостивомъ самарянинѣ. Израненный разбойниками путникъ, очевидно, подвергался такимъ же грабежамъ и во дни Христа на этой каменистой, дико-пустынной дорогѣ отъ Іерихона до Іерусалима.

25-го іюля караванъ нашъ, состоявшій изъ двухъ моихъ спутниковъ, черногорца каваса Марко и молодого шейха, одного изъ родственниковъ престарѣлаго главы племени, съ погонщикомъ Константиномъ, готовился выступить въ путь со двора русскихъ построекъ. Несмотря на предостереженія мѣстныхъ жителей, предрекавшихъ намъ всевозможныя неудачи, несмотря на рискованность поѣздки при 50° жарѣ, я испытывалъ непреодолимое желаніе повидать берега Іордана и ту «мертвую страну», что закалила своимъ аскетизмомъ мощный духъ вдохновеннаго Предтечи. Еще accanунѣ отъѣзда, Марко приводилъ намъ верховыхъ лошадей, рекомендуя каждому выборъ по личному вкусу. Мы запаслись не только провизіей и водой, но и костюмы пришлось пріурочить къ исключительнымъ обстоятельствамъ экскурсіи. Невыносимая палестинская жара, достигающая въ іюлѣ своего апогея, дѣлаетъ затруднительнымъ ношеніе даже легкихъ шляпъ принуждая защищать голову почти отъ вертикальныхъ лучей солнца англійскими пробковыми касками. Всякій костюмъ изъ темной матеріи становится невозможнымъ. Приходится одѣваться во все бѣлое съ ногъ до головы, закрывая лицо отъ москитовъ тонкою вуалью. Но всего лучше запастись полосатымъ арабскимъ бурнусомъ, скрыть голову въ складкахъ бедуинской «кефіи» и, потерявъ такимъ образомъ всѣ признаки европейца, вдвойнѣ сберечь себя, какъ отъ риска нападенія, такъ и отъ тяжелыхъ климатическихъ условій.

Когда наша шумная кавалькада готовилась тронуться въ путь послѣ пробы лошадей, сѣделъ, подпругъ и тщательнаго осмотра инструментовъ, оружія и припасовъ, прибылъ русскій консулъ г. Максимовъ. Онъ еще ранѣе пытался отговорить насъ отъ рискованной поѣздки на Мертвое море. Но теперь, убѣдившись въ нашей непреклонности, далъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ и указаній, пожелавъ «счастливаго» пути. И не даромъ...

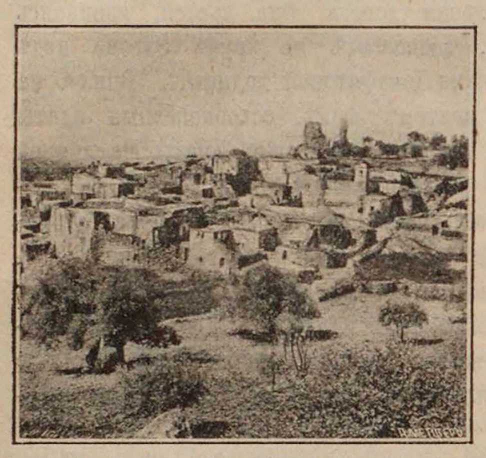
*) Не только во времена Шатобріана, или Муравьева, спасавшихся отъ нападенія бедуиновъ за каменными стѣнами обители св. Саввы, но и до нынѣ поѣздка на Мертвое море безъ соблюденія этихъ обычныхъ условій является невозможною. Случаи грабежей повторяются изъ года въ годъ и только совокупныя усилія представителей иностранныхъ державъ смогли бы положить предѣлъ этимъ безцеремоннымъ традиціямъ Востока.

Наша кавалькада двинулась вдоль сѣверной стѣны, миновала Дамасскія ворота и, свернувъ къ юго-востоку, вытянулась длинною вереницей по извилистой пыльной дорогѣ. Мимо «Золотыхъ» воротъ, чрезъ потокъ Кедронскій узкою лентой взбѣгаетъ пыльная дорога. Она вьется, извиваясь сперва вдоль оградъ Геѳсиманскихъ, всползаетъ по кручѣ Элеона надъ безчисленными могильными памятниками Іосафатовой долины... Внизу, на днѣ каменистаго рва, бѣлѣютъ, на желтомъ фонѣ, остроконечныя плиты мусульманскаго кладбища, а слѣва встаютъ холмистые скаты Масличной горы, съ темными пятнами скудной растительности. Ѣзда по ней въ экипажахъ почти невозможна. Даже незатѣйливая и выносливая арба, запряженная парой воловъ, но встрѣтится вамъ на этой гористой дорогѣ, изобилующей крутыми подъемами, обрывистыми спусками, приводящими въ ужасъ новичка-туриста своимъ отвѣснымъ изломомъ *). День почти догоралъ... Въ прохладѣ близившагося вечера лошади пошли сперва тихою рысью, но скоро перешли въ обычный шагъ, едва начались крутые подъемы. Я оглянулся...

Въ густой известковой пеленѣ тонулъ теперь вдали Св. городъ. Золотисто-багряною лентой опоясывали его средневѣковыя стѣны, а за ними, въ плотно скученной грудѣ домовъ, пробивались, сквозили тонкія башенки одинокихъ минаретовъ. Какъ будто туманъ, грядой клубилась надъ городомъ пыль и недвижно висѣла надъ каменнымъ массивомъ его зданій, церквей и мечетей, не имѣя силъ ни опасть, ни развѣяться въ жгучемъ безвѣтряномъ воздухѣ. Удушливая жара и мертвая тишь, казалось, сроднились съ каменистыми провалами долинъ, окружавшими сплошнымъ кольцомъ постепенно удаляющуюся отъ насъ столицу Іудеи. А здѣсь, на высотѣ, дышалось легко и, зноемъ истомленная, грудь жадно вдыхала прохладу и свѣжесть деревенской природы. Тамъ, передъ нами, въ недвижной синевѣ далекаго горизонта, поднимались, вставали съ востока Моавитскія горы, а въ узкой впадинѣ за *Вади-Эль-Кельтъ*, за ущельями Энгадди и Фаэга, извилистый Іорданъ плавно струилъ свои воды, унося ихъ въ соленое море *Бахръ-Лута*. Растрескавшіеся уступы предгорій, обнаженные кремнистые ребра утесовъ, глыбы гранита, песчаника, желтовато-сѣрые тоны обрывовъ, камни и верескъ, верескъ и камни неохватнымъ кольцомъ обступили, столпились вдоль гористой дороги. Нигдѣ не проглянетъ зеленымъ

*) И тѣмъ не менѣе это путь усовершенствованный, стоившій многихъ затратъ и проведенный сравнительно недавно, благодаря щедрости одно русской благотворительницы. Можно представить себѣ, чѣмъ была эта дорога ранѣе, если и теперь проѣздъ по ней отъ Виѳаніи до Іерихона возможенъ только верхомъ. А за Іерихономъ начинается уже пустыня безо всякаго слѣда дорогъ, требующая опытнаго, знающаго тропинки проводника, безъ котораго путешественникъ рискуетъ заблудиться.

пятномъ яркая зелень деревьевъ, кустарниковъ. Даже бѣловатыя кроны оливъ исчезли, остались далеко уже позади, какъ будто не смѣя перевалить по сю сторону Элеона. Ихъ нѣтъ и слѣда, а именно здѣсь, на этомъ пустырѣ, среди голыхъ камней, стояла, тонула въ садахъ евангельская *Виѳсфагія*, откуда Христосъ велѣлъ ученикамъ взять осленка въ торжественный день своего въѣзда въ Іерусалимъ. Добродушный черногорецъ пресерьезно указываетъ намъ мѣсто, гдѣ росла когда то безплодная смоковница, проклятая Спасителемъ и засохшая по Его слову. Отсюда каменистый изломъ дороги круто сворачиваетъ влѣво, и вдругъ предъ нами, на пологомъ скатѣ холма, появляются каменные домики убогой деревушки.



Виѳанія.

Это и есть знаменитая *Виѳанія*, деревенскій пріютъ, нѣкогда излюбленный Божественнымъ Учителемъ, тотъ тихій уголокъ, куда уходилъ Онъ отдыхать, окруженный земными друзьями. Марко-кавасъ предлагаетъ намъ ѣхать въ карьеръ и первый пришпориваетъ лошадь. Бѣшенымъ галопомъ беремъ мы гористый уступъ и осаживаемъ разгоряченныхъ коней на вершинѣ крутаго подъема. Здѣсь какъ разъ на пути, въ сторонѣ отъ евангельскаго селенія, пріютился одинокій крохотный монастырь грековъ. Отъ него отдѣляется влѣво узкая тропа къ убогимъ хижинамъ современной деревушки «Лазаріэ», какъ называютъ Виѳанію сирійскіе арабы.

Крохотные каменные домики кажутся полуразрушенными или недостроенными. Они столпились въ хаотическую группу и смотрятъ на насъ съ высоты голыхъ обрывовъ съ желтоватыхъ уступовъ песчаника, только мѣстами оттѣненнаго скудною растительностью. Глядя на лачуги, пріютившіяся въ пазухѣ каменистыхъ разсѣлинъ, почти лишенныхъ зелени и тѣни, я невольно задавалъ себѣ вопросъ: неужели это та Виѳанія, тотъ поэтическій уголокъ сельской простоты и картинъ съ неразлучными силуэтами Лазаря, трогательно-радушной Марѳы и задумчиво-сосредоточенной Маріи? Куда дѣвались историческія смоковницы-ваіи, съ которыхъ бралъ нѣкогда восторженный народъ зеленыя вѣтви, привѣтствуя Назаретскаго Пророка? Въ тепломъ воздухѣ ни звука... Багрянымъ потокомъ льетъ солнце прощальные лучи догорѣвшаго дня: вечернія тѣни уже скользятъ надъ землею. Въ мягкихъ розовыхъ тонахъ освѣщенія даже жалкія араб-

скія мазанки получаютъ колоритъ библейскаго пейзажа, симпатичной патріархальности. Мы въѣзжаемъ въ селеніе среди непрерывныхъ оградъ сложенныхъ изъ дикихъ камней, какъ будто набросанныхъ на скорую руку. Шумная ватага полунагихъ ребятишекъ, всегда чутьемъ узнающая нежданный пріѣздъ «франковъ», «московомъ» въ ихъ палестины, выбѣгаетъ къ намъ навстрѣчу, ежеминутно рискуя попасть подъ копыта лошадей, разгоряченныхъ бѣшеной скачкой. Мальчуганы бѣгутъ у вашихъ ногъ, хватаясь ручонками за стремена, весело улыбаются вамъ, ревниво слѣдя другъ за другомъ, чтобы не прозѣвать «бакшиша», желанной поживы. Ихъ гортанное щебетанье сопровождаетъ насъ вплоть до того мѣста, гдѣ Марко-кавасъ намѣренъ показать намъ погребальную пещеру *Лазаря*. Никогда, можетъ быть, это «селеніе бѣдныхъ» не оправдывало такъ своего названія, какъ именно въ наши дни. Теперешняя Виѳанія, это—сплошной лабиринтъ руинъ, обращенныхъ узкими окнами въ ущелья Кедрона. Въ сплошной грудѣ камней нѣтъ возможности разобраться. И хотя Марко, не задумываясь, указываетъ намъ то развалины дома Симона прокаженнаго, то остатки стѣнъ дома Лазаря, трудно даже составить себѣ понятіе о томъ, какимъ былъ въ дни Христа этотъ ближайшій аванпостъ Іерусалима *).

Среди каменныхъ стѣнъ, въ самомъ центрѣ низенькихъ лачугъ, кавасъ осаживаетъ лошадь и, слѣзая, предлагаетъ намъ спѣшиться. Онъ вытаскиваетъ пукъ свѣчей, подтаявшихъ и слипшихся отъ жары, и не имѣя возможности раздѣлить эту безформенную массу воска, зажигаетъ всѣ шесть фителей разомъ. Факелъ дымитъ, чадитъ, пылая огненными языками, но неустрашимый черногорецъ не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія. Пугнувъ арабскихъ мальчугановъ и перешептавшись съ хранителемъ гробницы Лазаря, какимъ то католическимъ монахомъ, онъ ведетъ насъ въ глубину удивительной пещеры. Низенькій входъ въ нее по фасаду выложенъ аркой, въ масивныхъ камняхъ, и узкая, крутая лѣстница, въ каменномъ коридорѣ, сводитъ васъ въ совершенно темное подземелье. Мы ощупываемъ ногами каждую ступень, боясь поскользнуться. Спускаясь все ниже, лѣстница дѣлаетъ поворотъ въ нѣсколько ступенекъ и приводитъ въ узкую пещеру, въ которой съ трудомъ можно выпрямиться.

— *Гробница Лазаря*, говоритъ Марко.—Археологъ, съ любопытствомъ оглядываетъ стѣны. Ни малѣйшаго признака, характеризующаго древнія

---

*) Изслѣдованіе древнихъ фундаментовъ Виѳаніи, сложенныхъ по древне-іудейскому плану, указываетъ на несомнѣнно важное значеніе этого наблюдательнаго пункта на границѣ пустыни. Цари Израиля укрѣпляли Виѳанію сторожевыми башнями и поселяли въ ней стражу для охраны источниковъ. Полуразрушенная башенка уцѣлѣла, говорятъ, еще донынѣ, представляя широкій просторъ толкованіямъ гида.

еврейскія усыпальницы. Насколько типична обстановка «царскихъ пещеръ» *), настолько здѣсь все вызываетъ сомнѣніе. Марко, впрочемъ, пытается указать намъ другую пещеру. Еще ниже, переступивъ нѣсколько ступеней, есть небольшая комната, аршинъ двухъ или трехъ въ квадратѣ. Въ ней сыро; каменныя плиты стѣнъ несомнѣнно болѣе древняго происхожденія. Но если принять во вниманіе уровень почвы, то страннымъ является позднѣйшая надстройка верхней пещеры. Католики—обладатели этой пещеры, вѣроятно, реставрировали ее сравнительно недавно, и эта грубая поддѣлка священныхъ реликвій вноситъ грустный разладъ въ душу поклонника-туриста. Поднимаясь по ступенямъ къ выходу я невольно думалъ о суетѣ всего земного. Сгустившійся сумракъ поздняго вечера уже встрѣтилъ насъ на порогѣ усыпальницы Лазаря. Затихавшая жизнь, смутный гомонъ, едва долетавшій изъ убогихъ жилищъ, прохлада и свѣжесть близившейся ночи, какъ-то особенно дѣйствуютъ на душу въ этомъ мирномъ забытомъ гнѣздѣ, затерявшемся въ каменистой горной впадинѣ Элеона. Мы опять садимся на коней, чтобы двинуться въ греческій монастырь, гдѣ намъ предстоитъ провести ночь на перепутьи къ Іерихону. Пока Марко расплачивается за насъ, уговаривая католическаго патера довольствоваться на семъ свѣтѣ малымъ, а тотъ долго противится слѣдовать его совѣту, черноглазая дѣтвора теребитъ наши платья, хватаетъ за ноги, оглашая воздухъ звонкимъ требованіемъ бакшиша на всѣ лады и тоны. Одѣливъ одного, обижаешь другого невольно, поднимается невообразимый гамъ и, пользуясь общей суматохой, мы спѣшимъ поскорѣе уѣхать отъ назойливо-докучной ватаги.

Греческій *монастырь Св. Лазаря,* стоитъ въ сторонѣ селенія и по преданію занимаетъ то мѣсто, гдѣ когда-то Марія и Марфа, сестры Лазаря, встрѣтили Спасителя возвращавшагося изъ Іерусалима. Мелководный ручей пробираясь журчитъ между камнями *). Каменный фасадъ храма оригинальной архитектуры встрѣчаетъ усталаго путника массивной аркой дверей, забранной стеклянными рамами. Выступъ-навѣсъ церковнаго крыльца приподнятъ широкими ступенями надъ уровнемъ почвы. Четыреугольный каменный массивъ храма вѣнчаетъ круглый парапетъ, подпимающій выпуклый куполъ. Изогнутый контуръ его, какъ огромный глобусъ, выдвинутъ изъ

*) „Царскія пещеры"—рядъ древнѣйшихъ усыпальницъ вблизи Іерусалима, вѣроятно, служившихъ мѣстомъ погребенія іерусалимскихъ правителей временъ Ирода, описаны въ III главѣ.

**) Удивительно, что изъ этого источника нельзя брать воды ни для людей, ни для животныхъ, вслѣдствіе массы мельчайшихъ піявокъ, которыя, впиваясь въ горло или попавъ въ желудокъ, причиняютъ мучительную боль и даже смерть, если не будетъ подано немедленной медицинской помощи.

широкаго бордюра стѣны, совершенно лишенной оконъ; только надъ входомъ овальный просвѣтъ забранъ рамой съ цвѣтными стеклами. Оригинальная архитектура греческаго монастыря невольно останавливаетъ вниманіе путника. Особенно типичною кажется колокольня непривычному глазу: на карнизѣ высокой стѣны, тамъ гдѣ круглый парапетъ баллюстрадой охватилъ куполъ, возвышается небольшая полукруглая арка. Въ оправѣ сѣрыхъ стесанныхъ камней, въ общемъ прямолинейномъ очертаніи контура вся она, отъ одинокаго колокола до креста, осѣнившаго ея вершину, производятъ удивительно-странное впечатлѣніе. Силуэтъ храма надолго запечатлѣвается въ памяти, а оригинальность новогреческой архитектуры едва-ли проигрываетъ при сравненіи даже съ лучшими памятниками палестинскаго зодчества. Каменная ограда опоясываетъ владѣніе монастыря, небольшая калитка глядитъ на дорогу. Марко-кавасъ приводитъ насъ къ ней и, спѣшившись, долго стучитъ рукоятью нагайки въ низенькую дверку. Намъ, наконецъ, отворяютъ. Настоятель, отецъ Гавріилъ, самъ радушно выходитъ насъ встрѣтить, приглашая въ пріемные аппартаменты. Во дворѣ масса зелени, свободно разрослись кипарисы, тамарины, кусты «держи дерева»; сѣроватый «курай» и «верблюжья трава» сплошною сѣткой одѣли фундаментъ ограды. Въ сухомъ верескѣ такъ и шуршатъ пестрыя ящерицы. Каменный флигель въ два этажа съ широкою террасой пріютился сзади церкви, а къ нему лѣпятся разныя хозяйственныя пристройки. Передавъ лошадей, флегматичному арабу Константину, удивительному олицетворенію апатіи и стоицизма, мы поднимаемся по крутымъ ступенямъ въ верхній этажъ, подъ навѣсъ открытой сквозной галлереи.

Въ нее выходятъ двери и окна небольшихъ комнатокъ—келій, освѣщающихся только этимъ путемъ и совершенно лишенныхъ другого источника свѣта. Въ Палестинѣ болѣе всего дорожатъ прохладой и ради нея тщательно избѣгаютъ яркихъ лучей солнца. Пока радушные хозяева монастыря хлопотали согрѣть для нась русскій самоварчикъ, а служка отца Гавріила накрывалъ столъ на террасѣ, Марко распаковывалъ саквы, распредѣляя закуску. Мой коллега-археологъ въ чесучевой парѣ и непромокаемыхъ сапогахъ, измученный зноемъ и непривычною ѣздой, разлегся на софѣ, не желая подавать ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Молодой докторъ французъ, спутникъ нашихъ экскурсій, живой и чрезвычайно подвижный, уже носится по двору, заглядывая во всѣ уголки греческаго хозяйства и все критикуя.

— Каково!—кричитъ онъ мнѣ снизу, размахивая руками.—Ну не бездѣльники ли эти арабы?

— А что такое?

Я сижу на каменной лѣстницѣ и не въ силахъ оторваться отъ чудной

панорамы, открывающейся мнѣ съ высоты, а неугомонный докторъ продолжаетъ горячиться.

— Вотъ вамъ и шейхъ, сущій разбойникъ! полагайтесь на ихъ охрану, а все виноватъ Марко!

— Да въ чемъ дѣло?—любопытствую я.

— Сбѣжалъ, исчезъ! Еще пожалуй надоумитъ земляковъ и тѣ обдерутъ насъ какъ липку. Это неожиданное извѣстіе сразу взволновало нашъ маленькій караванъ, но впослѣдствіи оказалось, что шейхъ поѣхалъ впередъ въ свою деревню перемѣнить захромавшую лошадь и озаботиться доставкой воды на полпути къ хану милостиваго Самарянина.

Лунная ночь, голубымъ сумракомъ одѣвшая окрестность, застала насъ за ужиномъ и самоваромъ, въ оживленной бесѣдѣ затянувшейся далеко за полночь. Совсѣмъ поздно разбрелись мы по одинокимъ кельямъ, но я долго не могъ заснуть, переживая впечатлѣніе обстановки. Въ умѣ моемъ невольно группировались картины евангельскихъ дней. Въ комнатѣ было душно. Я тихо пробрался на каменный парапетъ галлереи. Въ монастырѣ все спало мертвымъ сномъ. Кавасъ Марко, во всеоружіи своихъ доспѣховъ растянувшійся на каменномъ полу, оберегалъ нашъ покой богатырскимъ храпомъ. Въ сѣрой густѣющей мглѣ, въ темной зелени деревьевъ, шевелились какія-то тѣни, — это бродили спутанныя лошади, тихо позвякивая подковами. Ночь почти боролась съ разсвѣтомъ. Блѣднѣла луна; съ востока медленно плылъ, проступалъ бѣловатый туманъ, — предвѣстникъ зари. Въ вышинѣ слабо тянулъ вѣтеръ. У ногъ моихъ мирно дремала Виѳанія, и весь окрестный пейзажъ, полный чарующей прелести, будилъ во мнѣ образы давно минувшаго, а въ возбужденномъ мозгу проносились вереницей думы... Я переживалъ странное настроеніе, настроеніе, накопившееся, быть можетъ, долгимъ пребываніемъ моимъ въ Палестинѣ.

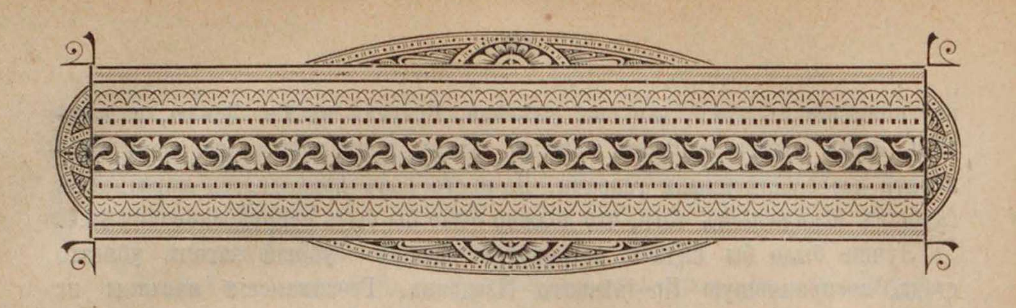
Бѣгутъ годы, столѣтія проносятся, мѣняется все на свѣтѣ... Сама земля, переходя грани тысячелѣтій, подъ вліяніемъ рукъ человѣка, становится иною, почти неузнаваемою для отживающихъ поколѣній... И здѣсь, даже въ этой пустынѣ, на каменистыхъ уступахъ Элеона, исчезаетъ, постепенно мѣняется то, что было несомнѣннымъ свидѣтелемъ трогательныхъ евангельскихъ событій. Благословенная «весь» Богомъ избраннаго и Богомъ отверженнаго народа съ каждымъ годомъ уходитъ, опускается въ глубину наслоеній, какъ будто скрываясь отъ взора празднаго любопытства. Историческіе памятники тонутъ подъ грудами сѣрыхъ камней, или замѣняются новыми. Новые храмы, новыя стѣны, новыя святилища!.. Но, увы! Къ нимъ не такъ тяготѣетъ душа, какъ къ безмолвнымъ, мертвымъ руинамъ, къ которымъ пріурочены дорогія для христіанина воспоминанія. Время безжалостно стираетъ съ лица земли священныя реликвіи, вызывая груст-

ное сомнѣніе въ тѣхъ, что еще уцѣлѣли. Вступая въ Св. Землю, я жаждалъ «все» видѣть, извѣдать каждый камень, прикоснуться ко всему, провѣрить все собственными глазами. Но много разъ приходилось мириться съ грубымъ искаженіемъ того, что должно было бы быть неприкосновеннымъ...

Лучше было бы видѣть нетронутой пещеру — убогій загонъ убогаго стада, воспринявшую Предвѣчнаго Младенца. Геѳсиманскія маслины не проиграли бы ничего безъ куртинъ и дорожекъ. Я всякій разъ чувствовалъ себя ближе къ священнымъ событіямъ, почти переживалъ ихъ, когда попадалъ въ уголки, пощаженные рукой современныхъ благочестивыхъ иллюстраторовъ евангельскаго текста. Я оживалъ на пустынной горѣ, укрѣпившей духъ мощи великаго Учителя среди искушеній. Солнцемъ спаленныя нивы, воспринявшіе животворное сѣмя смиреннаго Сѣятеля, рисовали мнѣ властно силуэты апостоловъ, лучшихъ дѣтей своего народа. У гробницы земного друга Христа, гдѣ мнѣ закрались сомнѣнія, я задумался невольно... Великій Учитель воскресилъ здѣсь мертвеца, среди недвижной, безмолвной природы. Онъ преподалъ намъ завѣты обновленія, открылъ тайну, оживляющую духъ, врачующую муки скорбей и страданій. Отчего же изможденныя безсильною борьбой полумертвецы, мы донынѣ не въ силахъ познать Тебя и, страдая какъ прежде, все жаждемъ, все ждемъ возрожденья, какъ будто міръ способенъ еще воспринять что-либо высшее, чѣмъ Твое ученіе, полное безсмертной любви и всепрощенія?..

. . . .

Монастырь Св. Лазаря.



Глава X.

Въ преддверіи земли Ханаанской.

Гористый путь въ Іорданскую пустыню.—Ханъ Эль-Ахмаръ милостиваго самарянина.—Ущелье Вади-Эль-Кельтъ.—Іерихонъ библіи и современная деревушка Рихи.—Русскій пріютъ о. Антонина и усадьба г-жи Богдановой.

Не успѣлъ я заснуть, не успѣлъ даже слегка освѣжить усталые члены, какъ чья-то рука коснулась моего плеча и минуту спустя, я услышалъ надъ собой голосъ Марко:—Вставайте! Надо скорѣй выѣзжать, а то не успѣемъ добраться до хана, сгоришь отъ зноя!—Я съ трудомъ разомкнулъ вѣки. Темнота въ комнатѣ, полумракъ за окномъ,—палестинское утро. А неумолимый стражъ ворчитъ какъ дядька и торопитъ отъѣздомъ. Быстро одѣвшись, выхожу на балконъ-галлерею. Глазъ съ трудомъ еще различаетъ очертанія деревьевъ. На дворѣ суетится погонщикъ Константинъ, фыркаютъ лошади, но силуэты ихъ тонутъ въ общемъ сумракѣ, слабо, едва выдѣляясь на темномъ фонѣ. Кругомъ—въ воздухѣ, по землѣ разлита какая-то особенная тишина, предшествующая разсвѣту. Все замерло, какъ будто ждетъ первыхъ утреннихъ лучей, когда они брызгами тронутъ изломы, далекіе гребни горъ и польютъ золотистые потоки свѣта, раскаляя вновь, не успѣвшій еще остыть, ночной воздухъ. Даже въ сухомъ верескѣ у подножья ограды смолкли пѣвуны сверчки; не слышно ни птичьяго крика, ни звука.

Пока неумолимый Марко будитъ коллегу археолога, безмятежно засыпающаго при первомъ удаленіи неусыпнаго стража, милѣйшій докторъ воюетъ съ Константиномъ, недовольный сѣдломъ и лошадью, требуя, чтобы тотъ осѣдлалъ ему лошадь каваса. Она сильнѣе и выносливѣе и онъ не желалъ болѣе «трястись», а хочетъ «скакать, хочетъ ѣхать полною рысью».

— Да вѣдь у насъ не ѣздятъ рысью, нельзя,—тщетно убѣждаетъ его

Константинъ. — Здѣсь дорога «не корошъ, господинъ Франкъ упадетъ!» но докторъ не признаетъ никакихъ доводовъ. Его примиряютъ тѣмъ, что отдаютъ мою лошадь. Распростившись съ радушнымъ настоятелемъ монастыря, мы трогаемся въ путь къ Іерихону. Въ полутьмѣ караванъ нашъ выходитъ, вытягивается гуськомъ и шагомъ убійственно-мѣрнымъ и монотоннымъ начинаетъ взбираться по кручамъ среди ущелій... Мы ѣдемъ не разговаривая, какъ будто въ полудремотѣ. Померкшія звѣзды еще глядятъ съ высоты, но блескъ ихъ слабо выдѣляетъ темносиній пологъ небеснаго свода. Дорога все бѣжитъ въ гору, зигзагомъ пробираясь по уступамъ. Темные массивы гигантскихъ камней провожаютъ насъ слѣва. Мракъ начинаетъ рѣдѣть; кое-гдѣ проступаютъ—сквозятъ впадины пещеръ, справа ярче обрисовываются обрывы. Со дна ихъ доносится глухой гулъ невидимой воды—это ключъ *Аинъ-Элъ-Гаудъ* звонко журчитъ по камнямъ или, быть можетъ, тотъ историческій ручей *Кериѳъ*, у котораго жилъ Илія *), по велѣнію Еговы. Камни, срываясь изъ-подъ копытъ, скатываются въ пропасть, еще зарисованную густыми тѣнями. Минуя *Источникъ Апостоловъ*—достопримѣчательность, указанную намъ Марко, черезъ полчаса мы подъѣзжаемъ къ Адамитской пещерѣ. Арабы окрестили ее названіемъ «кровавой», вѣроятно въ память тѣхъ разбоевъ, которые совершались на этомъ мѣстѣ. Но, вообще говоря, такихъ разбойничьихъ засадъ найдется далеко не одна на Іерихонской дорогѣ. И донынѣ онѣ служатъ прекраснымъ оплотомъ для всевозможныхъ бедуинскихъ головорѣзовъ, которые, укрывшись за камнями, однимъ мѣткимъ залпомъ могутъ *спѣшить* караванъ, а затѣмъ безнаказанно раздѣть и обобрать васъ до нитки. Отсутствіе шейха, скрывшагося изъ Виѳаніи еще наканунѣ, начинаетъ казаться мнѣ подозрительнымъ. Я требую объясненій отъ каваса, тотъ въ свою очередь переговаривается по арабски съ погонщиками: *Халлик-Мурхах-сиди!*—Будь спокоенъ, господинъ, шейхъ сейчасъ будетъ! говоритъ Константинъ. Поднявшись по каменному уклону, до насъ ясно доносится стукъ копытъ. Минуту спустя на прояснѣвшей дали горизонта, на блѣдно-голубомъ фонѣ, въ рамѣ темныхъ сдавившихъ дорогу ущелій, вырѣзается конь и всадникъ. Онъ издаетъ протяжный свистъ и, тронувъ лошадь, полною рысью летитъ къ намъ, помахивая какимъ-то плащемъ въ видѣ привѣтствія.— «*Сабах-иль-хаир, сиди!*» Хорошее утро, господинъ! говоритъ шейхъ, присоединяясь къ нашему каравану.

И дѣйствительно, тамъ впереди, изъ-за горъ Моавитскихъ, должно теперь скоро появиться огнистое свѣтило. Его нѣтъ еще, но оно уже чувствуется незримое, жгучее, готовое напоить страстнымъ дыханіемъ и зем-

*) 3 кн. Царства XVII—3, 5.

лю, и небо, и безконечный просторъ дремавшей пустыни. Въ мягкихъ тонахъ разсвѣта все ярче и рельефнѣе выступаютъ теперь камни, гранитные изломы горъ, какъ будто растрескавшіеся отъ нестерпимаго жара хребты Эдомминской возвышенности. И чѣмъ ярче становились потоки свѣта, чѣмъ больше блѣднѣли тѣни, тѣмъ окрестный пейзажъ поражалъ насъ сильнѣе своимъ аскетическимъ колоритомъ. Вотъ уже яркіе брызги лучей прорвались сквозь изрѣзы далекаго Вади-Эль-Кельта и потекли, засверкали на вспыхнувшей яркою синевой каймѣ горизонта. Розоватые тоны исчезли, смѣнились золотистою окраской и голубой небесный шатеръ какъ будто выше поднялся надъ проснувшейся землей.

Раннее утро застало насъ уже въ *ханѣ милостиваго Самарянина* *); пустынныя горы пепельно сѣрою стѣной окружаютъ этотъ евангельскій домъ, увѣковѣченный притчей Спасителя. Ханъ этотъ — попросту дворъ, обнесенный невысокою оградой.

Стѣны сложены изъ массивныхъ камней старинной кладки и замѣтно источены временемъ. Тамъ и сямъ сквозятъ въ нихъ темныя впадины амбразуръ, въ которыя турецкій патруль кладетъ ружья. Крѣпкія ворота запираютъ этотъ оригинальный ханъ-крѣпостцу, и путникъ здѣсь подъ широкимъ навѣсомъ на циновкѣ или соломѣ можетъ отдохнуть, довольствуясь собственнымъ провіантомъ. Въ ханѣ всегда найдется скудное топливо, на которомъ неприхотливый арабъ сварить вамъ кофе и яйца, если то и другое вы захватили съ собой. Палестинскія гостинницы не могутъ предложить ничего, кромѣ арбуза и кисти винограда, да и то глядя по сезону. Ханъ *Эль-Ахмаръ* стоитъ какъ разъ на полпути отъ Виѳаніи къ Іерихону, обильный источникъ воды пріурочилъ его на этомъ мѣстѣ. На Востокѣ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не бываетъ дождя, ханъ немыслимъ безъ источника, и вотъ этотъ-то несомнѣнный признакъ устраняетъ всѣ пререканія о подлинности хана милостиваго самарянина, упоминаемаго евангелистомъ Лукой **).

---

*) Сирійскій ханъ, являясь убѣжищемъ отъ пыли и зноя, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и защитой отъ разбойниковъ, временами обращаясь въ караванъ-сарай, рынокъ, гдѣ встрѣчающіеся купцы обмѣниваются товарами. Съ незапамятныхъ временъ на Востокѣ „ханъ" (слово взято съ персидскаго) былъ ночлегомъ, пріютомъ для всѣхъ, безъ различія религій и національности. Очагъ его считался неприкосновеннымъ одинаково во дни Авраама и Лота, какъ и во дни Спасителя, при римлянахъ и туркахъ. Возникновеніе этихъ оригинальныхъ гостинницъ пустыни приписывается благочестивымъ шейхамъ, являясь актомъ милосердія и благотворительности. Почти на всѣхъ дорогахъ донынѣ уцѣлѣли эти „общественныя" постройки.

**) Гл. X, 30—35. Интересно, что ханъ милостиваго самарянина у однихъ палестинологовъ извѣстенъ подъ именемъ Эль-Ахмара (какъ, напримѣръ, у Дидона); у другихъ же онъ называется Гадруромъ и пріурочивается къ развалинамъ, находящимся въ сторонѣ отъ пути гораздо далѣе къ Іерихону.

Когда мы подъѣхали къ хану, караванъ арабовъ только-что подошелъ къ нему же съ противоположной стороны на перепутьи въ Газу. Живописною группой шумное кочевище обступило сѣрыя низенькія стѣны маленькаго блокгауза. Вереницы верблюдовъ, нагруженныя тюками, ящиками, свернутыми палатками и провизіей, тотчасъ же улеглись рядами, едва передовой вожакъ успѣлъ остановиться. Погонщики арабы, въ полосатыхъ ярко-пестрыхъ бурнусахъ, съ головами укутанными въ цвѣтныя полотенца съ кистями, шумно перекликаясь, поспѣшили гурьбой подъ навѣсъ благодѣтельнаго пристанища пустыни. Загорѣлыя дѣтишки въ ермолкахъ обступили насъ, съ любопытствомъ глазѣя на богатое вооруженіе Марко, на костюмы европейцевъ, убранство нашихъ коней и на непонятные инструменты для вычисленій.

Пока Константинъ таскаетъ воду лошадямъ, мы входимъ подъ ворота гостинницы, усталые, истомленные зноемъ. Во дворѣ уже успѣли расположиться погонщики. Они развели яркій огонь, подвѣсили котелокъ для варки кофе, растянули цыновки подъ защитой каменнаго навѣса. Изъ саквъ вынуты арбузы. Незатѣйливъ ихъ завтракъ: маисовыя лепешки, ссохшіяся какъ кремень, глотокъ свѣжей воды,— въ лучшемъ случаѣ кофе. Мы бросаемся въ изнеможеніи на кожаныя подушки, предусмотрительно припасенныя кавасомъ. Коллега-археологъ тотчасъ же засыпаетъ. Шейхъ нашего каравана присоединяется къ землякамъ, а мы съ веселымъ докторомъ приготовляемся завтракать консервами.

Жгучій полдень... Неумолимое палестинское солнце вертикальными лучами накаляетъ камни, почву, широкій навѣсъ Эль-Ахмара. Лошади понуро легли вдоль ограды, прячась, ища прохлады въ ея скудной тѣни. Константинъ обливаетъ имъ головы водой. Термометръ показываетъ 45°. Силъ

Газскіе караваны.

нѣтъ дышать, губы трескаются отъ жары. Докторъ уговариваетъ насъ выпить горячій кофе. «Кофе охлаждаетъ» увѣряетъ онъ, но проснувшійся археологъ требуетъ арбуза, не смущаясь доводами доктора о холе-

рѣ *). Пока Марко и шейхъ доѣдаютъ скудные остатки нашего завтрака, я иду въ глубь сарая, завертываюсь въ бурнусъ и, подперевъ голову кожаною подушкою, ложусь на мою цыновку. Но укрывшись съ головой отъ москитовъ, которые жалятъ невыносимо, я задыхаюсь отъ недостатка воздуха, лицо горитъ, кожа рукъ чешется нестерпимымъ зудомъ—перспектива быть укушеннымъ скорпіономъ, которыми особенно богата приіорданская область, лишаетъ меня послѣдней возможности забыться. Часы бѣгутъ томительно медленно. Въ узкій пролетъ между каменными столбами навѣса проглянулъ клочекъ голубого неба, сплошь залитаго ослѣпительно-яркими лучами солнца. На немъ ни облачка, ни дымки. Зноемъ дышетъ оно, это небо, и кажется, что съ высоты на изможденную землю безконечными пластами стелется раскаленный воздухъ. Я впадаю, наконецъ, въ какую-то тяжелую дремоту, но мнѣ долго еще мерещется все та же голубая высь, томительно знойная и однообразная. Пробуждаюсь отъ отчаяннаго рева верблюдовъ. Это газскій караванъ приготовляется въ путь; проводники поятъ верблюдовъ. Выхожу къ воротамъ. Черномазый арабъ, поваливъ на землю бѣднаго мула, проткнулъ ему ногу гвоздемъ выше бабки. Животное бьется въ конвульсіяхъ отъ мучительной операціи. Кровь выступаетъ сперва медленно, потомъ течетъ быстрѣе, и шейхъ объясняетъ мнѣ, что это единственный способъ спасти животное отъ солнечнаго удара. И дѣйствительно, четверть часа спустя, облегченный кровопусканіемъ мулъ, хотя безъ поклажи и прихрамывая, но ушелъ съ караваномъ. Мы были убѣждены, что онъ околѣетъ.

Пока я наблюдалъ, какъ черногорецъ съ Константиномъ навьючивали нашихъ лошадей, шейхъ уѣхалъ впередъ по направленію къ Іерихону. Археологъ тщательно изслѣдовавшій фундаменты *Хана-эль-Ахмара*, видимо недовольный, ищетъ «подлинный» ханъ въ безчисленныхъ руинахъ, покрывающихъ весь лѣвый бортъ известковой дороги. Термометръ все поднимается, а между тѣмъ четвертый часъ пополудни и жаръ числится свалившимъ. Мы опять садимся на коней и тою же мѣрно-однообразной поступью вытягиваемся по дорогѣ, покинувъ одинокія пустынныя стѣны безмолвнаго хана. Еще долго его желтый квадратъ провожаетъ насъ издали, прихотливо и неожиданно перемѣщаясь то вправо, то влѣво, благодаря извилинамъ дороги. А кругомъ тѣ же камни, ущелья, суровый колоритъ аскетической природы. Дорога отсюда становится чрезвычайно трудною, гористою, извиваясь ползетъ вдоль ярко-желтыхъ скалъ известняка, ли-

*) Всѣ окрестности Палестины, недалекая Сирія были уже объяты эпидеміей. Между Бейрутомъ и Дамаскомъ было прервано всякое сообщеніе. Поговаривали о возможности локализаціи Назарета. Доступъ же въ св. Землю нашимъ русскимъ паломникамъ былъ уже офиціально прекращенъ по распоряженію Православнаго Палестинскаго Общества.

шенныхъ всякой растительности. Нигдѣ не проглянетъ ни кустика, ни травки, все какъ будто застыло, умерло, и нѣтъ силъ передать на бумагѣ этого безстрастнаго оцѣпенѣнія природы. Мы достигаемъ конечной, самой высокой грани ущелья *Вади-эль-Кельтъ,* и отсюда съ его шатроваго верха вдругъ открывается предъ нами поразительная картина.

Утомительный подъемъ оконченъ. Теперь узкой лентой внизъ начинаетъ сбѣгать дорога. Сѣрые массивы утесовъ раздвинулись, сдѣлались оправой къ волшебной картинѣ. За ними въ чарующей глубинѣ, тамъ за далью, все ниже и ниже спускающихся холмовъ, пролегла безконечная ширь Іорданской долины. Желто-зеленый фонъ ея лентой серебритъ извилистое ложе священной рѣки, а за нимъ у фіолетовыхъ шатровъ горъ Моавитскихъ, у ихъ подножья, окутаннаго флеромъ вѣчнаго тумана, застыла предъ нами недвижная гладь «соленаго» Бахръ-Лута—*Мертваго моря.* Глубокія трещины вьются, бѣгутъ средь базальтовыхъ камней, въ толщѣ плитъ известняка и песчаника—все это изсохшія русла ручьевъ, по которымъ зимой сбѣгаютъ отсюда мутныя воды въ равнину-оазисъ Іерихона. Мы спускаемся съ трудомъ; лошади садятся, оступаясь на заднія ноги. Пропасть—справа, обрывъ—слѣва. Бѣлая линія каменистой дороги упирается въ зеленую кайму, ярко оттѣнившую сѣрые домики Іерихона. Библейскій городъ встаетъ предъ нами въ глубинѣ долины, но добраться до него далеко не такъ скоро, какъ это кажется съ перваго взгляда.

—*Іерихонъ!* Вотъ онъ видѣнъ!—радостно восклицаетъ нашъ шейхъ и крайне довольный, сынъ пустыни, вдругъ затягиваетъ какую-то протяжно-заунывную мелодію. Мы вступаемъ въ окрестности современной деревушки *Рихи,* еще въ древности названной «благоухающею». Полуразрушенный акведукъ провожаетъ насъ слѣва, а навстрѣчу медленно плывутъ къ намъ сады, разступаясь все шире и шире.

Убогое селеніе, слѣпленное изъ полсотни каменныхъ домиковъ, пріютившихся подъ навѣсомъ зеленыхъ вѣтвей тамариновъ, пирамидальныхъ кипарисовъ, раскидистыхъ шапковидныхъ каштановъ—неужели это тотъ царственный Іерихонъ, преддверіе земли Ханаанской? Жалкая деревушка Рихи съ ея хижинами, закоптѣлыми, едва поднявшимися отъ земли, неужели наслѣдница, красовавшихся здѣсь когда-то дворцовъ, временъ Великаго Ирода? Низенькій поясъ ограды, наскоро сбитой изъ глины и камней, два, три десятка развалинъ не въ силахъ даже дать представленія о томъ укрѣпленномъ оплотѣ благословенной земли «Обѣтованной», который бралъ нѣкогда приступомъ Іисусъ Навинъ при звукѣ трубъ вдохновенныхъ леви-

товъ. Проклятіе израильскаго вождя, сравнявшаго городъ съ землей, какъ будто живо донынѣ. Кто повѣритъ, глядя на эти жалкія хижины, что здѣсь возвышались роскошныя виллы Ирода, что доходы съ знаменитыхъ іерихонскихъ садовъ шли на порфиру и виссонъ царственной Клеопатры? Но не одной пышности являлся представителемъ Іерихонъ. Здѣсь-же процвѣтала школа пророковъ, воспитавшая Илію и Елисея. Городъ Маккавеевъ и Антонія былъ обширнымъ, богатымъ центромъ Іудеи вплоть до эпохи Крестовыхъ походовъ. Но исчезло былое величіе, какъ исчезаетъ все на свѣтѣ, и въ городѣ «пальмъ и розъ» вамъ укажутъ теперь какъ рѣдкость одинокіе, уцѣлѣвшіе экземпляры знаменитой смоковицы, съ которой когда-то смотрѣлъ Закхей на торжественное шествіе Іисуса. Неумолимый Ибрагимъ-паша, вождь египетскій, опустошилъ до тла этотъ маленькій Римъ Іудейскаго царя, уничтожилъ сплошные сады померанца, фиговыхъ пальмъ и гранатника; разметалъ по камнямъ его водоемы. Единственная уцѣлѣвшая отъ временъ крестоносцевъ старая башня, на половину разрушенная, обращена теперь въ жалкую казарму для турецкаго патруля. Въ Іерихонѣ нѣтъ даже церкви, и христіанское населеніе его должно ходить или въ Предтеченскій монастырь на Іорданѣ, или въ приходскую киновію Сарандаря, какъ называютъ арабы близлежащую гору сорокадневнаго поста Іисуса. Въ теперешней *Рихъ* всего два дома заслуживающихъ этого названія. Одинъ изъ нихъ прекрасное зданіе *русскихъ построекъ* отца Антонина *) и домъ-пріютъ нашей соотечественницы г-жи Богдановой.

Почти у ограды деревушки насъ встрѣчаетъ толпа бедуинскихъ наѣздниковъ. Они несутся навстрѣчу во весь опоръ, съ гиканьемъ и свистомъ описываютъ круги по равнинѣ. Темные плащи ихъ развѣваются по вѣтру, длинныя кремневыя ружья видны за плечами. Эти отчаянные баши-бузуки, друзья «московонъ» и «франковъ» только въ стѣнахъ караванъ-сарая. На волѣ они подвержены удивительнымъ метаморфозамъ. Раздѣляя съ вами кровъ и ужинъ, они не задумываясь оберутъ васъ-же при незначительномъ перевѣсѣ силъ на просторѣ пустыни. Раздѣнутъ до нага богомольца, угонятъ стада у зазѣвавшагося пастушенка. Но дальнобойные карабины нашего конвоя, а главное — присутствіе шейха, какъ несомнѣнное доказательство уплаты традиціоннаго бакшиша, заставляетъ ихъ скоро удалиться. Обмѣнявшись краткимъ, но многозначительнымъ привѣтствіемъ съ сыномъ стараго шейха они скоро скрываются въ неприступныхъ ущельяхъ оставшагося позади насъ Вади-эль-Кельта. Мы вступаемъ въ селеніе, перебравшись черезъ мелкій ручей и, встрѣченные толпой загорѣлой дѣтворы, подъѣзжаемъ

*) Неутомимый устроитель „русскихъ мѣстъ“ въ Палестинѣ, архимандритъ православной миссіи въ Іерусалимѣ о. Антонинъ скончался 24 марта 1894 г., на 77-мъ году своей жизни, проработавъ слишкомъ 27-мъ лѣтъ на мѣстѣ своего служенія.

къ *дому г-жи Богдановой*. Онъ пріютился въ саду... Свернувъ влѣво, Марко ведетъ караванъ къ воротамъ, накрѣпко запертымъ отъ разбойничьихъ визитовъ. Двѣ русскія богомолки старушки-прислужницы встрѣчаютъ насъ радостно и радушно. Онѣ отводятъ намъ комнатки, но это только для формы: въ сущности весь домикъ къ нашимъ услугамъ. Пока мы умываемся, чистимся, перемѣняемъ костюмы, совершенно испорченные отъ пыли и пота, добрыя служанки накрываютъ столъ въ саду, въ тѣни кипарисовъ, въ самой чащѣ тамариновъ. Неизбѣжный родной самоварчикъ появляется на сцену, пріятно напоминая далекую родину. Ярко-зеленые лимоны, только что сорванные, прекрасный виноградъ, рубиновыя гранаты—все это въ массѣ къ вашимъ услугамъ. Марко откупорилъ уже ящики съ консервами, но никто изъ насъ не хочетъ ѣсть опротивѣвшихъ всѣмъ сардинъ, заготовокъ «соли» (маринованая лососина) и прочихъ подозрительныхъ издѣлій англійской кухни. Мы опиваемся чаемъ, наѣдаемся фруктовъ, стараясь забыть о трудностяхъ пути, объ усталости и невыносимой жарѣ, которой кажется нѣтъ конца и которая не знаетъ пощады. А день между тѣмъ близится уже къ вечеру, хотя термометръ показываетъ все еще 40° въ тѣни — апогей іюльскаго зноя. Марко утѣшаетъ насъ, что на Мертвомъ морѣ будетъ гораздо жарче, а мы и такъ едва дышемъ. У меня не разъ уже шла носомъ кровь, голова едва охлаждается компрессомъ. Во всемъ тѣлѣ нестерпимый зудъ, хочется отдохнуть, поскорѣе улечься. Въ маленькихъ комнатахъ-спальняхъ вездѣ чистота, прекрасныя кровати съ москитерами, хорошіе матрацы. Вы пробуете улечься въ надеждѣ заснуть, но васъ стѣсняетъ платье. Спѣша раздѣться, вы сбрасываете съ себя все, что только возможно, но ничто не облегчаетъ ужасной истомы. Подъ пологомъ душно, тяжело дышется, не хватаетъ воздуха... Проходитъ нѣсколько минутъ и вы чувствуете, что испарина усиливается crescendo. Наволочки, простыни, все намокаетъ и чѣмъ мягче матрацъ, тѣмъ полнѣе иллюзія настоящей горячей ванны. Я никогда-бы не повѣрилъ въ возможность такой поразительной бани. Впрочемъ, милѣйшій докторъ увѣрялъ меня, что только сильная испарина и спасаетъ, дѣлая мало-мальски сноснымъ

Іерихонъ.

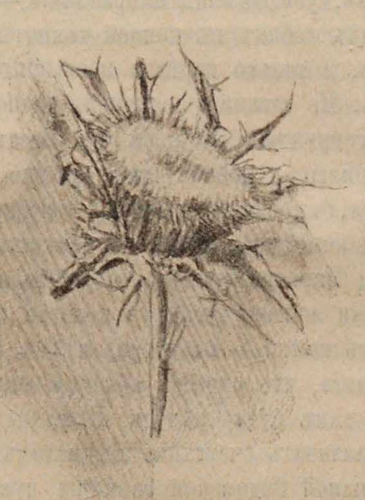
существованіе человѣка въ Іерихонской пустынѣ. Прибрежье Мертваго моря дѣйствительно теплица тождественная по теплотѣ съ долинами Индіи и Южной Аравіи. Благодаря горнымъ кряжамъ, заслонившимъ ее отовсюду, температура воздуха этой долины всегда, во всѣ часы дня, на нѣсколько градусовъ выше другихъ мѣстностей Палестины. Если флора ея не даетъ теперь многочисленныхъ образцовъ экваторіальной растительности, то это только благодаря полному отсутствію предпріимчивости у мѣстныхъ жителей. Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе искусномъ орошеніи и правильной эксплуатаціи воды, почва Іерихона смѣло могла-бы укрѣпить за собой названіе «Обѣтованной», какою она и была въ глубочайшей древности. И теперь еще въ той части садовъ, что ближе подходятъ къ источнику Елисея, единственному ключу питающему деревушку Рихи, можно встрѣтить уцѣлѣвшіе образцы библейской флоры *).

Особенно типиченъ въ этомъ отношеніи прекрасный *садъ* нашихъ *русскихъ построекъ*, основанныхъ, по преданію, на мѣстѣ бывшаго здѣсь въ евангельскіе дни дома мытаря Закхея. Заботливая рука отца Антонина умѣло собрала богатую коллекцію разнообразныхъ растеній. Двухъэтажное зданіе, обширное, со всѣми удобствами для богомольцевъ, издалека еще привѣтствуетъ путешественника, приближающагося къ Іерихону. Широкая лѣстница ведетъ въ залу второго этажа, а вдоль нея, вправо и влѣво, устроены корридоры съ отдѣльными нумерами, такъ-называемой «дворянской» половины. Съ высоты балкона открывается восхитительная панорама окрестностей; но она еще грандіознѣе съ каменной кровли террасы. Плоская крыша обнесена невысокимъ парапетомъ и, чтобы попасть на нее, надо подняться по узкой винтовой лѣстницѣ. Никогда не забуду того чуднаго вечера, который мы провели здѣсь «на высотѣ, въ первый же день нашего пріѣзда.

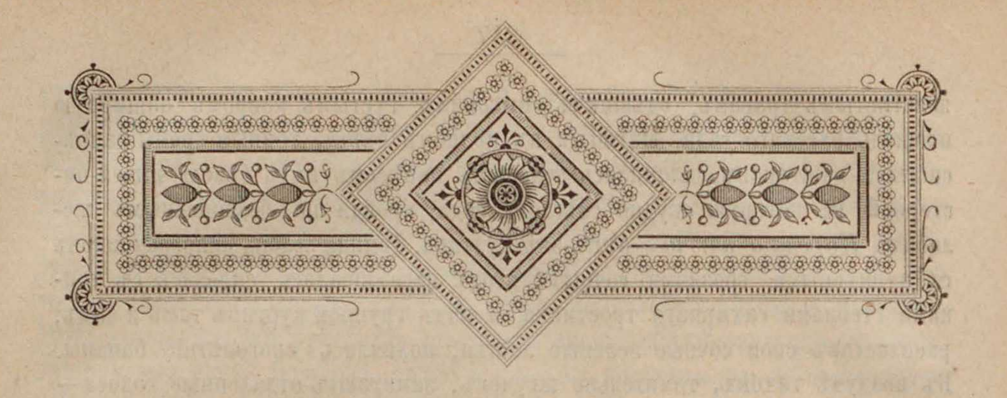
День угасалъ... Въ роскошномъ саду, у подножья деревьевъ, уже сгущались трепетныя тѣни. Три пальмы, широко раскинувъ, какъ бы разметавъ въ воздухѣ свои колоссальныя перья, недвижно зеленѣли у нашихъ ногъ, а кругомъ ихъ толпились задумчивые, стройные кипарисы. Тамариски, олеандиры и померанцы живописными группами разбѣжались по

*) Ботаникъ найдетъ здѣсь растеніе *Заккумъ*, плодъ котораго шелъ нѣкогда на приготовленіе галаатскаго бальзама, упоминаемаго въ Библіи и опредѣленнаго Розенмюллеромъ и Эдманомъ. Изъ вѣтвей его, по преданію, былъ сплетенъ терновый вѣнецъ Спасителя. Уцѣлѣли и красивыя *іерихонскія розы* (Сирахъ XXIV, 15) и знаменитое *содомское яблоко*, круглый плодъ оранжеваго цвѣта. Раздавивъ его, вы увидите внутри черную пыль отвратительнаго вкуса (Моисей, Второзак. XXXII, 32). Что касается іерихонскаго розана, то Риттеръ признаетъ за нимъ способность распускаться въ водѣ, несмотря на долгіе годы пребыванія въ гербаріумѣ (Erdkunde, II, 431).

золотистымъ травамъ, одѣвшимъ высокимъ, густымъ ковромъ обширную площадь русскаго сада. Магноліи въ полномъ цвѣту, темныя кроны развѣсистыхъ каштановъ склонялись зеленымъ навѣсомъ надъ бѣлою чашей-цистерной, въ которую скудно сбѣгаетъ вода, пройдя по безконечнымъ желобамъ *Царскаго ключа*—Аинъ-эсъ-Султана. Темная зелень виноградниковъ съ пурпурными гроздями сочныхъ ягодъ перемѣшалась, сплелась съ тонкими стеблями сахарнаго тростника, а надъ группой куртинъ тамъ и сямъ, распластавъ свои сочные зеленые листья, поднялись многолѣтніе бананы. Въ воздухѣ тихомъ, томительно жгучемъ, замираютъ отдаленные голоса—это тамъ, на деревнѣ, еще не смолкъ людской гомонъ. А здѣсь величавая тишь: она такъ гармонируетъ съ окрестнымъ пейзажемъ. Обернитесь—предъ вами уже дремлетъ въ истомѣ безконечная пустыня, ослѣпительно-бѣлая, томительно-однообразная, безжизненная. Силуэты далекихъ горъ сквозятъ теперь слабо, одѣтые мутью сгущенныхъ испареній Мертваго моря. Неподвижною лентой застылъ среди голыхъ камней Іорданъ; на первомъ планѣ бѣловатые бугры солончаковъ, конически правильные холмы песчаника. На небѣ ни облака, ни тучки... На западѣ, прячась за темный массивъ *Сорокадневной горы*, догораетъ жгучее солнце, бросая тонкіе багряные лучи, проводя ярче грани тѣней и свѣта. Съ востока, на голубомъ пологѣ неба, слабо мигая, загораются первыя звѣзды. Тонутъ въ сумракѣ мягкіе контуры Моавитскихъ предгорій и безконечная даль пустыни бѣлѣетъ, выступая ярче подъ куполомъ темныхъ небесъ, будитъ гулкое эхо. Отдаленный выстрѣлъ, отрывистый лай собакъ, вой шакала въ быстро опавшей темнотѣ—палестинская ночь уже спустилась на землю...



Іерихонская роза.



Глава XI.

Великая пустыня.

Долина Содома и Гоморры. Обитель Св. Герасима Биркетъ-Лутъ.—Мертвое море. Научныя гипотезы. Устье Iордана.

Еще ночь надъ землей... Чернымъ пологомъ отовсюду задернуто небо. Безконечная ширь величавой пустыни какъ будто ушла подъ его темныя складки и дремлетъ она застывъ неподвижно, драпируясь тѣнями. Въ влажномъ воздухѣ какая-то бодрая свѣжесть... Свободно дышитъ грудь, исчезаетъ истома сладкаго сна, прерваннаго раннимъ пробужденiемъ. Шагомъ, верхами одинъ за другимъ пробираемся мы вдоль плетней, что темною каймой чернѣютъ и справа и слѣва. Ихъ не видно, но больше инстинктомъ чѣмъ глазомъ, угадываешь направланiе,—мы ѣдемъ къ юго-востоку. Стаи остервенѣлыхъ собакъ въ ночной темнотѣ встрѣчаютъ насъ какимъ то глухимъ воемъ, и только изрѣдка послышится отдаленный лай, но онъ быстро смолкаетъ. Не слышно звяканья подковъ: лошади ступаютъ по мягкому, рыхлому грунту. Мы пока въ предмѣстьѣ Iерихона: въ густой синевѣ предутрянняго сумрака, едва ли не исключительно присущаго Востоку, толпятся, сквозятъ силуэты невидимыхъ деревьевъ, слабымъ трепетомъ листвы напоминая намъ о цвѣтущихъ садахъ Рихи. Но вотъ звякнули подковы Маркова скакуна, идущаго во главѣ каравана, за нимъ застучали копытами лошади шейха и коллеги археолога, захрустѣлъ песокъ и посыпались камни,—мы вступаемъ въ предѣлы великой пустыни.

Темно-синяя мгла, что окрестъ облегла, окутала горы, холмы и предгорья, начинаетъ какъ будто рѣдѣть. Или, быть можетъ, глаза наши прiучились теперь различать очертанiя предметовъ. Неохватная даль, безконечная ширь песчаной Содомской равнины чувствуется во всемъ своемъ величiи. Съ каждымъ шагомъ впередъ мы уходимъ все дальше и дальше

въ эту *Мертвую страну*, приближаемся къ грани вѣчно знойной Аравіи. Странное чувство испытывается въ пустынѣ Бахръ-Лута! Надо видѣть ее, чтобы понять красоту ея мощныхъ картинъ, надо притаиться въ тишинѣ поразительно-безмолвной ночи, чтобъ уяснить себѣ властную силу, закалившую аскетическій духъ Іоанна. Съ сѣвера къ югу, съ запада на востокъ золотистое море песковъ, камни, скалы, утесы. Ни деревца, ни травки, ни быстро бѣгущихъ ручьевъ, ни звѣря, ни птицы. Только тамъ, въ высотѣ, надъ головой, яркія звѣзды пробили, мерцая, темный небесный шатеръ—и, какъ будто разгораясь все ярче и ярче, гладятъ съ высоты на каменистую весь Іудеи. Эта тьма, затушевывающая детали пейзажа синими тѣнями, заволакивая горизонтъ и окрестности, невольно концентрируетъ ваши мысли, пріучаетъ къ самоуглубленію. Житейскія тревоги стихаютъ въ сердцѣ, и въ поразительной, величавой тишинѣ мозгъ начинаетъ сильнѣе работать... Сосредоточенный въ самомъ себѣ, человѣкъ, приближаясь къ природѣ, невольно стремится къ познанію Божества, къ разгадкѣ великихъ тайнъ мірозданія. Въ безмолвіи палестинскихъ ночей крѣпъ и духъ борцовъ, проповѣдниковъ аскетизма. Въ зноѣ палящихъ лучей, среди лишеній, смиряли они слабую плоть, почти заставляя атрофироваться бренную оболочку. Съ библейской эпохи, въ дни Мессіи, въ вѣкъ апостольскій, до послѣднихъ дней средневѣковья, Палестина влекла къ себѣ жаждавшихъ подвига самоотреченія, создавала въ этой пустынѣ, воспитавшей Предтечу, великихъ подвижниковъ и аскетовъ... Когда разсѣется мгла и растаютъ въ розовомъ разсвѣтѣ послѣднія тѣни, а солнечный дискъ, ослѣпительно-яркій, озаритъ пустыню, она выдѣлится изъ фіолетоваго тумана, но не забьется проснувшейся жизнью. Мертвая, спаленная равнина Бахръ-Лута не смутитъ, не развлечетъ сосредоточенный умъ ушедшаго отъ міра и его суеты человѣка. Жгучее солнце, поднимаясь, всплывая надъ каменными уступами горъ Моавитскихъ, охвативъ огненными лучами долину Содома, ея груды безмолвныхъ руинъ, яркимъ свѣтомъ пронижетъ эти эмблемы суеты и бренности всего земного. Цвѣтущій Эдемъ, погребенный въ недвижныхъ водахъ по грозному слову Іеговы, напомнитъ лишь о мимолетности наслажденій, а суровый судъ—о неизбѣжномъ возмездіи.

Но теперь еще ночь слабо борется съ разсвѣтомъ... Съ востока едва проступаетъ блѣдно-желтая кайма, и очерченный ею далекій небосклонъ начинаетъ сквозить теперь мощно раздвинутымъ кругомъ. Солнца нѣтъ еще и въ поминѣ, а пустыня уже дышатъ томительною истомой. Не успѣвшіе остыть раскаленные камни, известковыя сопки, кремнистые пласты раздавшейся почвы,—все это испускаетъ теплоту, не успѣвая охладиться въ короткій промежутокъ ночи. Мгла рѣдѣетъ все быстрѣе и быстрѣе, и озаренная трепетнымъ матовымъ свѣтомъ ярче начинаетъ обрисовываться

предъ нами окрестность. Мы спускаемся по пологому скату къ Мертвому морю. Тусклымъ абрисомъ сквозитъ оно тамъ впереди, въ глубинѣ безотрадной пустыни. Какъ будто свинцовый дискъ застылъ среди голыхъ камней, и его матовая гладь напоминаетъ мнѣ невольно знаменитую картину иллюстратора Дантова *Ада*. Тѣмъ же безотраднымъ, но величественнымъ колоритомъ полна и гравюра Дорэ, изображающая подземное царство Люцифера.

Впрочемъ, Мертвое море не всегда выглядитъ безотрадно пустыннымъ. Въ палестинскомъ пейзажѣ, какъ вообще въ картинахъ Востока, все зависитъ отъ освѣщенія. Распредѣленіе тѣней и свѣта нигдѣ не производитъ такихъ неожиданныхъ метаморфозъ, не даетъ такого обилія нюансовъ, какъ подъ этой опрокинутой чашей вѣчно-голубого, улыбающагося неба. Брызнутъ первыя огнистыя искры—и вы не узнаете окружающей обстановки.

На фонѣ слабо озареннаго горизонта всѣ предметы кажутся крупнѣе обыкновенныхъ. Караванъ нашъ вытянулся гуськомъ. Лошади идутъ мѣрнымъ шагомъ, то взбираясь по выпуклымъ мѣловымъ слоямъ, то спускаясь по ихъ уклонамъ. Бѣловатыя плиты известняка, сѣрый контуръ холмовъ, какъ будто источенныхъ морскимъ прибоемъ, сквозятъ справа и слѣва. Вся почва кругомъ изрыта вулканами. Въ провалахъ глубокой долины —ни дерева, ни растительности. Только мѣстами на безжизненномъ каменистомъ грунтѣ, среди растрескавшихся пластовъ, въ расщепѣ прижались голубоватые мхи лишаевъ, да какой-то сѣрый колючій кустарникъ. Его чахлый, безжизненный видъ придаетъ пустынѣ еще большую безотрадность. Стальная, зеркальная гладь *Бахръ-Лута* (Лотова моря арабовъ), застывшая впереди, дразнитъ глазъ обманчивымъ миражемъ... Море кажется такъ близко, что хорошей рысью въ четверть часа легко достигнуть его извилистаго берега. Но Марко смѣется, когда я высказываю ему мое предположеніе.

— До Мертваго моря,—говоритъ онъ,—еще верстъ десять. Надо спѣшить, —бѣда, если насъ застигнетъ на взморьѣ полдень—жаръ спалитъ, а укрыться негдѣ.

Опытнымъ глазомъ бывалаго человѣка онъ окидываетъ ввѣренный ему караванъ, и недаромъ: я только теперь замѣчаю, что мы всѣ вооружены и выглядимъ воинственнѣе обыкновеннаго. Не только шейхъ, который давно снялъ берданку и держитъ ее наготовѣ,—даже у беззаботнаго коллеги археолога въ кобурахъ торчатъ пистолеты. Но я сомнѣваюсь, сумѣетъ ли онъ сдѣлать изъ нихъ должное употребленіе. Погонщикъ Константинъ, безъ того обремененный тюками и саками, въ которыхъ хранится наша провизія, обвѣшанъ теперь еще сумками съ патронами.

— Если появятся бедуны,—говоритъ кавасъ,—вы того—не зѣвайте! При-

гибайтесь ниже къ сѣдлу—они стрѣляютъ поверхъ—и сейчасъ же становитесь въ треугольникъ.

— Въ какой треугольникъ?

— А вотъ: я справа, шейхъ и докторъ слѣва, вы между нами. А ужъ ихъ—(и Марко тоскливо махнувъ рукой въ сторону моего коллеги, добавляетъ съ грустью) прикрывать надо! Залпы дѣлать не сразу, берегите патроны. А впрочемъ, говоритъ онъ, подумавъ,—насъ шестеро, и едва-ли бедуины рискнутъ нападеніемъ.

Востокъ разгорается все ярче и ярче... Атмосфера томительно жгуча. Воздухъ какъ будто застылъ—ни струи вѣтерка. Бѣловатые сланцы, пропитанные солью, асфальтомъ и нефтью, известковые бугры—все это начинаетъ отражать непріятно рѣжущій глаза свѣтъ, широкимъ потокомъ разлившійся уже по горизонту... Еще нѣсколько минутъ, и глядишь—раскаленный, какъ будто расплавленный дискъ солнца золотистымъ краемъ прорѣзалъ небосклонъ и всплылъ, поднялся надъ истомленной землею. Куда ни окинешь глазомъ—широко залегла безконечная пустыня, и только тамъ, въ далекой синевѣ, какъ будто стѣной встали сѣрые обрывы горныхъ ущелій. Слѣва, спускаясь по едва замѣтному уклону, каймой зеленѣетъ скудная растительность: это тамариски, ивнякъ оплели берега Іордана. Онъ синѣетъ извилистою лентой, прихотливо бѣгущею среди желтой, плоской низины, снося свои быстрыя воды въ соленое море Бахръ-Лута.

Пятый часъ утра, а дышать уже нечѣмъ. Солнце жжетъ нестерпимо. Подъ пробковою англійскою каской голова начинаетъ горѣть какимъ-то особеннымъ лихорадочнымъ жаромъ, кровь приливаетъ къ лицу, губы синѣютъ, трескаются. Тщетно пытаетесь вы утолить постоянную жажду холоднымъ чаемъ. Мы выпиваемъ бутылку за бутылкой, но ничего не помогаетъ. Измѣряемъ температуру: $39^1/_2{}^0$ по Реомюру *).

Вдругъ вдали, въ сторонѣ отъ пустынной тропы, выростаетъ изъ низины какое-то зданіе. Приближаясь къ нему, глазъ различаетъ массивныя каменныя стѣны съ узкими впадинами оконъ. Это полуразрушенная, запустѣлая обитель *св. Герасима* **). Одинокимъ, затеряннымъ кажется этотъ убогій пріютъ въ безконечной пустынѣ ***). Бѣловатый квадратъ ея сред-

*) Любопытны колебанія температуры окрестностей Мертваго моря. Пятый часъ утра—$39^1/_2{}^0$, полдень—52^0, въ три часа дня—44^0 и къ восьми часамъ вечера—34^0 при температурѣ воды въ 32^0. Максимальное охлажденіе—29^0 въ часъ ночи.

**) Есть преданіе, что угодникъ жилъ здѣсь въ пещерѣ со львомъ, на которомъ возилъ себѣ воду изъ Іордина, и царь пустыни настолько привязался къ подвижнику что въ тоскѣ не могъ пережить его кончины.

***) Съ трудомъ вѣрится, что на мѣстѣ теперешней церкви высилась прежде цѣлая лавра св. Герасима. Уцѣлѣвшій храмъ служитъ теперь приходомъ для деревуш-

невѣковой постройки напоминаетъ старинную крѣпость и когда подумаешь, какъ много вѣковъ она служитъ пріютомъ человѣку, гдѣ онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ остается отрѣзаннымъ отъ всего Божьяго міра,—жутко становится на сердцѣ. Вой шакаловъ въ темную ночь оглашаетъ пустыню, днемъ маячитъ у стѣнъ хищникъ бедуинъ, зорко высматривающій добычу; соленое море шлетъ свои вредныя испаренія, земля лишаетъ влаги, москиты —покоя, но все переноситъ божій ратникъ: мощный духъ порабощаетъ матерію. И я вздохнулъ, облегченный этимъ радостнымъ сознаніемъ.

Два съ половиной часа ѣзды отъ Іерихона до Мертваго моря сильно насъ утомили. Мѣрный шагъ лошадей (карьеръ и рысь невозможны вслѣдствіе неровности почвы) раздражительно дѣйствуютъ на нервы. Хочется поскорѣе добраться до цѣли поѣздки, слѣзть съ сѣдла, растянуться на буркѣ. А море все дразнитъ далекимъ миражемъ. Пробую фотографировать съ сѣдла наслоенія конусообразныхъ известковыхъ холмовъ. Умная лошадь, вся потная отъ жары, покрытая пѣной, послушно стоитъ, тоскливо отмахиваясь хвостомъ отъ докучныхъ москитовъ. Вдали, среди зеленыхъ кустовъ Іордана, временами появляются подозрительрыя фигуры всадниковъ. Они какъ будто высматриваютъ нашъ караванъ и затѣмъ снова быстро исчезаютъ. Марко комично грозитъ имъ нагайкой, но вольныя дѣти пустыни мало обращаютъ вниманія на его привѣтствіе. Бѣднаго археолога совсѣмъ истомилъ зной,—онъ ѣдетъ полусонный, покачиваясь на сѣдлѣ, и ко всеобщему недоумѣнію, подъ зонтикомъ: зонтикъ въ пустынѣ—да вѣдь это насмѣшка надъ палестинскимъ солнцемъ! Наконецъ, свинцовый овалъ Лотова озера сталъ замѣтно синѣть, постепенно переходя отъ густой окраски къ блѣдно-нѣжному голубоватому тону.

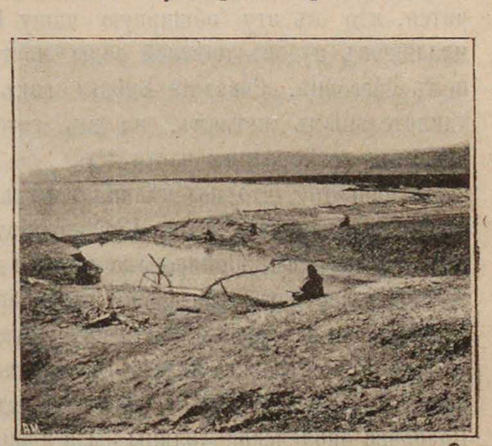
— Теперь уже близко! весело говоритъ кавасъ-Марко.

Милѣйшій докторъ, весельчакъ и юмористъ, обладающій удивительною способностью курить безъ отдыха, заготовляетъ новую сигару. Лошади дружнѣе идутъ теперь внизъ по уклону. Размашистый шагъ переходитъ въ рысь, и, наконецъ, мы беремъ полнымъ карьеромъ, рискуя съ разбѣга вогнать коней въ топкую асфальтовую грязь, одѣвшую широкой оправой голубоватыя воды. Еще десять минутъ—и мы на берегу моря.

Странное впечатлѣніе производитъ оно на туриста. Что-то величаво-зловѣщее чудится вамъ въ его стальномъ овалѣ, ушедшемъ въ туманную даль, къ подножью холмовъ Моавитскихъ. Въ плотно-сдвинутыхъ отвѣсныхъ утесахъ, въ гранитныхъ скалахъ подъ обрывомъ камней дремлетъ оно, какъ въ очарованномъ снѣ, какъ будто ждетъ подземнаго удара.

ки Рихи, населеніе которой посѣщаетъ однако чаще Сорокадневную гору, гдѣ также имѣется церковь съ болѣе удобною и менѣе опасною дорогой.

Глядишь на эту чашу, заполненную упругой жидкостью — смѣсью солей, горючихъ нефтяныхъ маслъ и смолы, и кажется вотъ, вотъ загорится оно, вспыхнетъ зловѣщимъ пламенемъ. Таинственная долина Содома хранитъ на себѣ неизгладимую печать грандіознаго геологическаго переворота. Куда ни взглянешь—на всемъ отразился колоритъ титанической подземной работы. Соленая влага повсюду разъѣла солончаковую почву. По мѣловымъ плитамъ пролегли глубокія русла изсохшихъ зимнихъ потоковъ, рытвины, ямы, провалы. Берегъ покрытъ полуистлѣвшимъ тростникомъ. Коряги, почернѣлые сучья, пропитанные асфальтовымъ разсоломъ, постоянно выбрасываются Мертвымъ моремъ на его безжизненные берега. Когда глядишь на водную массу, какъ ртуть недвижно застывшую среди сѣрыхъ камней, кажется, что вулканическій процессъ далеко еще не законченъ. Эта мертвая гладь, чуждая зыби, волненья, вообще рѣзкихъ перемѣнъ своего верхняго пласта даже въ устьѣ Іордана, гдѣ онъ вливаетъ въ него свои воды—поразительное явленіе. Мертвое море замкнуто отовсюду естественною преградою горъ и не имѣетъ возможности выдѣлять свои воды иначе какъ испареніемъ. Отъ того надъ глубокою котловиной нѣкогда цвѣтущей долины Содома и Гоморры постоянно виситъ, слабо колыхаясь, густой, бѣловатый туманъ испареній. *)



Мертвое море.

Устье священной рѣки теперь виднѣется намъ какъ будто сдавленное подступившими къ нему высокою стѣной отрогами горъ Іудейскихъ. Іорданъ синѣющею лентой слился здѣсь со свинцово-голубою окраской асфальтоваго моря, на всемъ протяженіи котораго глазъ не отыщетъ ни лодки, ни паруса. Даже птицъ не найдешь въ его бурыхъ тростникахъ, опаленныхъ жгучими солнечными лучами. Историческая рѣка, эта единственная живая артерія мертвой страны, только усиливаетъ поразительный контрастъ окружающей васъ пустыни. Кому привелось видѣть эту долину смерти, тотъ повѣритъ разсказу Библіи, не усумнится въ его правотѣ и вполнѣ

*) Интересно, что американецъ Линчъ не разъ наблюдалъ въ темныя ночи фосфорическій блескъ на поверхности этого смоляного озера. Металлическіе удары волнъ въ берега испускали синеватыя искры, а соленая пѣна, попадавшая на камни и верескъ, вызывала въ нихъ фосфорическое свѣченіе.

уяснить себѣ поэтическую передачу грандіознаго геологическаго переворота. Смерть витаетъ надъ моремъ, смерть царитъ надъ пустыней. Воды Бахръ-Лута не терпятъ живыхъ организмовъ. Вы не найдете въ нихъ ни рыбъ, ни инфузорій. Водяныя растенія, раковины, занесенныя Іорданомъ, тотчасъ же покрываются кристаллами разъѣдающихъ солей; все живое, попадая въ асфальтовый разсолъ, тотчасъ же гибнетъ и выбрасывается на берегъ. Да, это дѣйствительно «Мертвое» море—въ полномъ значеніи слова. Горько-соленая влага сожжетъ горло, смолистый асфальтовый налетъ покроетъ лицо и руки при первомъ прикосновеніи. А между тѣмъ вода его на взглядъ кажется удивительно прозрачною, отражая даже на значительной глубинѣ сквозь призму синевато-зеленыхъ тоновъ дно и камни *). Съ трудомъ вѣрится, что въ эту обширную чашу Іорданъ вливаетъ ежедневно до 35 милліоновъ пудовъ прѣсной воды, почти безслѣдно пропадающей въ нефтяномъ бассейнѣ. Сказанія Библіи какъ нельзя болѣе сжились съ этимъ удивительнымъ котломъ, на днѣ котораго бродятъ, перекипаютъ, будто плавятся разнородныя части **).

Любопытно, что позднѣйшія изысканія ученыхъ и въ особенности предпринятая американцами въ 1848 году экспедиція Линча подтвердила библейскій разсказъ, санкціонировала догадки древнихъ. Научныя гипотезы о происхожденіи Мертваго моря крайне разнообразны. Разсѣлина *Эль-Гхоръ* раскололa глубокою впадиной нѣкогда цвѣтущую долину. Она протянулась съ сѣвера на югъ, отъ снѣгового Ливана къ золотистымъ пескамъ Аравіи, провела грань между Іудеей, Самаріей и Галилеей, отдѣливъ ихъ отъ Переи и Заіорданья. Подпочва библейской долины была пропитана горючими нефтяными ключами. Они скоплялись въ подземныхъ вмѣстилищахъ, образуя глубокіе колодцы, проступавшіе временами на поверхность. Даже матеріалъ—гипсъ, туфъ и мѣлъ, изъ которыхъ были выстроены погибшіе города Содомъ, Гоморра, Адамъ, Севоимъ и Сегоръ, былъ насыщенъ легко воспламенявшимся нефтянымъ масломъ. Таинственная вулканическая работа привела къ катастрофѣ цвѣтущую страну, совершивъ грандіозный геологическій переворотъ, который Гумбольдтъ считаетъ единственнымъ на земномъ шарѣ. Воспламененные молніей нефтяные бассейны поглотили въ ужасномъ огнѣ лѣпившіяся на тонкой коркѣ людскія селенія. Образовался провалъ, переполненный нефтью,

*) По указаніямъ французскаго ученаго Сольси, глубина Мертваго моря колеблется отъ 16 до 500 футовъ. Въ южной его части, гдѣ находятся богатыя залежи каменной соли, дно наиболѣе приподнято; сѣверная же часть моря достигаетъ 1,000 и даже 1,300 футовъ глубины.

**) Анализъ Буса и Мокля въ 1848 г. опредѣлилъ составъ воды Мертваго моря. Въ ней оказался 21% насыщенія солями, хлоромъ, бромомъ, сѣрно-кислою известью и минеральными маслами. Специфическій вѣсъ воды равенъ $1,_{22742}$.

куда вѣками мчитъ Іорданъ свои воды... До нынѣ на днѣ Бахръ-Лута слабо клокочетъ еще подземный огонь и быть можетъ продолжается, сокрытая отъ глазъ, разрушительная работа.

Параллельно съ этою гипотезой существуетъ другая: впадина Іорданской долины считается высохшимъ заливомъ Средиземнаго моря, причемъ уровень нынѣшняго асфальтоваго озера опустился на 1,318 футовъ ниже поверхности океана. Остатки морской фауны, находимые въ предгорьяхъ Іудеи, давно исчезнувшей на берегахъ Мертваго моря, иллюстрируютъ эту догадку. Вулканическія силы, поднявъ уровень къ западу отъ озера Тиверіадскаго, образовали возвышенный бортъ, отчего дно долины Содомской понизилось; минеральные ключи стекли въ общій бассейнъ, образовавъ соленое море Бахръ-Лута.

Жаръ стоитъ нестерпимый. Подъѣхавъ къ водѣ, мы тотчасъ же спѣшиваемся. Погонщикъ Константинъ, всегда оживляющійся при остановкахъ, когда собственно начинается его дѣятельность, быстро разсѣдлываетъ нашихъ лошадей и, стреноживъ, пускаетъ на волю. Но бѣдныя животныя, измученныя зноемъ, не спѣшатъ воспользоваться своею свободой. Понуро опустивъ головы и тяжело дыша, они жмутся другъ къ другу, тщетно ищутъ тѣни. Константинъ по-арабски переговаривается съ шейхомъ и пока Марко разводитъ огонь, чтобы сварить намъ кофе, молодцеватый сынъ Абу-Диссы, забравъ бурдюки и винтовку, направляется галопомъ къ Іордану. Онъ привозитъ воду и вмѣстѣ съ погонщикомъ обливаетъ лошадямъ головы. Милѣйшій докторъ уже раздѣлся, осторожно пытается окунуться въ море но липкая плотная масса каждый разъ при погруженіи быстро выталкиваетъ его обратно *). Пока мой коллега возится съ инструментами, вычисляя долготу и широту, сердится на нивелиръ и встряхиваетъ термометръ, докторъ вылѣзаетъ весь покрытый липкою грязью. Сѣра и нефть быстро оказываютъ свое вліяніе. Во всемъ тѣлѣ появляется невыносимый зудъ, который становится нестерпимымъ при чесоткѣ. Марко совѣтуетъ ему обмыться прѣсной водой, но и послѣ этой операціи докторъ долго строитъ гримасы.

Девятый часъ знойнаго Палестинскаго утра. Силъ нѣтъ дышать; голова болитъ, во всемъ тѣлѣ чувствуется какая-то разбитость.

Вдали амфитеатромъ синѣютъ Моавитскія горы, а за ихъ сѣроватой грядой спускается безоблачный куполъ небеснаго свода, сплошь залитый огнистыми лучами. Въ мертвенной тишинѣ воздуха голосъ вашъ звучитъ

---

*) При императорѣ Адріанѣ преступники, связанные по рукамъ и ногамъ, были брошены въ видѣ казни въ Мертвое море, но плотность воды не допускала имъ утонуть и говорятъ, что они тотчасъ же всплыли на поверхность.

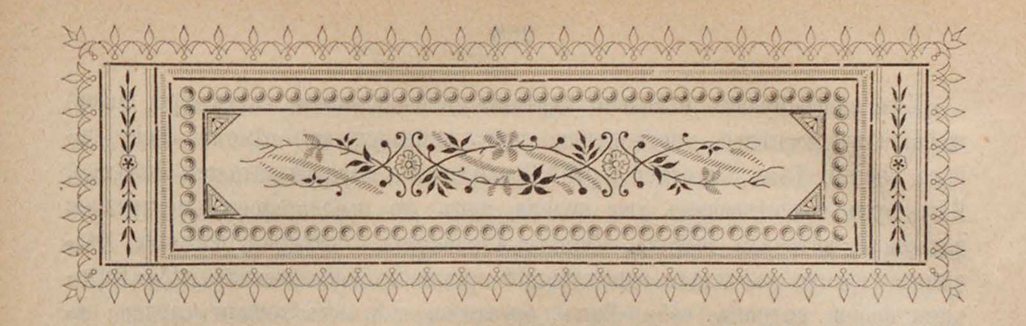
какъ-то странно, горло быстро пересыхаетъ и пухнетъ отъ ѣдкихъ соляныхъ испареній. Мнѣ невольно припомнился дневникъ Линча, работавшаго здѣсь (въ маѣ [2]). Насъ же судьба забросила на негостепріимные берега Мертваго моря въ іюлѣ, въ самый разгаръ палестинскаго зноя.

Рѣшено было посвятить весь день изысканіямъ и работамъ, и мы, поручивъ провіантъ надзору Марко и Константина, верхами отправились съ шейхомъ изслѣдовать юго-восточный берегъ Бахръ-Лута.

Поздно вечеромъ караванъ нашъ, измученный жарой и утомительнымъ переходомъ по великой пустынѣ, взялъ направленіе къ сѣверо-востоку, чтобы переночевать у береговъ Іордана вблизи предтеченской обители Деиръ-Маръ-Югана.

Шейхъ изъ племени Абу-Дисы.

*) Экспедиція Линча, пройдя на спеціальныхъ лодкахъ по Іордану изъ озера Тиверіадскаго, въ маѣ 1848 г. сошла въ Мертвое море. Проработавъ три недѣли, большая часть ея членовъ переболѣла изнурительной лихорадкой, нѣкоторые поплатились жизнью. Отъ жары полопалась и слѣзла съ рукъ кожа, загноились глаза, опухли вѣки и все тѣло покрылось гнойниками. Сильнѣйшее истощеніе вынудило Линча вести матросовъ въ Ливанскія горы, гдѣ, несмотря на цѣлебность воздуха, смерть похитила его лейтенанта Даля.



Глава XII.

Въ окрестностяхъ Бахръ-Лута.

Путь къ Іордану.—Бродъ Макта—мѣсто проповѣди Предтечи.—На священной рѣкѣ.—Забытая обитель Іоанна Крестителя: скитъ Деиръ—Маръ Югана.—Галгалъ Библіи.

Чудная панорама открывается путнику, когда онъ, послѣ унылыхъ береговъ Мертваго моря, подъѣзжаетъ къ водамъ Іордана. Широкая долина Эль-Гхоръ плѣняетъ глазъ красивой перспективой. Лотово море осталось позади. Безконечная лента песковъ не томитъ уже взора, взглядъ невольно скользитъ выше уровня голой пустыни. Съ сѣвера поднимается зеленѣющимъ оазисомъ Іерихонъ, окаймленный фіолетовыми уступами Вади-Эль-Кельта, темнымъ массивомъ конусообразной горы Сарандаря. Надъ нимъ спустился голубой пологъ неба. Прохладою дышатъ далекія вершины. Мы ѣдемъ вдоль *зимняго* русла Іордана. Рѣчной гравій какъ будто укатанъ гигантскимъ валькомъ—такъ ровна его поверхность, сравнительно съ только-что пройденной наканунѣ тропою пустыни. Широкое зимнее ложе, по которомумчитъ онъ свои бурныя воды въ декабрѣ, сплошь усѣяно грудами обточенныхъ валуновъ, у которыхъ пробился иглистый кустарникъ. Спавшія воды, сузивъ ширину рѣки, легли теперь въ оправу узкаго каменистаго *лѣтняго* ложа. Зеленый тростникъ и кустарники заккума, мелкая зелень, сидра прижились къ этой мергельной землѣ, пронизанной селитрой, наслоенной опавшими испареніями асфальтиды. Тысячелѣтіями бьется Іорданъ, размывая кремнистыя скалы лѣваго берега, прибиваясь какъ-будто къ поглощающей его чашѣ Бахръ-Лута! Могучій потокъ уцѣлѣлъ неизмѣннымъ, и время, безсильное въ этой пустынѣ Содома, въ своемъ мощномъ полетѣ не посмѣло коснуться его аскетическаго пейзажа, изсушить мутныхъ излучинъ. Онъ все тотъ же, какъ въ тѣ дни, когда берега его оглашала вдохновенная проповѣдь покаянія, смѣлый «гласъ вопіющаго въ пустынѣ».

Умъ вашъ будитъ невольно картины далекой эпохи, когда міръ, погруженный въ коснѣнье, инстинктивно прислушивался къ смѣлому слову новаго ученія. Тамъ, за синей чертой Средиземнаго моря разлагалась Эллада... Боги рукъ человѣческихъ уже падали ницъ съ пьедесталовъ, и прежніе алтари не источали ѳиміама. Нищета и развратъ, безумная роскошь, безумныя страсти разъѣдали одряхлѣвшій организмъ классическаго міра. Потоками крови пятналъ себя Римъ, богатство и власть томили сердце ненасытнымъ желаньемъ. Философія здраваго смысла вырождалась въ сектанство, и обезсиленный человѣкъ инстинктиво жаждалъ и вѣрилъ въ будущее обновленіе. Въ эти дни съ береговъ Іордана вдругъ раздался призывомъ голосъ пророка... Въ трудахъ и лишеніяхъ воспитала пустыня великаго Предтечу и суровый аскетъ не даромъ почерпалъ изъ нея свои образы для мрачныхъ картинъ современной ему эпохи. Онъ сравнивалъ душу людскую съ пустыней, въ которой болѣзненный вѣкъ испепелилъ послѣднія искры сознанья. Неумолимый обличающій голосъ его, бичуя, грозилъ и звалъ одновременно. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство небесное! Уже сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ: приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте стези Ему» *). Въ одеждѣ изъ верблюжьяго волоса, съ посохомъ въ рукахъ, со взоромъ, полнымъ вдохновенія стоитъ онъ на берегахъ священной рѣки и къ нему отовсюду толпами сходится изумленный Израиль. Сѣмя новое сѣетъ великій Пророкъ въ очерствѣлыя души и едва ли во всемъ прошломъ іудеевъ найдется другой *историческій* моментъ болѣе сильнаго подъема общественнаго сознанія. Слушатели Іоанновой проповѣди представляютъ разнороднѣйшій элементъ; къ нему сходятся мужчины и женщины, старики и дѣти, мытари и солдаты, гетеры, левиты, одинаково проливая слезы покаянія, съ удивленіемъ прислушиваясь къ его смѣлому голосу. Даже фарисеи, садукеи и книжники—эти вожди народа блѣднѣютъ предъ неумолимой строгостью вдохновеннаго пустынника. Какая мощь и какое строгое сознаніе своего пророческаго долга. Съ карающимъ мечемъ въ десницѣ, онъ въ то же время протягиваетъ руку павшему собрату, призывая его къ возрожденію. Одинокій, безвѣстный, онъ властно царитъ надъ страною, и его обличительный голосъ проникаетъ въ чертоги всесильныхъ владыкъ изъ нѣдръ далекой пустыни. Недаромъ восхищенная толпа съ убѣжденіемъ видитъ въ Предтечѣ воскресшаго Илію, который изъ той же пустыни, съ береговъ священной рѣки вознесся когда-то на небо.

Величавая ширь Іорданской долины будила во мнѣ образы былого... Подъ властнымъ напоромъ библейскихъ картинъ проходили въ умѣ моемъ съ дѣтства знакомыя страницы. Вотъ въ излучинѣ этой рѣки выдѣляется

*) Матѳ. гл. III, 2—3.

бродъ *Веѳъ-Ѳагора*, по которому нѣкогда Іисусъ Навинъ перевелъ Израиля въ предѣлы земли Обѣтованной. Густая зелень заполнила впадину притаившагося среди голыхъ камней Іордана. Только мѣстами олеандръ и тамариски одѣли зеленой оправой безплодные желтые холмы подступившихъ къ нему песковъ пустыни. Быстрыя воды прячутся подъ навѣсомъ зеленыхъ вѣтвей, жалкихъ пасынковъ богатой флоры Ханаана. А когда-то здѣсь же съ вершины библейскаго Фазги взиралъ Моисей на цвѣтущую землю, обѣщанную его народу. Здѣсь покоится прахъ его, сокрытый въ безвѣстной могилѣ среди высоко поднятыхъ шатровыхъ вершинъ, затѣненныхъ фіолетовой дымкой. Я ихъ вижу отсюда, эти туманныя горы, застывшія на далекомъ горизонтѣ въ золотистыхъ снопахъ яркаго освѣщенія *). Отсюда же, по преденію, вознесся на небо грозный Илія на огненной колесницѣ. Тѣ же воды ударомъ хитона раздѣлялъ Елисей, пройдя по суху въ Моавитскую землю. А послѣ Предтечи сюда же стекались и первые христіане. Борцы и сподвижники великаго ученія, уходя въ пустынныя дебри, селились въ одинокихъ пещерахъ, положивъ начало многочисленнымъ монастырямъ, существовавшимъ еще въ эпоху средневѣковья **).

Бродъ Веѳъ-Ѳагора.

Марко ведетъ насъ къ тому мѣсту, гдѣ, по преданію, крестился Спаситель. Оно особенно красиво и ярко выдѣляется на всемъ протяженіи рѣки ***), обрамленное купами ивъ и густо разросшагося держидерева. Берегъ, сдѣлавъ крутой поворотъ, картинно вырѣзываетъ на противуположной сторонѣ зеленый мысокъ; за ними поднимаются, встаютъ отвѣсные горные кряжи.

---

*) „И умеръ тамъ Моисей, рабъ Господень, въ землѣ Моавитской по слову Господню и погребенъ на долинѣ въ землѣ Моавитской, противъ Веѳъ-Ѳагора, и никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сегодня“, повѣствуетъ Библія.

**) Таковы древнѣйшіе скиты, возникшіе по почину Св. Герасима и Саввы, Зосима и Ѳеодосія, Евфимія, Аввы и Харитонія. Образчикъ древняго пустынножительства предстояло осмотрѣть и намъ въ обители Георгія Хозевита.

***) Длина Іордана отъ истоковъ до устья исчислена въ 350 верстъ, включая сюда же проходимое имъ озеро Генисаретское. Быстрое и глубокое теченіе въ силу большого уклона и высоты паденія изобилуетъ водоворотами при ширинѣ отъ 10-ти до 20 саж. Въ зимнее время, при обильныхъ дождяхъ и таяньи снѣговъ, онъ сноситъ около 300,000 куб. саж. воды ежедневно.

Въ ихъ бѣлыхъ слояхъ тамъ и сямъ пробилась мшистая зелень, кустики морской гвоздики, а съ вершины нависъ тамарискъ, купая въ водѣ зеленыя вѣтви. Изломъ кремняка, перегородившій теченье рѣки, создалъ тотъ историческій *бродъ Виѳавары,* по которому еще въ сѣдой древности переходилъ человѣкъ эту водную артерію Палестины. Мы застали здѣсь живописную группу: въ кустахъ, среди тростника и шиповника, сыны вольныхъ степей—бедуины расположились на полуденный отдыхъ. Караванъ осликовъ и верблюдовъ улегся въ прохладной тѣни, а вожаки ихъ усѣлись у ствола одинокаго дерева, на которомъ купающіеся паломники обыкновенно вѣшаютъ свои одежды *). Мы слѣзли съ коней, и я не безъ волненія поспѣшилъ ознакомиться съ священнымъ уголкомъ брода Макта, гдѣ погружался Христосъ и куда съ первыхъ дней христіанства до нынѣ стремится каждый паломникъ, посѣщающій Палестину. Историческій бродъ Веѳъ-Ѳагоры—это цвѣтущій оазисъ Содомской пустыни. Тѣнистый, укромный пріютъ излюбленный пастухами, которые поятъ здѣсь свои стада, водопой для мимоидущихъ каравановъ, всегда полонъ жизни и оживленья Пока Марко растягиваетъ на отлогомъ берегу верблюжій войлокъ, достаетъ простыни и полотенца, мы спѣшимъ сбросить потныя одежды, приготовляясь къ купанью. Мутное теченіе Іордана здѣсь особенно быстро, что замѣтно по темнымъ кругамъ, бороздящимъ его блестящую поверхность. Рѣдкіе изъ пловцовъ рискуютъ переплыть на тотъ берегъ рѣки, не обвязавъ себя веревкой.

Что-то радостное чувствуется въ окрестномъ пейзажѣ. Раннее утро... Еще свѣжестью дышетъ земля, влажный воздухъ исчезнувшей ночи ласкаетъ лицо, льнетъ къ разгоряченнымъ щекамъ мягкой волною. Подъ тѣнью густо разросшихся кустовъ всѣ мы чувствуемъ себя бодрѣе. Даже животныя—лошади, овцы и ослики, живописными группами расположившіеся на обоихъ берегахъ сознаютъ близость воды. Арабскіе пастухи—полунагія бронзовыя фигуры, драпируясь плащами, съ посохами въ рукахъ, наблюдаютъ нашу шумную группу. Голубой небесный сводъ залитъ потоками свѣта. Людской гомонъ, блеянье овецъ, веселое ржанье лошадей, которыхъ Константинъ купаетъ сажень на 20 ниже нашей стоянки, плескъ рѣки, смѣхъ и пѣсня, протяжный напѣвъ гармоничной мелодіи—все это страшно дѣйствуетъ на нервы, притупленныя долгимъ безмолвіемъ пустыну...

Кавасъ Марко, развѣсившій наши одежды, какъ доспѣхи, на сучьяхъ одинокаго дерева, сходитъ къ водѣ, увязая ногами въ липкой грязи. Онъ

*) Интересно, что деревья, окаймляющія теперь Іорданъ, позднѣйшей искусственной посадки и лѣтъ 300 тому назадъ, по свидѣтельству Радзивилла-Сиротки на мѣстѣ купъ олеандровъ и тамариска былъ голый пустырь, лишь кое-гдѣ обрамленный верболазами.

приглашаетъ насъ слѣдовать его примѣру. Веселый докторъ давно уже плещется въ холодныхъ струяхъ, воткнувъ на песчаномъ бугрѣ свою трость съ соломенной шляпой. Коллега-археологъ, вообще подозрительно относящійся ко всякаго рода неизвѣданнымъ ощущеніямъ, пытается отклонить купанье. Цитируя гидъ, онъ увѣряетъ, что дно сплошь усѣяно острыми камнями, теченіе страшно быстро, а холодная вода, при господствующей температурѣ, угрожаетъ апоплексическимъ ударомъ *). Всѣ эти соображенія возмущаютъ веселаго медика. Какъ истый южанинъ, онъ разражается насмѣшками, уморительно жестикулируя посрединѣ рѣки къ немалому ужасу арабовъ. Впрочемъ, докторъ плаваетъ какъ рыба, а мы съ коллегой какъ подковы—по выраженію Марко. Ежась, схожу я въ воду. Мускулистый черногорецъ-кавасъ подходитъ ко мнѣ, протягивая руку. Мы оба крестимся, и выплывъ на средину рѣки, осторожно нащупываемъ дно ногами. Я никогда не забуду этой минуты... Марко дрожащимъ голосомъ, умиленный, растроганный, повторяетъ слова знакомой молитвы: «Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи». Онъ произноситъ слова нараспѣвъ, торжественно, плавно. Его странный акцентъ еще болѣе усугубляетъ впечатлѣніе. Затѣмъ мы быстро погружаемся **).

Купель Іорданская священна не для однихъ христіанъ. Евреи и Арабы одинаково чтутъ ее какъ и мы, приходя сюда справлять свои праздники. Говорятъ что въ старину берега Іордана на томъ мѣстѣ, гдѣ погружался Спаситель, были облицованы мраморомъ. Широкія ступени спускались на каменистое дно, а посреди рѣки находился престолъ съ массивнымъ крестомъ. Ежегодно въ праздникъ Богоявленія стекается сюда несмѣтная толпа богомольцевъ въ сопровожденіи духовенства. При громкомъ пѣніи клира при крестахъ и хоругвяхъ, принесенныхъ изъ ближайшей обители въ бѣлыхъ одеждахъ погружаются паломники всѣхъ странъ и народовъ. Шумнымъ караваномъ уходятъ они обратно, унося съ собой на далекую родину въ бутылочкахъ и пузырькахъ священную воду, колючій терновникъ изъ Іерихона и палестинскія вайи.

Омывшись въ холодныхъ струяхъ Іордана, мы рѣшили сдѣлать привалъ и закусить предъ осмотромъ Предтеченской обители. Близился полдень и пунктуальный Марко сталъ торопить насъ отъѣздомъ. Пока сѣдлали

---

*) Температура воды Іордана по измѣренію въ шесть часовъ утра оказалась равно 30° по R. при температурѣ воздуха въ 32°.

**) Странно, что историческій бродъ Веѳъ-Ѳагоры не увѣковѣченъ до сихъ поръ никакимъ памятникомъ. Не только нѣтъ здѣсь ни часовни, ни церкви, но даже и простаго креста на мѣстѣ столь дорогомъ для христіанина. Непонятно какимъ образомъ столь щедрые на всякія сооруженія католики не поспѣшили возвести здѣсь капеллы. Желательно, чтобы этотъ починъ принадлежалъ православному духовенству.

лошадей, арабскіе мальчуганы, все время барахтавшіеся въ водѣ, окружили насъ щебечущей стаей, предлагая какіе то камешки. Меня заинтересовали гладко-шлифованные голыши странной, неправильной формы.

— Эти камни—пята Спасителя, пояснилъ мнѣ Марко.—Въ то время, когда Искупитель погрузился въ священную рѣку, касаясь пятою дна, она оттиснулась на камняхъ, и съ тѣхъ поръ Іорданъ сталъ оттачивать свои валуны, какъ вы теперь видите. Странное очертаніе камней дѣйствительно напоминаетъ форму подошвы, расширенной къ пальцамъ и узко-скругленной къ пяткѣ *). Мы купили на память этихъ оригинальныхъ голышей и двинулись въ путь въ обитель Предтечи.

Скитъ *Деиръ-Маръ-Югана* въ пятнадцати минутахъ ѣзды отъ Іордана. Въ карьеръ до него можно доѣхать еще скорѣе. Среди аскетической пустыни, вдали отъ жилья, крохотный монастырь Іоанна Крестителя виднѣется какъ на ладони. Ослѣпительно-бѣлый, обнесенный стѣной съ крѣпостными воротами, онъ извѣстенъ у арабовъ подъ именемъ «Касръ-Эль-Югудди»—замка Евреевъ. Вѣроятно, онъ выросъ на мѣстѣ тѣхъ сторожевыхъ башенъ, укрѣпленій пустыни, которыя воздвигались еще израильскими царями, какъ оплотъ противъ хищныхъ неосѣдлыхъ племенъ, кочевавшихъ на границѣ съ Іудеей. Обитель плыветъ намъ навстрѣчу и яркая бѣлизна ея зданій, мѣловой известковый плитнякъ почвы слѣпитъ глаза въ яркихъ лучахъ іюльскаго солнца. Монастырь возобновленъ сравнительно недавно патріархомъ Никодимомъ и сооруженъ весьма благоразумно на перепутьи отъ Іерихона на Іорданъ. Бѣдность его поражаетъ туриста. Братіи въ немъ немного—человѣкъ 10, если не меньше. Среди голой пустыни, лишенной всякой растительности, онъ живъ только тѣмъ, что доставятъ ему изъ Іерусалима. Обойдя дворикъ, мы посѣтили въ сопровожденіи инока-старца убогую церковъ временъ царицы Елены и новый храмъ, возведенный Іерусалимской патріархіей. Онъ окруженъ еще мусоромъ, обломками мраморныхъ колоннъ—жалкихъ остатковъ былого богатства обители. Съ трудомъ вѣрится, что здѣсь нѣкогда процвѣтала обширная лавра, описанная старинными паломниками **). Гостепріимные монахи предложили намъ чаю и холодный арбузъ, единственное угощеніе, которое нашлось въ этомъ затерянномъ уголкѣ одиночества и молитвы. Въ разсказахъ о нашей родинѣ, въ перечисленіи рѣдкихъ посѣтителей провели мы время, но нельзя сказать, чтобы я уносилъ съ собой радостное воспоминаніе изъ этого суроваго монастыря-могилы. Далеко за полдень, когда жаръ уже свалилъ, мы

*) Монахи окрестныхъ монастырей изображаютъ на нихъ красками Крещеніе Господне, обводя золотою каймой импровизированные образки, въ громадномъ количествѣ раскупаемые нашими паломниками.

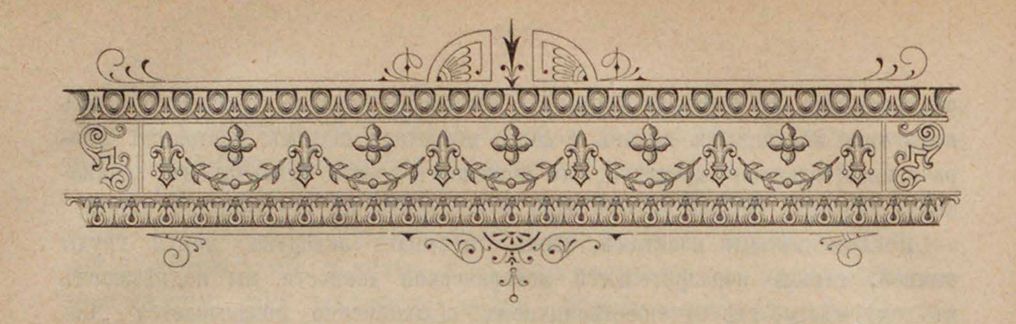
**) Въ XII вѣкѣ игуменъ Даніилъ упоминаетъ о богатыхъ монастыряхъ Божіей

распростились съ берегами Іордана. Вся братія выцла провожать насъ подъ арку массивныхъ воротъ и долго мы ѣхали шагомъ, постоянно оборачиваясь, невольно чувствуя, что покидаемъ горсть смѣльчаковъ, одинокихъ собратій, ушедшихъ отъ міра и его суеты въ эти забытыя стѣны.

По каменистымъ пластамъ, вдоль стариннаго акведука, минуя груды камней, весьма подозрительной исторической давности, мы подъѣзжаемъ къ тому мѣсту, гдѣ путешественникамъ обыкновенно показывается „Библейскій Галгалъ". Онъ почти въ виду Іерихона и извѣстенъ у Арабовъ подъ именемъ «Тель-Дель-Джуль», мѣсто перваго стана израильтянъ въ землѣ Ханаанской. Убогое деревцо, полуспаленное прижалось къ этой грудѣ сѣрыхъ развалинъ, гдѣ будто Іисусъ Навинъ, перейдя Іорданъ, водрузилъ столбъ изъ 12-ти камней, по числу колѣнъ израильскихъ. Отсюда чрезъ полчаса мы доѣхали до Іерихона. Вступивъ въ зеленую кайму садовъ, мы рѣшили послѣ обѣда осмотрѣть его живописныя окрестности.

Еврей изъ окрестностей Іерихона.

Матери, Іоанна Златоуста, болѣе не существующихъ, описываетъ обитель Герасима и Предтечи. Діаконъ Троицкой Лавры Зосима въ XV вѣкѣ говоритъ о находившихся здѣсь мощахъ Св. Зосимы, напутствовавшаго Марію Египетскую. Но оба монастыря Предтечи и Герасима уже нашелъ въ развалинахъ Арсеній Сухановъ, посѣтившій Палестину въ 1649 году.



Глава XIII.

Лавра горы «Сорокодневной».

Окрестности Іерихона.—Источникъ Елисея: Аинъ-эсъ-Султанъ. Джебель - Карантель—гора искушенія Іисуса.—Подъемъ на высоты Сарандаря.—Монастырь Георгія Хозевита и его святыни.—Памятники обители преп. Евфимія.

Мы выѣхали изъ Іерихона въ прохладѣ близившагося вечера. Вдоль плетней, мимо колючей изгороди гигантскихъ кактусовъ, оплетающихъ непроницаемой броней сады Рихи, мы ѣдемъ подъ навѣсомъ широколистыхъ банановъ, пышно разросшихся кустовъ бѣлой акаціи, гранатника и тамарисковъ. Узкая, пыльная лента дороги извиваясь бѣжитъ все время въ тѣни, и глазъ не можетъ налюбоваться очаровательной перспективой. Только - что пережитыя въ мертвой странѣ настроенія исчезаютъ и вамъ хочется насладиться новымъ радостнымъ колоритомъ пейзажа полнаго жизни и красоты. Мои сотоварищи, привыкшіе къ молчаливой ѣздѣ въ пустынѣ, теперь какъ-то особенно оживились, громко повѣряя другъ другу свои впечатлѣнія. Я замѣчаю, что лошадь коллеги-археолога увѣшана какими-то мѣшками, висящими и спереди на сѣдлѣ и сзади у трока. Ея всадникъ въ каскѣ подъ зонтикомъ по временамъ гладитъ рукой эти мѣшки, набитые каменьями, какъ увѣряетъ веселый докторъ.

— И на что вамъ такой мусоръ? пристаетъ онъ къ коллегѣ.—Бросьте! Лошадь и такъ едва ступаетъ... Я вамъ цѣлую арбу насыплю въ Іерусалимѣ этимъ щебнемъ!

Но археологъ не хочетъ и слушать подобныхъ совѣтовъ. Онъ пускаетъ лошадь мелкою рысью, чтобы уйти какъ-нибудь отъ жизнерадостнаго профана.—Pauvre bête... Pauvre tête... слышится мнѣ соболѣзнующій голосъ.

Мы почти незамѣтно проѣхали три версты, отдѣляющія *источникъ Елисея* отъ Іерихона. Уже давно къ намъ навстрѣчу плыветъ издали величественный конусъ горы Сорокадневнаго поста—высокоподнятая вершина утесистыхъ кряжей, исполинскихъ стражей на границѣ пустыни. Въ багряныхъ лучахъ теплаго вечера красноватыя глыбы пластовъ *Сарандаря* сверкаютъ, горятъ какъ будто въ заревѣ пожара. Каменные гребни крутымъ изломомъ раздѣляютъ горизонтъ на сѣверный кругъ и южный, а съ высоты ихъ изумленному взору открывается поразительная панорама. Мы теперь у подошвы Джебель-Карантеля и только къ закату успѣемъ добраться до этихъ шатровыхъ вершинъ, смѣлымъ контуромъ вырѣзанныхъ на фонѣ синяго неба. Ключъ пророка оброcъ кустарникомъ и деревьями; звонко журча, онъ бѣжитъ по кремнистымъ слоямъ узкаго ложа въ зеленой чащѣ, съ шумомъ падая съ каменныхъ ступеней, но на немъ не сохранилось отпечатка библейскаго прошлаго. *Источникъ Елисея*—арабскій Аинъ-Эсъ-Султанъ—поитъ Іерихонъ своими холодными, нѣкогда горькими струями *). Вода его орошаетъ и тѣ сады Рихи, что зеленымъ пятномъ остались теперь позади, совершенно скрывъ за собою убогую деревушку. Напоивъ лошадей, мы спѣшимъ до сумерекъ подняться на вершину горы, минуя груды камней, въ которыхъ смѣлая фантазія нѣкоторыхъ путешественниковъ видитъ остатки древнихъ цистернъ, подземелій, чуть не фундаменты древней Иродіанской столицы.

Источникъ Елисея.

Подъемъ на *Сорокадневную гору* пріучаетъ къ эквилибристикѣ. Въ массивѣ отвѣснаго кряжа прихотливо бѣжитъ каменистая тропа, а по бокамъ ея расползлись трещины, впадины, встали стѣною утесистыя кручи, обрывы. Съ каждымъ шагомъ впередъ, вы все выше поднимаетесь надъ окрестностью. Почти пригибаясь къ сѣдлу, съ трудомъ удается сохранять равновѣсіе. Лошади спотыкаются, тяжело дышатъ. Погонщикъ Константинъ, составляющій нашъ арріергардъ, давно слѣзъ и бѣжитъ сзади мула, ожесточенно погоняя его палкой. Тяжесть ноши заставляетъ его от-

*) По преданію, пророкъ Елисей, скрывавшійся близъ него въ пещерѣ отъ нечестивыхъ царей Іудеи, бросилъ въ этотъ горькій ключъ щепоть соли и вода сдѣлалась сладкою, годною для питья. Аинъ-Эсъ-Султанъ считается самымъ лихорадочнымъ мѣстомъ въ окрестностяхъ Іерихона. Температура воды въ 7 час. веч.=21° при 33° атмосферы.

ставать все больше и больше и скоро мы совершенно теряемъ араба изъ виду. Подъемъ становится все круче и круче. Мы вынуждены слѣзть съ обезсиленныхъ лошадей и пѣшкомъ пробираться среди безжизненныхъ оголенныхъ ущелій головокружительнаго *Джебель Карантеля*. Суровъ и дикъ колоритъ этихъ мощныхъ громадъ, избранныхъ Спасителемъ для своего сорокадневнаго поста и молитвы. Не даромъ еще въ древности эта гора, по народному вѣрованію, населена была злыми демонами. Духъ, увлекшій Іисуса на подвигъ самоискушенія и молитвы, не могъ бы найти по всей Палестинѣ другого, болѣе аскетическаго мѣста. На границѣ великой пустыни, на вершинѣ, среди голыхъ камней, нѣтъ ни травки, ни деревца, нѣтъ ничего, чтобы могло бы ободрить истомленное тѣло. Вѣтеръ, бѣгущій въ верхнихъ слояхъ атмосферы, дождь и буря разъѣли каменистую грудь земли—безотрадна обстановка этого уединенія. А вдали, тамъ внизу, развернулась жизнерадостная панорама и дразнитъ глазъ прелестью дивныхъ картинъ, тоскливо сжимая сердце. Съ востока синѣетъ въ оправѣ золотистыхъ песковъ недвижная голубая гладь Мертваго моря, осѣненнаго туманными вершинами горъ Моавитскихъ. Въ потокахъ огнистаго свѣта уходитъ въ безпредѣльную даль широкое плоскогорье Пиреи, а съ сѣвера серебрится снѣжной главой далекій Ермонъ на поляхъ Галилеи. Отсюда мысленнымъ окомъ могъ обнять Божественный учитель и скрытый отъ глазъ Назаретъ, гдѣ протекли его дѣтскіе годы, и гордую столицу іудейскаго народа, готовившую ему великій подвигъ искупленія. Только здѣсь, выше уровня житейской суеты и пошлости, въ безмолвіи величавой природы, отдыхалъ онъ, изможденный страданьемъ. Только здѣсь, въ сторонѣ отъ людей, почерпалъ онъ въ общеніи съ Богомъ-Отцомъ ту изумительную нравственную силу и мощь, которую тамъ внизу щедро расточалъ людьямъ—собратьямъ.

Эту властную окрестность пустыни, эту гордую высь недаромъ избралъ Богочеловѣкъ для поста и молитвы. Даже слабыя дѣти земли всегда стремились къ той же обстановкѣ. Библейскій вождь Израиля сноситъ свою скрижаль съ высоты Синая. Пророкъ Илія на уступахъ Кармеля готовится къ проповѣди нечестивымъ, и до послѣднихъ дней инокъ-монахъ уходитъ въ безжизненныя горныя нѣдра, чтобы тамъ сдѣлать себя достойнымъ созерцанія Творца и его вѣчнаго промысла.

Надъ пропастями Джебель-Карантеля, въ самой скалѣ, пріютилась пещера-часовня. По преданію, здѣсь именно молился Господь и православные монахи устроили скитъ, затерянный въ облачной выси. Въ средніе вѣка *Сарандаръ* имѣлъ не одинъ монастырь, и только послѣ крестоносцевъ заросла къ нимъ тропа, исчезли лавры св. Ѳеоктиста, а существующая нынѣ обитель Георгія Хозевита возобновлена сравнительно недавно.

Вотъ мы выбрались незамѣтно вдоль ущелій *Вади-Эль-Кельта* на знакомую уже намъ Іерусалимскую дорогу. Въ мягкомъ сумракѣ незамѣтно подкравшейся ночи, въ слабой послѣдней борьбѣ багряныхъ лучей съ голубымъ полусвѣтомъ тонутъ голыя скалы, пропасти и обрывы. Проѣхавъ по шоссе съ четверть часа, мы вдругъ сворачиваемъ вправо и по узкой каменистой тропѣ подъѣзжаемъ къ темному, смутно распознаваемому въ деталяхъ провалу. Почти отвѣсомъ внизъ уходитъ дорога. Зигзагомъ бѣжитъ она по краю обрыва на дно гигантской пропасти, гдѣ пріютился монастырь Георгія Хозевита *). По первому впечатлѣнію даже страшно рѣшаться на спускъ въ эту бездонную трещину горъ. Малѣйшая неосторожность, невѣрный шагъ оступившейся лошади—и вы полетите въ глубину, гдѣ едва ли найдутъ ваши кости. Ущелье Хозевы—это темная разсѣлина въ каменномъ массивѣ горъ Іудейскихъ. Бока ея выступами нависли надъ бездной и, кажется, вотъ-вотъ оторвутся сѣрые пласты и обрушатся внизъ на невидимое дно. Тамъ бѣжитъ, реветъ горный потокъ, разметавъ запруду камней, какъ будто пытаясь сорвать убогій мостикъ, смѣло переброшенный черезъ него рукою человѣка.

Марко-Кавасъ предлагаетъ намъ слѣзть съ лошадей: спускъ становится все круче и труднѣе. Камни срываются изъ-подъ ногъ и скатываются въ бездну. Въ густѣющей темнотѣ мы уже не различаемъ деталей пейзажа. Приходится спускаться гуськомъ, ведя лошадей въ поводу. Вдругъ... чу!.. грянулъ выстрѣлъ... Это шейхъ извѣщаетъ монаховъ о нашемъ прибытіи. Въ невидимой обители, гдѣ-то тамъ вдалекѣ, слабо дрогнулъ крохотный колоколъ. Протяжный, металлическій звукъ его разлился, пробѣжалъ по безмолвному ущелью, и какъ-то странно сжалось въ груди сердце отъ робкаго грустнаго тона. Мы спускаемся все ниже и ниже—и вотъ мы уже на мосту, подъ которымъ въ пролетахъ мчится покрытый бѣловатою пѣной потокъ, гулко катясь по обточеннымъ голышамъ и исчезая въ невидимой безднѣ. Два, три крутыхъ поворота—и мы на той сторонѣ таинственнаго провала. Дорога упирается въ сѣрую толщу стѣны; въ темной аркѣ чернѣютъ ворота. Ночь, окрестъ величавая тишина, какъ-то трепетнѣй бьется сердце. И, вдругъ, на ржавыхъ петляхъ заскрипѣли тяжелыя двери и распахнулись... Навстрѣчу, изъ голубой тьмы, поплыли огненные языки мерцающихъ факеловъ—это братія встрѣтила насъ по обычаю Востока... Стройный хоръ мужскихъ голосовъ торжественно пропѣлъ намъ по гречески канонъ монастырскаго привѣтствія. Никогда не забуду я впечатлѣній, пережитыхъ въ обители Георгія Хозевита. Ихъ властный поэтическій ми-

*) Монастырь этотъ возникъ въ развалинахъ лавры Евфимія Великаго трудами Іоанна, архіепископа Гозувитскаго. Позднѣйшая его реставрація начата при патріархѣ іерусалимскомъ Никодимѣ.

ражъ долго мерещился мнѣ даже тогда, когда покинувъ Палестину, я разрѣзалъ на кораблѣ соленую грудь Средиземнаго моря, когда передо мной готовились развернуться картины, не имѣющія ничего общаго со Св. Землей.

Внутренность обители, прилѣпленной къ скалѣ какъ гнѣздо стрижей— это сплошной лабиринтъ корридорчиковъ, пробуравившихъ во всѣхъ направленіяхъ толщу плитняка и базальта. Узкія дверочки, темныя окна впадинами чернѣютъ въ нихъ справа и слѣва. Смиренный настоятель ведетъ насъ въ единственную большую, комнату, торопя братію скромной трапезой. Пока ставятъ неизбѣжный самоваръ, мы выходимъ на маленькій балконъ, нависшій надъ темною бездной. Нѣтъ силъ передать впечатлѣнія... Въ обители скромныхъ подвижниковъ невольно тревожатъ васъ грустныя думы. Мы сидимъ на скамейкѣ балкона. Голубоватая тьма пластами уходитъ вверхъ, стелется книзу... Навыкшій глазъ различаетъ теперь противуположный бортъ горнаго кряжа, грубые выступы скалъ, зіяющія отверстія пещеръ и гротовъ. На стосаженной глубинѣ мелодически плещетъ потокъ въ поразительной тишинѣ, проникающій васъ удивительнымъ спокойствіемъ. Поверните голову... Что за странная обстановка! Бѣлые своды коридора-трапезной озарены теперь мерцающимъ пламенемъ четырехъ свѣчей, отбрасывающихъ трепетныя тѣни. Намъ виднѣется деревянный столъ, чисто вымытый, но безъ скатерти и салфетокъ. Высокій худой инокъ съ блѣднымъ лицомъ, въ черномъ подрясникѣ принесъ пшеничный хлѣбъ на деревянномъ блюдѣ. Я вижу наши дорожные ножи и вилки—прихоть людей, которой не знаетъ монахъ-пустынникъ! Онъ конфузливо ставитъ на столъ всѣ эти консервы сардинъ, Ьоеиf'а и соли, незнакомыя ему лакомства заѣзжихъ мірскихъ людей чуждаго ему, суетнаго міра. Онъ давно позабылъ эти явства, давно довольствуется однимъ ломтемъ хлѣба съ отварными бобами. Только въ праздникъ и то не всегда, получаетъ онъ горячую пищу. Молодой послушникъ выходитъ съ ведромъ на балкончикъ. Онъ свѣсился надъ перилами, что-то пошарилъ въ темнотѣ и вдругъ ведро плавно заскользило, пошло отъ насъ внизъ, чѣмъ-то лязгая на своемъ ходу, къ нашему удивленію. Вотъ оно звякнуло тамъ уже на днѣ, какъ будто упало въ потокъ и черезъ минуту послушникъ сталъ тянуть тонкую бечевку, привязанную къ перилам. Оказалось, что онъ достаетъ воду для нашего самовара. Дѣйствительно, изъ темноты снова появилось ведро, полное холодной воды *). Долго сидѣли мы въ раздумьи надъ бездной, пока радушный настоятель обители не пригласилъ насъ къ чаю. Его разсказъ впервые познакомилъ насъ съ тѣмъ удивительнымъ историческимъ

*) Ведро устроено такъ, что ходитъ по туго натянутой толстой проволокѣ, проведенной подъ острымъ угломъ на дно ущелья къ потоку, и зачерпнувъ воды, оно втягивается бичевою на высокій балкончикъ.

прошлымъ, которое имѣетъ за собою Гозувитская обитель. Убогій монастырь Георгія Хозевита, почти неизвѣстный туристамъ, рѣдко посѣщается даже паломниками. Тридцать-сорокъ пещеръ его, реставрированныхъ братіей—это жалкій остатокъ нѣкогда обширной лавры св. Евфимія, насчитывавшей около 5.000 иноковъ. Богатая живопись еще въ эпоху Юстиніана покрывала стѣны обширныхъ пещерныхъ храмовъ, погребенныхъ теперь подъ каменнымъ мусоромъ. Многочисленные скиты и отдѣльныя пещеры затворниковъ когда-то заполняли во всемъ протяженіи ущелье Сарандаря и монастыри эти существовали еще въ эпоху нашествія на Палестину крестоносцевъ.

Утромъ осмотрѣли мы пещерный храмъ, уцѣлѣвшій отъ древней обители Св. Евфимія. Подъ сводомъ его сохранились мѣстами богатыя фрески, но давно исчезъ мраморъ половъ, и самый куполъ храма осѣлъ, провалился отъ времени. Золотистые солнечные лучи, пробиваясь, озаряютъ теперь съ высоты убогое убранство церкви. Алтарь безъ иконостаса, старый занавѣсъ замѣняетъ царскія двери *). Новый строющійся храмъ, заложенный патріархомъ Никодимомъ на неширокой площадкѣ, былъ еще не отдѣланъ и мы не могли его осмотрѣть, какъ не могли осмотрѣть и многихъ древнихъ пещеръ, не имѣющихъ уже доступа, вслѣдствіе отвалившихся сводовъ. Ведущія къ нимъ лѣсенки, пробитыя въ кручѣ гигантской стѣны ущелья, растрескались, осыпались, и глазъ съ трудомъ различаетъ слѣды ступеней. На вершинѣ горы сохранилась донынѣ древняя цистерна и отъ нея по желтымъ уступамъ стѣны сбѣгаютъ въ камнѣ высѣченные желоба, нѣкогда питавшіе монастырь постоянной водою. Но эти стоки мѣстами порваны и прослѣдить развѣтленіе удивительнаго акведука уже нѣтъ возможности.

Предъ отъѣздомъ мы зашли осмотрѣть оригинальную усыпальницу иноковъ, довольно обширную пещеру, наполненную костями **). Четыреугольная комната во всю высоту по стѣнамъ уставлена бѣлѣющимися черепами. Арабская вязь и греческое письмо обозначаютъ на пожелтѣлой кости имена почившихъ. На почернѣлой штукатуркѣ мѣстами уцѣлѣла живопись. Невольно радостнѣе вздохнешь, когда выйдешь изъ этой темной могилы-колодца опять на свѣтъ Божій. Мы спустились въ сопровожденіи

---

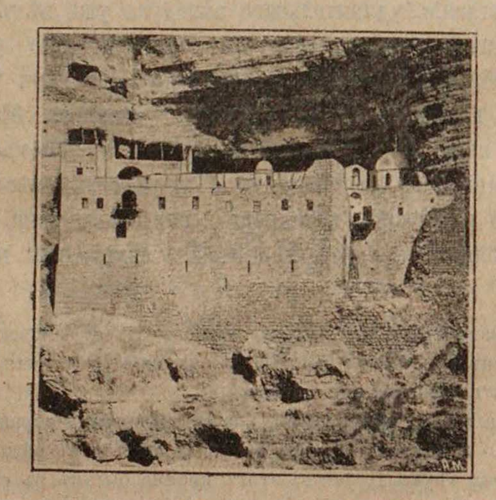
*) Преданіе свято чтитъ эту бѣдную церковь. Въ этой пещерѣ спасался, говорятъ, Іоакимъ, отецъ Св. Дѣвы, задолго до рожденія Спасителя, и храмъ византійской эпохи донынѣ посвященъ его памяти.

**) Усыпальница монастыря Георгія Хозевита типичный образчикъ погребальныхъ пещеръ Востока. По принятому обычаю иноки хоронятся въ общей могилѣ лишь временно, до разложенія трупа. Процессъ этотъ крайне быстръ въ силу климатическихъ условій. Затѣмъ черепа и кости вынимаются, складываются въ упомянутой пещерѣ, а братская могила служитъ для дальнѣйшихъ погребеній.

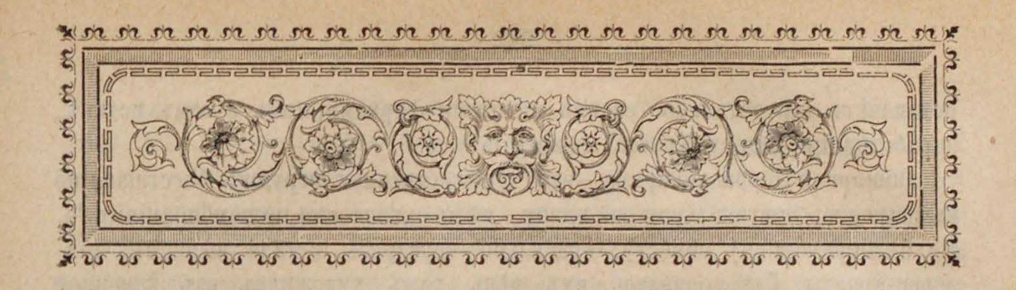
отца игумена и нѣкоторыхъ изъ братіи по бѣлой осыпи карнизовъ скалы, сбѣгающихъ спиральнымъ изломомъ на дно ущелья. Взгляните теперь снизу на этотъ странный пріютъ—обитель... Въ убѣгающей лентѣ колоссальныхъ пластовъ сѣрнаго горнаго кряжа пигмей человѣкъ пробуравилъ подземные ходы. Онъ сложилъ на выступѣ скалъ массивную стѣну, подкопался въ темную глубину, источилъ плитнякъ и песчаникъ. На неприступной высотѣ затеплилъ онъ лампаду единому, вѣчному Богу, смѣло отрѣзалъ себя отъ земли и счастливъ своей замкнутой, сосредоточенной жизнью. Два балкончика, дерзко прилѣпленные надъ головокружительной бездной, выдвинуты среди темнѣющихъ впадинъ крохотныхъ оконъ. Они какъ будто глядятъ на ущелье, ослѣпительно-желтое подъ напоромъ жгучихъ лучей лѣтняго солнца. По тропинкѣ, прыгая съ камня на камень, добираемся мы до бурно бѣгущаго на днѣ потока.

Трудолюбіемъ монаховъ разбитъ здѣсь у самой воды небольшой огородъ, гдѣ, къ удивленію моему, среди бобовъ и салата культивируется и русская капуста. Не безъ гордости отецъ игуменъ показалъ мнѣ свой нарождающійся садикъ: купу банановъ, чахлый кустъ гранатника, стоившій упорныхъ трудовъ и долгаго терпѣнья. Близъ потока устроенъ садокъ—писцина для форелей, но онъ пустуетъ за неимѣніемъ рыбы.

Переждавъ жгучій полдень, мы распростились съ обителью Георгія Хозевита, его симпатичною братіей и снова тронулись въ путь по направленію къ хану милостиваго Самарянина. Къ вечеру караванъ нашъ былъ близъ Виѳаніи, почти въ виду Іерусалима.



Монастырь Георгія Хозевиты.



Глава XIV.

Холмъ Моріа.

Историческія реликвіи Гарамъ-эшъ-Шерифа.—Былой храмъ Соломоновъ и современныя святыни Ислама.—Трудности ихъ осмотра.—Предъ „вратами“ Гарама.—Дворъ молитвы четырехъ религій.

Въ хаотическомъ лабиринтѣ тѣсно сплоченныхъ домиковъ Іерусалима, узкихъ, извилистыхъ улицъ, каменныхъ квадратовъ, то приподнятыхъ выше общаго слоя плоскихъ кровель, то какъ-будто-бы провалившихся въ низину—ярко выдѣляется историческая площадь-терраса *Гарамъ-эшъ-Шерифа* *). Когда глядишь на нее съ уступовъ горы Масличной съ паперти русскаго храма св. Магдалины, невольная грусть закрадывается въ душу. Въ общемъ контурѣ застланнаго пыльнымъ туманомъ города глазъ съ трудомъ различитъ святыню христіанства—Голгоѳу... Она, какъ и все христіанское здѣсь, затерта въ грудахъ неприглядныхъ руинъ, какъ будто не смѣя подняться надъ уровнемъ безпорядочно столпившихся зданій современнаго Іерусалима. Скромный алтарь величайшаго изъ пророковъ—храмъ, посвященный человѣчествомъ Воскресенію Искупителя, затерянъ въ убогомъ отдаленномъ кварталѣ Гареба, а на первомъ планѣ, широко раздвинувъ домики и башни, гордо высится сказочно-великолѣпный чертогъ воинственнаго калифа. Онъ царитъ, онъ господствуетъ надо всѣмъ Іерусалимомъ,

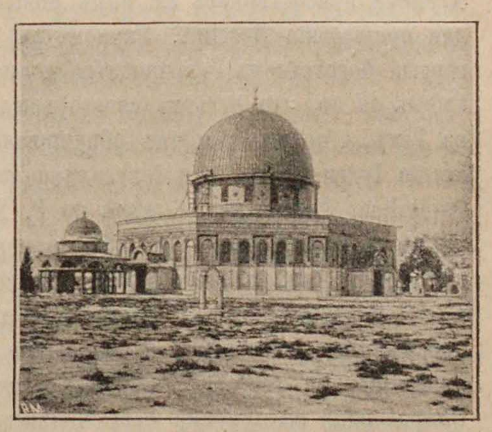
*) Топографія Іерусалима слагаясь въ теченіи многихъ вѣковъ, мѣняла постепенно и свои прежнія очертанія. Расположенный на высокомъ плато горъ Іудейскихъ, древній *Салемъ* Мельхиседека находится подъ 31⁰ 46' с. ш. и 33⁰ с. д. Занимая библейскіе холмы *Сіонъ*, *Акру*, *Везеѳу и Моріа*, постепенно примыкавшихъ другъ къ другу и теперь образовавшихъ одну общую возвышенность, столица Іудеи сохранила, однако, эти исторически сложившіяся грани. Изъ нихъ Моріа, холмъ на которомъ возвышался нѣкогда храмъ Соломоновъ, носитъ теперь названіе Гарамъ-Эшъ-Шерифа, т. е. „священнаго двора“ и занятъ великолѣпными постройками, занимающими первое мѣсто послѣ извѣстныхъ мечетей Каира.

подавляетъ все остальное своими мощными формами, какъ и самъ исламъ, поработившій родину Христа, страну Іеговы.

Обширная терраса Гарама—это художественная игрушка, блестящая по выполненію, оригинальная по плану, мѣло схваченная по комбинаціямъ *). По бѣломраморному помосту, правильно чередуясь, встали изящныя галлереи-аркады. Гдѣ порвалась ихъ цѣпь, тамъ художникъ изъ каменной глыбы источилъ прихотливый кіоскъ *мимбара*, высоко поднявъ его легкій перистель на сквозныхъ мавританскихъ аркахъ. Сарацинскимъ куполомъ осѣнилъ онъ молитвенный домъ Магомета и заткалъ его стѣны восточнымъ ковромъ причудливой мозаики. Съ массивныхъ помостовъ, приподнимающихъ мечеть Омара надъ уровнемъ исторической площади, къ югу, сѣверу, востоку и западу, спускаясь, легли широкія ступени. Изящныя полукруглыя арки на граціозныхъ колоннахъ, столпились у парапета, осѣненныя зеленью миртъ и стройныхъ задумчивыхъ кипарисовъ. Пылкій художникъ, арабскій зодчій, умѣло скомбинировалъ свои мавританскіе портики, часовни, *мирабы*, пріятно скрадывая для глазъ поражающіе размѣры пустынной площади Моріа. Онъ пробилъ броню каменныхъ плитъ и на высотѣ господствующей надъ всѣмъ Іерусалимомъ, выросли и прижились единственные образцы роскошной флоры Востока. Между ними засверкали, забили прозрачной струей въ мраморныхъ чашахъ фонтаны. И вотъ, предъ изумленнымъ взоромъ паломника-туриста, на ярко-желтомъ фонѣ сливающихся въ общую массу однотонныхъ зданій Іерусалима, донынѣ первымъ бросается въ глаза мусульманскій Гарамъ, блистая ослѣпительной бѣлизной своихъ мечетей. Яркость причудливыхъ красокъ, ихъ легкій изящный абрисъ еще издалека привѣтствуетъ усталаго, измученнаго путника на Яффской дорогѣ, дразнитъ его какъ волшебный миражъ среди пустынныхъ окрестностей Іерусалима. Гордо вонзается темный куполъ Омаровой мечети въ голубой пологъ небеснаго свода, опавшаго надъ зубчатой грядой убѣгающихъ въ даль городскихъ построекъ. Граціозно поднятый, изящный по контурамъ, осѣняя мраморный шатеръ магометанскаго пророка—онъ, какъ-будто, самодовольно озираетъ придавленную нищету близъ лежащихъ армянскаго и еврейскаго кварталовъ. При взглядѣ на сверкающую причудливыми аркадами террасу исторической Моріа, на ея великолѣпную мечеть, павильоны, арки, фонтаны—мнѣ чудится въ ихъ свободно-изогнутыхъ фор-

*) Стройность формъ, линій и пластичность каждаго зданія Гарамъ-эшъ-Шерифа, легкость, причудливость стиля отводитъ имъ первое мѣсто послѣ Альгамбры, причисляя къ высшимъ образцамъ арабской архитектуры. Верхняя стѣна Гарама, соединяя въ себѣ удивительную прочность съ изяществомъ очертаній, является образцомъ сарацинскаго искусства, лучшей его эпохи, создавшей знаменитыя стѣны Севильи и Кадикса.

махъ властное сознаніе творческой силы художника-завоевателя. Воцарившись здѣсь послѣ многихъ вѣковъ борьбы и кровопролитій, водрузивъ свой золотой полумѣсяцъ въ легендарномъ «центрѣ земли» *), Исламъ является только одной изъ стадій постоянной смѣны роковыхъ силъ, давно уже гнетущихъ Палестину. Вихрь событій сметалъ здѣсь, развѣивалъ въ прахъ алтари трехъ великихъ религій. На священныхъ высотахъ Моріа каждый пластъ наслоеній есть слѣдъ исчезнувшей культуры, постепенно крѣпнувшаго и снова мельчавшаго религіознаго сознанія человѣка. Еврейство, христіанство, исламъ послѣдовательно слагаютъ на этихъ, мхомъ поросшихъ, мраморныхъ плитахъ свои вѣковые устои. Прослѣдить этотъ историческій ростъ, фатальную смѣну событій, равныхъ которымъ не дастъ ни одна страна міра, крайне любопытно.


Мечеть Омара.

Несмотря на все великолѣпіе современныхъ чертоговъ ислама, Іерусалимъ нашихъ дней, по сравненію съ прошлымъ, — «городъ мертвыхъ», убогій побѣгъ отъ скрытаго въ нѣдрахъ земли полуистлѣвшаго корня. Гдѣ отыскать зачатки его возникновенія и первобытной исторіи? Во времена Авраама, крохотный Салемъ управляется первосвященникомъ. Книга Іисуса Навина впервые именуетъ его *Ерушалемомъ*, т.-е. наслѣдіемъ мира. За тысячу лѣтъ до Рождества Христова, Давидъ изгоняетъ евусеянъ съ Сіонскихъ высотъ. Антіохъ Епифанъ воздвигаетъ крѣпость на нижнемъ Іерусалимскомъ холмѣ, назвавъ ее Акрой. Позднѣе, мудрый царь Іудеи Соломонъ строитъ храмъ— чудо искусства и роскоши на юговосточномъ холмѣ Моріа, прирѣзавъ для своей обширной постройки узкія, обрывистыя долины Геннома и Іосафата, пролегавшія между историческими холмами. Со дна ихъ возводятся широкія стѣны и, сложенныя до уровня господствующей террасы, онѣ своимъ

*) По укоренившемуся убѣжденію съ эпохи средневѣковья старый Іерусалимъ считался міровымъ городомъ, стоящемъ въ центрѣ земли, что графически изображено на извѣстной картѣ Палестины, составленной въ 1860 году Кипертомъ (изданной военно-топографич. депо генералъ-маіоромъ Чириковымъ). Въ храмѣ Воскресенія Господня, въ новомъ придѣлѣ грековъ, богомольцамъ показываютъ до сихъ поръ знаменитый „пупъ земли“—низенькій каменный столбикъ предъ царскими вратами въ формѣ выпуклой чаши.

каменнымъ поясомъ образуютъ одинъ обширный фундаментъ Іерусалима. Раздѣленіе царствъ дѣлаетъ городъ центромъ Іудеи. Монографія еврейской столицы—это кровавая лѣтопись, полная грабежей и насилій, начиная съ набѣговъ Сезака, разбоевъ филистимлянъ и ассиріянъ, осадъ Іоасса, кончая кровавымъ погромомъ Навуходоносора. Киръ и Александръ Македонскій, Птоломеи и Селевкиды постепенно возрождаютъ городъ изъ развалинъ, но не надолго. Въ 170-мъ году до Р. Х. Антіохъ-Епифанъ наноситъ ему новый ударъ, обращая храмы Іеговы въ капища Юпитера. Маккавеи даютъ сильный толчокъ въ жизни Израиля, пробуждая въ немъ творческій духъ возрожденія. Лихорадочная работа закипаетъ вокругъ Сіона; холмы Акры и Моріа сливаются, поглотивъ Теропеонскую долину. Иродъ Агриппа присоединяетъ къ нимъ новый холмъ—Везеѳу. Близятся великіе дни пришествія Мессіи... Украшенный великолѣпными зданіями Іерусалимъ, гордый богатствомъ, «возносится до небесъ», презирая грядущую близкую гибель за то, что отвергъ своего вождя, «не позналъ своего часа». Сперва Титъ, а потомъ Адріанъ обрушиваются на св. городъ, подавляя возстаніе Іудеи. Самое имя Іерусалима замѣняется римскимъ названіемъ Aelia Capitolina. Только въ IV вѣкѣ по Р. Х., городъ, погребенный въ развалинахъ, начинаетъ проявлять слабые признаки жизни. Царь Константинъ и въ особенности мать его Елена разыскиваютъ священныя для христіанъ мѣста, увѣковѣчивая ихъ постройкою храмовъ. Съ этой эпохи борется, съ перемѣннымъ счастьемъ, за обладаніе Іудеей христіанская Европа съ нехристіанскими завоевателями. Персидскія полчища Хозроя, несмѣтныя орды Омара, одни за другими берутъ приступомъ городъ. Султанъ Хакимъ сжигаетъ храмъ гроба Господня и во все время владычества фатимидовъ и сельджукскихъ турокъ Палестина трепещетъ предъ грознымъ владычествомъ ислама. Страстный призывъ Петра Амьенскаго открываетъ собою эру крестовыхъ походовъ. Средневѣковая Европа, подъ стягомъ Готфрида Бульонскаго и Танкреда, освобождаетъ св. Гробъ отъ власти невѣрныхъ, но сто лѣтъ спустя Іерусалимъ снова взятъ Саладиномъ. Съ XVI вѣка онъ принадлежитъ высокой Портѣ и это господство Ислама кладетъ теперь неизгладимую печать на все въ Палестинѣ, начиная отъ языка и одежды, кончая золотымъ серпомъ полумѣсяца, осѣнившимъ бѣломраморные шатры воинственнаго арабскаго пророка.

Но попасть въ этотъ центръ мусульманства, получить доступъ къ заповѣднымъ святынямъ Ислама, до сихъ поръ весьма затруднительно. Приходится за нѣсколько дней хлопотать чрезъ консула о пропускѣ, выдаваемомъ іерусалимскимъ пашой. Но и доставъ «пропускную грамоту», туристъ далеко не обезпеченъ, что ему покажутъ *все* въ стѣнахъ Гарама. Фанатизмъ турокъ до сихъ поръ настолько силенъ, что никакія предписа-

нія высшихъ властей не могутъ примирить ихъ съ такимъ поруганіемъ святыни со стороны гяура. Несмотря на то, что право это куплено европейцами цѣною крови съ восточной войны, низшіе слои мѣстнаго населенія (особенно религіозныя касты, напр. дервишей) до сихъ поръ крайне враждебно относятся къ льготѣ, данной иностранцамъ фирманомъ султана *). И теперь входъ въ мечеть Омара воспрещается христіанамъ на вербной и страстной недѣляхъ, такъ какъ одновременно у турокъ совпадаютъ праздники, приходящіе въ мѣсяцы Рамадзана и Шабана.

Знакомый читателямъ Марко съ консульскимъ кавасомъ, хлопотавшимъ о разрѣшительной грамотѣ у іерусалимскаго паши чрезъ посредство нашего консула г. Максимова, приготовляли насъ къ осмотру Омаровой мечети, какъ къ чему-то необычайному, выходящему изъ ряда обычныхъ палестинскихъ экскурсій. Когда мы явились въ назначенный день раннимъ утромъ, эти блюстители общественной безопасности, добродушные и симпатичные, встрѣтили меня съ озабоченнымъ видомъ. Я былъ не мало удивленъ, когда всю компанію изъ пяти человѣкъ пересчитали, осмотрѣли съ ногъ до головы, тщательно свѣряя выданную бумагу, какъ будто въ ней были прописаны наши примѣты. Милѣйшій докторъ французъ, къ немалому ужасу и негодованію, вынужденъ разстаться съ любимой палкой и поклясться, что не будетъ дымить безконечныхъ сигаръ, безъ которыхъ онъ не въ силахъ прожить и минуты. Меня просятъ не заносить слишкомъ явно своихъ впечатлѣній на бумагу, чтобы не возбуждать подозрѣній въ шпіонствѣ. Коллега-археологъ долго не соглашается разстаться съ фотографическимъ аппаратомъ. Поднимается шумъ и гамъ, въ воздухѣ четко разно-

*) Еще вначалѣ текущаго столѣтія всякій христіанинъ, переступившій порогъ священнаго двора, карался смертью. Попытки проникнутъ тайно въ это святилище Ислама вызывали страшную народную ярость. Ожесточенная толпа однажды побила англичанина, вошедшаго переодѣтымъ и узнаннаго стражей. Въ 30-хъ годахъ за такую же попытку поплатился жизнью грекъ, отказавшійся принять магометанство по требованію разъяренныхъ турокъ. Даже представители великихъ державъ, европейскіе послы и лица изъ царственныхъ династій могли видѣть Омарову мечеть только изъ оконъ, прилегающихъ къ Гараму зданій. Шатобріанъ, Муравьевъ и другіе путешественники первой половины нашего вѣка довольствовались осмотромъ исторической площади Моріа и ея построекъ съ высоты ближайшей колокольни церкви Іоакима и Анны. Порабощенный Израиль цѣлыми столѣтіями не имѣлъ доступа на священную площадь, цѣною золота и глумленія покупая право глядѣть хотя издали на то мѣсто, гдѣ высился нѣкогда блестящій храмъ Соломоновъ. И донынѣ, несмотря на послѣдовавшее разрѣшеніе, онъ не входитъ въ ограду, боясь наступить на зарытый здѣсь пророкомъ Іереміей ковчегъ завѣта. Преданіе это настолько живуче въ народѣ, что еврей предпочитаетъ молиться и плакать у древней *наружной* стѣны Моріа, не переступая былыхъ заповѣдныхъ пороговъ дорогой, утраченной святыни.

сятся самыя скверныя пожеланія притѣснителямъ-туркамъ. Потерпѣвъ полное фіаско съ камерой, расходившійся археологъ отвоевываетъ себѣ право на бинокль, съ яростью доказывая кавасамъ свою близорукость. Мы размѣщаемся въ коляскѣ сердитые и заранѣе недовольные этой поѣздкой, а милѣйшій докторъ взбирается верхомъ на осла и съ сигарой въ зубахъ уносится куда-то галопомъ къ немалому ужасовъ кавасовъ и драгомана. У нихъ не хватаетъ теперь одного человѣка по числу лицъ, упомянутыхъ въ пропускѣ іерусалимскаго коменданта.

— И что это «они» дѣлаютъ?—съ укоризной говоритъ огорченный Марко, тоскливымъ взглядомъ провожая голопирующую фигуру француза, окутанную облакомъ пыли.

Мы трогаемся въ путь. Я смотрю на часы—половина восьмого. Лошади идутъ дружной рысью, плавно покачивая экипажъ. Предъ глазами все время мелькаютъ расшитыя серебромъ спины кавасовъ, возсѣдающихъ на козлахъ въ полномъ блескѣ своего вооруженія. Кучеръ-арабъ помѣстился сзади, какъ груммъ, на старомодномъ сидѣньи. Дорога бѣжитъ желтоватой каймой отъ зданій русскихъ построекъ къ воротамъ Давида. Чудное утро въ полномъ разгарѣ. Золотистые лучи солнца мягко стелются въ розовыхъ волнахъ быстро тающаго тумана. Это послѣ жгучаго дня, изнурительно жаркой ночи поднялись отъ нагрѣтой земли испаренія. Тамъ, вдали, встаетъ, разростаясь все шире и шире св. городъ. Поясъ каменныхъ стѣнъ, приближаясь, плыветъ къ намъ навстрѣчу. Голубой небосклонъ убѣгаетъ все дальше и дальше за причудливымъ гребнемъ изломанныхъ линій крышъ-террасъ отдаленнаго Сіона. Лишь мѣстами сквозятъ одинокіе обелиски минаретовъ. Слѣва смотритъ на насъ Элеонъ своей желто-зеленой вершиной, а надъ бѣлою лентой разбѣжавшихся дорогъ слабо клубится мѣстами пыль подъ копытами лихого арабскаго наѣздника. Темныя точки скользятъ по каменистымъ тропамъ вдоль уклоновъ горы Масличной—это движется рабочій людъ, встающій съ первыми лучами солнца. Воздухъ еще напоенъ пріятной свѣжестью. Нѣтъ въ немъ той томительной сухости, что къ полдню опалитъ грудь знойнымъ дыханіемъ пустыни. Еще оттуда, изъ далекой «мертвой страны», отъ берговъ Лотова моря, не успѣли примчаться горячія струи, отраженныя растрескавшейся отъ жары почвой и скалами Содомской долины. Мы испытывали какую-то особенную бодрость. Не успѣвшее распылиться шоссе почти не покрываетъ насъ известковымъ налетомъ. Прохожіе съ любопытствомъ останавливаются, провожая глазами европейцевъ, встающихъ такъ рано. На улицахъ Іерусалима въ эти часы преимущественно снуютъ арабы, турки и евреи. Мы сворачиваемъ влѣво и вотъ къ намъ навстрѣчу выступаетъ изъ массива стѣны полукруглый типичный аркадъ воротъ *Нэби-Дауда*. Коляска въѣзжаетъ

подъ темные каменные своды. Турецкій солдатъ, при видѣ кавасовъ, беретъ на караулъ и минуту спустя мы уже въ городѣ, внутри стѣнъ, въ самомъ бойкомъ и оживленномъ уголкѣ Іерусалима. Справа гомонъ и шумъ азіатскаго базара; слѣва провожаютъ васъ каменныя лавки европейскихъ магазиновъ. Ѣзда въ экипажахъ здѣсь почти немыслима, такъ какъ улицы быстро суживаются, все гуще запружаясь народомъ. Наконецъ дышло нашей коляски упирается въ одну изъ зазѣвавшихся правовѣрныхъ головъ, и мы вынуждены остановиться. Выйдя изъ экипажа, приходится буквально пробиваться съ кавасами во главѣ черезъ чащу людскихъ спинъ и бритыхъ затылковъ, протискиваться между осликами и овцами, ежеминутно рискуя раздавить ногами посуду горшечника или опрокинуться въ лавку и завалить лотки съ зеленью и мясомъ. Подъ археологомъ визжитъ искалѣченная собака. Его англійская каска съ вуалью давно напоминаетъ помятый котелокъ, а кисея изъ зеленой обратилась въ желтую подозрительнаго оттѣнка. Добросовѣстно проработавъ четверть часа локтями и колѣнями, мы выбираемся наконецъ изъ безконечныхъ тупелей, именуемыхъ улицами. Шумная людская толчея осталась позади и мы можемъ, вздохнувъ полною грудью, расправить измятые члены.

Лабиринтъ корридоровъ затрудняетъ точно опредѣлить направленіе. Минутъ десять ходьбы по грязнѣйшимъ кварталамъ, сплошь заселеннымъ армянами и евреями,—и вотъ вы у сѣверо-восточныхъ воротъ таинственнаго, оберегаемаго массивной стѣной, Гарамъ-эшъ-Шерифа. Тяжелыя двустворчатыя двери окованы желѣзомъ. Темный аркадъ съ полуготическимъ изломомъ пріютилъ ихъ въ своей каменной нишѣ *). Турецкая стража самаго свирѣпаго вида, но безобиднаго вооруженія злобнымъ взглядомъ встрѣчаетъ насъ еще издали. Турецкій жандармъ, назначенный сопровождать европейцевъ при осмотрѣ мечети, что-то силится объяснить веселому доктору, прикатившему на осликѣ ранѣе всѣхъ къ мѣсту осмотра. Завязываются переговоры жандарма съ солдатами. Интонація съ обѣихъ сторонъ все возвышается; очевидно насъ вовсе не торопятся пустить, какъ этого требуетъ начальническій фирманъ. Наконецъ жандармъ догадался постучать въ плотно запертыя ворота. Тяжелая рама одной изъ половинокъ слегка отошла и въ образовавшуюся щель съ трудомъ пролѣзъ сѣдовласый мулла, сверкая изъ-подъ нависшихъ бровей какимъ-то тускло-металлическимъ взглядомъ. Намъ становилось ужасно неловко. Пока этотъ стражъ, ревнитель Магометова закона, вертѣлъ въ рукахъ оффиціальный пропускъ, мы пере-

*) Крѣпостныя стѣны, которыми отовсюду обнесена обширная площадь Омаровой мечети, признаваемой мусульманами за священнѣйшее мѣсто на землѣ послѣ Мекки и Медины, охранялись въ старину особой стражей изъ нубійскихъ негровъ, день и ночь сторожившихъ съ саблями на-голо входныя ворота.

минались съ ноги на ногу, какъ будто какіе-то заговорщики, уличенные на мѣстѣ преступленія. Тщетно наши кавасы пытались внушить ему уваженіе, поочередно водя перстами по бумагѣ и приглашая муллу слѣдовать обычаямъ гостепріимства. Но тотъ презрительно и свысока отворачивался отъ «проклятыхъ гяуровъ». Однако, съ одной стороны, приказъ паши былъ вѣроятно, достаточно категориченъ, такъ что спорить не приходилось, а съ другой—правовѣрный жандармъ коварно смущалъ старика «бакшишомъ». Послѣ оживленнаго обмѣна мыслей на эту тему, тяжелыя ворота наконецъ заскрипѣли на ржавыхъ петляхъ, и мы переступили черезъ священный порогъ былого святилища Соломона *).

Никогда не забуду я того впечатлѣнія, той поразительной картины, которая открылась предъ нашими глазами... Недаромъ площадь *Гарамъ-эшъ-Шерифа* съ незапамятныхъ временъ служила «дворомъ молитвы» для цѣлаго ряда племенъ, вереницѣ народностей, прошедшихъ по священной землѣ и исчезнувшихъ въ туманахъ вѣчности... Еще въ младенческую эпоху человѣческой исторіи, когда слагалось и крѣпло зерно высшаго духовнаго познанія,—маленькій пастушескій народъ избралъ холмъ Моріа центромъ своего поклоненія Вѣчному Единому Богу. И съ тѣхъ поръ въ быстрой смѣнѣ вѣковъ, въ ряду промчавшихся тысячелѣтій, человѣкъ послѣдовательно слагалъ здѣсь свои алтари отъ временъ ветхозавѣтнаго Мельхиседека до позднѣйшаго Саладина. Царь солимскій и Авраамъ возжигали здѣсь Богу молитвенный ѳиміамъ, «Святая Святыхъ» Моисея осѣняла шатромъ эту первобытную скалу. Здѣсь же построилъ Давидъ свой жертвенникъ Іеговѣ и позднѣе на той же обширной террасѣ Гарама выросъ блистающій великолѣпіемъ храмъ Соломоновъ **). Новый храмъ, современный Спасителю, еще болѣе обширный, затмившій грандіозностью и богатствомъ своихъ предшественниковъ, созидается трудами великаго Ирода, но сокрушительный ударъ римскаго полководца обращаетъ его въ развалины. И на мѣ-

*) Подлинность мѣстонахожденія Моріа, быть можетъ единственнаго изъ всѣхъ историческихъ мѣстъ Палестины, твердо и точно опредѣлена источниками. Библія, Талмудъ, Коранъ, еврейскіе классики, Святые Отцы, греческіе и римскіе пилигриммы—язычники, христіане, мусульмане, ученые богословы и поклонники Св. мѣстъ признаютъ въ *Гарамъ-эшъ-Шерифѣ* то мѣсто, на которомъ Авраамъ собирался заклать своего первенца. Оно находилось именно между Элеономъ и садами Офеля надъ памятниками Іосафатовой долины. (Диксонъ, IV—209).

**) Возвышенная площадка, на которой Соломонъ возвелъ свой храмъ, была куплена Давидомъ у Эвусеянина Орнана, по указанію пророка Гада, за 50 сиклей серебра, съ цѣлью спасти Іерусалимъ отъ страшной моровой язвы. („Паралип." XII, 18—30) III кн. Царствъ (VI—VII) излагаетъ подробности этой грандіозной работы, длившейся семь лѣтъ при участіи 180 тысячъ рабочихъ, руководимыхъ 3,300 надсмотрщиками.

стѣ исчезнувшихъ святынь еврейства императоръ Адріанъ воздвигаетъ свой пышный языческій чертогъ, посвященный Юпитеру. Неумолимая судьба наводитъ новый ударъ—падаютъ римскіе храмы, а на мѣстѣ блестящихъ алтарей Юстиніанъ кладетъ стѣны базилики Богоматери... Новый вихрь—и вотъ изъ далекихъ аравійскихъ пустынь уже движутся полчища новаго проповѣдника—Магомета. Мусульманскіе калифы, фанатическіе миссіонеры ислама, обращаютъ въ мечети христіанскіе храмы, и на мѣстѣ притворовъ Соломонова храма выростаетъ изящное зданіе современной мечети Омара *).

Дворъ мечети Омара.

Интересно, какъ преемственно сохранялись условія мѣстности, типическая особенность создававшихъ эти алтари народовъ. Храмъ Іеговы унаслѣдовалъ основной колоритъ палатки номада, передавъ характеръ постройки и позднѣйшимъ зодчимъ. Площадь Гарама только закрѣпила на опредѣленномъ мѣстѣ тотъ «священный дворъ», гдѣ привыкъ молиться первобытный человѣкъ, кочевавшій со стадами. Израиль перенесъ на скалу Эсъ-Сакрагъ (т.-е. глава скалы) свои сокровенныя святыни: скинію и ковчегъ завѣта. Великолѣпный мраморный шатеръ Соломонова храма—все тотъ же первобытный шатеръ, но только болѣе обширный и роскошный. Вокругъ стѣны этого святилища толпами стоитъ умиленный народъ, прислушиваясь къ вдохновенному пѣнію левитовъ. Голубой шатеръ небосклона, какъ теперь, одѣваетъ притворы и галлереи Соломонова святилища. Храмъ Великаго Ирода повторилъ основной образецъ, увеличивъ сокровища матеріала, дополнивъ изяществомъ линій простыя формы. Страстная фантазія чуждаго пришельца тоже подчинилась, несмотря на свою самобытность, удивительному вліянію исторической мѣстности. Его смѣлый рѣзецъ изваялъ художественную мечеть, еще болѣе изумительной и тонкой работы, но храмъ мусульманскаго пророка вполнѣ однороденъ съ своими предмѣстниками по замыслу и композиціи. Тѣ же портики, колоннады, водоемы, фонтаны

*) По взятіи Іерусалима, калифъ Омаръ приказалъ очистить отъ мусора заброшенную *скалу эсъ-Сакрага*, но не имъ возведена та мечеть, которая по странному недоразумѣнію носитъ названіе его имени. Ее возвелъ калифъ Абдъ-Эль-Шеликъ-Ибнъ-Меруанъ въ 68—71 годахъ Гиждры. (Въ VII в. по Р. Хр.).

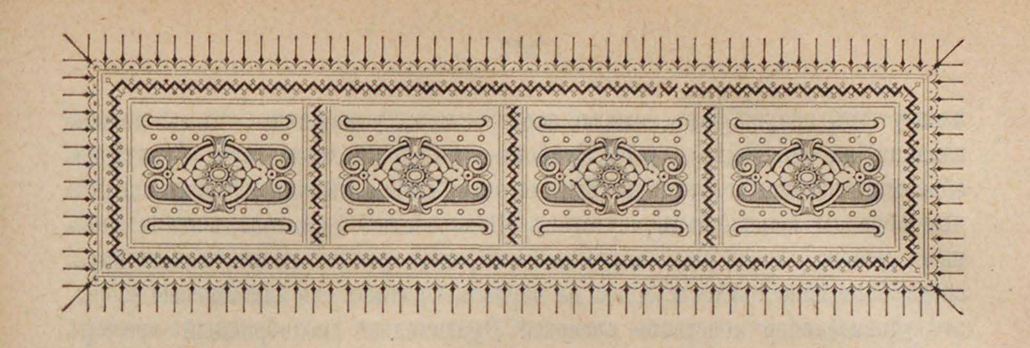
для омовенія. Та же разбросанность зданій на обширномъ «дворѣ молитвы». Широкія лѣстницы, изукрашенныя арками, какъ и въ дни Спасителя, ведутъ съ баллюстрады *Куббетъ-эсъ-Сакрага* на обширную площадь, устланную каменными плитами. Какъ и въ древности, на ней разбросаны отдѣльные алтари для молитвы, кіоски, мимбары *), осѣненные зеленью миртъ и кипариса. Тѣ же «дворы» священниковъ, язычниковъ и левитовъ сохранила невольно и мусульманская площадь, разбитая постройками на ярко очерченныя грани. Только теперь—это навѣсы для юношей софтъ, молитвенные мирабы **), высокія кафедры, каменные павильоны и кіоски для чтенія корана. И какъ теперь у воротъ великой мечети прижился крикливый рынокъ, типическая особенностъ Востока,—такъ и у храма евреевъ ютились торговцы съ жертвенными животными, мѣновщики и купцы, вызывавшіе справедливое негодованіе «ревнующаго о домѣ своемъ», Божественнаго Учителя ***). Распавшійся храмъ порабощеннаго Израиля въ глубокихъ нѣдрахъ земли сохранилъ и донынѣ свой несокрушимый фундаментъ... На немъ, на этомъ историческомъ корнѣ, обновляясь въ дни возрожденія, сквозь мусоръ и щебень, пробивались побѣги, унаслѣдовавшіе типическій колоритъ исчезнувшаго могучаго дерева. На цоколѣ Соломонова храма расцвѣлъ теперь пышный цвѣтокъ, но въ строеніи его лепестковъ, его изящнаго стебля нетрудно прослѣдить и отмѣтить первичную культуру восточной роскоши, необычайно оригинальныхъ формъ и блестящей окраски.

Мимбаръ Омара-Борганъ-Эдъ-Динъ-Кадги.

*) Мимбаръ — высокая каѳедра съ крутой лѣстницей — существуетъ во всѣхъ мечетяхъ и служитъ мѣстомъ для произнесенія проповѣдей муллою. Въ обширныхъ молитвенныхъ дворахъ устраиваются также крытыя каѳедры, откуда имамъ въ особоважныхъ случаяхъ обращается къ народу.

**) Мирабъ—центральная молитвенная ниша, безусловная принадлежность каждой мечети, обращенная въ сторону Мекской Каабы, высшаго святилища мусульманъ.

***) Евангеліе Матѳея, гл. XXI ст. 12, 13; Марка XI, 15, 16, 17: Луки XX, 45, 46. Впрочемъ обычай торговли у храмовъ не чуждъ былъ средневѣковой и даже современной Европѣ. Въ Англіи, Франціи и Италіи рынки устраивались часто на церковныхъ кладбищахъ, а въ Руанѣ и Ахенѣ до сихъ поръ, говорятъ, торговцы ютятся въ самыхъ воротахъ церкви.



Глава XV.

Мечеть великаго калифа.

Сказочность обстановки мусульманскихъ храмовъ. Бабель-Джина—„ворота рая". Куббэтъ эсъ-Сакрагъ.—Мечеть Омара. Ея достопримѣчательности. Эль-Берарегъ—судилище Давида. Эль-Акса—храмъ Введенія Богоматери. Подземелья Гарама. Предсказанія и факты исторіи.

Переступивъ широкій порогъ таинственныхъ воротъ Гарамъ эсъ-Шерифа, очутившись въ священной оградѣ, мы остановились, невольно пораженные волшебной картиной. Предъ нами высится великолѣпная мечеть имени Омара. Описать ея дворъ, группы кіосковъ, фонтановъ, передать на бумагѣ безконечную смѣну коллонадъ и арокъ, уловить удивительную гармонію ослѣпительныхъ красокъ — это значитъ развернуть фантастическое полотно сказочныхъ картинъ, восточныхъ легендъ и сказаній. Когда глядишь на эту царственную мечеть, на ея высоко-приподнятый куполъ, чернымъ шатромъ осѣнившій нѣжно-голубой осьмигранный фонарь—арабеску, трудно представить себѣ что-либо болѣе изящно-волшебное. Бѣломраморный поясъ широкой оправой одѣлъ снизу базисъ мечети. Онъ поднялъ на значительную высоту безконечный рядъ стрѣльчатыхъ оконъ, сплошь затканныхъ разноцвѣтными стеклами въ филиграновой рамѣ. А надъ ними сомкнулся блестящій парапетъ ярко-бѣлыхъ и голубыхъ фаянсовыхъ изразцовъ, испещренныхъ золотыми строками куфическихъ надписей. Стоишь очарованный, не сводя глазъ съ пластичной мечети, этого удивительнаго памятника, едва ли не единственнаго въ мірѣ по смѣлости замысла и художественности выполненія. Силъ нѣтъ оторваться отъ пестрой восточной инкрустаціи, заткавшей мозаичными коврами драгоцѣннѣйшей работы даже наружныя стѣны этой святыни Ислама. На кругломъ, широкомъ барабанѣ гармонично сведенной крыши покоится громадный, выпуклый куполъ съ золотымъ турецкимъ полумѣсяцемъ. Но онъ не давитъ великолѣпнаго зданія своимъ

изогнутымъ полушаріемъ, слегка заостреннымъ у вершины. Чѣмъ дольше глядишь на изящный силуэтъ Куббетъ-эсъ-Сакрагъ, тѣмъ ярче будитъ воображеніе сказочныя страницы «Тысячи одной ночи», пылкой страстью изваянные образцы волшебныхъ чертоговъ Шехеразады. Только подъ этимъ знойнымъ небомъ, среди величаваго пейзажа, подъ ропотъ волнъ теплаго моря, среди богатѣйшей флоры, способна черпать фантазія эти живописные узоры, это удивительное сочетаніе красокъ! Оригинально подобранный мраморъ всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ, карнизы сплошныхъ арабесокъ, сквозные бордюры, одѣвшіе сверху до низу фундаментъ и стѣны—да, это единственный неподражаемый памятникъ восточной архитектуры и вдохновеннаго творчества! Съ трудомъ вѣрится, что простой зодчій слагалъ это чудное зданіе... Какъ будто художникъ-поэтъ знойнаго юга стремился излить въ его чудныхъ формахъ весь пылъ своей блестящей, остроумной фантазіи, избалованнаго природой кипучаго воображенія.

Современная *площадь Гарама* сплошь устлана мраморными плитами.

Едва мы успѣли подняться по каменнымъ ступенямъ чрезъ *Ворота Бабъ-эль-Джина*, т.-е. ворота рая *), на высокій постаментъ, въ центрѣ котораго стоитъ великолѣпная мечеть, какъ насъ окружили сѣдовласые муллы, злобно сверкая глазами. Пока драгоманъ вмѣстѣ съ Марко успокаиваютъ возмущенныхъ нашимъ появленіемъ правовѣрныхъ, я стою очарованный, не сводя глазъ съ живописной панорамы. Веселый докторъ, мало восхищающійся красотами архитектуры, горитъ нетерпѣніемъ проникнуть поскорѣй во внутренность мечети, а коллега-археологъ весь ушелъ въ свой объемистый гидъ и никого не замѣчаетъ. Преспокойно расхаживая по двору, жестикулируя и разговаривая самъ съ собой, онъ привлекъ уже къ себѣ цѣлую стаю мальчишекъ, съ изумленіемъ провожающихъ его по пятамъ задорнымъ смѣхомъ. Негодующій мулла, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, что-то съ ожесточеніемъ, объясняетъ своему правовѣрному собрату-жандарму, поминутно указывая на наши ноги. Я понимаю въ чемъ дѣло. Обычай Востока велитъ намъ или снять сапоги или надѣть широкія «бабуши», такъ какъ нечестивая нога гяура не должна прикасаться къ священнымъ плитамъ. Пока худощавый прислужникъ наматываетъ намъ на ноги эти неизбѣжные кожаные лапти, весельчакъ докторъ любезно предлагаетъ ему сигару, къ ужасу

---

*) На каменную баллюстраду мечети Омара, высокоприподнятую надъ общимъ уровнемъ Гарама, ведутъ четыре широкія лѣстницы, обращенныя къ четыремъ сторонамъ свѣта. Изящныя аркады опираются на граціозныя колонки, образуя надъ ними четверо воротъ, утопающихъ въ темной зелени кипарисовъ. Южныя „ворота молитвы“ извѣстны подъ именемъ Бабъ-эль-Кибля. Съ востока возвышаются „ворота Давида“ съ запада Бабъ-эль-Хаубъ—„ворота войны“, а съ сѣвера упомянутыя уже „ворота рая“.

драгомана и негодованію турокъ. Въ слѣдъ за муллой въ зеленой чалмѣ и пестромъ халатѣ мы подходимъ къ дверямъ Омаровой мечети. Готовясь вступить въ эту святыню Ислама, я мысленно перебиралъ то историческое прошлое, что наросло вѣками, сгруппировало столько интересныхъ, таинственныхъ событій вокругъ знаменитой скалы Авраама.

Когда переступишь мраморный порогъ мусульманскаго храма, странное чувство охватитъ васъ — чувство удивленія, смѣшаннаго съ восторгомъ. Тамъ, снаружи, на обширномъ дворѣ, жгучее солнце льетъ неустаннымъ потокомъ ослѣпительные лучи свѣта, накаляя воздухъ и плиты... Утомительная истома разслабляетъ члены. Яркій блескъ, отраженный отъ изразцовыхъ стѣнъ, рѣжетъ глазъ, слѣцитъ зрѣніе сочетаніемъ, какъ будто расплавленныхъ, огненныхъ красокъ. Силъ нѣтъ долго смотрѣть на этотъ разноцвѣтный кристаллъ, на гладко отшлифованныя грани изящнаго зданія мечети. А здѣсь — вы невольно остановитесь, пораженные неожиданнымъ контрастомъ... Мягкій розовый сумракъ стелется отовсюду. Какъ будто въ золотистомъ туманѣ сквозятъ колоннады высокой, круглой галлереи. Стрѣльчатыя арки изъ темно-краснаго порфира и бѣлаго мрамора образуютъ мавританскій шатеръ, а надъ нимъ поднялся сверкающій куполъ, чудно затканный извнутри яркой мозаикой всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Безконечный рядъ оконъ прорѣзалъ темныя стѣны, и сквозь ихъ прихотливый разноцвѣтный переплетъ мягко льются смягченные лучи на полъ, устланный цыновками. Разбиваясь на тонкія свѣтовыя нити, лучи эти то сквозятъ вамъ рубиномъ, то, какъ опалъ, отливаютъ всѣми цвѣтами причудливой радуги. Каждое окно чудо искусства, верхъ изящества и красоты, до которой только могла додуматься архитектура *). Каждое цвѣтное стеклышко, вставленное въ тонкую, едва замѣтную оправу, примыкаетъ къ другому.

Внутренность мечети Омара.

*) Говорятъ, что американцы предлагали милліонъ долларовъ только за то, чтобы одно изъ этихъ оконъ было привезено на выставку въ Чикаго. Правительство Соединенныхъ Штатовъ обязывалось доставить раму въ цѣлости на прежнее мѣсто, довольствуясь тѣмъ, что выставитъ его въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но турки отказались отъ предложенія, найдя его оскорбительнымъ для своей святыни.

Цвѣта подобраны удивительно гармонично, образуя своимъ узоромъ прихотливое сочетаніе какъ-будто драгоцѣнныхъ каменьевъ, блистающихъ самоцвѣтными гранями. Едва-ли не въ нихъ основная прелесть таинственнаго магометова храма. Окна кладутъ на его царственную обстановку какой-то сказочный колоритъ, производящій подавляющее впечатлѣніе. Какъ очарованные двигались мы въ разноцвѣтномъ туманѣ по круглой верандѣ, невольно останавливаясь то предъ той, то предъ другой колонной—этими удивительными образчиками различныхъ эпохъ культуры и зодчества *). Двѣ концентрическія круглыя колоннады образуютъ широкую галлерею. Ея стѣны и потолки какъ будто обиты роскошными восточными коврами, то темнозелеными, то ярко-багряными, то золотистыми, удивительно успокаивающими глаза мягкой, изящной композиціей рисунка. Тамъ, гдѣ массивный аркадъ оперся на порфировыя и мраморныя колонны, выступаетъ карнизъ изумительной филигранной работы. Золотая вязь арабскихъ письменъ пестритъ разноцвѣтные своды. Расписныя рамы тончайшей мозаики чередуются съ прихотливымъ узоромъ одна въ другую вплетенныхъ строкъ мудрѣйшихъ изреченій Корана. Съ высоты потолковъ на тонкихъ цѣпяхъ спустились безчисленныя люстры-лампады, отражая въ своихъ граненныхъ хрусталяхъ разноцвѣтныя сіянія оконъ. Здѣсь, что ни шагъ, то останавливаешься удивленный, не зная, бредишь-ли на яву, или видишь сны дѣтства, полные сказочной прелести.

Но взгляните на середину мечети. Темно-бронзовая рѣшетка отдѣляетъ васъ отъ священной скалы, что тысячелѣтіями служитъ предметомъ поклоненія и почитанія различнымъ народамъ. Не безъ трепета подошли мы вплотную къ сквозной оградѣ, ревниво оберегающей массивную темносѣрую каменную глыбу. Это и есть историческая вершина горы Моріа, осѣненная блестящимъ цвѣтнымъ куполомъ Омаровой мечети. Двѣнадцать яшмовыхъ колоннъ окружили ее стройной балюстрадой, а пролеты ихъ забраны сквозной сѣткой оригинальной рѣшетки. Знаменитая *скала Эсъ-Сакрагъ*, давшая имя мечети, несомнѣнно ровесница младенческаго Салима **).

---

*) Арабскій зодчій собралъ здѣсь, не подозрѣвая, драгоцѣннѣйшую коллекцію уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія матеріаловъ. Въ вереницѣ колоннъ и пилястръ перемѣшаны камни давно исчезнувшаго Іерусалимскаго храма, временъ царя Хирама, и изящные пилястры храма Юпитера, воздвигнутаго Адріаномъ надъ святилищемъ евреевъ.

**) Сказанія древнѣйшихъ временъ пріурочиваютъ къ ней жертвоприношеніе Мельхиседека, современника потопа. Здѣсь-же Авраамъ готовился принести въ жертву своего сына Исаака. Іевусеянинъ Орна располагаетъ на той же скалѣ свое гумно, выкупленное Давидомъ изъ рукъ нечестивца. Моисей хранитъ здѣсь ковчегъ Завѣта. Позднѣе надъ ней же разросся храмъ Соломоновъ, замѣненный храмомъ Великаго Ирода, а въ дни римскаго Цезаря та-же скала служитъ пьедесталомъ мѣдной статуи

Пока мы обходимъ природную вершину Моріа, тщательно осматривая ее сквозь рѣшетку, драгоманъ переводитъ намъ то, что бормочетъ турецкій мулла, успѣвшій смягчиться отъ бакшиша, предусмотрительно сунутаго кавасомъ. Онъ указываетъ намъ на сѣромъ камнѣ отпечатокъ пальцевъ архангела Гавріила, удержавшаго эту скалу на воздухѣ, когда она захотѣла послѣдовать на небо за вознесшимся пророкомъ. Зеленый шелковый пологъ виситъ надъ скалою, закрывая отверстіе, сквозь которое исчезъ провѣдникъ ислама на своей бѣлой кобылицѣ *). Мнѣ пришлось наблюдать удивительный способъ прикладыванія къ святынѣ мусульманскихъ пилигриммовъ. Не имѣя возможности черезъ рѣшетку прикоснуться губами къ священному отпечатку—турокъ просовываетъ длинную палку, упираясь однимъ концомъ въ слѣды «рукъ Гавріила», къ другому же концу, торчащему наружу, благоговѣйно прикладываются вѣрующіе. Sapienti sat!

Обойдя нѣсколько разъ обширную галлерею мечети, мы осмотрѣли достопримѣчательности, долго бывшія недоступными для иностранцевъ **). Марко указываетъ намъ обломокъ скалы, такъ называемый «камень Магомета». Онъ охраняется рѣшеткой; на немъ стоитъ серебряный сосудъ съ двумя волосами изъ бороды пророка. Въ особомъ шкафу справа, близъ спуска въ пещеру, находящуюся подъ священной скалой, виденъ рѣзной шкафчикъ, въ которомъ хранится подлинный коранъ Магомета, его щитъ, мечъ Али и шелковое знамя Омара. Но лицезрѣть ихъ не могутъ очи гяура. Мы спускаемся по ступенямъ въ пещеру скалы, которую мусульмане считаютъ *висящей* на воздухѣ. Стѣны ея, выбѣлены известью, однако наглядно доказываютъ, что скала покоится на весьма прочномъ основаніи. Металлическія люстры прикрѣплены къ своду, слабо озаряя внутренность подземелья. Въ немъ насчиталъ я четырнадцать шаговъ, пока археологъ тщательно изслѣдовалъ стѣну. Любознательный докторъ допытывается, «гдѣ стопа Магомета», и почтенный мулла покорно обнажаетъ ему святыню, тщательно прикрытую металлическимъ футляромъ. Но пещера Куббетъ-Эсъ Сакрагъ не лишена и христіанскихъ воспоминаній. Здѣсь по преданію былъ убитъ пророкъ Захарія; близъ нея-же жила въ храмѣ Святая Дѣва. Сохра-

---

императора Адріана. Калифъ Омаръ отыскалъ священную скалу въ грудѣ мусора, и съ тѣхъ поръ она благоговѣйно почитается магометанами, утверждающими, что именно отсюда Магометъ вознесся на небо.

*) Магометанское преданіе говоритъ, что пророкъ въ одну ночь перенесся сюда изъ Мекки, чтобы помолиться Аллаху. Здѣсь-же въ послѣдній день онъ возсядетъ судить народы вмѣстѣ съ Суди-Аисомъ, т.-е. Іисусомъ Христомъ. Одна молитва на этой скалѣ стоитъ тысячи другихъ, по указанію Корана.

**) Первыми, вступившими въ эту мечеть, были герцогъ и герцогиня Брабантскіе и впослѣдствіи принцъ Вэльскій. Доступъ же остальнымъ путешественникамъ былъ открытъ во 2-й половинѣ текущаго столѣтія.

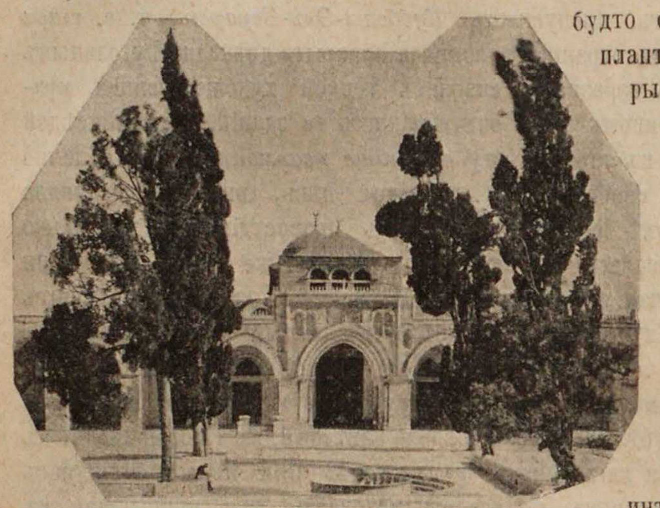
нился даже каменный помостъ, служившій ея дѣвственнымъ ложемъ. Мусульмане указываютъ въ той же пещерѣ мѣста, гдѣ молились Авраамъ, Давидъ, Ааронъ, братъ Моисея и св. Георгій. Въ храмѣ обращаютъ вниманіе двѣ колонны изъ желтаго мрамора, оригинально свитыя въ жгутъ будто-бы сверхъ-естественной силой. Мулла показалъ намъ кусокъ мрамора, вдѣланный въ стѣну съ природными жилами, напоминающими своимъ очертаніемъ контуръ кувшина, поддерживаемаго двумя горлицами. Почти въ центрѣ пещеры есть каменная плита, издающая глухой звукъ при ударѣ ногою. Все заставляетъ думать, что внутри скалы находится глубокая впадина, которую турки называютъ *Биръ-Эль-Аруагъ, колодеземъ душъ*, дверью, ведущею въ подземное царство *) Крестоносцы одѣли священную скалу богатой мраморной оправой, учредивъ особый орденъ монаховъ тампліеровъ, блюстителей храма, и только со времени Саладина, изгнавшаго христіанъ, скала приведена была въ первобытный видъ, какой она и представляется теперь. Чѣмъ дольше остаетесь вы въ этой чудной сказочной обстановкѣ, тѣмъ больше она манитъ васъ къ себѣ, и вамъ долго не хочется уходить изъ подъ прохладныхъ сводовъ, изъ мягкаго сумрака, удивительно успокаивающаго нервы, на шумную, ярко освѣщенную, кипящую жизнью площадь Гарамъ-Эшъ-Шерифа.

Д*воръ великой мечети* весь обставленъ непрерывными рядами самыхъ изящныхъ построекъ. Залитыя яркими лучами полуденнаго солнца, онѣ производятъ очаровательное впечатлѣніе. Глазъ съ трудомъ привыкаетъ различать въ этой изящной амфиладѣ отдѣльныя художественно выполненныя зданія. Очарованные, медленно бродимъ мы одинокой кучкой вслѣдъ за кавасами, которые поминутно торопятъ насъ, прося не отставать другъ отъ друга. Но какъ оторваться отъ этихъ волшебныхъ картинъ, уйти отъ живописной панорамы?.. Вотъ справа встаетъ передъ нами изящный *фонтанъ Кэтбея*, какъ будто ушедшій подъ тѣнь развѣсистыхъ сикоморъ своей причудливой, испещренной выпуклыми арабесками, куполоообразной вершиной. Стволы столѣтнихъ деревьевъ пробились сквозь каменную раму плитъ, одѣвшихъ непроницаемою бронею широко-разросшійся холмъ Моріа. Мы огибаемъ восточную его часть, и Марко останавливаетъ насъ предъ

*) Мусульмане увѣряютъ, что каждую пятницу души праведниковъ собираются сюда для общей молитвы Всевышнему. Научныя изслѣдованія заставляютъ предполагать, что Биръ-Эль-Аруагъ служилъ нѣкогда стокомъ для жертвенной крови изъ храма Соломонова. Вѣроятно подземная труба выводила массу отбросовъ, неизбѣжныхъ при жертвоприношеніи, въ долину Кедронскаго потока.

изящнымъ павильономъ, именуемымъ *Куббетъ-Элъ-Берарегъ*, т. е. *глава судилища*. Сквозная многогранная колоннада прикрыта двѣнадцатиугольнымъ куполомъ. Она горитъ изразцами, сквозитъ тонкой художественной мраморной рѣзьбой на темномъ фонѣ окружающихъ ее зданій. Сказанія сѣдой древности пріурочили къ этому мѣсту *судилище псалмопѣвца царя*, лично разбиравшаго жалобы своего народа. Золотая цѣпь, говорятъ, соединяла съ священнымъ храмомъ Іеговы этотъ алтарь правосудія, и лишь только рука виновнаго прикасалась къ ней, какъ тотчасъ же изъ золотой цѣпи выпадало звено, обличая преступника *). Неумолимый драгоманъ спѣшитъ вести насъ дальше. Ему, очевидно, надоѣло въ сотый разъ показывать иностранцамъ одно и то же, повторять саги, въ которыя едва-ли онъ вѣритъ. Мы проходимъ мимо группъ молодыхъ турокъ, застывшихъ въ своихъ живописныхъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ вдоль навѣсовъ, въ тѣни мраморныхъ портиковъ, у подножья гигантскихъ кипарисовъ. Они провожаютъ насъ холодно-надменнымъ взоромъ, но все это молодежь, уже привыкшая къ посѣщеніямъ европейцевъ. А вотъ справа, почти у самой лѣстницы сквознаго мимбара, застылъ неподвижно въ молитвенномъ экстазѣ сѣдой старичекъ съ желто-пергаментнымъ лицомъ, еще сильнѣе оттѣненнымъ зеленою чалмою. Онъ полусидитъ, полустоитъ на колѣняхъ на маленькомъ коврикѣ, вдохновенно устремивъ глаза на дискъ золотого полумѣсяца, осѣняющаго завѣтный куполъ мечети. Мы проходимъ отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, но онъ не удостоиваетъ насъ даже презрительнымъ взглядомъ. Вообще, христіанамъ, въ умѣньи вести себя на молитвѣ въ нашихъ храмахъ и часовняхъ, далеко не лишнимъ было-бы поучиться у мусульманъ благоговѣйному отношенію къ святынѣ. Мы огибаемъ теперь площадь съ западной стороны, и Марко указываетъ намъ здѣсь молельню Соломона и красивый мимбаръ *Борганъ-Эдъ-Динъ-Кадги*. Но право не знаешь, на что смотрѣть больше: на отдѣльныя-ли художественныя бездѣлушки Гарама, или на всю очаровательную панораму, невольно приковывающую ваше вниманіе. Остановитесь на мигъ, оглянитесь... Вотъ вдали, изъ общей массы строеній, встаетъ предъ вами изящный Куббетъ-Эсъ-Сакрагъ. Высокій минаретъ мечети Омара, вонзаясь въ голубой небесный шатеръ, сверкаетъ сквозною розеткой, прикрѣпленной на самой вершинѣ. Безконечныя колоннады уходятъ справа и слѣва, оттѣняя своей бѣлизной зеленыя аллеи кипарисовъ. Вправо, тусклымъ пятномъ чернѣютъ провалы *Виөезды*, купели овчей, а далѣе глазъ едва различаетъ полуразрушенную башню Антонія. Желтый поясъ оградъ какъ-

*) Турки вѣрятъ, что именно здѣсь, въ день послѣдняго страшнаго суда, будутъ находиться вѣсы, на которыхъ Архангелъ станетъ взвѣшивать все доброе и злое, совершенное человѣкомъ при жизни.



Мечеть Эль-Акса—бывшій храмъ Введенія Богоматери.

будто отодвинулъ на третій планъ крутые подъемы горы Масличной, и она тонетъ въ дали, въ темныхъ купахъ оливъ, увѣнчанная русской колокольней. А сзади васъ городъ... Какъ-будто сползая, надвигаются съ пологаго ската, безглазые домики-башни, угрожая засыпать грудами руинъ этотъ сказочный дворъ Эшъ-Шерифа. Въ голубой выси неба ни облачка... Жаръ палитъ невыносимо. Раскаленныя плиты Гарама испускаютъ теплоту, чувствительную даже черезъ толстую подошву. Мы спѣшимъ укрыться отъ зноя въ изящной *мечети Эль-Акса*, художественно задрапированной пышно разросшимися купами деревьевъ.

Прекрасная аллея темныхъ кипарисовъ соединяетъ зеленой колоннадой мечеть Омара съ другой замѣчательной постройкой—мечетью-эль-Акса, *бывшаго храма Введенія Богоматери*. Темные неподвижные конусы ихъ задумчиво провожаютъ насъ, навѣвая меланхолическія грезы. Каменный парапетъ окаймляетъ устланную плитами широкую аллею. Мраморный фонтанъ углубленъ своимъ бассейномъ въ общій уровень плитъ и къ нему сходятъ четыре круглыя ступени. Холодными кристальными струями бьетъ вода, переполняя чашу и оттуда серебрянымъ дождемъ, тихо журчащимъ каскадомъ спадаетъ въ круглую цистерну. Мы подходимъ все ближе ко второй святынѣ Ислама. Вотъ она встаетъ передъ нами, выступаетъ изъ зелени бѣлыми готическими аркадами изящнаго фронтона. Надъ главною аркой входныхъ дверей, надъ стрѣльчатымъ выпуклымъ изломомъ—сплошное кружево мраморовъ самой художественной отдѣлки. Тонкія колонки красиво драпируютъ углы пилястръ. Зубчатою гранью сквозитъ баллюстрада, опоясывающая крышу. Надъ ней, въ самомъ центрѣ, три полукруглыхъ окна прорѣзываютъ каменный фронтонъ съ четырехгранной крышей. А за нимъ протянулось низкое зданіе самой мечети, только сзади осѣненное неизбѣжнымъ, высокимъ куполомъ. Паперть современной мечети византійскаго стиля должна быть отнесена къ VII вѣку. Ранѣе существовала здѣсь древняя

базилика Юстиніана, обращенная крестоносцами въ церковь *Введенія Пресвятой Дѣвы*. Длинный нефъ этого храма напоминаетъ собою преддверіе Виѳлеемскаго вертепа, однороднаго по типу съ постройками временъ византійскихъ императоровъ. Саладинъ, отнявъ у христіанъ Іерусалимъ, тотчасъ установилъ въ немъ мусульманское богослуженіе *). Впрочемъ судьбы этой мечети крайне разнообразны. На ряду съ византійцами въ ней хозяйничали и крестоносцы, учредившіе здѣсь *царскія палаты*, такъ называемаго „Соломонова дворца". Короли іерусалимскіе раздавали ее по частямъ различнымъ монашествующимъ орденамъ **).

Снова подвязавъ надоѣдливыя бабуши, мы вступаемъ во внутренность этой осиротѣлой церкви. Шесть рядовъ круглыхъ колоннъ византійскаго стиля поддерживаютъ стрѣльчатыя арки, а надъ ними, въ поразительной вышинѣ семи проходовъ, идутъ въ два ряда узкія окна. Проходы эти постепенно понижаются вправо и влѣво. Потолка нѣтъ; толстыя балки безконечными рядами налегаютъ на длинныя стѣны, грубо выбѣленныя известью. Мѣстами на нихъ намалеваны незатѣйливыя арабески, но, вообще, послѣ мечети Омара убранство эль-Аксы кажется убогимъ. Готическая арка въ южной части храма образуетъ молитвенный мирабъ, священный алтарь мусульманства. Она вся блещетъ яркой позолотой и какъ будто задрапирована складками прихотливо подобранныхъ матерій. Надъ нею двѣ картины, писанныя масляными красками, изображаютъ какія-то зданія, но у сѣдовласаго муллы я не могъ добиться объясненія. Справа изящный мимбаръ, весь точенный изъ дерева и подлѣ него, на кускѣ грубаго камня, вамъ укажутъ отпечатокъ стопы Спасителя ***). Въ числѣ священныхъ реликвій эль-Аксы, Марко подробно указываетъ намъ гробницы сыновъ Аарона и молельню Омара. Каменный порогъ обозначаетъ то мѣсто, гдѣ праведный Симеонъ принялъ на свои руки Божественнаго Младенца, отпускавшаго изъ міра суеты и скорби «раба, по глаголу Своему съ миромъ». Вблизи главной галлереи находятся знаменитыя *колонны испытанія*. Близко по-

*) Мечеть эта была художественно отдѣлана калифами Абдъ-эль-Меликомъ и Абуджафаръ-эль-Мансуромъ. Эль-Магди реставрировалъ ее послѣ бывшаго землетрясенія, и она долго носила названіе *Меджидъ-эль-Акса*. Особенно замѣчателенъ въ ней потолокъ изъ стариннаго кедроваго дерева. Конструкція его сходна съ такимъ-же потолкомъ въ Виѳлеемскомъ храмѣ Рождества Христова.

**) Напримѣръ, Балдуинъ II тампліерамъ, рыцарямъ храма, и эль-Акса извѣстна была тогда подъ именемъ храма Соломонова. Какъ храмъ Введенія Богоматери онъ полонъ библейскихъ и христіанскихъ воспоминаній.

***) Другой оттискъ находится въ мечети Вознесенія на горѣ Елеонской. По преданію, камень раскололся пополамъ, и одна его половина, по какой-то странной случайности, попала именно сюда, но кто перенесъ ее и когда—объ этомъ нѣтъ никакихъ указаній.

ставленныя одна къ другой, онѣ обладаютъ, по увѣренію турокъ, чудесною силой отличать праведныхъ отъ злыхъ—преданіе, извѣстное еще крестоносцамъ *). Въ узкій пролетъ между ними легко пролѣзалъ каждый честный мусульманинъ, какой-бы толщины онъ ни былъ, а порочный, несмотря на свою худобу, застревалъ тотчасъ-же, какъ недостойный будущаго рая. Фанатизмъ турецкихъ женщинъ, особенно часто и охотно прибѣгавшихъ къ этимъ колоннамъ испытанія для скорѣйшаго разрѣшенія отъ бремени, побудилъ правительство султана задѣлать пролетъ металлической рѣшеткой. Но колонны отъ постоянныхъ опытовъ поразительно вытерлись съ внутренней стороны, несмотря на удивительную прочность мрамора.

Подробно осмотрѣвъ мечеть Эль-Акса, мы рѣшили спуститься въ обширныя подземелья, идущія, говорятъ, подо всей площадью Гарама. При спускѣ у лѣстницы, провожавшій насъ мулла, видимо довольный размѣрами бакшиша, указалъ намъ углубленіе, въ которомъ виднѣется какъ-бы каменная колыбель съ широкой скамьею. Поклонникамъ этотъ уединенный уголокъ мечети выдается за мѣсто *обрѣзанія* Спасителя, куда принесла своего первенца Св. Дѣва. Мы спустились по сырымъ влажнымъ ступенямъ въ темную утробу земли. Глазъ съ трудомъ различаетъ громадныя колонны, безконечныя аркады сомкнувшихся надъ головою сводовъ. Хорошо отшлифованные камни поражаютъ васъ своимъ размѣромъ **). Таинственное подземелье Гарама это поистинѣ циклопическая постройка. Но оно кажется ничтожнымъ по сравненію съ другимъ еще болѣе обширнымъ подземнымъ чертогомъ, куда провелъ насъ Марко и которое извѣстно подъ именемъ *подземелья трехъ тысячъ колоннъ*. Оно находится въ юго-восточномъ углу Гарама, и древность его не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно, что происхожденіемъ своимъ эти безконечные корридоры и арки обязаны Соломону, мудрому устроителю Моріа. Чтобы сравнять крутой спускъ къ Іосафатовой долинѣ, приходилось воздвигать обширные своды на каменныхъ столбахъ, что расширяло поверхность холма, предназначавшагося служить фундаментомъ великому храму ***). Марко обращаетъ наше внима-

*) Рыцари храмовники, заподозрѣнные въ преступленіяхъ и не хотѣвшіе сознаться въ своей винѣ, должны были подвергаться этому Божескому Суду въ присутствіи братіи и начальника ордена. Трудно однако прослѣдить зародыши такого страннаго обычая, такъ какъ онъ появляется только со времени господства крестоносцевъ въ Палестинѣ.

**) Гидъ пріурочиваетъ къ этимъ аркамъ древнія ворота пророчицы Гульды; существуетъ преданіе, что здѣсь же не разъ проходилъ Спаситель на молитву въ іерусалимскій храмъ.

***) По изслѣдованію Катервуда и Берклея, колонны, на которыхъ покоятся своды, составляютъ пятнадцать параллельныхъ рядовъ, постепенно уменьшающихся въ высоту по мѣрѣ подъема почвы. Трудно точно опредѣлить пространство этихъ безко-

ніе на желѣзныя кольца, ввинченныя въ гранитныя колонны почти у самаго основанія. Онъ указываетъ нѣчто похожее на каменныя корыта, служившія по его увѣренію для корма лошадей, такъ какъ крестоносцы, занявъ Іерусалимъ, устроили здѣсь конюшни. Въ дни Ирода и во время господства римлянъ сюда заключали преступниковъ, а позднѣе, при осадѣ Іерусалима Титомъ, здѣсь же укрывалось цѣлое населеніе съ своими дѣтьми и имуществомъ. На существованіе подземныхъ погребовъ Іерусалима указываютъ и древнѣйшіе историки, какъ Іосифъ, Тацитъ, Деонъ, Кассій и др. Извѣстенъ эпизодъ изъ исторіи осады, когда Іоаннъ Гисхала и Симонъ Гіоръ, долго скрывавшіеся въ этихъ катакомбахъ, вынуждены были голодомъ выйти на свѣтъ Божій къ немалому ужасу римскихъ воиновъ *). Спертый удушливый воздухъ этой темной, земной утробы начинаетъ непріятно давить грудь, голова кружится, васъ тянетъ на воздухъ. Съ рѣзкой болью въ глазахъ вышли мы на террасу Гарама. Золотистымъ поясомъ убѣгаетъ зубчатая гряда крѣпостныхъ стѣнъ, мѣстами порванныхъ четырехгранными башнями. Марко ведетъ насъ къ отверстію, пробитому въ толщѣ стѣны, надъ которымъ торчитъ обломокъ гранита. Это и есть знаменитое *окно судилища*, гдѣ по убѣжденію турокъ, возсядетъ Магометъ въ день послѣдняго суда вмѣстѣ со Спасителемъ **).

Изъ библейскихъ святынь нельзя пройти молчаніемъ священной *стѣны іудейскаго плача*, куда вѣками собирается израиль изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ міра. Въ узкомъ, тѣсномъ, грязномъ переулкѣ, примыкающемъ къ юго-западной сторонѣ Гарама, изъ-подъ пластовъ позднѣйшихъ наслоеній ярко проступаетъ фундаментъ стѣны—подножіе священной Моріа, современницы Соломона. Саженъ шесть въ высоту идутъ огромныя тесаныя плиты, поросшія по трещинамъ мхомъ, источенныя вѣками. Сюда-то собираются разсѣянныя по лицу земли потомки Авраама, чтобы плакать, изливать свою скорбь у священной ограды—свидѣтельницы былого величія и славы ихъ предковъ. Была пятница и мы застали здѣсь группу евреевъ въ типичныхъ халатахъ, съ длинными пейсами, съ завитками

нечныхъ катакомбъ, но приблизительно онѣ занимаютъ метровъ 60 къ сѣверу, до 40 къ западу и 50 къ востоку. Большая часть ихъ завалена мусоромъ, перегорожена стѣнами новѣйшей кладки, но по указаніямъ Тацита, подъ ними должны находиться еще огромныя цистерны, снабжавшія Іерусалимъ водою при осадахъ.

*) См. „Разореніе Іерусалима“ Эрнеста Ренана, стр. 67, изд. 1886 г.

**) Поэтическая легенда иллюстрируетъ такъ эту страшную минуту: черезъ Геенну отсюда, надъ обрывомъ долины Суда Божьяго протянется тонкій паутиновый мостъ на вершину горы Елеонской. Трубный гласъ Архангела созоветъ души праведныхъ и грѣшныхъ и они пойдутъ со стѣны черезъ мостъ къ мѣсту Вознесенія Спасителя. Только праведные достигнутъ священной вершины, а грѣшниковъ поглотитъ адъ, раскроющій свои черныя бездны на днѣ долины Іосафата.

выбивающимися изъ-подъ полей широкихъ шляпъ, картузовъ и ермолокъ. Нѣсколько женщинъ въ бѣлыхъ покрывалахъ сидѣли, прильнувъ лбами къ массивнымъ камнямъ и жалобно причитали, цѣлуя со слезами холодную стѣну. Порабощенный израиль тысячелѣтіями ждетъ своего Мессію. Онъ все еще надѣется воскресить былую славу, утраченную навѣки. Онъ не хочетъ признать ужасныхъ пророчествъ, такъ наглядно свершившихся на мѣстѣ его «Святая святыхъ», не хочетъ примириться съ судьбою, предначертанною отвергнутымъ Учителемъ. Поразительно это упорное коснѣніе послѣ тѣхъ страшныхъ историческихъ фактовъ, кровью запечатлѣвшихъ драматическій моментъ паденія іудейства. Когда глядишь на массивы одинокаго фундамента, на этотъ жалкій остатокъ царственнаго великолѣпія чертоговъ великаго Ирода, невольно вспоминаешь слова, полныя грустной укоризны: «Истинно говорю вамъ, что все сіе пріидетъ на родъ сей. Видите ли все это? Истинно говорю вамъ, не останется здѣсь камня на камнѣ, все будетъ разрушено» *). Это пророчество сбылось дословно. Исполнитель неумолимой судьбы, римскій полководецъ, тщетно стремится спасти отъ разрушенія храмъ съ его царственнымъ великолѣпіемъ и роскошью **). Несмотря на строжайшій приказъ Тита, разъяренные сопротивленіемъ солдаты, оберегающіе огонь, «безъ всякаго приказанія и какъ бы по сверхъестественному побужденію», бросаютъ горящую головню въ одно изъ оконъ храма, и обреченный на гибель чертогъ Іеговы тонетъ въ морѣ огня. Даже личное присутствіе Тита, ради Агриппы, Іосифа и Вероники готоваго сохранить и спасти святыню евреевъ, не помогаетъ затушить пламени разбушевавшейся стихіи. Позднѣе римскій полководецъ открыто высказываетъ мысль, что онъ исполнялъ только миссію, возложенную на него Провидѣніемъ. Историкъ Іосифъ утверждаетъ, что Титу «пріятны были цитируемыя мѣста пророчествъ, гдѣ говорилось объ окончательныхъ судьбахъ св. града, и онъ открыто приписывалъ свою побѣду Богу, какъ знакъ особаго высшаго къ себѣ благоволенія» ***).

Такъ погибъ одинъ изъ блестящихъ алтарей, посвященныхъ Единому Богу на высотахъ Моріа, но послѣдствія этого ужаснаго разрушенія едва ли настолько печальны и ужасны, какъ оплакиваетъ

---

*) Еванг. Матѳ. гл. XXIII, 36, гл. XXIV, 2.

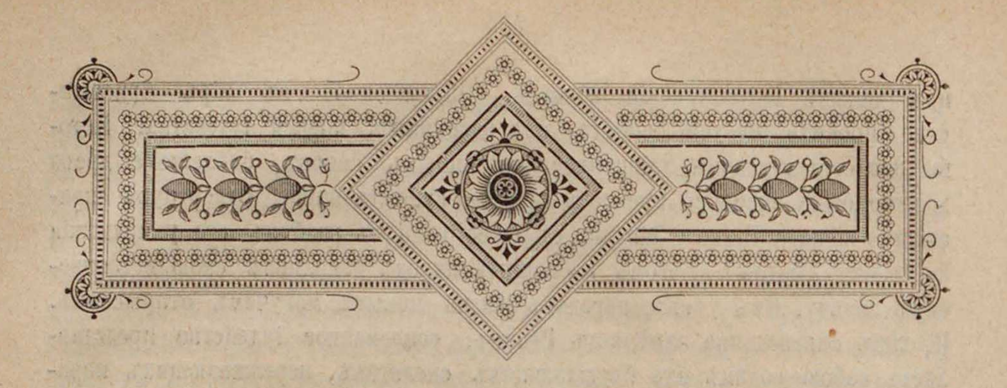
**) Впрочемъ источники расходятся во взглядахъ. Іосифъ говоритъ что Титъ стоялъ за спасеніе храма; по Тациту же, онъ будто бы настаивалъ на необходимости его разрушенія, чтобы уничтожить въ евреяхъ суевѣріе о возрожденіи царства, пока цѣлъ священный алтарь Іеговы (Ренанъ—„Разореніе Іерусалима“, стр. 59).

***) Филостратъ въ своей „Vie d'Apollo“, VI, 29, утверждаетъ, что Титъ отказался отъ тріумфальныхъ вѣнковъ, такъ какъ побѣда надъ Іерусалимомъ принадлежала не ему, а разгнѣванному Богу, орудіемъ воли котораго онъ явился для іудеевъ.

ихъ донынѣ іерусалимскій израиль. Нарожденное въ міръ христіанство пробило могучій побѣгъ отъ изсохшихъ корней іудейства. Истощенное сектантствомъ, лишенное жизненныхъ соковъ, библейское древо должно было невольно прекратить свое существованіе. Отвергнувъ скрижали великаго Новаго Завѣта, съ ожесточеніемъ разбивъ его у подножія постыдной Голгоѳы, Богомъ избранный народъ исполнилъ свою историческую задачу. Онъ умеръ, передавъ жизнь новымъ могучимъ отпрыскамъ. И, какъ справедливо замѣчаетъ Ренанъ, современное іудейство представляетъ собою «одинъ изъ блуждающихъ скелетовъ, переживающихъ поразившій ихъ приговоръ. Исторія не представляетъ страннѣе зрѣлища, какъ сохраненіе народа въ положеніи мертвеца, того народа который въ теченіе почти тысячи лѣтъ потерялъ чувствительность къ совершившемуся, не написалъ страницы, достойной прочтенія, не далъ намъ вѣрной о себѣ справки» *).

Минаретъ мечети Омара

*) Ibidem, 79.



Глава XVI.

Маръ-Саба.

Путь къ монастырю Саввы Освященнаго.—Долина Гигонская.—Колодезь Іова.—Потокъ Кедронскій.—Ущелье „Маръ-Сабы".—Лавра—могила, ея церкви, пещеры, кельи и усыпальницы.—Великое прошлое, подвижники обители. — Башня „пѣвца покаянія".—Историческое значеніе и современное вліяніе монастыря въ дѣлѣ православія въ Палестинѣ.

—„*Тебя, безбурное жилище,*
Тебя, познанія купель,
Житейскихъ помысловъ кладбище
И новой жизни колыбель—
Тебя привѣтствую, пустыня!"

„Іоаннъ Дамаскинъ"
А. Толстого.

Пребываніе наше въ Іерусалимѣ близилось къ концу. Намъ предстояла далекая экскурсія въ Самарію и Галилею, къ берегамъ Генисаретскаго озера, и мой коллега археологъ давно уже торопилъ меня отъѣздомъ. Но мнѣ хотѣлось закончить обзоръ Іудеи поѣздкой въ древнѣйшую и самую интересную обитель Палестины—лавру Св. Саввы Освященнаго *). Затерянная въ неприступныхъ твердыняхъ Вади-эль-Кедрона, на полпути между Іерусалимомъ и Мертвымъ моремъ, она пріютилась на границѣ великой пустыни и, какъ догорающій свѣточъ христіанства, глядитъ съ высоты ба-

*) Монастырь этотъ принадлежитъ грекамъ и по строгости своего устава представляетъ одинъ изъ немногихъ образцовъ суроваго пустынножительства, вѣчнаго поста и молитвы съ тяжелымъ подвигомъ аскетическаго отшельничества. Число старцевъ, спасавшихся здѣсь въ 15 и 16 вѣкахъ, достигало до 4000; теперь же въ обители Саввы насчитывается братіи не болѣе 50—60 человѣкъ.

зальтовыхъ скалъ на мертвую ширь Содомской долины, чуждая міру и его бренной суетѣ... Я досадовалъ, что неопытность драгомана лишила насъ возможности побывать въ «Маръ-Сабѣ» (такъ называютъ арабы Саввинскій монастырь) одновременно съ посѣщеніемъ Іордана, на обратномъ пути изъ Іерихона. Заручившись патріаршимъ пропускомъ, мы заказали Константину приготовить намъ лучшихъословъ, чтобы послѣ полудня тронуться въ обитель, провести тамъ ночь и къ утру вернуться обратно. Благодаря любезному вниманію Патріархіи, въ наше распоряженіе былъ предоставленъ греческій кавасъ *Халилъ*, замѣнившій Марко въ этой поѣздкѣ. Старикъ явился къ намъ въ своемъ офиціальномъ нарядѣ, весь расшитый шелками и золотомъ. Преклонный возрастъ этого новаго стража нашей безопасности, признаться, мало внушалъ мнѣ довѣрія. Но когда *Халилъ* лихо забрался на своего прекраснаго скакуна и двинулся во главѣ каравана, мы были поражены молодцоватостью его вида. Вооруженный съ головы до ногъ, сверкая на солнцѣ серебрянымъ ятаганомъ и филигранной насѣчкой винтовки, патріаршій кавасъ выглядѣлъ мужественно и внушительно. Былъ третій часъ пополудни; мы выѣхали изъ Іерусалима впятеромъ, считая каваса и погонщика Константина. Несмотря на пустынность окрестностей Маръ-Сабы и частые случаи грабежей паломниковъ, въ этомъ гнѣздѣ кочевыхъ племенъ бедуиновъ—съ нами не было отправлено шейха, обыкновенно сопровождающаго туристовъ. Впрочемъ, добродушный Константинъ увѣрялъ меня, что присутствіе Халила «Патріаршъ—слуга» въ нашемъ обществѣ цѣннѣе «трехъ шейха». «Будь здоровъ, Московъ» успокаивалъ, онъ коллегу, весело скаля бѣлые зубы. «*Халликъ*, *муртахъ*, *сиди*— будь спокоенъ, господинъ! Весельчакъ-докторъ, необыкновенно живой и энергичный, галопировалъ впереди всѣхъ на лучшемъ ослѣ, отбивъ его послѣ жестокой схватки у почтеннаго археолога.

— Вотъ онъ всегда такъ,—негодовалъ мой пріятель,—налетитъ... и убѣдитъ. Посмотрите ради Бога, ну куда я дотащусь на такой клячѣ?

— Eh bien! Vous avez donc des jambes courtes! Et moi! Hai! Finissez cette melodie triste *).

— Finissez! Finissez! Вамъ хорошо разсуждать! — А каково мнѣ-то, когда ноги по землѣ волочатся!

Путь къ Саввѣ Освященному, огибая юго-западныя Іерусалимскія стѣны, пролегаетъ мимо Сіонскихъ высотъ, спускаясь сначала въ долину *Гигонскую*, вьется далѣе вдоль изсохшаго русла потока Кедронскаго, оставляя влѣво историческую «землю крови» — Акелдаму (село скудельничье). Мы минуемъ пустырь, бывшихъ здѣсь нѣкогда Гиномскихъ плотинъ и, оста-

*) У васъ ноги короткія, а у меня длинныя... Перестаньте ныть, пожалуйста!

вивъ вправо мѣсто загороднаго дворца Каіафы на горѣ Злаго Совѣщанія, ѣдемъ по дну Іосафатовой долины. Дорога бѣжитъ среди садовъ и огородовъ—вплоть до колодца Іова, арабскаго Биръ-Аюбъ *); по уровню его водъ мѣстные жители опредѣляютъ урожай будущаго года. Колодезь Іова—Неемiи обнесенъ четырехугольной стѣной и представляетъ собою вмѣстилище стоячей воды, набѣгающей изъ скрытаго резервуара, на глубинѣ приблизительно до десяти саженъ. Въ дождливыя зимы Энъ-Рогель наполняется доверху. Достигнувъ уровня 14—20 саж., вода, выливаясь въ Кедронскій потокъ, увлажняетъ окрестные сады и огороды, плодородіе которыхъ прямо пропорціонально количеству получаемой влаги. Отсюда дорога развѣтвляется, принимая два направленія—одно къ Виѳлеему, а другое вдоль ложа Кедрона, круто сворачивая на востокъ къ обители Освященнаго Саввы. Узкая каменистая тропа заставляетъ насъ ѣхать гуськомъ—ослики трусятъ тихой рысью. До монастыря считается три часа пути, т.-е. около 15-ти верстъ.

Съ каждымъ шагомъ впередъ мѣстность за Іерусалимомъ становится все пустыннѣе и безотраднѣе... Послѣдняя скудная зелень Гиномскихъ садовъ уже осталась далеко позади, зарисованная туманною дымкою мѣловой пыли... Сухое, кремнистое ложе Кедрона, извиваясь среди голыхъ камней, растрескавшагося базальта и песчаника, все время ползетъ съ ними бокъ-о-бокъ, постепенно спускаясь въ глубину; опадаетъ все ниже, сдавленное исполинскимъ ущельемъ... Дикъ и пустыненъ окрестный пейзажъ. Все выше, уступъ за уступомъ, встаютъ нагроможденныя въ хаотическомъ безпорядкѣ каменныя твердыни Вади-Кедрона. Все дальше уходитъ изъ глазъ Іерусалимская окрестность, заслоненная темными отрогами горъ, отмежевавшихъ знойную пустыню незримаго, но ощущаемаго Бахръ-Лута... Къ нему же прорывается и кремнистый потокъ, снося въ половодье свои мутныя воды... Чѣмъ ближе къ Маръ-Сабѣ, тѣмъ ярче, нагляднѣе становится грандіозный геологическій переворотъ, нагромоздившій одинъ на другой растрескавшіеся исполинскіе утесы... Страшная сила сдвинула ихъ въ неприступныя кручи-ущелья, на головокружительную высоту подняла обломки скалъ, застывшихъ тамъ въ зловѣщемъ молчаніи. Черныя глыбы базальта, по которымъ съ трудомъ взбираются наши бѣдные ослики, ежеминутно скользя и обрываясь съ ихъ гладкой, точно отшлифованной поверхности, дышатъ на насъ удушливымъ зноемъ, испуская теплоту и ослѣпительную свѣтосилу почти вертикальныхъ лучей палестинскаго солнца. Третій часъ дня; голова

*) Другіе считаютъ его колодцемъ Іакова или Неемiи—Библескій Рогель. Онъ служилъ границей колѣнъ Іуды и Веніамина, упоминается въ исторіи Авессалома и здѣсь же сынъ Давида Адонія собиралъ своихъ приверженцевъ для совѣщаній, намѣреваясь свергнуть съ престола Соломона. (III кн. Цар. I, 9).

кружится отъ жары; во рту и въ горлѣ страшно пересыхаетъ. Захваченный въ бутылкахъ чай давно уже весь выпитъ. Черезъ два часа пути узкая тропа съ лѣваго берега Кедрона переходитъ на правый, пересѣкая его ложе, усыпанное острымъ щебнемъ. Мы минуемъ кладбище бедуинскаго племени Абдіехъ, на которомъ виднѣется желтая «уэли» магометанскаго шейха Мессіефа. Разноцвѣтныя тряпочки, масса верблюжьихъ костей, цѣлыя кучи черепковъ окружаютъ его могилу; все это дары — приношенія арабовъ своему высокочтимому патрону. Черезъ четверть часа, насъ уже встрѣтили черные шатры кочующаго здѣсь племени, стада козъ и овецъ, перемѣшанныя съ цѣлыми выводками черномазой, полунагой дѣтворы, привѣтствовавшей дикимъ крикомъ наше появленіе. Не прошло и минуты, какъ караванъ нашъ былъ уже атакованъ веселой стаей назойливыхъ мальчишекъ, далеко недружелюбно цѣплявшихся за стремена, сѣдла и пестрыя уздечки ословъ, — утомленныхъ и съ трудомъ волочившихъ ноги. Волей не-волей приходится остановиться на четверть часа, чтобы дать передохнуть измученнымъ животнымъ. Несмотря на то, что кочевье стоитъ около такъ назыв. «Солнечнаго Колодца»—цистерны Биръ-эль-Кемшъ и воды въ ней много, пить ее могутъ только всевыносящіе верблюды, не рискуя издохнуть отъ массы піявокъ, присасывающихся къ деснамъ к горлу. Мой пріятель въ отчаяніи: подъ нимъ почти ложится изнемогшій оселъ, а задорные мальчуганы нагло теребятъ животное за уши, дергаютъ за узду, назойливо предлагая бѣдному сѣдоку, непремѣнно купить у нихъ какія-то «антики»—«Послушайте, кавасъ, горячится коллега, — уберите отъ меня эту мелюзгу! Гдѣ это видано, чтобы мальчишки висли на ногахъ путешественниковъ? Вѣдь этакъ они меня раздѣнутъ!»

— Eh bien au galop! Vite! Vite! берите примѣръ съ меня, — пробуетъ утѣшить его весельчакъ докторъ.

— Неугодно ли?! Подо мной калѣчъ какая-то, а онъ еще иронизируетъ!..

Наше присутствіе въ станѣ арабовъ привлекаетъ все болѣе и болѣе любопытныхъ... Изъ черныхъ палатокъ-шатровъ вылѣзаютъ оборванныя женщины; грязныя старухи, шамкая беззубымъ ртомъ, начинаютъ какъ-то особенно жестикулировать костлявыми пальцами. Гортанный перекрестный разговоръ арабокъ становится все болѣе подозрительнымъ — мнѣ начинаетъ казаться, что впереди намъ подготовляютъ засаду. Я говорю объ этомъ кавасу—старый Халилъ молча снимаетъ винтовку и, осмотрѣвъ пистонъ, перебрасываетъ ее на руку. Константинъ—погонщикъ беретъ подъ уздцы бѣднаго ослика и мы трогаемся снова въ дорогу.

Перебѣжавъ на правый берегъ Кедрона, каменистая тропа сразу начинаетъ подниматься на высоту, ползетъ по узкимъ, обрывистымъ кручамъ. Сѣрые массивы Іудейскихъ горъ, сдвигаясь все ближе и ближе, образуютъ

наконецъ исполинское ущелье, дикое, таинственное, угрюмо-безжизненное... Гигантскія скалы кремнистымъ изломомъ свисаютъ надъ страшной бездной «Юдоли Плача»—той угрюмой долины грядущаго суда мертвыхъ, откуда по сказаніямъ Библіи, возстанутъ они въ послѣдній день міра. Нельзя представить себѣ ничего ужаснѣе этихъ каменистыхъ дебрей пустыни, хмурыхъ, затушеванныхъ тѣнями исполинскихъ разсѣлинъ и пропастей, куда сбѣгаютъ зимой мутныя воды Кедрона. Все тѣснѣе сдвигаются обрывистыя стѣны ущелья, все величественнѣе становится колоритъ суровыхъ безжизненныхъ скалъ испещренныхъ темными пятнами глубокихъ впадинъ. Все это кельи—пещеры, источенныя въ неприступной толщѣ утесовъ громадъ, забытые ульи трудолюбивыхъ отшельниковъ давно исчезнувшей, вымершей лавры. Кто знакомъ съ пещерными городами Крыма, кому случалось побывать въ Аккерманѣ—тотъ можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о грандіозныхъ сооруженіяхъ древнихъ. Какъ орлиныя гнѣзда, занесенныя на горную высоту, встаютъ предъ нами безчисленныя пещеры-могилы, въ которыхъ аскетическій умъ отшельника въ подавляющемъ безмолвіи пустыни находилъ желанное успокоеніе, вдали отъ «міра суеты» и его жизнерадостныхъ наслажденій. И дѣйствительно, во всей Палестинѣ едва ли можно найти другое мѣсто болѣе дикое и неприступное, аскетически-суровое и гордо-величественное... Даже пустынные берега Мертваго моря, съ его полуразрушенными, нѣкогда славными обителями, лавры Ферранской, скитовъ Герасима, Іоанна Предтечи, Ѳеодосія, Богоматери и многихъ другихъ, безслѣдно исчезнувшихъ подъ грудами мусора, не могутъ сравниться съ этимъ поразительнымъ аскетическимъ монастыремъ, возникшимъ пятнадцать столѣтій тому назадъ по волѣ непреклоннаго всевыносящаго человѣка.

Въ V вѣкѣ по Р. Х. уроженецъ Каппадокіи восьмилѣтній ребенокъ, впослѣдствіи великій подвижникъ Савва, покидаетъ родину для страстныхъ поисковъ уединенія. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ посѣтилъ уже множество обителей и нигдѣ не нашелъ подходящаго мѣста для излюбленнаго отрѣшенія отъ міра. Страстный сынъ своей эпохи, жаждущій подвига инокъ-аскетъ набрелъ наконецъ на ущелье Вади—Кедрона вблизи Іерусалима и, среди подавляющей, мертвой пустыни, на непреступной высотѣ, какъ раненый орелъ, свилъ свое гнѣздо въ пещерѣ, уступленной ему, по преданію, львицей *). Ничто не мѣшало здѣсь его молитвѣ. Суровый, давящій коло-

*) Св. Савва основатель монастыря родился около 439 г., основалъ свой монастырь въ 483 г. и въ немъ же скончался на 93 году жизни. Вѣроятно онъ нашелъ

ритъ безстрастной природы, темныя бездны зловѣщихъ тѣснинъ, камни и верескъ, ни травки, ни кустика... Массивной стѣной встали съ сѣвера неприступныя горы—твердыни, заслонивъ собой «городъ первосвященниковъ», городъ борьбы, зависти и раздоровъ отъ его вдохновеннаго взора...

Только къ югу сквозили въ глубокой каменной чашѣ—тусклая, какъ свинцемъ налитая гладь „Лотова моря", да золотистая ширь безконечной пустыни, раскаленной, безжизненной, всегда наполненной удушливыми испареніями. Чуждый міру отшельникъ основалъ здѣсь пріютъ неустанной борьбы человѣческихъ страстей съ могучею силой аскетическаго духа. Вскорѣ слава великаго подвижника собрала вокругъ него цѣлое воинство такихъ же борцовъ-анахоретовъ, высѣкавшихъ себѣ пещеры подлѣ кельи своего наставника. Возникъ цѣлый монастырь, но съ нимъ вмѣстѣ возникли между иноками раздоры, скоро заставившіе самого основателя покинуть излюбленный пріютъ былой тишины и уединенія. Но тщетно скитался Савва по бѣлу свѣту...—Неизъяснимая тоска влекла его снова въ покинутую обитель, въ дикія неприступныя ущелья Кедрона. Измученный постоянными распрями многочисленной братіи, онъ рѣшилъ наконецъ поставить имъ особаго настоятеля въ лицѣ своего друга Ѳеодосія—тоже знаменитаго подвижника, создавшаго въ пустыняхъ Іордана нѣкогда богатую Лавру, отъ которой теперь не осталось уже камня на камнѣ... Странно, что чѣмъ дальше распространялась слава «Маръ-Сабы», чѣмъ больше стекалось иноковъ въ эту горную обитель—тѣмъ сильнѣе ея основатель испытывалъ жажду уединенія и какъ суровый аскетъ скоро сдѣлался въ ней затворникомъ. Онъ удалился въ выбранную имъ первоначально пещеру, выстроивъ подлѣ нея небольшую церковь и только два раза выходилъ изъ своего затворничества. Во главѣ нѣсколькихъ тысячъ монаховъ онъ вдругъ явился въ Іерусалимъ на знаменитый соборъ—какъ страстный обличитель „ереси Монофизитовъ". Позднѣе, въ царствованіе Юстиніана, онъ отправился еще въ Царь-Градъ по дѣламъ церкви и эта поѣздка была великимъ торжествомъ для Саввы. Встрѣченный съ почестями, обласканный императоромъ, онъ вернулся съ богатыми дарами, собранными для постройки любимой Лавры. Но судьба не привела его дождаться осуществленія задуманнаго плана,—онъ скончался въ своей убогой пещерѣ въ 532 г. и большая часть современныхъ монастырскихъ зданій значительно позднѣйшаго происхожденія.

здѣсь нѣсколько пещеръ еще библейской древности, т. к. вся мѣстность между Іерихономъ и Виѳлеемомъ изобиловала такими пещерами, выдолбленными въ скалахъ и служившими для разныхъ цѣлей, начиная отъ загона скота и кончая усыпальницами.

Послѣднія три версты пути подъ самымъ монастыремъ представляютъ особенную трудность подъема. Каменистая тропа бѣжитъ по такой головокружительной кручѣ, что непривычному человѣку дѣлается дурно отъ одного взгляда въ бездонные провалы Вади-Кедрона. Впрочемъ, подъемъ этотъ сравнительно улучшенъ: патріархъ Кириллъ расширилъ дорогу, вырубивъ часть скалы, и огородилъ обрывы со стороны пропасти каменной балюстрадой.—Усталые, потные ослики наши едва передвигаютъ ноги. Съ коллегой археологомъ приключилась оказія: балансируя на сѣдлѣ, онъ стеръ ослу спину до крови и несчастное животное пришлось оставить отдышаться въ одной изъ пещеръ, коллегѣ пересѣсть на ослика Константина, а бѣдному погонщику сопровождать насъ на собственныхъ подошвахъ.

— Voila un cavalier! — иронизируетъ докторъ. Et il voulait encore s'emparer de mon âne!

Еще два, три подъема—и вдругъ предъ нами на голубомъ фонѣ знойнаго неба ярко выдѣлилась зубчатая гряда ослѣпительно-желтыхъ стѣнъ, возведенныхъ со дна каменистаго ущелья. Четырехъугольныя башни глядятъ сторожевыми маяками на это море камней, на хаотическую громаду столпившихся вокругъ нихъ скалъ, утесовъ, плоскихъ кровель, какъ будто наросшихъ слоями, на сѣрую толщу природной гигантской скалы, глубоко ушедшей подножіемъ въ пропасть. Обитель Маръ-Сабы производитъ впечатлѣніе хмурой, таинственной крѣпости — замка безмолвія, такъ дикъ и пустыненъ окрестный пейзажъ, такъ мертвенно выглядитъ сама обитель. Въ поразительной тишинѣ застыли подъ палящими лучами солнца гладко отполированныя стѣны, съ темными амбразурами едва примѣтныхъ оконъ-бойницъ. Они глядятъ на васъ издали тускло и непривѣтливо, и вамъ невольно становится жутко отъ этого безстрастнаго взгляда. Вамъ начинаетъ казаться, что эти циклопическіе ярусы — этажи строеній, поднимаясь со дна ущелья, гигантскими усиліями взгромождены другъ на друга, и не будь вокругъ нихъ исполинскихъ подпоръ - контрофорсовъ — всѣ эти желтыя стѣны, террасы, башенки съ куполами сразу осыпались бы внизъ по отвѣсной кручѣ... Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ оригинальному монастырю, прилѣпившему свои кельи, какъ гнѣзда стрижей, къ горнымъ обрывамъ— тѣмъ труднѣе разобраться въ его хаотическомъ лабиринтѣ построекъ. На сплошномъ желтомъ фонѣ глазъ съ трудомъ различаетъ рядъ каменныхъ лѣстницъ-уступовъ, кровель-террасъ, безконечныхъ наслоеній жилья, какъ будто нараставшаго постепенно, безъ всякаго плана и системы по мѣрѣ надобности. Галлерейки, дерзко переброшенныя съ уступа къ уступу, висятъ надъ проваломъ Кедрона, а еще выше надъ ними лѣпятся крохотные балкончики. Трудно повѣрить, что вся эта масса строеній ютится на пространствѣ какихъ-нибудь 400 кв. с. не болѣе, и только искусственно—без-

конечными спусками увеличивая площадь постройки. Высокая четырехгранная башня, построенная византійской императрицей Евдокіей, занимаетъ вершину горнаго кряжа. Она служитъ сторожевымъ маякомъ, съ котораго иноки донынѣ бросаютъ прикочевывающимъ сюда племенамъ (не разъ осаждавшимъ обитель Саввы) хлѣбы и овощи, какъ установленныя «дани» за ихъ миролюбіе.

Зубчатый поясъ ограды тянется непрерывною цѣпью, спускается съ вершины въ ущелье. Только объѣхавъ двѣ ея трети, мы замѣчаетъ крохотную желѣзную калитку, затерянную какъ будто въ сторонѣ отъ горной тропинки, ведущей изъ Іерусалима. Въ саженяхъ двухъ надъ нею, въ стѣнѣ, узкій прорѣзъ бойницы. Еще въ началѣ текущаго столѣтія, монахи спускали отсюда корзину на длинной веревкѣ, куда всякій паломникъ долженъ былъ предварительно положить патріаршій пропускъ. Только тогда иноки подымали его на вершину стѣны, и онъ переступалъ за порогъ неприступной твердыни *). Подъѣхавъ къ ея крохотной желѣзной дверцѣ, мы радостно спѣшились. Кавасъ Халилъ скинулъ берданку и вдругъ выстрѣлилъ по направленію къ ущелью. Гулкое эхо раскатами повторило трескучій выстрѣлъ, а сухой ударъ его нѣсколько разъ отозвался глухо и протяжно въ далекихъ ущельяхъ Вади-эль-Кельта... И снова все смолкло. Попрежнему безмолвно стоитъ неприступная громада, еще сильнѣе усугубляя тишину своимъ зловѣщимъ молчаніемъ. Какъ-то жутко становится на душѣ въ этой непривычной обстановкѣ. Даже милѣйшій докторъ, всегда беззаботный и жизнерадостный, хмурится и не куритъ, изнемогая отъ непривычной жары подъ своимъ полотнянымъ зонтикомъ. Мы съ почтеннымъ коллегой обливаемся потомъ. Только неизмѣнно ко всему радушный Константинъ, несмотря на прогулку пѣшкомъ по раскаленнымъ плитамъ, попрежнему добродушно улыбается, пріютившись съ своими ослами въ скудной тѣни, слабо отбрасываемой отвѣсной стѣною. Нѣсколько минутъ проходитъ въ томительномъ ожиданіи. Старый Халилъ видимо начинаетъ терять терпѣніе. Его разморило жарой, хочется отдохнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ жаль выпускать даромъ второй зарядъ для оповѣщенія иноковъ. Онъ что-то говоритъ по-арабски Константину и тотъ, нехотя приподнявшись, надуваетъ щеки пузыремъ, и вдругъ издаетъ пронзительный свистъ, отъ котораго бѣдные ослы приходятъ въ изумительное неистовство. Только послѣ совмѣстнаго

---

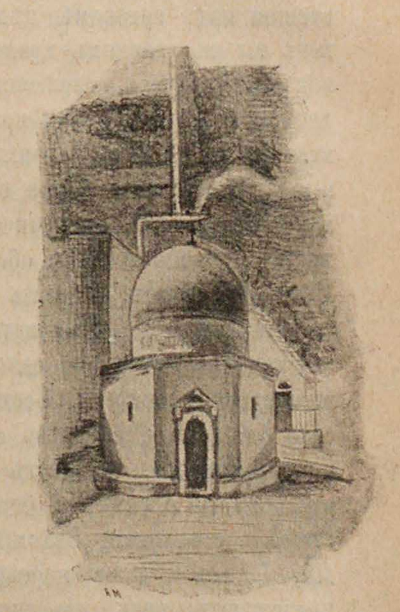
*) Процедура подъема дѣлалась изъ опасенія нападеній арабовъ, обыкновенно подстерегавшихъ въ засадѣ паломниковъ, посѣщавшихъ Маръ-Сабу. Не разъ хищная шайка врывалась вслѣдъ за мирными посѣтителями, едва довѣрчивые иноки открывали засовы желѣзной двери и монастырь подвергался разграбленію. Еще сравнительно недавно бедуины осаждали лавру, и прекративъ всякій подвозъ припасовъ— держали ее по мѣсяцамъ безъ провіанта.

ихъ рева, въ узкій прорѣзъ окна просовывается чья-то голова въ черной шапочкѣ-камилавкѣ.

— Eh! Le voila! «батюска»! радостно указываетъ на монаха милѣйшій докторъ, любящій щегольнуть своимъ умѣньемъ изъясняется по-русски. Замѣтивъ сверкающій камзолъ патріаршаго каваса, инокъ быстро скрывается... Еще двѣ, три минуты томительнаго ожиданія, и вдругъ гдѣ-то въ вышинѣ надъ нами дрогнулъ протяженый ударъ незримаго колокола... второй, третій... Такъ по обычаю монастыря, торжественнымъ звономъ извѣщалась братія о прибытіи постороннихъ. Колоколъ смолкъ и только тогда донеслись до насъ поспѣшные шаги изнутри каменной ограды. Лязгая и звеня, заскрипѣлъ ключъ въ желѣзномъ замкѣ, загремѣли болты и засовы и кованая тяжелая калитка съ визгомъ отворилась на ржавыхъ петляхъ. Насъ впустили въ ограду; погонщикъ Константинъ слѣдомъ за нами ввелъ измученныхъ осликовъ. Привратникъ монахъ поспѣшно заперъ за нимъ маленькую дверку. Мы очутились на небольшомъ дворикѣ предъ второй оградой. Константинъ остался здѣсь со своими животными, мы же прошли чрезъ воротца во внутренній дворъ, гдѣ Халилъ подошелъ подъ благословеніе къ почтенному старцу-настоятелю. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, намъ предложили отдохнуть въ фондарикѣ. Коллега и докторъ тотчасъ же отправились за отцомъ экономомъ; я послѣдовалъ за ними по безконечнымъ лѣсенкамъ и спускамъ, сперва внизъ, а потомъ на верхъ по темному лабиринту переходовъ во второй этажъ большой монастырской пріемной. Окна въ ней завѣшаны коврами, чѣмъ достигается относительная прохлада. Вдоль стѣнъ тянутся непрерывные, широкіе диваны съ мягкими тахтами-подушками. Мнѣ бросилась въ глаза какая-то странная ниша въ задней стѣнѣ отведеннаго намъ помѣщенія, оказавшаяся большимъ окномъ, прорубленнымъ прямо въ церковь. Пока Халилъ выгружалъ изъ саквъ неизмѣнные консервы, намъ подали русскій самоваръ и на скромномъ деревянномъ подносѣ, цѣлую тарелку сухихъ маслинъ и оливокъ. Это все, что могла предложить намъ обитель, питающаяся крохами хлѣба, риса да изюма — еженедѣльно получающая изъ патріархіи эти скудные припасы. Какъ-то совѣстно было ѣсть сардины, омары и прочія закуски, разложенныя услужливымъ кавасомъ въ этой безмятежной обители вѣчнаго поста, постоянныхъ лишеній и аскетическаго подвижничества. Измученные жарой, мы съ наслажденіемъ напились чаю и углеглись отдохнуть на диванахъ въ прохладномъ сумракѣ фондарика, чтобы затѣмъ приступить къ осмотру лаврскихъ достопримѣчательностей.

Въ самомъ центрѣ небольшаго дворика, вымощеннаго мраморомъ, высится крохотная церковь преп. Саввы. Она имѣетъ видъ часовни шестигранной формы подъ каменнымъ куполомъ, съ узкимъ входомъ и тонкими

прорѣзами оконъ. Сопровождавшій насъ инокъ указалъ мнѣ мраморную плиту—опустѣвшее ложе, гдѣ покоились мощи Преподобнаго Саввы до взятія ихъ въ Венецію крестоносцами.—Плита эта служитъ теперь престоломъ. Въ сѣрыхъ квадратахъ каменнаго пола виднѣется желѣзное кольцо,—это дверь ведущая въ подземелье обширной братской усыпальницы. Другая церковь монастыря, во имя Николая Чудотворца, по преданію, изсѣчена самимъ Саввой; стѣны ея вытесаны въ толщѣ природной скалы и только мѣстами оштукатурены. Рядомъ съ иконами стариннаго письма, на нихъ изображены картины историческихъ моментовъ обители, въ томъ числѣ и ужасное избіеніе 14 тысячъ иноковъ въ VII вѣкѣ персидскимъ царемъ Хозроемъ II. Нечего и говорить какой глубокій интересъ представляютъ эти археологическія сокровища тѣмъ болѣе, что примитивность живописи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ ихъ древнѣйшемъ происхожденіи *). Въ этой же пещерѣ вдоль стѣнъ, сложены за рѣшеткой, безчисленными рядами почти до потолка черепа погибшихъ мучениковъ, тщательно сберегаемые отъ расхищенія. Черепа эти удивительно малы объемомъ, какъ будто дѣтскіе, кость сильно потемнѣла, и на нѣкоторыхъ дала трещины. Эта груда человѣческихъ головъ производитъ удручающее впечатлѣніе. Насъ повели отсюда длиннымъ коридоромъ къ третьей монастырской церкви, посвященной памяти жившаго здѣсь въ VIII вѣкѣ знаменитаго псалмопѣвца Іоанна Дамаскина. Монахъ—келарь и коллега-археологъ принялись изслѣдовать древній иконостасъ, весь почернѣвшій, съ едва распознаваемыми абрисами ликъ, а мы съ докторомъ заинтересовались отверстіемъ въ полу, прикрытымъ металлической рѣшеткой. Какъ оказалось, это былъ спускъ въ нижнюю пещеру, служившую по преданіямъ обители, мѣстомъ молитвы Іоанну Дамаскину, любившему въ ней уединяться. Снова цѣлый ярусъ лѣстницъ, галлерей, переходовъ, лишающихъ посѣтителя всякой возможности оріентироваться—и монахъ провод-



Усыпальница св. Саввы.

*) Темныя, изможденныя фигуры иноковъ изображены съ поднятыми къ небу руками, безъ всякаго соблюденія перспективы, правильности формъ и пропорціональности частей тѣла. Одни выглядываютъ изъ своихъ пещеръ, другіе лежатъ распростертыми, третьихъ поражаютъ мечами и копьями сарацинскіе всадники. И несмотря на неумѣлость письма, картины эти производятъ потрясающее впечатлѣніе.

никъ вводитъ насъ въ крохотную пещеру основателя монастыря; въ ней любопытны ниша, служившая Саввѣ алтаремъ, и три окошечка, прорубленныя надъ бездной Кедрона въ сѣрой шероховатой толщѣ базальта. Яркіе брызги солнечныхъ лучей — искоса пробиваются въ эту темную пазуху горы, освѣщая ее причудливыми пятнами. За пещеркой видна другая — въ которой, кромѣ мозаичнаго пола, нечего осматривать. Здѣсь же рядомъ вамъ укажутъ и «логово льва», съ которымъ, по преданію, около пяти лѣтъ вмѣстѣ прожилъ св. подвижникъ.

Опять полутемный лабиринтъ узкаго корридора, сквозная галлерея, нависшая надъ потокомъ, цѣлая осыпь покатыхъ ступеней и площадокъ — и вотъ вы въ главномъ храмѣ обители. Встрѣтившій насъ игуменъ показалъ подлинныя стѣны, сложенныя Преп. Саввой—южную и сѣверную. Современная церковь устлана мраморными плитами, напоминаетъ длинный нефъ византійскаго стиля, украшенный фресками. Видимо недавно реставрированные лики святыхъ, почти въ натуральную величину, глядятъ на насъ со всѣхъ стѣнъ строго-аскетическимъ взоромъ. Схимники въ мантіяхъ, столпники, пустынножители обступаютъ таинственной толпой вдохновеннаго Предтечу. Трудно передать всю силу впечатлѣнія, которую выноситъ отсюда паломникъ... Его чистая, дѣтски наивная душа проникается невыразимымъ трепетомъ при одномъ взглядѣ на строгія лица изможденныхъ подвижниковъ древности. Несмотря на однородность письма и большое сходство физіономій, вѣроятно созданныхъ кистью одного и того же художника—настоятѣль назоветъ вамъ по имени почти каждаго изъ этихъ сѣдыхъ старцевъ съ огромными бородами, ниспадающими до колѣнъ. Даніилъ и Симеонъ столпники, Пахомій, Антоній, Павелъ, Евфимій, Ксенофонтъ, Аркадій, Іоаннъ и даже царевичъ Іосифъ — великіе ревнители православія провожаютъ васъ пламенными очами. Древнія иконы съ потускнѣвшею живописью, съ остатками позолоты, попорченныя варварами завоевателями, занимаютъ свободные отъ живописи простѣнки. Старинныя, залоснившіяся отъ употребленія ниши—сидѣнья для монахомъ тянутся вдоль стѣнъ, придавая храму видъ какого-то древняго, грознаго судилища далекой, средневѣковой эпохи *). Настоятель пригласилъ насъ утомленныхъ переходами по безконечнымъ террасамъ монастыря отдохнуть въ этихъ креслахъ. Завязалась бесѣда, полугреческая, полуфранцузская, такъ какъ говорили на обоихъ языкахъ, одинаково коверкая оба — мы по-гречески, а архимандритъ по французски. Замѣтивъ, что я набрасываю въ дневникъ свои впечатлѣ-

*) Въ алтарѣ этого храма сохраняются въ серебряномъ ковчегѣ черепа Св. Ксенофонта и его дѣтей, Аркадія и Іоанна, а также часть мощей Св. Іоанна Дамаскина.

нія-настоятель поспѣшилъ вручить мнѣ русскую брошюру о Саввинскомъ монастырѣ, обыкновенно даримую поклонникамъ.

Историческія судьбы обители—тяжелы и превратны...

Много разъ послѣ кончины своего основателя, лавра освященнаго Саввы падала и вновь возраждалась. Ни высокія стѣны, ни башни, построенныя Юстиніаномъ, не спасали ее отъ разоренія. Погромъ Хозроя, избившаго 14 тысячъ иноковъ, не только привелъ къ полному запустѣнію монастырь, но онъ же изгналъ изъ сосѣднихъ пещеръ пустынножителей, разоривъ и древніе киновіи Іорданскаго побережья. Обитель, возродившаяся при императорѣ Иракліи въ 1104 г., была вновь опустошена сарацинами. Рыцарство крестовыхъ походовъ передало лавру въ руки грековъ, но жестокія преслѣдованія арабовъ въ XVI столѣтіи почти разогнали изъ нея всѣхъ монаховъ. Попытки къ возстановленію монастыря дѣлали сербы, воздвигши третью башню для отраженія бедуиновъ, но иноки снова принуждены были спасаться бѣгствомъ отъ фанатическихъ племенъ дикихъ кочевниковъ, державшихъ въ осадѣ по мѣсяцамъ древнюю Маръ-Сабу. Лишь съ восшествіемъ на патріаршій престолъ энергичнаго Досиѳея, началось новое возрожденіе разоренной лавры. Онъ сумѣлъ примирить враждующіе элементы въ средѣ кочевниковъ, и благодаря щедрой благотворительности, уговорилъ четыре племени бедуиновъ взять на себя защиту обители. Досиѳеемъ подняты крѣпостныя стѣны, реставрирована церьковь Благовѣщенія, поновлены пещеры и придѣлы. Страстный любитель древнихъ книгъ, патріархъ этотъ занимался собираніемъ старинныхъ рукописей и манускриптовъ, образовавшихъ впослѣдствіи богатую монастырскую библіотеку, Книгохранилищемъ служила Юстиніанова башня, но въ 1888 году патріархія по не извѣстнымъ причинамъ перевела библіотеку въ Іерусалимъ. Въ послѣдній разъ монастырь былъ обновленъ русскими въ 1842 г., и съ тѣхъ поръ служитъ любимымъ мѣстомъ, куда стремятся православные паломники, и гдѣ дѣйствительно они видятъ великій подвигъ смиренія, поста и молитвы.

Вечеромъ, почти на закатѣ солнца, спустились мы по обрывамъ и безконечнымъ террасамъ на самое дно Кедрона. На одномъ изъ уступовъ, изъ темной, влажной трещины бьетъ въ скалѣ источникъ, найденный Преп. Саввой въ тяжелую годину засухи*). Спускомъ ниже, разбитъ крохот-

*) Преданіе говоритъ, что горная коза указала подвижнику мѣсто источника. Она долго била копытомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь единственный водоемъ, изъ котораго пьетъ все населеніе лавры.

ный огородецъ, для котораго издалека таскали землю въ корзинахъ трудолюбивые монахи. Нѣсколько грядъ бобовъ, чахлыхъ помидоровъ и кое-какихъ овощей, составляютъ предметъ гордости и заботъ немногочисленной братіи. Вправо, ярусомъ выше, въ разсѣлинѣ темныхъ камней, поднимается прекрасная пальма, посаженная 15 вѣковъ тому назадъ основателемъ лавры. Ея зеленая крона пышнымъ букетомъ высится надъ грудой раскаленныхъ камней, какъ эмблема жизни въ царствѣ смерти и запустѣнія. Поразительно, что корни ея какъ будто вросли въ толщу скалы, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго слѣда ни земли, ни искусственнаго удобренія. Сопровождавшій насъ инокъ—келарь увѣрялъ, что пальма питается водой, стекающей внизъ къ ея корнямъ изъ небольшой пещеры на верху вблизи источника, гдѣ монахи моютъ бѣлье, вырубивъ прямо въ камнѣ глубокія корыта. Но какъ бы то ни было — живучесть этого «священнаго древа пустыни» *) невольно поражаетъ даже скептика нашихъ дней, тѣмъ болѣе, что древность ея—при колоссальномъ размѣрѣ ствола и толщинѣ его, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Дубъ Маврійскій, маслины Геѳсиманіи и пальма Саввы смѣло могутъ быть названы «ветеранами природы». Послѣднюю достопримѣчательность монастыря составляетъ четырехгранная башня, служившая нѣкогда кельей знаменитому Іоанну Дамаскину. Онъ устроилъ ее въ одномъ изъ ярусовъ этой многовѣковой твердыни, подъ библіотекой, хранившей излюбленныя имъ рукописи. Въ ней сооруженъ теперь придѣлъ во имя Предтечи. Когда взбираешься по узкимъ ступенькамъ этого полутемнаго каменнаго улья, мысль ваша будитъ невольно величавый образъ

Нижняя площадка, часть стѣнъ и пальма св. Саввы.

*) Пальма Св. Саввы служитъ предметомъ особеннаго почитанія туземокъ-арабокъ, приходящихъ молиться къ ней при безчадіи.

пѣвца, столь претерпѣвшаго за вѣрность православію, вынесшаго на своихъ плечахъ всю тяжесть гоненій иконоборства. Преслѣдуемый императоромъ Львомъ Исавріяниномъ, гонимый ненавистью суетнаго міра, усталый борецъ тщетно ищетъ покоя—пріюта въ обители Саввы. И въ монастырской средѣ находится угнетатель, карающій его вдохновенную пѣснь, его поэтическіе порывы *). И смиренный пѣвецъ покоряется благочестивому недомыслію—такова видно судьба поэта во всѣ эпохи... За стѣнами монастыря нѣсколько поодаль стоитъ еще другая башня. Она предназначена была для паломницъ, желавшихъ хоть издали взглянуть на удивительную обитель, порога котораго, по строгому завѣту ея основателя, слишкомъ 15 столѣтій не переступала нога женщины. Спасавшаяся въ одной изъ пещеръ за кедрономъ мать Саввы, долго молила сына дать ей умереть подлѣ него, но суровый аскетъ ни для кого въ мірѣ не пожелалъ сдѣлать исключенія... Тѣло ея было погребено въ знаменитой лаврѣ Θеодосія, гдѣ нѣкогда спасалась Св. Евдокія, княжна полоцкая. Къ этой башнѣ не разъ въ годины голода прикочевывали бедуины, со слезами вымаливая хлѣба— и братія всегда дѣлилась съ ними своими скудными запасами, твердо исполняя завѣтъ своего основателя.

Утомленные осмотромъ, мы вернулись въ фондарикъ, гдѣ ожидалъ насъ радушный настоятель, предложившій раздѣлить съ нимъ скромную трапезу. Насъ провели въ длинную горницу по узкой воздушной галлереѣ, въ пролеты которой виднѣется далекая окрестность. На одной изъ ея арокъ, мнѣ бросилась въ глаза старинная чугунная доска-било, которая болѣе двухсотъ лѣтъ сзываетъ въ урочные часы братію. Протяжный густой тонъ этого «восточнаго колокола» производитъ необыкновенное впечатлѣніе— такъ безстрастенъ, суровъ этотъ звонъ аскетической лавры-могилы. Разнесенный эхомъ по горному ущелью—онъ сбираетъ, какъ мнѣ передавали, лисицъ и шакаловъ со всей окрестности, приходящихъ къ монастырю за подачкой. Но еще болѣе интересна стая птицъ, прирученныхъ монахами: грачи и сивоворонки вьютъ свои гнѣзда въ опустѣлыхъ пещерахъ противуположнаго скалистаго берега Кедрона—слетаясь на зовъ иноковъ, у которыхъ они изъ рукъ клюютъ хлѣбъ и зерна. При мнѣ старый грачъ сидѣлъ на плечѣ о. келаря. Въ трапезной мы застали человѣкъ двадцать, не болѣе, большинство братіи—старцы почти уже не покидаютъ своихъ келій-затворовъ. Иноки садятся въ глубокомъ молчаніи и пока служки разносятъ на деревянныхъ тарелкахъ скудный ужинъ—ломти одеревянѣлаго

*) Преданіе говоритъ, что отданный подъ начало одному изъ старцевъ, Дамаскинъ подвергался частымъ эпитимьямъ. Его то посылали на родину въ Дамаскъ продавать убогія издѣлія обители, то запрещали слагать вдохновенные псалмы, поручая за ослушаніе самую грязную и трудную монастырскую работу.

отъ жары хлѣба, горсть маслинъ или крошечную чашечку рисовой жижи, именуемой здѣсь супомъ,—одинъ изъ братіи все время читаетъ молитвы. Затѣмъ всѣ встаютъ и присоединяются къ молящемуся. Когда подумаешь, что служба идетъ здѣсь цѣлыя сутки, что инокъ не спитъ болѣе трехъ часовъ ночью, вѣчно постится, а въ свободныя минуты успѣваетъ еще нести послушаніе, т. е. работаетъ,—рѣжетъ ложки, точитъ образки и крестики, заготовляетъ на себя необходимую обувь и платье, то даже жутко становится при сознаніи, сколько въ силахъ вынести человѣкъ, проникнутый вѣрой и жаждой подвига. Недаромъ, не только въ Палестинѣ, но и далеко за ея предѣлами аскетическая обитель освященнаго Саввы стяжала всемірную извѣстность. Чуждые суетѣ міра, ея пустынножители чужды и темнымъ порокамъ разъѣдающимъ большинство монастырей всѣхъ странъ, не исключая даже Аѳона. Довольно взглянуть на братію «Маръ Сабы» (да еще пожалуй монастыря «Георгія Хозевита»), чтобы провести неизгладимую параллель между чистымъ, самоотверженнымъ анахоретомъ и тѣми, кто прикрываясь черною рясой стремится въ монастырскія стѣны, чтобы скрыть свое неудачное прошлое, или попытать новаго счастья т.-е. сдѣлать карьеру. Даже постоянно враждующіе съ православнымъ духовенствомъ представители иностранныхъ вѣроисповѣданій, восторженно отзываются о монастырѣ Саввы освященнаго. Вмѣсто того, чтобы быть только мѣстомъ пріюта или гостиницей, какъ наша Кармель или Рамле, аскетическая община грековъ, говоритъ протестантъ Диксонъ *), служитъ центромъ идей, благотворенія и усовершенствованій для всей окрестности. Поселяне ищутъ въ немъ поддержки, кочевые бедуины относятся къ нему съ уваженіемъ. Живя среди мусульманскаго населенія, православные иноки сознаютъ что неудобно относиться къ мусульманамъ какъ къ собакамъ. Они находятъ тысячу путей для сближенія съ ними и для пріобрѣтенія ихъ довѣрія, тщательно избѣгая всего, что могло бы оскорбить ихъ религіозное самолюбіе. Они даютъ имъ лѣкарства во время болѣзней, дѣлаютъ перевязки, посильно дѣлятся хлѣбомъ насущнымъ, такъ что бѣдные арабы, хотя и слышатъ какъ ихъ благодѣтелей называютъ «гяурами», но въ душѣ сознаютъ ихъ доброту и милосердіе. Напрасно упрекаютъ православную общину что она слишкомъ мало оказываетъ религіознаго вліянія на туземцевъ—при постоянномъ возбужденіи партій, прямого религіознаго обученія быть не можетъ... Истинное христіанство состоитъ въ самой жизни, которую надо прожить сообразно духу ученія, а не въ однихъ только словахъ проповѣдника. Лучшую изъ всѣхъ проповѣдей составляетъ доброе дѣло, а въ этомъ отношеніи жизнь палестинскихъ иноковъ даетъ имъ возможность явиться въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, сравнительно съ

*) Вильямъ Диксонъ, „Св. Земля“, изд. 1869 г.

франками. Между тѣмъ главное помышленіе латинскаго монаха состоитъ въ томъ, чтобы лучше сохранить свои сундуки и кладовыя, свои одежды и лампады. Для этой великой цѣли—самоохраненія, стѣны латинскихъ монастырей строятся высоко и прочно; двери дѣлаются маленькія и крѣпкія, запоры и цѣпи исполняютъ обязанность мечей и копій. Несмотря на большія предосторожности, палестинскіе монастыри, все же подвергаются нападеніямъ и грабежамъ, однако менѣе всего—православные. Положительно можно сказать, что на монаха изъ «Маръ-Сабы», изъ Маръ-Эліасъ или монастыря Св. Креста, арабы смотрятъ какъ на одного изъ своихъ лучшихъ друзей.

Должно ли франкамъ сожалѣть объ этомъ преобладаніи православной церкви въ Сиріи и ставить ей преграды? Не думаю, чтобы это было благоразумно... Прежній страхъ встрѣтить въ каждомъ грекѣ приверженца Россіи долженъ прекратиться... Да притомъ не подъ сильнымъ ли вліяніемъ духа партій судили мы о нашихъ православныхъ братьяхъ? Они могутъ ошибаться во многомъ, носить не одинаковое платье и слѣдовать другому ученію—но все-таки останутся нашими братьями. Зачѣмъ же намъ противиться ихъ благосостоянію? Житель востока—греческій инокъ вступаетъ въ сношеніе съ такими же жителями востока. При этомъ каждая полоса земли, которую онъ пріобрѣтаетъ, каждый арабъ, котораго онъ къ себѣ привяжетъ, каждая олива, которую онъ посадитъ—не служатъ ли интересомъ той же церкви, символомъ которой поставлены—миръ и любовь между всѣми людьми-братьями?..

Такъ почти сорокъ лѣтъ тому назадъ мыслилъ и высказывался чуждый намъ иностранецъ, но къ сожалѣнію, даже въ средѣ самихъ православныхъ, его здравая рѣчь донынѣ остается мертвымъ, безжизненнымъ гласомъ «вопіющаго въ пустынѣ»...

Взаимные раздоры, постоянныя пререканія, и вѣчная борьба за гегемонію въ Палестинѣ, къ несчастію, стали характернымъ симптомомъ вражды православныхъ между собою, особенно за послѣдніе годы... И немного уже осталось теперь въ св. Землѣ такихъ тихихъ безмятежныхъ пріютовъ скромнаго, высоко-смиреннаго подвига—какъ «Маръ-Саба» въ которой недаромъ восторженный пѣвецъ покаянія такъ страстно хотѣлъ посвятить Богу «всѣ мышленія,

Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать
И думы дня и ночи бдѣнья,
И сердца каждое біенье,
И душу всю мою отдать".
. . . . *)

⁂

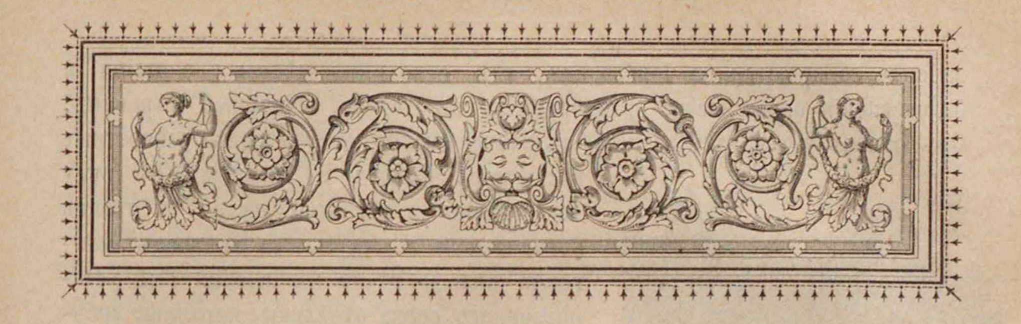
*) См. „Іоаннъ Дамаскинъ", поэма А. Толстого.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ.

II. Самарія и Галилея.

Джифна.—Ханъ-Лубенъ.—Наблузъ-Сихемъ.—Дженинъ.—Назаретъ.—Тиверіада.—Генисаретское озеро.—Ѳаворъ.—Себастія.—Іерусалимъ.



Глава I.

Отъѣздъ изъ Іерусалима.

Сборы въ дальнюю экскурсію. — Сформированіе каравана. — Стоимость поѣздки.—Необходимыя свѣдѣнія—предосторожности въ пути. — Неудачный маршрутъ, принятый для обычнаго осмотра памятниковъ Іудеи, Самаріи и Галилеи.

Обзоръ Палестины—этой исторической арены народовъ, священной колыбели трехъ міровыхъ религій, представляетъ глубокій интересъ. Умиленный поклонникъ, ученый изслѣдователь и любознательный туристъ, каждый найдутъ здѣсь обильный матеріалъ для своего сердца, ума и впечатлѣній. Ревностный католикъ и православный, даже скептикъ—протестантъ одинаково стремятся хотя разъ въ жизни посѣтить дорогія мѣста, еще съ дѣтства, со школьной скамьи рельефно выдѣленныя на пестромъ фонѣ исторической карты. Путешествіе въ Св. Землю съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней окружено ореоломъ подвижничества и этимъ рѣзко отличается отъ заурядныхъ скитаній «по бѣлу свѣту», хотя бы предпринимаемыхъ съ «научною» цѣлью. Вотъ почему къ такимъ центрамъ, какъ Іерусалимъ, тяготѣло всегда массовое движеніе. Но большинство путешествующихъ въ Палестинѣ, при обзорѣ ея святынь, историческихъ и религіозныхъ памятниковъ, ограничивается Іудеей. Самарія и Галилея посѣщаются не только туристами, но и паломниками, сравнительно рѣдко, въ виду дальности разстояній, трудности пути и дороговизны передвиженій. Для любознательнаго туриста, изслѣдователя старины или занятаго археологическими изысканіями ученаго, кромѣ обычныхъ преградъ найдутся еще и другія причины, заставляющія призадуматься надъ этой дальней поѣздкой. Осмотръ Самаріи и Галилеи для паломниковъ пріуроченъ къ опредѣленнымъ срокамъ, преимущественно весною. Богомольцы еще на родинѣ, чрезъ бывалыхъ ходоковъ, знакомятся съ этими исключительными условіями. Обыкновенно они

заранѣе собираются въ Іерусалимъ, гдѣ, осмотрѣвъ мѣстныя святыни и близлежащія окрестности, формируются въ одинъ обширный караванъ. Онъ отправляется въ Назаретъ къ Благовѣщенію, откуда болѣе ревностные посѣщаютъ Ѳаворъ и Тиверіаду. Въ виду дороговизны пути, консульство собираетъ богомольцевъ въ гурты, съ конвоемъ перегоняя ихъ до мѣста назначенія. Внѣ установленнаго срока отдѣльные караваны собираются рѣдко и неохотно. Въ лѣтніе мѣсяцы консульство иногда отправляетъ съ кавасами запоздалую партію на Іорданъ или въ Хевронъ, къ дубу Мамврійскому; но это случается лишь при значительномъ числѣ богомольцевъ. Вообще пребываніе въ Палестинѣ обходится далеко не дешево русскимъ пилигримамъ. За услуги состоящихъ при консульствѣ кавасовъ, при каждой отдаленной экскурсіи, взимается по 5 руб. за лошадь, не считая «бакшишей», завоевавшихъ на Востокѣ всѣ права гражданства. Конвой шейха посредника (о которомъ я упоминалъ уже при описаніи поѣздки на Мертвое море) обходится въ среднемъ отъ 8 — 12 франковъ. Цѣны эти настолько солидны, что простому паломнику — бѣдняку нельзя и мечтать о «самостоятельныхъ» осмотрахъ дорогихъ для него святынь и мѣстностей. Если же принять во вниманіе дальность разстоянія между такими пунктами, какъ Іерусалимъ — Назаретъ, Сихемъ — Тиверіада, Кармилъ—Ѳаворъ, то станетъ понятнымъ невозможность осмотра всѣхъ этихъ мѣстъ пѣшкомъ при ускоренныхъ переходахъ. Средства же передвиженія Палестины: мулъ, ослы, лошади — крайне дороги*). Понятно, что при скудныхъ денежныхъ ресурсахъ паломники и простолюдины въ большинствѣ случаевъ принуждены зачисляться въ караванъ, формируемый мѣстной администраціей, гдѣ уплата за конвой и кавасовъ распредѣляется на всю партію. Но предоставленный всецѣло собственнымъ способамъ передвиженія, т.-е. выносливымъ ногамъ — не болѣе, простодушный русакъ скоро утомляется на непривычномъ ему пути по каменистымъ тропамъ и совершенно ослабѣваетъ. Отсутствіе, какихъ бы то ни было, дешевыхъ способовъ переѣзда въ

Сѣдло.

*) Погонщики не берутъ за такую экскурсію менѣе 10 меджидіе (28—29 фр.), т.-е. около 10 руб. Сносный лошакъ стоитъ не мѣнѣе 35 фр., а лошадь нельзя нанять дешевле 43—44 фр., считая на теперешній курсъ по 35 коп.

Самарію и Галилею доставляетъ немало выгодъ іерусалимскимъ погонщикамъ, отдающимъ въ наемъ муловъ и осликовъ. При отправленіи каравана этотъ догадливый народъ нерѣдко гонитъ цѣлое стадо «запасныхъ» животныхъ, поджидая пока русскіе богомольцы, преимущественно женщины, поустанутъ и поотстанутъ. Измученныя ходьбой, онѣ volens-nolens приторговываютъ себѣ скотинку, и тогда то погонщики монополисты заламываютъ съ нихъ повышенную противъ Іерусалима цѣну *).

Впрочемъ, это довольно обычные пріемы не одного Востока. Надо сознаться, что и путешественникъ, самостоятельно обозрѣвающій отдаленныя мѣстности Палестины, едва-ли поставленъ въ лучшее положеніе. Во всякомъ случаѣ, стоимость осмотра Самаріи и Галилеи внѣ установленныхъ сроковъ и не съ паломническимъ караваномъ, обходится значительно дороже. Для археолога, этнографа или спеціалиста извѣстной научной отрасли обзоръ историческихъ реликвій Палестины почти немыслимъ и по другимъ соображеніямъ въ паломническомъ этапѣ.

Срочность маршрутовъ, стереотипность направленія, неуклоннаго и неизмѣннаго, кратковременность пребыванія въ интереснѣйшихъ мѣстахъ, при полной индифферентности вожаковъ ко всему, кромѣ церковныхъ святынь, заставляетъ его обособляться, организовать свой собственный маленькій караванъ, что сопряжено съ значительными трудностями. Благодаря удивительному недружелюбію русскихъ агентовъ ко всему русскому, паломнику-туристу, посѣщающему сѣверъ Палестины въ августѣ и сентябрѣ, консульство не даетъ кавасовъ. Мотивомъ служитъ будто-бы недостаточность штата служащихъ при постройкахъ, которыя въ эти мѣсяцы обыкновенно пустуютъ. Только любезное содѣйствіе турецкаго правительства, дающаго за плату коннаго жандарма — конвойнаго, въ видѣ охраны на всемъ протяженіи далекаго пути—облегчаетъ незавидное положеніе русскаго путешественника. Отсутствіе кавасовъ, какъ оффиціальныхъ блюстителей безопасности, при обзорѣ такихъ мѣстъ Палестины, какъ Сихемъ-Наблусъ, Самарія—Себастія или отдаленная Тиверіада—мѣстностей съ фанатическимъ населеніемъ, по меньшей мѣрѣ неблагоразумно-рискованно. Значеніе каваса на востокѣ, его вліяніе и престижъ среди туземцевъ—весьма сильны. Присутствіе его не только гарантируетъ васъ отъ нападеній, разбоя и грабежей, но и заставляетъ добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ кон-

---

*) Было бы разумнѣе предписать мѣстнымъ агентамъ заранѣе законтрактовывать животныхъ для большихъ партій поклонниковъ, назначая за нихъ минимальную цѣну, тѣмъ болѣе, что суммы на это легко собрать, взимая напр. по 20 коп. съ человѣка за обзоръ всѣхъ святынь Іудеи. Деньги эти могли бы быть употреблены спеціально на наемъ осликовъ слабымъ, престарѣлымъ паломникамъ обоего пола, неимѣющимъ средствъ на поѣздку въ Назаретъ и на Ѳаворъ.

войныхъ, драгомана и погонщиковъ. Туристу, незнакомому съ мѣстными нравами и обычаями, незнающему арабскаго языка, при отсутствіи каваса приходится быть въ полнѣйшей зависимости отъ нанятыхъ имъ людей, едва ли подлежащихъ серьезной отвѣтственности. Поэтому мѣстнымъ агентамъ слѣдовало-бы предписать не отпускать путешественниковъ иначе какъ съ кавасами, гарантируя обозрѣвателю Палестины какъ охрану, такъ и удобства въ дорогѣ.

Отсутствіе опытныхъ *драгомановъ* *) составляетъ также больное мѣсто палестинскихъ экскурсій. Консулъ не могъ указать намъ ни одного надежнаго проводника, хорошо знакомаго съ сѣверомъ. Если принять во вниманіе обширность обязанностей, падающихъ на него въ путешествіи— то немудрено, что мало найдется людей, подготовленныхъ къ этой сложной роли. Завѣдуя карананомъ, драгоманъ долженъ быть хорошо знакомъ съ мѣстностью, посѣщаемой туристомъ. Помимо научной подготовки, неизбѣжный для каждаго сноснаго чичеронѣ, онъ долженъ имѣть прочныя знакомства во всѣхъ главныхъ пунктахъ маршрута, чтобы обезпечить туристу ночлегъ и ужинъ. Расчетъ каждаго перегона долженъ быть точно согласованъ съ часами дня и ночи, наиболѣе благопріятствующихъ осмотру и научнымъ изслѣдованіямъ. Условія путешествія по Самаріи и Галилеѣ, при полной патріархальности быта и извѣстной замкнутости мѣстнаго населенія, требуютъ отъ главнаго проводника большой опытности, сноровки, находчивости и такта. Наряду съ восточной любезностью, временами необходима и внушительная суровость. Все это дается нелегко даже при навыкѣ и природномъ умѣ. При отсутствіи же этихъ качествъ у драгомана, путешественникъ подверженъ всевозможнымъ неожиданностямъ. Онъ не проникнетъ ни въ одинъ сокровенный уголокъ даже при щедрости бакшиша. Запасъ впечатлѣній уменьшается на половину и успѣхъ экспедиціи будетъ всегда случайнымъ и только относительнымъ.

Готовясь къ экскурсіи на сѣверъ Палестины, я находился въ немаломъ затрудненіи. Отказъ дать намъ каваса смущалъ меня еще болѣе. Мои добродушные спутники—весельчакъ-докторъ и скептикъ-археологъ—недоумѣвали, когда я излагалъ свои неудачи. Подвижному французу патріархальныя традиціи Востока казались смѣшными и малозначущими.

— Sacrebleu! — восклицалъ онъ грозно, потрясая своей элегантной

*) Драгоманъ—переводчикъ, путеводитель и вмѣстѣ съ тѣмъ администраторъ каравана, какъ въ пути, такъ и при остановкахъ. Онъ же завѣдуетъ провіантомъ и фуражомъ.

тростью. — Nous verrons!.. Кто осмѣлится тронуть французскаго гражданина? — и добавлялъ тономъ, недопускающимъ возраженій: — Разумѣется никто!

Коллега-археологъ, въ которомъ внезапно пробудились «ботаническія страсти» доказывалъ намъ всю безобидность своей фигуры среди буколическаго пейзажа.

— Я срѣзаю цвѣты, собираю камешки и все это тщательно, не спѣша укладываю въ жестянки... Спрашивается—кому какое дѣло?!

— Eh bien! On vous attaque, sapreloté! Et voilà vous courez *).

— А я стрѣляю... Да наконецъ вы то что же? гдѣ же вы то будете? недоумѣваетъ коллега.

Такіе доводы сражали нашего добродушнаго спутника и инцидентъ считался исчерпаннымъ. Но лично я относился скептически къ этой «взаимной охранѣ». Мѣстные уполномоченные не потрудились даже указать мнѣ свѣдущаго драгомана. Меня выручили все тотъ же добрѣйшій архимандритъ русской миссіи о. Антонинъ и извѣстный старожилъ Іерусалима, уважаемый Х. В. Мазараки—теперь оба уже сошедшіе въ могилу **). Благодаря обширной популярности обоихъ, мы получили весьма недурныхъ лошадей, которыхъ Х. В. выбиралъ самъ, законтрактовали пару муловъ, а главное устроились съ драгоманомъ—нѣкіимъ Якубомъ, запросившимъ съ насъ сперва чудовищную сумму. Только послѣ долгаго и упорнаго торга, г. Мазараки сбилъ цѣну до терпимой: за экспедицію пришлось по пяти золотыхъ (100 фр.) съ человѣка, считая продовольствіе плату за ночлегъ въ пути и 5 золотыхъ за лошадей и муловъ. Вознагражденіе драгоману, жандармамъ—конвойнымъ и погонщику за 16 дней осмотра Самаріи и Галилеи оцѣнено тоже въ 5 золотыхъ, а всего 20 наполеондоровъ, что при господствующемъ курсѣ составило около 160 р. серебромъ. Выступленіе въ путь было назначено на 29-е іюля и маршрутъ экспедиціи обнималъ два параллельныхъ пути къ морю Галилейскому. Патріархъ іерусалимскій Герасимъ любезно снабдилъ насъ своими архипастырскими грамотами ко всѣмъ представителямъ его обширныхъ митрополій. Бумага эта съ приказами іерусалимскаго паши въ Наблусъ и Назаретъ оказала намъ незамѣнимыя услуги ***). Сборы въ дальнюю дорогу въ непривычное время вызы-

*) Прекрасно. На васъ нападаютъ и вы бѣжите.

**) Личность Х. Б. Мазараки, іерусалимскаго старожила и бывшаго доктора русскаго госпиталя, пользовались въ краю самыми искренними симпатіями. Крайне добрый, гуманный и доступный, онъ отличался еще рѣдкимъ качествомъ „непартійности“, всѣми силами стараясь облегчать путешественникамъ палестинскія невзгоды.

***) Пользуюсь здѣсь случаемъ принести мою глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, любезно содѣйствовавшимъ своимъ вліяніемъ и совѣтами въ моей поѣздкѣ. Ни-

вали разумныя предостереженія. Многіе прямо отговаривали насъ отъ поѣздки. Упорныя жары не ослабѣвали. Холерная эпидемія, свирѣпствовавшая въ Сиріи, угрожала Дамаску. Поговаривали о локализаціи Назарета. Все это указывало на необходимость ускорить осмотръ Самаріи и Галилеи. Дѣлая наканунѣ отъѣзда прощальные визиты, я въ видѣ напутствія получилъ нѣсколько совѣтовъ лаконическихъ, но внушительныхъ. Ихъ можно рекомендовать каждому путешественнику въ Палестинѣ:

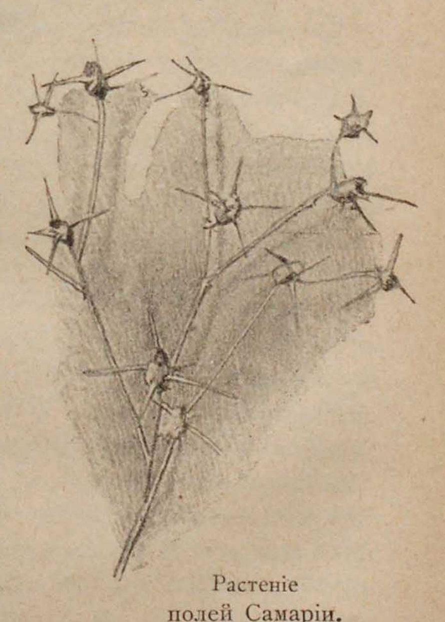
1) Выступать въ путь не позднѣе $2^1/_2$ ч. ночи и дѣлать переходъ maximum до 9 ч. утра; позднѣе грозятъ солнечный ударъ и лихорадка. 2) Выступать снова послѣ 4-хъ пополудни, стараясь достигнуть мѣста ночлега не позднѣе 10 ч. вечера. 3) Не поить лошадей безъ указанія погонщика. 4) Не пить самому ничего, кромѣ крѣпкаго чая съ коньякомъ. 5) Довольствоваться консервами почти на всемъ протяженіи пути. Въ Сихемѣ и Назаретѣ можно достать курицу и сноснаго вина, но и только. 6) Отнюдь не довѣряться арабу въ пути, турецкому конвою въ горахъ и погонщикамъ при сѣдланіи лошадей. Первый предастъ своему собрату-бедуину, правовѣрный жандармъ скроется при малѣйшей опасности, а не осмотрѣвъ лично подпругъ, рискуешь свалиться при спускѣ. 7) Остерегаться подозрительныхъ встрѣчъ и льстивыхъ разговоровъ; въ Палестинѣ, увы!—одинъ вѣрный другъ—хорошій револьверъ или берданка. О. Антонинъ совѣтовалъ мнѣ не полагаться всецѣло на опытность драгомана Якуба, который хотя и указываетъ авторитетно всевозможныя древности, развалины, историческіе памятники и проч., но самъ знаетъ мало, путаетъ, перевирая немилосердно названія. Всѣ эти мудрые совѣты я оцѣнилъ только впослѣдствіи, къ сожалѣнію, лично испытавъ ихъ практичность.

Какъ мнѣ приходилось уже упоминать ранѣе, обзоръ Палестины пріуроченъ къ обычному маршруту, мало цѣлесообразному во всѣхъ отношеніяхъ. Путешественникъ, прибывающій круговымъ рейсомъ изъ Константинополя, обыкновенно высаживаться въ Яффѣ, въ этой южной пристани Св. Земли и отсюда прямо направляется къ Іерусалиму. Такимъ образомъ онъ прежде всего обозрѣваетъ Іудею, историческіе памятники которой сразу приковываютъ его вниманіе. Подобный планъ ознакомленія со страной, служившей поприщемъ земной жизни Спасителя, крайне нераціоналенъ. Желающій прослѣдить постепенно всѣ фазисы божественной драмы Искупленія, начинаетъ, такъ сказать, перелистывать съ конца потрясающія страницы священной исторіи. Іудея съ ея столицей Эль-Кудсъ *) сразу да-

гдѣ такъ не цѣнится гостепріимство, радушіе и сочувственная поддержка, какъ на далекой чужбинѣ и не могу не сознаться съ грустью, что для меня, путешественника, заботливымъ самаряниномъ оказывались чаще иностранцы, чѣмъ свои соотечественники.

*) Эль-Кудсъ—турецкое названіе Іерусалима.

етъ слишкомъ много сильныхъ впечатлѣній. Они неизгладимымъ пластомъ ложатся на душу умиленнаго поклонника, вдумчиваго туриста, придавая господствующую окраску всему видѣнному и пережитому впослѣдствіи. Покончивъ съ обзоромъ Іудеи, всякій желающій составить себѣ цѣлостное представленіе о Палестинѣ, непремѣнно проѣдетъ въ Самарію, поднимется къ морю Галилейскому и посвятивъ иногда 2—3 недѣли подробному изученію мѣстныхъ памятниковъ, возвращается снова въ Іерусалимъ *). Эта поѣздка на сѣверъ—въ патріархальную родину Христа, въ тѣ историческія уголки, гдѣ протекли его дѣтство и отрочество, едва-ли не лучшая часть всей палестинской экскурсіи. Нигдѣ, можетъ быть, уцѣлѣвшіе камни руинъ среди первобытной прелести пейзажа не говорятъ такъ много и сильно душѣ, какъ здѣсь, въ мѣстахъ его «печальнаго служенія», близъ гордаго Тель-Гума, Магдалы, Виѳсаиды или Каны. Простота быта назарянъ, какъ будто застывшаго до нашихъ дней въ устояхъ мирной библейской эпохи, радостно освѣжаетъ душу послѣ однообразной и не всегда симпатичной іерусалимской жизни. Отсутствіе священныхъ реликвій, созданныхъ руками человѣческими для грубой цѣли — эксплуатаціи ближняго и наживы съ вѣрующаго, а равно и сомнительныхъ святынь, насильственно пріуроченныхъ въ Іудеѣ почти къ каждому евангельскому тексту—все это радостно обновляетъ душу отъ накопившейся горечи и негодованія. Обзоръ сѣвера послѣ юга Палестины естественно вноситъ логическій разладъ, перетасовывая всѣ евангельскія картины, создаетъ путаницу священныхъ событій. Ѣдущимъ въ св. Землю давно пора оставить этотъ рутинный способъ осмотра: начинать свою поѣздку съ конца, а не сначала. Это возможно тѣмъ болѣе, что Галилея имѣетъ свою хорошо устроенную пристань въ Средиземномъ морѣ. Я подразумѣваю *Кайфу*, какъ начальный пунктъ отправленія. Отсюда изслѣдователь исторически вѣрнымъ путемъ пройдетъ страну Мессіи, послѣдовательно прослѣдитъ ту земную арену, гдѣ слагался, зрѣлъ и окрѣпъ безсмертный духъ Божественнаго борца за великое

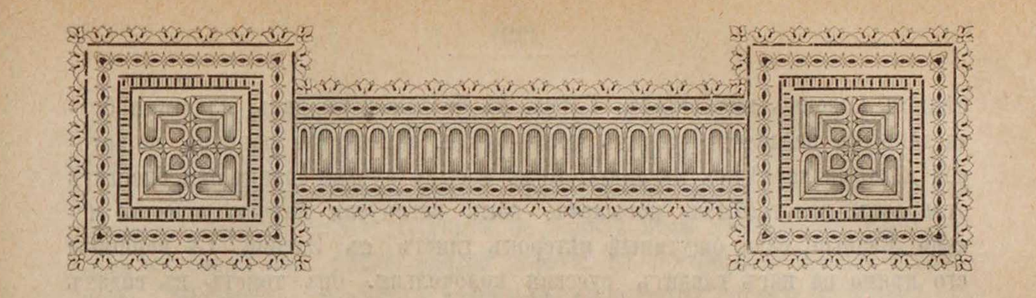


Растеніе полей Самаріи.

*) Подобный маршрутъ почти неизбѣженъ для путешественниковъ, ѣдущихъ далѣе въ Египетъ, Алжиръ и Тунисъ, или чрезъ Портъ Саидъ—въ Индію.

Искупленіе. Постепенно спускаясь съ сѣвера на югъ, послѣ галилейскихъ картинъ деревенской простоты, богатства роскошной природы—Самарія уже подготовитъ его къ трагическому эпилогу, совершившемуся въ Іерусалимѣ. Отсюда прямой путь на Яффу—послѣдній пунктъ прощанія со св. Землей. Нужно удивляться, какъ до сихъ поръ всѣ тѣ, кому вѣдать надлежитъ удобства паломниковъ, не додумались до этого простого и естественнаго маршрута *).

*) Я имѣю въ виду разумѣется только тѣ поклонническіе караваны, которые, обозрѣвъ святыни Іерусалима, идутъ въ Назаретъ, на Ѳаворъ и Тиверіаду. Обратное направленіе только усилило бы впечатлѣніе даже у простого темнаго люда и значительно облегчило бы господствующую процедуру сложныхъ перегоновъ обширнаго каравана изъ Назарета снова въ Іерусалимъ.



Глава II.

Рама-Биротъ-Джифна.

Дамасская дорога. Пути ведущіе къ сѣверу Палестины. Караванныя тропы до Джифны. Шафатъ—Рама—Эль-Бире. Ночлегъ въ католическомъ монастырѣ.

30-го іюля, отслуживъ напутственный молебенъ, о. Антонинъ благословилъ насъ въ дальнюю дорогу. Никогда не забуду я нашего трогательнаго прощанія. Друзья мои, въ томъ числѣ и милѣйшій докторъ французъ, вынужденный обстоятельствами остаться въ Іерусалимѣ, собрались проводить насъ къ Дамасскимъ воротамъ. Въ пять часовъ пополудни караванъ изъ пяти человѣкъ былъ въ полномъ сборѣ: приведены осѣдланныя по дорожному лошади и два вьючныхъ мула съ запасами всего необходимаго. Драгоманъ Якубъ, замѣнившій намъ черцогорца Марко въ этой дальней поѣздкѣ, въ своемъ полосатомъ плащѣ съ головнымъ уборомъ кефіи, производитъ странное впечатлѣніе. Весь онъ смѣсь арабскаго съ нѣмецкимъ, начиная отъ наряда, манеръ, кончая туземнымъ сѣдломъ и европейской берданкой. Конь у него прекрасный—горячится и полонъ задора. Конвойный жандармъ, прикомандированный къ нашему каравану до Наблуса, представляетъ совершенную противоположность. Самъ онъ въ таскапномъ мундирчикѣ и аломъ фесѣ, длинный и худой, почему то напоминаетъ мнѣ рыцаря „печальнаго образа“ геніальнаго Серватенса. Да и конь подъ нимъ —настоящая кляча, достойный отпрыскъ знаменитаго Россинанта. Вооруженіе правовѣрнаго воина—завидный экземпляръ любого средневѣковаго музея; впрочемъ, все это очень идетъ къ окрестному пейзажу.

Непрерывная цѣпь іерусалимскихъ оградъ зубчатой грядой провожаетъ насъ справа. Темная впадина, амбразура воротъ, рельефно выдѣляется подъ массивнымъ готическимъ аркадомъ. Каменная баллюстрада опоясываетъ подъемъ къ вѣковымъ бойницамъ. За линіей городскихъ стѣнъ крутосрѣзанная перспектива плоскихъ кровель-террасъ, темныхъ куполовъ, тонкихъ,

бѣлыхъ колоннъ минаретовъ. Слѣва, въ безконечную даль, пластами безчисленныхъ наслоеній уходитъ желто-бурая, каменистая равнина, по которой мѣстами чернѣютъ маслины. Подъ косыми лучами солнца она блеститъ отливаетъ золотистымъ ковылемъ, какъ затянутая парчею дорогого чекана. Слабый, едва ощутимый вѣтерокъ тянетъ съ Элеона. Съ вершины его прямо на насъ глядитъ русская колокольня. Она тонетъ въ садахъ серебристыхъ оливъ, медленно уплывая отъ насъ вправо. Мы ѣдемъ по Дамасской дорогѣ къ сѣверу, поднимаясь по горнымъ отрогамъ. Конвойный солдатъ впереди съ ружьемъ за плечами. За нимъ тянется погонщикъ Константинъ на вьючномъ мулѣ въ неизмѣнномъ синемъ халатѣ и уморительной ермолкѣ, которую онъ постоянно передвигаетъ на головѣ, то за ухо на бекрень, то почти на глаза, или неожиданно совсѣмъ на затылокъ. Передовой мулъ, отъ котораго видны только одни уши, хвостъ и ноги, въ грудѣ гюковъ, саквъ и походныхъ аксессуаровъ, прекрасно сознаетъ, всю невыгоду своего положенія; онъ весь на глазахъ у строптиваго араба и ему ни въ чемъ не будетъ поблажки. Погонщикъ Константинъ—это олицетвореніе мусульманскаго стоицизма... Онъ мало говоритъ, избѣгаетъ общества жандарма и драгомана, но зато любитъ покрикивать на своихъ животныхъ; передовой мулъ всегда предметъ его особеннаго вниманія и заботливости. Не замѣчая промаховъ другого подъ самимъ собою, онъ зато не упустить случая наказать хлыстомъ идущаго передъ глазами. Бѣдный «передовикъ» это знаетъ и завязнувъ въ камняхъ, поспѣшно выбирается, оступаясь скользитъ, боязливо подбирая задъ отъ ударовъ.—„А... а... ллa-ла!“— рычитъ на него съ негодованіемъ Константинъ и тотчасъ же добавляетъ: „Руахъ, руахъ!“ (берегись) зазѣвавшему собрату. Подъемъ становится все круче и круче... Теперь караванъ нашъ почти на гребнѣ того историческаго кряжа, откуда впервые открывался Іерусалимъ изумленнымъ средневѣковымъ пилигримамъ *). Мы съ коллегой археологомъ и драгоманомъ придерживаемъ лошадей и невольно оборачиваемся назадъ къ только-что покинутой Іудейской столицѣ...

Съ высоты предъ нами открывается живописная панорама. Тамъ внизу, въ слабой дымкѣ пыльнаго тумана, тонутъ безчисленные домики-башни. Крыша надъ крышей, какъ ступень за ступенью, расползаясь все шире и шире, онѣ обнимаютъ историческіе холмы Моріа, Акры, Везеѳы. Въ этой грудѣ желтыхъ руинъ только ярко сквозятъ минареты, да черный шатеръ надъ обширною мечетью Омара. Влѣво, ниже бѣлѣютъ купола русской церкви св. Магда-

*) Съ вершины горы Скопусъ (теперешней Нашеваръ) назаретскіе караваны обыкновенно привѣтствовали восторженнымъ пѣснопѣніемъ св. городъ. Съ увѣренностью можно предположить, что именно здѣсь проходилъ и отрокъ Іисусъ на праздникъ Пасхи въ 760—762 г. отъ основ. Рима.

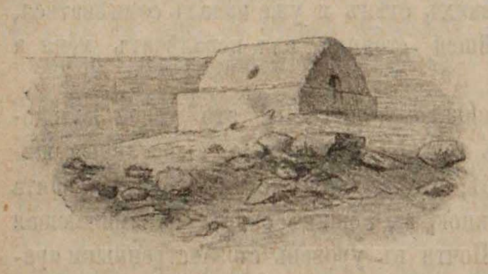
лины, а вправо уходитъ золотистая кайма—поясъ каменныхъ стѣнъ Іерусалима. Долина Іосафата, зарисованная полутѣнями, будто дремлетъ, пріютивъ безконечную «Божью ниву»... Тихій вечеръ скользитъ надъ землею, нѣжно-розовымъ флеромъ драпируя на западѣ край небосклона. Пыль мѣстами клубится надъ бѣлою лентой дороги. Въ прохладѣ стихаетъ окрестность... Перевалъ перейденъ и отсюда начинается спускъ по дорогѣ въ Джифну. Правовѣрный жандармъ и погонщикъ Константинъ скрылись изъ глазъ, уѣхавъ впередъ, или взяли другое направленіе. Караванная тропа въ Дамасскъ имѣетъ съ древнѣйшихъ временъ нѣсколько развѣтвленій: на Массиѳу и Гаваонъ, на Шафатъ и Раму, на Михмасъ и Веѳиль, не считая трехъ главныхъ путей, соединявшихъ Галилею съ Іерусалимомъ *). Я такъ и не видалъ моей охраны на протяженіи слишкомъ двадцати верстъ или, вѣрнѣе, въ продолженіе 4—5 ч. пути **). А между тѣмъ участокъ дороги до перваго, ближайшаго ночлега нуждался въ опытномъ проводникѣ. Въ часовомъ разстояніи отъ Іерусалимскихъ стѣнъ я уже началъ сомнѣваться, дойдетъ ли моя лошадь до ближайшей стоянки, или искалѣчитъ меня и поломаетъ себѣ ноги.

Путь до Джифны не поддается никакому описанію: это такая каменоломня, по которой способны ходить только удивительно выносливыя животныя Палестины. Представьте себѣ, что въ каменистомъ грунтѣ пробита узкая, неправильная впадина, глубиною съ аршинъ, скорѣе напоминающая ложементъ стариннаго укрѣпленія. Почти въ уровень съ заостренными краями этого рва, какъ будто нарочно насыпаны милліоны крупныхъ и мелкихъ камней всевозможной формы и размѣровъ. Непривычному глазу этотъ потокъ булыжника, употребляемаго у насъ для замощенія мостовыхъ, кажется непроходимымъ и непроѣзднымъ. Большіе камни, пересыпанные мелкимъ острымъ щебнемъ, рѣжутъ, ломаютъ копыта бѣднымъ лошадямъ. Ежеминутно оступаясь, то проваливаясь передними ногами, то увязая задними, пробирается несчастная лошадь, почти выбиваясь изъ силъ, тяжело дыша,

*) Такъ, первый и самый краткій пролегалъ по равнинѣ Ездрелонской, пересѣкалъ Самарію въ Сихемѣ (нынѣ Наблусъ) и проводилъ въ Іерусалимъ черезъ Веѳиль, Саму и Тель-Филь (Гаваонъ). Второй, западный путь, соединяясь съ главной караванной дорогой между Птолемаидой и Газой, пролегалъ черезъ равнину Сааронскую, сворачивая у Лидды и *обойдя* Самарію, поднимался на Іудейскія высоты. Третья дорога шла вдоль Генисаретскаго озера, спускалась въ Іорданскую долину и мимо Скиѳополиса, Архелаиды, Фасахлиды, приближалась къ Іерихону и черезъ Вади-Эль-Кельтъ приводила путника на Элеонскую гору черезъ Виѳанію.

**) На востокѣ не принято измѣрять разстояніе линейными мѣрами. Ко тому же точное опредѣленіе его въ нѣмецкихъ миляхъ затруднительно въ виду преобладанія горныхъ тропинокъ, весьма извилистыхъ. Туземцы высчитываютъ дорогу часами пути: пять, десять, полсутки, сутки—способъ древнѣйшаго происхожденія.

вся покрытая пѣной и потомъ. Слѣзть нѣтъ ни малѣйшей возможности — животное, не имѣя точки опоры, ни на минуту не можетъ остановиться. Только караваны все выносящихъ верблюдовъ двигаются и здѣсь той же мѣрной непоколебимой поступью подъ грудами тяжести, какъ и на выровненной дорогѣ. Они часто попадаются намъ навстрѣчу и кроткими, умными глазами оглядываютъ непривычныя имъ фигуры заморскихъ людей въ странныхъ одеждахъ и шляпахъ. Я замѣчалъ не разъ, что огромная пробковая каска моего коллеги съ желтой вуалью, подъ широчайшимъ зонтикомъ одесскаго издѣлія, вызываетъ у нихъ какъ будто улыбку недоумѣнія. Зато хозяева этихъ косматыхъ чудовищъ, дѣти Аравійской пустыни, простодушные и наивные—всякій разъ при встрѣчѣ съ «Московомъ» начинаютъ сворачивать въ сторону съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ, долго провожая археолога глазами. Всезнающій Якубъ увѣряетъ, что англійскій уборъ «господина русскаго ученаго» отчасти смахиваетъ на чалму побывавшаго въ Меккѣ имама—всегда чтимаго мусульманами... А лошади вязнутъ, скользятъ, обрываются... Вы начинаете чувствовать страшную усталость. Выбравшись часа черезъ два изъ сплошныхъ камней, мы буквально сползли съ сѣделъ, а у измученныхъ лошадей еще долго дрожали ноги. Нашъ драгоманъ Якубъ усиленно теръ имъ суконкой колѣни, увѣряя, что это помогаетъ. Животныя были до того утомлены, что слѣдовало бы дать имъ хотя часъ отдыха, но въ Палестинѣ времени терять нельзя: путь пригнанъ на часы—опадетъ ночь и вы останетесь въ пустынѣ.



Уэли масульманскаго шейха.

Съ трудомъ подвигались мы къ Джифнѣ, гдѣ былъ назначенъ нашъ первый ночлегъ. Каменистая, однообразная равнина, по которой, извиваясь, бѣжитъ караванная тропа, вся испещрена историческими развалинами. Разобраться въ нихъ такъ же трудно, какъ отдѣлить груды камней, сплотившихся вѣками, одѣвшихъ непроницаемой броней всю окрестность. Якубъ страдаетъ несомнѣнной маніей «всезнайства». Въ довольно нескладныхъ выраженіяхъ, коверкая имена и названія, онъ объясняетъ намъ то тѣ, то другія развалины, памятники, пріурочивая къ нимъ всевозможныя библейскій и христіанскія воспоминанія. Онъ ѣдетъ справа отъ меня и, наслаждаясь собственнымъ краснорѣчіемъ, воодушевленно жестикулируетъ. Коллега археологъ, у котораго лошадь едва волочитъ ноги, держится слѣва съ толстымъ гидомъ Мейера подъ мышкой. Онъ долго молча наблюдаетъ Якуба, по временамъ неодобрительно качая головой.

— И что это онъ только пророчествуетъ! восклицаетъ коллега, не выдержавъ.—Какой *Нобъ* городъ жрецовъ? Я сейчасъ справлюсь!

Мейеръ раскрытъ, а поводь брошены, и пока возстановляется достовѣрность древняго Портера, лошадь, почуявшая свободу, сворачиваетъ съ каменистой тропы на вспаханное поле. А Якубъ, возбужденный соревнованіемъ, захлебываясь, продолжаетъ излагать видимо затверженныя страницы:

— Царь Давидъ, спасаясь отъ мести Саула, направлялся къ царю Ахизу. Онъ получилъ въ городѣ Нобѣ припасы и мечъ Голіаѳа отъ первосвященника Ахимелеха. Идумеянинъ Доегъ, стадъ Сауловыхъ смотритель, донесъ объ этомъ царю и разгнѣванный Саулъ приказалъ обезглавить всѣхъ жрецовъ Ноба, вмѣстѣ съ первосвященникомъ; всѣхъ жителей его умертвить и даже до послѣдняго животнаго истребить, а оный городъ разрушить! *)

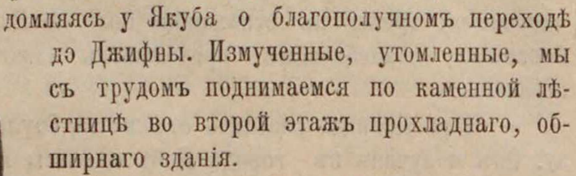
Мы минуемъ арабскую деревушку *Шафатъ* и по сѣрымъ спаленнымъ холмамъ подъѣзжаемъ къ селенію Ефрамъ, той евангельской *Рамѣ*, гдѣ былъ нѣкогда слышенъ плачъ несчастныхъ матерей, рыдавшихъ о гибели младенцевъ, избитыхъ Иродомъ. Кругомъ, на живописныхъ холмахъ, тамъ и сямъ бѣлѣютъ развалины, а вдали на холмѣ поднимается одинокая башня и гробница Неби-Самуэля. Справа и слѣва, куда ни окинь взоромъ, десятки библейскихъ памятниковъ: Гива Саулова, Массиѳа, Анаѳовъ, высокій холмъ Гаваона, надъ которымъ, по преданію, Іисусъ Навинъ остановилъ солнце. Якубъ торопитъ насъ скорѣе выбираться къ *Эль-Бире*, до котораго еще добрый часъ пути. Мы подгоняемъ усталыхъ лошадей и почти на рысяхъ проходимъ это обширное селеніе, Биротъ библіи **). Отсюда дорога развѣтвляется: вправо—на *Веѳиль*, влѣво—на *Джифну*. Живописная долина, по которой пролегаетъ нашъ путь, уже тонетъ въ густѣющемъ сумракѣ. Темными, неправильными пятнами чернѣютъ мѣстами виноградники. На западѣ тихо догораетъ заря, ярче сквозитъ синева неба. Зеленыя кроны деревьевъ подъ Джифной попадаются все чаще и чаще, несмотря на то, что окрестный пейзажъ становится болѣе гористымъ. Багряный пожаръ заката быстро гаснетъ, слабо озаряя дальніе скаты холмовъ. Мы совсѣмъ въ темнотѣ подъѣзжаемъ къ Джифнѣ. На плоскихъ крышахъ глиняныхъ мазанокъ этого арабскаго селенія застыли живописныя группы дѣтей и женщинъ. Туземцы—пѣшеходы, завидѣвъ насъ, съ любопытствомъ останавливаются, быстрой, отрывистой скороговоркой повѣряя другъ другу

---

*) Первая кн. Царствъ: XXII, 18—20.

**) Обширныя развалины церкви, воздвигнутой здѣсь крестоносцами въ 1146 г., сохранили еще рядъ каменныхъ арокъ. Но осмотрѣть ихъ, равно какъ интересную цистерну вблизи мѣстнаго фонтана, не удалось вслѣдствіе поздняго времени.

свои впечатлѣнія. Якубъ сворачиваетъ въ глухой переулокъ и черезъ нѣсколько минутъ мы подъѣзжаемъ къ массивнымъ воротамъ католическаго монастыря и не безъ удовольствія спѣшиваемся.—Правовѣрный жандармъ встрѣчаетъ насъ у дверей аббатства, робко освѣдомляясь у Якуба о благополучномъ переходѣ до Джифны. Измученные, утомленные, мы съ трудомъ поднимаемся по каменной лѣстницѣ во второй этажъ прохладнаго, обширнаго зданія.



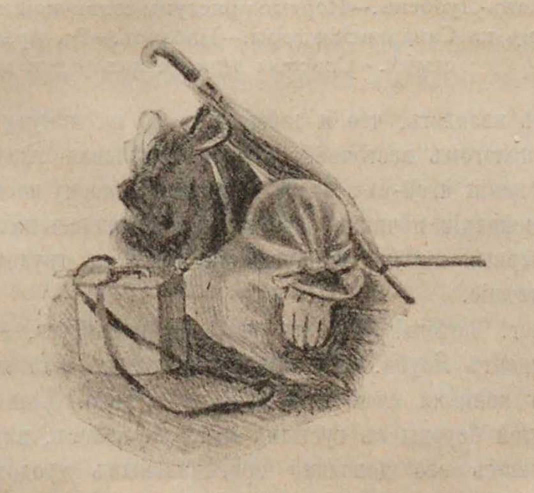
Кавасъ и Кюре въ Джифнѣ.

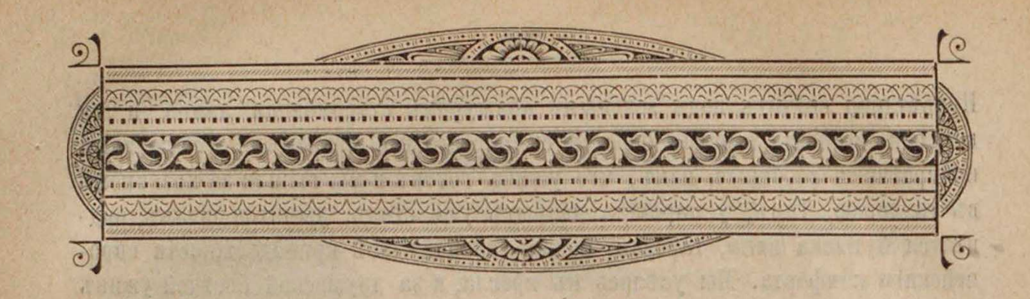
Представительный патеръ принялъ насъ весьма радушно. Намъ отвели удобную спальню, съ дверью на каменную галлерею-террасу. Галлерея эта своими широкими пролетами выходитъ во дворъ, образуя правильный квадратъ внутреннихъ покоевъ латинской рефекторіи. Симпатичный кюре отнесся къ намъ съ изысканной предупредительностью француза. Пока накрывали столъ на террасѣ, мы отправились въ его кабинетъ, гдѣ хозяинъ сообщилъ намъ подробности своей скромной миссіи на востокѣ. Католическій монастырь является для полудикаго окрестнаго населенія почти исключительнымъ духовно-нравственнымъ центромъ. Въ стѣнахъ его находится патріаршая школа, основанная въ 1856 г. и въ ней теперь до 30 мальчиковъ-арабовъ и столько же дѣвочекъ. Школа даетъ своимъ питомцамъ все даромъ, начиная отъ книгъ и прочихъ пособій, кончая подарками, которыми награждаются наиболѣе успѣшные. Миссія кромѣ того имѣетъ переѣзжающихъ наставниковъ, въ опредѣленные дни преподающихъ въ селеніяхъ: Энарикъ, Бирзетъ, Рамалла, Таибе и друг. въ разстояніи $1^1/_2$—$2^1/_2$ ч. ѣзды отъ центра—Джифны *).

Съ любопытствомъ прислушивался я къ словоохотливому французу. Видно, что онъ весь проникнутъ любовью къ своему дѣлу и не тяготится своей работой вдали отъ родины. Уютностью и радушіемъ дышитъ вокругъ скромная обстановка. Письменный столъ, кресло, полные книгъ библіотечные шкафы, подробныя мѣстныя карты по стѣнамъ, старинныя гравюры.

*) Здѣсь же находятся греческая и протестанская школы, но учениковъ въ нихъ сравнительно мало. Крупнымъ пробѣломъ своего училища аббатъ считаетъ отсутствіе класса ремеслъ, которыя завели у себя францисканцы. Послѣдніе укрѣпились въ странѣ болѣе 800 л. тому назадъ и, обладая огромными средствами, притекающими изъ всѣхъ католическихъ странъ Европы, широко ведутъ въ Палестинѣ свою пропаганду.

Привѣтливо свѣтитъ подъ зеленымъ абажуромъ старомодная лампа и ея веселый огонекъ властно борется съ окрестнымъ мракомъ... Услужливый привратникъ сообщилъ намъ, что ужинъ готовъ и мы вышли за хозяиномъ въ галлерею. Тамъ, у парапета накрытъ уже столъ, дымится пилавъ, виднѣется бутылка вина, тарелки, ножи, солонки—всѣ принадлежности европейскаго комфорта. Мы усѣлись въ кресла, и за дружеской бесѣдой ужинъ нашъ затянулся далеко за полночь. Только перспектива ранняго отъѣзда заставила насъ проститься. Мы отъ души пожелали аббату долгихъ дней плодотворной дѣятельности и разошлись по своимъ спальнямъ.





Глава III.

Отъ Джифны до Наблуса.

Отъѣздъ изъ Джифны.—Топографія мѣстности.—Въ долинѣ Аинъ-Араміегъ.—Ханъ-Лубберъ.—Первые приступы солнечной лихорадки.—Подъемъ на Самарянскія горы.—Наблусъ.—Въ православномъ монастырѣ.—Способы лѣченія лихорадки на Востокѣ.

Мнѣ казалось, что я забылся всего на минуту подъ кисейнымъ пологомъ восточной кровати. Открываю глаза отъ неожиданнаго прикосновенія чьей-то мозолистой руки къ моему воспаленному тѣлу... При слабомъ мерцаніи ночника надо мной наклонилась какая-то чудовищная фигура. Въ первыя минуты пробужденія мозгъ съ трудомъ воспринимаетъ всякое впечатлѣніе.

— Monsieur! Partons! Вставать пора, подымайтесь, — слышится мнѣ варварскій акцентъ Якуба. Онъ обмоталъ голову пестрымъ полотенцемъ, обвязавъ его концами свою худую, тонкую шею. Длинные рыжіе усы и щетина небритой бороды съ густыми пучками волосъ, вмѣсто бровей надъ глазами, дѣлаютъ его довольно оригинальнымъ уродомъ. Несимпатична мнѣ эта юркая фигура. Временами его ужимки кажутся мнѣ даже подозрительными, въ особенности когда онъ по-арабски переговаривается съ жандармомъ или погонщикомъ. Я нехотя подымаюсь съ широкаго ложа и при тускломъ освѣщеніи начинаю одѣваться. Коллега мой, къ не малому удивленію, уже всталъ и... ботанизируетъ. Я застаю его на террасѣ у знакомаго стола вмѣстѣ съ любезнымъ аббатомъ. «Господинъ русскій ученый» старательно набиваетъ металлическую банку какими-то специями. Разглаживая листочки ладонью, онъ тщательно перекладываетъ ихъ кружками газетной бумаги. При мерцаніи лампы колоссальная тѣнь его съ гигантской каской на головѣ изгибается по каменнымъ сводамъ высокой террасы, переползая то вправо, то влѣво при каждомъ тѣлодвиженіи. Другъ мой занятъ: онъ весь въ хлопотахъ, суетится надъ столомъ, то укладывая въ саквы

безконечные мѣшечки, то снова бережно ихъ вынимая. Добродушный кюре съ вѣжливымъ вниманіемъ и нѣкоторымъ недоумѣніемъ наблюдаетъ за его работой. Онъ весь освѣщенъ теперь en face и типично выдѣляется на фонѣ голубой полутьмы въ своей черной сутанѣ съ бѣлымъ квадратомъ на шеѣ подъ бородкомъ. За каменной балюстрадой слабо сквозятъ контуры тонкихъ кипарисовъ. Тамъ, внизу, въ глубинѣ двора, возятся люди нашего каравана, приготовляясь къ отъѣзду. Топаютъ лошади, звякая подковами, фыркаютъ мулы.

— Дюр, дюр! — (повернись) слышится мнѣ голосъ Константина. — Все готово, насъ торопятъ отъѣздомъ. Пожавъ руку гостепріимнаго хозяина, мы съ коллегой спускаемся по каменной лѣстницѣ внизъ, въ глубину темнаго дворика. Лошади поданы—и вотъ мы уже на сѣдлѣ. Подъ широкимъ аркадомъ скрипнули настежъ отворенныя ворота. Мы трогаемся, а добродушный кюре, перегнувшись съ террасы, шлетъ намъ свои дружескія пожеланія.

Четвертый часъ утра, а кругомъ еще ночь, надъ головою ярко мерцаютъ звѣзды. Шагомъ, гуськомъ пробираемся мы вдоль плетней и арабскихъ лачужекъ... Селеніе объято сномъ. Нигдѣ не слышно ни звука. Мы ѣдемъ въ неизмѣнномъ порядкѣ: правовѣрный жандармъ впереди, я за нимъ, за мной мой коллега съ Якубомъ, и арабъ Константинъ въ арріергардѣ. Свѣжій, предразсвѣтный вѣтерокъ начинаетъ слабо струиться съ окрестныхъ холмовъ, зарисованныхъ дымкой тумана. Мы дѣлаемъ повороты то вправо, то влѣво и, поровнявшись съ бѣлѣющимъ водоемомъ деревенскаго фонтана, вдругъ выдерживаемъ неожиданное нападеніе. Стая остервенѣлыхъ собакъ бросается на насъ съ какимъ-то хриплымъ, захлебывающимся лаемъ. Испуганныя лошади шарахаются въ сторону. Жандармъ начинаетъ ругаться, а передній мулъ, укушенный за ноги, лягаясь, сбрасываетъ саквы. Мы отбиваемся отъ этого полудикаго звѣрья всѣми способами защиты. Якубъ, разозленный промахами, усилено стегаетъ нагайкой по воздуху. Бѣдная лошадь вертится подъ нимъ какъ волчокъ. Коллега неустрашимо работаетъ зонтикомъ. Визгъ, топотъ, звяканье подковъ, крики жандарма и погонщика Константина будятъ гулкое эхо. Наконецъ, мы выбираемся на караванную тропу по дорогѣ къ Сихему—Наблусу. Путь нашъ лежитъ на селеніе Айръ—Синья, оставивъ далеко позади библейскій Веѳиль, минуя деревню Сильвадъ, на Синджаль въ Ефраимовы горы. Здѣсь развѣтвляется направленіе къ Самарянской столицѣ: вправо идетъ караванный путь на Силомъ — (теперешній Сейлунъ) чрезъ Бету и Аверту. Влѣво вьется каменистая тропа, ведущая на гребень хребта Ефраима. Она спускается въ долину Беѳъ-Лавана и чрезъ Хуварру сходится съ вышеупомянутымъ направленіемъ у подножья (Джебель-этъ-Тора) знаменитаго Гаризима. Въ бодрящей прохладѣ

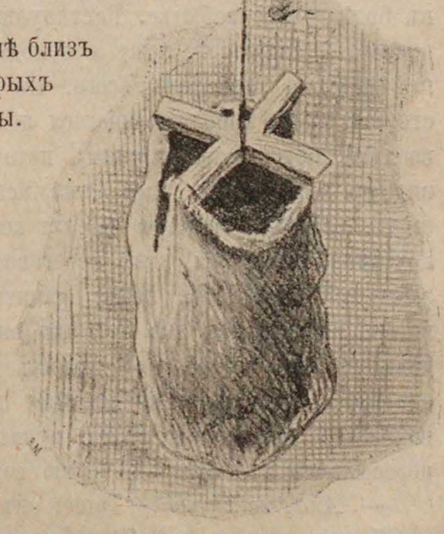
близкаго утра караванъ нашъ идетъ ускореннымъ маршемъ. Горная тропинка замѣтно взбирается на холмы и возвышенности, по временамъ снова спускаясь въ долины. Этотъ путь на историческія высоты, избранныя народомъ для поклоненія Единому Богу еще въ глубочайшей древности, производитъ удивительное впечатлѣніе. Въ постепенно тающей полутьмѣ, среди горныхъ уступовъ, все ярче начинаютъ проступать детали пейзажа. Каменный панцырь земли здѣсь почти исчезаетъ, уступая мѣсто прекрасно вспаханнымъ нивамъ. Оливы, фиговыя деревья и виноградники тянутся сплошными садами. Разсвѣтъ проступаетъ съ востока слабо-окрашенной розовой мутью. Въ матовыхъ тканяхъ освѣщенія рельефнѣе вырѣзываются сѣрые кряжи, вершины. Бѣловатые домики одиноко виднѣются на нихъ, чередуясь съ бѣлѣющими куполами *уэлей* — мусульманскихъ гробницъ, гдѣ погребаются мѣстные шейхи. Мы въѣзжаемъ въ долину источника *Аинъ-эль-Арамiеъ*, т.-е. колодца разбойниковъ. Живописенъ и дикъ господствующій колоритъ пейзажа. По крутому скату холма, среди голыхъ камней, извиваясь сбѣгаетъ тропинка. Она вступаетъ въ базальтовое русло зимняго потока, огибающаго высокій холмъ, покрытый свѣжей растительностью. Подъ обрывомъ холма, въ темной впадинѣ журчитъ ключъ, стекая въ выдолбленную въ камняхъ цистерну. Мы застали здѣсь двухъ женщинъ, притаившихся подъ сводомъ съ огромными кувшинами — вѣрный признакъ палестинскаго утра. Съ каждымъ шагомъ впередъ мѣстность становится все болѣе оживленной. Съ востока, по яркому голубому небесному полю, разбѣгаясь все шире и шире, льются уже золотистые потоки дневнаго свѣтила. Огненный дискъ чувствуется тамъ, за гребнемъ холмовъ, незримый, ежеминутно готовый подняться надъ пробужденой землей. Мигъ одинъ—и вотъ смотритъ на васъ этотъ дискъ въ ослѣпительно-яркомъ сіяніи... Тѣни ночи исчезли и новая дневная тѣнь рѣзче кладетъ отпечатокъ предметовъ. Подъ *Синджаломъ* насъ встрѣтили пастухи со своими стадами. Съ горныхъ уступовъ они слѣдятъ за нами въ патріархально-библейскихъ костюмахъ — въ бѣлыхъ и сѣрыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ ремешкомъ, въ соломенныхъ шляпахъ, съ длинными крючковатыми посохами. Смуглые арабскіе юноши — поводыри этихъ бѣлорунныхъ овецъ и черныхъ козъ— картины, цѣликомъ выхваченныя изъ Библіи: Іаковъ пасъ такія же стада у Лавана; такіе же караваны сѣрыхъ осликовъ, навьюченныхъ зеленью и плодами тянулись на древніе рынки по тѣмъ же исконнымъ тропамъ, по которымъ идутъ они и теперь къ намъ навстрѣчу.

— *Дахаракъ!* сторонись!—внушительно покрикиваетъ Якубъ, глубоко убѣжденный въ своихъ преимуществахъ предъ туземцемъ даже на общественныхъ дорогахъ. Добродушные арабы сворачиваютъ съ тропы и, пропустивъ нашъ караванъ, долго провожаютъ насъ глазами. Мы почти до-

стигли гребня Эфраимовыхъ горъ и отсюда съ господствующихъ высотъ открывается живописная панорама.

Тамъ внизу, у подножья отвѣснаго горнаго ската, зеленѣетъ широкая долина Эль-Мукна. На днѣ ея пріютился *Ханъ-Лýббенъ* арабовъ, древняя ханаанская крѣпость Либна (Левона) — мѣсто боя Іисуса Навина. Здѣсь кончился удѣлъ Ефраима, и въ просвѣтлѣвшей дали уже начинаютъ сквозить холмы и нивы Самаріи. За темной цѣпью Гелвуя подымается конусомъ малый Ермонъ съ голубой перспективой далекаго Галилейскаго моря. Необхватная ширь горизонта тѣшитъ глазъ послѣ долгихъ скитаній по извилистымъ ущельямъ. Мы слѣзаемъ съ лошадей и, ведя ихъ въ поводу, медленно спускаемся къ хану. Здѣсь ожидаетъ насъ отдыхъ. Въ каменной саклѣ Луббена мы должны переждать жгучій полдень.

Сакля Луббенъ пріютилась въ долинѣ близъ источника, тщательно скрытаго въ сѣрыхъ камняхъ въ глубокой расщелинѣ почвы. Подъ навѣсомъ пещеры свѣжо и прохладно. Ханъ-Луббенъ — это оазисъ, затерянный въ пазухѣ горныхъ кряжей, онъ полонъ жизни и оживленія. Вокругъ него разбѣгаются полосы зеленѣющихъ нивъ, поля маиса и дурры. Близъ ключа, какъ бы чувствуя влагу, разрослись маслины и кактусъ. Въ тѣни, вдоль стѣнъ хана, легли пригнанныя на водопой стада. Надъ цистерной-колодцемъ не смолкая скрипитъ теперь воротъ. Два араба, ставъ наверху у отверстія, выматываютъ безконечныя мокрыя веревки съ *козьими мѣхами* *). Они выливаютъ холодную воду въ деревянный, обмазанный глиной, жолобъ и она гулко сбѣгаетъ внизъ, въ водоемъ для водопоя. Зеленные мхи оплели



Ведро изъ козьяго мѣха.

*) На Востокѣ вода достается изъ глубины колодца оригинальныхъ способомъ. Плотно сшитыя шкурки козъ, мѣхомъ наружу, образуютъ родъ мѣшка, прикрѣпленнаго къ деревяннымъ, на крестъ связаннымъ палкамъ. Въ центрѣ скрещенія арабы наматываютъ длинную веревку, въ козій мѣшокъ кладутъ камень и, ставъ надъ отверстіемъ колодца, бросаютъ импровизированное ведро, какъ моряки лотъ. Тяжесть камня увлекаетъ мѣхъ на дно колодца, веревка разматывается при паденіи и ведро, быстро окунувшись, зачерпываетъ до краевъ воду. Мускулистые арабы на перехватъ вытягиваютъ веревку, быстро сливая воду въ жолобъ, по которому она стекаетъ въ каменныя корыта—обычная принадлежность каждаго хана на Востокѣ.

стѣны хана. На влажномъ грунтѣ подлѣ нихъ прижились рѣдкіе въ Палестинѣ колокольчики желтыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ, напоминающіе наши мальвы. Утомленные переходомъ, плохо выспавшись на ночлегѣ въ Джифнѣ, мы съ коллегой спѣшимъ растянуться на кожаныхъ подушкахъ, уже разложенныхъ для насъ Якубомъ въ глубинѣ сакли. Пока готовятъ завтракъ изъ различныхъ консервовъ, я пытаюсь уснуть или хотя немного отлежаться. Горныя дороги даютъ себя знать. Колѣни дрожатъ подгибаются, во всемъ тѣлѣ ощущается какая-то разбитость. Перемѣнить влажное бѣлье невозможно безъ риска простуды. Во всѣ скважины грубо сложенныхъ стѣнъ хана тянутъ сквозняки, способные погасить пламя свѣчки. Усталость совершенно подавляетъ аппетитъ. Нервы такъ напряжены, что здоровый сонъ невозможенъ. Незамѣтно сознаніе притупляется и я впадаю въ болѣзненное забытье. Растянувшись на жестокой цыновкѣ, съ головой подпертой подушкой, лежу я неподвижно, полузакрывъ глаза и странно— не перестаю сознавать всего, что вокругъ происходитъ... Лицо мое чувствуетъ жаръ приближающагося полдня, тѣло—горячія струи раскаленнаго воздуха, обтекающія жгучимъ потокомъ низкія стѣны ханъ-Лубенна. Мнѣ видится безконечная ширь Самарійской равнины, желтыя полосы созрѣвшихъ хлѣбовъ, овцы и черныя козы. Я слышу, какъ поятъ коней прикочевавшіе бедуины, какъ переговаривается съ ними отрывочными фразами мой жандармъ, какъ браниться Якубъ съ Константиномъ. Бѣдный погонщикъ разбилъ двѣ бутылки вина и смялъ коробку сардинокъ. А рядомъ со мной беззаботно храпитъ коллега-археологъ. Дремота постепенно одолѣваетъ мои вѣки, впечатлѣнія путаются. Что-то близкое къ кошмару начинаетъ давить мою грудь, мучительно сжимаетъ сердце. Лицо горитъ, пересыхаетъ въ горлѣ—я теряю сознаніе...

— *Ала, махлѣкон*!—Тише! онъ боленъ!..

Я открываю глаза. Жаръ свалилъ, въ саклѣ прохладно. Надо мною склонившись стоятъ на колѣняхъ двѣ фигуры. Взглядываюсь—узнаю драгомана Якуба и моего коллегу.

— Что съ тобою, голубчикъ? говоритъ археологъ, усаживая меня на подушкахъ. Я прислоняюсь спиною къ стѣнѣ, чувствуя головокруженіе и дрожь во всемъ тѣлѣ.

— У меня голова болитъ, боюсь, не схватилъ ли я лихорадку,—отвѣчаю я полушепотомъ.

— *А, сиди, ма бтакулъ ши*? слышится мнѣ ласковый голосъ.—Это погонщикъ Константинъ стоитъ въ дверяхъ съ правовѣрнымъ жандармомъ. Оба смотрятъ на меня съ безпокойствомъ. Болѣзнь моя искренно огорчаетъ перваго и пугаетъ отвѣтственностью второго.

— Господинъ не хочетъ ли кушать? переводитъ драгоманъ арабскую

фразу и добавляетъ уже совсѣмъ по-нѣмецки:—Фриштикъ готовъ. И такая досада! дорогой разбились еще двѣ бутылки...

— Да, да, тоскливо отзывается археологъ, разбились! Вино вытекло и подмочило всѣ растенія. Я какъ-будто предчувствовалъ. И зачѣмъ только класть жидкости вмѣстѣ съ цвѣтами?

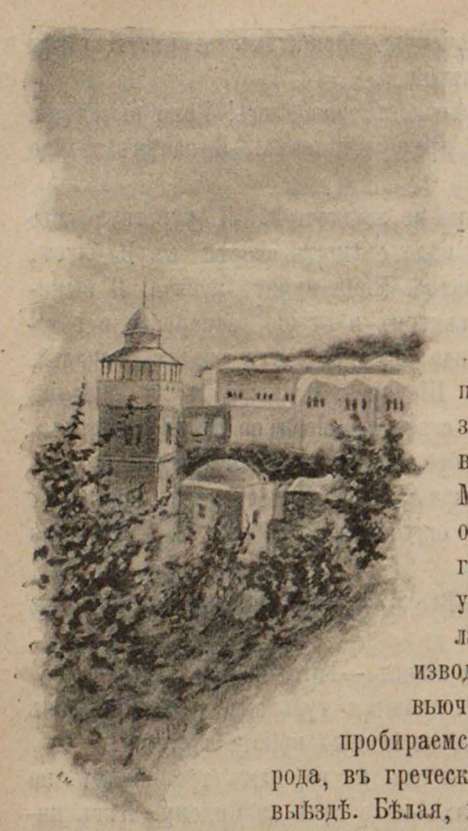
Но мнѣ уже не до цвѣтовъ и не до жидкостей. Я чувствую, что болѣзнь во мнѣ все усиливается, что надо спѣшить скорѣй въ Наблусъ, если нѣтъ возможности вернуться обратно. Меня мучитъ жажда. Я выпиваю полбутылки холоднаго чаю съ коньякомъ и отдаю распоряженіе готовиться въ дорогу. Константинъ съ жандармомъ спѣшатъ сѣдлать лошадей. Якубъ собираетъ подушки и саквы. Шатаясь, подхожу я къ дверямъ караванъ-сарая. Пятый часъ. Жаръ свалилъ. Долина почти опустѣла. У водоема нѣтъ уже стада. Люди разбрелись на работы. Мнѣ подводятъ осѣдланную лошадь и я съ трудомъ, при помощи Константина, взбираюсь на кожаную подушку, безпомощно ощупывая стремена ослабѣвшими ногами.

— Съ Богомъ! *Кулль ши хадиръ*?—Все ли готово?—строго спрашиваетъ Якубъ, причмокивая губами.

— *На'амъ хадиръ*!—отвѣчаетъ погонщикъ.—Готово!

Караванъ трогается. Лошади вытягиваются гуськомъ и мы не безъ сожалѣнія покидаемъ ханъ-Луббенъ, гостепріимный пріютъ пустыни.

Болѣе трехъ часовъ постепеннаго спуска по горнымъ тропинкамъ, по каменистымъ кручамъ горъ Самарянскихъ—это путь къ Сихему. Нѣтъ ничего живописнѣе окрестностей Самарянской столицы. Среди зеленой равнины, между обрывистыхъ скатовъ темнѣющихъ горъ, золотистыми волнами стелятся нивы. Онѣ созрѣли, налились полнымъ колосомъ, ярко оттѣняя среди желтаго моря зеленые островки вѣковыхъ маслинъ и оливокъ. Еще два — три поворота и вотъ уже плывутъ къ намъ навстрѣчу историческія вершины *Гевала* и *Гаризима*, заслоняя высокими шатрами голубой горизонтъ. Одинъ съ бронзовыми утесами, закругленной, почти отвѣсной стѣной виднѣется слѣва. Другой выдѣляется справа колоссальною шапкой зеленыхъ садовъ, задрапировавшихъ сплошнымъ ковромъ темныя впадины пещеръ и гротовъ. *Наблусъ* тонетъ въ садахъ. Среди пышныхъ каштановыхъ кронъ, блѣдно-зеленыхъ акацій, пробиваясь, встаютъ минареты, бѣлѣютъ куполообразные шатры мечетей. Сочныя травы окаймляютъ борта дороги. Вдоль заборовъ садовъ, подъ навѣсомъ вѣтвей, на коврахъ, съ трубками наргилэ кейфствуютъ мусульмане. Близокъ вечеръ. Населеніе высыпало за черту стѣнъ. Живописныя группы, шумныя и подвижныя, столпились у въѣзда въ городъ. Несмотря на болѣзнь и утомленіе, я невольно пріободриваюсь. Правовѣрный жандармъ принимаетъ важную осанку.


Наблусскій монастырь.

Онъ старается казаться охранителемъ европейцевъ въ этой дикой, негостепріимной странѣ, въ самомъ центрѣ ея вѣчныхъ раздоровъ. Мы съ коллегой привлекаемъ всеобщее вниманіе. По адресу драгомана Якуба слышатся насмѣшки. Маскарадный костюмъ «чистокровнаго бедуина», мало гармонирующій съ его нѣмецкой фигурой, вызываетъ негодованіе арабовъ. Пропустивъ насъ впередъ, мальчики дерзко загораживаютъ ему дорогу. Поднимается визгъ, крики, откуда-то летятъ камни. Минуя турецкія казармы, у подножія отроговъ Гаризима, мы вступаемъ чрезъ городскія ворота въ лабирантъ узкихъ улицъ, въ самую толкотню базара. Въ лавкахъ на вашихъ глазахъ и все производство товара. Съ трудомъ объѣзжая вьючныхъ верблюдовъ, лошадей и муловъ, пробираемся мы на противоположный конецъ города, въ греческій монастырь. Онъ стоитъ почти на выѣздѣ. Бѣлая, красивая мечеть примыкаетъ къ высокимъ стѣнамъ монастыря, напоминающаго древнюю крѣпость. Темные аркады, нависшіе надъ улицей, придаютъ городу типичный оттѣнокъ средневѣковья. Присмирѣвшій драгоманъ съ оживленіемъ хватается за кольцо у монастырской калитки, торопливо оглядываясь, какъ-будто боясь погони. На нашъ стукъ въ верхнемъ этажѣ обители отворяется окно и изъ него выглядываетъ голова въ черной греческой камилавкѣ. Начинаются переговоры. Я вынимаю изъ кармана огромный пакетъ за печатью патріарха и въ ту же минуту въ окнѣ раздается краснорѣчивый возгласъ. Голова исчезаетъ и минуту спустя, наглухо запертыя ворота привѣтливо растворяются настежъ. Мы въѣзжаемъ во внутренній дворикъ. Мускулистый негръ затворяетъ ворота. На каменной лѣстницѣ, ведущей въ верхніе покои, появляется самъ настоятель. Я передаю ему патріаршую бумагу, онъ цѣлуетъ сургучную печать, низко кланяясь «дорогимъ гостямъ изъ Россіи». Караванъ спѣшивается. Я тоже пытаюсь слѣзть, но уже не въ силахъ шевельнуться. Меня снимаютъ съ сѣдла, отвязавъ прикрученныя къ стременамъ, сильно отекшія ноги, и уносятъ наверхъ въ большую прохладную комнату.

Я очнулся уже поздно ночью въ постелѣ подъ теплымъ байковымъ одѣяломъ. Гдѣ-то слабо, вдали, нараспѣвъ читались церковные каноны. Въ полутьмѣ яркимъ пламенемъ мигала лампада предъ темнымъ ликомъ святого. На соломенномъ стулѣ подлѣ меня виднѣлась кружка съ водой, стояли лѣкарства. Я потянулся — и въ ту же минуту съ пола у моихъ ногъ поднялась какая-то фигура. Прислужникъ-арабъ пристально взглянулъ на меня, издалъ сдержанный возгласъ удивленія и быстро скрылся. Черезъ нѣсколько минутъ у моего изголовья уже сидѣлъ послушникъ, ломанымъ русскимъ языкомъ разспрашивая о здоровьи.

— Боленъ, боленъ!—твердилъ онъ не то вопросительно, не то сожалѣя. Я закрылъ глаза и послушникъ удалился.

Поутру у моей постели собрались: настоятель, молодой докторъ англичанинъ, мой коллега и драгоманъ Якубъ, перетрусившій не на шутку. Докторъ вымѣрилъ температуру, покачалъ головой, пробормоталъ что-то и тогда мнѣ на голову положили холодные компрессы. Меня пробиралъ внутренній ознобъ, а тѣло страшно горѣло, губы трескались отъ жара. Положеніе было весьма серьезное. День прошелъ для меня незамѣтно. Только по суетѣ монастырскихъ слугъ я понялъ, что принимаются какія-то мѣры, отдаются приказанія, происходитъ таинственный обмѣнъ съ Іерусалимомъ. Ночь прошла въ томительной безсонницѣ и только временами я впадалъ въ чуткую болѣзненную дремоту.

На третій день моего пребыванія въ Наблусѣ, въ комнату совершенно неожиданно вошелъ молодой представительный турокъ въ синемъ однобортномъ мундирѣ съ золотыми пуговицами и погонами. Высокая форменная феска такъ шла къ его симпатичному добродушному лицу, обрамленному темной курчавой бородой. Турокъ заговорилъ со мною по-французски.

— Докторъ Сэркизъ,—рекомендовался онъ,—другъ вашихъ іерусалимскихъ друзей. Я присланъ лѣчить васъ. Не бойтесь—вы скоро поправитесь совершенно.

Появленіе человѣка, дружески утѣшавшаго меня въ одиночествѣ въ такія минуты, когда я смутно, но сознавалъ опасность своего положенія, сильно меня взволновало. Докторъ сообщилъ, что о моей внезапной болѣзни въ Сихемѣ уже телеграфировали патріарху и г. Мазараки, которые и поручили «вылѣчить» меня «непремѣнно»!

— Eh bien—courage! Nous vous guérirons! Болѣзнь моя, какъ оказалось, произвела сенсацію не только здѣсь, но и въ Іудеѣ. Докторъ Сэркизъ выстукалъ меня, выслушалъ по совершенно особеннымъ методамъ. Мнѣ прописали какіе-то порошки и, о ужасъ!—40 сухихъ банокъ на спину. Къ вечеру пришелъ фельдшеръ-турокъ въ сопровожденіи Якуба, принесъ стаканчики самой примитивной формы и началъ жечь бумагу. Признаюсь, я болѣе съ любо-

пытствомъ, чѣмъ со страхомъ приглядывался къ готовящейся операціи. Турокъ-фельдшеръ снялъ туфли, влѣзъ на кровать и перевернулъ меня спиною кверху. Я почувствовалъ, какъ на мои ноги безцеремонно опустилась довольно грузная фигура и въ то же мгновеніе невольно вскрикнулъ отъ боли. Горячія банки съ полупотухшей бумагой такъ и запрыгали по бѣдной спинѣ, немилосердно всасывая кожу. Я стоналъ и метался, пытаясь оглянуться, но широчайшая мозолистая длань всякій разъ властно пригибала мою голову къ подушкѣ.

— Всего десять осталось! успокоивалъ меня Якубъ—только десять!

А я почти уже изнемогаю. Да и бѣдный турокъ-фельдшеръ пыхтитъ, отдувается, второпяхъ обжигая руки горящей бумагой.

— Готово, говоритъ Якубъ, вздохнувъ облегченно.

Фельдшеръ сползаетъ съ кровати, сконфуженно ища туфли босыми ногами — получаетъ «меджидъ» и уходитъ очень довольный. Въ десятомъ часу вечера меня навѣщаетъ докторъ Сэркизъ и я осыпаю его градомъ упрековъ.

— Mais, mon cher, vous vivrez maintenant, вы теперь по крайней мѣрѣ спасены! оправдывается онъ улыбаясь.

Только тогда я начинаю сознавать всю серьезность пережитаго. Дыханье сразу облегчается. Желѣзная рука, все время давившая мою грудь мучительнымъ спазмомъ, какъ будто отпадаетъ. Часъ спустя, по воспаленной кожѣ меня безжалостно намазываютъ іодомъ. Такъ радикально излѣчиваютъ болѣзни на Востокѣ!

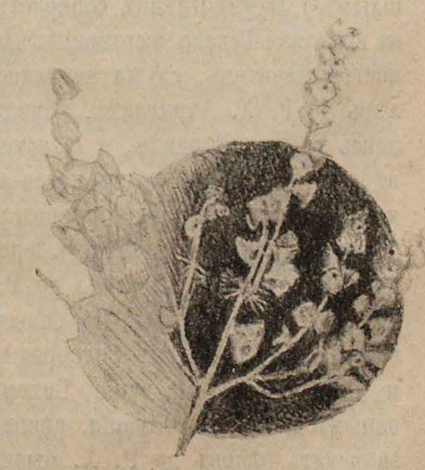
Четвертая безсонная ночь, томительно однообразная. Я лежу на постели въ подушкахъ. Со стѣны на меня въ полу-тьмѣ глядятъ съ образа впалыя очи святого, озаренныя трепетнымъ мерцаніемъ лампады. Этотъ ликъ стариннаго письма, строгій, аскетическій, властнымъ взоромъ глядитъ въ мою душу. Я одинъ безпомощный, слабый, вдали отъ родины, отъ дорогихъ, близкихъ мнѣ людей, только что вышелъ изъ перелома тягостной борьбы между жизнью и смертью. Я сознаю, что только безсмертная, высшая сила даетъ намъ сладостный даръ существованія. Мнѣ чудится, что почернѣлый образъ глядитъ милосерднымъ задумчивымъ взоромъ, что какая то темная сила, стоявшая въ моемъ изголовьѣ, удаляется теперь прочь, подавленная и побѣжденная... А въ открытое окно моей спальни, изъ невидимой глубины, долетаютъ ко мнѣ тѣ же знакомые напѣвы протяжнаго канона. Это тамъ внизу, въ церкви идетъ непрерывная служба. Смиренные иноки молятся за всѣхъ «плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ», за всю необозримую, невѣдомую человѣческую семью, за всѣхъ людей-собратій. Уже свѣтаетъ. Влѣво, въ другомъ окнѣ моей комнаты, начинаетъ алѣть спущенная на ночь бѣлая занавѣска. Откуда-то издали слабо

доносятся звуки рожка: въ турецкой казармѣ играютъ зорю. Первымъ, слабымъ гомономъ просыпается городъ. По каменнымъ, уличнымъ плитамъ мѣрно звякаютъ подковы. Слышится ревъ верблюдовъ, блеянье овецъ—городскія стада выгоняются въ поле. Еще нѣсколько минутъ—и вотъ гдѣ-то вдали, какъ будто затерянный въ недосягаемой выси, дрогнулъ первый призывъ муэзина. Утро! Утро!

— Нигдѣ человѣкъ не познаетъ такъ близко Бога, какъ при смерти! говоритъ игуменъ, сидя у меня въ ногахъ и ласково улыбаясь. Миновала гроза, опасность исчезла и у всѣхъ съ сердца какъ будто свалился тяжелый камень.

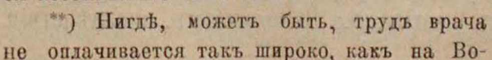
— Ecoutez, mon cher! Enfin, çe serait bien dommage, si un gentilhomme comme vous fut egorgé par ia fiévre! Вы не знаете, что такое *солнечная* лихорадка. Да, да... Слава Богу, что все обошлось такъ благополучно *). Чрезъ нѣсколько дней мы васъ поставимъ на ноги.

Когда я предложилъ деньги за мое лѣченіе, докторъ Сэркизъ едва не обидѣлся. Онъ наотрѣзъ отказался отъ всякаго гонорара, несмотря на то, что плата врачу весьма солидна въ Палестинѣ **). Я пролежалъ въ общемъ съ недѣлю и еще слабый началъ готовиться къ интересному обзору самарянской столицы.

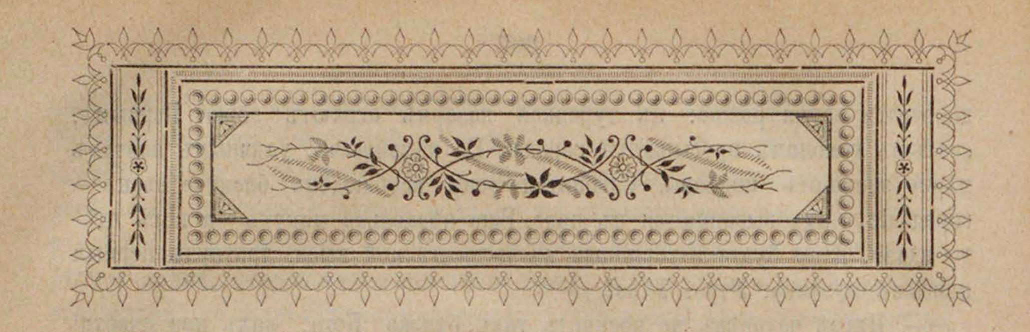


Растеніе окрестностей Наблуса.

*) Только позднѣе, уже совершенно оправившись, я узналъ, насколько былъ безнадеженъ. Не могу передать всего ужаса сознанья, что, въ случаѣ смерти, меня похоронили бы гдѣ-то въ безвѣстной глуши, въ дикой пещерѣ и безъ гроба, по обычаю востока. Даже друзья мои, оставшіеся въ Іерусалимѣ, не успѣли бы пріѣхать къ моменту погребенія. Въ Палестинѣ вслѣдствіе сильной жары, трупъ разлагается необыкновенно быстро и потому умершаго днемъ обыкновенно погребаютъ уже къ вечеру. По мнѣнію доктора Сэркиза, я схватилъ солнечную лихорадку, работая на Мертвомъ морѣ и только недѣлю спустя проявились ея несомнѣнные симптомы.



**) Нигдѣ, можетъ быть, трудъ врача не оплачивается такъ широко, какъ на Востокѣ. Золотая турецкая лира (около 8 р. 30 к.) дается простому доктору. Медицинскіе же авторитеты получаютъ значительныя суммы, доходящія до 30-ти лиръ за консультацію. Лѣченіе въ Наблусѣ, считая плату врачу англичанину въ $4^1/_2$ меджидіэ (6 р. 75 к.), фельдшеру за банки 20 піастровъ (около 1 р. 30 к.), обошлось мнѣ въ общемъ въ рублей десять.



Глава IV.

Сихемъ-Наблусъ.

История города. Памятники Самарянской столицы. Колодезь Іакова. Гробница Іосифа. Евангельскіе силуэты. Справка о „Сихарѣ“ и „Сихемѣ“. Нравы мѣстной толпы.

Исторія *Сихема* (теперешняго Наблуса) теряется въ глубочайшей древности. Имена Авраама, Іакова, Іосифа связаны съ его прошлымъ[1]). Іисусъ Навинъ собираетъ въ Сихемѣ племена израильскія, воздвигая на высотахъ Гевала жертвенникъ Іеговѣ. Позднѣе городъ становится собственностью левитовъ, служа неприкосновеннымъ мѣстомъ убѣжища.[2]) За 1236 лѣтъ до Р. Х. Авимелехъ, убившій 70 своихъ братьевъ, объявляетъ себя здѣсь главою Израиля, а Іоаѳамъ на вершинѣ Гаризима произноситъ древнѣйшую изъ рѣчей-притчъ, когда-либо до насъ дошедшихъ[3]). Со смертію Соломона Ровоамъ въ Сихемѣ провозглашаетъ себя царемъ, положивъ начало распаденію Давидова царства[4]). Іеровоамъ расширяетъ и укрѣпляетъ Сихемъ, процвѣтающій до 721 года до Р. Х., когда погромъ Салманасара обращаетъ его въ развалины. На священномъ мѣстѣ, въ центрѣ борьбы за гегемонію въ Палестинѣ водворяются выходцы изъ Вавилона, Гаматы, Куѳы и Сефарваима. Названіе Сихема, служившаго политическимъ и религіознымъ центромъ Самаріи, приписывается холму «*Хамеронъ*», на которомъ за девять вѣковъ до Р. Х. были положены первые камни города[5]). Во время владычества римлянъ, Сихемъ называется Неаполисомъ, впослѣдствіи

---

[1]) Бытія кн. XII—6, XXXIII—19, XXXVII. 13—14.

[2]) Кн. I. Нав. XIII—30—35. Кн. XXVII.

[3]) Кн. Суд. XIII, 31, IX. 1—5, IX—70, 20.

[4]) III кн. Цар. XII—1, IV кн, Ц. XII.

[5]) Самый холмъ обязанъ своимъ именемъ Хамору или Циморею, сыну Ханаана. Бытія 10—18.

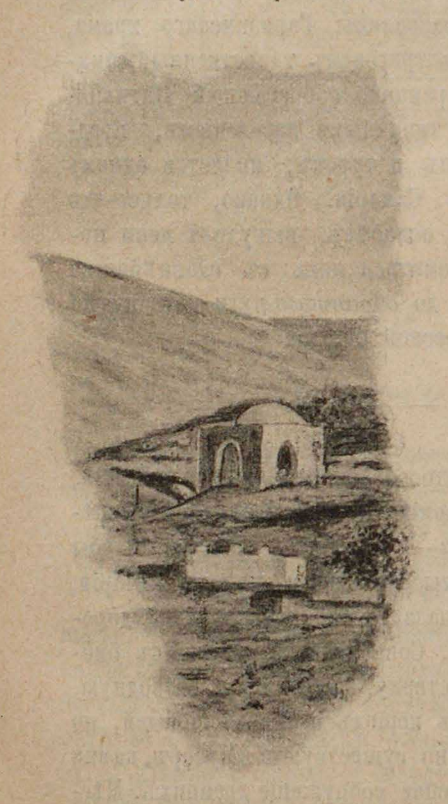
исковерканный арабами въ современный Наблусъ. Осмотръ города крайне интересенъ. Помимо такихъ древнѣйшихъ памятниковъ, какъ колодезь Іакова близъ Сихаря, гробница Іосифа, развалины Гаризимскаго храма, еще уцѣлѣвшія на вершинѣ, меня сильно интриговалъ таинственный самарянскій кварталъ со старинной синагогой, ревниво оберегающей Пятикнижіе Моисея. Но и самъ Наблусъ съ его типичнымъ населеніемъ, представляющимъ оригинальную смѣсь самарянъ и турокъ, является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ мѣстъ далекой Самаріи. Однако, только-что вынесенная болѣзнь отъ которой я крайне ослабѣлъ, вынудила меня послѣдовать совѣту доктора. Я рѣшилъ ознакомиться пока съ главнѣйшими достопримѣчательностями Сихема, отложивъ до *обратнаго* пути поѣздку на Гаризимъ и въ мѣстечко Рафидіэ, съ интересной школой *).

6-го августа мы съ коллегой, сильно затосковавшимъ отъ бездѣйствія, сѣли на лошадей и, въ сопровожденіи Якуба, отправились обозрѣвать арабскій Биръ-Якубъ—*колодезь Іакова*—и гробницу Іосифа. Чтобы посѣтить историческій водоемъ, поившій тысячелѣтіями народы Самаріи, нужно выбраться изъ города и, проѣхавъ назадъ по Іерусалимской дорогѣ, свернуть влѣво къ подножью Гаризима. Современный источникъ библейскаго патріарха образуетъ обширную цистерну, глубокую и безводную. Неизвѣстно, наполняется ли она даже въ періодъ осеннихъ дождей, но ключи, бившіе когда-то на днѣ его, несомнѣнно существуютъ. Мусоръ, камни и верескъ наполовину засыпали это прекрасное сооруженіе древнихъ. Мѣстами еще видны какъ будто слѣды ступеней, по которымъ можно было бы спуститься внизъ, но Якубъ и проводники энергично возстаютъ противъ такой попытки. Въ камняхъ, говорятъ, ютятся змѣи, сороконожки и скорпіоны, а самый спускъ по осыпи такъ крутъ, что легко оборваться и полетѣть внизъ, футовъ на семьдесятъ въ глубину водоема. Нельзя не удивляться поразительному запустѣнію, въ которомъ находится эта изумительная циклопическая постройка. Отверстіе колодца было прежде закрыто камнями, но постепенно края внутренней стѣны стали обнажаться, плитнякъ вывѣтрился и образовалось отверстіе, въ которое можно было бы проникнуть. Въ былые дни участокъ *Сихарь* съ полемъ Іосифа былъ увѣковѣченъ развалинами церкви, постройка которой относится еще къ эпохѣ

---

*) Въ послѣдовательномъ обзорѣ Самаріи и Галилеи обратный путь отъ Ѳавора къ Іерусалиму идетъ уже по иному направленію, пересѣкая дорогу на сѣверъ въ Дженинѣ и Сихимѣ. Въ послѣднемъ приходится обыкновенно ночлегъ, что позволяетъ утромъ съѣздить на вершину Гаризима.

средневѣковья. Какъ будто остатки древнихъ фундаментовъ виднѣются донынѣ вокругъ Биръ-Якуба, и легко предположить, что груды отесанныхъ плитъ служили нѣкогда матеріаломъ исчезнувшаго храма крестоносцевъ—такъ плотно сливаются онѣ съ камнями библейской цистерны. Христіане воздвигли надъ самымъ водоемомъ свой молитвенный домъ, желая увѣковѣчить мѣсто бесѣды Христа съ самарянкой Фотиньей *). Колодезь изсѣченъ въ глубинѣ натуральной скалы и полукруглый сводъ надъ нимъ, наполовину обрушившійся, мѣстами сохранилъ слѣды штукатурки. Изслѣдователь пятидесятыхъ годовъ Порфирій Успенскій предполагаетъ, что колодезь былъ помѣщенъ подъ алтаремъ обширной церкви, на половину вросшей въ землю уцѣлѣвшими фундаментами. По крайней мѣрѣ онъ описываетъ подземные корридоры и хорошо сохранившіеся круглые своды, которыхъ теперь даже нельзя прослѣдить—такъ засосало ихъ глиной и мусоромъ *). Въ его время глубина водоема достигла до 12 саж., причемъ вода еще держалась на днѣ въ глубинѣ восьми саженъ. Интересно, что современный Биръ-Якубъ пустуетъ заброшенный и видимо позабытый. Населеніе Наблуса пользуется водой изъ другого источника — Энъ-Дафна, бьющаго изъ склоновъ Гаризима и тщательно проведеннаго по водопроводу до старинной цистерны. Изъ этого искуственнаго бассейна, скрывающагося въ зелени сада, обильный ручей протекаетъ до старой заброшенной мельницы, орошаетъ прилегающіе сады, наполняя по пути писцины и канавы. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе реставрировать колодезь патріарха, отведя въ него воду упомянутаго источника и расчистивъ ключи на днѣ засоренной цистерны Іакова. Но мѣстные жители такъ лѣнивы, а европейцы такъ мало



Колодезь Іакова въ Сихемѣ.

*) Еванг. Іоан. IV—5, 6, 7. Фарраръ считаетъ упомянутый источникъ заодно изъ историческихъ мѣстъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію Колодезь въ Сихемѣ, перевалъ на горѣ Елеонской близъ Виѳаніи и пожалуй еще вершина холма въ Назаретѣ—безспорные пункты пребыванія Спасителя, точно опредѣленные Евангеліемъ.

**) „Книга бытія моего". Дневникъ съ 1841 по 1844 г. Изд. 1894 г. Спб.

интересуются археологическими сокровищами, что можно сказать съ увѣренностью, судьба этого библейскаго памятника едва ли не самая плачевная въ Палестинѣ. Онъ обреченъ на исчезновеніе, такъ какъ мусоръ и постепенно обваливающіеся своды грозятъ окончательно засыпать этотъ евангельскій ключъ «воды живой», послужившій Спасителю поводомъ къ трогательной притчѣ о «жаждѣ духовной», ведущей въ „жизнь вѣчную"...

Вблизи Биркетъ-Якуба пріютился и другой памятникъ старины — историческая *могила Іосифа*. Сюда, въ землю отцовъ Израиля, умирая въ Египтѣ, завѣщалъ Іосифъ перенести свои кости. Завѣтъ этотъ какъ извѣстно, выполнилъ Моисей, покидая страну фараоновъ, а Іисусъ Навинъ, введя Израиля въ обѣтованную землю, зарылъ прахъ патріарха на полѣ Евеевъ, купленномъ еще Іаковомъ у сыновей Аммора *). Бѣлыя оштукатуренныя стѣны окружаютъ гробницу. Онѣ невысоки и сплошь поросли густой, ползучей зеленью винограда. Каменный куполъ одѣваетъ шатромъ выложенную изъ кирпича овальную могилу, оригинальной конструкціи. Въ ногахъ и въ изголовьи къ гробницѣ придѣланы были каменные столбики — колонны, въ которыхъ замѣтны углубленія въ родѣ чашъ, употреблявшихся древними для куреній. Якубъ увѣряетъ, что евреи до сихъ поръ возжигаютъ здѣсь масла, и дѣйствительно каменные сосуды совсѣмъ почернѣли отъ копоти. На одной изъ стѣнъ, окружающихъ библейскую усыпальницу, видна интересная англійская надпись, которую мой коллега списалъ себѣ на память. Она гласитъ слѣдующее:

THIS BUILDING
SURROUNDING AND COVERING
THE TOMB OF
THE PATRIARCH JOSEPH
WAS NIERLY REBUILT
AT THË EXPENSE OF
MR E. T. ROGERS
H. B. M. CONSULAT AT DAMASCQE
JANUARY A. D. 1868. **).

Вѣроятно гробница Іосифа реставрировалась много разъ. Евреи, владѣющіе этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ старины, тщательно его оберегаютъ. Мѣсто нахожденія ея вполнѣ совпадаетъ съ указаніями Библіи ***).

---

*) Исходъ, 12, 33. Кн. Іис. Нав. 24, 3.

**) Это зданіе, окружающее и покрывающее гробницу патріарха Іосифа, было (стерто-очевидно какое-то нарѣчіе, относящееся къ слову „перестроено") перестроено на иждивеніе Мистера Е. Т. Рожерса, консула Е. Б. В. въ Дамасскѣ. Январь 1868 г.

***) Бытіе XXIII—19; Іис. Нав XXIV—32.

Но теперешній видъ ея напоминаетъ скорѣе одну изъ *уэли* мусульманскаго шейха, чѣмъ древній надгробный саркофагъ израильскаго патріарха. Осмотрѣвъ ветхозавѣтныя реликвіи, мы рѣшили сдѣлать привалъ, такъ какъ спѣшить было некуда, а возвращаться домой еще не хотѣлось. Вечеръ тихій, ласкающій обливалъ окрестность нѣжными тонами меркнувшаго освѣщенія. Обрывистые утесы Гевала багряной стѣной подымались справа, а слѣва по пологимъ скатамъ Гаризима, картинно спускались сады, зеленѣли маслины... Бѣлый городъ тонулъ среди гранатниковъ и кипарисовъ— городъ «отверженныхъ», если только историческій *Сихарь* можно признать въ современной Наблусѣ *). Внизу по долинѣ, у подножія горъ, въ мягкомъ сумракѣ густѣвшихъ тѣней, постепенно стихалъ людской гомонъ. На вершинахъ цвѣтущаго Гаризима скользили послѣдніе трепетные лучи рдѣвшаго заката. Розовый флеръ заволакивалъ верхи минаретовъ, остроконечную колокольню греческаго монастыря, огненнымъ заревомъ пожара обливая каменистые склоны Гевала. Въ воздухѣ тишь, нѣтъ жгучей истомы... Легкій вѣтеръ начинаетъ слабо тянуть изъ сосѣднихъ ущелій. Пока мой коллега набрасываетъ въ дорожный альбомъ могильный памятникъ Іосифа, я сижу близъ Биркетъ-Якуба и предо мной властно встаютъ евангельскіе силуэты...

Гробница Іосифа.

Великій учитель, «утрудившись долгой ходьбой», сѣлъ на каменномъ парапетѣ колодца. Самарянка, пришедшая съ водоносомъ, стоитъ предъ Нимъ, смущенная, въ раздумьи. Онъ «еврей»,—говоритъ съ ней, «отверженной», не боясь оскверниться. Онъ проситъ у ней пить и, пораженная его бесѣ-

*) Интересно, что Сихарь—маленькій городокъ лежалъ близъ Шехема (Сихема), главнаго города Самаріи. Евсевій точно опредѣляетъ мѣстоположеніе Сихаря, говоря, что онъ находился къ западу отъ Сихема, недалеко отъ источника. Древность Сихема (эллинская форма еврейскаго Шехема) не подлежитъ сомнѣнію и названіе его было извѣстно любому іудею въ дни Спасителя. Евангелистъ Іоаннъ прямо упоминаетъ Сихарь и это заставляетъ предполагать, что современный Сихемъ-Наблуса не имѣетъ ничего общаго съ евангельскимъ Сихаремъ. Къ тому же послѣдвій находился

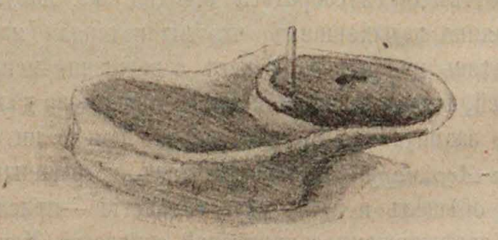
дой, грѣшная жена постигаетъ смыслъ высшей, духовной жажды. Она затрогиваетъ сложный вопросъ о поклоненіи Единому Богу не въ храмѣ, не на горѣ, а въ собственномъ сердцѣ «въ духѣ и истинѣ». Здѣсь данъ неумолимый отвѣтъ—осудившій нашу религіозную партійность и косность. Здѣсь открытъ намъ родникъ «воды живой», неизсякающій въ своей глубинѣ и «текущій въ жизнь вѣчную». «Повѣрь мнѣ,—говоритъ Іисусъ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Но настанетъ время и настало уже, когда *истинные* поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ; ибо *такихъ* поклонниковъ Отецъ ищетъ себѣ. *Богъ есть духъ*: и поклоняющіеся ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ» *). И вотъ, изъ городскихъ стѣнъ какъ теперь движется толпа къ источнику патріарха. Какъ тогда, съ любопытствомъ присматривается она къ незнакомому путнику, съ нескрываемой гордостью убѣжденнаго превосходства. А кругомъ, какъ и тогда, стелется безконечная, зеленая долина, уходитъ въ даль золотистая ширь хлѣбныхъ полей Самаріи. Тѣ же вершины Гевала и Гаризима спокойно озираютъ эту цвѣтущую «страну отверженныхъ». Одинокимъ пятномъ бѣлѣетъ царственный саркофагъ Іосифа и самые камни тысячелѣтнихъ руинъ какъ будто говорятъ о преподанномъ здѣсь завѣтѣ «любви, братства и единенія»—завѣтѣ, попрежнему чуждомъ и современному человѣчеству...

Вернувшись домой, я засталъ у себя турецкаго доктора. Милѣйшій Серкизъ долго противился моему рѣшенію выступить въ путь на другой день къ вечеру. Я готовъ былъ собраться сегодня же, побуждаемый къ тому коллегой, постоянно вздыхавшимъ, что мы потеряли массу времени. Дѣйствительно, болѣзнь моя отняла у насъ совершенно непроизводительно цѣлыхъ шесть дней, а предстоящій осмотръ Галилеи—по дальности экскурсіи—могъ еще болѣе затянуться. Но мнѣ, во что бы то ни стало, хотѣлось посѣтить *Галкатъ-Ассамару*—особый кварталъ, населенный самарянами. Любезный Серкизъ обѣщалъ и здѣсь свое содѣйствіе—прислать рекомендательное письмо къ завѣдующему самарянской синагогой. Между тѣмъ, греческій настоятель монастыря, стараясь укрѣпить мои силы, послѣ только-что пе-

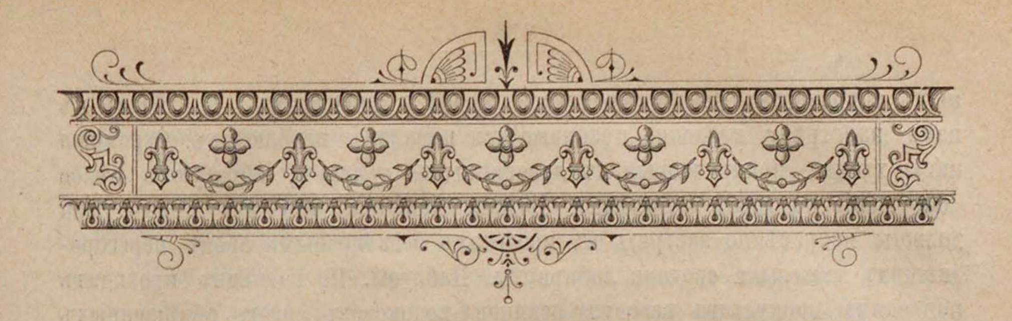
близъ источника (и конечно былъ виденъ отсюда), тогда какъ Наблуса лежитъ отъ него почти въ 2-хъ миляхъ. На мѣстѣ древняго Сихаря, на склонѣ горы донынѣ сохранились груды камней, мусора, дающія основаніе предполагать, что именно здѣсь-то и былъ евангельскій Сихарь, куда отлучились ученики купить пищи и гдѣ впослѣдствіи провелъ 2 дня Спаситель. (Диксонъ 228). Дидонъ указываетъ на современную деревушку Балату, какъ на мѣсто проповѣди Іисуса самарянамъ, говоря, что Сихемъ со времени Веспасіана былъ передвинутъ далѣе на юго-востокъ, ставъ городомъ Флавія, что легко отнести къ теперешней Наблусѣ. („Іисусъ Христосъ"—Дидона. Стр. 336).

*) Еванг. Луки, гл. IV, 21, 23, 24.

ренесенной болѣзни, усиленно заботился о нашемъ питаніи. Бульонъ и курица, разварные овощи, пилавъ, жареная баранина доставляли не мало хлопотъ болѣе чѣмъ скромной монастырской братіи. Игуменъ приложилъ всѣ усилія, чтобы радушіе и гостепріимство надолго остались въ памяти. Вечеромъ насъ поразилъ удивительный концертъ подъ окнами. Пронзительные голоса, визгъ, смѣхъ, какіе-то странные звуки—все это вынудило меня отворить окно на улицу. Но только что мы съ любопытствующимъ коллегой успѣли выглянуть внизъ, какъ въ насъ градомъ полетѣли арбузныя корки, объѣдки кукурузы и прочую дрянь, заставившая быстро захлопнуть раму. Какъ оказалось—это обычный концертъ наблусскихъ мальчишекъ, безцеремонно примѣняемый безъ всякихъ послѣдствій къ каждому европейцу. Дерзость фанатическаго населенія такова, что стоитъ разъ прогнать этихъ вызывающихъ мальчугановъ, какъ за ними слѣдомъ явится мусульманская толпа, угрожая погромомъ. Мы отдѣлались совершенно неожиданно отъ этого нелюбезнаго визита. Случилось, что съ «концертомъ» совпалъ пріѣздъ къ намъ начальника мѣстнаго гарнизона—друга Серкиза и іерусалимскаго паши, отъ котораго мы имѣли бумагу. Надо было видѣть ужасъ мальчугановъ при появленіи начальника, окруженнаго конвоемъ, отъ котораго они моментально разсыпались въ разныя стороны.



Ручная мельница.



Глава V.

Въ странѣ отверженныхъ.

Улицы и базары Наблуса.—Самарянскій кварталъ, его прошлое.—Древняя синагога и пятикнижіе Моусея.

Раннимъ утромъ Якубъ разбудилъ насъ, торопя осмотромъ довольно отдаленнаго самарянскаго квартала. Верхами, втроемъ, выступили мы изъ монастыря по полутемнымъ улицамъ и переулкамъ. Оригинальная восточная архитектура города становится здѣсь еще болѣе типичной, благодаря многочисленнымъ сводамъ домовъ, перекинутыхъ черезъ улицы. Два-три поворота—и вотъ мы уже окружены пестрой толпой, шумной и подвижной. Странно, но въ общемъ самарянскій Наблусъ напоминаетъ сирійскій Бейрутъ, какъ архитектурой своихъ зданій, такъ и колоритомъ толпы, почти исключительно мусульманской. Всѣ нижніе этажи каменныхъ домовъ заняты лавками, въ которыхъ можно найти все необходимое въ обиходѣ турокъ. Жизнь бьетъ здѣсь ключемъ, звонкимъ и говорливымъ, и кипучая торговая дѣятельность кладетъ особый отпечатокъ на этотъ фабрично-промышленный центръ Палестины. На фабрикахъ Наблусы производится извѣстное душистое мыло, сбываемое въ широкихъ размѣрахъ въ большинство городовъ Средиземнаго побережья, а изъ мѣстной глины вырабатываются прекрасныя трубки, чернильницы и пр. горшечный товаръ, охотно раскупаемый туземцами. Благодаря своему положенію на караванномъ пути отъ Дамаска въ Іерусалимъ, городъ быстро растетъ, а по относительной чистотѣ, прекраснымъ трехъ-этажнымъ домамъ, рѣдко попадающимся на востокѣ, массѣ садовъ и непересыхающихъ ключей—можетъ считаться однимъ изъ цвѣтущихъ городовъ св. Земли.

Мы пробираемся среди толпы съ большими затрудненіями. На улицахъ города движеніе затихаетъ только къ ночи, а съ утра въ узкихъ камен-

ныхъ корридорахъ настоящая толчея людей и животныхъ. И сейчасъ къ намъ навстрѣчу медленно приближается караванъ верблюдовъ. Огромныя кипы хлопка, прикрученныя къ деревяннымъ сѣдламъ, образуютъ цѣлое сооруженіе на горбѣ животнаго. Издали кажется, что эти сѣрые тюки должны непремѣнно застрять въ пролетахъ безконечныхъ арокъ, перегородившихъ тяжелыми сводами лабиринты Наблусы. Но караванъ проходитъ невредимо, пропустивъ вереницу осликовъ-водовозовъ, сплошь обвѣшенныхъ мокрыми боченками.

— Хола! Холт-ле! Берегись, сторонись!—кричатъ погонщики, удивительно проскакивая между рядами животныхъ. Женщины въ темныхъ покрывалахъ, съ грудными дѣтьми на рукахъ, стоятъ на порогахъ домовъ, провожая глазами рѣдкихъ здѣсь европейцевъ. Въ глухомъ переулкѣ дерутся мальчишки, вырывая другъ у друга щенятъ, визжатъ собаки, продавцы шербета заливаются на всѣ лады и тоны. Подъ каменнымъ навѣсомъ закоптѣлой кузницы не умолкая стучитъ молотъ. Ароматомъ свѣжихъ плодовъ и овощей вѣетъ изъ лавчонки зеленщика, возсѣдающаго подъ зеленнымъ навѣсомъ лука, моркови и сельдерея. На одномъ изъ ручьевъ, медленно вращая деревянными колесами, громыхаетъ старая мельница. Якубъ увѣряетъ, что это мыльная фабрика, выжимающая оливки.

Мы сворачиваемъ въ глухой переулокъ и, проѣхавъ какой-то старинный аркадъ давно упраздненныхъ воротъ, вступаемъ въ предѣлы «квартала отверженныхъ». Пока Якубъ съ рекомендательнымъ письмомъ Серкиза разыскиваетъ смотрителя синагоги, мой коллега, цитируя гидъ, знакомитъ меня съ прошлымъ этой вымирающей секты *).

«Преодолѣваніе» нѣмецкаго языка дѣлаетъ обмѣнъ нашихъ впечатлѣній нѣсколько затруднительнымъ, вызывая нерѣдко обоюдное удивленіе.

— Вотъ видишь ли, другъ мой, — говоритъ коллега, методически покачивая на сѣдлѣ, насколько мнѣ неизмѣняетъ память... warsheinlich — вѣроятно, Quelle—источникъ, eingeschrieben—вписано... Постойте, я вамъ сейчасъ скажу... И вотъ, пробормотавъ что-то скороговоркой и лихорадочно перевернувъ нѣсколько страницъ, при чемъ выпадаютъ всѣ закладки, почтенный археологъ поспѣшно добавляетъ:—Нашелъ... да, да...

---

*) Въ ней насчитывается только 130 человѣкъ, считая дѣтей и женщинъ, но и эта цифра лишь приблизительная. Интересно, что въ 1173 г. Веніаминъ Тудела насчитывалъ ихъ едва до 100. Но въ то время самаряне имѣли отпрыскъ въ Дамаскѣ, Аскопонѣ, Кесаріи, не считая Египта—всего до 1000 чел. Уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія Наблусъ является единственнымъ мѣстомъ, гдѣ уцѣлѣлъ этотъ быстро вымирающій остатокъ Шамъ-Римъ, т.-е. „хранителей закона“, какъ называютъ себя самаряне, хотя Петерманъ и упоминаетъ, что въ XVI стол. до 3000 ихъ единовѣрцевъ переселились въ Англію.

Я прислушиваюсь, а онъ переводитъ:

— «Отдѣленіе самарянъ отъ іудеевъ совпадаетъ съ временемъ оставленія первосвященникомъ Иліей Гаризимскаго храма, построеннаго Іисусомъ Навиномъ, и построеніемъ другого въ Силомѣ».

— Donnerwetter!! Что же дальше?

— Дальше, ненависть іуддеевъ и самарянъ возрастаетъ послѣ плѣна вавилонскаго, такъ какъ евреи *отвергли* предложеніе самарянъ принять ихъ участіе въ возобновленіи іерусалимскаго храма. Такимъ образомъ корень вражды—религіозно-политическій. Это—страна отверженныхъ...

— Все? Благодарю васъ.

— Что вы, что вы,—тутъ еще двѣ страницы убористаго текста...

«Сынъ первосвященника Іодая Манасія, изгнанный изъ Іерусалима Немiей въ 437 г. до Р. Х., найдя убѣжище въ Сихемѣ, становится здѣсь первосвященникомъ и основателемъ Самарянской секты. Іоаннъ Гирканъ за 130 л. до Р. Х. разрушаетъ храмъ на Гаризимѣ, а въ эпоху борьбы израильтянъ съ римлянами, Цереалисъ, полководецъ Веспасіана, избиваетъ почти всѣхъ представителей этой секты. Самаряне признаютъ священными только книги Моисея и Іосифа Навина. Религія ихъ была господствующей въ первые вѣка христіанства. (Здѣсь интересная сноска, добавляетъ коллега, я переведу ее потомъ). «Сихемъ является ареной проповѣди Филиппа, противника церкви Симона Волхва, и родиной мученика Юстина». Въ сноскѣ во-первыхъ: «презрительное прозвище *Сихемъ*—Сихарь истекаетъ изъ еврейскаго слова *шакаръ*, т.-е. *напиваться*, указывая на слабость самарянъ къ напиткамъ». Во-вторыхъ: «въ Наблусѣ упомянутое сектанство было господствующимъ, судя по найденнымъ медалямъ этой эпохи, гдѣ гора Гаризимъ съ храмомъ изображена какъ символъ римскаго Неаполиса...»

Неожиданное появленіе Якуба съ почтеннымъ старцемъ въ красной полосатой чалмѣ (отличительный признакъ самарянина), въ темно-зеленомъ халатѣ, съ черной лентой на груди, оторачивающій бортъ оригинальнаго костюма, прерываютъ наши историческія «упражненія». Мы спѣшиваемся и, отдавъ лошадей Якубу, отправляемся за нашимъ новымъ чичероне. Онъ ведетъ насъ по лѣстницѣ вверхъ, на кровлю-террасу ближайшаго дома. Самарянскій кварталъ — это удивительный уголокъ по архитектурной обособленности. Съ интересной распланировкой его зданій могутъ идти въ параллель по конструкціи и замыслу развѣ только пещерные города отдаленнаго Крыма. Я былъ не мало изумленъ, когда, поднявшись на парапетъ первой террасы, увидѣлъ непрерывную линію такихъ же террасъ, почти примыкающихъ другъ къ другу. Второй этажъ самарянскихъ домовъ отступаетъ вглубь отъ общаго фасада улицы, образуя рядъ помѣщеній, сообщающихся внутри между собою, что придаетъ имъ характеръ одной, тѣсно сплоченной

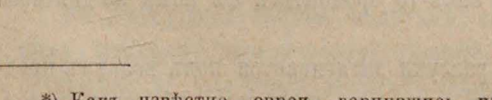
массы. Это своеобразный городъ — цитадель, такъ сказать, общій домъ всего племени. Образцовая чистота внутреннихъ комнатъ невольно останавливаетъ вниманіе туриста. Полъ налакированъ, стѣны и потолокъ тщательно выбѣлены. Въ серединѣ потолка во многихъ помѣщеніяхъ выпуклый куполъ красиво расписанъ краской и украшенъ рельефной работой, но невысокаго достоинства. Окна выходятъ во внутренній дворъ и въ рамахъ, вмѣсто стеколъ, вставлены довольно частыя деревянныя или металлическія рѣшетки. Убранство пріемныхъ покоевъ, впрочемъ, мало отличается отъ обычной турецкой меблировки. Тѣ же широкіе диваны вдоль стѣнъ съ мягкими спинками и подушками задрапированы здѣсь полосатой матеріей разныхъ цвѣтовъ взамѣнъ обычныхъ ковровъ, принятыхъ на востокѣ, даже у европейцевъ. По угламъ стоятъ большіе сосуды страннаго вида, и на мой вопросъ о ихъ назначеніи, хозяинъ сообщилъ мнѣ, что для домашнихъ надобностей. Вѣроятно, эти кувшины съ водой для омовенія по древне-еврейскому обычаю находившіеся прежде въ каждомъ почти зажиточномъ домѣ *). Выйдя на террасу, мы застали тамъ цѣлую группу любопытныхъ самарянъ и самарянокъ. Я невольно залюбовался статными фигурами мужчинъ, въ типичныхъ чалмахъ и длинныхъ халатахъ. Женщины очень красивы: стройныя, высокаго роста и прекрасно сложены, что составляетъ ихъ главную гордость. Нарядъ самарянки—смѣсь европейскаго съ турецкимъ: широкія шалвары изъ мѣстной матеріи перетянуты пестрымъ кушакомъ на тонкой таліи. У щиколки онѣ собраны на вздержкахъ, слегка обнажая красивую ногу въ красныхъ туфляхъ. Бѣлая рубашка съ цвѣтной курткой, богато расшитой шелками и золотомъ, образуетъ спереди разрѣзъ, почти обнажающій полную грудь у дѣвушекъ. Чѣмъ пышнѣе формы, тѣмъ болѣе гордится ими самарянка. Страсть къ ожерельямъ изъ янтаря, камней или просто стеклянныхъ шариковъ, составляетъ отличительную особенность мѣстныхъ женщинъ. Лобъ, какъ и у виѳлеемлянокъ, сплошь унизанъ серебряными монетами, которыя покрываютъ у богатыхъ почти всю голову, ниспадая сзади на прекрасныя косы. Обходя кварталъ отверженныхъ, я вынесъ убѣжденіе, что самаряне значительно развитѣе своихъ сожителей турокъ. Женщины не прячутся при появленіи иностранцевъ, мужчины держатся не-

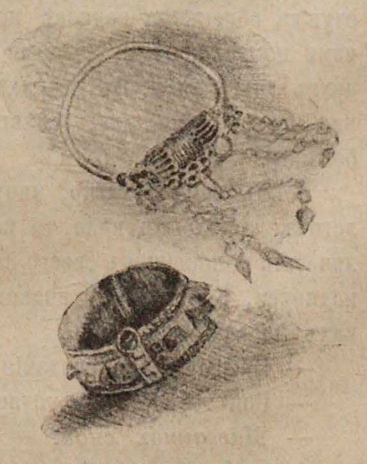
Самарянинъ.

*) Ев. Іоанна, II, 6.

принужденнѣе. Почтенный раввинъ, которому насъ рекомендовалъ Саркизъ, предложилъ осмотрѣть и «завѣтную самарянскую святыню».

Древняя синагога — предметъ особеннаго вниманія иностранцевъ. Но собственно въ ней почти нечего осматривать: полутемная комната совершенно пуста, безъ всякихъ признаковъ орнамента или украшеній. Съ потолка спускается нѣсколько цвѣтныхъ лампадъ самой грубой работы. Полъ устланъ цыновками; вдоль стѣнъ нѣтъ ни одной скамьи, ни одного табурета. Драгоцѣнная святыня самарянъ—знаменитое *пятикнижіе Моисея* хранится въ нишѣ, задернутой зеленой занавѣсью. Намъ вынесли серебряный ларецъ, изъ котораго достали длинный пергаментный свитокъ, накатанный съ двухъ концовъ на серебряныя палки. Текстъ написанъ древне-финикійскими письменами, что заставляетъ отнести этотъ памятникъ старины къ эпохѣ Израиля до плѣненія *). Довольствуясь Моисеевыми книгами, придерживаясь только пасхальныхъ жертвоприношеній, самаряне, отвергнутые соплеменниками, благодаря долгимъ вѣкамъ отчужденія, значительно отстали въ религіозномъ развитіи отъ іудеевъ. Единственнымъ связующимъ звеномъ съ израилемъ у нихъ остается ожиданіе великаго Мессіи, обѣщаннаго Моисеемъ. Но это пророкъ исключительно самарянскій, призванный возстановить распавшійся храмъ на Гаризимѣ. Имя его *Наөабъ,* какъ указываетъ будто бы Второзаконіе **). Въ прошломъ вѣкѣ не только осмотръ религіозныхъ святынь самарянъ, но и самый доступъ въ Наблусъ былъ почти невозможенъ христіанамъ. Только въ 40 годахъ текущаго столѣтія, послѣ суровой расправы Ибрагимъ-паши, бунтующіе наблусцы были признаны замиренными, впрочемъ только фиктивно, такъ какъ населеніе Сихема постоянно дѣлаетъ попытки вернуться къ своей прежней независимости.

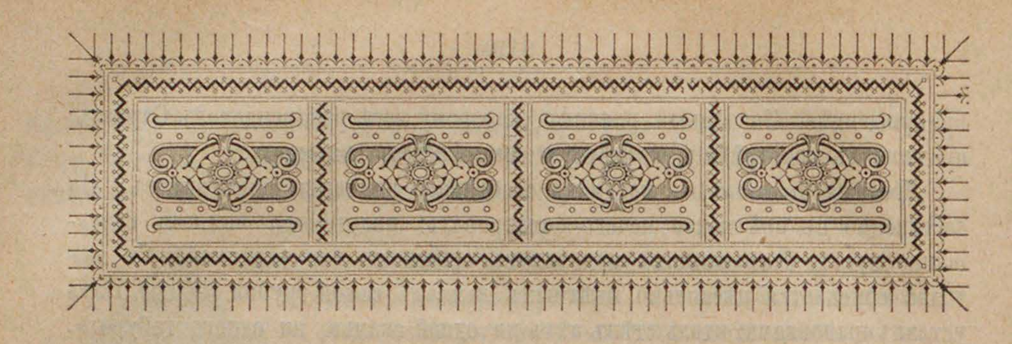




Браслеты самарянскихъ женщинъ.

*) Какъ извѣстно, евреи, вернувшись изъ плѣна, приняли халдейскую азбуку. Самаряне утверждаютъ, что свитокъ этотъ написанъ сыномъ Финеесовымъ — Ависаіею и существуетъ почти 3,500 л. (I кн. парал. VI — 4). Но изслѣдователи относятъ знаменитое пятикнижіе къ эпохѣ Манасіи, то-есть къ 420 году до Р. Х.

**) Второз. XII—19. XVIII. XV.



Глава VI.

Отъ Наблусы до Дженина.

Церемонія отъѣзда.—По отрогамъ Гевала.—Панорама города.—Перевалъ въ долину израильскаго царства.—Галилейскій пейзажъ.—Неожиданное столкновеніе.—Фанатизмъ энганимской толпы.—Дневка въ Дженинѣ.

Въ 5-мъ часу пополудни, когда жаръ значительно свалилъ, мы стали собираться въ дорогу. Лошади осѣдланы, Константинъ прикручиваетъ саквы, драгоманъ Якубъ отдаетъ послѣднія приказанія. У воротъ монастыря собралась уже цѣлая толпа любопытныхъ, осаждая распросами новаго конвойнаго, присланнаго на смѣну наблусскимъ комендантомъ. Мы допиваемъ послѣдній прощальный кофе, одѣтые по-дорожному, въ обществѣ радушныхъ сихемскихъ друзей—милѣйшаго Серкиза, игумена обители и офицера мѣстнаго гарнизона, предполагавшаго ѣхать съ нами до Дженина. Вотъ уже служка обнесъ на подносѣ послѣдній кум-кумъ—холодное питье съ пахучими померанцевыми цвѣтами и мы поднялись съ мѣста, крѣпко пожимая другъ другу руки. Въ дверяхъ насъ провожаетъ канономъ немногочисленная братія монастыря, успѣвшая какъ-то сродниться съ нами за дни моей болѣзни.

Всѣмъ намъ грустно, минута разлуки затягивается подъ всякимъ предлогомъ: то забыли вино, то коллега археологъ второпяхъ обронилъ металлическій наконечникъ своего неразлучнаго зонтика. Драгоманъ осматриваетъ подпруги, Константинъ подводитъ лошадей при шумныхъ, задорныхъ крикахъ мальчишекъ.

— Прощайте, до свиданія!

— Bon voyage! Bon voyage!

— *Массайнак сиди!* — произноситъ прощальное привѣтствіе жандармъ—добрый вечеръ!—и мы трогаемся, постоянно оглядываясь.

Еще долго у воротъ обители группа людей машетъ намъ платками, и мы въ отвѣтъ приподнимаемъ шляпы.

А вечеръ уже близокъ... Прохладою вѣетъ изъ ближнихъ ущелій Гевала, что темнымъ кремнистымъ изломомъ провожаетъ насъ справа. Мы минуемъ бѣлую мечеть, проѣзжаемъ вдоль покрившагося плетня старой, запущенной мельницы и круто сворачиваемъ вправо. Отсюда начинается продолжительный подъемъ по отрогамъ *Гевала* на Асыратъ-эль-Хатабъ — мѣстечко Ясыдъ и Месалунъ, чрезъ Кубатыя къ Дженину. Молодцоватый жандармъ нашъ идетъ во главѣ каравана спокойно и самоувѣренно. Видимо, онъ прекрасно знаетъ эту горную дорогу, не то, что его предшественникъ — правовѣрный собратъ, бросившій насъ на произволъ судьбы, не отъѣхавъ и десяти верстъ отъ Іерусалима. Тропинка бѣжитъ все выше, огибая обрывистые уступы и прихотливо скользя въ тѣснинѣ среди камней, какъ будто скатившихся съ высоты и застывшихъ надъ бездной. Съ каждымъ поворотомъ все ниже уходитъ цвѣтущая долина Наблусы, все глубже опадаютъ бѣлыя кровли-террасы живописнаго города. Весь отвѣсный уступъ горнаго кряжа уже давно зарисованъ густыми тѣнями, но тамъ по низу, у подножія гигантской стѣны Гевала, еще льются золотистые лучи, слабо тронутые огнистой окраской заката. А здѣсь, въ вышинѣ, уже синія сумерки, мягкіе тоны густѣющей мглы, въ которыхъ рельефнѣе сквозятъ теперь одинокія, желтыя гробницы — уэли магометанскихъ шейховъ. Обрывистыя скалы «Горы проклятья», непрерывной стѣной отдѣляютъ западную сторону небосклона. Тамъ уже гаснетъ, купаясь въ лазурныхъ волнахъ Средиземнаго моря, незримый намъ огненный дискъ, и отъ него на противуположную сторону небеснаго свода широкимъ вѣеромъ расходятся рубиновые, опаловые и фіолетовые лучи, придавая таинственную окраску окрестному пейзажу. Нѣсколько мгновеній и вотъ погасъ уже волшебный фонарь и съ нимъ исчезъ послѣдній отблескъ фантастическаго миража. Съ востока блеснули серебристыя искорки звѣздъ, надъ горами и надъ равниной голубая ночь...

Въ прохладной ночной полутьмѣ, караванъ нашъ, вытянувшись гуськомъ, идетъ въ поразительной тишинѣ. Только изрѣдка трусливый Якубъ осторожно въ полголоса опроситъ жандарма о безопасности пути, да Константинъ сзади прикрикнетъ на отставшаго мула. Мѣрно звякаютъ подковы по известковымъ плитамъ горной тропы и лишь изрѣдка съ шумомъ полетитъ въ бездну камень, сорвавшись изъ-подъ копытъ, пробуждая звонкое эхо. Разгораясь глядятъ на насъ сверху яркія звѣзды и что-то торжественное чувствуется въ этомъ безмолвномъ сумракѣ, умиротворяющемъ душу. Но вотъ вожакъ нашъ, жандармъ, неожиданно исчезъ, какъ будто нырнулъ среди утесовъ. Чрезъ минуту мы спускаемся одинъ за дру-

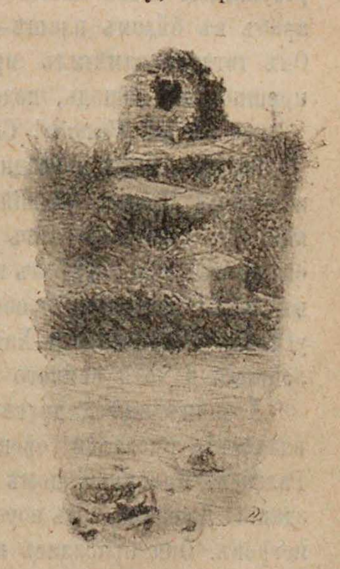
гимъ въ мелководное русло горной рѣчки. Тихимъ журчаніемъ она еще болѣе усугубляетъ удивительную ночную тишь... Лошади фыркаютъ, тянутъ поводья, пытаясь напиться, но предостереженіе Константина заставляетъ насъ пришпорить животныхъ. Молодцоватый жандармъ рысью взбирается по песчаной кручѣ противоположнаго берега, и я едва поспѣваю за нимъ, съ трудомъ угадывая въ темнотѣ направленіе. Насъ клонитъ ко сну, одолѣваетъ дремота. Ѣдешь въ какомъ-то полузабытьи, почти отдавшись инстинкту животнаго. Я убѣжденъ, что коллега мой спитъ, судя по тому, какъ его зонтикъ, привязанный на ремнѣ, давно немилосердно «удитъ» дорожный щебень.

— Господинъ ученый! Monsieur, Réveillez-vous!—тщетно взываетъ къ нему Якубъ, но почтенному археологу, да признаться и мнѣ, не до отвѣтовъ. Мы устали, хочется остановиться и лечь, а лошадь, взбираясь, трясетъ немилосердно, остановка еще далеко, горнымъ ущельямъ какъ будто нѣтъ ни конца, ни края. Укрѣпившись въ стременахъ и подобравъ поводъ, я малодушно засыпаю, всецѣло отдавшись на произволъ лошади...

Утро... Въ синѣющей дали, вся одѣтая волнистымъ туманомъ, пробуждается предъ нами безконечная зеленая равнина. Мы спускаемся въ нее уже на зарѣ, когда, вся облитая нѣжнымъ разсвѣтомъ, долина Енган нима, эта житница Палестины, готовится встрѣтить румяный восходъ солнца. Послѣднія горныя террасы остались сзади. Распаханныя подъ озимый хлѣбъ поля и темными полосами легли справа и слѣва. Сплошные сады подступаютъ къ намъ отовсюду, бѣлыя *сторожевыя башенки* изъ грубо-сложенныхъ камней сквозятъ въ зеленой чащѣ виноградниковъ. Подъ матовой серебристой кроной чернѣютъ дуплистые стволы одиноко разбросанныхъ деревьевъ—это дремлютъ сѣдые старцы, вѣковыя маслины. Мѣстами замѣтны цистерны: отъ нихъ проведены оросительныя канавы, слабое подражаніе водопроводамъ древнихъ. Съ высоты спуска кажутся точками всадники, ѣдущіе по долинѣ. Волнистой цѣпью, раскачиваясь на ходу, медленно движется огромный караванъ верблюдовъ. Мы вступили въ предѣлы израильскаго царства. Восхитительная панорама далекой Галилеи оживаетъ съ каждымъ новымъ лучемъ золотистаго свѣта. По скатамъ холмовъ пасутся стада. Мальчики-пастухи въ длинныхъ синихъ рубахахъ, подпоясанные веревкой, съ посохами въ рукахъ, картинно застыли на каменистыхъ пригоркахъ. Вѣтеръ доноситъ блеяніе овецъ. Мы выѣзжаемъ на дорогу. Черныя, длинноухія козы пугливо бросаются въ стороны при нашемъ приближеніи. Граціозныя животныя вытягиваютъ шеи, растерянно перегля-

дываясь и вдругъ цѣлымъ косякомъ обращаются въ бѣгство, подымая облака пыли. А солнце ужъ мечетъ снопами свои жгучія стрѣлы, разгоняя послѣдній туманъ, проясняя даль серебристой лазури. Ужъ съ сѣверо-востока всплываетъ остроконечною шапкой Ермонъ, а съ запада вырѣзывается темный силуэтъ отдаленнаго Кармила. Справа непрерывною цѣпью сѣрыхъ утесовъ столпились Гелвуйскія горы. Въ даль предъ нами легла неохватная ширь Галилеи. Съ востока синѣютъ, какъ будто застывшей грядой облаковъ, Аджлунскіе утесы За-Іорданья, а малый Ермонъ заслоняетъ вершиной долины Назарета. Синій овалъ за Ѳаворомъ — это Генисаретское озеро; серебристый потокъ бѣжитъ отъ него къ югу, сверкая въ оправѣ базальтовыхъ скалъ—это Іорданъ, граница Переи. И все это видно на сотню верстъ простымъ глазомъ.

Еще полчаса пути и навстрѣчу плыветъ къ намъ зеленый *Дженинъ* подъ навѣсомъ раскидистыхъ пальмъ, фиговыхъ и фисташковыхъ деревьевъ. Исполинскіе кактусы непроницаемой оградой одѣваютъ по бокамъ дорогу. Недаромъ этотъ цвѣтущій уголокъ, живописно разбросанный по холмамъ, еще въ глубочайшей древности названъ былъ *Енганнимомъ*, т. е. «источникомъ сада». Бывшій городъ левитовъ расположенъ въ самомъ устьѣ великой Ездрилонской равнины. Бѣлыя мазанки арабской деревушки пріютились въ густой чащѣ деревьевъ. Въ центрѣ селенія красуется небольшая мечеть, осѣненная каменнымъ куполомъ. Душно, пыльно. Хочется укрыться отъ жгучихъ лучей, отдохнуть въ прохладной полутьмѣ караванъ-сарая. Но кругомъ—суетня, толкотня, гомонъ базара... Шумная мусульманская толпа какъ-будто не признаетъ зноя. Подъ красною феской правовѣрная голова совершенно игнорируетъ вертикальные лучи солнца. Грязный дворъ мѣстнаго хана весь занятъ разлегшимися верблюдами. Я посылаю Якуба съ письмомъ Серкиза въ домъ мѣстнаго помѣщика араба Саидъ-Авдилъ-Хади. Лукавый драгоманъ, соображая личныя выгоды, поспѣшно отправляется исполнять мое порученіе. Пока онъ рысью ѣдетъ вдоль садовъ, преслѣдуемый собаками, мы съ жандармомъ располагаемся въ тѣни близъ мечети. Но и подъ охраной этой святыни, мы чувствуемъ себя далеко не спокойно. Фанатическая толпа безцеремонно грозитъ кулаками проклятымъ гяурамъ, не скупясь на ругательства и по адресу своихъ собратій—погонщика и жандарма. Ужъ мальчишки задорной ватагой под-



Сторожевая башенка виноградника.

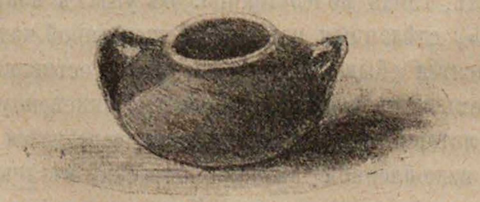
бираются къ безпечному археологу, совершенно истомленному зноемъ. Въ мою пробковую каску стукнули мелкіе камешки, брошенные забіякой мальчуганомъ. Мы стараемся сдѣлать видъ, что не замѣчаемъ недружелюбія толпы, но въ эту минуту бѣдный мулъ Константина вдругъ бросается въ сторону какъ ужаленный; огромная шишка недозрѣлаго кактуса, вся усаженная острыми иглами, вонзается ему въ ногу. Толпа разражается грубымъ смѣхомъ и неожиданное положеніе дѣлается крайне щекотливымъ. Я не знаю, чѣмъ бы кончилось неожиданное столкновеніе, но къ счастью, въ концѣ селенія показался Якубъ, летѣвшій во весь опоръ, видимо довольный результатами своей миссіи. За нимъ слѣдовалъ верхомъ молодой статный арабъ въ бѣломъ плащѣ—признакъ высшаго и болѣе зажиточнаго класса. Онъ тотчасъ замѣтилъ враждебное отношеніе къ намъ односельчанъ и, пришпоривъ лошадь, подскакалъ къ толпѣ съ крикомъ:

— *Ихда*! *Ускутъ*! Смирно! молчать!

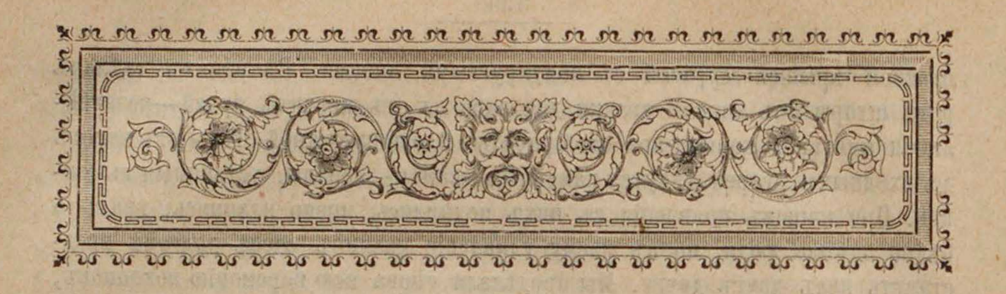
Говоръ стихъ и всадникъ, подъѣхавъ къ намъ, приложилъ руку ко лбу и сердцу. Прихрабрившійся Якубъ между тѣмъ сообщилъ мнѣ скороговоркой, что помѣщика нѣтъ дома—онъ съ утра уѣхалъ «въ стада», что это его сынъ, которому онъ передалъ письмо Серкиза и что тотъ проситъ насъ въ домъ отца. Послѣ обычнаго обмѣна привѣтствій, мы потянулись въ усадьбу Саидъ-Авдилъ-Хади. Необходимо было переждать жаръ, выкормить лошадей и хотя немного вздремнуть послѣ безсонной ночи.

Хозяинъ нашъ, другъ Серкиза, зажиточный мѣстный помѣщикъ. Онъ владѣетъ тысячами овецъ и имѣетъ нѣсколько помѣстій въ Самаріи и Галилеи. Каменный домъ его по объемамъ постройки выдѣляется среди зданій Дженина. Въ воротахъ насъ встрѣтила цѣлая толпа работниковъ—негровъ. Они бросились придерживать стремена молодому хозяину, мнѣ и коллегѣ. Усталый археологъ, однако ,плохо оцѣнилъ такую услугу. Долго не разсуждая, онъ перекинулся въ обратную сторону и къ немалому ужасу конюха едва не повисъ, запутавшись въ стремени. Прихрамывая послѣ такого инцидента, коллега мой отправился добывать свой фотографическій аппаратъ и произвести ревизію драгоцѣнному гербарію. А между тѣмъ, сынъ Авдилъ-Хади терпѣливо ждалъ насъ въ воротахъ, вѣрный правиламъ восточнаго этикета. Онъ выразилъ мнѣ сожалѣніе, «что его доблестный отецъ лишенъ радости лицезрѣть мою особу съ достопочтеннымъ муллой (привѣтственный жестъ въ сторону археолога), и что кажется мулла нѣсколько пострадалъ отъ своей неосторожности». Неприличіе перебивать рѣчь хозяина заставляетъ меня отложить объясненіе по поводу моего коллеги, приводящаго въ заблужденіе мусульманъ своей оригинальной каской—чалмой. Не переставая прижимать руки ко лбу и сердцу, мы входимъ въ обширный дворъ, затѣненный густо разросшимися сикоморами. Домъ подъ

плоской крышей-террасой съ полукруглыми окнами. Въ рамахъ сдѣланъ родъ шторы изъ тонкой дранки для защиты отъ жгучихъ лучей—незатѣйливая имитація жалюзи арабской работы. Вдоль наружной стѣны отъ воротъ до входныхъ дверей тянутся каменныя скамьи—леваны, устланныя цыновкой. При нашемъ появленіи съ нихъ поднялись, низко кланяясь, какія-то бѣдно одѣтые люди, но къ моему удивленіе хозяинъ счелъ долгомъ представить насъ другъ другу. Мы продѣлали снова всю церемонію поклоновъ, присѣданій, съ ощупываніемъ лба и сердца. Подслѣповатый старичокъ, съ сильно гноящимися глазами, добродушно цѣлуетъ край плаща археолога, принося ему высшую дань уваженія. Я положительно начинаю завидовать бородѣ моего друга, пользующейся такими симпатіями правовѣрныхъ. Мы входимъ въ прохладную пріемную комнату; за нами же слѣдуютъ и встрѣченные у воротъ туземцы. Этотъ обычай гостепріимства достоинъ глубокаго уваженія. «Кто бы ты ни былъ, путникъ, богатый или бѣдный, господинъ или рабъ, правовѣрный или гяуръ — войди подъ мой кровъ, благоденствуемый щедротами Аллаха», гласитъ одно изъ популярнѣшихъ изреченій востока. Трогательно видѣть, съ какимъ патріархальнымъ радушіемъ принимаютъ усталаго путешественника арабы. Очагъ недаромъ символъ мира и дружбы, и нерѣдко застигнутые непогодой у его священнаго огня грѣются заклятые враги, не помышляя даже о посягательствѣ другъ на друга. За трапезой араба нѣтъ первыхъ и незванныхъ, нѣтъ разницы блюдъ для бѣдняка и богатаго. Послѣ первой смѣны накормленныхъ, за тотъ же столъ сядутъ новые пришельцы и имъ подадутъ тотъ же пилавъ—разварной рисъ и баранину. Тѣ же слуги принесутъ воду для омовенія и то же привѣтствіе произнесетъ гость: «вознагради тебя пророкъ во сто кратъ за меня, ильхаваджа!» (господинъ или кормитель). Только абсолютная нищета снимаетъ съ араба завѣщанную имъ отъ предковъ обязанность дѣлиться послѣднимъ—черта рѣдкая, почти чуждая народамъ позднѣйшей культуры.



Котелъ для варки пищи.



Глава VII.

Дженинъ - Энганимъ.

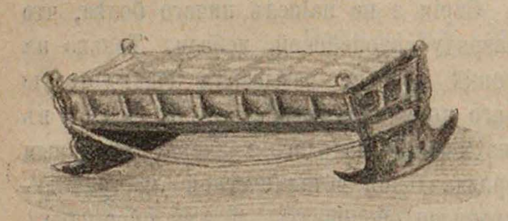
Въ гостяхъ у арабскаго помѣщика. Домъ зажиточнаго туземца. Завѣты гостепріимства. Обстановка арабскихъ домовъ, женская половина, дворъ.—Колоссальный обѣдъ и туземные нравы.

Обстановка жилища Саидъ-Авдилъ-Хади немногимъ отличается отъ обычнаго убранства домовъ на Востокѣ. Богатство хозяина сказывается въ Сиріи не въ роскоши обстановки, обычной принадлежности богатаго люда въ Европѣ, а въ большихъ размѣрахъ дома, въ просторѣ комнатъ, сравнительной высотѣ потолка, да въ количествѣ ковровъ и цыновокъ, покрывающихъ сидѣнья незатѣйливыхъ «дивановъ», и глиняные или каменные полы «левана». Васъ поразитъ относительная пустота этихъ «жилыхъ» помѣщеній. Мебели въ европейскомъ смыслѣ почти не существуетъ, если не считать широкихъ, деревянныхъ наръ, на четверть аршина не болѣе приподнятыхъ отъ пола и идущихъ почти непрерывнымъ квадратомъ вдоль внутреннихъ стѣнъ, тщательно выбѣленныхъ мѣломъ. Эти сплошныя нары накрываются мягкими тюфякмми, по которымъ стелются толстые ковры различной цѣнности, глядя по состоянію. Въ углахъ кладутся еще плоскія подушки «мутаки», сдѣланныя изъ грубой шерстяной матеріи прихотливаго рисунка. Онѣ красятся обыкновенно кошенилью, оставляя по фону бѣлый узоръ, что придаетъ восточнымъ диванамъ необыкновенную оригинальность. Въ большинствѣ матерій ярко-красный цвѣтъ чередуется съ темно-синимъ и на фонѣ этой излюбленной арабами окраски мѣстный ткачъ строитъ причудливыя композиціи своего рисунка. Мягкіе широкіе диваны—единственная меблировка туземныхъ домовъ, можетъ смѣло быть названа «универсальной» по обширности своего примѣненія. Арабская софа, одинаковая принадлежность пріемной, спальни и дѣтской, не исключая и такъ называемаго *левана,* о которомъ будетъ сказано ниже. Въ небогатыхъ домахъ

эти самодѣльныя кушетки обращаются ночью въ постель: ковры снимаются, стелется грубый холстъ и ложе готово. Днемъ, окруженный пріятелями, хозяинъ на той же софѣ пьетъ кофе, лакомится шербетомъ, сластями. Здѣсь же творитъ онъ свою обычную ежедневную молитву, если только солнечный закатъ застанетъ его въ душныхъ стѣнахъ жилища. На пестромъ узорѣ ковра того же широкаго дивана, туземцы любятъ играть въ шашки и домино или, поджавъ подъ себя ноги, курить любимое наргилэ, утопая въ голубыхъ волнахъ пахучаго дыма. Турецкая софа—это единственная типичная мебель мусульманскаго Востока, если не считать низкаго рѣзнаго столика—табуретки шестигранной формы. На нее ставитъ мусульманинъ граненый кувшинъ своего кальяна и, отдавшись кейфу, вполнѣ довольствуется наличностью этихъ двухъ аксесуаровъ незатѣйливаго комфорта. Въ обстановкѣ богатаго помѣщика Сиріи я не нашелъ ничего болѣе, что можно было бы причислить къ разряду европейской мебели. Только на женской половинѣ всюду проникающій коллега разыскалъ еще дѣтскую люльку, при обстоятельствахъ самаго комичнаго свойства. Набросавъ въ путевой альбомъ, къ немалому изумленію молодого хозяина, типичныя фигуры его гостей, на ряду съ оригинальной металлической люстрой дамасскаго чекана, мой пріятель отправился обозрѣвать детали обширныхъ построекъ Авдилъ-эфенди. Пока я при посредствѣ драгомана поддерживалъ изысканную бесѣду, пилъ кофе и мѣнялъ наргилэ, подносимыя мнѣ негромъ прислужникомъ—коллега далеко зашелъ въ своихъ изысканіяхъ. Онъ забрелъ на женскую половину, ревниво оберегаемую сплошной сѣткой мухарабіэ и замѣтивъ ярко-расписанную люльку, преспокойно усѣлся срисовывать ее въ самомъ центрѣ женскихъ доменовъ. А такъ какъ акварель требуетъ воды, то мой пріятель обшарилъ всѣ потаенные уголки дамскаго отдѣленія, сдѣлавъ попутно рядъ неожиданныхъ открытій... Къ счастью, женщинъ не было въ домѣ. Какъ оказалось, еще во время нашего пріѣзда дамы удалились въ садъ и только это обстоятельство спасло археолога отъ непріятныхъ послѣдствій чрезмѣрной любознательности. Кончивъ работу, мой добродушный пріятель вернулся къ намъ допивать кофе. Любопытные гости и въ особенности прелестный мальчуганъ лѣтъ семи, младшій сынъ Авдилъ-Хади, тотчасъ подсѣли къ нему съ яркими проявленіями своихъ симпатій. По простотѣ восточнаго обращенія, дающей каждому право разсматривать пристально все, что привлечетъ вниманіе, не исключая и физіономіи собесѣдника, альбомъ моего друга поступаетъ въ распоряженіе дюжины загорѣлыхъ рукъ любителей художествъ. Пока тотъ пьетъ кофе, рисунки его переходятъ изъ рукъ въ руки, сопровождаемые возгласами восторга и удивленія. Гости-туземцы торопливо обмѣниваются впечатлѣніями, одобрительно прищелкивая языкомъ «*Аттамам!* Отлично! *Ктир млих*—очень

хорошо!»—слышится справа и слѣва. Молодой хозяинъ проникается еще большимъ уваженіемъ къ достопочтимому муллѣ, сообщая мнѣ чрезъ переводчика свое безграничное удивленіе: «какъ всемогущій Аллахъ обильно излилъ свои щедроты на одного человѣка, одаривъ его такимъ удивительнымъ талантомъ на ряду съ мудрой святостью, при несомнѣнныхъ прочихъ добродѣтеляхъ, украшающихъ здѣсь на землѣ мужчину». И вдругъ—о роковое открытіе! Я слышу испуганный возгласъ оторопѣвшаго мальчугана. Ребенокъ добрался въ альбомѣ до той страницы, гдѣ красовалась предательская люлька.

— Братъ! Онъ былъ въ *женской* половинѣ! Смотрите, смотрите! Всѣ подымаются какъ ужаленные. На лицахъ гостей добродушіе смѣняется ужасомъ. «*Ши-би-каддир!* Какъ могло это случиться? Такая нескромность недостойна просвѣщенной духовной особы! Ахъ, нехорошо. Ахъ, нехорошо!» А виновникъ этой суматохи добродушно принимается за шербетъ, не подозрѣвая своей неловкости, едва не погубившей такъ прекрасно начатаго сближенія. Юркій Якубъ, которому пребываніе въ богатомъ арабскомъ домѣ, помимо экономіи въ провіантѣ, сулитъ значительные барыши и въ будущемъ, быстро вникаетъ въ суть происшедшаго замѣшательства. Онъ придумываетъ неожиданный и ловкій выходъ изъ инцидента, объяснивъ по-арабски смущенному хозяину, что «господинъ русскій ученый вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитый художникъ». При удивительной мимикѣ всѣхъ личныхъ мускуловъ, оживленно жестикулируя, онъ захлебывается отъ собственнаго краснорѣчія, разъясняя смущеннымъ арабамъ, что домъ радушнаго хозяина будетъ увѣковѣченъ въ рисункахъ и отвезенъ на родину Москова *). Послѣднее обстоятельство крайне польстило сыну Саидъ-Авдилъ-хади. Впечатлѣніе неловкости улеглось и бесѣда приняла прежній мирный характеръ. Чрезъ нѣсколько минутъ низенькая стеклянная дверь, ведущая во внутренніе покои, отворилась и въ комнату вошелъ негръ прислужникъ, низко кланяясь гостямъ. Хозяинъ привсталъ съ дивана, быстро надѣлъ туфли и, выпрямившись, обратился къ намъ съ рѣчью. Драгоманъ перевелъ его приглашеніе къ трапезѣ.



Арабская люлька въ Дженинѣ.

*) Мусульмане, избѣгая портретной живописи, очень любятъ однако картины, изображающіи виды ихъ родины. Копія съ Каабы, Мекской святыни, помѣщена даже въ Іерусалимской мечети Эль-Акса, выписанная красками надъ плафономъ главнаго мираба.

Пока Якубъ въ полголоса, какъ будто подсказывая, передаетъ витіеватое содержаніе рѣчи, гласящей, «что этотъ день посѣщенія отцовскаго дома знатными иностранцами будетъ вписанъ нѣжными строками въ его признательное сердце», я стараюсь придумать что-нибудь въ томъ же духѣ. Привѣтствіе окончено, гости садятся и мы слѣдуемъ ихъ примѣру. Прислужники въ синихъ халатахъ, съ бѣлыми полотенцами чрезъ плечо, быстро разносятъ въ металлическихъ кувшинахъ воду для омовенія. Каждый изъ насъ поочередно, вслѣдъ за хозяиномъ, наклоняется надъ мѣднымъ тазомъ, своеобразной дамасской работы. Устройство его довольно замысловато: въ широкую чашу восточной умывальницы вставлено второе выпуклое дно, сплошь просѣченное сквознымъ рисункомъ. Въ центрѣ его припаяна небольшая филиграновая чаша, въ которую кладется душистое мыло мѣстнаго производства, обладающее особенностью удивительно мягчить кожу. Мыльная вода при омовеніи стекаетъ чрезъ отверстіе верхняго дна и такимъ образомъ, внутренность умывальницы всегда чиста, пока тазъ не переполненъ. Арабъ считаетъ неприличнымъ подавать гостю сосудъ, въ которомъ были бы видны слѣды омовенія предшественника. Отеревъ руки полотенцемъ и слегка освѣживъ лицо, присутствующіе кланяются хозяину и затѣмъ каждый другъ другу. Молодой Саидъ-эфенди жестомъ приглашаетъ насъ въ столовую. Этикетъ требуетъ, чтобы мы—гости шли впереди, а хозяинъ замыкаетъ шествіе. Я оглядываюсь — насъ пятнадцать человѣкъ, не считая трехъ слугъ и драгомана Якуба. Послѣдній становится у меня за стуломъ въ качествѣ переводчика. Размѣщаемся на мѣстахъ, указанныхъ хозяиномъ, хотя онъ предупреждаетъ, «что за его столомъ всѣ дорогіе гости одинаково близки его сердцу». Низкая широкая скамейка, на которой садятся туземцы, поджавъ по восточному обычаю подъ себя ноги, покрыта грубымъ ковромъ. Длинный, сравнительно невысокій столъ безъ скатерти, чисто выскобленъ, вымытъ и какъ-будто натертъ воскомъ *). Деревянная посуда, оригинальныя блюда, плетеныя изъ соломы пестрой расцвѣтки, ложки, двурогія вилки и полное отсутствіе ножей и солонокъ, характеризуютъ арабскую трапезу **). На столѣ между глиняными кувшинами съ холодной водой, мнѣ бросились въ глаза только-что срѣзанные зеленые померанцы, удивительно душистые. Фрукты эти предназначены для

*) Якубъ увѣрялъ меня, что арабы достигаютъ изумительной чистоты столовъ, скамеекъ, табуретокъ и прочей деревянной утвари, благодаря частой полировкѣ пемзой поверхности, предварительно смазанной особой камедью.

**) Ножъ, какъ одинъ изъ видовъ оружія, считается неприличнымъ за мирнымъ столомъ—отсутствіе его мало стѣсняетъ даже европейца, такъ какъ мясо и прочая живность подаются заранѣе нарѣзанными. Соли же арабы вовсе не употребляютъ—такова оригинальная особенность туземнаго вкуса.

прохладительныхъ напитковъ, которыми арабъ имѣетъ обыкновеніе запивать почти каждый глотокъ пищи. Привыкшіе къ вину, мы замѣчаемъ съ смущеніемъ, что на столѣ нѣтъ ни одной бутылки. По магометанскому закону, арабъ не долженъ пить ничего спиртнаго и вѣжливость требуетъ, чтобы мы не упоминали въ гостяхъ о нашей пагубной европейской привычкѣ. Но краснорѣчивые взгляды моего коллеги на Якуба и дипломатическая мимика послѣдняго, заставляютъ добродушнаго представителя Авдилъ-Хади предложилъ намъ не стѣсняться — велѣть подать свое вино — любезность, отъ которой мы конечно отказываемся. Слуги подаютъ первое блюдо съ вареньмъ мясомъ, приправленное по туземному разварными бобами, зеленымъ горохомъ и тонкими ломтиками сельдерея. Размѣры заготовленнаго приводятъ насъ въ изумленіе, но зная восточный обычай не давать гостю «послѣдняго» куска и, сосчитавъ глазами всю нашу компанію, я перестаю удивляться. Блюдо поставлено передъ хозяиномъ и онъ, къ немалому нашему изумленію, начинаетъ выбирать *лучшіе* куски *къ себѣ* на таралку. Коллега смотритъ растерянно, мнѣ это кажется страннымъ. Однако—это только одинъ изъ видовъ хлѣбосольства, доведеннаго до изумительной тонкости. — «Возьми, какъ другъ, лучшій кусокъ *съ моей* тарелки» — говоритъ улыбаясь молодой Магомедъ-эфенди, быстро раскладываетъ каждому гостю отобранное себѣ мясо. Церемонія замысловатаго этикета окончена и блюдо обносится слугами, чтобы каждый взялъ себѣ сколько сможетъ скушать, глядя по аппетиту *). Якубъ по-французски предостерегаетъ насъ не брать слишкомъ много, такъ какъ перемѣнъ наготовлено пять или шесть. Не попробовать каждой считается неприличнымъ. Уже послѣ третьяго блюда я чувствовалъ только жажду, сознавая, что не созданъ обѣдать «по-арабски». Жирный пловъ притупляетъ аппетитъ и моего коллеги.

— Я жажду! Я жажду!—восклицаетъ онъ по-русски, а добродушные арабы съ изумленіемъ глядятъ ему въ ротъ, не понимая въ чемъ дѣло. Я уговариваю его быть терпѣливымъ и скромнымъ.

— Ты какъ хочешь, терпи, а я сейчасъ пойду вина выпью!—говоритъ онъ.—И зачѣмъ они готовятъ на салѣ?

— Помилуй, ты своимъ уходомъ обидишь хозяина.

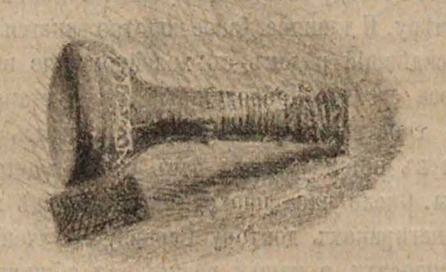
— Да я не въ силахъ, голубчикъ, хоть повѣсьте меня! Посмотри, Бога ради, тамъ опять что-то несутъ! — восклицаетъ онъ патетически. — Вѣдь этакъ я съ лошади свалюсь, или она подо мной ляжетъ!

Туземцы переглядываются въ недоумѣніи. Хитроумный Якубъ не дрем-

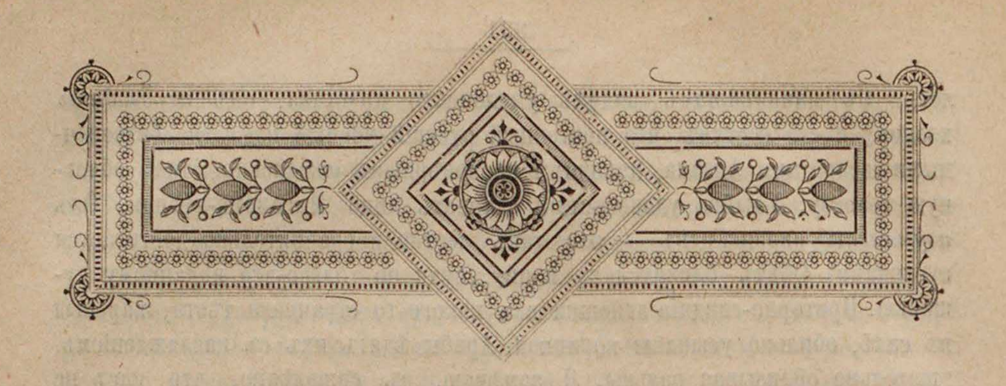
*) У туземцевъ не принято оставлять кушанье недоѣденнымъ на тарелкахъ. Только заклятый врагъ или желающій умышленно обидѣть хозяина не доѣстъ предложеннаго, оказавъ такимъ образомъ какъ бы пренебреженіе къ его столу и гостепріимству.

летъ. Съ наивнѣйшимъ видомъ умиленнаго простака, онъ *переводитъ* хозяину и его гостямъ, что почтенный русскій ученый *изумленъ* безконечными щедротами Аллаха, дающимъ правовѣрнымъ ежедневно столь обильную трапезу. Улыбка удовольствія озаряетъ лицо Магометъ-эфенди. Онъ *изумляетъ* европейцевъ — это такъ лестно и сравнительно достигается пустяками! Обѣдъ близится къ концу, судя по только-что поданному кушанью. Приторно-сладкія лепешки изъ какого-то страннаго тѣста, жареныя въ салѣ, обильно усыпаны корицкой. Арабы ѣдятъ ихъ съ наслажденіемъ, тщательно облизывая пальцы. Я замѣчаю, къ сожалѣнію, что насъ не угощаютъ прекрасными фруктами, лучшими въ эту пору года. Коллега былъ бы не прочь отвѣдать арбуза, а я такъ люблю румяные персики. «Якубъ, отчего не даютъ фруктовъ?»

— Здѣсь это не принято, — полушопотомъ отвѣчаетъ драгоманъ, наклоняясь надъ моимъ ухомъ. — Развѣ можно угощать гостей тѣмъ, что не стоитъ на рынкѣ и одного піастра?



Дарбукчи—музыкальный инструментъ арабовъ.



Глава VIII.

Арабское хозяйство.

Домашнія постройки.—„Леванъ".—Общій видъ „селенія десяти прокаженныхъ".—Террасы-цистерны.—Вечерній кейфъ —Арабская спальня, ея убранство.—Волшебный фонарь арабесокъ.

Обѣдъ конченъ. Звякая мѣдными умывальницами, обходятъ насъ слуги. Одинъ льетъ воду, другой держитъ тазъ, а самъ хозяинъ, обтеревъ руки, передаетъ сосѣду свѣжее полотенце. Этикетъ требуетъ, чтобы всѣ слѣдовали его примѣру. И длинное, узкое полотно тянется по нашимъ колѣнамъ, пока археологъ, сидѣвшій рядомъ съ хозяиномъ, не вытягиваетъ его цѣликомъ изъ-подъ носа сосѣда. Добродушный арабъ-старичокъ предпочитаетъ утереться полами собственнаго халата, не рѣшаясь безпокоить Москова. Мы возвращаемся въ пріемную, гдѣ насъ снова ждетъ кофе, шербетъ и душистые кальяны. Около часа проходитъ въ бесѣдѣ за довольно наивной политикой, въ панегирикахъ доктору Серкизу — «ученѣйшему человѣку въ Наблусѣ». Въ распросахъ о нашей родинѣ, ея обширности и отдаленности, молодой хозяинъ обнаруживаетъ удивительныя познанія въ географіи. Искренно симпатизируя Москову, лучшему изъ всѣхъ «франковъ», онъ недовѣрчиво относится къ боевымъ силамъ Россіи, увѣряя меня, что его величество султанъ любитъ русскихъ и потому только не хочетъ отнимать у нихъ землю. Якубъ силится доказать Магометъ-эфенди, что Россія значительно больше Турецкой имперіи, но его замѣчаніе вызываетъ снисходительную улыбку на лицахъ слушателей. Стараясь покончить съ щекотливыми темами, я прошу показать намъ устройство арабскаго дома, которое насъ, европейцевъ, очень интересуетъ. Хозяинъ любезно соглашается, и набросивъ на плечи шерстяной плащъ, выходитъ за нами во внутренній дворъ, огороженный строеніями. Бѣлые голуби стаей слетаютъ съ парапета плоской кровли, куры радостно привѣтствуютъ наше появленіе. Въ

густыхъ тѣневыхъ пятнахъ вдоль стѣнъ и заборовъ мирно отдыхаютъ сѣрые ослики. Черная, длинноухая коза съ козленкомъ ощипываетъ здѣсь же свѣжіе побѣги курай-травы; ручной фазанъ обрушивается неожиданно съ вѣтки стараго сикомора, громкимъ хлопаньемъ крыльевъ спугивая козлиное семейство. Отпечатокъ довольства и достатка сквозитъ на всемъ хозяйствѣ Саидъ-Авдилъ-Хади-Магометъ-эфенди. Мы съ любопытствомъ заглядываемъ во всѣ уголки, осматриваемъ конюшню безъ всякаго признака стойлъ или денниковъ, не пропуская даже каменнаго навѣса надъ ометомъ маисовой соломы. А молодой хозяинъ глядитъ на насъ, самодовольно улыбаясь, и наконецъ приглашаетъ на «леванъ», куда слуги вынесли уже мягкіе ковры и мутаки.

Сирійскій домъ унаслѣдовалъ всѣ характерные признаки палатки номада. Онъ также простъ по обстановкѣ, также не замысловатъ по конструкціи. Обыкновенно продолговатый по формѣ главный домъ зажиточнаго араба ставится такъ, чтобы дворъ и холодныя постройки примыкали къ нему, образуя отовсюду замкнутый четыреугольникъ. Стѣны вершковъ семи толщиной выводятся на высоту до шести аршинъ изъ грубо-отесаннаго камня мѣстной ломки. Желтовато-сѣрый колоритъ зданія съ узкими прорѣзами оконъ, ревниво оберегаемыхъ чешуйчатой жалюзи; цѣпкая зелень тропическаго плюща, заткавшаго всѣ карнизы, углы и балюстрады ползучими лопастями, перемѣшанными съ черными гроздями ягодъ, придаетъ постройкѣ своеобразный колоритъ, несравнимый съ шаблоннымъ жанромъ нашей европейской архитектуры. Сзади, къ стѣнѣ, обращенной въ глубину двора, примыкаютъ внутреннія жилыя комнаты, спальни, дѣтскія—такъ называемая женская половина — святилище, недоступное ничьимъ взорамъ, кромѣ домовладыки и его семейства. Плоская терраса, замѣняя крышу, служитъ вмѣстѣ и прохладнымъ убѣжищемъ послѣ заката, гдѣ на мягкихъ коврахъ, наслаждаясь съ высоты панорамой, любятъ нѣжиться восточныя дамы, окруженныя играющими дѣтьми и прислужницами. Невидимыя для идущихъ и ѣдущихъ внизу по улицѣ, онѣ проводятъ здѣсь лучшіе часы своего досуга. Сбросивъ съ себя докучныя покрывала, женщины наблюдаютъ окружающую жизнь, такъ сказать, черезъ призму черепичныхъ отверстій широкаго парапета, на аршинъ выведеннаго по карнизу террасы. Здѣсь же любитъ творить свой вечерній намазъ мусульманинъ, когда огненный дискъ обагритъ прощальными тучами золотистую даль небосклона. Бѣлые и сѣрые голуби слетаются сюда клевать разложенный для просушки рисъ или подвѣшенныя къ тростниковымъ палочкамъ грозди вялющагося винограда. Восточная кровля — это излюбленный салонъ, предоставленный въ полное распоряженіе мусульманкѣ. Здѣсь она царитъ, сознавая неприкосновенность своего домена, работаетъ, сучитъ пряжу, слушаетъ сплетни

служанокъ и принимаетъ гостей — такихъ же затворницъ подругъ, родственницъ и сосѣдокъ. Отсюда по вечерамъ долетаютъ до слуха прохожихъ тихія, монотонныя пѣсни арабскихъ дѣвушекъ, звонъ бубна или задорный смѣхъ подъ темнымъ покровомъ ночи. Можно съ увѣренностью сказать, что въѣзжая въ любое селеніе въ часы близкіе къ закату, вы служите предметомъ наблюденія тысячи женскихъ глазъ, разбирающихъ вашу наружность, костюмъ, лошадей, вооруженіе прислуги во всѣхъ деталяхъ. И это такъ естественно въ захолустьяхъ, гдѣ появленіе чужестранца до сихъ поръ еще рѣдкость.

Въ то время, какъ женское населеніе мѣстечка наблюдаетъ жизнь съ кровли, мужчины любятъ выходить на *леванъ,* существующій почти въ каждомъ арабскомъ домѣ. «Леванъ» это родъ помоста на каменномъ сводѣ, приподнятый на аршинъ или два надъ уровнемъ почвы. Онъ обыкновенно устраивается или предъ домомъ, или вблизи воротъ, во дворѣ, но такъ, чтобы съ него былъ виденъ хотя клочекъ пролегающей улицы. Полъ левана смазывается глиной и посыпается пескомъ для болѣе быстрой просушки въ дождливый періодъ года. Стоитъ взойти на леванъ и вы замѣтите, что къ нему по желтому фону заросшаго двора вьются протоптанныя дорожки отъ внутреннихъ жилыхъкомнатъ. Леванъ Саидъ-Авдилъ-Хади красиво обрамленъ зеленью хмеля, цвѣтущихъ магнолій, ярко-малиновыми букетами пышно разросшагося олеандара. Мы садимся на кожаныя подушки и опять пьемъ прохладительный шербетъ и горячій кофе. Часы бѣгутъ незамѣтно. Румяный закатъ обливаетъ уже окрестность прихотливыми розовыми волнами мягкаго свѣта, чарующаго, настраивающаго поэтически воображеніе. Усадьба Магомета-эфенди расположена на пологомъ холмѣ, близъ главной улицы широко раскинувшагося Дженина. Городокъ виденъ какъ на ладони съ высоты преподнятаго левана и весь тонетъ въ садахъ, пестрой зелени фиговыхъ и фисташковыхъ деревьевъ. Изъ ограды гигантскихъ кактусовъ мѣстами поднимаются прекрасныя смоковницы. Темные чешуйчатые стволы ихъ красиво осѣнены зелеными раскидистыми перьями,

Дженинъ.

образующими вѣерообразный зонтъ, едва отбрасывающій сквозныя тѣни. Бѣлая мечеть тонетъ въ букетахъ пальмъ, мирно осѣнившихъ ея крохотный каменный куполъ. За нею бѣлыя мазанки селенія, разбѣжавшіяся по пологому скату холмовъ, составляющихъ послѣдній отпрыскъ оставшихся позади горъ Самарянскихъ. А тамъ, въ зеленой глубинѣ, уже стелется безконечная ширь Ездрилонской равнины—историческое поле битвъ всѣхъ эпохъ и многихъ народовъ. Трудно представить себѣ болѣе восхитительную картину. Галилейскія горы цѣпью встаютъ предъ вами. Съ противоположнаго уступа, съ обрывистыхъ кряжей бѣлѣетъ Назаретъ, темнымъ конусомъ высится Малый Ермонъ, зеленѣетъ Ѳаворъ своей шатровой вершиной. Извилистая лента Іордана ясно видна намъ справа и легко прослѣдить простымъ глазомъ почти на всемъ протяженіи эту водную артерію Палестины. Какъ будто у подошвы снѣговыхъ вершинъ Большого Ермона — сосѣда Ливанскихъ горъ, сквозятъ теперь изумрудные контуры Генисаретскаго озера, а влѣво, почти противъ насъ, горизонтъ срѣзанъ темно-синей каймой далекаго Средиземнаго моря. И когда вспомнишь, что за конусообразнымъ холмомъ Гелвуя, за вершиной близкаго къ намъ Малаго Ермона, уже начинается Галилея, эта земная родина Христа, нѣтъ силъ передать настроенія...

А солнце, склоняясь надъ моремъ золотистыми потоками, радужными брызгами багритъ малиновый пологъ своей колыбели, и вся облитая розовымъ туманомъ живописная окрестность кажется еще болѣе сказочной и фантастичной. Эту чарующую панораму, этотъ восхитительный уголокъ Божьяго міра видитъ каждый день мой счастливый хозяинъ. Наблюдая за мною, за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на меня его родина, вольный сынъ безконечной равнины и самъ проникается восторженнымъ трепетомъ. Мы долго сидимъ не спуская глазъ съ догорающаго свѣтила, будучи не въ силахъ оторваться отъ величавой картины, боясь проронить слово. Магометъ эфенди уронилъ сафьяновый наконечникъ своего кальяна и, обхвативъ колѣни, недвижно слѣдитъ за тонкими кольцами дыма, что таетъ въ голубомъ сумракѣ, надвигающемся на насъ съ востока. Коллега застылъ въ художественномъ созерцаніи величественной панорамы окрестностей. Даже Якубъ, этотъ уравновѣшенный нѣмецъ, снялъ шляпу и, опершись на балюстраду, какъ будто прислушивается къ тихому гомону замирающей жизни. И всѣмъ хорошо, легко на душѣ и не хочется разстаться съ дивной иллюзіей... Но солнце померкло. На потемнѣвшемъ небѣ погасъ последній отблескъ багрянаго сіянія. Сумракъ смѣшалъ очертанія предметовъ. Замигали въ селеньи первые огни, заискрились въ небѣ первыя звѣзды. День оконченъ и ночь наступила...

Очарованный, еще весь подъ впечатлѣніемъ пережитаго, простившись съ хозяиномъ, я иду въ отведенную намъ спальню. Рослый негръ съ фонаремъ освѣщаетъ дорогу. Мы переходимъ внутренній дворъ и по каменной лѣстницѣ поднимаемся во второй этажъ ранѣе незамѣченнаго нами зданія. Здѣсь обыкновенно останавливаются родственники богатаго Авдилъ-Хади. Это лучшія комнаты, отведенныя намъ гостепріимнымъ хозяиномъ. Якубъ уже и тутъ расположился какъ дома. Онъ притащилъ всѣ наши вещи, не исключая сѣделъ и саквъ, которыя подозрительно растолстѣли.

— Что это у васъ тамъ?—спрашиваю я не безъ смущенія.

Якубъ потупляетъ глаза и говоритъ совершенно спокойно:

— Провіантъ и подарки.

— Какіе подарки?

— Для васъ и господина ученаго.

Я совершенно недоумѣваю.

— Послушайте, Якубъ, такъ ли это?

Удивительный инцидентъ съ бутылками вина, разбившимися въ Ханъ-Лубб эне и неожиданно оказавшимися въ полномъ комплектѣ за Наблусой, вызываетъ во мнѣ тревожное опасеніе, не прибѣгъ ли «заботливый» драгоманъ къ излюбленному способу заготовленія провіанта. Но Якубъ клянется, что все это передано ему молодымъ хозяиномъ. У дремавшаго коллеги отлетаетъ сонъ и онъ настоятельно требуетъ, чтобы ему теперь же показали предназначенные подарки. Саквы развязаны и удивленію нашему нѣтъ границъ. Якубъ вытаскиваетъ почти всѣ вещи, которыя мы имѣли неосторожность похвалить при осмотрѣ усадьбы. Впрочемъ, Якубъ увѣряетъ, что это обычные дары гостямъ, принятые на Востокѣ, и совѣтуетъ намъ въ свою очередь отблагодарить тѣмъ же *). Пока мой коллега сортируетъ камешки, тщательно отмывая налипшую грязь, Якубъ достаетъ свѣчи, недовольный скуднымъ освѣщеніемъ глиняной лампы, которую внесъ негръ прислужникъ. При свѣчахъ наша спальня выглядитъ крайне оригинально. Три софы предусмотрительно отодвинуты отъ желтыхъ, небѣленыхъ стѣнъ, чтобы предохранить спящаго отъ ночного визита пауковъ, тарантула, а случается и скорпіона, если зданіе старо и стѣны успѣли дать трещины. Въ изголовьѣ у каждой софы красуется старинный коверъ дорогой работы. Я беру свѣчу и долго любуюсь замѣчательно оригинальнымъ ри-

---

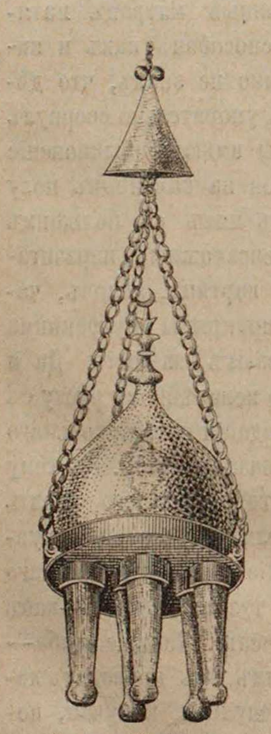
*) У арабовъ существуетъ обыкновеніе дарить, что понравится гостю, но въ то же время онъ и самъ считаетъ себя въ правѣ попросить у васъ то, что затронетъ его вкусъ. Зная этотъ восточный обычай, бедуины старательно прячутъ хорошихъ лошадей при проѣздѣ начальника пашалыка. Не такъ давно, къ тѣмъ же пріемамъ прибѣгали отцы относительно дочерей, когда въ околотокъ наѣзжалъ выборщикъ дѣвушекъ для падишахскаго гарема.

сункомъ. Яркость красокъ, удивительное сплетеніе линій, пестрая композиція узора при замѣчательной прочности основы, но грубомъ ворсѣ, дѣлаютъ эти ковры Бейрута и Дамаска менѣе цѣнными, чѣмъ знаменитые Смирнскіе. Якубъ сообщаетъ, что все лучшее и дорогое хранится въ той половинѣ, куда не пускаютъ постороннихъ. «Это потому, что вамъ можетъ понравиться и коверъ... А похвалите, хозяину тоже придется уложить его въ наши саквы»—добавляетъ плутоватый драгоманъ съ коварной улыбкой.

Кушетки, замѣняющія кровати съ кожаными мутаками, видимо приготовлены для насъ съ особой предусмотрительностью. Постели постланы своеобразно и довольно остроумно. Длинныя полосы грубой кисеи, предназначенныя служить мюскетеромъ, сшиты въ формѣ продолговатаго чехла, надѣтаго на легкую тростниковую раму, подвѣшенную къ потолку какъ разъ надъ постелью. Мюскетеръ съ рамой образуетъ родъ домика и чтобы предохранить спящаго отъ насѣкомыхъ, концы кисеи не спускаются на полъ, но аккуратно подвернуты подъ перину или вѣрнѣе, подъ толстый мѣшокъ, набитый пухомъ и перьями. На этотъ импровизированный матрацъ натянутъ кусокъ грубаго холста, подвернутый тѣмъ же способомъ, какъ и кисея мускетера. Негръ, приготовляющій постели, видимо не зналъ, что дѣлать съ наволоками, принесенными ему Якубомъ. Онъ уморительно свернулъ ихъ въ ногахъ, предполагая вѣроятно, что европейцы имѣютъ обыкновеніе прятать ноги въ мѣшки на ночь. Предъ каждой софой на каменномъ полу разостлано по бѣлой бараньей шкурѣ. Я отношусь къ нимъ съ большимъ подозрѣніемъ въ смыслѣ чистоты и необитаемости всевозможными паразитами. На стѣнахъ ни малѣйшихъ признаковъ зеркалъ, картинъ, полокъ, часовъ и т. п. Въ углахъ нѣтъ ни одной печки, окна прикрыты внутренними ставнями, дверь безъ замка. Даже ворота рѣдко бываютъ закрыты. Да и зачѣмъ? Въ этой счастливой странѣ жизнь течетъ по неизмѣнному руслу съ глубочайшей древности, свято храня завѣщанныя традиціи патріархальнаго быта. Воровство считается самымъ постыднымъ въ глазахъ араба. Къ тому же и весь его обиходъ такъ простъ и несложенъ, что ему нечего копить и нечего прятать. А прядильный станокъ, ручная мельница, жаровня, кувшины для воды и тазъ для омовенія—необходимѣйшіе предметы каждаго хозяйства, найдутся и у самаго бѣднаго феллаха. У туземцевъ домъ—какъ собраніе любимыхъ сокровищъ, почти не имѣетъ значенія. Жилище араба—это убѣжище, священный очагъ, кровъ, подъ которымъ онъ проводитъ какихъ-нибудь пять часовъ въ сутки. Жизнь Востока шумная, кипучая, почти вся проходитъ на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ въ тѣни садовъ, на базарахъ, на улицахъ. Съ первыми лучами солнца все населеніе, не исключая дѣтей и стариковъ, высыпаетъ пестрой толпой, запружая лавки, темные переулки, группируясь у фонтана. Люди спѣшатъ въ горы къ ста-

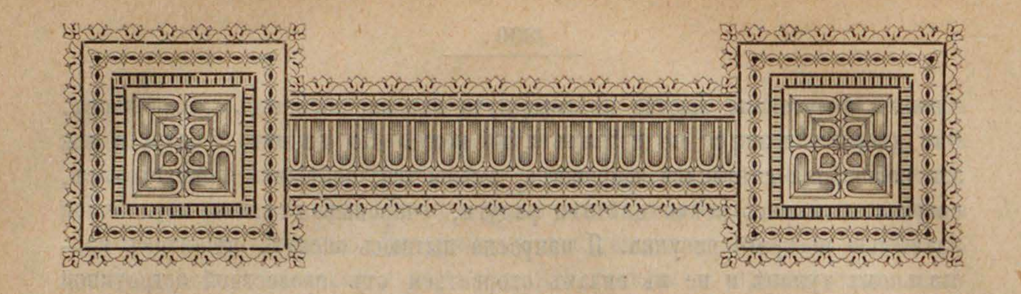
дамъ, уходятъ въ поля и огороды на работу. Въ домахъ остаются только женщины и больные, незначительная часть слугъ, случайные гости. Вся прелесть Востока—въ этой говорливой народной волнѣ, неумолчно бьющей, какъ море прибоемъ, въ вѣковые устои мечети и рынка, не стихая даже и за городскими воротами. На улицахъ и площадяхъ происходитъ обмѣнъ всѣхъ новостей политики и торговли. Всѣ ремесла и производства, начиная отъ пекаря, мѣдника, кончая сапожникомъ, кузнецомъ и цирульникомъ группируются на томъ же шумномъ базарѣ, гдѣ совершаетъ арабъ свою мѣну и куплю. Каждый день онъ несомнѣнно встрѣтится тамъ со своими сосѣдями и какъ женщины у колодца, такъ мужчины за наргилэ узнаютъ всѣ мѣстныя происшествія. При такомъ второстепенномъ значенiи дома лишь какъ ночлега—онъ остается тѣмъ же шатромъ, мало отличаясь отъ него примитивностью своихъ удобствъ и простотою обстановки.

Оправивъ по-европейски постель археолога, Якубъ удаляется, пожелавъ намъ прiятныхъ сновидѣнiй. Мы тушимъ свѣчи и только тогда замѣчаемъ оригинальный ночникъ нашей спальни. Посреди комнаты спускается мѣдный *фонарь* знакомаго уже намъ дамасскаго чекана. Онъ напоминаетъ по формѣ массивную кадильницу, висящую на цѣпяхъ и сплошь испещренную прихотливымъ сквознымъ рисункомъ. На кругломъ широкомъ барабанѣ сквозная крышка, въ формѣ обычнаго купола мечети. Выпуклое полушарiе сарацинскаго контура вѣнчаетъ бронзовый полумѣсяцъ. Снизу, въ днѣ, виднѣются цвѣтные стаканчики. Они наполовину налиты окрашенной водой—желтой, малиновой, зеленой и голубой, удивительно прозрачной и пропускающей свѣтъ, скрытый отъ глазъ барабаномъ. Освѣщенiе въ высшей степени просто и напоминаетъ собою наши лампады. Масло, налитое въ тѣ же стаканчики, держится сверхъ воды, фитиль горитъ ровнымъ пламенемъ, не мигая и почти не давая копоти. Впечатлѣнiе получается поразительное. Фонарь такъ устроенъ, что глухiя стѣнки барабана, гладко отшлифованныя, отражаютъ свѣтъ черезъ филиграновый куполъ на потолокъ и внизъ сквозь стеклянныя лампады. Чувствуется что-то чарующее, сказочное... На темномъ фонѣ потолка ярко выступаютъ серебристыя блестки и, чѣмъ сильнѣе разгорается масло, тѣмъ чернѣе становится фонъ, тѣмъ ярче сквозитъ фантастическiй рисунокъ, получается полная иллюзiя звѣзднаго неба. А внизу



Дамасскiй фонарь.

мягкими полутонами льются цвѣтные лучи изъ окрашенныхъ стаканчиковъ. Они вѣеромъ ложатся по стѣнамъ и по полу. Но качните фонарь и вся эта волшебная свѣтопись задрожитъ, смѣшается, побѣжитъ вокругъ васъ, сверкая и искрясь всѣми цвѣтами радуги, очаровывая глаза неуловимой прелестью пестраго рисунка. Я напрасно пытаюсь заснуть въ этомъ кристальномъ туманѣ и не въ силахъ оторваться отъ прелестной остроумной восточной игрушки. И долго еще мнѣ чудится въ полуснѣ какая—то сказочная обстановка, мерещится какой то таинственный чертогъ, созданный еще въ дѣтствѣ пылкимъ воображеніемъ...



Глава IX.

Отъ Дженина до Назарета.

Отъѣздъ въ Галилею.—Евангельскія событія, связанныя съ Энганимомъ.—Долина Ездрелонская—ея исторія.—Гелвуй и Зереинъ.—Приглашеніе къ „шатру“.—Палатка современнаго номада.—Арабское становище.—Оригинальная промышленность.—У подножья Ермона.

Утро. Первые лучи солнца пробились въ щели неплотно-притворенныхъ ставень. Въ комнатѣ полусвѣтъ. Уже чувствуются незримые потоки дневного свѣтила. Тянетъ на воздухъ, опять на сѣдло. Мы быстро одѣваемся. Скрипнула дверь—это Якубъ входитъ на цыпочкахъ, думая, что мы еще спимъ. Онъ одѣтъ по дорожному—въ буркѣ и при оружіи. По его радужной улыбкѣ я все болѣе убѣждаюсь, что продолжительная остановка въ Дженинѣ пришлась нашему драгоману очень по душѣ и онъ не прочь былъ бы везти насъ обратно той же дорогой. Поспѣшно уложившись, мы выходимъ во внутренній дворъ, гдѣ Константинъ и турецкій жандармъ сѣдлаютъ лошадей нашего каравана. Молодой хозяинъ прощается съ нами уже съ меньшими церемоніями чѣмъ наканунѣ, дружески пожимая руки. Мы обмѣниваемся самыми задушевными пожеланіями.

— *Мушъ насийн'ши*? не забыли ли чего-нибудь? любезно освѣдомляется сынъ Саидъ-Авдилъ-хади.

— *Ля я, сиди*! Нѣтъ, господинъ, почтительно отвѣчаетъ ему погонщикъ. Лошади поданы. Послѣднее рукопожатіе и вотъ мы вновь на сѣдлѣ, снова готовы топтать конями безконечную ширь разстилающейся предъ нами необозримой долины.

— *Анда накъ*! До свиданія. Выѣзжаемъ гуськомъ изъ воротъ, послѣдній разъ приложивъ руки ко лбу и сердцу. Жандармъ сворачиваетъ вправо, огибая бѣлые домики и переѣхавъ холмистый перевалъ, начинаетъ

спускаться въ равнину. Коллега ѣдетъ за нимъ, я за Якубомъ, такъ какъ вожатые наши, очевидно не спѣвшись, оба стремятся идти къ Назарету «кратчайшимъ путемъ». Константинъ, оживленный и почему-то необычайно подвижной, ѣдетъ сзади меня, весело покрикивая на животныхъ. Яркое утро, свѣжій воздухъ, живописная панорама окрестностей удивительно бодритъ нервы. Лошади идутъ дружно, всѣмъ намъ какъ-то особенно хорошо на душѣ,—мы отдохнули, основательно выспались. Дорога сползаетъ по скатамъ, и цвѣтущій Дженинъ-Энганимъ—этотъ послѣдній пограничный поселокъ Самаріи, подымается какъ будто все выше, озирая живописныя окрестности.

Съ библейскимъ *Энганимомъ* связаны два евангельскія воспоминанія *). Здѣсь по преданію, встрѣтили Іисуса десять прокаженныхъ, умоля объ исцѣленіи. Нигдѣ можетъ быть въ другомъ мѣстѣ нѣтъ такихъ ужасныхъ болѣзней, какъ на Востокѣ: проказа, холера и слѣпота—неумолимые бичи туземнаго населенія. Трогательная обстановка евангельскихъ чудесъ поразительно сохранилась донынѣ. Такъ же какъ и въ «оные дни» вы можете встрѣтить толпу страдальцевъ, просящихъ подаянія. Не такъ давно прокаженные ютились почти на всѣхъ улицахъ Іерусалима безъ призора, подлѣ здоровыхъ выставляя на показъ свои язвы. Ужасный видъ этихъ несчастныхъ, обезображенныхъ съ головы до ногъ особенно убійственными разрушеніями личныхъ покрововъ, приводилъ въ содраганіе туриста **). И теперь, какъ тогда на любой дорогѣ за Іерусалимомъ вамъ попадутся сотни слѣпыхъ, сидящихъ вблизи водоемовъ, у дверей хана, вымаливая подаянія. Среди нихъ много стариковъ, безпомощныхъ, хилыхъ, рѣдко имѣющихъ поводыря и въ большинствѣ случаевъ руководимыхъ инстинктомъ. Съ длинными посохами, съ красными воспаленными глазами и опухшими вѣками, бредутъ эти «калики перехожіе» св. Земли, причитывая нараспѣвъ о своей горькой долѣ. Да и не мудрено, что при постоянной известковой пыли такъ много туземцевъ страдаетъ глазами. Но для нихъ, какъ и въ дни Спасителя, нѣтъ врача, нѣтъ пріюта, нѣтъ и сердобольнаго самарянина, готоваго протянуть руку помощи своему ближнему. Госпиталей существуетъ очень мало, но и тѣ, которые есть, точнѣе различаютъ вѣроисповѣданія и національность, чѣмъ недуги и страданія несчастнаго. Эта партійность, знакомая еще евангельскимъ днямъ, сказалась здѣсь, въ Энганимѣ, и по отношенію къ Христу, котораго не захотѣлъ пустить къ себѣ самарянскій поселокъ, такъ какъ учитель, окруженный своими учениками, «имѣлъ видъ

---

*) Еванг. Луки XVII, 11—19, IX, 52 и 54.

**) Въ послѣднее время неизвѣстная благотворительница устроила домъ для лепрозныхъ вблизи Іерусалима по дорогѣ къ Катамону, лѣтней резиденціи греческаго патріарха.

путешествующаго въ Іерусалимъ *). Это первое самарянское поселеніе, говоритъ Фарраръ, куда онъ могъ прибыть, и отсюда, повидимому, послалъ двоихъ вѣстниковъ, чтобы «приготовить для Него путь». Жители этого селенія, которые и въ настоящее время не отличаются гостепріимствомъ къ странникамъ, рѣшительно отказались принять Его. Раньше, когда Онъ проходилъ черезъ Самарію на своемъ пути къ сѣверу, самаряне не только охотно принимали Его, но даже старались удержать у себя, жадно слушая проповѣдуемое имъ ученіе. Теперь обстоятельства были иныя въ двухъ отношеніяхъ: теперь Онъ завѣдомо направлялся въ Іерусалимъ, который они ненавидѣли, и въ храмъ, который они презирали. Если бы цѣлью Его путешествія была гора Гаризимъ, а не Іерусалимъ, то было бы совсѣмъ иначе. Но теперь Его цѣль и Его послѣдователи, шедшіе за Нимъ, какъ за признаннымъ пророкомъ и Мессіей, слишкомъ воспламеняли въ нихъ племенную вражду, чтобы вызывать ихъ гостепріимство. Горькое чувство по случаю отказа воспламенило сердце Іакова и Іоанна сильнымъ негодованіемъ. «Господи! хочешь ли мы скажемъ, чтобы огонь сшелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ?» Но Христосъ запретилъ имъ и укорилъ ихъ: «Не знаете, какого вы духа!». Очевидно ученики не ясно представляли себѣ различіе, отдѣлявшее Синай и Кармилъ отъ Голгоѳы и Ермона! **).

Эта вѣчная вражда, обратившая жизнь въ поле брани, невольно приходитъ на память именно здѣсь, въ цвѣтущей равнинѣ Израэля. Глядя на зеленые сады, на эти мирно бѣлѣющія деревушки, на широкія полосы хлѣбныхъ полей, на чудную панораму, какъ будто выписанную по полотну гигантскаго размѣра, не хочется вѣрить, что на фонѣ этого патріархальнаго пейзажа, исторія запечатлѣла рядъ кровавыхъ пятенъ. А именно, здѣсь съ глубочайшей древности велись битвы народовъ. У подножія Гелвуя, близъ подошвы Ермона, подъ Ѳаворомъ, на всемъ протяженіи отъ водъ Іордана до озера Генисаретскаго, отъ окраины горъ Самарянскихъ до голубого побережья Средиземнаго моря, бились люди, ослѣпленные фанатизмомъ и враждой, или ошибочно понятымъ патріотизмомъ. Саулъ, отверженный Самуиломъ гибнетъ здѣсь въ дикой схваткѣ съ филистимлянами. Разбитые амалекитяне съ трепетомъ бѣгутъ предъ грозной палицей Гедеона. Нечестивый Ахавъ отражаетъ нашествіе египетскаго царя; израильтяне, пораженные Олоферномъ, полководцемъ Навуходоносора, устилаютъ трупами эту цвѣтущую долину, богатѣйшую житницу Палестины. И

*) Еванг. Луки. X. 53.

**) „Жизнь Іисуса Христа“ Ф. В. Фаррара. Переводъ А. Лопухина. Изд. III. Спб. 1887 г. Стр. 345, 346.

позднѣе, на тѣхъ же нивахъ золотистой пшеницы, среди зеленыхъ виноградниковъ, бьются крестоносцы съ сарацинами за обладаніе священной землей. Даже Наполеонъ Бонапартъ, избѣгавшій, какъ извѣстно, Іерусалима, будучи консуломъ, далъ здѣсь рѣшительное сраженіе туркамъ. Таково прошлое Эздрилона *). Трусоватый Якубъ увѣряетъ меня, что туземцы Израэля склонны къ грабежамъ и разбою. Мы теперь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ Палестины.

— Къ вечеру нужно не запаздывать, говоритъ онъ, непремѣнно добраться до Назарета! А то бедуины здѣсь—охъ, проклятый народъ! Вылущатъ какъ зерно изъ скорлупки. Я ихъ знаю. Да и они меня знаютъ, добавляетъ онъ не безъ запинки.—А что касается до этого черномазаго, говоритъ драгоманъ полушопотомъ, нагибаясь ко мнѣ и указывая глазами на жандарма,—то вы на него не надѣйтесь! Малый продувной и на руку не чистъ! На глазахъ у меня выцѣдилъ бутылку. Конечно, добавляетъ Якубъ съ грустью,—развѣ этотъ азіатъ способенъ понять, что я потерплю убытки!

Солнце уже близится къ полдню. Подъ голубымъ пологомъ неба становится жарко и душно. Почтенный коллега чувствуетъ приступы аппетита. Мы приближаемся къ *Зереину*—крохотному городку у подножія Гелвуя. Вѣрнѣе—это простая деревушка; убогія хижины ея сползли по крутымъ обрывистымъ кряжамъ отроговъ Джебель-Фукуа. Отъ древней столицы Іезраеля, перенесенной на гору Сомронъ израильскими царями, не осталось никакихъ слѣдовъ. Якубъ увѣряетъ, что груды камней на скатахъ холма—остатки старинныхъ прессовъ для выжиманія винограднаго сока. Оно и не мудрено въ мѣстности связанной съ воспоминаніемъ о виноградникахъ Навуѳея. Но отъ роскошныхъ дворцовъ Ахава и Іезавели нѣтъ даже камней; не уцѣлѣло ни одного памятника, напоминающаго объ ужасной судьбѣ растерзанной псами царицы и ея несчастнаго сына. Почти тотчасъ же за Зереиномъ развѣтвляются дороги въ *Галилею*. Одна ближайшая, влѣво, ведетъ къ Назарету, а вправо отдѣляется каменистая тропа черезъ Эндоръ къ подножію Ѳавора. Не успѣли мы спуститься съ холмовъ библейскаго Іезраеля какъ сзади насъ раздался пронзительный свистъ, не на шутку перепугавшій Якуба. Мы въ нерѣшительности остановились. Жандармъ, съ вершины холма наблюдавшій окрестность, объявилъ, что къ намъ скачетъ какой-то всадникъ. Черезъ минуту раздается привѣтственный выстрѣлъ. Бедуинъ въ полосатомъ бурнусѣ съ чернымъ жгутомъ „кефіи“ на головѣ подъѣзжаетъ къ Якубу, принимая его за начальника

---

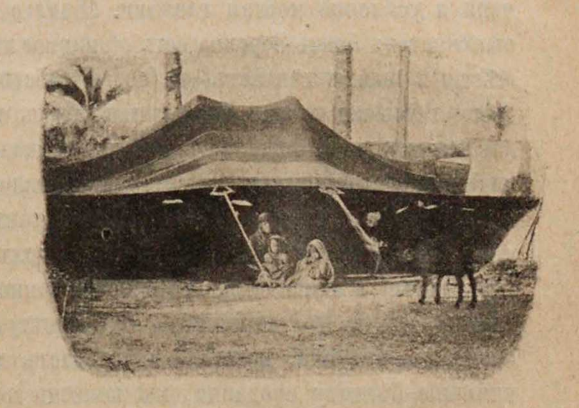
*) Кн. Судей VII, I кн. Царствъ, Гл. XXXI. Кн. Іис. Навина, XIX—18. I кн. Цар. XXVIII—4.

каравана. Нашъ драгоманъ недовѣрчиво и смущенно выслушиваетъ привѣтствіе и обернувшись ко мнѣ объявляетъ съ радостной улыбкой, что туземецъ приглашаетъ насъ къ своему шатру. Коллега въ восторгѣ, а я недоумѣваю. Оказывается, что сынъ Авдиль-Хади успѣлъ сообщить отцу о прибытіи къ нему въ домъ друзей Серкиза, пославъ еще съ вечера гонца въ стада подъ Зереиномъ. Радушный помѣщикъ не имѣя возможности возвратиться въ Дженнинъ, рѣшилъ перехватить насъ на пути къ Назарету, поручивъ сыну дружески принять гостей у себя въ домѣ. Я колебался, такъ какъ эта новая остановка совершенно не входила въ мои первоначальные планы. Но подскакавшій второй гонецъ заставилъ насъ свернуть въ сторону съ караванной дороги и мы потянулись къ бедуинскимъ шатрамъ, чернѣвшимъ вдали на равнинѣ.

Бедуины и арабы—родные братья по происхожденію, религіи и языку. Собственно, это одно племя, но только первые сохранили патріархальный образъ жизни, всю неприкосновенность обычаевъ и нравовъ, оставаясь народомъ пастушескимъ, кочевымъ, въ то время какъ арабы въ теченіе многихъ вѣковъ «осѣли на землю» подъ вліяніемъ культуры. Нельзя не удивляться, какъ высоко ставитъ независимость и свободу кочевникъ-бедуинъ, не желая промѣнять грубыя шкуры своихъ шатровъ на каменный домъ собрата. Палатка номада, тысячеголовыя стада овецъ, безконечная, необхватная ширь любимыхъ степей, жизнь полная движенія, распрей и грабежей—это стихія, въ которой родился, живетъ и умираетъ свободный сынъ Палестинской пустыни. Кочуя со своими стадами изъ края въ край, отъ Мертваго моря до озера Семахонитскаго, отъ горныхъ кряжей Трахонитиды, Джебель-Хорана и горъ Галаатскихъ до подошвы Кармеля и волнъ Средиземнаго моря, онъ считаетъ себя прирожденнымъ собственникомъ этой земли, одинаково не признавая какъ власти европейцевъ, такъ и турецкихъ пашей, зачислившихъ его территорію въ свои «пошалыки» и «виллаеты». Числясь магометанами, бедуины все же во многомъ напоминаютъ язычниковъ, поклоняясь напримѣръ солнцу, что не мѣшаетъ имъ заимствовать нѣкоторыя вѣрованія у христіанъ и даже евреевъ. Живя на началахъ родового быта, строго придерживаясь обычаевъ старины, эти дѣти пустыни свято чтутъ домашній очагъ, у котораго даже заклятый врагъ считается неприкосновеннымъ. Зато, въ открытомъ полѣ, при значительномъ перевѣсѣ силъ надъ противникомъ, бедуины не преминутъ ограбить караванъ, избѣгая однако кровопролитій *). Арабы относятся нѣсколько свысока къ своимъ собратьямъ, младшимъ по развитію и положенію, хотя поддерживаютъ съ ними родственныя отношенія. Одна изъ дочерей Саидъ-Авдилъ-Хади-Маго-

*) Скалонъ: „Путешествіе по Востоку и Св. Землѣ". „Р. В." VIII. 1876 г.

метъ-эфенди, какъ сообщилъ мнѣ всезнающій Якубъ, была замужемъ за шейхомъ племени и тесть вмѣстѣ съ зятемъ водили стада, поддерживая значительную торговлю шерстью съ портовыми городами Средиземнаго побережья. Въ самой срединѣ кочевья насъ встрѣтилъ Саидъ-Авдилъ-Хади. Онъ былъ верхомъ на лошади, окруженный бедуинскими всадниками. Это почтенный старецъ въ зеленомъ халатѣ, пестраго персидскаго рисунка и темной *кефіи*, плотнымъ жгутомъ охватывающей полосатую *абайя*. Мы слѣзли у большого шатра, гдѣ арабскій помѣщикъ представилъ насъ своему бедуинскому родственнику. Какъ гостей, меня и коллегу посадили на мягкихъ коврахъ вдоль парусинныхъ навѣсовъ, спиною къ подушкамъ. Пока готовятъ неизбѣжный кофе, а коллега набрасываетъ босоногихъ хозяевъ, я съ любопытствомъ разглядываю черный шатеръ, разгороженный занавѣсомъ на два отдѣленія. Палатка устроена на жердяхъ, отъ которыхъ протянуты веревки къ кольямъ, вколоченнымъ въ землю. Боковыя полотна треугольнаго отверстія входа обыкновенно обращены къ сѣверозападу, чтобы избѣжать жгучихъ лучей солнца. Чистая половина считается пріемной, а въ другой помѣщаются жены и дѣти, хранится оружіе и сѣдла, богатые чапраки, тюки и саквы, словомъ—все имущество хозяевъ.



Палатка бедуиновъ.

Бедуинское кочевье производитъ впечатлѣніе шумнаго лагеря. Какъ-то не вѣрится, что люди стоятъ здѣсь уже нѣсколько недѣль, такъ все прилажено на спѣхъ, на скорую руку. Палатки разбросаны по степи безъ всякой системы, случайно и прихотливо, мѣстами плотно сдвинуты другъ къ другу, или одиноко отнесены отъ прочихъ. И теперь въ треугольникъ откинутыхъ парусинныхъ полотнищъ мнѣ виднѣется оригинальная картина. На второмъ планѣ легли верблюды съ огромными сѣдлами на горбахъ, въ пестрой сбруѣ, обвѣшанной кистями. Тутъ же, въ закоптѣлыхъ котлахъ варится незатѣйливый обѣдъ бедуина. Женщины сушатъ рисъ въ мѣшкахъ, сортируютъ зерна дурры. Собаки вертятся стаей около костра, гдѣ жарится баранина. У шатровъ бродятъ стреноженныя лошади, играютъ полунагія дѣтишки, безобразныя старухи процѣживаютъ верблюжье молоко послѣдняго удоя. Смѣхъ и говоръ, пѣсня и плачъ ребенка, проснувшагося въ сосѣднемъ шатрѣ, топотъ проскакавшаго всадника, свистъ собакамъ и дальнее блеяніе

овецъ — все это сливается въ одинъ сплошной гомонъ. Мы пьемъ кофе, ѣдимъ баранину съ лукомъ, жареную петрушку съ печеными яйцами, заѣдая маисовыми лепешками всѣ эти лакомства, разложенныя предъ нами на блюдахъ, плетеныхъ изъ соломы. Жирный рисъ приготовленъ на бараньемъ салѣ и щедро посыпанъ какой то душистой травой, но совершенно безъ соли. Якубъ, возсѣдающій съ нами въ числѣ всей прочей прислуги, не исключая жандарма и погонщика Константина, вдругъ начинаетъ подмигивать мнѣ и дѣлать какіе-то таинственные знаки. Сзади него собралась уже цѣлая толпа загорѣлыхъ оборванцевъ, съ любопытствомъ слѣдящая за нашей трапезой. Широкій кругъ, который образовала подсѣвшая къ намъ прислуга, только въ одномъ мѣстѣ не замкнутъ и я замѣчаю рванаго старика съ какимъ-то ящикомъ. На него-то косится Якубъ, поглядывая на меня и усиленно моргая глазами. Я долго недоумѣваю, но, наконецъ, дѣло выясняется: близъ Зереина есть обширное кладбище неизвѣстной народности. Мѣстный шейхъ считаетъ его своей собственностью, варварски разграбляя древнія усыпальницы. Изъ нѣдръ этихъ тысячелѣтнихъ могилъ бедуины извлекаютъ различные предметы изъ стекла: кувшинчики, кольца, браслеты, видимо полагавшіеся съ умершими. Тусклое стекло отливаетъ всѣми цвѣтами радуги и почтенный археологъ готовъ отнести ихъ къ числу финикійскихъ древностей. Шейхъ—зять Авдилъ-Хади промышляетъ ими, сбывая туристамъ, и вотъ объясненіе неожиданной мимики драгомана. Чтобъ отблагодарить за гостепріимство, онъ совѣтуетъ намъ купить этого стекла у оборванца бедуина, который и передастъ деньги шейху. Принимая же во вниманіе бѣдноту продавца, мы конечно не станемъ торговаться. Volens-nolens приходится отобрать нѣсколько хрупкихъ графинчиковъ съ тонкимъ горлышкомъ, напоминающихъ извѣстныя «слезницы» древнихъ. Но хрупкость ихъ такова, что я раздавилъ двѣ драгоцѣнности, желая выбрать третью. Такимъ образомъ, остановка въ бедуинскомъ шатрѣ у зятя обошлась очень дорого, вполнѣ отплативъ за радушный почлегъ тестя въ Дженинѣ. Мы распростились съ Саидъ-Авдилъ-Хади, такъ какъ жандармъ торопилъ насъ отъѣздомъ въ Назаретъ, чтобы поспѣть до ночи миновать Эль-Фулэ, пользующееся дурной репутаціей.

Вечерѣло. Въ багряной дали огненный дискъ опускался уже надъ синей каймой далекаго моря. Караванъ нашъ ускореннымъ маршемъ достигъ источника *Гамаѳъ*. Арабскій Аинъ-Джалудъ бьетъ изъ скалы подъ навѣсомъ прохладнаго грота. Чистая, какъ кристалъ, широкая струя его падаетъ въ природную цистерну, выбитую въ каменистомъ грунтѣ. Дно испещ-

рено черными камушками и Константинъ увѣряетъ, что въ этомъ крохотномъ прудѣ будто бы водится рыба. Мы напились здѣсь сами и напоили лошадей, такъ какъ вода замѣчательно вкусна и источникъ считается лучшимъ въ долинѣ. Два, три спуска съ отроговъ Гелвуя и вотъ предъ нами во всей красотѣ встаетъ Джебелъ-Дагеръ, историческій *Ермонъ* Библіи. Отъ подножья его соплеменника Неби-Дахи, Малаго Ермона, начинается Галилея. Вокругъ царственнаго шатра, задрапированнаго зеленью, стелется въ даль цвѣтущая долина, залотистымъ ковромъ спускающаяся къ Ѳавору. И когда глядишь на этихъ двухъ величественныхъ сосѣдей, начинаешь постигать восторгъ псалмопѣвца царя, посвятившаго имъ вдохновенный гимнъ: «Ѳаворъ и Ермонъ о имени Твоемъ возрадуются» *). Остроконечный конусъ Малаго Ермона, поросшій мелкимъ кустарникомъ, спускаетъ къ подошвѣ заросшіе дубнякомъ склоны, и заостренныя грани его какъ будто обращены къ четыремъ сторонамъ свѣта. На оголенной вершинѣ пріютилась теперь бѣлая *уэли* неизвѣстнаго мусульманскаго святого. Отсюда во всемъ величіи видна снѣжная вершина Джебель - Дагера, гдѣ нѣкогда, окруженный любимыми учениками, предсталъ учитель, озаренный божественнымъ свѣтомъ, на уединенной высотѣ, вдали отъ суетнаго міра, готовясь къ великому акту смерти, къ трагическому моменту человѣческаго искупленія. Здѣсь именно, а не на Ѳаворѣ, открылъ Онъ тремъ апостоламъ неземное величіе, ожидавшее его послѣ великой борьбы, показалъ тотъ безсмертный ликъ, которому суждено было предстать предъ ними въ терновномъ вѣнцѣ на Голгоѳѣ. И осѣненный облакомъ, таинственно собесѣдовалъ онъ съ Богомъ—Отцомъ съ Иліей и Моисеемъ; «и этотъ гласъ, пронесшійся съ небесъ», говоритъ Апостолъ, «мы слышали, будучи съ нимъ на св. горѣ» **). Да, именно здѣсь и отнюдь не на Ѳаворѣ должно было совершиться Преображеніе. Достаточно припомнить, что во времена Спасителя на вершинѣ Ѳавора находилась обширная крѣпость Итабуріонъ, реставрированная впослѣдствіи, Іосифомъ Флавіемъ въ періодъ борьбы евреевъ съ римлянами. Не говоря уже о значительной высотѣ Ермона сравнительно съ Ѳаворомъ, вершина послѣдняго съ незапамятныхъ временъ была обитаемымъ мѣстомъ. Къ тому же, ходъ евангельскихъ событій ясно указываетъ, что Спаситель, находясь за шесть дней до Преображенія въ Кесаріи Филиповой, не спускался на югъ. Напротивъ, св. Маркъ прямо говоритъ, что Христосъ проходилъ Галилею только послѣ этого чудеснаго событія. Естественнѣе

*) Псал. LXXXVIII—13.

**) Посл. 2 Ап. Пет. I, 18. Еван. Мат. гл. XVII, 1—13, Марка IX, 2—13, Луки IX, 28—36. Христіанскія преданія, предполагающія Преображеніе на Ѳаворѣ, совершенно необоснованы. Три церкви и монастырь, воздвигнутые позднѣе въ концѣ VI столѣтія, способствовали дальнѣйшему заблужденію.

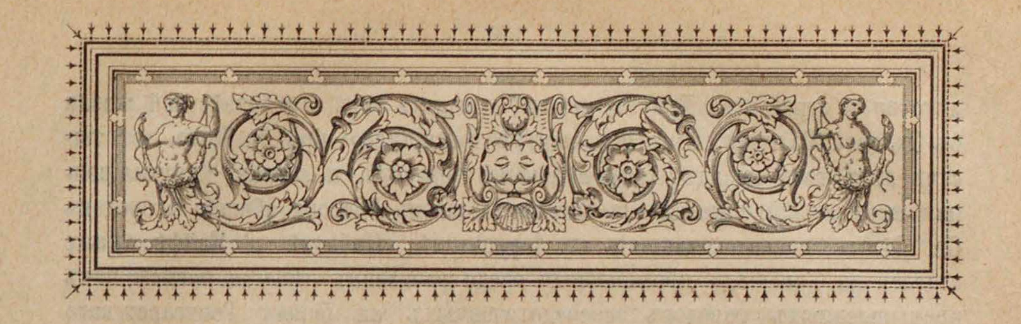
предположить, замѣчаетъ Фаррарь, что Іисусъ, желая пройти священную землю своей родины до самыхъ сѣверныхъ ея предѣловъ, подвигался впередъ, пока не достигъ низменныхъ склоновъ величественной снѣговой горы, сверкающая громада которой составляетъ крайній сѣверный предѣлъ Палестины—именно воспѣтой іудейскою поэзіей горы Ермона *). Долго еще ея царственный холмъ сквозитъ предъ нами, и мы ѣдемъ, охваченные страннымъ настроеніемъ, въ глубокомъ молчаніи. Событія евангельскихъ дней невольно встаютъ предъ духовными очами...

Ночь близка. Въ синихъ сумеркахъ тонетъ Ѳаворъ, провожая насъ справа. Еще четверть часа и послѣдніе лучи, озаривъ Ездрелонскую долину, неохватную ширь полей Галилеи, исчезаютъ, погасивъ огнистый костеръ пылающаго заката. Только тамъ, далеко на сѣверѣ, догараютъ послѣднія искры, сверкая на царственныхъ льдахъ *Большого Ермона*, питающаго своими снѣгами Іорданъ, эту водную артерію Палестины. Прямо предъ нами встаетъ уже на горныхъ уступахъ крохотный Назаретъ со своими бѣлыми домиками. Мы начинаемъ взбираться по ребрамъ утесовъ, покрытыхъ сплошной порослью кактусовъ, и подымаемся все выше и выше. Вокругъ поразительно тихо. Желтоватый дискъ мѣсяца неожиданно вырѣзывается со стороны Джебель-ет-Тора на потемнѣвшемъ небесномъ сводѣ, слабо отбрасывая трепетное сіянье. По известковымъ камнямъ, среди зеленыхъ утесовъ, волнистою лентой взбирается дорога. Она ползетъ по краямъ обрывистыхъ кручъ, огибая уступъ за уступомъ, быть можетъ одинъ изъ тѣхъ, съ котораго, по преданію хотѣли, свергнуть Христа разъяренные Іудеи... А луна серебрится все ярче и ярче; прозрачная дымка облаковъ не затуманиваетъ больше ея спокойнаго, кроткаго лика. Я оглядываюсь. Голубые туманы уже стелются внизу по долинѣ, окутывая подножье Ермона и темный конусъ Ѳавора. Со стороны Израэля мелькаютъ трепетные огоньки, зажигаются и снова гаснутъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ мы подымаемся на высоту. Еще два, три поворота и навстрѣчу уже плывутъ къ намъ бѣлый минаретъ, бѣлые домики, бѣлыя крыши, заборы, чередуясь съ темной зеленью садовъ, съ стройными силуэтами кипарисовъ.

— *Енъ-Насыра*! — говоритъ Константинъ, радостно улыбаясь.—Это городъ Св. Дѣвы.

Жаровня.

*) Фарр. XXXVI, 296, 297.



Глава X.

На родинѣ Христа.

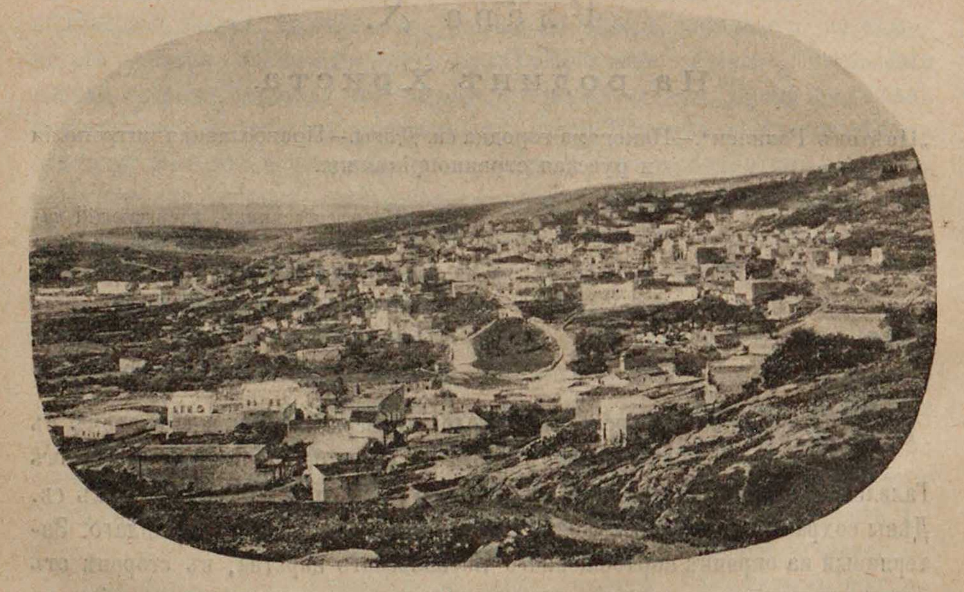
„Цвѣтокъ Галилеи“.—Панорама городка св. Дѣвы.—Православная митрополія и русская страннопріимница.

„Путешественникъ, посѣщающій какую-либо страну, долженъ проникнуться ея обычаями; вотъ почему христіане должны странствовать по Св. Землѣ съ Евангеліемъ въ рукахъ“.

Шатобріанъ.

Назаретъ—это прелестный уголокъ сѣвера Палестины. Недаромъ съ древнѣйшихъ временъ «Енъ-Насыра» былъ названъ «цвѣткомъ Галилеи». Раскинутый на высокомъ, полукругломъ холмѣ бѣлый городокъ св. Дѣвы сохранилъ на себѣ буколическій отпечатокъ далекаго прошлаго. Затерянный на окраинѣ порабощеннаго Израильскаго царства, въ сторонѣ отъ большихъ римскихъ дорогъ, перерѣзавшихъ завоеванную провинцію въ цѣляхъ стратегіи или торговли, этотъ цвѣтущій галилейскій поселокъ все также дышитъ безмятежной простотой, рѣзко отличаясь отъ городовъ и мѣстечекъ Іудеи и Самаріи. Если тамъ библейскій колоритъ постепенно стушевывается, съ одной стороны, ассимилируясь съ мусульманствомъ, съ другой, уступая давленію современной европейской культуры, — то здѣсь, въ Назаретѣ, вліяніе двухъ этихъ факторовъ сказалось въ высшей степени оригинально. Правда, на самой вершинѣ известковаго гребня высятся прекрасныя зданія англійскаго сиротскаго пріюта, а греческіе и католическіе храмы придаютъ «Енъ-Насыра» какъ будто видъ горо́ока, но отойдите на нѣсколько шаговъ отъ этихъ европейскихъ построекъ, оглянитесь вокругъ и передъ вами въ яркихъ образахъ развернутся картины, полныя деревенскаго колорита, какой-то патріархальной простоты, которыми запечатлѣно

дѣтство и отрочество Христа, первыя тридцать лѣтъ его безвѣстной жизни въ далекой Галилеѣ, въ этомъ центрѣ тогдашняго міра *). Какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, такъ и донынѣ торговля, политика, кипучая полная наслажденій и мелкаго антагонизма жизнь Востока обошли «городокъ Св. Дѣвы», сосредоточившись въ Іерусалимѣ, Наблусѣ и Кайфѣ. Даже отдаленная Тиверіада, прозябающая среди развалинъ нѣкогда богатѣйшихъ промышленныхъ городовъ, сосредоточенныхъ на берегу Генисаретскаго озера, производитъ большое впечатлѣніе на европейца своей торгово-промышленной физіономіей, чѣмъ Назаретъ, значительнѣйшій изъ городовъ



Назаретъ.

Акрскаго пошалыка. Типичный колоритъ средневѣковья, воинственный обликъ ислама и вліянье европейской культуры поглощены здѣсь симпатичной природной обстановкой. По живописному крутому скату высокихъ холмовъ амфитеатромъ сползаютъ бѣлые деревенскіе домики, ютясь во впадинахъ горнаго хребта, драпируясь зеленью задумчивыхъ кипарисовъ.

*) По свидѣтельству Іосифа Флавія, Галилея временъ Христа была оживленнѣйшимъ центромъ Палестины. Расположенная „на пути приморскомъ", она служила перекресткомъ большихъ тогдашнихъ дорогъ Египта, Дамаска, Итуріи, Самаріи, Сиріи и Финикіи. Европа, Азія и Африка совмѣстно снабжали эту страну населеніемъ, составленнымъ изъ представителей всѣхъ тогдашнихъ народностей, начиная отъ кочевниковъ дикарей и кончая высокомѣрными римлянами, цивилизаторами края.

Чистенькія, жизнерадостныя глядятъ эти глиняныя мазанки съ обрывистыхъ скатовъ на растилающуюся у ихъ ногъ цвѣтующую безпредѣльную равнину Ездрелона. За колючимъ поясомъ исполинскихъ кактусовыхъ оградъ зеленѣютъ фиговыя деревья, золотятся лимоны. Багряный гранатникъ, отягченный плодами, чередуется съ блѣдною зеленью виноградниковъ. По уступамъ восточнаго склона сползаютъ черепичныя кровли, выдѣляя единственную главную улицу Назарета. Улица эта—старинный оврагъ, накатанный ѣздой и съ незапамятныхъ временъ служившій стокомъ весеннихъ водъ съ закругленной вершины Джебель-Эсъ-Сиха въ равнину, которая отсюда разстилается зеленымъ ковромъ до самаго Малаго Ермона. Тамъ, на этомъ зеленѣющемъ днѣ исполинской чаши, пестрѣютъ золотистые обрывки нивъ, поля маиса и дурры, зрѣютъ въ тиши миндаль и шелковица. Маргаритки и макъ, библейскія лиліи и анемоны одѣваютъ весной закругленные скаты подковообразнаго горнаго кряжа, гдѣ любитъ ютиться голубая сизоворонка и вьетъ свои гнѣзда воркующая горлица. Миріады бѣлыхъ голубей носятся въ прозрачной синевѣ чистаго воздуха, безмятежно купаясь въ золотистыхъ лучахъ улыбающагося солнца. Когда же огненный дискъ погаснетъ, скрываясь въ морской глубинѣ и мягкій волнистый туманъ задрапируетъ одинокій холмъ Энъ-Насыры розовымъ флеромъ, — тогда тихій городокъ, затерянный на высотѣ, въ сторонѣ отъ празднаго людского торжища, будитъ еще сильнѣе воспоминанія евангельскихъ дней, дней мира и скромныхъ радостей въ жизни Христа и Его Матери Дѣвы...

Ночной сумракъ упалъ уже на землю, когда караванъ нашъ, поднявшись по скатамъ холма Джебель-Эсъ-Сиха, достигъ главной Назаретской улицы. Въ серебристомъ сіяніи мѣсяца обступили насъ тѣсной толпой высокіе бѣлые домики съ оригинальными окнами по фасаду. Ихъ широкая амбразура раздѣлена тонкой каменной колонкой и производитъ впечатлѣніе двухъ, плотно сдвинутыхъ вмѣстѣ, узкихъ окошекъ. Шумная толпа ребятишекъ привѣтствовала нашъ караванъ радостнымъ кликомъ. Темныя фигуры женщинъ, закутанныхъ въ непроницаемые чадры, появлялись на порогахъ дверей, оглядывая насъ съ ногъ до головы и торопливо дѣлясь впечатлѣніями. Драгоманъ Якубъ, всегда выступающій впереди въ мѣстахъ, гарантирующихъ ему полную безопасность, снявъ шляпу, съ напыщенной торжественностью, поздравляетъ насъ съ «благополучнымъ» прибытіемъ въ столицу Галилеи. Но я убѣжденъ, что его радуетъ болѣе всего перспектива скораго полученія выговоренной по уловію платы, въ размѣрѣ двухсотъ франковъ за каждую треть нашей сѣверной экскурсіи.

Обладая необыкновеннымъ талантомъ избѣгать расходовъ, откладывая продовольственныя деньги почти цѣликомъ, а кліентовъ своихъ помѣщая у радушныхъ туземцевъ, — «mister Jacub», несомнѣнно имѣвшій уже свои комбинаціи, вдругъ подъѣхалъ ко мнѣ сорашивая, гдѣ мнѣ угодно остановиться? Хотя я и былъ снабженъ рекомендательнымъ письмомъ къ назаретскому митрополиту—о. Нифонту, но мнѣ не хотѣлось безпокоить его въ такое позднее время. Приходилось остановиться въ русскомъ пріютѣ. Якубъ пробовалъ увѣрять меня, что такая остановка, во-первыхъ, обидитъ о. Нифонта, а во-вторыхъ, русскій домъ находится очень далеко, на противоположной окраинѣ города — однако я настоялъ, и караванъ нашъ потянулся дѣйствительно чрезъ весь Назаретъ по узкимъ переулкамъ, провожаемый ожесточеннымъ лаемъ собакъ. Съ добрыхъ три четверти часа плутали мы по уснувшему городку, пока, наконецъ, добрались до каменнаго дома почти на выселкахъ города. Правовѣрный жандармъ, сопровождавшій насъ отъ Дженины, принялся стучать въ ворота. Прошло съ четверть часа, пока звякнулъ засовъ, и въ щель едва пріотворенныхъ воротъ показалась растрепанная голова какого-то субъекта. Я спросилъ г-на К., завѣдывавшаго пріютомъ и русской школой, но онъ оказался въ отпуску, въ Бейрутѣ, хотя меня и снабдили къ нему письмомъ іерусалимскіе агенты Палестинскаго общества. Недоумѣвая, что предпринять, я спросилъ, кто же его замѣщаетъ? Мнѣ назвали фамилію учителя, которому я и попросилъ передать письмо вмѣсто г-на К., и грязный превратникъ скрылся. Прошло еще минутъ 20, пока та же фигура, крайне подозрительной внѣшности, чистоплотности и трезвости, вернулась обратно, возвративъ, къ полному моему недоумѣнію, привезенное письмо нераспечатаннымъ. Я не могъ добиться никакихъ объясненій. Якубъ толковалъ о какихъ-то ремонтныхъ работахъ, перестройкѣ, неимѣніи ключей отъ странно-пріимницы и т. п., но во всемъ этомъ не чувствовалось правды. Оставалось предположить только одно, что замѣстителю г-на К. по-просту не далась русская грамота, или онъ находился въ состояніи неудобномъ для пріема постороннихъ посѣтителей.

— Ну что!—торжествовалъ Якубъ,—не говорилъ ли я вамъ, что надо прямо ѣхать къ греческому митрополиту? Даромъ только потеряно время!

Нечего было дѣлать — и мы тронулись въ обратный путь, удрученные, разочарованные въ русскомъ гостепріимствѣ въ далекой чужеземной окраинѣ. Пришлось опять пробираться черезъ весь городъ, поднимаясь по извилистымъ уклонамъ къ вершинѣ Назаретскаго холма, такъ какъ греческій монастырь занимаетъ одинъ изъ его уступовъ*).

*) Горный кряжъ Джебель-эсъ-Сиха достигаетъ здѣсь высоты приблизительно 1030 ф. надъ уровнемъ моря.

Назаретская епархія довольно обширна. Она простирается къ западу до большого потока, протекающаго между Назаретомъ и Птолемаидою и на востокъ до половины горы Ѳавора, образуя, такимъ образомъ, подобіе треугольника. Изъ семи тысячъ жителей Назарета большинство православныхъ арабовъ. Затѣмъ идутъ католики, уніаты, марониты и только одна треть состоитъ изъ мусульманъ, ютящихся въ центрѣ города, вокругъ своего одинокаго минарета *). Желтый квадратъ монастырскихъ зданій привѣтствовалъ насъ еще издалека и мы, подъѣхавъ къ воротамъ, не безъ удовольствія спѣшились. Стѣсняясь позднимъ часомъ нашего пріѣзда, я просилъ не безпокоить о. Нифонта и предоставитъ намъ для ночлега хотя-бы каменную веранду. Но, къ удивленію моему, встрѣтившій насъ хлопотливый служка, объявилъ мнѣ, что для «пріятныхъ гостей» давно приготовлены комнаты, и самъ митрополитъ ожидаетъ насъ съ ужиномъ. Мы поспѣшили умыться и перемѣнить дорожные костюмы и вслѣдъ за служкой поднялись по каменной лѣстницѣ на широкую веранду. Эта часть монастырскихъ зданій напомнила мнѣ привлекательный уголокъ монастыря св. Лазаря (близъ Виѳаніи) по дорогѣ въ Іерихонъ, къ Іордану. Такія же аркады плохо стесанныхъ камней, тотъ же парапетъ и лѣстница, оплетенная пушистой листвой винограда. Сѣрый курай проросъ мѣстами по плитамъ двора; такъ же, какъ и тамъ, свободно разрослись кипарисы и тамариски, чередуясь съ кустами цвѣтущихъ магнолій. Пока мой коллега-археологъ пытается снять съ отекшихъ ногъ русскіе сапоги и замѣнить ихъ ботинками, я схожу внизъ, направляясь къ ярко освѣщеннымъ окнамъ. Якубъ уже распоряжается во дворѣ, какъ у себя дома, покрикивая на погонщика Константина, охотно предоставляя услужливымъ инокамъ перетаскивать наши вещи. Митрополитъ встрѣтилъ насъ совершенно по родственному, сообщивъ, что онъ давно уже имѣетъ всѣ свѣдѣнія о нашемъ караванѣ.

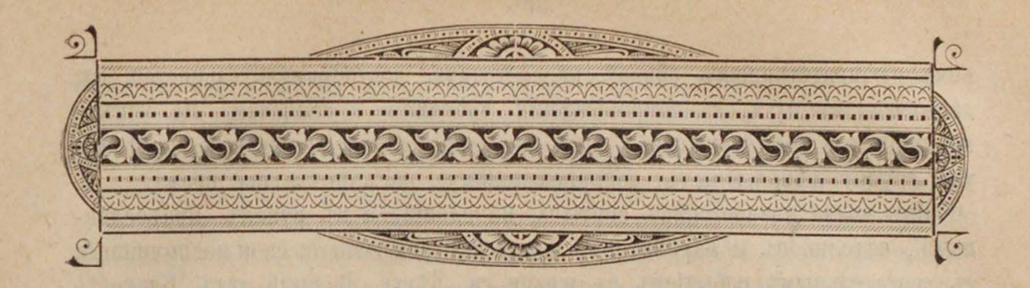
Настоятель монастыря въ Наблусѣ писалъ ему какъ о моей болѣзни, такъ и о дальнѣйшемъ путешествіи. Я передалъ о. Нифонту письмо отъ патріарха Іерусалимскаго, прочитавъ которое митрополитъ еще разъ обнялъ меня и проговорилъ:

*) Во времена Муравьева выдающееся положеніе занимали католики, владѣвшіе главнѣйшими святынями Назарета, и только за послѣднее время греческая митрополія получила здѣсь равноправное значеніе. Представитель греческаго патріарха пользуется большимъ уваженіемъ у Турокъ. Интересно, что въ XVIII в., по свидѣтельству Вольнея, христіанское населеніе Назарета значительно превышало турецкое. Но въ 12-мъ г. тек. стол. Бергардъ нашелъ уже въ немъ только 1000 христіанъ и болѣе 2000 мусульманъ. Въ 40-мъ г. Робинзонъ наблюдалъ уже слѣд. группировку: 1040 православныхъ, 680 католиковъ, 520 уніатовъ, 400 маронитовъ и только 650 турокъ.

— Вы у себя дома...

Пріемная настоятеля Назаретской обители производитъ на путешественника симпатичное впечатлѣніе. Это большая, высокая комната съ чисто-выбѣленными стѣнами, вдоль которыхъ расположены мягкіе, пестрые турецкіе диваны съ широкими полосатыми мутаками. Низенькія табуретки стоятъ по угламъ и у дверей. Надъ ними красуются портреты царствующихъ особъ Россіи и Греціи, выдающихся мѣстныхъ іерарховъ и виды различныхъ монастырей и лавръ, въ числѣ которыхъ есть и наша Кіево-Печерская. Окна и средняя дверь глядятъ на террасу, густо задрапированную богатою растительностью. Обычный кумъ-кумъ, шербетъ и горячій кофе были предложены намъ тотчасъ же, несмотря на поздній часъ и уже сервированный ужинъ. Между тѣмъ вошли два почтенныхъ старца—казначей и старшій священникъ братіи. Насъ познакомили и я въ свою очередь представилъ своего спутника—коллегу археолога. Прекрасный ужинъ: горячая похлебка, курица, разварныя легюмы и замѣчательное вино мѣстныхъ монастырскихъ виноградниковъ заставили насъ позабыть негостепріимство отечественнаго пріюта, а предусмотрительность и вниманіе, какимъ мы пользовались во все время нашего пребыванія въ Назаретѣ, оставили по себѣ воспоминаніе, надолго неизгладимое въ памяти. Послѣ задушевной бесѣды, затянувшейся далеко за полночь, мы разстались наконецъ бодрые, оевѣженные впечатлѣніями этой встрѣчи, несмотря на долгій пройденный путь и физическую усталость. Служка проводилъ меня въ верхніе покои монастырскаго корпуса, гдѣ въ прохладной и уютной комнатѣ насъ ожидали прекрасныя постели—роскошь осѣдлаго комфорта.

Кувшинъ для воды мѣстнаго производства.



Глава XI.

Памятники—святыни Назарета.

Церковь Живоноснаго источника.—Монастырь Благовѣщенія.—Пещеры Св. Дѣвы, Ангела, Іосифа Обручника. — Кухня Богоматери. — Мастерская Іосифа. — Маронитскіе храмы. — Исторія Назарета и жизнь Спасителя въ немъ.

Раннимъ утромъ насъ разбудилъ драгоманъ, сообщивъ, что о. Нифонтъ поручилъ ему передать, что онъ самъ желаетъ сопутствовать намъ при обзорѣ мѣстныхъ святынь Назарета. Мы поспѣшили одѣться и, наскоро напившись чаю, который былъ приготовленъ торжествующимъ Якубомъ (вѣроятно довольствіе наше шло отъ монастыря), вышли на широкій дворъ, обнесенный монастырскими строеніями. Впрочемъ, намъ пришлось дожидаться съ четверть часа. О. Нифонтъ присутствовалъ на урокѣ въ своей школѣ, устроенной для мѣстныхъ православныхъ арабскихъ дѣтей, посвящая утренніе часы обычному обходу ввѣренной ему митрополіи. Прекрасное зданіе духовнаго училища, почти примыкающее къ архимандритскому дому, и обширный храмъ «Живоноснаго источника» служатъ несомнѣннымъ украшеніемъ густо-населеннаго греческаго квартала.

Вскорѣ громкое пѣніе донеслось до насъ изъ открытыхъ оконъ училища: дѣти довольно стройно пѣли молитву.

—«Ну, теперь его высокопреподобіе сейчасъ выйдетъ», сообщилъ намъ служка, и мы поспѣшили навстрѣчу къ почтенному старцу.

О. Нифонтъ дѣйствительно появился, окруженный дѣтворой, раздавая направо и налѣво благословеніе. Его сопровождали келарь и старшій священникъ въ черныхъ рясахъ и камилавкахъ. Поговоривъ съ учителями—двумя смуглолицыми арабами, которыхъ я принялъ сначала за послушниковъ, владыко отпустилъ дѣтей и направился къ намъ, привѣтливо улыбаясь. Поблагодаривъ о. Нифонта за любезную готовность быть нашимъ спутни-

комъ въ предстоящемъ обзорѣ назаретскихъ достопримѣчательностей, мы двинулись въ путь, въ сопровожденіи драгомана и казначея. Не успѣли мы пройти и десяти шаговъ, какъ населеніе, узнавшее пастыря, выдѣлило уже группу любопытныхъ, сопровождавшихъ насъ почти все время.

Изъ числа назаретскихъ святынь, находящихся въ рукахъ православныхъ, католиковъ и маронитовъ, почти всѣ связываютъ свои воспоминанія съ трогательнымъ событіемъ въ жизни св. Дѣвы. Великій актъ Благовѣщенія, конечно, служитъ исходной точкой рѣшенія вопроса о подлинности мѣстныхъ святынь, и надо видѣть съ какою горячностью представители каждаго вѣроисповѣданія стараются доказать, что именно въ ихъ рукахъ находится драгоцѣнное для христіанъ мѣсто Божественнаго откровенія. Въ сѣверо-восточной окраинѣ города греки воздвигли прекрасный и обширный храмъ надъ самой, безспорно-точной христіанской реликвіей Палестины. Я разумѣю «*источникъ Пресвятой Дѣвы*», куда она несомнѣнно приходила за водой въ числѣ прочихъ назаретскихъ женщинъ, ибо колодезь Богоматери донынѣ единственный ключъ воды, питающій все мѣстное населеніе. Греческій *храмъ Живоноснаго источника* выведенъ на подобіе креста, высокъ, съ прекрасными окнами и производитъ своей чистотой и опрятностью пріятное впечатлѣніе *). Остальныя зданія греческой миссіи расположены такъ, что образуютъ передъ храмомъ широкую площадку, вымощенную плитами. Мы вступили въ соборъ, гдѣ насъ сразу охватила живительная прохлада. Внутренность его замѣчательно гармонична въ частяхъ и въ цѣломъ. Драгоцѣнный иконостасъ темнаго кипариса поражаетъ великолѣпіемъ своей рѣзьбы, иконы — древней византійской живописью. Прямо изъ середины церкви нѣсколько широкихъ ступеней сводятъ васъ въ темный коридоръ, откуда вы попадаете въ пещеру источника Дѣвы, главнѣйшую святыню храма. Стѣны ея одѣты причудливыми изразцами и разноцвѣтными мраморами, а самъ водоемъ обдѣланъ бѣлымъ мраморнымъ парапетомъ. Металлическая рѣшетка прикрываетъ отверстіе этой глубокой подземной чаши, откуда съ помощью кружки, привязанной на длинную цѣпь, поклонники достаютъ себѣ святую воду. Больные омываютъ себѣ здѣсь глаза, а здоровые уносятъ въ бутылочкахъ драгоцѣнную влагу какъ святыню на далекую родину. Греки разумѣется пріурочиваютъ къ упомянутому колодцу и мѣсто яко бы Благовѣщенія архангела-Гавріила великой тайны воплощенія. Престолъ этого подземнаго придѣла посвященъ тому же

---

*) Къ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что большинство греческихъ храмовъ и находящихся въ нихъ святынь содержатся далеко не въ чистотѣ и не могутъ похвастаться богатствомъ и роскошью убранства. Наши русскія святыни, несмотря на значительной притокъ къ нимъ богомольцевъ, въ самое неблагопріятное для чистоты лѣтнее время, содержатся несравненно опрятнѣе.

воспоминанію и предъ нимъ теплятся неугасаемыя лампады *). Нѣсколько вправо отъ него виднѣется небольшая ниша, задѣланная желѣзной рѣшоткой. Въ 50-хъ годахъ существовалъ еще свободный доступъ по каменной лѣстницѣ до самаго родника, откуда вода шла какъ по трубѣ въ толщѣ пещеры, стекая къ городскому бассейну, находящемуся за церковью. О. Нифонтъ, окруженный братіей, предложилъ намъ отслужить молебенъ. Необычайно сильное впечатлѣніе производитъ на молящагося пѣснопѣніе въ этой непривычной обстановкѣ, вызывающей своей патріархальной простотой необыкновенный подъемъ молитвеннаго экстаза. Я переживалъ тѣ же радостныя минуты, которыя впервые потрясли меня въ убогомъ Виѳлеемскомъ вертепѣ.

Выйдя изъ храма «Живоноснаго Источника», мы проводили настоятеля до его покоевъ, такъ какъ намъ предстоялъ теперь обзоръ тѣхъ назаретскихъ святынь, которыя находятся во владѣніи католическаго духовенства. О. Нифонтъ предложилъ намъ своего драгомана, хорошо знакомаго съ мѣстными порядками, и мы разстались, обѣщавъ вернуться къ обычному часу трапезы, любезно предложенной намъ. Пѣшкомъ, вдвоемъ съ коллегой, въ сопровожденіи драгомана, вышли мы изъ монастырской ограды и опять очутились въ толпѣ, терпѣливо поджидавшей насъ за воротами. Видимо посѣщеніе Назаретскихъ святынь во внѣ-обычное время паломничества нашихъ русскихъ богомольцевъ, наводняющихъ обыкновенно св. Землю передъ праздникомъ Пасхи, придавало нашему августовскому пріѣзду сюда характеръ какого-то выдающагося событія. Толпа оглядывала насъ съ головы до ногъ, перешептывалась, видимо принимала за какую-то особую миссію, присланную сюда изъ далекой страны «Москова». Какъ объяснилъ мнѣ впослѣдствіи Якубъ, мѣстное православное населеніе, недовольное порядками, господствующими въ Назаретской школѣ и страннопріимницѣ, готово было видѣть въ каждомъ пріѣзжающемъ чужестранцѣ уполномоченное лицо, способное разрѣшить его нужды.

Монастырь Благовѣщенія, принадлежащій Францисканцамъ—это цѣлый кварталъ, обособленный отъ прочаго Назарета. Періодъ господства французовъ въ XVII в. отразился и здѣсь на далекой азіатской окраинѣ. Послѣ побѣдъ Саладина и позорнаго плѣненія Гвидо-Лузіана, короля Іерусалимскаго, древняя базилика Елены, выстроенная еще при Константинѣ

*) Такому толкованію несомнѣнно противорѣчитъ извѣстное мѣсто Евангелія, гдѣ прямо говорится: „Ангелъ, вошедши къ ней, сказалъ: „радуйся благодатная“, т.-е. вошелъ въ жилище, въ домъ, а отнюдь не у колодца, гдѣ, по обычаю Востока, донынѣ собирается все населеніе какъ въ шумномъ центрѣ, далеко не соотвѣтствую-

Великомъ, была обращена въ развалины. Греческое вліяніе замѣтно пало и когда въ 1620 г. началась реставрація христіанскихъ святынь Палестины, католикамъ достался и этотъ драгоцѣнный уголокъ Назарета. Францисканцы обнесли свои владѣнія высокой оградой съ массивными воротами, передъ которыми мы и остановились въ ожиданіи пропуска. Впрочемъ, драгоманъ нашъ быстро оборудовалъ дѣло, вернувшись съ толстенькимъ лысымъ патеромъ въ черной сутанѣ, съ неизбѣжными четками у пояса и, надо отдать справедливость, французы всегда и вездѣ остаются вѣрны своей симпатичной чертѣ—изысканной любезности. Улыбающійся францисканецъ тотчасъ же предложилъ намъ свои услуги, и мы направились за нимъ къ церкви Благовѣщенія, постройка которой должна быть отнесена къ 1618—20 году. Широкая арка входныхъ дверей вводитъ васъ въ просторный храмъ оригинальной конструкціи. Четыре высокія арки, скрещиваясь между собою, поддерживаютъ своды, придавая храму нѣсколько тяжеловѣсный характеръ и распространяя тотъ меланхолическій сумракъ, который присущъ большинству готическихъ сооруженій. Даже бѣлый мраморъ открытаго алтаря, сооруженнаго какъ разъ надъ жилищемъ св. Дѣвы, съ богатымъ убранствомъ и старинной живописью, не ослабляетъ первоначальнаго впечатлѣнія. Мы спустились по 17-ти ступенямъ въ древнюю пещеру, изсѣченную въ толщѣ природной скалы, находящейся теперь уже ниже уровня почвы. Внутренность ея обращена въ подземную церковь и богато украшена мраморами *). Собственно въ ней находится нѣсколько отдѣленій. Прямо противъ входа виднѣется *пещера Ангела*. Сквозной алтарь занимаетъ второе отдѣленіе подземного храма — то мѣсто, гдѣ, по преданію, жила Богоматерь. Здѣсь же у подножія алтаря изящная звѣзда обозначаетъ мѣсто Благовѣщенія. На стѣнѣ вырѣзана надпись: Verbum caro hic factum est!» т.-е. *Слово—плоть бысть*. Превосходная картина старинной работы итальянскаго художника изображаетъ надъ престоломъ Ангела дивной красоты, держащаго въ рукѣ бѣлую лилію. Преклонивъ колѣна, онъ возвѣщаетъ св. Дѣвѣ непостижимую тайну Промысла. Ликъ сидящей Маріи нѣсколько потускнѣлъ на общемъ фонѣ картины, но замѣчательныя черты его прекрасно сохранились. Вся сила живописи въ этомъ лицѣ, полномъ смущенія и покорности, и нельзя не сознаться, что оно производитъ неотразимое впечатлѣніе. Ревность благочестивыхъ испанцевъ (большинство братіи монастыря—

щемъ обстановкѣ событія. Предполагать же, что у источника находится домъ Іосифа, гдѣ жила Пр. Дѣва, нѣтъ основаній, т. к. донынѣ водоемы Палестины составляютъ общественную собственность (См. Порфир. Успен. „Книга бытія моего“).

*) Едва ли можно признать удачной такую облицовку мраморомъ стѣнъ, несомнѣнно имѣющихъ въ своемъ натуральномъ видѣ болѣе цѣнное значеніе какъ въ глазахъ поломника, такъ и поклонника археологическихъ сокровищъ.

испанцы) поспѣшила увѣнчать смущенное чело юной Дѣвы тяжеловѣсной брильянтовой тіарой, искрящейся миріадами оттѣнковъ, благодаря разноцвѣтнымъ лампадамъ, опускающимися съ потолка надъ престоломъ. Неумѣстность этой короны производитъ непріятный диссонансъ въ чарующемъ впечатлѣніи, получаемомъ отъ самой живописи *). Мѣсто, гдѣ предсталъ Архангелъ Гавріилъ, обозначено круглой колонной, изъ которой выбитъ въ серединѣ неправильный ломоть. Верхняя часть колонны, подпиравшая какъ будто своды пещеры, *теперь* виситъ на воздухѣ, не имѣя опоры. Обломокъ этотъ краснаго гранита почитается чудотворнымъ и къ нему съ одинаковымъ усердіемъ прикладываются и мѣстные мусульмане и наши русскіе мужички, наивно-вѣрующіе, что колонну эту перешибъ своимъ крыломъ Архангелъ. Другое толкованіе пытается объяснить такой странный разрывъ колонны попытками турокъ найти въ ней будто бы скрытое сокровище. Самая постановка колонны вызываетъ различныя предположенія. Нѣкоторые думаютъ, что ею было обозначено мѣсто появленія Ангела и относятъ ее еще къ эпохѣ царицы Елены. Норовъ же, Муравьевъ и др. склонны видѣть мѣсто Благовѣщенія въ самой звѣздѣ, находящейся у подножія престола. Не сомнѣнно одно, что базисъ колонны гораздо менѣе объемомъ висящей надъ нею части и сдѣланъ видимо позднѣе изъ другого неоднороднаго камня. Да едва ли сводъ жилища Богоматери нуждается въ подпорахъ **).

Къ этой пещерѣ непосредственно примыкаютъ двѣ другія крохотныя, расположенныя нѣсколько выше главной. Одна изъ нихъ считается мѣстомъ, гдѣ жилъ Іосифъ-обручникъ съ отрокомъ Іисусомъ. Въ каменномъ гротѣ устроенъ небольшой алтарь, надъ которымъ видна картина, изображающая бѣгство св. семейства въ Египетъ. Здѣсь же на стѣнѣ выдѣляется латинская надпись: «Hic erat subditus illis» выраженіе, взятое изъ Ев. Луки, гласящее, что здѣсь «Онъ былъ въ повиновеніи у нихъ». Другую пещеру съ дымовымъ отверстіемъ въ сводѣ католики называютъ почему-то кухней Божьей Матери, находившейся также подъ домомъ Іосифа ***).

*) Вообще католическія иконы, затрагивающія эту тему, отличаются театральностью орнаментовки.

**) Подлинность пещеры какъ жилища Св. Дѣвы едва ли можетъ вызывать сомнѣнія. Не только 2000 лѣтъ тому назадъ еврейскіе дома имѣли подземные этажи, изсѣченные въ каменномъ грунтѣ, но и донынѣ въ Назаретѣ немало найдется домовъ однородной конструкціи. Обыкновенно верхнее помѣщеніе служитъ спальней, а нижнее—мѣстомъ изготовленія пищи и главнымъ доменомъ женщинъ, занимающихся въ этой половинѣ домашнимъ рукодѣльемъ.

***) По увѣренію католическихъ монаховъ, „верхній этажъ“ жилища Богоматери, стоявшій нѣкогда надъ ея пещерой, послѣ гибели послѣднихъ крестоносцевъ въ 1291 г., былъ перенесенъ Ангелами сперва въ Далмацію въ мѣстечко Рауницу, а

Вернувшись по тѣмъ же мраморнымъ лѣстницамъ въ средній ярусъ храма, мы прошли къ главному алтарю, къ которому примыкаютъ высокіе хоры для монаховъ. Два боковыхъ придѣла посвящены—одинъ—Праведнымъ Іоакиму и Аннѣ, а другой — благочестивому Іосифу. Превосходныя картины изображаютъ одна—Богоматерь, склоненную надъ книгой, и мать ея Анну, изъясняющую дочери Св. писаніе. Картина въ лѣвомъ придѣлѣ рисуетъ смущеннаго старца Іосифа и Ангела, открывающаго ему небесную волю.

Отсюда насъ провели въ другой католическій храмъ, создавшійся изъ древнихъ камней тоже византійской базилики или, быть можетъ, воздвигнутый позднѣе въ эпоху господства здѣсь рыцарей Танкреда, на мѣстѣ, гдѣ будто бы находилась *мастерская Іосифа-обручника*. У входа поверженная колонна бѣлаго мрамора, на половину вросшая въ землю, образуетъ порогъ, молчаливо напоминая страннику о тщетѣ всего земного. Каменная ограда образуетъ небольшой дворикъ съ чахлыми кустами бѣлыхъ акацій. Провожавшій насъ аббатъ увѣрялъ, что одна изъ стѣнъ церкви уцѣлѣла отъ мастерской, но этого нельзя допустить, принявъ во вниманіе значительность разстоянія, отдѣляющаго «мастерскую» отъ «дома» Іосифа. Внутри церкви, на одной изъ стѣнъ, большая картина изображаетъ отрока Іисуса, помогающаго въ ремеслѣ своему названному отцу. Затѣмъ францисканецъ провелъ насъ черезъ низенькую калитку къ владѣніямъ маронитовъ, которымъ принадлежатъ въ Назаретѣ двѣ церкви, на западномъ концѣ города. Одна основана, согласно преданію, на мѣстѣ древне-еврейской синагоги, гдѣ Христосъ, по свидѣтельству Евангелиста, въ одинъ изъ субботнихъ дней своей проповѣдью вызвалъ яростное негодованіе присутствующихъ *). Назаряне, пытаясь свергнуть смѣлаго соотечественника, обличавшаго ихъ косность и лицемѣріе, повлекли его къ обрывистой скалѣ. Она находится впрочемъ далеко за городомъ, и потому мы предпочли осмотрѣть другую маронитскую церковь, такъ называемой «трапезы Господней». Чтобы попасть въ нее нужно пройти нѣсколько узкихъ, извилистыхъ переулковъ. Такой же крохотный дворикъ отдѣляетъ и эту постройку отъ смежныхъ назаретскихъ домиковъ. Марониты увѣряютъ, что сдѣсь находилась горница, служившая мѣстомъ трапезы Христу и Апостоламъ. Огромная каменная плита, какъ-будто стесанная на подобіе стола, возвышается посреди этой церкви. Бѣлый известко-

потомъ въ благочестивую Италію въ городъ Лоретту, гдѣ онъ находится донынѣ, привлекая безчисленныхъ пилигримовъ.

*) Здѣсь ему подали книгу пророка Исаіи, взявъ изъ которой извѣстное изрѣченіе, Спаситель такъ ярко охарактеризовалъ Свое земное призваніе. Ев. Луки IV. 16-22.

вый плитнякъ, изъ котораго она сдѣлана, аршинъ 15-ти въ окружности и до 2-хъ въ высоту. На поверхности ея намъ показали нѣсколько впадинъ, на подобіе чашъ, къ которымъ богомольцы прилѣпляютъ свѣчи. Въ общемъ оба маронитскихъ храма представляютъ мало интереснаго, если не считать хранящагося у нихъ образа Спасителя стариннаго письма, по суровости колорита и строгому абрису лица несомнѣнно весьма древняго происхожденія *).

Распростившись съ добродушнымъ францисканцемъ, сопровождавшимъ насъ и во владѣніи маронитовъ, мы вернулись усталые и проголодавшіеся въ греческій монастырь, гдѣ о. Нифонтъ давно поджидалъ насъ съ обѣдомъ.

* * *

Исторія Назарета, который греки называли «Назареѳомъ», а арабы «Насыра» или «энъ-Назрагъ» не отличается обширностью и полнотой, несмотря на продолжительность своего существованія. Даже у евреевъ это захолустное мѣстечко не имѣло особаго названія, да и весь округъ, въ которомъ находился Назаретъ, далеко не пользовался ни значеніемъ, ни почетомъ. Галилея, обнимавшая въ глубочайшей древности двадцать городовъ, Кедеса Неѳалимова называлась по-еврейски «Галиль». Ее получилъ отъ Соломона Хирамъ въ награду за доставку ливанскихъ кедровъ на постройку царственнаго Іерусалимскаго храма. Но, недовольный подаренной провинціей, Хирамъ назвалъ Галилею «Кабуломъ», т.-е. отвратительной и съ тѣхъ поръ надъ этой сѣверной окраиной Палестины тяготѣло какое-то презрѣніе; іудеи сторонились галилеянъ еще потому, что тѣ «обращались съ язычниками». Дѣйствительно, этотъ округъ былъ населенъ массой финикіянъ и арабовъ, а въ эпоху Іуды Гамалейскаго и знаменитой секты «ревнителей» къ безъ того смѣшанному населенію присоединились еще греки, языкъ которыхъ знала большая часть галилейскихъ жителей. Апостолъ прямо именуетъ Галилею «языческой», несмотря на то, что эта страна составляла старинный удѣлъ колѣна Завулонова **). Вѣроятно, недостатокъ средствъ побудилъ Іоакима и Анну, уроженцевъ Виѳлеема, принадлежавшихъ къ колѣну Іудину и выводившихъ свой родъ отъ Давида, оставить «Нагорную страну» и идти искать себѣ заработка въ далекой окраинѣ. Галилея въ эту эпоху только что пробуждалась, оживала, такъ какъ завоеванія римлянъ способствовали туземцамъ проводить

*) Преданіе считаетъ эту икону Нерукотвореннаго Спаса современницей будто бы Евангельскихъ дней. Подлинникъ ея былъ написанъ по просьбѣ Армянскаго царя Авгарія, апостоломъ Ѳаддеемъ, проповѣдывавшимъ Евангеліе въ Эдессѣ.

**) Фарраръ: „Жизнь Іисуса Христа", пер. Лопухина. Изд. 1887.

дороги въ пустыняхъ, строить города и насаждать начатки европейской образованности. Промышленная сметка грековъ намѣчала уже крупные торговые центры, возбуждая въ населеніи Іудеи переселенческія стремленія. Вѣроятно, эти побужденія привели въ Назаретъ и Іосифа, который впослѣдствіи, возвратясь изъ Египта съ св. Дѣвой и отрокомъ, поспѣшилъ снова на сѣверъ, опасаясь, конечно, и козней правителя южной Палестины—Архелая. Но и тридцать лѣтъ спустя, ко дню выступленія Спасителя съ открытой проповѣдью покаянія—Энъ-Насыра пользовался все тою же репутаціей. Призванный въ число Апостоловъ—Наѳанаилъ, не скрывая своего изумленія предъ Филиппомъ, откровенно спрашиваетъ его: «Изъ Назарета можетъ ли быть что доброе». Современники Христа, начиная отъ злобствующихъ фарисеевъ и книжниковъ, кончая исцѣленными бѣсноватыми, именуютъ Спасителя «Назаряниномъ». Имя Іисуса связано у талмудистовъ съ символомъ «Га-Ноцери», но очень вѣроятно, что прозвище «Нузара» есть только видоизмѣненное «нецеръ»—вѣтвь, какъ могъ быть прозванъ городъ, благодаря своей богатой растительности. Однако, несмотря на оскорбительность ироніи, съ которой произносилось фарисеями это имя—первые ученики безсмертнаго Учителя съ гордостью называли себя «назарянами» и только въ дни царствованія императора Клавдія, послѣдователи галилейскаго пророка переименовываются въ христіанъ. Императоръ даже дѣлаетъ попытку предписать христіанамъ называться просто галилеянами, какъ именемъ менѣе почетнымъ *).

Жизнь Христа въ Назаретѣ, весь тридцатилѣтній промежутокъ до начала Его служенія, почти пройденъ молчаніемъ въ Евангеліи. Дѣтство и отрочество ограничены краткой строфой: «Младенецъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости, и благодать Божія была на немъ». Упоминаніе вскользь, что отрокъ Іисусъ, по обычаю, совершалъ «хожденіе вмѣстѣ съ родителями въ Іерусалимъ, на праздникъ Пасхи», запечатлѣно въ Евангеліи извѣстнымъ разсказомъ о томъ, какъ Христосъ, оставшись въ Іерусалимѣ, былъ найденъ родителями въ храмѣ сидящимъ посреди іудейскихъ мудрецовъ, спрашивающимъ ихъ, пораженныхъ его разумомъ и отвѣтами. Дальнѣйшія подробности его жизни въ родномъ городѣ остались для насъ покрытыми полнѣйшей неизвѣстностью, характеризуя только отношенія Богочеловѣка къ Его земной средѣ и обстановкѣ: «Іисусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и любви у Бога и че-

*) Неосновательность такого предубѣжденія къ пророку изъ Галилеи очевидна, какъ и лживость замѣчанія фарисеевъ, увѣрявшихъ Никодима, что изъ Галилеи не приходитъ пророкъ (Ев. Іоанна VII. 41—52). Достаточно упомянуть четырехъ знаменитѣйшихъ еврейскихъ пророковъ: Илію, Іону, Осію и Наума, уроженцевъ Галилеи, не говоря уже объ Аннѣ пророчицѣ, судьѣ Елонѣ и освободителѣ Варакѣ.

ловѣковъ». Людская пытливость и пылкая фантазія жителей юга, естественно должна была заполнить этотъ пробѣлъ въ жизни Христа, иллюстрировавъ еще дѣтство деталями, характеризующими тогдашнее христіанское воззрѣніе на Мессію. Вѣроятно, что достигнувъ 12-ти лѣтняго возраста, когда молодой израильтянинъ становился членомъ общества, выходилъ изъ-подъ опеки, изрекалъ клятву на вѣрность закону—отрокъ Іисусъ, какъ и прочіе, приведенъ былъ въ мѣстную синагогу и получилъ право носить молитвенные ремни во время религіозныхъ церемоній т. наз. «филактеріи» *). И дѣйствительно, именно въ этотъ рѣшительный моментъ жизни Христа запечатлѣнъ у евангелиста трогательнымъ разсказомъ объ отрокѣ—Іисусѣ, слушающемъ и вопрошающемъ мудрецовъ въ храмѣ. Эпизодъ этотъ полонъ глубокаго смысла, ибо въ немъ ясно сказалось все дальнѣйшее направленіе активной, сознательной дѣятельности безсмертнаго проповѣдника **).

«Кто хочетъ понять поэта,—говорилъ Гете,—тотъ долженъ отправиться въ его отечество». То же можетъ быть примѣнено и къ великому Реформатору человѣческаго рода. Характеръ страны, ея господствующій колоритъ, неохватная даль горизонта, зеленый просторъ цвѣтущихъ долинъ, золотистыя нивы, мирная обстановка родного селенія, семьи и людей, среди которыхъ выросъ человѣка—не можетъ не оказать вліянія на складъ его міровоззрѣній, и сила этого вліянія должна была несомнѣнно отразиться во внѣшнемъ обликѣ Богочеловѣка. Надо видѣть эту страну, арену Его дѣя-

*) Втор. Моусея 11, 18. Филактеріи—это маленькія повязки, прикрѣпляемыя ремнями къ рукамъ и головѣ, заключающія въ себѣ пергаментные списки—рядъ выдержекъ изъ Второзаконія и Исхода о любви къ Богу и благословеніе за вѣрность къ заповѣдямъ Моусея. Моментъ этотъ въ жизни еврейскаго юноши считался рѣшительнымъ. Становясь „сыномъ закона“ такъ наз. „бенъ-гаттора“, онъ освобождался отъ зависимости родителей настолько, что не могъ быть продавъ ими въ рабство и согласно обычаю, долженъ былъ избирать себѣ ремесло для пропитанія. По Іудѣ Бектама, мальчикъ—еврей долженъ былъ въ 5 лѣтъ изучать св. писаніе „Микра“, въ 10 л. „Мишву“, въ 13 л. „Талмудъ“, жениться въ 18, работать въ 20, въ 30 л. стать сильнымъ, въ 40 л.—благоразумнымъ. „La vie de Gesu Crist“ par Didon.

**) Самый причудливый вымыселъ, далеко не отличающійся тонкостью колорита, пестритъ канву этихъ новозавѣтныхъ апокрифовъ. Только одинъ разсказъ, сохранившійся въ такъ наз. „арабскомъ Евангеліи дѣтства“, полонъ трогательной простоты и не лишенъ знаменательнаго значенія: „Въ мѣсяцъ Адаръ“, передаетъ апокрифъ, „Іисусъ собралъ мальчиковъ, какъ бы онъ былъ ихъ царь. Они разослали одежды свои по землѣ и онъ сѣлъ на нихъ. Тогда они возложили на голову корону, сплетенную изъ цвѣтовъ и подобно царедворцамъ, служащимъ царю, стали рядами предъ нимъ по его правую и лѣвую руку и всякаго, кто проходилъ тѣмъ путемъ мальчики схватывали силою, крича: „иди сюда и поклонись царю и тогда иди дальше своей дорогою“.

тельности, какъ бы подернутую нѣжнымъ флеромъ строго спокойной красоты, мягкіе контуры горнаго пейзажа, быть на берегахъ Генисаретскаго озера—этой лазурной чаши въ оправѣ чарующей перспективы Джебель-Сафеда и Гавланитиды, любоваться фіолетовой ризой большого Ермона, чтобы понять всю силу ихъ воздѣйствія на поэтическую душу Назаретскаго Пророка. И вдохновенный Учитель въ смѣлую проповѣдь своихъ новыхъ идей дѣйствительно сумѣлъ влить какой-то особый нектаръ успокоенія, благости и примиренія, свойственный дѣвственной природѣ. Онъ любилъ облекать Свои поученія въ ея живыя образныя картины. Въ то время, когда Іоаннъ Креститель—этотъ аскетъ Іорданской пустыни, весь воплощеніе ея суроваго колорита, начиная отъ посоха и одежды изъ верблюжьяго волоса, выступаетъ съ грознымъ призывомъ покаянія «глаголомъ жжетъ сердца людей»,—Іисусъ въ плащѣ и хитонѣ, мирной одеждѣ поселянина, проходитъ Свой путь общественнаго служенія, какъ любящій благостный пастырь, бесѣдуя съ избранными своего малаго стада. Тридцать лѣтъ жизни въ безвѣстной тишинѣ отразились на Немъ необычайной простотою, въ которой еще сильнѣе сквозитъ величіе безсмертнаго духа. Долгіе годы постояннаго общенія съ дѣвственной природой запечатлѣны повсюду въ Его притчахъ, сдѣлавъ ихъ доступными, необычайно экспрессивными для всѣхъ, начиная отъ бѣднаго галилейскаго рыбака, кончая городскимъ раввиномъ-схоластомъ.

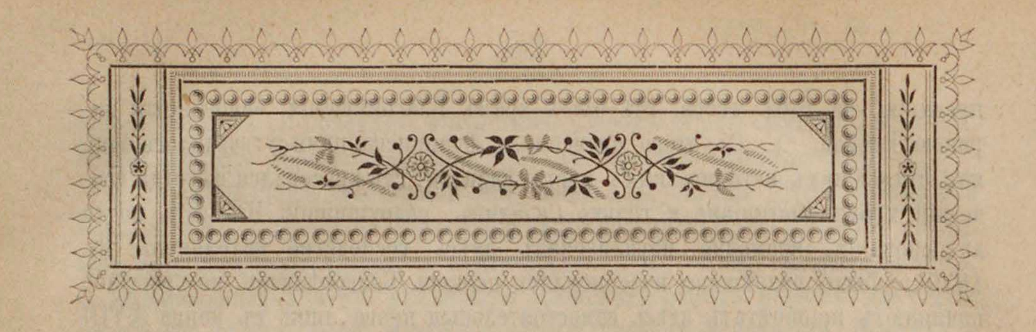
Вся полоса земной жизни Учителя, выпадающая на долю Галилеи, проведена въ обстановкѣ, которая почти неприкосновенно сохранилась до нашихъ дней и этимъ объясняется, вѣроятно, та глубина впечатлѣнія, которая остается послѣ ея обзора *). Даже посѣщеніе одинокихъ развалинъ Капернаума, Хоразина и Виѳсады, куда не разъ удалялся Христосъ, изгоняемый своими соотечественниками и гдѣ произошло большинство евангельскихъ событій—властно будитъ въ умѣ обстановку «дней оныхъ», несмотря на печальный видъ этихъ мѣстъ современнаго запустѣнія. Преобладающій колоритъ городка Св. Дѣвы, начиная отъ его домиковъ самой примитивной конструкціи, кончая господствующимъ укладомъ, покроемъ одежды и родомъ занятій населенія—легко воскресятъ предъ вами историческія детали давно минувшаго... Надо удивляться, что Назаретъ, какъ мѣсто паломничества, сталъ извѣстенъ только въ VII в. по Р. Х. Въ эпоху крестовыхъ походовъ отнятый у сарацынъ городъ достался въ ленное владѣніе рыцарю Танкреду, который выстроилъ здѣсь церковь и перевелъ сюда же резиденцію епископа изъ Скитополиса. Построенная имъ церковь создалась, по

*) Нельзя не упомянуть здѣсь о замѣчательной картинѣ нашего талантливаго художника Полѣнова, удивительно схватившаго этотъ психозъ Палестинскаго пейзажа, въ своей извѣстной картинѣ „На берегу Генисаретскаго озера“.

преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ Благовѣщенія, основанный царицею Еленою *). Съ этого времени за францисканцами утвердилось одно изъ старѣйшихъ историческихъ мѣстъ Галилеи, гдѣ красовался нѣкогда греческій храмъ Юстиніана и только Саладинъ, разрушившій Назаретъ почти до основанія, временно парализовалъ здѣсь господство католиковъ. Въ 1620 г. было разрѣшено возобновлять церковь Благовѣщенія, но христіане начинаютъ пріобрѣтать здѣсь самостоятельныя права лишь съ конца XVIII в., въ особенности во время управленія пашалыкомъ извѣстнаго шейха Дагера. Впрочемъ, могущество Франціи и главнымъ образомъ удивительная стойкость католическаго духовенства, еще въ 50 гг. предоставила мѣстной братіи свободно совершать въ полномъ облаченіи крестные ходы по всѣмъ улицамъ городка, что до сихъ поръ составляетъ pia desideria христіанъ, живущихъ въ Іерусалимѣ.

Назаретскій еврей-плотникъ.

*) Площадь, занятая храмомъ, предполагается подлиннымъ мѣстомъ, гдѣ находился нѣкогда домъ Іосифа, и обитала Богоматерь съ Отрокомъ Іисусомъ, хотя данныхъ къ этому весьма мало, если принять во вниманіе, что Энъ-Насыра былъ дважды почти совершенно разрушенъ, сперва турками, изгнавшими крестоносцевъ, а позднѣе ужаснымъ землятрясеніемъ въ 37 году текущаго столѣтія.



Глава XII.

Окрестности „Енъ-Насыры".

„Фонтанъ Дѣвы".—Улицы городка.—Гора Низверженія.—Холмъ Симеона.—Монастырское хозяйство.—Виноградники.—Возвращеніе въ Назаретъ.—Евангельскіе силуэты.

Вечеромъ митрополитъ предложилъ намъ совершить экскурсію въ окрестности города. Мы охотно согласились, тѣмъ болѣе, что слѣдующимъ утромъ мнѣ хотѣлось посѣтить англійскій сиротскій пріютъ. Оставалось осмотрѣть еще такъ называемый «Фонтанъ Дѣвы» и холмъ Низверженія, отстоящій на полчаса пути отъ Назарета. Приказавъ Якубу сѣдлать лошадей, мы съ коллегой-археологомъ отправляемся переодѣваться въ дорожные костюмы. Перспектива поѣздки въ живописныя окрестности пришлась намъ очень по душѣ. Четверть часа спустя мы уже были во дворѣ, гдѣ Константинъ держалъ осѣдланныхъ лошадей, а драгоманъ гарцовалъ передъ воротами. Митрополиту подвели прекрасную вороную лошадь, покрытую длиннымъ мохнатымъ чепракомъ. Широкое сѣдло, на которомъ ѣздитъ въ Палестинѣ духовенство, выглядитъ крайне оригинально, напоминая собою небольшое кресло. Задняя лука образуетъ высокій выгибъ на подобіе спинки; стремена въ формѣ усѣченной туфли напоминаютъ времена рыцарской арматуры. Пестрая бурка, скроенная на подобіе чехла, покрываетъ подушку сидѣнія и спускается по чепраку къ стременамъ узорчатыми кистями. Густая бахрома, драпируя грудь лошади, свисаетъ почти до земли и придаетъ коню необыкновенную нарядность. Я былъ изумленъ ловкости и гибкости митрополита, когда онъ, несмотря на свой возрастъ, съ быстротою юноши очутился на сѣдлѣ, хотя драгоманъ старательно поддерживалъ ему стремя.

— Васъ удивляетъ моя сноровка,—проговорилъ о. Нифонтъ, замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на меня его смѣлой посадкой,—но вѣдь у насъ

нѣтъ здѣсь другихъ способовъ передвиженія... C'est notre équipage unique et en montagnes et en prairies... Верхомъ должны ѣздить всѣ, начиная отъ дѣтей и кончая стариками. Патріархъ тоже ѣздитъ на конѣ, даже въ Іерусалимѣ; что же говорить о насъ, живущихъ въ горахъ?..

Длинной вереницей потянулись мы по тихимъ назаретскимъ улицамъ. Городокъ невольно привлекаетъ вниманіе своей чистотой, но, какъ оказывается, при болѣе близкомъ знакомствѣ,—эта опрятность тяжело отзывается на населеніи. Митрополитъ объяснилъ мнѣ, что своей кажущейся чистотой Назаретъ обязанъ обильному слою мѣловой пыли, покрывающей мѣстныя улицы и дворики и нельзя вообразить себѣ, что дѣлается здѣсь, когда поднимется вѣтеръ.

— Нашъ холмъ,—говорилъ мнѣ о. Нифонтъ,—вѣроятно, мѣлового или известковаго происхожденія. Во всей Палестинѣ не найдется другого мѣста, дѣ бы населеніе болѣе страдало болѣзнями глазъ, чѣмъ въ Назаретѣ. И дѣйствительно, при дальнѣйшей поѣздкѣ, мнѣ попадалось много слѣпыхъ, какъ подтвержденіе сказаннаго.

Солнце уже клонилось къ закату—приближался обычный часъ восточнаго кейфа, когда населеніе покидаетъ дома и шумной, нарядной толпой высыпаетъ на улицу. Митрополитъ предложилъ намъ поѣхать прежде всего къ «водоему Маріи» и спуститься оттуда въ долину, къ такъ называемому «холму св. Семена». Мы попросили включить въ этотъ объѣздъ и «гору Низверженія», съ которой хотѣли сбросить Христа недовольные имъ соотечественники...

Золотистые лучи вечерняго солнца обливали городокъ и неохватную ширь виднѣвшагося за нимъ горизонта мягкимъ ласкающимъ свѣтомъ. Темный кряжъ Джебель-Эсъ-Сиха уже синѣлъ фіолетовыми впадинами своей закругленной вершины. Стаи бѣлыхъ голубей вились надъ черепичными кровлями. Дѣтскій смѣхъ, звонкая пѣсня доносились мѣстами до насъ изъ зеленныхъ садовъ, окаймленныхъ колючей оградой гигантскаго кактуса. Отличительной чертой жителей Назарета служитъ ихъ статная красота и щеголеватость одежды. Женщины-назарянки въ этомъ отношеніи могутъ поспорить съ жительницами Виѳлеема, справедливо претендующими на первенство среди прекраснаго пола остальной Палестины. Мнѣ, дѣйствительно, нигдѣ не приходилось встрѣчать болѣе живописнаго наряда. Большинство дѣвушекъ и женщинъ носитъ здѣсь разноцвѣтныя туники, при чемъ разрѣзныя полы ихъ обнажаютъ статное загорѣлое тѣло. Голова прикрывается маленькой шапочкой, сплошь унизанной монетами, отъ которой спускается длинный шелковый шарфъ, ниспадая на плечи. Назарянки съ необыкновенной граціей перебрасываютъ эти шарфы вокругъ своего стана, иногда черезъ руку, свѣсивъ длинный конецъ почти до земли, что придаетъ имъ

еще большую стройность. Хотя лицо мѣстной женщины и не закрыто фатой, какъ у мусульманокъ, но сплошная сѣтка снизанныхъ монетъ закрываетъ весь лобъ и щеки, спускаясь на обнаженную шею. Можно представить себѣ тяжеловѣсность такого убора, составленнаго, въ большинствѣ случаевъ, изъ серебряныхъ меджидіэ, а у болѣе зажиточныхъ даже изъ червонцевъ? Если принять во вниманіе, что обѣ руки бываютъ почти сплошь унизаны браслетами (восточныя женщины придаютъ имъ значеніе амулетовъ), что большія серьги обязательны въ ушахъ и масса всяческихъ украшеній вродѣ пряжекъ, застежекъ пестритъ одежду— то легко себѣ представить, какую тяжесть носятъ на себѣ туземки, рѣдко снимающія всѣ эти драгоцѣнности, развѣ только при тяжелой будничной работѣ...

Назаретская водоносица.

Благословляя народъ, толпой провожавшій митрополита по улицамъ Назарета, о. Нифонтъ вывелъ насъ незамѣтно на восточную окраину городка. Здѣсь изъ сплошной зелени тихихъ садовъ вытекаетъ ручей, образуя упомянутый «*Фонтанъ Маріи*». Въ стѣнкѣ полукруглаго водоема, черезъ продѣланныя отверстія—бьетъ кристальная холодная струя, ниспадая въ каменную чашу бассейна. Группы «водоносицъ» столпились у фонтана, особенно оживленнаго въ эти часы, когда почти все молодое женское населеніе собирается у этого единственнаго колодца, обмѣниваясь здѣсь всѣми текущими новостями. Пріѣздъ владыки съ незнакомыми людьми, видимо, произвелъ сенсацію. Женщины, подходя подъ благословеніе, старательно закрывались синими покрывалами, мальчуганы, цѣпляясь за пеструю сбрую митрополичьяго коня, тоже протягивали рученки, подражая взрослымъ. О. Нифонтъ съ благодушной улыбкой нагибался къ шумной дѣтворѣ, изъ которой многіе состояли учениками упомянутой выше греческой школы. Мы съ коллегой спѣшились, отдавъ лошадей Якубу. Отвѣдавъ воды, которая оказалась необычайно вкусной и холодной, мы не безъ усилій попробовали поднять массивный водоносъ одной изъ женщинъ, готовившейся покинуть источникъ. Каково же было наше изумленіе, когда назарянская смуглянка, опершись на одно колѣно, быстро подняла этотъ кувшинъ на голову, подложивъ подъ его закругленное дно небольшой соломенный жгутъ, вродѣ тѣхъ, что употребляются нашими разносчиками. Съ необычайной граціей, придерживая кувшинъ лѣвой рукой и подбоченясь правой, она стала подниматься по

крутизнѣ; за ней потянулись вереницей другія, плавно покачиваясь на ходу съ своей ношей... А солнце шлетъ ужъ прощальный привѣтъ этому тихому уголку безмятежнаго деревенскаго покоя... Мягкія тѣни ложатся вдоль кактусовыхъ оградъ, протянувъ причудливый отпечатокъ зазубренныхъ лопастей на бѣлую ленту дороги. Мы покидаемъ «Источникъ Дѣвы», получающій свою воду для общественнаго басейна изъ запечатаннаго колодца, находящагося подъ алтаремъ Греческой церкви. Водоемъ этотъ лежитъ въ самомъ бойкомъ узлѣ караванной дороги, пролегающей къ Ѳавору и, какъ эмблема восточнаго гостепріимства, онъ поитъ всѣхъ и людей и стада мѣстныхъ жителей и чужеземные караваны студеною влагой.

Свернувъ къ «*горѣ Низверженія*», мы стали спускаться въ узкую ложбину, чтобъ достичь противуположнаго холма. Бѣлая известковая тропа вьется отсюда въ долину. Темная зелень грецкаго орѣшника окаймляетъ ее высокимъ бордюромъ. Тропа ползетъ, извиваясь по волнистымъ холмамъ, которые высятся амфитеатромъ одинъ надъ другимъ на фонѣ синяго неба. Закругленные гребни этихъ природныхъ твердынь багрятъ тамъ и сямъ золотистыя пятна. Созрѣвшія нивы провожаютъ насъ справа и слѣва, едва примѣтно волнуясь, но дорога круто сворачиваетъ и вотъ вы уже въ дикомъ ущельѣ... Начинается трудный подъемъ. Лошади спотыкаются, оступаясь въ каменистыхъ выбоинахъ. Окружающій пейзажъ рѣзко мѣняется, принимая суровый колоритъ, присущій Іудеѣ. Лошади все болѣе настораживаются, прядутъ ушами. Кавасъ митрополита ѣдетъ впереди, выбирая болѣе удобное направленіе. Съ каждымъ шагомъ впередъ мѣстность становится все болѣе безжизненной, пустынной; растительность почти исчезаетъ, смѣняясь голыми камнями. Даже въ сухомъ верескѣ не трещатъ обычные кузнечики,—поразительная тишина усугубляетъ безлюдность этого мѣста. Кавасъ спѣшивается, мы слѣдуемъ его примѣру и, завернувъ за крутой гребень вершины, невольно отступаемъ, пораженные... Отвѣсная скала страшнымъ обрывомъ поднимается здѣсь надъ безграничной долиной Ездрелона. Сюда-то былъ приведенъ Христосъ фанатической толпой, готовой сбросить Его съ кручи, «но Онъ пройдя посреди ихъ скрылся». А между тѣмъ, едва ли этотъ холмъ можетъ считаться подходящимъ мѣстомъ для казни. Отсюда съ высоты открывается такая чарующая панорама, которая, казалось бы, способна приковать къ себѣ сотни глазъ даже разъяренной фанатической массы...

Тамъ на сѣверъ уходятъ темной грядой Галилейскія горы. За ними сквозитъ теперь своей рубиновой вершиной Великій Ермонъ—дружка сосѣдняго снѣгового Ливана. На востокѣ зеленѣющимъ конусомъ поднимается задумчивый Ѳаворъ, окруженный пологими холмами Аджалунской возвышенности. На западъ Кармилъ, одѣтый волнистою ризой фіолетоваго

тумана, глядитъ въ голубую ширь безпредѣльнаго моря, надъ которымъ нависъ уже раскаленный дискъ угасающаго солнца. А на югъ разстилается цвѣтущая равнина, подступая къ подножію Малаго Ермона, за которымъ темнѣютъ горные кряжи Гелвуя и Самаріи, скрывающіе «каменистую весь Іудеи». Прозрачной вуалью скользятъ надъ головою обрывки бѣлыхъ облаковъ, да темными точками рѣютъ орлы, распластавъ свои мощныя крылья. Я стоялъ, не имѣя силъ оторваться отъ этой картины, пораженный величіемъ грандіознаго храма вселенной, поглощенный смутными думами о ничтожествѣ человѣка... Такъ, можетъ быть, 2000 лѣтъ тому назадъ потрясена была толпа, приведшая человѣка на казнь къ обрыву и только здѣсь сознавшая все убожество своихъ порывовъ... *).

О. Нифонтъ предложилъ намъ проѣхать отсюда къ холму Симеона гдѣ у него насаждены виноградники и производится давленіе вина по обычному палестинскому способу. Разумѣется, мы охотно согласились и послѣдовали за гостепріимнымъ хозяиномъ.

Х*олмъ св. Симеона*—это сплошной виноградникъ. Колоритъ Евангельской притчи—отразился на немъ съ удивительной точностью. Владѣлецъ виноградника «построилъ башню, выкопалъ точило» и тоже отлучился живя по обязанностямъ призванія своего въ Назаретѣ. О. Нифонтъ съ любовью взиравшій на свое хозяйство, знакомилъ насъ со способомъ воздѣлыванія земли, насажденія черенковъ и распредѣленія стелющихся вѣтвей и гроздей по оригинальнымъ вилкамъ-подпорамъ. Вершину конусообразнаго холма вѣнчаетъ желтая *часовня*. Она сложена изъ гладко стесанныхъ кирпичей мѣстнаго буроватаго камня. Высокая лѣстница въ два схода оперилена рѣшеткой и ведетъ къ портику, покоящемуся на четырехъ колоннахъ. Я не могъ добиться, почему холмъ связанъ съ памятью св. Симеона, которому посвященъ и крохотный алтарь, убранный желтыми восковыми свѣчами... Къ часовнѣ почти примыкаетъ небольшая пристройка, гдѣ

*) Католическое преданіе добавляетъ, что Спаситель, приведенный сюда *скрылся* въ каменномъ гротѣ, будучи сброшенъ съ вершины. Гротъ этотъ находится уступомъ ниже, изсѣченъ сбоку скалы и монахи устроили даже небольшой алтарь, предъ которымъ они и отправляютъ по временамъ богослуженіе. Вообще отдаленность этой вершины отъ современнаго города вызываетъ недоразумѣнія. Согласно евангелисту (Лука IV, 28—30) Христосъ былъ веденъ евреями изъ синагоги къ вершинѣ холма на которой *былъ выстроенъ* ихъ городъ—слѣдовательно городъ находился сперва здѣсь, т.-е. значительно южнѣе чѣмъ современный. Иначе трудно допустить, чтобы разъяренная толпа имѣла терпѣніе вести Спасителя за 2 — 3 версты отъ города. Если же Назаретъ стоялъ на этомъ холмѣ, то теряютъ значеніе всѣ теперешнія реликвіи.

живетъ хранитель виноградника, православный арабъ со своимъ семействомъ. Здѣсь же устроенъ обширный подвалъ со сводами, углубленный въ землю, для храненія вина, получаемаго изъ лозъ самыми первобытными способами давленія. Мы отвѣдали годовалаго вина и нашли его превосходнымъ.

А тихія сумерки незамѣтно спустились на землю, окутавъ окрестность какой-то особой синей мглой, придающей ночамъ востока необычайную своеобразность и прелесть колорита. Мы не замѣтили, какъ успѣлъ скрыться за далью холмовъ солнечный дискъ и, когда я взобрался на каменную площадку часовни, голубой туманъ мягко стлался вокругъ... Лишь тамъ далеко на западъ, обагренный лучами уже невидимаго намъ свѣтила, золотился, сверкалъ каменистый хребетъ Кармила. Я мысленно перенесся на его крутые лѣсные склоны, служившіе нѣкогда пріютомъ пророку Иліи и воображеніе рисовало мнѣ неохватную ширь Средиземнаго побережья, гдѣ теперь, тихо плеская волнами, засыпала могучая морская стихія. Какая-то странная невыразимая грусть охватила вдругъ мою душу. Я ощущалъ ее всегда, когда судьба заносила меня въ далекую глушь отъ шумныхъ городскихъ центровъ съ ихъ кипящимъ водоворотомъ страстей и борьбы, съ ихъ мелкими эгоистическими интересами. О. Нифонтъ, замѣтивъ мое настроеніе, самъ какъ будто поддался тому же обаянію близившейся ночи и, присоединившись ко мнѣ, сѣлъ рядомъ на парапетѣ и глубоко задумался... Удивительная тишина, присущая голубымъ сумеркамъ Востока, драпируя горизонтъ мягкими тѣнями, дѣйствуетъ на впечатлительнаго человѣка. Какъ будто затаенное дыханіе чувствуется въ этой стихнувшей природѣ, избѣгающей звука... Въ небѣ слабыя искры первыхъ трепещущихъ звѣздъ. Въ темныхъ долинахъ какая-то необыкновенная глубина; мягкіе контуры будто ближе придвинувшихся холмовъ и отовсюду струящіеся потоки горнаго воздуха, ласкающіе грудь и лицо, какъ зыбь легкой кристальной волны эѳирнаго моря. А въ сердцѣ звучатъ незримыя струны... И понятенъ становится властный спокойный аккордъ, воспѣвшаго эту природу поэта—отшельника:

Часовня на холмѣ св. Симеона.

Благославляю васъ лѣса,
Долины, нивы, горы, воды.
Благославляю я свободу
И голубыя небеса.
И посохъ мой благославляю,
И эту бѣдную суму,

И степь отъ края и до краю
И солнца свѣтъ, и ночи тьму.
И одинокую тропинку,
По коей, нищій я иду,
И въ поле каждую былинку
И въ небѣ каждую звѣзду!
О еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить,
О еслибъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить! *)

. . . .

Все подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ поэтической ночи возвращаемся мы въ уснувшій «городокъ св. Дѣвы». Еще издали привѣтствуютъ насъ его желтые домики-башни, мигая кое-гдѣ одинокими огнями въ тонкихъ прорѣзахъ окошекъ. Полный лунный дискъ, всплывая надъ темнымъ шатромъ Ѳавора, озаряетъ окрестность мягкимъ голубымъ полусвѣтомъ. Бѣлая пленка тумана, суживающая кругозоръ, какъ будто растягивается, отодвигается вглубь горизонта, обнаживъ ширь дремлющей равнины... Яркимъ рельефомъ плывутъ намъ навстрѣчу живописные скаты Джебель-Эсъ-Сиха... Мы въѣзжаемъ въ Назаретское предмѣстье. Узкая лента пыльной дороги извиваясь ползетъ теперь въ фантастической черной оправѣ. Это гигантскіе кактусы оплели ее, какъ корзину. Въ непроницаемой колючей изгороди—излюбленное убѣжище скорпіона. О. Нифонтъ предостерегаетъ насъ, совѣтуя держаться середины дороги. Укусъ, или вѣрнѣе уколъ, этого ядовитаго насѣкомаго крайне опасенъ. Неустрашимый Якубъ тщательно подбираетъ концы своего «бедуинскаго» плаща и торопливо пришпориваетъ лошадь.

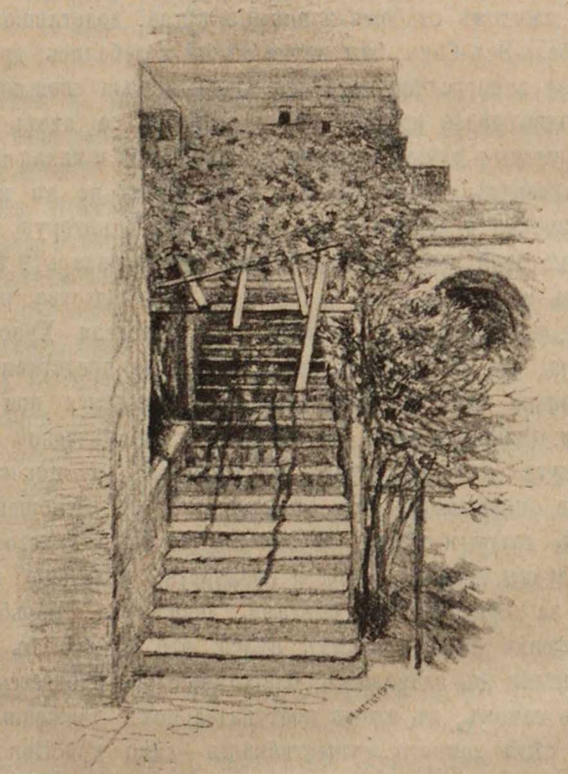
— Я спѣшу, говоритъ онъ, обертываясь на рысяхъ,—предупредить братію о возвращеніи владыки!—И, боясь услышать, что эта предупредительность излишня, быстро скрывается у насъ изъ виду...

Шагомъ въѣзжаемъ мы въ опустѣлыя улицы. Населеніе, занятое въ эту пору года полевыми работами, рано ложится и рано встаетъ и только стражники-мусульмане попадаются по временамъ, да мѣстный интеллигентный людъ—духовенство—не спятъ еще по своимъ кельямъ. Несмотря на продолжительность нашей поѣздки, я вернулся въ греческій монастырь совершенно бодрымъ, благодаря живительной свѣжести ночи. На дворѣ суетился Якубъ, сновали служки, а подъ пирамидальнымъ кипарисомъ виднѣлась группа женщинъ, занятыхъ сортировкой пшеницы. Послѣ ужина, распростившись съ митрополитомъ, мы отправились къ себѣ въ отведенное

*) „Іоаннъ Дамаскинъ". А. Толстого.

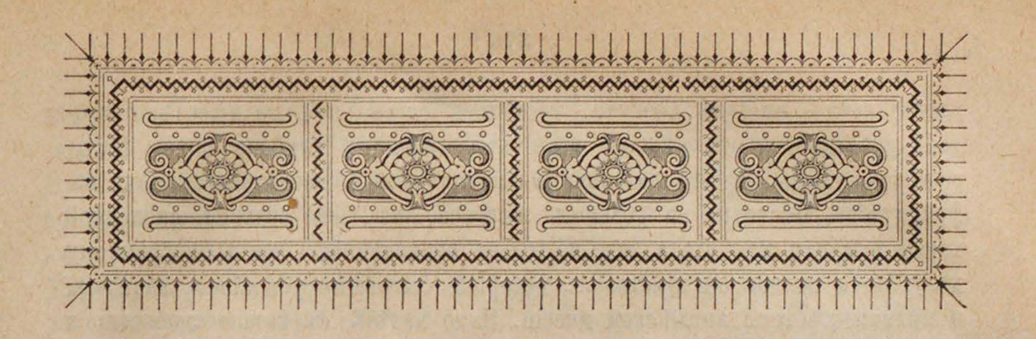
намъ помѣщеніе. Но ни я, ни мой коллега долго еще не могли рѣшиться лечь спать, такъ волшебно хороша была эта лунная ночь полная невѣдомыхъ чаръ. Мы усѣлись на одной изъ каменныхъ ступеней высокой лѣстницы ведущей со двора на верхнюю галлерею. Зеленый трельяжъ винограда, нависшій по тонкимъ скрещивающимся жердямъ надъ головою, сквозилъ на фонѣ ярко освѣщеннаго неба своими темными вѣтвями, листвой и фіолетовыми гроздями... Затушеванный снизу мягкими полутѣнями, онъ казался горельефомъ изъ старинной бронзы дорогого чекана... Ползучія лопасти отражались темными пятнами на бѣлыхъ каменныхъ ступеняхъ и при каждомъ слабомъ дуновеніи вѣтра, долетавшаго къ намъ съ вершины Джебель-Эсъ-Сиха, эти пятна тѣней колебались дрожали... Виднѣвшаяся внизу виноградная лоза сливалась, теряла свои контуры. Странное волненіе охватывало меня, когда я глядѣлъ на этотъ безформенный отпечатокъ. Грустныя думы наводили на параллели и какая то жгучая боль шевелилась на сердцѣ. Современное христіанство—не то же-ли смутное отраженіе первичной истинной формы той „лозы“, которую принесъ и насадилъ здѣсь на этой землѣ Божественный „Виноградарь“? Во что же выродилось теперь могучее „древо“? Половина человѣчества именуетъ себя „христіанами“, но евангельскій обликъ послѣдователя Христа сталъ настолько смутенъ, что съ трудомъ распознается въ представителяхъ нашей эпохи. Это только тѣнь безформенная, колеблющаяся при обманчивомъ лунномъ сіяніи. Основная идея—*совершенство* человѣческой природы—забыта, отвергнута или поглощена обрядностью, и никого изъ насъ давно уже не поражаетъ тотъ диссонансъ въ отношеніяхъ христіанъ другъ къ другу и тѣмъ, что заповѣдано было Христомъ его послѣдователямъ. Глухая вражда, злоба и ненависть, угнетеніе и месть, погоня всѣхъ за призрачными благами довольства, борьба чаще всего ради достиженія эгоистическихъ цѣлей, что общаго въ этомъ лихорадочномъ кипѣніи съ здоровымъ, благотворнымъ прогрессомъ человѣчества? Въ немъ самомъ, въ этомъ поступательномъ движеніи къ безсмертной, великой цѣли земного существованія—само христіанство являлось только заключительной ступенью на пути прозрѣнія истинныхъ началъ, человѣческаго общежитія. Но современная нашимъ днямъ, господствующая форма людскихъ отношеній — это ложное, мелкое русло мутной стоячей воды, отдѣлившейся отъ глубокаго, чистаго, жизнерадостнаго потока. И если на смѣну прежнимъ „слѣпцамъ“ идутъ „люди-звѣри“, то что же ожидаетъ, въ грядущемъ, культурныя общества, ставившія своимъ девизомъ братское равенство и нравственную свободу отъ прежнихъ заблужденій?.. Наша религія съ каждымъ днемъ все болѣе становится политической фор-

мулой, лишенной своего возрождающаго значенія... „А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ—да будете сынами Отца вашего Небеснаго“ *). Да, мы переживаемъ блѣдный отсвѣтъ гаснущей зари въ преддверіи новаго вѣка... Холодный сумракъ тоски, апатіи, полнѣйшаго равнодушія къ былымъ, завѣтнымъ идеаламъ—лампада выгараетъ; жизнь гаснетъ, близка агонія...



Лѣстница православнаго подворья въ Назаретѣ.

*) Еванг. Матѳея гл. 44, 45.



Глава XIII.

Палестинскія школы-пріюты

Англійскій пріютъ орфелинокъ. — Его мѣстоположеніе и возникновеніе. — Филантропическіе задачи учрежденія. — Система воспитанія и значеніе ея для англійскаго вліянія въ краѣ. — Отъѣздъ изъ Назарета.

Англиканскій *пріютъ дѣвочекъ-сиротъ* интересовалъ меня, какъ одно изъ лучшихъ воспитательныхъ заведеній Палестины. Прекрасное обширное зданіе орфелината занимаетъ вершину Назаретскаго холма, доминируя надъ всѣмъ городомъ и далеко озирая окрестность. Свыше 50-ти ступеней, обнесенныхъ каменной баллюстрадой, ведутъ къ громадному двухъэтажному дому. Высокіе, черные кипарисы образуютъ предъ нимъ эффектную аллею, достигая заостренными вершинами плоской срѣзанной крыши. Яркіе вѣера латаній, пестрый бордюръ изъ всевозможныхъ цвѣтовъ образуютъ предъ зданіемъ родъ цвѣтника, красиво выдѣляющагося изъ-за пояса ограды, благодаря пологому спуску съ вершины холма къ расположенному ярусомъ ниже Назарету. Мѣстоположеніе на горной доминирующей террасѣ Джебель-Эсъ Сиха, солидность постройки, ея образцовая чистота придаютъ дому англиканской миссіи характеръ маленькаго дворца, особенно выдѣляющагося среди остальныхъ полудеревенскихъ строеній. Якубъ вмѣстѣ съ привратникомъ отправились къ начальницѣ орфелината, чтобы передать нашу просьбу осмотрѣть пріютъ и ознакомиться съ постановкой въ немъ преподаванія. Не прошло и пяти минутъ, какъ они вернулись съ женщиной среднихъ лѣтъ (какъ оказалось, одной изъ учительницъ), любезно предложившей намъ слѣдовать за нею. Мы поднялись на широкую эспланаду, съ которой открывается превосходная панорама на всю окрестность, едва ли не единственная по красотѣ въ цѣломъ городѣ. Меня поразила

удивительная чистота воздуха, господствующая здѣсь на высотѣ, благодаря удаленности отъ мѣловой пыли пролегающихъ глубоко внизу Назаретскихъ улицъ. Преподавательница—англичанка объяснялась съ нами по-французски. Несмотря на рѣзкость жаргона, изъ ея краткой спокойной характеристики мнѣ стала ясна не только привязанность ея къ избранному дѣлу, но и полное знакомство съ исторіей, бытовыми условіями, задачами и цѣлями мѣстной англійской миссіи. Надо видѣть, съ какою любовью и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто національною гордостью простая учительница объясняла намъ организацію труднаго дѣла воспитанія дѣвочекъ-арабокъ и съ какимъ удовольствіемъ она наблюдала на нашихъ лицахъ пріятное впечатлѣніе, получавшееся отъ обзора этого учрежденія.

Англійская школа орфелинокъ основана сравнительно недавно, а именно въ 1874 г. Число дѣвочекъ во время моего посѣщенія значилось по спискамъ 84. Школа преслѣдуетъ двѣ цѣли: воспитаніе и образованіе и дѣлится на два самостоятельныхъ отдѣла. Первый открываетъ доступъ для всѣхъ, желающихъ учиться, принимая приходящихъ арабскихъ дѣтей безплатно въ число своихъ учениковъ. Напоминая нашу начальную школу, этотъ отдѣлъ функціонируетъ независимо отъ второго, являющагося собственно «пансіономъ» для сиротъ изъ туземокъ. Орфелинатъ помѣщается въ большомъ домѣ, а для начальной школы имѣется отдѣльное зданіе, выстроенное внизу у воротъ въ чертѣ той же ограды. Тамъ арабскія дѣтишки, безъ различія пола и возраста, обучаются читать, считать и писать подъ руководствомъ двухъ учительницъ. Преслѣдуя чисто филантропическія задачи, англійская школа является, такимъ образомъ, самостоятельнымъ учрежденіемъ англійской миссіи, разсчетливо присоединенныхъ къ основной задачѣ воспитанія сиротъ Галилеи. Небезъинтересно при этомъ указать и на тѣ средства, которыми существуетъ орфелинатъ Назарета. Мѣстная миссія обязана своимъ возникновеніемъ Лондону. «Общество дамъ» дѣятельно собираетъ разныя пожертвованія для своего далекаго дѣтища, раздѣляетъ поступающія суммы жертвователей, умѣло управляя изъ Лондона и самимъ Назаретскимъ пріютомъ. Періодическія ревизіи контролируютъ дѣятельность директрисы и ея пяти помощницъ. Помимо образованія туземцевъ, орфелинатъ пропагандируетъ среди арабовъ и начала англиканской церкви. Этому способствуетъ и само отношеніе англичанъ къ населенію. Дисциплинированныя особой системой воспитанія, господствующей въ учрежденіи, дѣвочки-сироты, помимо элементарнаго образованія, подготовляются здѣсь-же спеціально и въ услуженіе (хотя большинство изъ нихъ скоро выходитъ замужъ). Мѣстные арабы охотно берутъ строго воспитанную молодую дѣвушку въ свою среду, съ приходомъ которой незамѣтно проникаетъ порядокъ, чистоплотность, а за ними и англійское вѣроисповѣданіе. Нужно

изумляться тому серьезному пониманію своихъ задачъ, которое обнаруживаетъ начальство пріюта, заботящееся о судьбахъ своихъ питомокъ послѣ достиженія ими совершеннолѣтія. Покидая пріютъ послѣ 15-тилѣтняго возраста, онѣ уходятъ на трудовой путь вполнѣ обезпеченными на первое время средствами миссіи.

Мы послѣдовали за воспитательницей въ среднее помѣщеніе большого дома, занятое классами. Въ нихъ царитъ простота, нѣтъ затѣйливыхъ приспособленій, но на всемъ видна печать пуританской точности, опрятности и удивительнаго порядка. Надо отдать честь англійскимъ воспитательницамъ, умѣющимъ поддержать такую систему въ условіяхъ быта, далеко неотличающагося чистоплотностью, и съ населеніемъ, туго принимающимъ культурныя привычки. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются обширные дортуары, свѣтлые, высокіе, съ обильнымъ притокомъ воздуха. Всѣ кровати желѣзныя и, несмотря на это, при насъ производилась полна дезинфекція. Большая комната спеціально отведена для умыванія; плоскіе деревянные тазы облицованы цинкомъ; все блеститъ, всюду прекрасно вентилированный воздухъ. Если же принять во вниманіе, что все это прибрано, вымыто безъ прислуги, самими воспитанницами и дѣлается постоянно подъ руководствомъ самой директрисы и дежурной наставницы, то невольно приходится изумляться. Въ отдѣльномъ флигелѣ помѣщается кухня. И завтракъ, и обѣдъ тоже приготовляются воспитанницами. Среди дѣтей организованы правильныя дежурства; младшія помогаютъ старшимъ. Каменная кладовая ремонтировалась по случаю лѣтняго сезона для предстоящихъ запасовъ на зиму. Я поинтересовался узнать, кто же завѣдуетъ садомъ?

Пріютъ дѣвочекъ-орфелинокъ въ Назаретѣ.

— «Наши дѣти»... И при видѣ моего изумленія воспитательница добавила съ улыбкой «дѣти англійской миссіи», т.-е. тѣ-же туземки-арабки. Правда, печать нѣкоторой чопорности, лежащая на воспитательномъ персоналѣ школы, отразилась и на живомъ подвижномъ темпераментѣ арабокъ. Но природная шаловливость и даже игривость дѣвушекъ видна только въ границѣ строго выдержаннаго поведенія.

«N'oubliez pas, monsieur, — замѣтила мнѣ англичанка, — que nous sommes dans un pays, où le soleil est trop brulant et les moeurs trop volontairés... Замѣтьте, что съ дѣвочкой въ 13 лѣтъ приходится имѣть дѣло, какъ вполнѣ съ формировавшейся женщиной...» Проходя по двору, мы столкнулись и съ самими питомками этого почтеннаго учрежденія. Воспитанницы одѣты въ простенькій однообразный костюмъ, всѣ въ свѣтломъ; платьица приглажены и опрятны. Въ глаза не бросается традиціонныхъ рваныхъ локтей, дырявой обуви и запачканныхъ передниковъ—неизбѣжнаго аттрибута большинства закрытыхъ учебныхъ заведеній. Дѣвочки держатся просто и хотя присутствіе «начальства» чувствуется, но не можетъ быть рѣчи о какой-либо забитости или запуганности. Познакомившись съ начальницей, которая оказалась почтенной «миссъ», мы прошли къ дѣтямъ. Орфелинки вѣжливо кланялись безъ понуканія и выразательныхъ взглядовъ, толково отвѣчали на предложенные имъ черезъ переводчика вопросы. Вообще изъ знакомства моего съ англійскимъ пріютомъ Назарета я вынесъ самое отрадное впечатлѣніе: мнѣ показывали «безъ запинки» всѣ уголки этого образцоваго заведенія, видимо ни сколько не опасаясь, что чужестранецъ-посѣтитель можетъ открыть неприглядность обратной стороны медали.

Распростившись съ любезными хозяйками пріюта, мы поспѣшили домой къ обѣду. О. Нифонтъ просилъ насъ провести съ ними послѣдніе часы нашего пребыванія въ Назаретѣ, такъ какъ въ тотъ же день вечеромъ рѣшено было выступить въ дальнѣйшій путь для обзора Галилеи. Намъ предстояло посѣтить *Канну*, проѣхавъ къ подножью Джебель-Курунъ-Гатина—мѣста «Нагорной проповѣди», чтобы утромъ быть уже на берегахъ Генисаретскаго озера въ *Тиверіадѣ*. Одно посѣщеніе историческихъ развалинъ моря Галилейскаго представляетъ значительный интересъ, не говоря уже о роскошномъ мѣстоположеніи бывшей столицы Антипы Ирода. Достигнувъ крайняго сѣвернаго предѣла нашей Палестинской экскурсіи, намъ хотѣлось посѣтить *Ѳаворъ*, спуститься на *Себастію* (Самарія древности) и осмотрѣть мечеть «Неби-Ягія», возникшую на мѣстѣ историческаго «Махера»—темницы Іоанна Крестителя. Интересъ упомянутыхъ мѣстъ, мѣстъ помимо ихъ археологическаго значенія, увеличивается благодаря живописной обстановкѣ галилейскаго пейзажа. Отсутствіе значительныхъ селеній по упомянутому направленію заставляло быть особенно предусмотрительнымъ, запасая, кромѣ всего необходимаго, еще воду, т. к. мѣстную можно пить только въ Тиверіадѣ на Ѳаворѣ. Перевалы же между ними при трудныхъ гористыхъ подъемахъ особенно изнурительны для лошадей и муловъ въ эту жаркую пору

года. Распорядившись сборомъ необходимаго, я отправился въ турецкую казарму для предъявленія фирмана и назначенія намъ новаго конвойнаго жандарма. Офицеръ назаретскаго гарнизона обѣщалъ исполнить мое желаніе и прислать опытнаго солдата къ заходу солнца. О. Нифонтъ отъ себя снарядилъ посланца, молодого араба, на Ѳаворъ, чтобы предупредить мѣстнаго настоятеля о нашемъ скоромъ прибытіи.

— У нихъ тамъ не всегда найдется, чего и покушать, — заботливо говорилъ мнѣ митрополитъ, когда я просилъ его избѣгать лишнихъ хлопотъ. Меня заинтересовали проводы этого скорохода-гонца, и я вышелъ во дворъ, гдѣ увидалъ араба лѣтъ 20-ти, рослаго, коренастаго, съ мускулатурой, которой позавидовалъ бы любой европеецъ. Ласково положивъ правую руку на его плечо (пріемъ, особо цѣнимый туземцами, указывающій на довѣріе хозяина къ подчиненному), о. Нифонтъ въ лѣвой рукѣ держалъ письмо, объясняя посланцу важность порученія.

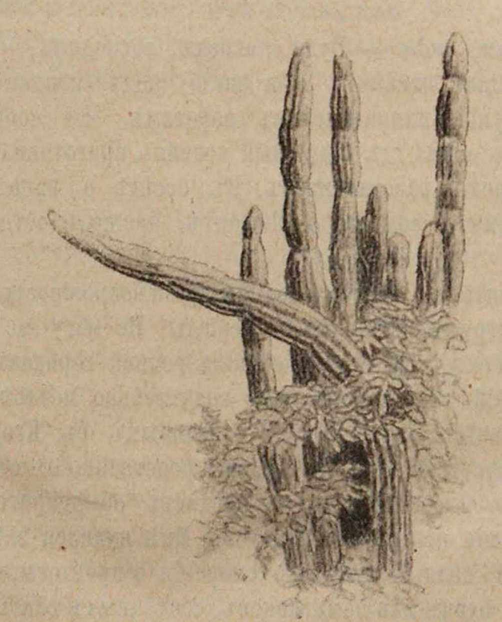
— *Раувиджу би-ак' раб' вакт* *), заключилъ онъ свою рѣчь, благословляя араба.

— *Халлик муртах, сиди.* — Будь спокоенъ, господинъ, — отвѣчалъ тотъ, кланяясь и спрятавъ письмо у себя на лбу подъ складки плаща-кефіи, онъ твердою поступью направился къ воротамъ. Мы собрались на террасу митрополичьяго дома, гдѣ радушный хозяинъ приготовилъ для насъ чай, какъ сюрпризъ предъ разставаньемъ. Въ бесѣдѣ о нашей далекой родинѣ, которой очень интересовался о. Нифонтъ, прошелъ остатокъ дня и наступилъ вечеръ.

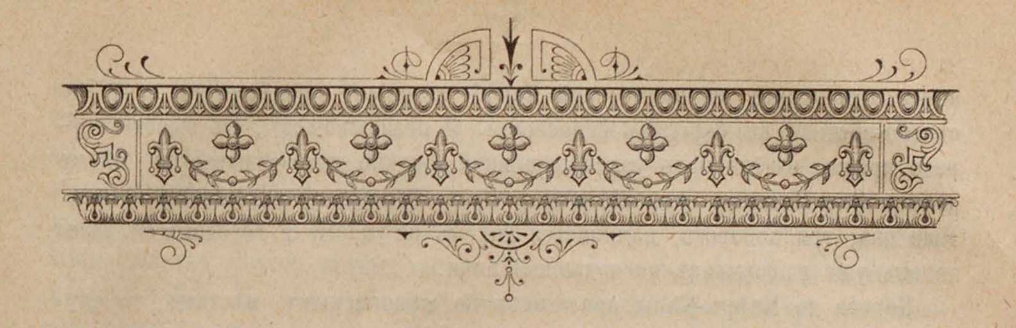
Мы рѣшили выступить съ закатомъ солнца, имѣя возможность, благодаря луннымъ ночамъ, къ утру достичь уже Тиверіады. Не могу не сознаться, что я съ какой-то особенной грустью покидалъ родной городокъ Христа... Вся глубина впечатлѣній сказалась во мнѣ значительно позднѣе, когда я былъ уже далеко отъ всѣхъ этихъ мѣстъ, связанныхъ съ Его памятью. Можетъ быть именно отсутствіе реликвій, непосредственно относящихся къ Божественному Учителю и составляющихъ предметъ обыденнаго поклоненія—дѣйствовало на меня неотразимо-властно... Мнѣ чудился здѣсь образъ живой, благой и ясный, полный высокаго смиренія и простоты, котораго не въ силахъ воскресить ни одинъ изъ памятниковъ, созданныхъ слабыми руками человѣка. Въ этомъ нерукотворномъ храмѣ природы, среди этихъ долинъ, горъ, полей, среди такихъ же стадъ и виноградниковъ у неизсякшаго ключа, вставалъ предо мною безсмертный Галилейскій Пророкъ человѣческаго возрожденія. И только здѣсь, въ этой бѣдной далекой странѣ, среди ея мирнаго пейзажа, я почувствовалъ Его близость, Его прикосновенность къ

*) Поторопись доставить какъ можно скорѣе.

смиренной людской долѣ. Но я чувствовалъ также, что въ нашей исковерканной жизни, полной страданья и мукъ, нѣтъ ничего общаго съ былыми горестями былого христіанина... Сознаніе подсказывало, что современный укладъ культурнаго «существованія» съ его бѣшеной погоней за призрачными благами отнялъ у насъ чистоту наслажденій, сладость непосредственнаго общенія съ природой... Отдавшись теченію вѣка, мы уносимся съ головокружительной быстротой по мутному потоку лже-культуры, загромождая нашу жизнь массой ненужныхъ деталей, условныхъ цѣлей, подавляющихъ высшій основной принципъ существованія... И недовольство жизнью, судьбой—растетъ съ каждымъ днемъ, все мучительнѣе становится разладъ между лучшими запросами сердца и томящей дѣйствительностью... Смыслъ жизни почти стертъ для насъ съ евангелическихъ скрижалей и задыхаясь подъ гнетомъ страданій—мы не въ силахъ уже разобрать безсмертной тайны Возрожденія...



Кактусы - ограды.



Глава XIV.

По Галилеѣ.

Подъемъ къ Генисаретскому озеру.—Кефръ-Кана, ея достопримѣчательности.—Джебель-Курунъ-Гатинъ.—Панорама столицы Антипы Ирода.—Въ православномъ монастырѣ.—Эмаѳъ-Этъ-Табурія—минеральныя бани Тиверіады.—Осмотръ историческихъ развалинъ.—Меджель-Магдала, ханъ-Миніегъ, Виѳсаида, Тель-Гумъ-Капернаумъ.—Отъѣздъ на Ѳаворъ.

Синія сумерки... Влажная мгла надвигающейся ночи; тишина и прохлада. Съ вершины Джебель-эсъ-Сиха слабо тянетъ свѣжій вѣтерокъ—мы кутаемся въ дорожныя бурки. Караванъ нашъ готовъ. Еще послѣднее рукопожатіе, благословеніе старца-настоятеля, и вотъ мы уже на сѣдлѣ, готовые выступить изъ монастырскаго пріюта.

— Прощайте, не забывайте насъ. *Хадиръ?* *)

— Que Dieu vous benisse! Bon voyage! Прости тихій пріютъ «Енъ-Насыры»... Правовѣрный жандармъ, откомандированный намъ мѣстнымъ каймакамомъ, идетъ во главѣ каравана; мой коллега за нимъ, въ сопровожденіи драгомана Якуба. Мы съ погонщикомъ Константиномъ ѣдемъ въ «аріергардѣ». Бѣдный мулъ и его дружка лошакъ сплошь обвѣшены провіантомъ: между огромныхъ «саквъ» качаются мокрые боченки. Константинъ, мурлыкая безконечную пѣсню, труситъ позади вьюковъ на своей тощей лошадкѣ, взятой имъ изъ Назарета въ подмогу обезсилѣвшимъ вьючнымъ животнымъ. Безмятежный городокъ св. Дѣвы почти засыпаетъ. Въ бѣлыхъ мазанкахъ не видно уже огней; только изрѣдка на опустѣлой улицѣ попадаются запоздалые туземцы. Даже собаки не провожаютъ насъ обычнымъ лаемъ. Мы минуемъ тихо журчащій «фонтанъ Дѣвы» и, вступивъ въ ограду кактусовъ, выѣзжаемъ въ предмѣстье. Отсюда влѣво начинается

*) Все ли готово?

спускъ въ долину къ приморской Кайфѣ, а вправо—подъемъ въ гору, на сѣверо-востокъ къ берегамъ Генисарета. Я оглядываюсь... Съ высоты горнаго кряжа, отдѣленнаго узкой ложбиной, смутно вырисовываются бѣлые домики Энъ-Насыры, одинокій минаретъ и бѣлое зданіе англійскаго пріюта. Еще два, три поворота, начинается спускъ по уклону и городокъ св. Дѣвы тонетъ уже въ сумракѣ ниспадающей ночи.

Дорога до Кефръ-Каны пролегаетъ по живописнымъ мѣстамъ, то спускаясь съ горныхъ уступовъ, то снова на нихъ всползая. Благодаря лунной порѣ (мѣсяцъ скоро всплылъ надъ полями, озаривъ окрестность нѣжнымъ трепетнымъ сіяньемъ) мы шли почти рысью, какъ вдругъ... жандармъ нашъ быстро перекинулъ ружье на руку и прицѣлился. Грянулъ выстрѣлъ, подхваченный эхомъ, бѣлая дымка сгустилась въ воздухѣ; лошади шарахнулись въ сторону. Перетрусившій Якубъ закричалъ проводнику, что онъ отвѣтитъ за нападеніе на иностранцевъ и т. п. Но добродушный турокъ, молча, спрыгнулъ на землю и, что-то поднявъ, вернулся къ намъ съ трофеемъ своей неожиданной охоты: онъ убилъ шакала. Я очень сожалѣлъ, что не могъ взять прекрасной шкуры, такъ какъ караванъ нашъ спѣшилъ и некогда было останавливаться. Съ трудомъ, то взбираясь по узкимъ каменистымъ тропамъ, то спускаясь въ долину, мы около полуночи прибыли въ *Кану Галилейскую*. Теперь это жалкая деревушка Кефръ-Кена, вся утопающая въ садахъ. Въ мѣстной церкви во имя св. Георгія, занимающей вершину холма, туристу показываютъ два каменныхъ сосуда, бывшихъ яко-бы на бракѣ, гдѣ Спаситель совершилъ Свой первое чудо. Наивность гипотезы очевидна при первомъ же взглядѣ на эти «водоносы», высѣченные въ толщѣ стѣны *). Но посѣщеніе самаго храма, несмотря на бѣдность и запущенность обстановки, произвело на меня впечатлѣніе. Православный арабъ священникъ, удивленный позднимъ часомъ осмотра—сопровождалъ насъ съ какимъ-то примитивнымъ свѣтильникомъ. Подъ низкими сводами царилъ полумракъ... Лунное сіянье, пробиваясь въ узкіе прорѣзы оконъ, придавало убогой обстановкѣ храма какую-то мистическую торжественность. Священникъ увѣрялъ насъ, что эта греческая церковь воздвигнута изъ подлинныхъ камней бывшей здѣсь нѣкогда базилики Елены. Неоднократныя раскопки обнаружили цѣликомъ весь фундаментъ, а найденныя монеты относятся въ большинствѣ къ эпохѣ Великаго Константина. Добродушный

*) Евангелистъ (Іоанна II, 1—2) ясно указываетъ, что сосуды были *переносные*. Кромѣ того и подлинность самой Каны находится подъ сомнѣніемъ. Робинзонъ, напр., видитъ евангельскую Кану въ мѣстечкѣ Эль-Джелиль, близъ Саффуріи, значительно сѣвернѣе даннаго мѣста. Интересно, что и въ католическомъ храмѣ Каны находится другая пара такихъ же сосудовъ, тоже выдаваемыхъ за подлинные и употребляемыхъ какъ купель для крещенія.

пастырь - арабъ приглашалъ къ себѣ на ночлегъ, но мы, извинившись за причиненное безпокойство и внеся посильныя лепты на украшеніе храма, предпочли ѣхать дальше. За Каной дорога постепенно идетъ подъ уклонъ, вплоть до возвышенности Курунъ-Гаттина, гдѣ рѣшалась судьба крестовыхъ походовъ, а позднѣе лилась кровь воиновъ Бонапарта *)... Впрочемъ, зеленая долина ничѣмъ не напоминаетъ теперь грозныхъ картинъ жестокаго боя. По склонамъ окружающихъ ее холмовъ тянутся воздѣланные сады; смоковницы и гранатникъ пышно разрослись въ темныхъ квадратахъ табачныхъ плантацій и виноградниковъ. Благодаря мягкому матовому освѣщенію, въ этомъ пейзажѣ чувствовалась какая-то особенная безмятежность, поражавшая необыкновеннымъ спокойствіемъ колорита. Мысль будила невольно иныя воспоминанія... Дорога, по которой мы ѣдемъ теперь—это несомнѣнный путь, гдѣ не разъ проходилъ Спаситель. Галилея была главнымъ центромъ его дѣятельности. Окруженный толпою учениковъ, Онъ проповѣдывалъ здѣсь «благой и милостивый», совершалъ рядъ чудесъ и исцѣленій. Вѣроятно, на этихъ поляхъ апостолы срывали колосья, возбуждая негодованіе фарисеевъ.

Караванъ нашъ достигъ *селенія Эль-Лубіегъ*, гдѣ рѣшено было сдѣлать привалъ и напоить животныхъ. Благодаря обильнымъ ключамъ, питающимъ богатую растительность, сельскіе домики тонутъ въ садахъ, окруженныхъ исполинскою оградою кактусовъ. Деревушка покоилась мирнымъ сномъ и только нѣсколько бедуиновъ-кочевниковъ, шедшихъ съ караваномъ изъ Сафеда, встрѣтили насъ у источника. Пока арабы переговаривались другъ съ другомъ, мы съ коллегой-археологомъ бродили по пыльной дорогѣ, дѣлясь впечатлѣніями. Объемистый томъ Мейера не разставался съ моимъ пріятелемъ. Присѣвъ на камни, мы проштудировали географію Галилеи. Намъ предстояло теперь осмотрѣть тотъ цвѣтущій уголокъ Палестины, который считался съ древнѣйшихъ временъ житницей Сиріи. Страна, граничившая съ царствомъ Тира и Сидона, отдѣленная съ запада величественнымъ кряжемъ Кармила, водной нитью Іордана, землей Гадары и Скиѳополиса съ востока, съ юга сливалась съ зеленными нивами Самаріи, а съ сѣвера подступала къ подножью гиганта Ливана... Площадь почти невозможная для кратковременныхъ обозрѣній, къ тому же богатѣйшая въ цѣлой Палестинѣ по своимъ археологическимъ сокровищамъ. Іосифъ Флавій рисуетъ этотъ цвѣтущій край кипучимъ, оживленнымъ; многочисленные города—утопающими въ оливковыхъ, дубовыхъ и кедровыхъ лѣсахъ, поселки—въ апельсинныхъ и миртовыхъ рощахъ... Вереницы каравановъ тя-

---

*) Саладинъ одержалъ здѣсь рѣшительную побѣду надъ воинствомъ Гвидо-Лузиньяна, а въ 1799 г. генералы Клеберъ и Жюно разбили авангардъ турецкой арміи.

нутся по торговымъ путямъ отъ Птолемаиды, приморскаго Сура и Седы къ Дамаску, Іерусалиму и Газѣ. Что же представляетъ современная Палестина? Лихорадочный пульсъ ея прежней торговой дѣятельности давно уже замеръ... Царственные города лежатъ въ развалинахъ; заіорданская Перея обратилась въ пустыню, населенную немногочисленными кочевниками. Былыя крѣпости римлянъ, великолѣпные дворцы цезарей обратились въ груды камней и мусора, заросшія бурьяномъ... Туристу приходится не безъ смущенія обозрѣвать жалкіе пустыри—остатки царственныхъ зданій Капернаума, Магдалы и Виѳсаиды. Давно истлѣвшій скелетъ ихъ—обломки колоннъ и капителей, фундаменты обвалившихся стѣнъ покрылъ уже прахъ почти двухъ тысячелѣтій... Только одна, вѣчно прекрасная, неумирающая природа все та же. Ей нѣтъ дѣла до «мерзости запустѣнья» бывшихъ алтарей и дворцовъ несуществующихъ поколѣній. Пышная, жизневластная, она бьетъ тѣми же холодными ключами изъ нѣдръ земли, одѣваетъ холмы и нивы, какъ прежде, цвѣтущими коврами. Галилейское племя исчезло. Выходцы всѣхъ странъ заселили страну Деворы и Варака, и нѣкогда воинственный удѣлъ Завулоновъ и Неѳалимовъ составляетъ теперь мусульманскій вилайетъ «Берута».

Анда'накъ!—прощаются другъ съ другомъ погонщики арабы. Нашъ караванъ выступаетъ. Вереница верблюдовъ, далеко растянувшаяся по пыльной дорогѣ и загромоздившая ее своими тюками и сѣдлами, долго служитъ предметомъ ожесточенныхъ пререканій. Умныя животныя какъ будто застыли на своихъ поджатыхъ мозолистыхъ колѣняхъ... Лошади боязливо идутъ подлѣ нихъ, настораживаясь и фыркая. Свѣжій вѣтеръ заставляетъ насъ плотнѣе кутаться въ бурки. Мы пересиливаемъ дремоту, такъ какъ это послѣдній переходъ до Галилейскаго моря. Блѣдный отсвѣтъ луны давно незамѣтно исчезъ, какъ будто растаялъ въ розовѣющемъ предутреннемъ туманѣ. Полчаса пути по непрерывнымъ подъемамъ—все выше и круче, и вотъ мы на изломѣ величественнаго гребня *Курунъ-Энъ-Гаттина*.

Яркій багряный восходъ солнца привѣтствовалъ насъ, согнавъ послѣдніе покровы тумана, озаривъ золотистымъ потокомъ лучей разстилавшуюся у нашихъ ногъ водную ширь Генисаретскаго озера... Неожиданно появившееся среди базальтовыхъ скалъ горнаго ущелья, это озеро-море властно приковываетъ къ себѣ и нѣтъ силъ оторваться отъ открывающейся съ высоты перспективы... Живописные берега обступаютъ его отовсюду и на всемъ протяженіи голубого полотна искрятся, разбѣгаясь, серебристыя нити прибоя... Удивительно изящный овалъ этого воднаго бассейна Галилеи какъ будто покоится въ мала-

хитовой оправѣ,—такъ ярки, такъ цвѣтущи прибрежные скаты холмовъ Гадары, такъ рельефны каменистые террасы далекой Гавланитиды. На самомъ днѣ этой бирюзовой чаши, въ узкій прорѣзъ ущелья виднѣется намъ бѣлый квадратъ крѣпостныхъ стѣнъ и зданій Тиверіады. Притаившійся въ поразительной глубинѣ, онъ производитъ удивительный контрастъ съ видами противуположнаго берега... Оторвитесь отъ него на минуту и передъ вашими глазами встанетъ Евангельскій *Сафедъ*, «городъ на вершинѣ» горъ Нефѳалимовыхъ, а за ними поднимается царственный *Ермонъ*, вонзаясь въ

Тиверіада и оз. Генисаретское.

прозрачную высь своей снѣжной вершиной... Съ террасы *Курунъ-Гаттина* (рога Гаттина), гдѣ Спаситель, по преданію, произнесъ Свою *нагорную проповѣдь* *)—начинается спускъ къ Галилейскому морю. Одинъ изъ каменистыхъ уступовъ извѣстенъ подъ именемъ *Гаджаръ-Энъ-Назрани*. Площадка его покрыта камнями оригинальной формы, напоминающими большіе окаменѣлые хлѣбы **). Отсюда уже ярко вырѣзываются уцѣлѣвшія бой-

*) Ев. Матѳ. г. V, 6—7.

**) Католики называютъ ихъ Mensa-Christi. Мѣсто это считается у христіанъ священнымъ и съ нимъ связано воспоминаніе о насыщеніи здѣсь Спасителемъ пяти тысячъ народа пятью хлѣбами и двумя рыбами. (Еванг. Луки, IX; 10—17).

ницы и порванныя мѣстами крѣпостныя стѣны бывшей столицы Галилеи... Залитый яркими солнечными лучами, городъ Антипы Ирода раскинулся на самомъ берегу голубого озера, сверкая бѣлыми домиками-башнями. Впечатлѣніе, производимое имъ, такъ оригинально, что вамъ невольно начинаетъ мерещиться не захолустная Палестинская область, а скорѣе одинъ изъ портовъ средиземнаго побережья, полный лихорадочной, кипучей дѣятельности... Съ каждымъ поворотомъ горной тропы, съ каждымъ шагомъ впередъ, все шире раздвигается зеленая рама холмовъ, ярче выступаютъ изъ глубины и синяя ширь Бахръ-Табарія и живописные домики подъ сѣнью раскидистыхъ пальмъ, придающихъ Тиверіадѣ характеръ африканскаго поселка. Еще два, три спуска, и мы вступаемъ въ широкую прибрежную долину, задрапированную живописной перспективой холмовъ, надъ которыми въ туманной дали мягко очерченнымъ контуромъ красиво рисуется царственный Ермонъ, покрытый вѣчными снѣгами...

Послѣдній уступъ, и вотъ мы уже на днѣ грандіозной чаши, лежащей на 700 фут. ниже уровня моря, которую Іорданъ безпрерывно наливаетъ своими водами... Караванъ нашъ подходитъ къ стариннымъ полуразрушеннымъ воротамъ. Поясъ каменныхъ стѣнъ массивной кладки, несомнѣнный остатокъ древняго акрополиса, довольно хорошо еще сохранился съ южной и западной стороны города, хотя теперешняя Табарія — только жалкій остатокъ нѣкогда красовавшагося здѣсь *Генисарета*. Сѣверная и южная стѣны цитадели, значительно выдвинутыя, вдались въ озеро и, вѣроятно, оканчивались прежде закругленными башнями, отъ которыхъ уцѣлѣлъ теперь одинъ массивный базисъ, едва выступающій надъ водною поверхностью. Холмистый восточный берегъ образуетъ красивый выгибъ и тамъ, въ этой природной бухтѣ, на склонѣ горнаго кряжа, виднѣется одинокое зданіе «горячихъ ключей» *Эмаѳъ-Табуріэ*—знаменитыхъ бань Тиверіады. Проѣхавъ аркадъ единственныхъ «Назаретскихъ воротъ», мы очутились въ самой толчеѣ базара. Скрещивающійся лабиринтъ улицъ, узкихъ и грязныхъ, представляетъ разительный контрастъ съ живописной внѣшностью этого Галилейскаго поселка. Плоскія кровли, бѣлый куполъ мечети съ филиграновой колонкой минарета, скученность строеній, чередующихся съ почернѣвшими руинами, уцѣлѣвшія башни одинокой цитадели, осыпи рвовъ и зеленые вѣера латаній, удивительно прижившихся къ грудамъ базальтовыхъ камней, голубая полоса озера и темные фіолетовые уступы противоположныхъ береговъ—все это производитъ на туриста совершенно новое, своеобразное впечатлѣніе, послѣ однохарактернаго «сухопутнаго» пейзажа Іудеи и Самаріи. Этотъ обрывокъ голубого моря, его бирюзовый оваль составляютъ едва ли не всю основу и прелесть какъ Генисаретскихъ видовъ, такъ и самой Тиверіады, хотя отъ блестящей сѣверной столицы

Палестины, современной Христу, отъ ея пышныхъ дворцовъ, садовъ и фонтановъ, отъ портиковъ, гаваней и конскихъ ристалищъ, воздвигнутыхъ Антипой-Иродомъ съ роскошью, присущей развѣ далекому Риму, не осталось камня на камнѣ *). Неоднократныя землетрясенія (особенно сильныя въ 37-мъ году текущаго столѣтія) и постепенное обѣднѣніе жителей значительно сократили размѣры Энъ-Табарія, окраины которой представляютъ теперь почти сплошныя груды развалинъ, не возобновленныхъ постройкой. Современный городъ заселенъ евреями. Предки ихъ выселились сюда послѣ разгрома и взятія Іерусалима Титомъ. Особенному сосредоточенію здѣсь іудеевъ способствовали еще и религіозныя побужденія. Такъ, послѣ паденія священнаго города, сюда перенесенъ былъ синедріонъ; здѣсь же знаменитый раввинъ Іуда Гаккодешъ составилъ Мишну—драгоцѣннѣйшій кодексъ послѣ книгъ Моисеевыхъ. Извѣстная Гомара—трудъ раввина Іохανана (такъ наз. Іерусалимскій Талмудъ) и Мазорахъ—критическій обзоръ Библіи создались въ той же Тиверіадской школѣ талмудистовъ, гордящейся именами: Рабби-Ами, Маймонида и др. Здѣсь же, по убѣжденію іудеевъ, явится и ихъ Мессія, который возродитъ царство израильское въ Сафедѣ, что особенно способствуетъ переселенію сюда евреевъ даже изъ далекихъ окраинъ Европы и Африки.

До *православнаго монастыря*, гдѣ намъ предстояло остановиться, пришлось пробираться черезъ весь городъ. Скромная обитель, наполовину отстроенная, возвышается среди развалинъ, несомнѣнно представляющихъ драгоцѣнный матеріалъ для археолога. Игуменъ, о. Никандръ, принявшій насъ крайне радушно, былъ весь въ хлопотахъ, воздвигая новую церковь во имя апостола Петра на мѣстѣ чудеснаго улова рыбы **). Появленіе нашего

*) Основаніе Тиверіады относится къ глубочайшей древности. За 17 лѣтъ до Р. Х., по свидѣтельству Іосифа Флавія, Иродъ-Антиппа, желая затмить блескъ Юліи-Виѳсаиды, выстроенной на сѣверѣ при устьѣ Іордана его братомъ Филиппомъ и названной въ честь дочери Кесаря, заложилъ обширный городъ на мѣстѣ древняго Кенрета (Генисарета). Онъ посвятилъ эту новую столицу Галилеи императору Тиверію. Роскошные дворцы „золотой домъ", въ которомъ жилъ строитель, „форумъ" „стадій", обширный лагерь и монетный дворъ, храмы, посвященные римскимъ божествамъ, рынки, украшенные статуями, широкія улицы и зданія, расписанныя художниками изъ Птолемаиды, сдѣлали изъ Тиверіады центръ сѣверной Палестины. Неронъ подарилъ ее Агриппѣ младшему. Во время войны евреевъ съ римлянами, историкъ Іосифъ Флавій,—командовавшій войсками, укрѣпилъ Тиверіаду, которая, покорно отворивъ ворота Веспасіану, только этимъ спасла себя отъ разрушенія.

**) Еванг. Іоанна, 21 гл. 4—11.

каравана въ самый разгаръ постройки—крайне смутило и безъ того конфузливаго инока. Едва нашлось мѣсто подъ навѣсомъ для нашихъ лошадей и муловъ; сами же мы, усталые и запыленные, долго не знали какъ размѣститься. Особенно тоскливо выглядѣлъ Якубъ, очевидно разочарованный въ своихъ обычныхъ ожиданіяхъ наживы. Приходилось полностью доставать провіантъ, вино и фуражъ для животныхъ, такъ какъ самъ хозяинъ питался всухомятку. Отдохнувъ и закусивъ неизбѣжными консервами, мы отправились съ игуменомъ осмотрѣть «временную» церковь монастыря, находящуюся подъ сводами древней синагоги. Убогая занавѣска замѣняетъ въ ней иконостасъ, низкія стѣны, закоптѣлый алтарь и почти полное отсутствіе иконъ и утвари производятъ унылое впечатлѣніе. Небогаче и другая крохотная церковь, временно устроенная въ полуразвалившейся каменной башнѣ. Надъ сводами древней еврейской синагоги патріархія воздвигаетъ теперь новый храмъ, упомянутый выше. Небольшой дворикъ обители заваленъ строительнымъ матеріаломъ. Самъ настоятель и двое его монаховъ живутъ совершенно по походному. Крохотная комнатка «на галлереѣ», единственный жилой уголокъ—была любезно предоставлена намъ, а самъ «Епископъ Тиверіадскій» перебрался въ какую-то временную пристройку съ своимъ болѣе чѣмъ скромнымъ скарбомъ... Страшная духота, тѣснота помѣщенія и явныя затрудненія для неутомимаго пастыря, заставляли насъ сократить до minimum'а пребываніе въ Тиверіадѣ. Мнѣ все-таки хотѣлось побывать на знаменитыхъ «горячихъ ключахъ» и хотя вскользь познакомиться съ историческими развалинами Генисаретскаго побережья. Добродушный о. Никандръ, поставленный обстоятельствами спѣшной стройки въ безвыходное положеніе, старался всячески смягчить ожидавшія насъ неудобства при неизбѣжной ночевкѣ въ монастырѣ, такъ какъ въ городѣ нѣтъ гостиницъ. Близился полдень. Какъ ни рисковано было выходить въ жару, но мы рѣшили отправиться тотчасъ же на Эмаѳъ-Табурія—къ *минеральнымъ банямъ* Тиверіады. О. Никандръ вызвался быть нашимъ проводникомъ и мы втроемъ, безъ драгомана, добрались до берега озера, гдѣ останавливается мѣстный «трамвай», если только можно назвать такъ оригинальный фургонъ, служащій для поѣздокъ на Эмаѳскіе источники.

Ключи эти находятся въ верстахъ трехъ отъ города къ югу и дорога, ведущая къ нимъ, все время вьется лентой вдоль берега среди живописной панорамы. Фургонъ, запряженный парой клячъ, напоминаетъ скорѣе деревянный ящикъ на колесахъ, чѣмъ экипажъ для больныхъ паралитиковъ, главнымъ образомъ прибѣгающихъ къ цѣлебнымъ минеральнымъ ваннамъ. Ящикъ этотъ безъ всякаго признака рессоръ съ двумя продольными скамейками. Вы взбираетесь по подножкѣ сзади подъ парусиновый тентъ, обильно смоченный для прохлады водою. Экипажъ набивается биткомъ сверхъ

комплекта, ибо лѣчащихся здѣсь оказывается весьма много, какъ христіанъ, такъ и турокъ. Мы трогаемся. Солнце палитъ немилосердно. Подъ легкимъ навѣсомъ душно: онъ скрипитъ и качается на тонкихъ стойкахъ, вздрагиваетъ отъ каждаго толчка, угрожая ежеминутно покрыть наши головы. Крупный гравій морского прибрежья хруститъ подъ колесами; тощія лошаденки напрягаются изо всѣхъ силъ, поощряемыя длиннымъ бичомъ евреяпогоньщика. Медленно уплываютъ назадъ очертанія противоположныхъ береговъ... Голубая ширь тихаго озера все время ласкаетъ взоръ; бѣлыя чайки съ крикомъ носятся надъ водою, да кое-гдѣ мелькнетъ косой парусъ едва примѣтной, какъ легкая скорлупа, одинокой рыбацкой лодки.

Эмаѳъ-Табуріэ—бани Тиверіады.

Эмаѳъ-этъ-Табуріэ—извѣстны съ глубочайшей древности. Объ нихъ упоминаютъ Плиній и Іосифъ Флавій. Два каменныхъ зданія подъ бѣлыми куполами примыкаютъ къ природной скалѣ, изъ которой бьютъ четыре минеральныхъ источника стекая отсюда въ озеро. Ибрагимъ-паша выстроилъ надъ ними каменный павильонъ съ бассейномъ и мраморными ваннами. Раскаленность воздуха внутри этихъ бань, достигающая 50°, почти невыносима для здороваго человѣка. Испаренія сѣрныхъ источниковъ наполняютъ термы удушливымъ газомъ. Съ желающихъ подвергнуться въ нихъ испытанію арендаторы-евреи берутъ отъ 20 до 30 паричекъ (10—15 коп.). Съ меня, впрочемъ, запросили цѣлый франкъ, но я благоразумно отказался. Эммаусскія ванны, какъ и самый курортъ, содержатся очень грязно. Въ особенности запущено старое зданіе, давшее мѣстами трещины и, видимо, давно не ремонтированное... А между тѣмъ, здѣшніе сѣрные ключи весьма драгоцѣнны и соотвѣтствуютъ Ахенскимъ при температурѣ въ 28—30° Reom. Они бьютъ подъ сильнымъ давленіемъ, но громадное количество минеральной воды пропадаетъ, совершенно не эксплоатируется, отравляя прибрежныя воды Бахръ-Табарія. Въ томъ же фургонѣ мы вернулись въ Тиверіаду. Мой коллега-археологъ спѣшилъ обозрѣть остатки городскихъ стѣнъ, а я поручилъ Якубу розыскать для меня проводника, чтобы вдвоемъ пробраться къ историческимъ развалинамъ западнаго побережья. Нанятый чичероне-арабъ явился верхомъ съ запасной лошадью; послѣдняя была необходима, такъ какъ наши животныя были измучены горнымъ переваломъ. А намъ предстояло еще взбираться на Ѳаворъ по кручамъ, едва-ли не самымъ отвѣснымъ и обрывистымъ во всей Палестинѣ.

Въ исходѣ четвертаго часа я выѣхалъ съ проводникомъ изъ греческа-

го монастыря. Путь нашъ лежалъ на сѣверъ вдоль западной городской стѣны по направленію къ Магдалѣ. Молодой арабъ увѣрялъ меня, что прекрасно знаетъ окрестность и подлинныя мѣста интересовавшихъ меня развалинъ,—Эль-Медждэля, Ханъ-Минья, Тель-Гума и Аинъ-этъ-Табигага. Миновавъ хмурыя бойницы и осыпи крѣпостныхъ стѣнъ, мы поѣхали вдоль берега по крупному гравію. Колоритъ Генисаретскаго пейзажа таковъ, что отъ него нѣтъ силъ оторваться. Голубая ширь, удивительно прозрачная, подернутая тонкою серебристою рябью, какъ будто дремлетъ, недвижно застывъ въ берегахъ... Группы садовъ, разбитыхъ по холмистымъ скатамъ провожаютъ васъ слѣва. Сквозь густую, высокую траву сквозятъ мѣстами фундаменты давно разрушенныхъ зданій, указывая туристу на обширность поселковъ, пестрившихъ нѣкогда пустынные берега современнаго Галилейскаго моря. Если мысленно перенестись за 2,000 лѣтъ назадъ, то нельзя не удивляться, какого пышнаго и богатаго расцвѣта культуры достигли эти безымянныя, полузасыпанныя теперь мусоромъ развалины. Тропическая флора Галилейскаго озера, благодаря ледяной температурѣ воды, собрала на своихъ берегахъ самую разнообразную растительность *). Еще донынѣ, рядомъ съ зонтичной пальмой Африки, пышно разростается каспійскій орѣшникъ, сирійскія фиговыя и тутовыя деревья чередуются съ гигантскими кустами магнолій и олеандръ. На отмеляхъ среди камней кишатъ морскіе крабы, а въ ясной лазури надъ прибрежными пустынными скалами плавно поднимаются орлы и стервятники. Пологіе скаты холмовъ прорѣзаны кое-гдѣ узкими ложбинамм и по нимъ съ шумомъ сбѣгаютъ горные ручьи, сливаясь въ глубокой чашѣ Тиверіадскаго моря. Обломки совершенно черныхъ камней, по формѣ своей напоминающихъ ноздреватую губку, разбросаны на всемъ протяженіи лѣваго берега, указывая на вулканическое происхожденіе базальтовыхъ скалъ и утесовъ, отдѣляющихъ долину Генисарета отъ вершинъ Курунъ-Гаттина и Ѳавора. Берегъ дѣлаетъ крутой изломъ; мы подъѣзжаемъ къ жалкой деревушкѣ изъ 5—6 хижинъ съ убогой мечетью посрединѣ, съ неизбѣжнымъ уэли подъ сѣнью одинокаго сикомора.

«*Медждель*»—улыбаясь говоритъ мнѣ проводникъ. Это и есть евангельская *Магдала*, родина Маріи Магдалины. Русская миссія воздвигаетъ здѣсь церковь, теперь уже оконченную постройкой. Убогія хижины, сбитыя изъ

---

*) Галилейское море или Тиверіадское озеро, по исчисленіямъ экспедиціи Линча, находится подъ 30° 15′ 24″ в. долг. и между 32° 41′ 21″ и 32° 53′ 37″ сѣв. шир. Длина 20 километровъ 824 метра; средняя ширина 5 геогр. миль. Поверхность ниже уровня Средиземнаго моря на 230 метр. Глубина въ южной части до 50 мет. Іорданъ, проходя черезъ Семахонитское озеро, впадаетъ въ Бахръ-Табарію въ самомъ сѣверномъ его углу, извиваясь отсюда къ югу по долинѣ Эль-Гхоръ до Мертваго моря.

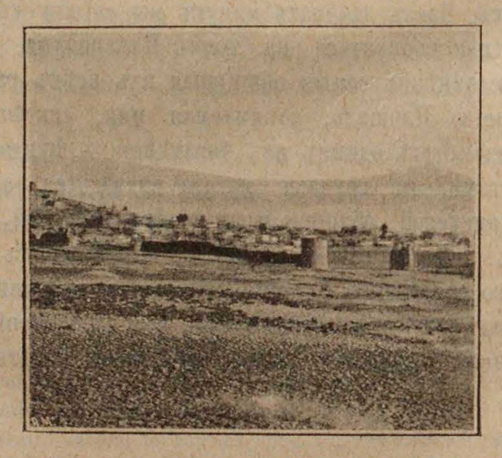
глины, положительно не стоятъ осмотра. Мы минуемъ группу камней—печальный остатокъ неизвѣстнаго поселка. Отсюда горы какъ будто отходятъ отъ берега, образуя широкую равнину, поросшую густою травой и кустарникомъ. *Эль-Гусеръ*—долина Генисарета—изобилуетъ теплыми ключами, свидѣтельствуя о вулканическомъ происхожденіи этой впадины—чаши, залитой водами голубого озера. Высокій тростникъ, драпирующій берега дѣлаетъ ѣзду здѣсь крайне затруднительной. Мѣстами лошадямъ прямо приходится продираться по сухому вереску, постоянно оступаясь на камни и рытвины, заросшія колючимъ терніемъ. Весь сѣверный край Галилейскаго моря, безжизненный и дикій, почти лишенъ населенія, если не считать кочевниковъ-бедуиновъ, появляющихся здѣсь иногда съ береговъ Іордана. Въ полчаса ѣзды за Магдалой проводникъ указалъ мнѣ источникъ *Аинъ-эль-Тинъ*, осѣненный древнимъ фиговымъ деревомъ. Мы вступаемъ въ сплошныя груды сѣрыхъ камней, въ царство руинъ—безмолвныхъ свидѣтелей исполнившагося пророчества *). Прибрежная тропа все время бѣжитъ вдоль извилинъ, приводя къ обширнымъ развалинамъ *Ханъ-Миніэгъ*, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи видятъ Капернаумъ, а другіе Виѳсаиду древности. Ханъ этотъ лежитъ на пути большой караванной дороги изъ Акры въ Дамаскъ. Отсюда начинается крутой изломъ береговъ къ сѣверо-востоку, гдѣ собственно нужно искать слѣды *Этъ-Табигагъ*, евангельской Виѳсаиды. Отъ родного города апостоловъ Петра, Андрея и Филиппа ничего не сохранилось, кромѣ груды камней, да глубокихъ ямъ, задрапированныхъ зеленью миртъ.

— Теперь недалеко уже до Тель-Гума, сообщилъ мнѣ проводникъ и пришпоривъ лошадей, мы поѣхали рысью къ чернѣвшимъ издали руинамъ. Колоритъ этой части Галилейскаго моря совершенно иной, чѣмъ его южной окраины; растительность значительно бѣднѣе, болотистая трава сильно выжжена солнцемъ. Чрезъ двадцать минутъ мы слѣзли съ сѣделъ и, спутавъ лошадей, стали взбираться на холмъ Капернаума. Развалины «*Кафаръ-Нагумъ*» несомнѣнно самыя обширныя изъ всѣхъ разбросанныхъ по берегамъ Генисарета. Площадь, занимаемая ими, свидѣтельствуетъ, что евангельскій городъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ. Фундаменты стѣнъ еще сохранились мѣстами, въ грудахъ мусора виднѣются разбитыя колонны, куски разныхъ капителей, обломки мраморныхъ ступеней, источенныхъ водою и временемъ. Черныя глыбы базальта, обрушившись въ озеро, далеко вдались въ его спокойную синеву—какъ будто застывшую въ безмолвномъ трепетѣ предъ этимъ жилищемъ смерти и разрушенія... „Горе тебѣ Хоразинъ, горе тебѣ Виѳсаида“. Печать проклятія отмѣтила поверженные

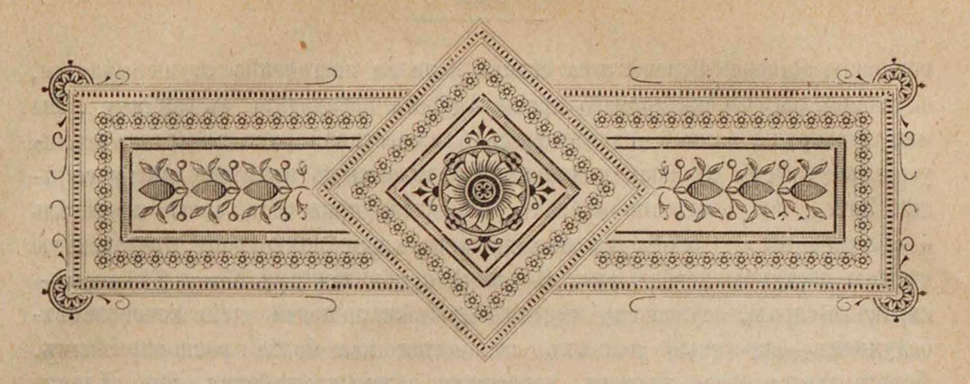
*) Еванг. Луки—X, 13—15.

дворцы Ирода и Филиппа и вознесшійся до неба Капернаумъ, низвергнулся, разбитый, ограбленный воинами Веспасіана. Ужасное пророчество сбылось дословно и глядя на эти сѣрыя осыпи-груды страшно становится за мстящую стихійную силу, дѣйствительно не оставившую „камня на камнѣ“.

Усталый и мало удовлетворенный поѣздкой къ историческимъ развалинамъ, я вернулся въ Тиверіаду почти въ сумеркахъ. Солнце уже садилось. Голубоватая дымка тумана густѣла надъ озеромъ, отливавшимъ, какъ опалъ, всѣми оттѣнками радуги въ послѣднихъ меркнувшихъ лучахъ заката. Далекіе холмы Гессура и бѣлоснѣжный Ермонъ, тронутые трепетнымъ багрянымъ сіяньемъ, таяли, какъ смутное безплотное видѣніе въ густѣющей синевѣ воздуха. Фіолетовыя тѣни драпировали даль едва распознаваемаго глазомъ противуположнаго берега. Сыростью вѣяло отъ воды и со стороны ущелій Арбелы начиналъ тянуть холодный леденящій вѣтеръ. Быстро упавшія сумерки, при рѣзкой перемѣнѣ температуры—обычное явленіе береговъ Генисаретскаго озера. Вѣроятно, охлажденіе горныхъ террасъ послѣ сильнаго зноя вызываетъ движеніе воздуха, отражающееся сильнымъ волненіемъ и на морѣ. Евангельскій разсказъ свидѣтельствуетъ о неожиданныхъ буряхъ, донынѣ пугающихъ мѣстныхъ рыбаковъ, которые на своихъ утлыхъ челнахъ рѣдко рискуютъ выплывать на его середину. Прозябшій и голодный я съ радостью переступилъ монастырскій порогъ, гдѣ меня давно ожидалъ скучавшій спутникъ. Мы рано улеглись спать, такъ какъ утро предъ отъѣздомъ на Ѳаворъ рѣшено было посвятить приведенію въ порядокъ собранныхъ по дорогѣ коллекцій, исправленію дневника и съемкѣ фотографическихъ видовъ. Покидая Тиверіаду, мы зашли въ католическій монастырь, основанный по преданію, на мѣстѣ чудеснаго улова рыбы. Но мнѣ такъ и не удалось видѣть участка земли пріобрѣтеннаго о. Антониномъ для основанія здѣсь русской странноприіимницы.



Тиверіада съ высоты Курунъ-Гаттина.



Глава XV.

Въ ущельяхъ Джебель-этъ-Тора.

Гора „блаженствъ“.—Ханъ-Туджаръ.—Дебурія.—Пейзажи горы Преображенія. Ночь на вершинахъ Ѳавора.—Неожиданный переполохъ.—Среди историческихъ развалинъ.

Подъемъ отъ Тиверіады къ Ѳавору идетъ по крутому кряжу. Отъ самаго озера уступъ за уступомъ поднимаются живописной грядой зеленыя кручи. Едва примѣтная каменистая тропа вьется по нимъ головокружительными оборотами. Караванъ нашъ растягивается. Жандармъ идетъ со мной и коллегой, а Якубъ видимо плохо знающій мѣстность, уклоняется отъ обязанностей проводника подъ всевозможными предлогами. Онъ и погонщикъ Константинъ въ концѣ концовъ остаются въ арьергардѣ. Подъемъ неудобенъ и труденъ. Лошади, одолѣвъ двѣ-три ступени каменистой гряды останавливаются, тяжело дыша, совершенно обезсиленныя. Приходится стоять минутъ пять, чтобы дать имъ собраться съ силами. Жонглируя на сѣдлѣ и почти пригибаясь къ лукѣ всѣмъ корпусомъ, ежеминутно рискуешь сорваться и полетѣть съ гладко обтесанныхъ кручъ въ бездну. Для страдающихъ головокруженіемъ переходъ по базальтовымъ скатамъ Эль-Менары совершенно не мыслимъ. Не прошло и трехъ четвертей часа, какъ мы вынуждены были сдѣлать привалъ на одной изъ горныхъ площадокъ. Отсюда въ послѣдній разъ раскинулась передъ нами великолѣпная панорама Генисаретскаго озера... Внизу блестѣла плоскосрѣзанными кровлями Тиверіада, опоясанная темной каймой своихъ полуразрушенныхъ стѣнъ и башенъ. Влѣво стлался сочный коверъ изъ прибрежныхъ травъ и кустарниковъ, оплетавшихъ безмолвныя руины—фундаменты исчезнувшихъ городовъ и библейскихъ поселковъ. А вправо за желтымъ пятномъ Гамаѳъ-этъ-Табуріэ, тихо, едва замѣтно, курились горячія испаренія сѣрныхъ ключей знаменитыхъ бань Эмаѳа... Съ этой террасы начинается спускъ къ

подножію Ѳавора. Перспектива сѣвера Галилеи постепенно стушевывается, опускаясь за гребень горнаго кряжа—дорога переходитъ въ равнину... Мы минуемъ груды камней, на которыхъ благочестивая рука начертала осьмиугольные кресты въ воспоминаніе пріурочиваемыхъ къ этому мѣсту событій. Здѣсь, по убѣжденію многихъ, Спаситель произнесъ свою проповѣдь о «блаженствѣ». Отсюда мы выходимъ на караванную тропу, протоpенную мѣрною поступью верблюдовъ. По мѣрѣ приближенія къ *Ханъ-Туджару*—караванъ-сараю, служащему мѣстомъ ярмарки лошадей для кочевниковъ-бедуиновъ—окрестный пейзажъ становится все болѣе разнообразнымъ. Дорога вьется среди холмовъ, поросшихъ зелеными дубками. Она дѣлаетъ широкій изгибъ, то отдаляясь отъ каменистыхъ кручъ священной горы, то снова къ нимъ приближаясь. Справа въ долину Ездрелона золотистымъ ковромъ стелется желтый ковыль, оттѣненный кустарниками. Мѣстами чернѣютъ шатры кочевниковъ, пасутся козы и овцы. Якубъ прогрессивно теряющій храбрость по мѣрѣ удаленія отъ населенныхъ центровъ, заботливо внушаетъ жандарму помнить объ отвѣтственности за европейцевъ. Нападенія здѣсь возможны, если караванъ собьется съ пути или не успѣетъ добраться во-время, къ солнечному закату, до гостепріимныхъ стѣнъ Ѳаворскаго монастыря. Мнѣ тоже сдается, что мы, выѣхавъ слишкомъ поздно изъ Тиверіады, напрасно взяли дорогу въ обходъ на *Кафръ-Сабтъ*, Ханъ-Туджаръ—къ арабскому поселку Дебуріа. Обширность пустынной степи, облегающей священную гору съ юго-востока и запада, дѣлаетъ это мѣсто небезопаснымъ какъ для туриста, такъ и для паломниковъ. Хищные бедуины, фиктивно подчиненные акрскому пашѣ, считаютъ себя единственными хозяевами окрестностей Ѳавора, безнаказанно собирая „дани“ съ запоздалыхъ путниковъ, въ особенности, если караванъ плохо вооруженъ и малочисленъ.

— Оберутъ до нитки,—сокрушается Якубъ,—и повѣрьте, я ничего не въ силахъ сдѣлать! Народъ здѣсь разбойники, — добавляетъ онъ полушопотомъ, почти пригибаясь къ моему сѣдлу. — Хорошо ли у васъ заряженъ револьверъ? — И, успокоившись на мой счетъ, Якубъ спѣшитъ сообщить мнѣ конфиденціально: — Вотъ я за нихъ безпокоюсь (краснорѣчивый жестъ въ сторону археолога, безмятежно собирающаго «злаки» для своего гербаріума), все они съ травой, то тамъ, то здѣсь. Отстаютъ... Хоть бы вы имъ сказали! Развѣ за ними усмотришь? А тутъ, — добавляетъ онъ патетически,—кругомъ шпіоны. Выскочитъ головорѣзъ: пифъ-пафъ—ружья скинуть съ плечъ не успѣешь. Я совершенно обезсилѣлъ, а господинъ ученый понять этого не желаютъ.

— Полноте, Якубъ, что это, ночь, что ли? Да съ нами и жандармъ, хорошо вооруженный...

— Вы въ него вѣрите?!—восклицаетъ Якубъ съ нескрываемымъ ужасомъ,—въ турка? правовѣрнаго брата араба? Помилуйте, станетъ онъ защищать невѣрнаго — гяура? Я ихъ знаю... да и они меня знаютъ. И, видимо пріободрившись, драгоманъ отъѣзжаетъ отъ меня къ жандарму, тихо насвистывающему какую-то мелодію.

А безконечная степная ширь начинаетъ уже сливаться съ вечернимъ туманомъ... Тронутая мѣстами подъ косымъ лучомъ заходящаго солнца золотистыми пятнами, великая равнина Ездрелона какъ будто нѣжится въ тихой торжественной дремѣ... Лишь изрѣдка, съ крутыхъ утесовъ, обрамляющихъ зеленыя ребра шатровой горы, срываются, какъ камень, пущенный изъ пращи въ густую синеву воздуха, темныя точки... То рѣютъ стервятники коршуны, да едва примѣтно скользятъ въ недосягаемой высотѣ орлы, пернатые отшельники безбрежной степи-пустыни. Съ каждымъ шагомъ впередъ все ниже отпадаетъ долина, все круче становится подъемъ, все гуще заросли дубняка и верболозы. Почти въ сумеркахъ достигаемъ мы деревушки *Дебуріа—Давраѳъ* древности, гдѣ обитала нѣкогда пророчица Девора, напутствовавшая Варака на борьбу съ сирійцами*). Мы минуемъ деревушку, преслѣдуемые ожесточеннымъ собачьимъ лаемъ. Населеніе, почти исключительно состоящее изъ женщинъ стариковъ и подростковъ, полунагое, высыпаетъ изъ своихъ жалкихъ лачугъ, провожая насъ весьма подозрительнымъ вниманіемъ. Дебуріа пользуется плохой славой, какъ разбойничій притонъ, куда бедуинскіе наѣздники свозятъ награбленную добычу, производя дѣлежъ съ мѣстнымъ шейхомъ—главою племени. Мы торопимъ лошадей, стараясь засвѣтло уйти подальше отъ этихъ мѣстъ. Миновавъ деревушку, приходится взбираться по крутымъ скатамъ горы, которая только теперь начинаетъ казаться намъ и выше и круче, пугая почти отвѣсными ребрами. Неожиданность такого впечатлѣнія объясняется особенностью Ѳаворскихъ предгорій. «*Джетъ-Торъ*», какъ называютъ его арабы, высится одинокимъ холмомъ среди зеленой долины и стоитъ совершенно обособленно отъ прочихъ горъ Галилеи, какъ гигантская закруглен-

Арабское семейство.

*) Давраѳъ, также Дабира или Дабуріегъ — принадлежалъ колѣну Иссахарову и относится къ глубочайшей древности. Этотъ единственный поселокъ вблизи Ѳавора упоминается еще въ книгѣ Іисуса Навина (XIX—12). Мѣстная мечеть основана, по преданію, на развалинахъ бывшаго здѣсь нѣкогда храма во имя девяти апостоловъ.

ная пирамида. Хотя вершина ея достигаетъ почти 600 метровъ надъ уровнемъ моря, но, вслѣдствіе обширности Назаретской равнины, гора Преображенія не производитъ издали внушительнаго впечатлѣнія. Вѣковые дубы ея кажутся снизу низкорослымъ кустарникомъ; плоско срѣзанный конусъ вершины придаетъ нѣкоторую приземистость, мало выдѣляя священную гору на общемъ фонѣ окрестнаго пейзажа. Только миновавъ пологій изломъ широко раскинувшихся предгорій, путникъ почти сразу очутится предъ каменистой твердыней подавляющихъ размѣровъ. Сѣрыя пятна разбросанныхъ скалъ сдвинутся, станутъ стѣной, образовавъ живописные обрывы. Ярче выдѣлятся надъ ними крутые изломы едва примѣтной дороги. Мелкорослый кустарникъ окажется столѣтнимъ дубнякомъ, сплошь одѣвшимъ темныя ущелья. Измученныя лошади едва пробираются среди узловатыхъ корней этой вѣковой дубовой рощи, оплетающихъ, какъ змѣи, каменистыя выбоины горнаго подъема. Уже сумерки крадутся надъ землею. Ярче сквозятъ въ темной оправѣ кустарника бѣлые обломки рухнувшихъ скалъ, груды безпорядочно наваленныхъ камней. Все это руины невѣдомаго прошлаго. За синею далью моря давно уже скрылся солнечный дискъ и надъ равниной Ездрелона, отходящей ко сну, почти касаясь горизонта фіолетовыми краями, ниже спустился темный небесный куполъ. Въ воздухѣ тишина... Только изрѣдка чередуясь съ мѣрными ударами подковъ, гдѣ-то свистнетъ пронзительно копчикъ, да вдругъ застонутъ въ невидимыхъ оврагахъ, въ чащѣ лѣсной, голодные шакалы. Въ этой тишинѣ становится непривычно жутко... Вамъ начинаетъ казаться, что вы безпомощно одиноки среди глухихъ ущелій, обступающихъ васъ отовсюду... Слѣва сплошною стѣной поднимается въ высь по уступамъ столѣтняя роща, а справа, обрывъ за обрывомъ, пропасти, камни... Бѣдныя лошади выбиваются изъ силъ, какъ будто боясь отстать другъ отъ друга. Жандармъ давно снялъ винтовку и держитъ ее наготовѣ, а Якубъ необыкновенно предупредительно конвоируетъ моего коллегу. Мы давно уже потеряли изъ виду погонщика Константина съ его заморенным муломъ и дряхлымъ лошакомъ. Онъ, вѣроятно, «продирался» къ вершинѣ кратчайшими путями.

— Сородичъ не пропадетъ, — философствовалъ Якубъ, когда я выражалъ опасеніе, чтобы бѣднаго Константина не обобрали бедуины.—Да, и что тамъ брать-то? Я вѣдь денегъ ему не даю, — пояснилъ онъ мнѣ наивно.—А провизіей насъ Богъ не обездолитъ».

Я, разумѣется, соглашаюсь, зная по опыту, какъ мистеръ Якубъ умѣетъ устраивать свои провіантскія дѣлишки.

Сумерки незамѣтно слились съ темной влажной ночью... Какъ бархатомъ окутаны вокругъ насъ предметы. Все выше и выше сползаетъ побѣлѣвшая тропа, все извилистѣе становятся ея обороты по уклону незримой,

но чувствуемой вершины. Придорожный кустарникъ ежеминутно цѣпляется за платье. Темныя очертанія деревьевъ принимаютъ странныя фантастическія формы. Какая-то особая волнистая мгла опадаетъ все ниже, какъ будто льнетъ къ вамъ отовсюду...

„Когда-то я, въ годину зрѣлыхъ лѣтъ,
Въ дремучій лѣсъ зашелъ и заблудился.
Потерянъ былъ прямой и вѣрный слѣдъ,
Попалъ я въ чащу дикую...

невольно вспомнился мнѣ стихъ поэта изъ его Божественной Комедіи *). Мы, дѣйствительно, теперь далеки отъ житейскаго водоворота. Съ каждымъ шагомъ впередъ горная тропа уводитъ насъ все выше и выше, властно подымая надъ землею. Недаромъ тысячелѣтнее преданіе избираетъ вершину Ѳавора мѣстомъ величественнаго акта преображенія великаго учителя. Здѣсь на темени горы, господствующей почти надъ всей Самаріей и Галилеей, вдали отъ міра суеты, его будничной борьбы, надеждъ, радости и страданій, какъ бы отрѣшившись отъ земнаго праха, созерцалъ Онъ въ спокойномъ величіи Бога въ силѣ и славѣ. Въ краткой лѣтописи земной жизни Христа—это единственный моментъ, гдѣ кроткій смиренный пастырь является какъ древній пророкъ, исполненный царственной мощи. Съ нимъ бесѣдуютъ выразители этого грознаго ветхозавѣтнаго величія—Илія и Моисей. Нигдѣ болѣе на всемъ протяженіи евангельскаго повѣтствованія Спаситель не переживаетъ такого властнаго *личнаго* настроенія. Богочеловѣкъ сливался здѣсь съ Богомъ, какъ будто отринувъ все земное. Юдоль печали, постоянная цѣль Его заботъ, исчезаетъ, стушевывается въ моментъ единенія съ высшей Безсмертной Силой. Ни Карантель гора искушенія, ни знойная пустыня Мертваго моря, ни трогательный актъ крещенія при Виѳаварѣ не происходили при такой обстановкѣ. Ѳаворъ—это благоухающій лавръ въ тернистомъ вѣнцѣ Божественнаго Страдальца... Какой-то невольный трепетъ охватывалъ мою душу во все время подъема на священную гору. Ни скептическія соображенія ученыхъ, переносящихъ это

Маслины.

*) Дантъ Аллигіери: Божественная комедія „Адъ". Гл. I, 1—10; перев. Д. Минаева

событіе на одинъ изъ уступовъ Большого Ермона, ни историческая справка, напоминавшая о существованіи значительной крѣпости на вершинѣ горы въ эпоху господства римлянъ, не могли разсѣять во мнѣ восторженнаго возбужденія. Безсмертные образы величественны и властны именно тѣмъ, что свободно встаютъ предъ нами, не взирая ни на какія попытки поколебать достовѣрность ихъ мелкихъ прозаическихъ аксессуаровъ... Мой товарищъ, видимо, переживалъ то же настроеніе. Поравнявшись на одномъ изъ безчисленныхъ поворотовъ, наши руки коснулись одна другой и мы невольно соединили ихъ въ лихорадочно-возбужденномъ пожатіи. Поля Галилеи уходили все ниже и ниже въ непроницаемую тьму... Мы приближались къ вершинѣ...

Вдругъ, гдѣ-то подъ нами, раздался человѣческій крикъ. Я невольно вздрогнулъ. Черезъ минуту тотъ же голосъ далекій и замирающій затянулъ странную пѣсню... Въ поразительномъ безмолвіи ночи заунывная мелодія донеслась къ намъ какъ будто дрожа и замирая. Кто ее пѣлъ — Богъ знаетъ. Но этотъ звукъ человѣческаго голоса, казалось, разбудилъ мертвую тишину таинственныхъ Ѳаворскихъ дебрей. Далекое эхо вторило незримому пѣвцу, ударяя отдѣльныя ноты особенно рѣзко въ отвѣсныя горныя кручи, слабымъ отзвукомъ откликаясь напѣву изъ глубины ущелій. Вдругъ пѣснь смолкла... Какъ будто съ противуположной стороны (или такъ тянулъ вѣтеръ) послышался глухой трескъ: кто-то пробирался въ чащѣ, ломая сучья. Мы остановились какъ вкопанные. Якубъ пролепеталъ проклятіе, но тотчасъ же умолкъ притаившись. Жандармъ далъ окликъ сперва по-турецки, потомъ по-арабски. Отвѣта не послѣдовало.

— *Рух-шюф-мин* *), распорядился я жандарму, но въ ту же минуту кусты раздвинулись и человѣкъ, завернутый въ плащъ, подошелъ къ нашему заптію, хлопая въ ладоши. Послышался учащенный гортанный говоръ. Оказалось, что это возвращался назаретскій *посланецъ о. Нифонта*, сообщавшій ѳаворскому игумену о скоромъ нашемъ прибытіи. Услыхавъ звяканье подковъ, малый сообразилъ, что, вѣроятно, это идетъ «Московъ» —другъ владыки и сталъ «выбираться» изъ чащи на дорогу къ намъ навстрѣчу.

— Совсѣмъ дуракъ, горячился Якубъ, оправившійся отъ смущенія,— лѣзетъ безъ окрика. Я бы могъ его пристрѣлить, какъ шакала.

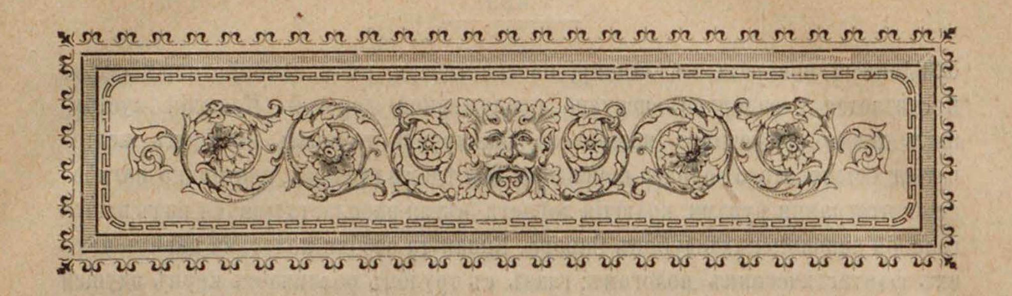
Мы поинтересовались, не онъ ли пѣлъ, но оказалось, что, идя съ противуположной стороны, онъ даже не слыхалъ пѣсни. Якубъ заторопилъ насъ снова; я далъ арабу «бакшишъ», и бѣдныя лошади наши, фыркая и отдуваясь, опять полѣзли по камнямъ, карабкаясь по кручамъ.

Караванъ нашъ приближается къ вершинѣ. Узкая тропа, сдѣлавъ не-

*) Посмотри, кто тамъ?

ожиданный поворотъ къ западу, вьется теперь въ каменной толщѣ скалы и считается у ѳаворцевъ искусно проложенной дорогой. Колючій кустарникъ дикаго рожечника живописно драпируетъ темнымъ навѣсомъ желтоватыя осыпи этого горнаго коридора. Мы ѣдемъ гускомъ, постоянно нагибаясь и отстраняя руками колючія лопасти вѣтви распластавшихся надъ нашей головой исполинскихъ дубовъ Ѳавора. Какая-то особая полутьма царитъ подъ ихъ фантастическимъ пологомъ; глазъ съ трудомъ различаетъ крупъ идущей впереди лошади, темный силуэтъ всадника на слабо просвѣчивающемъ фонѣ тронутаго серебристыми бликами неба... Это снизу, со стороны незримаго намъ Большого Ермона всплываетъ луна, бросая тусклый желто-багряный отсвѣтъ на выдѣленный изъ хаоса тѣней контуръ горной вершины. Тропа расширяется. Каменистый отвѣсъ природной скалы отходитъ въ глубину, постепенно стушевываясь. Мы въѣзжаемъ на площадку, заросшую травой и кустарникомъ. Груды руинъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ на всемъ протяженіи горной террасы, свидѣтельствуютъ о значительныхъ сооруженіяхъ, бывшихъ нѣкогда на вершинахъ Ѳавора... Но кто разберется въ этихъ безмолвныхъ бѣлѣющихся камняхъ—печальныхъ остаткахъ давно минувшаго? Ни одинъ археологъ не возьметъ на себя смѣлости утверждать, что нашелъ несомнѣнные слѣды древнѣйшей крѣпости Маккавеевъ или подлинные фундаменты римскихъ твердынь временъ Адріана. На темени горы пытались укрѣпиться и Антіохъ Великій за 218 л. до Р. Х., и проконсулъ Габиній въ началѣ I-го столѣтія, и Іосифъ Флавій, разбитый военачальникомъ Веспасіана. Средневѣковье, въ лицѣ Танкреда, строило здѣсь храмы и монастыри Бенедиктинцевъ, а затѣмъ священная гора много разъ переходила изъ рукъ въ руки, то доставалась мусульманамъ, то снова завоевывалась крестоносцами. Въ 1263 году ѳаворскія церкви и монастыри были разрушены султаномъ Бибарсомъ, обращены въ развалины—и съ тѣхъ поръ печальныя груды мусора покрываютъ нѣкогда населенную вершину. Лишь въ послѣдней четверти текущаго столѣтія греки выхлопотали у султана фирманъ на постройку здѣсь монастыря въ память Преображенія Господня. Почти одновременно католическое духовенство возобновило и свой храмъ на фундаментахъ древней церкви крестоносцевъ. И оба стоятъ теперь на высотѣ одинокими стражами «зеленѣющаго холма Галилеи».

Арабъ—посланецъ изъ Назарета.



Глава XVI.

Ѳаворъ.

У вратъ „надоблачной“ обители. Въ гостяхъ у намѣстника. Обстановка „фандарика“.—Ночь на горѣ Преображенія.—Греческій и Католическій монастырь. Бабъ-эль-Хава „ворота вѣтровъ“—археологическія сокровища Ѳавора.

Неожиданный выстрѣлъ прервалъ мои воспоминанія. Всѣ невольно вздрогнули. Но не успѣлъ еще замереть сухой трескъ, оглушительно-гулко прокатившійся по ущелью, какъ гдѣ-то вправо съ незримой для насъ высоты раздался тихій, протяжный, какъ будто отвѣтный, ударъ монастырскаго колокола. Мелодичный тонъ его густой низкой октавы мощно дрогнулъ въ тишинѣ лунной ночи, и далекое эхо отпрянуло въ темную глубину отовсюду обступавшаго насъ лѣса. Еще нѣсколько шаговъ — послѣдній подъемъ, и каменистую тропу заслонила стѣна монастырской ограды. На сѣроватомъ фонѣ ея вырѣзались массивныя ворота, тяжелые выступы бойницъ съ узкими прорѣзами оконъ. Погонщикъ Константинъ, умудрившійся пробраться по сѣверному уклону горы, радостно привѣтствуетъ наше прибытіе. Бѣдный малый натерпѣлся муки со своимъ лошакомъ и муломъ и, хотя опередилъ насъ, идя кратчайшей дорогой, но зато два раза проваливался въ ямы и едва унесъ ноги, наткнувшись на цѣлый выводокъ дикихъ кабановъ, которыми изобилуютъ дебри Ѳавора. Это онъ же «для храбрости» пѣлъ слышанную намъ пѣсню, за что на него тотчасъ же обрушился Якубъ, увѣряя, что тотъ нарочно «приваживаетъ мошенниковъ». Шумно вступаемъ мы во внутренность монастырскаго двора, показавшагося намъ послѣ далекихъ скитаній необыкновенно уютнымъ. Нигдѣ на всемъ протяженіи Палестины не приходилось мнѣ испытывать подобнаго чувства. Едва успѣли со скрипомъ затвориться за нами тяжелыя полотнища воротъ, какъ чья-то рука радушно сжала мою, и черезъ минуту я очутился въ

объятіяхъ толстенькаго, низенькаго старика въ огромной камилавкѣ. Онъ оказался самимъ настоятелемъ монастыря—о. Паисіемъ. Черты его немолодого лица поразили меня своимъ мягкимъ добродушіемъ. Я никогда не сказалъ бы, что это грекъ—такъ Ѳаворскій настоятель напоминалъ добродушнаго русскаго «батюшку».

— *Со* пріѣздомъ, *со* пріѣздомъ. Я давно *ожидатъ* васъ! любезно сообщалъ мнѣ игуменъ «по-русски» и, дружески взявъ меня за одну руку, а коллегу-археолога за другую, почтенный настоятель, быстро сѣменя ногами, повелъ насъ въ свой «фандарикъ». Попавъ изъ голубой полутьмы въ ярко освѣщенную комнату, я не сразу пришелъ въ себя, такъ подѣйствовала на меня непривычная обстановка. Послѣ долгихъ скитаній въ лѣсной чащѣ, гдѣ мы кружились въ непросвѣтной темнотѣ, вздрагивая отъ каждаго шороха, бѣлая келія о. Паисія, обставленная мягкими диванами, ярко освѣщенный накрытый столъ, загроможденный присланными изъ Назарета яствами,—все это вызвало въ насъ, проголодавшихся, утомленныхъ труднымъ подъемомъ, необычайно радостное настроеніе. Мы усѣлись по первому же приглашенію, и я долго не забуду того по-истинѣ колоссальнаго ужина, который приготовилъ въ этотъ вечеръ почтенный ѳаворскій настоятель. Въ пріятной бесѣдѣ за стаканомъ отличнаго назаретскаго вина мы были удивлены неожиданной музыкой. Съ небольшой лежанки, покрытой ковромъ, вдругъ зазвенѣли мелодичнымъ напѣвомъ колокольчики, послышались звуки рожка и тамбурина. Это играла шарманка. Валы лихо вертѣлись, бойко насвистывали, чередуя мелодію Травіаты съ какимъ-то маршемъ, отхватывая безъ передыха самые неожиданные переходы. О. Паисій былъ несказано доволенъ произведеннымъ на насъ впечатлѣніемъ и послѣ ужина принялся показывать устройство своей любимой игрушки. Ее подарили ему, года два тому назадъ, какія-то дамы-поклонницы. Несмотря на усталость и долгое пребываніе въ сѣдлѣ, мы такъ оживились, что рѣшили, прежде чѣмъ лечь спать, побродить еще по двору и хотя мелькомъ взглянуть на живописную окрестность. Добродушный настоятель присоединился къ намъ и мы всѣ втроемъ вышли изъ ярко освѣщенной комнаты на воздухъ.

Часы показывали полночь. Луна въ серебристомъ сіяньи, поднявшись уже на значительную высоту, почти сравнялась съ горной вершиной. Вся площадка широкаго темени Ѳавора была залита ея голубыми матовыми лучами. Въ затѣненномъ квадратѣ монастырскихъ зданій красноватымъ пламенемъ мигали огоньки убогихъ келій. Лунный свѣтъ мягкимъ контуромъ очерчивалъ высокую террасу, выдвинутую съ сѣверо-западной стороны монастырской ограды. Ласкающая свѣжесть горнаго воздуха, прихотливые контрасты тѣней и свѣта, патріархальная тишина, слабо прерываемая лобзаньемъ набѣгавшаго вѣтра да шелестомъ дубравы, дѣйствовали на

Өаворъ.

меня наркотически. Мы поднялись на галлерею и невольно отступили назадъ передъ неожиданно развернувшейся далекой перспективой. Полный лунный дискъ недвижно застылъ на безоблачномъ небѣ. Ровный голубой свѣтъ лился отъ него, какъ прозрачная тонкая вуаль и, густѣя тонами, падалъ въ глубину темной необхватной чаши. Слабо очерченная—она покоилась у нашихъ ногъ, постепенно терялась въ голубой полутьмѣ, заволакивавшей рельефъ исторической равнины. Вправо по густой щетинѣ круто срѣзаннаго дубняка прихотливыми обрывками ползъ бѣловатый туманъ, цѣпляясь за одинокія вершины. Массивный постаментъ—подножіе Өавора, затѣненный и скрадываемый значительной высотой, какъ будто исчезалъ и въ нашемъ представленіи... Одинокая вершина казалась таинственнымъ утесомъ, нависшимъ надъ бездною моря. Мѣстами эта безбрежная синева искрилась тонкими серебристыми нитями и, по мѣрѣ движенія волшебной ночной лампады, одинъ за другимъ выплывали далекіе силуэты едва распознаваемаго Ермона, Гелвуя и горъ Галилейскихъ... Весь обвѣянъ торжественной красотой өаворской природы, я какъ очарованный послѣдовалъ за настоятелемъ, предложившимъ моему коллегѣ осмотрѣть ближайшія развалины. Черезъ низенькую калитку мы вышли за ограду монастыря къ старинной полуразрушенной цистернѣ и по нагроможденнымъ камнямъ подошли къ самому краю отвѣснаго обрыва. Желтый, наполовину распавшійся аркадъ сарацинскаго портика еще уцѣлѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ

безпорядочномъ хаосѣ мусора изслѣдователи видятъ фундаменты крѣпостныхъ стѣнъ римской цитадели. Плющъ и горная повелика, какъ будто ласкаясь, оплели разбитыя колонны. Треснутый архитравъ *Бабъ-эль-Хава*—«воротъ вѣтра», какъ называютъ одинокую арку туземцы, тоже угрожаетъ паденіемъ. Мы вернулись отсюда по каменнымъ ступенямъ хорошо сохранившейся лѣстницы къ монастырскимъ постройкамъ. Но я невольно останавливался нѣсколько разъ, оглядываясь на этотъ мирно-дремавшій въ голубомъ сумракѣ таинственный «уголокъ древнихъ»...

О. Паисій отвелъ намъ одну изъ комнатъ въ обширномъ помѣщеніи для богомольцевъ. Переночевавъ въ страннопріимницѣ, мы посвятили весь послѣдующій день нашего пребыванія на Ѳаворѣ осмотру его историческихъ и священныхъ реликвій. *Греческій монастырь* и его дружка—*францисканскій* занимаютъ сѣверо-западную окраину плато Джебель-эль-Тора, какъ извѣстенъ Ѳаворъ у арабовъ. Церковь сравнительно недавней постройки, по увѣренію грековъ, своими стѣнами покоится на древнихъ фундаментахъ базилики Елены. Одна изъ стѣнъ храма — восточная, несомнѣнно весьма древней кладки, имѣетъ три ниши, устроенныхъ въ воспоминаніе яко-бы происходившаго здѣсь Преображенія, гдѣ апостолъ Петръ предлагалъ Христу устроить три сѣни. Но вниманіе мое особенно привлекъ квадратъ прекраснаго мозаичнаго пола, остатокъ византійскаго зодчества. На мѣстѣ явленія Христа воздвигнутъ алтарь, украшенный изображеніями Спасителя, пророка Иліи и Моисея, но въ общемъ обстановка его крайне бѣдна по сравненію съ остальнымъ храмомъ. Нестройные голоса убогаго хора (во всей обители не наберется и 10-ти человѣкъ братіи) и гнусавость гречеческаго напѣва произвели на меня непріятное впечатлѣніе. Слишкомъ рѣзокъ былъ контрастъ съ гармоничной красотой и величіемъ ѳаворской природы. Даже добродушный о. Паисій, вѣроятно, замѣтилъ это и, по окончаніи службы (онъ служилъ намъ молебенъ), предложилъ посѣтить францисканскій монастырь, почти примыкающій къ оградѣ. Утро было восхитительное. Меня поразила необычайная прозрачность воздуха, дававшая возможность различать съ высоты простымъ глазомъ всю ширь ярко залитаго лучами горизонта.

Католическій аббатъ въ коричневой туникѣ съ капюшономъ, босой и подпоясанный традиціонной веревкой, съ которой свѣшивались концы длинныхъ четокъ, встрѣтилъ насъ на порогѣ своихъ владѣній съ привѣтливой улыбкой. О. Паисій дружески поздоровался съ одинокимъ собратомъ, съ которымъ онъ, видимо, живетъ по-пріятельски. Мы прошли прекрасно воз-

дѣланнымъ садомъ въ прохладное помѣщеніе аббата. Францисканецъ предложилъ намъ кофе и, когда мы заговорили съ нимъ по-французски, восторгу старика не было границъ. Словоохотливый отшельникъ повелъ насъ осматривать свое хозяйство. Видимо страстный любитель цвѣтовъ, онъ разводитъ ихъ здѣсь цѣлую коллекцію, культивируя также виноградъ, шелковицу, табакъ и маслины. Пробывъ у него около часа, мы отправились къ сѣверо-восточному склону Ѳаворскаго плато, гдѣ сохранились обширныя развалины. Онѣ примыкаютъ къ видѣннымъ нами наканунѣ. Восхитительный видъ открывается съ высоты на разстилающуюся внизу долину Ездрелона. Благодаря широтѣ горизонта, вы получаете наглядное представленіе о топографіи Галилеи такъ, какъ она обыкновенно изображается на картахъ. Въ глубинѣ далекаго сѣвера сквозятъ слабыя очертанія расположенныхъ одна за другою горныхъ пирамидъ,—покрытый вѣчными льдами Ливанъ, бѣлоснѣжная шапка Большого Ермона, остроконечная вершина Сафеда. Вправо, курясь лиловымъ туманомъ, уходятъ грядою на дальній востокъ Аджалунскія горы. Вдоль нихъ, извиваясь въ пустынныхъ берегахъ, быстро бѣжитъ Іорданъ, теряясь въ знойной пустынѣ Бахръ-Лута. Каменистая гряда Іудеи тянется сѣрымъ изломомъ надъ изумрудной долиной Самаріи. Влѣво на западъ, за холмистою далью Галилейскихъ предгорій, старецъ Кармилъ оттѣняетъ серебристоблестящую нить едва распознаваемаго Средиземнаго моря.

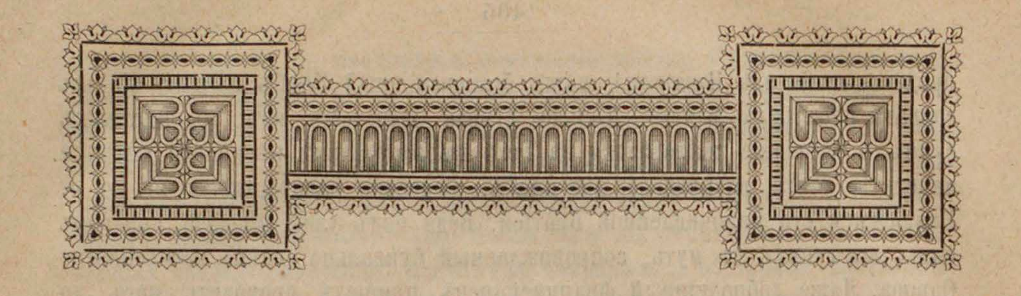
Пробродивъ по осыпи безчисленныхъ камней, я спустился на дно опустѣлой цистерны. Правильность расположенія этихъ камней заставляетъ предположить, что безформенный валъ щебня и отдѣльныхъ плитъ, дѣйствительно,—остатокъ бывшихъ здѣсь встарину крѣпостныхъ сооруженій. Но изслѣдованіе археологическихъ сокровищъ Ѳавора годъ отъ году становится все затруднительнѣе. Весенніе и зимніе дожди ежегодно размываютъ историческія руины; цистерны заплываютъ иломъ, а изъ древнихъ аркадъ, достигавшихъ числомъ до трехъ, теперь уцѣлѣла всего одна вышеупомянутая сарацинская арка *).

Былъ второй часъ пополудни, когда о. Паисій пригласилъ насъ за свою монастырскую трапезу. Мы отобѣдали по походному, такъ какъ торопились уже въ обратный путь, предполагая засвѣтло добраться до Дженины. Однако, игуменъ не преминулъ угостить насъ «русскимъ чайкомъ» изъ «настоящаго» самовара, подареннаго ему русскимъ паломникомъ. Несмотря на скудость провизіи въ греческомъ ѳаворскомъ монастырѣ (получающемъ

*) Путешественники 40-хъ годовъ, помимо болѣе яркаго рельефа крѣпостныхъ сооруженій, застали еще на Ѳаворѣ рядъ интересныхъ пещеръ, видимо восходящихъ къ глубокой древности. Такъ, въ одной изъ нихъ, по преданію, жилъ библейскій Мельхиседекъ, встрѣчавшій праотца Авраама послѣ его побѣды надъ пятью царями. (См. „Книгу бытія моего“ Порфирія Успенскаго).

продовольствіе изъ Назарета), нашъ безцеремонный Якубъ пытался и здѣсь сорвать посильную взятку. Только угроза вычетомъ изъ провіантскихъ суммъ и обѣщаніе жаловаться на него въ Іерусалимѣ нѣсколько умѣрили аппетиты этого развязнаго драгомана. Сердечно распростились мы съ о. Паисіемъ и его малочисленной братіей. Ведя подъ узцы лошадей, караванъ нашъ выступилъ въ путь, сопровождаемый буквально «всѣмъ населеніемъ» Ѳавора. Даже добродушный францисканецъ пришелъ проводить насъ до воротъ, слѣдуя старинному обычаю греческихъ иноковъ. Переступивъ массивный аркадъ, мы обнялись въ послѣдній разъ и сѣли на лошадей, напутствуемые добрыми пожеланіями остановившейся у порога братіи. Постоянно оглядываясь, проѣхали мы первый горный уступъ и только тогда медленно затворились за нами монастырскія двери. Еще два три каменныхъ спуска и Ѳаворская обитель изчезла изъ нашихъ глазъ, посылая прощальный привѣтъ протяжнымъ ударомъ церковнаго колокола.

Дурра—хлѣбный злакъ Палестины.



Глава XVII.

По «великой равнинѣ».

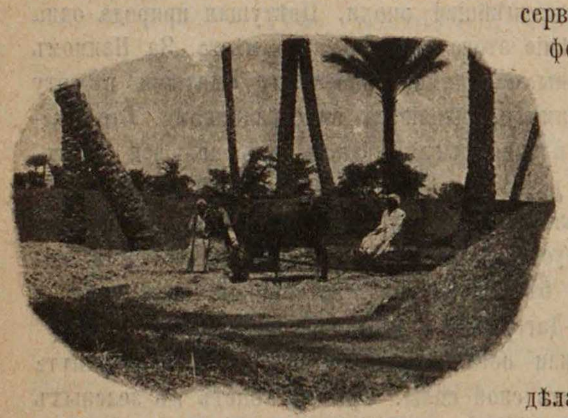
Библейскій Эндоръ и Евангельскій Наинъ.—Житница Палестины.—Полдень въ деревушкѣ Сулемъ.—Туземная молотьба и туземная торговля.—Ночлегъ въ Дженинѣ. —Путь на Себастію. — Холмъ Шомерона. — Неби-Ягія — могила Предтечи. —Арабская школа и средневѣковая педагогика.

Опять потянулся пестрый коридоръ подъ навѣсомъ колючаго дуба. Зеленыя кроны кустарниковъ живописно оттѣняютъ горную тропу, по которой идетъ нашъ караванъ, бодрый и веселый. Въ жаркомъ воздухѣ стонъ стоитъ отъ безчисленныхъ трелей кузнечиковъ. Надъ пахучими травами вьются пестрыя бабочки. Мой коллега, пытаясь ботанизировать, слѣзаетъ съ сѣдла, ведя въ поводу лошадь. Благодаря тому, что дорога вьется въ тѣни, подъ навѣсомъ густыхъ вѣтвей, мы не чувствуемъ томительной жары, такъ изводившей насъ въ долинахъ. Спускъ въ равнину Ездрелона сравнительно съ подъемомъ не труденъ. Черезъ часъ съ небольшимъ мы уже достигли Ѳаворскихъ предгорій, откуда караванъ нашъ свернулъ на деревушку Дендуръ или *Эндоръ*—родину знаменитой библейской прорицательницы, вызвавшей Саулу тѣнь пророка Самуила. Группы всадниковъ-бедуиновъ въ полосатыхъ плащахъ съ длинными копьями и развѣвающимися складками кефій воинственно встрѣтили насъ при въѣздѣ въ деревню. Этотъ незначительный поселокъ ютится по каменистымъ обрывомъ скалы, какъ будто источенной черными впадинами гротовъ. По увѣренія Якуба, обильный ключъ, питающій мѣстное населеніе, вытекаетъ изъ таинственныхъ нѣдръ обширной пещеры, гдѣ прежде скрывалась волшебница. Рой черныхъ красавицъ Эндора долго провожалъ насъ любопытствующимъ взглядомъ, а цѣлая стая полураздѣтой дѣтворы тотчасъ же бросилась вслѣдъ, цѣпляясь за стремена и настойчиво требуя «бакшишей» за пропускъ. Кол-

лега далъ имъ горсть паричекъ и надо было видѣть тутъ свалку, которую подняли арабскіе мальчуганы... Мы давно уже миновали деревню, а въ воздухѣ все еще стоялъ гомонъ дѣтскихъ голосовъ, задорный смѣхъ, перемѣшанный съ пискливыми нотами плача. Переходъ по равнинѣ кажется необыкновенно легкимъ послѣ трудныхъ горныхъ переваловъ сѣверной Галилеи. Лошади идутъ бодрымъ крупнымъ алюромъ, и мы почти незамѣтно достигаемъ другой арабской деревушки, связанный съ трогательнымъ эпизодомъ евангельскаго повѣтствованія. Здѣсь Христосъ воскресилъ единственнаго сына вдовицы. Современный *Наинъ* затерялся въ зеленой цвѣтущей степи... Десятокъ его бѣлыхъ мазанокъ лѣпится по отрогамъ Малаго Ермона. Осматривать здѣсь положительно нечего; кромѣ нѣсколькихъ старыхъ смоковницъ, да груды невѣдомыхъ камней—не осталось никакихъ слѣдовъ даже отъ позднѣйшей эпохи. Цвѣтущая природа одна скрашиваетъ печальное запустѣніе этого евангельскаго мѣста. За Наиномъ дорога идетъ сплошными хлѣбными полями, наполовину сжатыми въ эту пору года. Тучныя нивы мѣстами прерываются виноградниками. Сторожевыя башенки сѣрой каменной кладки выглядываютъ изъ колючей кактусовой ограды. Стада черныхъ козъ съ дѣтьми-пастухами лѣпятся по обрывамъ зеленыхъ холмовъ, разбросанныхъ прихотливой гирляндой по равнинѣ Израеля. Золотистый конусъ Малаго Ермона плыветъ къ намъ навстрѣчу, привѣтствуя своей бѣлой «уэли», затерянной на одинокой вершинѣ. У подошвы Джебель-Дагера пріютился поселокъ Сунамъ или Сулемъ, въ которомъ мы и рѣшили остановиться, чтобы дать передохнуть лошадямъ и самимъ подкрѣпить свои силы. *Сунамъ* тонетъ въ зеленыхъ садахъ, оплетенныхъ гигантской кактусовой оградой. Здѣсь у подошвы Джебелъ-Даги стоялъ нѣкогда станъ филистимлянъ передъ битвой съ Сауломъ. Здѣсь же жили пророкъ Елисей и знаменитая красиваца Ависага, взятая на склонѣ дней престарѣлымъ Давидомъ, мечтавшимъ воскресить свои угасшія силы *). Современный «городокъ колѣна Иссахарова» чрезвычайно живописенъ. Шумно бѣгущій ручей звонко струится по камнямъ, теряясь въ густой сочной травѣ. Пробившись подъ сводомъ колючихъ кактусовъ, онъ образуетъ широкій водоемъ на окраинѣ заросшаго сада. Столѣтнее фиговое дерево раскинуло надъ зеленой лужайкой прихотливый шатеръ своихъ длинныхъ сплетающихся вѣтвей и какъ будто манитъ усталаго путника. Въ сосѣднемъ саду, отдѣленномъ такой же колючей оградой, слышится гортанный говоръ. Съ высокихъ сѣделъ намъ видна пара воловъ въ оригинальной запряжкѣ. Мѣстный фелахъ *молотитъ* созрѣвшую *дурру*

*) Первая Кн. Царствъ XXVIII; Третья Кн. Цар. I, 23; Четвертая Кн. Цар. IV, 8, 37.

на первобытномъ току и не менѣе первобытнымъ способомъ. Несмотря на увѣреніе Якуба, что Сулемъ — воровское гнѣздо, гдѣ насъ непремѣнно ограбятъ, меня крайне заинтересовала какъ обстановка, такъ и самыя орудія молотьбы, не встрѣчавшіяся намъ ранѣе. Рѣшено было сдѣлать привалъ, воспользовавшись чужимъ садомъ. Мы весело спѣшиваемся. Константинъ располагается на самой дорогѣ и, стреноживъ лошадей, предоставляетъ имъ пастись на свободѣ. Неприхотливый мулъ и его дружка лошакъ тотчасъ же принимаются объѣдать колючія лопасти кактуса, лакомясь его полусозрѣвшими шишками-плодами. Не безъ риска и усилій перелѣзаемъ мы черезъ цѣпкую зеленую ограду. Подъ тѣнью старой маслины, Якубъ, развязавъ наши саквы, готовитъ закуску. Мы ложимся на траву, подостлавъ большой пледъ, на которомъ одна за другой появляются жестянки съ консервами. Пока коллега хлопочетъ съ фотографическимъ аппаратомъ—я разсматриваю удивительное построеніе мѣстной молотилки. Неуклюже сбитые деревянные полозья, къ которымъ прикрѣплена высокая скамья съ причудливо загнутой спинкой, по конструкціи своей отчасти напоминаютъ деревенскія дровни. Къ нимъ придѣлано дышло съ ярмомъ для двухъ воловъ обычнаго типа нашихъ малороссійскихъ повозокъ. Пара черныхъ буйволовъ лѣниво влачатъ эти сани-скамью по настланнымъ снопамъ дурры, тяжестью повозки выбивая зерно изъ колоса. Старикъ-фелахъ, сидя на скамьѣ, подгоняетъ животныхъ, а молодой парень арабъ метлой сгребаетъ зерна здѣсь же на току въ кучу. Прибытіе чужеземцевъ прерываетъ работу. Любопытство заставляетъ старика присоединиться къ толпѣ односельчанъ, уже обступившихъ плотнымъ кольцомъ нашъ бивуакъ. Почтенный археологъ въ запыленной каскѣ съ длиной вуалью, обмотанной вокругъ шеи, невозмутимо поглощающій маринадъ и сардины, служитъ предметомъ особеннаго интереса. Стая черномазой дѣтворы быстро разноситъ по деревнѣ вѣсть о прибытіи «инглизовъ», собирая жадное до подачекъ населеніе. По милости «всезнающаго» Якуба, пребываніе въ «стапѣ» современнаго Сунама не обошлось безъ инцидента, смутившаго насъ не на шутку. Окруженный толпою туземцевъ всѣхъ возрастовъ, я невольно залюбовался одной изъ черноокихъ сунамитянокъ. Это была стройная молодая дѣвушка «въ порѣ



Молотьба волами.

шестнадцатой весны», привлекшая мое вниманіе удивительно тонкимъ профилемъ и благородными чертами матоваго лица, что составляетъ большую рѣдкость въ средѣ арабокъ. Она скоро замѣтила мое особое къ ней расположеніе и, выступивъ изъ толпы, вдругъ заговорила тихо по арабски. Мистеръ Якубъ тотчасъ же ей отозвался и, ухмыляясь, черезъ минуту перевелъ мнѣ слѣдующее: «она проситъ господина, чтобы онъ купилъ ее». Я, недоумѣвая, развожу руками, подумавъ, что вѣроятно ослышался.

— Soyez sûr, monsieur, on y vend des filles, завѣряетъ Якубъ, замѣтивъ, что я гляжу на него, какъ на помѣшаннаго. А дѣвушка лепечатъ уже смѣлѣе:

— *Хаки ни, сиди* (говори со мной, господинъ). Коллега предлагаетъ ей сѣсть съ нами и полакомиться закусками, что смуглянка охотно приводитъ въ исполненіе, нисколько не смущаясь завистливыхъ пересудъ своихъ подругъ. Одновременно отъ толпы отдѣляется пожилой мужчина и, приблизившись къ намъ съ низкимъ поклономъ, начинаетъ учащенно что-то картавить, отчаянно размахивая руками. Не знаю, что собственно онъ излагалъ мнѣ, но лукавый Якубъ — драгоманъ переводилъ безъ запинки:

— Если господину нравится дѣвушка, то шейхи деревни могутъ ее продать господину.—Коротко и ясно.

— Но мнѣ совсѣмъ не нужна дѣвушка, — протестую я не безъ смущенія.

— Это неловко пересказывать, — заявляетъ нашъ чичероне и, быстро обернувшись къ арабу, спрашиваетъ у него «рѣшительную цѣну». Шейхи сгруппировываются... Происходитъ оживленный обмѣнъ гортанныхъ звуковъ при неподражаемой мимикѣ.

— Двѣ тысячи франковъ,—съ комическимъ ужасомъ объявляетъ Якубъ, захлебываясь отъ смѣха. А дѣвушка, предметъ неожиданной торговли, преспокойно доканчиваетъ коробку сардинокъ.

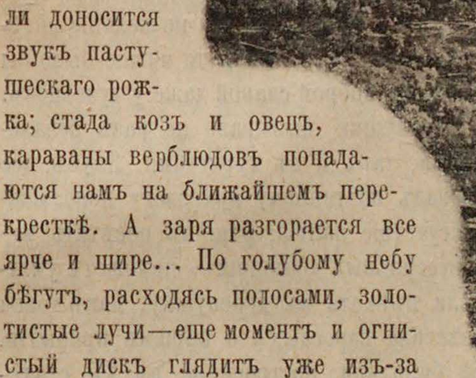
— И ты согласна?—спрашиваю я съ любопытствомъ черноокую смуглянку.

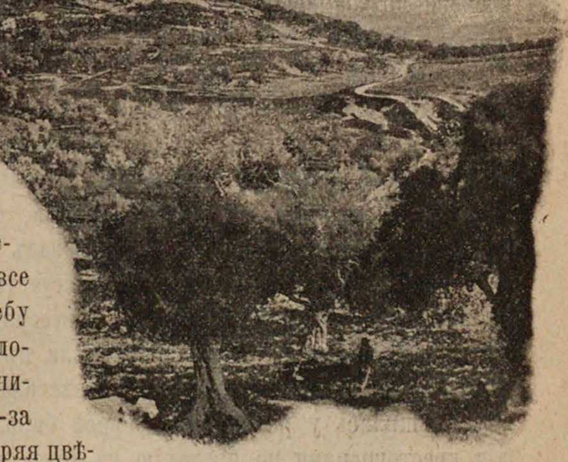
— *На,ам,а, сиди* (да, господинъ)—бойко откликается нашъ переводчикъ; археологъ молча пожимаетъ плечами. Однако, я предпочелъ ограничиться покупкою плетенаго подноса мѣстнаго производства и, подаривъ дѣвушкѣ на прощаніе меджидіе, велѣлъ собираться въ дорогу. Дѣтвора тотчасъ же потребовала бакшиша за свое присутствіе... Пришлось доставать пригоршню мѣдныхъ «паричекъ», за что дѣти проводили насъ «*массин̓ биб'хаир'а*», т. е. пожеланіемъ добраго вечера. Мы двинулись въ путь по деревнѣ, сопровождаемые толпой молодежи, тогда какъ старики остались доѣдать остатки отданныхъ имъ закусокъ. Моя красавица, польщенная по-

даркомъ, совершенно освоилась со мной и, идя подлѣ лошади, все время держалась рукой за край моей одежды. На выѣздѣ деревушки она спрятала меджидіе на грудь и, снявъ съ своей руки мѣдный браслетъ, подала его мнѣ, предварительно прижавъ къ сердцу. Я благодарилъ ее, улыбаясь. Затѣмъ, она сняла перстень съ правой руки и, коснувшись его губами, надѣла на мой палецъ. Плутоватый Якубъ принялся увѣрять насъ, что ведись торгъ серьезно, старики уступили бы намъ дѣвушку за 700—800 франковъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось слышать подтвержденіе о подобной «куплѣ-наймѣ» прислуги на извѣстный «срокъ», будто бы практикуемый европейцами на Востокѣ. Почти въ сумеркахъ достигли мы Дженины, гдѣ насъ попрежнему пригласилъ на ночлегъ почтенный Саидъ-Авдилъ-Хади. Хозяинъ встрѣтилъ меня радушно, распорядился отвести тѣ же комнаты наверху въ отдѣльной постройкѣ. Послѣ ужина мы простились съ арабскимъ помѣщикомъ уже навсегда, такъ какъ караванъ нашъ долженъ былъ выступить раннимъ утромъ въ Себастію.

Ночь прошла такъ быстро, что я не успѣлъ отдохнуть. Отекшія отъ постоянной ѣзды ноги ныли нестерпимо. Свѣтать еще не начинало, а Якубъ разбудилъ уже насъ, торопя отъѣздомъ. Дрожа и кутаясь отъ холоднаго вѣтра въ полусонной дремотѣ, мы вышли на крыльцо, гдѣ насъ ждали осѣдланныя лошади. Мой пріятель не въ духѣ и бранится немилосердно. Въ папкѣ съ гербаріумомъ произошли неожиданныя матаморфозы. Онъ вдругъ похудѣлъ, совершивъ переходъ отъ Эндора къ Дженину; нѣкоторые листья исчезли и вся вина падаетъ на бѣднаго Константина, который давно уже жалуется, что Якубъ нагружаетъ его не подъ силу. Мы трогаемся въ путь въ густомъ ночномъ сумракѣ. Блѣдныя звѣзды глядятъ съ высоты; бѣловатый туманъ мѣстами стелется по безмолвнымъ садамъ Энъ-Ганима. Поразительно тихо... Лошади, фыркая, звонко отбиваютъ подковами; продрогшій Константинъ, кряхтя и подпрыгивая, бѣжитъ за неразлучными вьюками, отдавъ лошадь вновь прикомандированному намъ въ Дженинѣ турецкому заптію. Я спрашиваю по-русски Якуба—каковъ-то новый жандармъ и получаю отвѣтъ, что всѣ они мошенники. Караванъ нашъ то спускается въ низину, то снова взбирается на горныя террасы. Прозрачная мгла постепенно рѣдѣетъ. Вначалѣ намъ кажется, что бѣлый налетъ испареній, курясь надъ землей, подымается все выше и выше. Но сумракъ таетъ; все яснѣе становится даль, звѣзды меркнутъ одна за другой. Темные силуэты деревьевъ начинаютъ сквозить вокругъ насъ все большимъ и большимъ рельефомъ. Съ востока, какъ будто струясь вмѣстѣ съ влажнымъ потокомъ

утренняго воздуха, проступаютъ мягкіе тоны разсвѣта... Окрестный ландшафтъ выдѣляется на фонѣ блѣднаго неба. И вдругъ, поднявшись на одинъ изъ уступовъ горъ Самаріи, намъ открывается широкая перспектива *Шомерона*, уже тронутая розовымъ флеромъ утренняго багрянца... Откуда-то издали доносится звукъ пастушескаго рожка; стада козъ и овецъ, караваны верблюдовъ попадаются намъ на ближайшемъ перекресткѣ. А заря разгорается все ярче и шире... По голубому небу бѣгутъ, расходясь полосами, золотистые лучи—еще моментъ и огнистый дискъ глядитъ уже изъ-за гребня Галилейскихъ холмовъ, озаряя цвѣтущія долины Самаріи. Долины эти—сплошная роща оливокъ и маслинъ, днемъ переполненная рабочимъ людомъ. Женщины и подростки съ первымъ проблескомъ солнца высыпаютъ изъ мазанокъ на воздухъ. Въ зеленныхъ квадратахъ садовъ, обнесенныхъ грубо-сложенной изъ камней оградой, съ утра уже слышится шумный гомонъ, звучитъ пѣсня и беззаботный дѣтскій смѣхъ, придавая какой-то особенный семейный колоритъ мѣстной «страдѣ деревенской». Проснувшіеся купеческіе караваны—вереницы верблюдовъ, группы осликовъ, везущихъ молоко и овощи на ближайшій базаръ, лѣниво тянутся по многочисленнымъ дорогамъ этой богатой житницы Палестины. Подъ черными массивными стволами тысячелѣтнихъ маслинъ—цѣлыя становища отдыхающихъ пилигримовъ, бредущихъ изъ далекаго Дамаска къ благословенной Меккѣ. Каменные желоба акведуковъ прорѣзываютъ долину Шомерона во всѣхъ направленіяхъ, поддерживая искусственно влагу. Одинокіе «уэли» мелькаютъ въ зелени на вершинахъ холмовъ, среди которыхъ, извиваясь, прихотливо бѣжитъ караванная дорога.



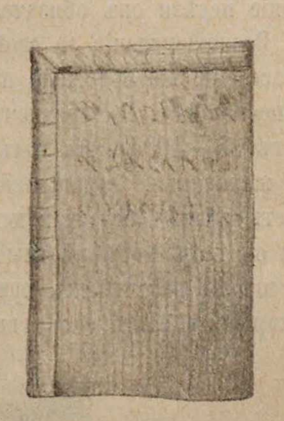


Самарія—Себастія—Шомеронъ.

Близился полдень, когда мы достигли исторической *Себастіи-Самаріи* древности. Еще издали показалась ея высокая колоннада, опоясывающая бѣлой гирляндой зеленый холмъ Шомерона. Громадные монолиты, обломки

капителей и массивныя плиты камней, въ которыхъ тонетъ теперь жалкая арабская деревушка, извѣстная у турокъ подъ именемъ Себастіегъ—вотъ все, что осталось отъ великолѣпной, богатой столицы израильскихъ царей, основанной здѣсь Амвріемъ за 925 л. до Р. Х. Разрушенная Іоанномъ Гирканомъ и снова возобновленная Иродомъ подъ именемъ «Августы» (въ честь римскаго императора), Себастія этой эпохи являлась однимъ изъ богатѣйшихъ пограничныхъ фортовъ, дававшихъ возможность смирять непокорныя племена полузамиренныхъ кочевниковъ. Здѣсь же позднѣе, на вершинѣ Шомерона, царица Елена воздвигла храмъ, процвѣтавшій при крестоносцахъ и обращенный нынѣ въ грязную турецкую мечеть. Если бы не желаніе посѣтить историческій *Махеръ—темницу Іоанна Крестителя*, то можно было бы миновать этотъ уголокъ, не пользующійся доброй славой даже у туземцевъ. Фанатическое населеніе современной деревушки вызывало не разъ печальныя столкновенія какъ съ паломниками, такъ и съ туристами. Якубъ, все время вздыхавшій, подробно разсказывалъ почтенному археологу невозможные ужасы. Но я, полагаясь на присутствіе заптія, рѣшилъ посѣтить мусульманскую святыню, надѣясь, что всесильный «бакшишъ» поможетъ умягчить жестокіе нравы. Едва мы успѣли въѣхать въ деревушку, какъ толпа ребятишекъ громкимъ крикомъ оповѣстила взрослыхъ о нашемъ прибытіи. Мы спѣшились у развалинъ древней базилики, построенной въ XII столѣтіи крестоносцами по преданію на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась темница грознаго обличителя Ирода. Турки не менѣе христіанъ чтутъ его память, ревниво оберегая могилу Предтечи, надъ которой высится теперь небольшая мечеть *Нэби-Ягія*, посвященная имени пророка Іоанна. Сѣдовласый мулла въ заплатанномъ зеленомъ халатѣ и грязной чалмѣ долго вертѣлъ полуфранковикъ на своей жирной ладони, съ какой-то тоскливой жалостью поглядывая на нашу кавалькаду. А правовѣрный жандармъ все время напѣвалъ ему сладкія рѣчи. Мнѣ надоѣло сидѣть на лошади подъ палящими лучами и я рѣшился слѣзть съ сѣдла, что положило конецъ «переторжкѣ». Старикъ впустилъ насъ во внутренность небольшаго двора, образуемаго оградой мечети. Длинная каменная галлерея примыкаетъ къ бывшей темницѣ—бѣлой квадратной постройкѣ подъ глухимъ куполомъ. Въ лѣвомъ концѣ ея находится низенькая дверь, ведущая въ старинное подземелье. Сѣдой стражъ, хранитель этого погребальнаго склепа, остановилъ насъ, суровымъ жестомъ указывая на обутыя ноги. Пришлось снимать сапоги, чтобы проникнуть въ святилище. Въ грязныхъ стоптанныхъ туфляхъ—«бабушахъ» побрели мы съ коллегой за провожатымъ, нестерпимо дымившимъ толстымъ сальнымъ огаркомъ. Двадцать ступеней узкаго корридора сводятъ въ нижній каменный погребъ. Двѣ дальнія пещеры вырублены въ самой толщѣ скалы безъ малѣйшаго признака оконъ и, видимо, лишены

притока воздуха. Подъ тяжелымъ сводомъ трудно дышать: тусклый факелъ нашъ больше дымитъ, чѣмъ освѣщаетъ обстановку. Главная «погребальница» слабо освѣщается небольшимъ отверстіемъ, пробитымъ въ стѣнѣ и, насколько можно судить, древніе камни евангельскаго Махера сохранили слѣды позднѣйшей реставраціи. Бывшая усыпальница Іоанна и могильные склепы израильскихъ пророковъ—Авдія и Елисея, видимо, давно уже опустошены. Махеръ не сохранилъ даже обычныхъ каменныхъ нишъ, служившихъ для погребенія древнимъ. Грубая плита, выдаваемая поклонникамъ за крышку сокрытаго подъ поломъ саркофага съ останками Предтечи—болѣе чѣмъ наивная мистификація. Это «мертвый» памятникъ въ археологическомъ смыслѣ *). Озябшіе въ пронизывающей сырости подземелья, мы вернулись въ галлерею, гдѣ рѣшено было переждать жгучій полдень. Пока мы закусывали на скорую руку—здѣсь же подлѣ насъ велось преподаваніе. Оказалось, что священный дворъ и портикъ служатъ убѣжищемъ мѣстной школы **). Преподаваніе было въ полномъ разгарѣ. Наставникъ, пожилой турокъ съ мѣдными очками па носу, въ бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ, скрестивъ ноги, сидѣлъ предъ крохотнымъ деревяннымъ пюпитромъ, на которомъ покоилась внушительная линейка. Дѣти расположились тремя рядами вдоль стѣнъ, часть съ досками, часть съ книгами соотвѣтственно возрасту. Мы съ коллегой наблюдали «школу» съ большимъ интересомъ. По звонку учителя дѣти встали, пропѣли хоромъ стихъ изъ Корана и, вѣжливо раскланявшись съ нами, опять усѣлись на корточки. Ученіе началось. Большинство мальчугановъ одѣто въ синія длинныя рубахи и только на нѣкоторыхъ виднѣются сверху распашные халаты. Традиціонныя фески снимаются съ головы въ присутствіи учителя и кладутся передъ каждымъ на полъ. Въ то время, какъ младшіе учатъ вслухъ склады, раскачиваясь съ полузакрытыми глазами, старшіе пишутъ на жестяныхъ доскахъ палочками, обмакнутыми въ чернила. Въ школѣ господствуетъ полнѣйшая дисциплина; повиновеніе же достигается самыми первобытными способами. Преподаватель учитъ «съ языка», младшіе хоромъ повторяютъ за нимъ каждое



Школьная доска и палочка для письма.

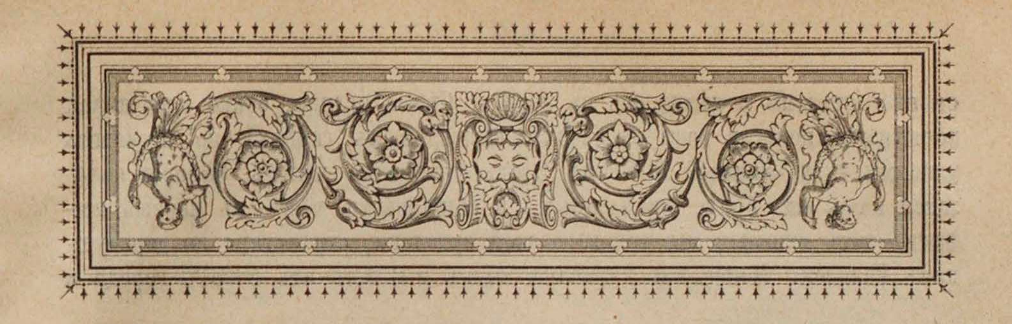
*) Какъ извѣстно, историческая усыпальница была опустошена Юліаномъ Отступникомъ, вскрывшимъ гробницу, гдѣ покоился прахъ обезглавленнаго страдальца.

**) Входя въ округъ Наблуса, это педагогическое учрежденіе является періодическимъ, такъ какъ открывается разъ въ недѣлю пріѣзжающимъ сюда преподавателемъ.

слово, стараясь при этомъ не отставать другъ отъ друга. Пока часть дѣтишекъ въ сосредоточенномъ молчанiи старательно выводитъ выкрутасы арабскаго алфавита, «второй» классъ громко твердитъ склады, «третiй» встаетъ и выстраивается передъ учителемъ со своими исписанными досками. Турокъ-учитель вмѣстѣ съ правописанiемъ исправляетъ и каллиграфiю, невозмутимо награждая лѣнтяевъ ударомъ длинной линейки по пяткамъ. При этомъ дѣти не смѣютъ плакать. Проявленiе физической боли считается у мусульманъ позорнымъ малодушiемъ и надо видѣть, съ какимъ стоицизмомъ провинившiйся ребенокъ подставляетъ то одну, то другую пятку, упорной гримасой сдерживая слезы. Путешествуя изъ деревни въ деревню, странствующiй учитель остается въ каждой не болѣе сутокъ, такъ какъ въ теченiе недѣли онъ обязательно долженъ посѣтить всю ввѣренную ему округу. Вознагражденiе за свой трудъ наставникъ получаетъ отъ мѣстнаго кади; населенiе же обложено школьнымъ сборомъ, сообразно имущественной налогоспособности. Въ среднемъ, цифра вознагражденiя учителямъ колеблется отъ 35—40 фр. въ годъ,—сумма весьма незначительная, если не считать жалованья, выплачиваемаго ему турецкимъ правительствомъ *). Должность этихъ «странствующихъ» учителей учреждена не болѣе 5—6 лѣтъ, и съ тѣхъ поръ мѣстныя власти запретили дѣтямъ магометанъ посѣщать школы различныхъ христiанскихъ миссiй. Переждавъ жгучiй полдень—караванъ нашъ снова выступилъ въ дорогу.

Арабская чернильница и свитокъ тетради.

*) Интересно, что горожане Наблуса платятъ ему же „отъ овцы“ по 70 сант. въ каждой. Этотъ своеобразный подарокъ за обученiе, изстари освященный обычаемъ, уплачивается во время убоя овецъ и, если не ошибаюсь, существуетъ только въ округѣ Самарiи.



Глава XVIII.

Отъ Себастіи до Іерусалима.

Ночлегъ въ Наблусѣ.—Панорама Гевала и развалины Гаризима.—Прошлое „горы Благословенія".—По дорогѣ къ Веѳилю.—Библейскія воспоминанія.

Путь отъ Себастіи къ Наблусу идетъ среди горныхъ тѣснинъ. Мы минуемъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ развалинъ, осѣненныхъ тѣнистыми рощами маслинъ, какъ будто оберегающихъ эти безмолвныя руины. Мистеръ Якубъ съ апломбомъ, неподдающимся описанію, указываетъ намъ прекрасно сохранившуюся колоннаду знаменитаго капища Ваала, воздвигнутаго нѣкогда Ахавомъ и Іезавелью. Пятнадцать массивныхъ монолитовъ на половину вросли уже въ землю; фундаменты ихъ давно засыпаны тысячелѣтнимъ прахомъ, какъ и большинство историческихъ камней, разбросанныхъ на всемъ протяженіи Самаріи. Въ исходѣ пятаго часа караванъ нашъ вышелъ къ обрывистому спуску въ виду Наблуса. Дорога пошла по живописнымъ уступамъ Гевала, открывая чудную панораму разстилавшагося у нашихъ ногъ города. Знакомая бѣлая мечеть въ цвѣтущемъ предмѣстьи напоминала о близости греческаго монастыря, гдѣ рѣшено было остановиться и на этотъ разъ къ нескрываемой радости Якуба. Опять отворились тяжелыя ворота обители; снова обступила насъ радушная братія. Переночевавъ въ томъ же помѣщеніи гдѣ три недѣли тому назадъ я лежалъ безнадежно больной, мы утромъ навѣстили старыхъ друзей, давно поджидавшихъ нашего возвращенія. Милѣйшій докторъ Серкизъ пожелалъ присоединиться къ экскурсіи на Гевалъ и Гаризимъ для осмотра погребальныхъ пещеръ и древнихъ развалинъ храма Санаваллаты. Такъ какъ отсюда намъ предстоялъ уже послѣдній переходъ къ Іерусалиму, то рѣшено было отправить Якуба съ жандармомъ и Константиномъ впередъ, поручивъ имъ ожидать насъ въ полверстѣ отъ Корбъ-Юзефа гробницы Іосифа за Гаризимомъ, на Іерусалимской дорогѣ. Во второмъ часу по полудни докторъ Серкизъ явился за нами, нанявъ трехъ ослятъ для поѣздки въ горы. Мы распростились

съ настоятелемъ и двинулись въ дорогу. Сѣрые ослики, бойко постукивая копытцами, понесли насъ на своихъ выносливыхъ спинахъ по шумнымъ улицамъ мусульманской Наблусы. Этотъ столичный центръ Самаріи показался намъ еще болѣе оживленнымъ и обширнымъ, чѣмъ въ первый пріѣздъ—такъ отвыкли мы отъ городской сутолоки, странствуя по деревушкамъ Галилеи. Маленькій караванъ нашъ выѣхалъ изъ воротъ города и

Наблусъ и гора Гаризимъ.

очутился въ цвѣтущихъ садахъ сплошнымъ ковромъ драпирующихъ мрачные устои гордыхъ твердынь Гевала и Гаризима. Свернувъ въ одну изъ узкихъ «межъ», мы направились къ подножью горы, любуясь богатой растительностью. Багряный гранатникъ, стройныя смоковницы, лимонныя и апельсинныя деревья чередуются съ купами тутовыхъ, миндальныхъ и абрикосовыхъ деревьевъ; запахъ розъ и жасмина наполняетъ сплошные сады Сихема ароматнымъ благоуханіемъ. Подъемъ *къ Гевалу* идетъ по узкой тропинкѣ, постепенно поднимающей васъ надъ окрестностью. Обширный некрополисъ „Горы проклятья“ теперь совершенно опустошенъ и въ темныхъ пещерахъ, источившихъ грудь этого сумрачнаго богатыря-утеса не уцѣлѣло ни одной усыпальницы. Осмотръ ихъ, берущій много времени и силъ, мало вознаградитъ туриста за его эквилибристическій подвигъ. Мы переѣхали шумный потокъ Расъ-Эль-Аинъ, обтекающій подошву Гаризима и принялись снова взбираться—теперь уже на каменистыя террасы „Горы Благословенія“. Въ исторіи еврейскаго народа *Гаризимъ* игралъ не менѣе важную роль, чѣмъ аравійскій Синай. Здѣсь Авраамъ, по преданію,

приносилъ въ жертву Исаака, здѣсь же воздвигалъ свой жертвенникъ Іисусъ Навинъ изъ двѣнадцати камней по числу колѣнъ израильскихъ. На исторической вершинѣ прочтенъ былъ народу „списокъ закона Моисеева, слова проклятія и благословенія“. Въ эпоху Христа, самаряне гордились своимъ древнимъ храмомъ, воздвигнутымъ Санавалатомъ за 335 лѣтъ до начала христіанской эры, и, судя по обширности развалинъ — заслуженно сравнивали его съ іерусалимскимъ. Груды камней занимаютъ почти все пространство горной террасы, укрѣпленной съ сѣвера каменными контрафорсами. Отъ обширнаго храма, обнесеннаго стѣной, сохранились съ трудомъ распознаваемые фундаменты, уцѣлѣлъ мѣстами треснувшій цоколь, да одинокая четыреугольная *башня* подъ каменнымъ куполомъ. Историческое святилище, служившее предметомъ религіознаго соревнованія самарянъ и іудеевъ, было разрушено первосвященникомъ Іоанномъ Гирканомъ. Позднѣе здѣсь же Юстиніанъ воздвигъ свою базилику Богоматери и обнесъ каменной оградой. Гдѣ же разобраться въ вѣковыхъ населеніяхъ? Проbродивъ съ полчаса среди руинъ и осмотрѣвъ обширную цистерну, служившую, вѣроятно, «Купелью очищенія», мы спустились по восточному уклону Гаризима къ ожидавшему насъ каравану. На всемъ почти протяженіи горной тропы ее устилаютъ могильныя плиты турецкаго кладбища, осквернившаго для самарянъ священный холмъ Джебель-этъ-Тора. Намъ предстояла разлука съ милѣйшимъ докторомъ.

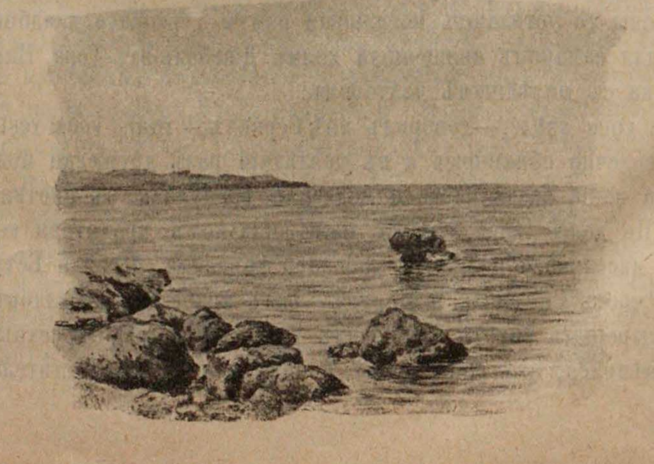
Развалины Гаризимскаго храма.

— „Je vous quitte,—говорилъ мнѣ Серкизъ,—mais vous restez en mon coeur!“ Сердечно обнявшись и въ послѣдній разъ дружески пожавъ руки, кавалькада наша раздѣлилась и медленно тронулась въ противоположныя стороны. Но долго еще махала намъ платкомъ крохотная человѣческая фигура у массивнаго подножья далекаго Гаризима. Пройдя Бету, Тельфатъ и Силомъ чрезъ Синджаль и Ябрудъ—рядъ арабскихъ поселковъ, караванъ нашъ, четыре часа спустя, подходилъ уже къ *Веѳилю*. Окрестный пейзажъ давно измѣнился, цвѣтущія нивы попадаются рѣже, растительность ста-

новится бѣднѣй; невольно чувствуется близость каменистой „мертвой страны“, спаленной томительнымъ зноемъ. Веѳиль считается мѣстомъ видѣнія Іаковомъ „небесной лѣстницы“. Краснорѣчію Якуба открывалось обширное поле; къ тому же ненавистный гидъ Мейера былъ потерянъ на берегахъ Генисарета, и назойливый драгоманъ повѣствовалъ на всѣ лады, страшно надоѣдая моему огорченному пріятелю. Вотъ мелькнула вдали башня-гробница пророка Самуила; мы минуемъ *Неби-Самуэль*, отъ котораго всего два часа до Іерусалима. Каменистая дебрь принимаетъ все болѣе пустынный характеръ аскетическаго колорита Іудеи. Желтыя кручи холмовъ, сѣрый верескъ и камни, камни безъ конца по дорогѣ, въ поляхъ, на безконечной сѣти тропинокъ, бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ къ палестинскому центру-столицѣ. Святой городъ чувствуется еще незримый... Какая-то смутная тоска начинаетъ прокрадываться въ сердце паломника-туриста. Послѣ жизнерадостныхъ картинъ безмятежныхъ галилейскихъ поселковъ, цвѣтущей природы Самаріи, каменныя твердыни Эль-Кудса давятъ глазъ, заслоняя просторъ необозримаго горизонта... Давитъ душу и грустное сознаніе, что тысячелѣтній „городъ первосвященниковъ“ не утратилъ до сихъ поръ своихъ специфическихъ чертъ—религіозной нетерпимости и непримиримой злобы...

И когда вдругъ показались вдали зубчатыя бойницы, гордо поднялся стрѣльчатый куполъ Гарама, а на голубомъ небѣ съ высоты Элеона блеснулъ золотой крестъ христіанскаго храма—безсмертная эмблема любви и всепрощенія—я съ грустью поникъ головой предъ этой святыней, отъ которой насъ отдѣляетъ цѣлая пропасть скептическаго равнодушія, если не отрицанія и протеста...

Чрезъ три дня я былъ уже снова *въ Яффѣ*, съ трудомъ оторвавшись отъ священныхъ мѣстъ Палестины, къ которой незамѣтно для самого себя успѣлъ привязаться всѣмъ сердцемъ за шесть недѣль моего пребыванія. Насъ ожидалъ итальянскій пароходъ «Махаллэ», на которомъ мы должны были слѣдовать срочнымъ рейсомъ далѣе, чрезъ Портъ-Саидъ *въ Египетъ*.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Святая земля — Іудея.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Св. земля — Самарія и Галилея.

Вкравшіяся опечатки.

Стр.		
Ч. I.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
16	рисунокъ	Могильныя плиты Стамбула.
21	Колонна Айи *и* Софіи	Колонна Айя-Софіи.
25	рисунокъ	Щитъ 1-й въ Айя-Софіи.
35	рисунокъ	Тоже—щитъ 2-й.
66	рисунокъ — Солоники	Салоники.
80	рисунокъ — храмъ Тезея.	храмъ Зевса.
Ч. II.	заглавый листъ пропущено	— Мечеть Омара —
257	сквоз*и*аго	сквознаго
265	Haï!	Hein!
271	да*п*и	дани
Ч. III.—307	par *ia* fièvre	par la fièvre
314	и проч*ую*	и прочая
321	мѣст*че*ко	мѣстечко
332	— Террасы-цистерны. —	— Крыши-террассы. —
378	— Ка*н*на	Кана.
378	— мѣст*и*ую	мѣстную
378	на Ѳаворѣ	и на Ѳаворѣ
390	ложбина*мм*	ложбинами

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

при типографіяхъ Высоч. утв. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и Ко**:

въ Москвѣ, Пименовская улица, собств. домъ,

въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, № 117,

въ Кіевѣ, Бибиковскій бульв., домъ Гвоздика.